

Annotation

Ники - не по годам зрелая ученица выпускного класса. Алессандро - 37-летний успешный рекламщик, коорого только что бросила невеста. Несмотря на двадцать лет разницы в возрасте и бездну поколений, которые их разделяют, Ники и Алессандро безумно влюбятся и переживут страстную историю любви назло всем условностям и предрассудкам общества.

•

Федерико Моччиа
Прости, но я люблю тебя

*Моему лучшему другу.
Которого мне не хватает. Но который всегда со мной.*

Caro amico ti scrivo così mi distraigo un po'
e siccome sei molto lontano più forte ti scriverò...

LUCIO DALLA, L'anno che verrà

It's not time to make a change,
Just relax, take it easy.
You're still young, that's your fault,
There's so much you have to know,
Find a girl, settle down,
If you want you can marry.
Look at me, I am old,
But I'm happy.

I was once like you are now,
And I know that it's not easy,
To be calm when you've found
Something going on.
But take your time, think a lot,

Why, think of everything you've got.
For you will still be here tomorrow,
But your dreams may not.

CAT STEVENS, Father And Son

1

Ночь. Очаровательная ночь. Болезненная ночь. Ночь глупая, волшебная и сумасшедшая. И снова ночь. Ночь, которая, кажется, никогда не закончится. Ночь, которая, однако, иногда проходит слишком быстро.

Эти девчонки – мои подружки, такие чертовки... Сильные. Они сильные. Сильные, как волны. Их не остановить. Проблемы начнутся только тогда, когда одна из нас по-настоящему влюбится в мужчину.

— Эй, подождите меня!

Ники смотрит на каждую по очереди. Они на виа дей Джуоки Истмичи. Оставляют открытыми двери своего маленького Aіxam, ставят музыку на полную громкость и устраивают дефиле.

— Ладно, давай!

Олли проходит преувеличенно развязной походкой по улице. Максимальная громкость, очень модные темные очки. Похожа на Пэрис Хилтон. Вдали лает собака. Приходит Эрика, великий организатор. Приносит четыре бутылки Coronita. Ударами о перила открывает одну за другой. Достает лимон из своего рюкзака и режет на дольки.

— Эй, Эрика, если тебя поймают, ты сможешь отрезать этим ножом четыре пальца?

Ники смеётся, помогая. Кладёт по дольке лимона в каждую банку пива, – чин-чин! – они чокаются бутылками и поднимают их к звездам. Потом они улыбаются с почти закрытыми глазами, замечтавшись. Ники пьёт первая. Делает глубокий вдох и выдох. Мои подружки сильные, и вытирает рот. Как здорово иметь возможность поговорить с ними. Даже с заплетающимся от пива языком.

— Девчонки, вы самые красивые... Знаете что? Мне нужна любовь.

— Ты хотела сказать, тебе нужен хороший секс.

— Не будь злокой, — вмешивается Дилетта. — Она сказала «любовь».

— Да, любовь, — подтверждает Ники. — Эта прекрасная тайна, незнакомая тебе...

Олли пожимает плечами.

Действительно, думает Ники, мне нужна любовь. Но мне семнадцать лет, в мае будет восемнадцать. У меня ещё есть время...

— Секунду, секунду, подождите, сейчас должна продефилировать я!..

И Ники вычурно проходит по тротуару между подружками, которые свистят, смеются и прикалываются над этой странной и восхитительной белой пантерой, в которую, по крайней мере – пока что, никто не успел выстрелить.

— Дорогая, ты дома? Прости, я должен был тебя предупредить, но я думал, что вернусь завтра.

Алессандро входит в свой дом и оглядывается вокруг. Он вернулся пораньше, потому что очень хотел её, но также и потому, что хотел сделать сюрприз. Они уже слишком много времени не занимались любовью. А иногда, если нет секса, это значит, что есть кто-то другой. Алессандро обходит весь дом, но не находит никого, а на самом деле – не находит ничего. Боже мой, неужели меня ограбили? А потом он видит на столе листок. Её письмо.

«Алексу. Я оставила тебе кое-что поесть в холодильнике. Я звонила в отель, чтобы предупредить тебя, но мне сказали, что ты уже уехал. Возможно, хотел уличить меня в чём-то. Нет. Мне жаль. К сожалению, тебе не в чём меня уличать. Я ушла. Ушла и точка. Пожалуйста, не ищи меня, хотя бы первое время. Спасибо. Уважай моё решение, так же, как я всегда уважала твои. Елена»

Нет, Алессандро оставляет листок на столе, здесь не было воров. Это была она. Она украла мою жизнь, моё сердце. Она говорит, что всегда уважала мои решения. Какие ещё решения? Он бродит по дому. Шкафы пусты. Какие решения, а? Вот бы этот дом не был моим.

Алессандро замечает, что автоответчик мигает. Она обдумала всё как следует? Захотела вернуться? С надеждой он нажимает на кнопку.

«Привет, как ты? Ты давненько не подаешь признаков жизни. В этом нет ничего хорошего... Почему бы вам с Эленой не поужинать с нами как-нибудь? Мы были бы рады! Перезвони поскорей, пока».

Алессандро удаляет сообщение. Я тоже был бы рад, мама. Только боюсь, что на этот раз должен буду пережить один из твоих ужинов в одиночку. И тогда ты меня спросишь: «Но когда же вы с Эленой собираетесь пожениться? Чего вы ждёте? Ты же видишь, как это прекрасно, у твоих сестёр уже есть дети. Когда же я получу внука от тебя?» И, возможно, я не буду знать, что тебе ответить. Я буду не в состоянии сказать тебе, что Елена ушла. И поэтому совру. Совру своей матери. Нет, это нехорошо. В тридцать шесть лет, тридцать семь в июне... Это нехорошо.

Часом ранее.

Стефано Масканьи скрупулёзен почти что во всём, кроме своей машины. Audi A4 Station Wagon быстро обгоняет под конец улицы Golf и возглавляет виа дей Джуоки Истмичи. Послание, оставленное кем-то на заднем окне, гласит: «Помой меня. Жопы слона чище, чем я», – а на боковых окнах: «Нет, не мой меня. Я выращиваю мох для рождественской колыбели». В остальном чуть серый металлик покрыт пылью, как одеялом. Папка скользит вперёд и падает, вываливая своё содержимое на коврик в машине. Такая же судьба постигает пластиковую бутылку, которая попадает под сиденье и оказывается в опасной близости от педали сцепления. Пепельница переполнена фантиками, которые делают ее похожей на радугу. Однако, не очень романтично.

Вдруг раздаётся глухой стук. Чёрт возьми, сломалась, я так и знал! Дерьмо. Хуже всего то, что я не смогу поехать и опробовать машину так, как собирался. Уверен, что Карлотта позвонила бы в службу дезинфекции и больше никогда не хотела бы меня видеть. Говорят, автомобиль – зеркало владельца. Как собаки.

Стефано подъезжает к мусорным бакам и глушит мотор. Он быстро выходит из Ауди и открывает багажник. Ноутбук выключился. Он оставался открытым и закрылся на одном из поворотов. Стефано хватается за него, осматривает, поднимает вверх, опускает вниз. Кажется, целый. Только слегка ослаб винт на мониторе. Отлично. Он кладёт ноутбук обратно в чехол. Подходит снова к машине. Смотрит вокруг. Корчит гримасу. На пассажирском сиденье – полупустая гигантская сумка из супермаркета. Стефано начинает быстро собирать всё в неё, пока она не заполняется. Потом выходит, снова открывает багажник, достаёт ноутбук, ставит его на один из баков. Старается поставить его так, чтобы не упал на землю. Достаёт из багажника вещи, бесполезные и забытые. Старая сумка, CD, три консервных банки, сломанный зонт, упаковка разряженных батареек, плотный шарф. Потом, прежде чем пакет переполнится, он направляется к контейнерам. Чёрт, не знал, что здесь столько отделений. Стекло, пластик, бумага, твёрдые отходы, органические отходы. Блин. Офигеть. Как организовано! И куда мне это выбросить? Всё разное. Окей. Жёлтый – идеально. Стефано подходит и жмёт на педаль, чтобы открыть его. Крышка открывается только от удара. Бак заполнен. Стефано пожимает плечами, закрывает его и бросает пакет на землю. Снова начинает загружать машину. Снова осматривается. Так-то лучше. Ладно, нет. Может быть, нужно съездить на автомойку. Смотрит на часы. Нет, нет, уже поздно. Должно быть, Карлотта уже ждёт меня. А ты не можешь заставлять женщину ждать

на первом свидании. Стефано закрывает багажник, возвращается в машину, заводится. Ставит диск. «Фортепиано с оркестром № 3, соч. 30, третья часть» Рахманинова. Окей. Теперь всё идеально. Когда Карлотта увидит, как я еду с этой музыкой, она будет в восторге. Сцепление. Хорошо. Акселератор. И он едет. Великая ночь. И великая уверенность в руле.

Двухцветный любопытный кот гуляет рядом. Он оставался незамеченным, пока машина не уехала. Теперь он выходит и точными прыжками путешествует от бака к баку. Что-то привлекло его внимание. Он подходит. Трётся, обнюхивает. Чешет ухо. Проходит мимо компьютера. Очень странный мусор.

А на танцах рядом с Аіхат музыка звучит громко и пронзительно.

— Наоми!

— Ай, ну разве я не похожа, а? — улыбается Ники.

Дилетта делает глоток пива.

— Ты должна серьёзно подумать над тем, чтобы стать моделью.

— Пройдёт время, может, год, и кое-кто наест себе бока и...

— Олли, ты такая завистливая! Тебя беспокоит, что её дефиле было лучше? Или что? Но знаешь, важнее всего... дизайнер. Как её зовут?

— Алексиз Джонсон.

— Эй, мы все здесь профессионалки! Смотри, смотри на меня, — и Олли идёт на другой конец тротуара, кладёт правую руку на бедро, немного сгибает ноги и останавливается, глядя прямо перед собой. Потом оборачивается, быстрым движением откидывает волосы назад и возвращается.

— Ты и правда похожа на модель! — все аплодируют ей.

— Модель номер четыре, Олимпия Крочетти.

— Лучше, чем просто Крочетти, — и они хором поют песню, кто-то лучше, кто-то хуже, кто-то на самом деле зная слова, кто-то — выдумывая на ходу. «I know how this all must look, like a picture ripped from a story book, I've got it easy, I've got it made...» Они берут последнюю ноту и делают по глотку пива.

— Валентино, Армани, Долче и Габбана, дефиле окончено! Я буду здесь, если вы захотите подписать со мной контракт! — и Олли делает реверанс остальным Волнам. — Чем займёмся? Мне становится скучно здесь.

— Поедем на Евр, или, может, в «Аляску»! Да, сделаем это!

— Если бы это было так просто! Нет, девочки, я иду домой. У меня

завтра экзамен. Надо восстановиться к полшестому.

— Да ладно! Не будь занудой! Мы вернёмся не так поздно. Кроме того, ты сможешь встать завтра пораньше и накраситься, разве нет?

— Нет. Мне надо поспать. Я уже три ночи подряд возвращаюсь домой поздно, а я не железная.

— Слушай, ты и вправду зануда! Ладно, делай что хочешь, мы тоже пойдём. До завтра!

И они расходятся: трое – кто знает куда, и одна – к себе домой.

Четыре бутылки Coronita валяются там, где их оставили, как брошенные на пляже снаряды. Какой ужас, как же всё здесь разбросано!.. Окей, будто я такая аккуратная. Она собирает бутылки. Смотрит вокруг. Уличные фонари освещают мусорные баки. Отлично, там есть зелёный, для стекла. Какой позор, как же пренебрежительны люди! Оставили пакет со своим хламом на земле. Могли бы, по крайней мере, рассортировать мусор. Неужели они не понимают, что планета в наших руках? Возьми бутылки и сложи, одну за другой, в соответствующий бак. А ноутбук? Куда его положить? Это же не стекло. Может, туда, где банки-жестянки? Может, стоит пометить баки маркером или даже наклейкой? «Ноутбуки сюда». Она останавливается и смеётся. Как же это было в старой шутке? Ах, да. «Папа, человек-мусор пришёл».

«Скажи ему, он нам не нужен».

Ладно, придира, разбери этот пакет, который кто-то выбросил рядом. Она находит его глазами и подходит, брезгуя. Не могу поверить. Именно то, что было нужно. Видишь? Иногда не так уж плохо быть наказанным.

Позже, той же ночью. Автомобиль тормозит с визгом шин. Водитель поспешно выходит и оглядывается вокруг. Он похож на одного из персонажей «Старски и Хатч». Но он не собирается ни в кого стрелять. Смотрит под мусорный бак. За бак, сверху, снизу, на земле рядом. Ничего. Его нет.

— Не могу поверить. Не могу поверить. Никто и никогда здесь не убирается, никого не волнует, когда на земле мусор, и именно этой ночью я должен был встретить на своём пути какого-то суперправильного типа... И, ко всему прочему, Карлотта меня бросила. Она же сказала наконец, что влюбилась! Но в другого...

Но Стефано Масканьи не знает, что благодаря этой самой потере однажды он будет счастливым.

Два месяца спустя. Приблизительно.

Не могу поверить. Не могу поверить. Алессандро рассказывает по дому. Прошло уже два месяца, а он до сих пор не может проверить. Елена меня бросила. Но хуже всего то, что она это сделала без единой причины. По крайней мере, не сказав мне о причине. Алессандро подходит к окну и смотрит на улицу. Звёзды, самые прекрасные звёзды. Только звёзды в ночном небе. Далёкие звёзды. Чёртовы звёзды! Он выходит на террасу. Деревянные крыши, отличные старинные вазы в старинных уголках, в каждом старом окне. Чуть дальше – длинные пастельные навесы, которые ловят рассветы и закаты. Как волна, которая окружает дом, которая медленно теряется при входе в каждую комнату, и, оказавшись внутри, та же волна продолжается даже в цвете стены. Но всё, что делает эта волна сейчас, – медленно убивает Алессандро.

— Ааааа! — Алессандро вдруг начинает кричать как сумасшедший.
— Аааааааааааааа!!!

Он читал, что так можно дать выход накопившейся боли.

— Эй, ты, закончил? — какой-то тип появляется на террасе напротив.

Алессандро прячется за огромным кустом жасмина на своей террасе.

— Эй, так закончил или нет? Ты, красавчик, я тебя вижу. Ты играешь в полицейских и воров?

Алессандро отходит немного дальше, чтобы на него не падал свет.

— Ты пойман! Я тебя вижу, я тебя поймал! Слушай, я смотрю фильм, так что если ты так расстроен, просто иди и погуляй...

Парень возвращается к себе домой, закрывает стеклянную дверь и опускает жалюзи. Снова тишина. Алессандро встаёт и медленно возвращается домой.

Апрель. Сейчас апрель. Чёрная полоса. И в центре этой задницы то, что я снимаю чердак в районе Триесте, а напротив меня живёт какой-то урод. Звонит телефон. Алессандро бежит, пересекает гостиную и ждёт с небольшой надеждой. Один звонок. Два. Автоматически включается автоответчик. «Вы звоните 0680854, – и дальше, – оставьте свое сообщение...» Хоть бы это была она. Алессандро, всё ещё надеясь, подходит ближе. «...после сигнала». Он закрывает глаза.

«Привет, моё сокровище. Это я, твоя мать. Что с тобой? Ты не отвечаешь даже по мобильному...»

Алессандро подходит к двери, берёт куртку, ключи от машины и свою Мотороллу. Потом он со стуком закрывает дверь, словно это дверь в его прошлое, пока его мать продолжает говорить.

«...Хорошо? Почему бы тебе не поужинать с нами на следующей неделе? Может, возьмёшь с собой Элену? Я тебе уже говорила, что была бы рада...Мы так давно не виделись...»

Но он уже у лифта, и у него нет времени выслушивать все это. Я до сих пор не смог сказать своей матери, что мы с Эленой расстались. Вот дерьмо. Открывается дверь, он входит и улыбается, глядя на себя в зеркало. Нажимает кнопку, чтобы поехать вниз. В таких случаях используется немного иронии. Скоро мне исполнится тридцать семь лет, и я снова одинок. Как странно. Большая часть мужчин и не ждёт другого. Остаться одиноким, немного развлечься и пуститься в новое приключение. Ага. Не знаю, почему, но я не могу так сделать. Что-то не отпускает меня. В последнее время Елена вела себя немного странно. Был ли кто-то другой? Нет. Она бы мне сказала. Ладно, я не хочу больше думать об этом. Не для этого я купил себе это. Prrrrrrmm. Алессандро в своей новой машине. Mercedes-Benz ML 320 Cdi. Последняя модель. Новый, безупречный, совершенный внедорожник он приобрёл месяц назад из-за горя, вызванного уходом Элены. Или, лучше сказать, из-за «сентиментальной депрессии», которую он чувствовал после её ухода. Алессандро едет. На него наваливаются воспоминания. Последний раз, когда он ходил куда-то с ней. Они были в кино. Незадолго до того, как мы зашли в зал, у неё зазвонил телефон, она ответила на звонок, а потом выключила его и улыбнулась мне. «Ничего особенного, просто по работе. Не так уж важно, чтобы говорить весь вечер». Я тоже улыбнулся ей. У Элены такая прекрасная улыбка. И, думая об этом, он тоже улыбается. Или, по крайней мере, пытается, одновременно сворачивая на повороте. На полном ходу. И вот уже другое воспоминание. В тот день... И оно причиняет больше боли. Я помню этот разговор так, будто это было вчера, чёрт возьми. Будто это было вчера.

Через неделю после того, как он нашёл ту записку, он вернулся раньше обычного. И она была дома. Тогда он улыбнулся, снова счастливый, наполненный эмоциями и надеждой.

— Ты вернулась...

Нет, я просто не всё забрала...

И что ты тогда делаешь?

Я ухожу.

Как так – ты уходишь?

Я ухожу. Так лучше. Поверь мне, Алекс.

Но наш дом, наши вещи, наши фото из путешествий...

Я оставляю всё тебе.

Нет, я имел в виду, как это может не иметь для тебя значения.
Для меня это важно, почему ты говоришь, что нет?
Потому что ты уходишь.
Да, я уйду, но это действительно важно для меня.
Алессандро подходит к ней и привлекает к себе. Но она не даёт ему поцеловать себя. Нет, нет, это было бы слишком.
— Пожалуйста, Алекс... — Елена закрывает глаза, ослабляет спину и отстраняется. Вдыхает. — Пожалуйста, Алекс. Дай мне уйти.
— Но куда ты идёшь?
Элена уже у двери. Один последний взгляд.
— У тебя другой?
Элена разражается смехом, трясёт головой.
— Как обычно, ты ничего не понял, Алекс... — и закрывает за собой дверь.
— Тебе просто нужно немного времени, но останься, чёрт возьми, останься!
Слишком поздно. Тишина. Беззвучно закрылась другая дверь. И это причиняет страшную боль.
— У тебя сентиментальная депрессия, чёрт подери! — кричит Алессандро ей вслед. И никто не знает, что он хочет сказать этой фразой. Сентиментальная депрессия. М-да. Он сказал это, только чтобы причинить ей боль, чтобы сказать хоть что-то, чтобы добиться какого-то эффекта, чтобы найти смысл там, где его нет. Ничего.
Ещё один поворот. Эта машина просто летает, нет сомнений. Алессандро ставит CD. Подходящая музыка. Ничего не поделаешь – когда нам чего-то не хватает, мы должны просто заполнять эту пустоту. Хотя если не хватает нам любви, вряд ли её на самом деле можно чем-то заменить.

3

Тот же час, тот же город, но немного дальше.
— Ну что, как я вам?
— Ты такая смешная! Похожа на Чарли Чаплина!
Олли ходит туда-сюда по ковру в комнате своей матери, одетая в папин синий костюм, который ей велик по крайней мере на пять размеров.
— Что ты несёшь? Мне он идёт гораздо больше, чем ему!
— Бедняжка. У твоего отца немного лишнего веса...
— Только немного? Да он похож на моржа из фильма «50 первых свиданий»! Посмотри на эти брюки! — она снимает ремень и вытягивает брюки на талии. — Они как мешок Санта-Клауса!

— Гениально! Тогда отдавай нам подарки! — тогда Волны встают, хватают Олли и начинают её обыскивать, будто и в самом деле думают найти что-то.

— Ай!.. Хватит! У меня будут синяки! Как бы там ни было, вы такие сучки! В этом году ваша очередь жечь! В отличие от Дилетты, которая по крайней мере могла бы уже...

— Олли!

— Ох, неужели ты всегда будешь издеваться надо мной только потому, что я не делаю того же, что и ты? И никто не спасётся!

— На самом деле, меня зовут Терминатор!

— Этой шутке сто лет, и она вовсе не твоя!

И, не переставая смеяться, они все падают на кровать.

— Вы понимаете, что всё началось здесь?

— Что ты имеешь в виду?

— Огромное счастье иметь такую подругу, как я!

— Что?

— Ну, одной горячей ночью, чуть больше восемнадцати лет назад, мои мама и папа решили, что их жизни нужна встряска, вспышка энергии, и тогда – та-дам! – они оказались здесь, приняв немного на грудь...

— Ай, Олли, ты так тонко говоришь о любви!

— Кто говорил о любви? Называй вещи своими именами, это секс! Здоровый секс!

Дилетта обнимает лежащую рядом подушку.

— Эта кровать такая удобная, мягкая... Посмотри на эту фотку. Твои предки были очень красивые в день их свадьбы.

Эрика хватает Ники за шею и начинает душить её.

— Ники, хочешь ли ты взять в мужья Фабио, не присутствующего здесь?

Ники толкает её.

— Нет!

— Эй, девчонки, кстати, у кого как было в первый раз?

Все бросаются на Олли с кулаками. Потом смотрят одна на другую. Дилетта вдруг становится серьёзной и тихой. Олли улыбается:

— Эй, я же не спрашивала, не убивали ли вы кого-нибудь! Хорошо, поняла, начинаю я, пока вы справляетесь со своей стеснительностью! Посмотрим... Олли была не по годам развитым ребёнком. Уже в детстве она поцеловала в губы своего одноклассника Иларио, более известного как Жирдяй благодаря его долгим заседаниям в туалете и огромным прыщам, похожим на вулканы...

— До чего отвратительно, Олли!

— Что ты хочешь, чтобы я сказала? Он мне нравился, мы всегда вместе делали парные работы. Но позже я променяла его на Рубио...

— Рубио? Ты всех их целовала?

— Это имя?

— Да, имя! И, к тому же, очень красивое. Дело в том, что Рубио был очень классным парнем. Наша история длилась два месяца.

— Ладно, Олли, но это слишком просто. Ты говорила о первом разе, а не об историях из детства, — Ники прерывает её, скрестив ноги и опершись о спинку кровати.

— Ты права. Но я хотела, чтобы вы поняли, что некоторые вещи проявляются уже в детстве! Хотите услышать кое-что сильное? Вы готовы услышать мощную историю в стиле «Плейбой»? Ну, слушайте. Мой первый раз был почти три года назад.

— В пятнадцать?!

— Ты говоришь, что потеряла девственность в пятнадцать лет? — Дилетта смотрит на Олли с открытым ртом.

— Ну да, а для чего мне её хранить? Некоторые вещи лучше терять, чем находить! В конце концов, это уже произошло. Он, Паоло, старше меня на два года. Он был классным... но не мог быть самым лучшим. Он взял машину отца, чтобы немного покататься со мной.

— Ах, да, Паоло! Но ты нам не рассказывала, что в первый раз сделала это с ним!

— И он водил машину в семнадцать лет?

— Ну да, он немного умел водить. В общем, это была Alfa 75, огненно-красная, бежевые кожаные сиденья...

— Какие подробности!

— Слушай, но ведь в этом вся суть! Я ему нравилась... Мы поехали с древним горам, припарковались там, где нас никто не видел.

— В древних горах на древнем Alfa!

— Как смешно! Ладно. Он сказал мне, что всё будет хорошо, представьте, я вообще ничего не умела... То есть, вообще ничего, ну, на тех каникулах мы с кузенком смотрели порно, но вот как делать это на самом деле...

— Но в машине — это такой позор, Олли... Блин, это ж твой первый раз. Разве тебе не понравилось бы больше с музыкой, чувствуя магию ночи, в комнате, полной свечей?...

— Ага, как в церкви! Эрика, это секс! Где бы ты это ни делал, не важно — где, важно — как!

— Я поражена. — Дилетта сжимает подушку всё сильнее. — Я хотела сказать, я никогда... Первый раз, ты понимаешь? Ты будешь помнить его всю жизнь!

— Думаю, да, но если ты будешь пьяна, то забудешь, точно забудешь... Но вот если ты встречаешь кого-то вроде Паоло, ты запомнишь это навсегда! Он заставил меня чувствовать себя потрясающей!

— А потом?

— А потом всё закончилось. Через три месяца, всё... Ты помнишь, потом я встретила Лоренцо, которого все называли Великолепным... тот, из второго Е, который занимался парусным спортом.

— Нет, я уже потеряла счёт твоим парням.

— Окей, я вам уже всё рассказала. А вы? Ты, Эрика?

— У меня всё было более традиционным, и, очевидно, с Джо!

— Традиционность заключается в миссионерской позе?

— Олли! Нет. В том, что Джо снял номер в Antica Roma, в Джаниколо, маленький, но чистый и очень дорогой. Ты помнишь, Ники? Туда мы устроили на ночь тех двух англичанок, которые приехали по обмену, но твой брат не захотел пускать их в дом!

Вдруг открывается дверь, и в комнату входит мама Олли.

— Мама, что ты делаешь? Уходи немедленно! Видишь, мы тут болтаем!

— В моей комнате?

— Прости, но тебя не было, а когда тебя нет, это просто свободное помещение, как и любое другое, нет?

— В моей постели?

— Ты права, но она такая удобная, и к тому же напоминает мне о папе и о тебе, и я была уверена... — Олли строит самое невинное и нежное выражение лица, на какое только способна. И, по правде говоря, несколько провокационное.

— Ладно, ладно... Но потом ты здесь приберёшься, и поправь покрывало. В следующий раз будете устраивать свои собрания в подвале. Пока, девочки, — и мама уходит, немного раздраженная.

— Так, мы говорили об Antica Roma. Теперь я понимаю, почему ты говорила о том, что было бы приятнее! Ты проверила на себе!

— Конечно! Я пришла около пяти вечера, а он пораньше и всё шикарно подготовил!

— А вам не нужно было быть постарше, чтобы снять комнату?

— Ну, я не знаю. Он играл в футбол с сыном хозяйки, наверное, она сделала ему одолжение.

— А-а-а!..

— Это было чудесно. Сначала мне было немного страшно, как и Джо, потому что у него это тоже было в первый раз, так что всё было как-то неловко. Но в конце всё стало гораздо лучше... Мы даже спали там и не чувствовали голода до самого ужина. Это было в тот раз, когда я сказала, что буду дома на семейном совете, помнишь, Олли? А на следующий день мы съели отличный завтрак, и в час я вернулась домой. Мои родители даже ничего не подозревали. Я себя прекрасно чувствовала. После этого ты чувствуешь себя такой светлой, и ещё немного старше, и, кажется, уже не можешь никогда расстаться с ним...

— Да-да-да, не хочешь расставаться... — передразнивает её Олли, и Дилетта пинает её. — А-ай, сейчас-то я что сделала?

— У тебя всегда скрытый смысл.

— Ай, что ты говоришь? Я всегда прямолинейна, как ты знаешь. А ты, Ники? С Фабио? В ритме рэпа?

— Окей, да. С ним и под рэп, в самом деле. В его доме, потому что его семья уехала в отпуск. Десять месяцев назад, в одну субботнюю ночь, после его концерта в местном клубе. Он был очень возбуждён, потому что в ту ночь всё прошло хорошо, да и от моего присутствия. Он тоже для меня всё приготовил, в гостиной горел тёплый приглушённый свет. Два бокала шампанского. Я даже никогда его до этого не пробовала... Оно было прекрасно. На фоне играли его новые песни. Для него это не был первый раз, и он это показал. Он двигался очень уверенно, но я чувствовала себя комфортно. Он сказал мне, что я как прекрасная гитара, которую не нужно настраивать, потому что между нами идеальная гармония...

Олли смотрит на неё.

— Как круто! Счастливица, как всегда!

— Да, но ты видишь, чем всё закончилось!

— Но зато такой первый раз и вспомнить не стыдно!

Вдруг повисла тишина. Дилетта ещё больше сжимает подушку. Волны наблюдают за ней, но без излишнего внимания. Они нерешительны, не знают, шутить или оставаться серьёзными. Именно она заставляет их сомневаться.

— Я – нет. Я никогда этого не делала. Я просто жду парня, который заставит меня почувствовать себя на три метра выше неба, как в той книге. Или на четыре. Или, может, на пять. На шесть метров. Я не хочу, чтобы это вышло случайно и потом бы мы расстались.

— Так вот что тебе важно? Но ты не можешь знать, что будет дальше... Нужно просто любить и всё. Без прогнозирования будущего.

— Хорошо бы так и было, Эрика!

— Прости, но это правда. Дилетта должна пройти через это, не зная, что может потерять, но точно не так, как всё это понимает Олли!

— Нет, нет, не так!

— Дилетта, ты должна сделать это. Ты знаешь, сколько парней хотели бы быть с тобой? Куча!

— Река!

— Команда регби!

— Прилив, который позволит тебе оставаться в гармонии с нами, с Волнами!

— Мне бы хватило и одного, но чтобы он был единственным для меня...

— У меня есть один для тебя!

— Кто?

— Замечательное кокосовое мороженое! Идём, Волны!

— У меня появилась идея получше... Ни одна из вас этого ещё не пробовала.

— Что это?

— Это не то, что вы думаете... Кое-что новенькое... Идите за мной!

Олли слезает с кровати и выходит из комнаты. Дилетта, Эрика и Ники смотрят на неё и качают головами. Потом они идут за ней, оставляя покрывало скомканным.

4

Город не освещён. Когда ты в плохом настроении, всё тебе кажется другим, мир приобретает другую атмосферу. Цвета, свет и тени, улыбка – всё теряет свои очертания, не проявляется. Алессандро едет медленно. Вилладжио Олимпико, пьядца Эуклиде, полный поворот после корсо Франча. Он смотрит вокруг. Бросает взгляд на мост. Ублюдки. Всё разрисовано. Он рассматривает, что там написано. Каждая надпись – что-то вроде «Патата, я люблю тебя». От кого? Во имя любви... Любовь. Спросите у Элены о синьорине Любви. Эй, синьорина Любовь, где, чёрт тебя возьми, ты была?

Он видит парочку на углу, у моста, там, куда не попадает лунный свет. Обнимающиеся, влюблённые, опьянённые своими чувствами до поры до времени, до того дня, когда всё это унесёт ветер. Это сильнее Алессандро. Он сигналил им. Открывает окно и кричит:

— Вы смешны! Жизнь кажется вам прекрасной, да? Всё равно один из вас всё испортит! — потом он жмёт на акселератор, вылетает, как молния,

обгоняет три-четыре машины, успевает проскочить на светофоре, перед тем как зажжётся красный.

Он проезжает весь корсо Франча, потом попадает на виа Фламиния, но на втором светофоре патрульная машина. Красный. Алессандро останавливается. Двое полицейских разговаривают, они чем-то расстроены. Потом один смеётся по телефону, другой – курит сигарету, разговаривая с какой-то девушкой. Возможно, он её остановил, чтобы проверить документы, или это его подруга, которая знала, что он на дежурстве, и остановилась поздороваться. Через мгновение полицейские почувствовали на себе взгляд Алессандро. Они смотрят на него. Они пригвоздили к нему свои взгляды. Алессандро медленно поворачивает голову, делая вид, будто сосредоточен на чём-то другом, смотрит на светофор, проверяя, не загорелся ли зелёный. Делать нечего. Всё ещё красный.

— Простите... — брррррум, брррррум. Рядом – старый скутер, на нём парень и девушка с длинными тёмными волосами. Парень одет в голубую рубашку, из тех, что облегают и подчёркивают все мышцы торса и ниже. — Слышишь, я с тобой говорю, эй!..

Алессандро повернулся к окну.

— Да, говори.

— Когда мы были на углу моста и корсо, ты проехал, что-то крича. Какого хрена ты вообще сказал это нам? Отвечай.

— Нет, слушай, извини, это недоразумение, я говорил это тому ослу, который был с другой стороны.

— Слушай, не шути со мной, ясно? Там никого не было, благодари небо, — он показывает подбородком на патруль, — что здесь копы. В следующий раз не лезь, мудака, иначе всё закончится плохо... — Он не ждёт ответа. Загорается зелёный, парень жмёт на газ и срывается с места, едет в сторону Кассии. Потом он делает резкий поворот и теряется из виду, едет кто знает куда, может, навстречу новому поцелую, или туда, где их никто не найдёт... Или куда-нибудь ещё.

Алессандро медленно трогается. Патруль всё ещё наблюдает за ним с усмешкой. Первый докуривает свою сигарету. Кладёт в рот жвачку, предлагает девушке. Другой закрывает мобильник, достаёт из машины какую-то газету и пролистывает её. Они ничего не слышали.

Алессандро всё ещё за рулём. Через некоторое время он поворачивает и едет обратно, чтобы не стало ещё больней. Иногда мы теряем свободу даже высказывать своё мнение. В таких ситуациях человек чувствует себя ограниченным, слишком ограниченным. Так, полицейских уже нет.

Та девушка тоже исчезла. Зато есть другая, ждёт автобус. Она негритянка, и если бы не её розовая рубашка с забавным рисунком, её можно было бы перепутать с ночью. Но даже это не может его рассмешить. Алессандро медленно едет, меняет CD-диски. Потом ему надоедает, и он включает радио. Иногда лучше довериться случаю. Этот Мерседес – просто бомба. Просторный, красивый, элегантный. Музыка так прекрасна, что даже хочется танцевать. Всё кажется совершенным. Но к чему тебе совершенство, если ты одинок и никто тебя не понимает? Никто не может разделить с тобой радости и горести.

Музыка. «Я хотел бы быть платьем, что ты наденешь, румянцем на твоих щеках, хотел бы видеть тебя во снах, какой не видел никогда, я вижу тебя на улице, и мне становится грустно, потому что потом я думаю, что ты всё равно уйдёшь...» Ай, Лучио[1]. Случайная радиостанция – а похоже на издевательство. Неплохая реклама новой кредитки: «У тебя есть всё, кроме Нее».

Алессандро жмёт на кнопку и переключает станции. Любая песня, только не эта. Худшее, что с тобой может случиться, – работа превратится в единственное, что у тебя есть на свете.

Лунготевере. Лунготевере. И ещё раз Лунготевере. Он прибавляет звук, чтобы потерять себя самого на этой дороге. Но Алессандро останавливается на светофоре и растягивается во весь свой рост в крошечной машине. Потом ставит *Lungi*, и музыка звучит из открытых окон во всю громкость. Кажется, будто он на дискотеке. Рядом едут две девушки с прямыми длинными волосами, брюнетка и блондинка. На обеих большие очки в стиле семидесятых, белые оправы и толстые тёмно-коричневые стёкла. И это ночью! У одной маленький пирсинг на носу. Он крошечный, вроде металлической бабочки. Вторая курит сигарету. Они не обмениваются ни словом, это похоже на сцену из фильма «Плохой лейтенант». Он представляет, что было в фильме. Ох, лучше бы они уже уехали. Зелёный. Мысли не помогут бороться с происходящим. Гнев и отвращение «сентиментальной депрессии» нужно направить в правильное русло. Алессандро всегда говорил, что гнев нужно преобразовывать в успех. Но как?

Мерседес останавливается у замка Святого Анджело. Алессандро идёт по мосту. Наблюдает за туристами, их весёлыми разговорами, объятиями, беззаботные молодые ребята ослеплены Римом, красотой этого моста, лёгкостью «ничего неделания». Пара взрослых. Двое молодых атлетов с короткими волосами и длинными ногами, в ушах – наушники от айпода, в

руках — две одинаковые карты. Алессандро останавливается и взбирается на парапет моста. Он устраивается и смотрит вниз. Река. Она течёт медленно, беззвучно, голодная до всякого дерьма. Вот плывёт мешок, и ничто его не беспокоит; палка и отломленный носик от чайника, молодой и неопытный, устроили своего рода гонки; мышь, спрятавшаяся на берегу, провожает их скучающим взглядом. Алессандро смотрит туда, потом на мост, в направлении движения Тибра, и вспоминает фильм Фрэнка Капры и Джеймса Стюарта «Эта прекрасная жизнь», когда Джордж Бэйли, отчаявшись, решает покончить с собой. Но его ангел-хранитель останавливает его и показывает, что случилось бы со многими людьми, если бы он так и не родился. Его брат тоже не родился бы, его жена не вышла бы замуж и всю жизнь была бы одинока, не существовало бы его милых детей, а городом бы правил другой человек, тиран, старый миллионер Поттер, которому один только Джордж смог помешать.

Вот оно. Единственная по-настоящему важная вещь, единственное, из-за чего стоит жить. Хотя, как сказал Васко, жизнь бессмысленна. Да. Но что произошло бы без меня? Алессандро думает об этом. Я не поддерживаю хороших отношений с моей семьёй, или, лучше сказать, они уважают только тех, кто в браке, как обе мои младшие сестры. Так что без меня им бы пришлось меньше волноваться. Да и вообще, если бы я собирался сейчас прыгнуть вниз, появился ли бы мой ангел-хранитель, чтобы показать мне смысл моего существования? И именно в этот момент кто-то хлопает его по спине.

— Шеф!

— Господи, что такое?

— Шеф, это я, — борода, грязные волосы, плохая одежда, немного обеспокоенный, ангельское выражение лица. — Прости, шеф, не хотел тебя пугать, не найдётся двух евро?

Не хватало одного, думает Алессандро, два! Они подходят уверенные, требуют, переходят прямо к делу, даже подсчитывают, сколько просить.

Алессандро открывает бумажник, достаёт двадцать евро и отдаёт. Бомж берёт с очевидным недоверием, потом вертит в руках, внимательно рассматривает. Не может поверить своим глазам. И улыбается.

— Спасибо, шеф.

Нечего сомневаться, думает Алессандро, никто не прыгнет раньше меня или вместо меня, по крайней мере, я оставлю кому-то добрую память о себе. Последнее доброе дело. Вдруг — чей-то голос.

— Думаю, да, это наш счастливчик, король рекламы!

Алессандро оборачивается.

По другой стороне моста идут Пьетро, Сюзанна, Камилла и Энрико. Спокойные и улыбающиеся. Энрико идёт за руку с Камиллой, Пьетро чуть сзади.

— И? Что ты такое делаешь, Алекс? Исследование человеческого поведения? С недавних пор изучаешь всё подряд, чтобы добиться ещё большего, а? Я видел, как ты говорил с тем... — Он оборачивается и показывает на того нищего, который подходил. — Держу пари, в твоей следующей рекламе будет какой-нибудь бомж!

— Нет, я просто решил прогуляться. А вы что делаете?

— Да ничего особенного.

— Ладно, так что было не так?

— Ничего, но моя тётя готовит гораздо лучше!

— Ещё бы, она же настоящая сицилианка!

— Какой персонаж... Мы ходили поест в «Каприччи Сицилиани» на виа ди Панико. Сначала подумали, что надо позвонить тебе, но потом я вспомнил, что у Алессии вечеринка, ну, у той, из офиса, и я решил, что ты там.

— И правда, а я совсем забыл.

— Но какой персонаж!

— Может, хватит уже это повторять? Ты похож на рекламный плакат!

— Эй, давай я провожу тебя к Алессии!

— Я не хочу туда.

— Конечно же, хочешь. К тому же, в этом нет ничего хорошего. И вообще, похоже, будто у тебя социо-экономико-культурный конфликт с твоей помощницей...

— Но там будут все.

— Именно по этой самой причине ты и должен пойти, и ещё, ты уж извини, но ты постоянно используешь меня как адвоката, и поэтому...

— Поэтому – что?

— Поэтому я тебя провожу, — Пьетро подходит к Сюзанне. — Ты не против, любовь моя? Видишь, как он подавлен? Лучше мне пойти с ним, у него небольшие эмоциональные проблемы... и ещё нам нужно поговорить о работе.

Подходит Алессандро.

— Какие ещё проблемы?.. Что ты ей говоришь?..

— Нет, ничего, ничего. Эй, вы двое тоже пойдёте?

Энрико и Камилла смотрят на него секунду, потом улыбаются.

— Мы уже устали, так что пойдём домой.

— Окей, как хотите, — Пьетро берёт Алессандро под руку. —

Увидимся, дорогая, я вернусь не поздно, не волнуйся. — И быстро уводит друга: — Идём, идём, пока она не передумала и ничего не сказала. В последнее время у неё хорошее настроение, но...

— Но что же ты ей сказал обо мне?

— Ничего, я придумал правдоподобный предлог, словом, я – твоя психологическая поддержка.

— То есть?

— Ладно, я сказал ей, что у тебя эмоциональные проблемы.

— Ты ведь не сказал ей, что...

— Не волнуйся. У любого адвоката давние и крепкие отношения с ложью.

— Это не ложь. Но я всё равно не хочу, чтобы ты рассказывал об этом... Я рассказал только тебе.

— Да, да, я знаю, но это одна из таких вещей, о которых говорят, не подумав.

— Не подумав?

— Не подумав! Это твой новый Мерседес?

— Да.

— Значит, это правда. Вы с Эленой и вправду расстались. Пустишь разок за руль?

— Нет! Ты просто невозможен! Я сказал тебе об этом месяц назад, а ты мне до сих пор не веришь.

— Теперь у меня есть доказательство. Если бы это не было правдой, ты бы не купил автомобиль. Ты сказал мне об этом давным-давно, помнишь? Хорошая покупка заставит тебя чувствовать себя лучше.

— Кстати, о чём я говорил?

— Ты говорил, чтобы я купил себе новый телефон, потому что Мануэла, та двадцатилетняя продавщица, не захотела меня больше видеть.

— Ах да, ты говорил мне, но мне трудно уследить за всем, что у тебя происходит в личной жизни. Например, об этой Мануэле я уже и забыл.

— Я сделал так, как ты сказал. Я внял совету мудрого учителя и – та-дам! – купил себе новый мобильник, навороченный, и вообще... самый телефонный телефон!

— Я тебе дал все инструкции насчёт того, где именно ты должен был купить его!

— Да, но это был магазин, где работала Мануэла! Она решила, что это только предлог, чтобы увидеть её снова, и мы покувыркались ещё пару раз!

— Боже мой, ты – настоящая катастрофа! У тебя двое замечательных детей, красавица жена. Не понимаю, откуда в тебе всё это, почему ты так

голоден до секса, почему тебе хочется всегда и везде; борьба со временем, а главное – с женщинами. Ну почему, почему тебе нужно трахать всех подряд?

— Что с тобой, ты меня анализируешь? Или думаешь использовать это в какой-нибудь рекламе? Прости, но разве история вроде моей не могла бы стать отличной рекламной кампанией для каких-нибудь презервативов? Смотри, пусть будет парень, не я, другой, который в конце достанет коробку... как их там?

— Гандонов.

— Ага, точно. Конечно, довольно неоднозначно, его мужество или презерватив позволяют ему иметь кучу баб... Ну как, круто, правда? Естественно, моделей для ролика подбирать буду я... А ты вместо этого посвятишь себя выбору главного героя.

— Ну конечно, ни больше, ни меньше. Хочешь увидеть, как моя компания станет игнорировать все твои юридические консультации?

— Нет, ты не можешь со мной так поступить.

Пьетро становится на колени рядом с Мерседесом ML. В этот момент мимо проходит туристка, молоденькая красотка, которая улыбается и качает головой, словно говоря «Итальянцы!».

— Да хватит, вставай!

— Это могло бы быть рекламой Мерседеса, нет?

5

Тот же час, тот же город. На Евре. За парком аттракционов, на большой площадке, скрытой в тени высоких сосен и небольшой зелёной горы, в которую превратилась давно заброшенная высотка. Группа ребят опирается на свои скутеры, другие сидят рядом, кто-то – в своих машинах, высунув ноги в открытые окошки. Время от времени появляется дымок, как будто трубка мира переходит от окна к окну, словно дымовой сигнал, что кто-то на одной волне. Да, это они, Волны, четыре забавные подружки.

— Эй, хочешь? Это bum shiva. Возьми.

— Не, я не хочу курить.

— Смотри, мы ж делим это на всех, так что это даже и не сигарета!

— Именно поэтому... — Ники отстраняется.

— Что ты хочешь сказать?

— Эй, у тебя что, проблема?

Дилетта говорит Олли:

— Проблемы будут у тебя, если, чтобы поднять настроение, ты будешь курить.

Ники пытается вернуть мир.
— Хватит, не ссорьтесь.
— Почему ты всегда делаешь одно и то же? Всё время лезешь в драку.
— Слушай, я только сказала ей, что не буду курить, это она вечно пытается обернуть нас в свою веру. Но мы же не в секте!
— Ах ты сучка!
— Я? Да?
— Можно узнать, чего мы ждём?
— Да, ты сделала нам огромное объявление, но здесь ничего не происходит...
— Ты правда никогда не была на ББТ?
— И что это?
— Это значит «бум-бум-тачка»!
— Серьёзно. Почему ты никогда толком и сразу ничего не объясняешь?
— Окей, слушайте... Смотрите, это перчатки.
— И что с ними делать?
— Надеть, иначе останутся отпечатки.
— Какие отпечатки? Я пока что не под следствием.
— Да, но однажды тебя остановят на контроле и возьмут отпечатки пальцев, и тогда ты попадёшься.
— О каком контроле ты говоришь, что с моими отпечатками? Почему их захотят снять?
— И ещё тебе нужно одеть это. Вот, — она достаёт из сумки пластиковые очки на резинке.
— Но они же для плавания!
— И? Так при столкновениях глаза останутся целы! Знаешь, иногда окна разбиваются.
— Идиотка! Ты говоришь это, чтобы напугать меня.
— Вовсе нет! И вообще, не ты ли говорила, что никогда не боишься?
— Я говорила об экзаменах... Но это совсем другое.
— Большое спасибо, я бы хотела, чтоб вы не заставляли меня об этом думать, у меня завтра экзамен!
Вдруг раздался звук как от выстрела, в ночной воздух летят яркие вспышки.
— Вот они, приехали!
Вдруг на площадку выезжают пять разных машин. Одна из них с визгом тормозит, остальные делают то же самое следом. Fiat 500. Mini. Citroen C3. Lupo. Micra. Все они подъезжают к центру площадки.

— Но почему все машины такие маленькие?
— Это всё, что у них есть. Они не могут найти ничего лучше.
— И сколько за каждую?
— Не поверите! Сто евро за каждую, они ездили искать их в Манну, это в Тибуртине, знаешь того механика?
— А-а-а...
— Они блокируют руль, и машина заводится без ключей! В общем, это круто!
— Тебе объяснили, как это делается?
— Ну конечно! Смотри, они уже привязали шины.
— Тогда пойдёмте туда!
— Стойте! Кто с кем едет?
— Я еду с ним.
— А можно я с тобой?

Все девушки залезли в одну машину. Все в эйфории, почти свихнувшиеся, переполненные адреналином.

— Эй, только по трое в машину! И только одна вперёд!
— Я не хочу...
— А ты, Дилетта, не поедешь?
— Нет?! Вы с ума сошли? Так это и есть ББТ?
— Это суперкруто и ты тоже суперклёвая!

И две другие Волны, Олли и Эрика, залезают в другую машину, как и другие девчонки. Один парень открывает багажник своей машины и ставит музыку на всю громкость.

— Делаем ставки! Повторяю правила для тех, кто их не знает. Последняя тачка, которая будет в состоянии ездить, выигрывает всё! Деньги делим следующим образом: половину получают те, кто едет в автомобиле-победителе, а другую половину те, кто выиграл пари.

Девушка кричит: «Все по местам!». Ребята, которые не в машинах, быстро закрывают двери и ставят на место шины, которые перевязаны длинной верёвкой, проходящей через крышу. Шины падают по бокам машины, и всё это становится похожим на седло. Шины висят на дверях, чтобы защитить пассажиров от возможных ударов. Девушка в шортах и с цветным свистком бежит в центр площадки и останавливается перед пятью машинами. Потом вытаскивает из кармана платок – красный, красивый, светящийся. Сумасшедшая крёстная мать бум-бум-тачек поднимает его вверх, к небу, великолепным решительным жестом. Потом резко опускает его, смеясь и свистя. «Погнали!» И быстро, со страхом, убегает с их пути, бежит вприпрыжку, чтобы избежать этой бешеной автогонки. Машины

заносит, кто-то оставляет кого-то позади. Fiat 500 набрасывается на Miera, таранит его, и вдруг рядом с ним оказывается Mini. Citroen едет быстро, обгоняет обе машины и догоняет Lupo, а потом ударяет его, разрывая радиатор. Fiat 500 едет и врезается в Miera, но отскакивает из-за защитных шин. Девчонки в обоих окнах кричат, визжат, изображают ужас, смешные, сошедшие с ума. Потом они его видят и кричат:

— Скорей, скорей, там Фабио на полной скорости!

Miera уже готова опрокинуться, но восстанавливает равновесие, тормозит, снова настигает Fiat, врезается в него. Заднее окно разлетается на куски. Всё продолжается в таком же духе, они настигают друг друга, бьют, тормозят, снова и снова, несутся как безумные. И – бум! – снова Fiat против Lupo. Miera – Mini. Mini – Fiat. Miera отскакивает от Citroen. Всё это время они крушат друг друга, сталкиваясь дверями с глухим стуком, разбивая стёкла и фары, взрываясь, отламывая бамперы, сминая капоты. Защитные шины то летят вверх, то возвращаются на место. И бум, бум, бум! Вскоре приходит конец. ББТ находит победителя. Mini и Miera дымятся, передние части обоих – всмятку; Fiat 500 согнут, левая полуось и колёса выгнуты наружу под углом, он выглядит как бык, который только что разорвал последнюю красную тряпку, колени согнуты, раздаётся громкое фырканье; у Miera спущены обе задние шины, двери вогнуты внутрь из-за многочисленных побоев; Lupo – единственный, что ещё может немного продвигаться. Он медленно едет к центру площадки. Вдруг, со звуком консервных банок, привязанных к автомобилю молодожёнов, у него падает номерной знак. Но сегодня никто не женился, и ни один хозяин не будет счастлив вернуть свою машину, увидев, в каком она состоянии.

— Ууууухуууу! Мы победили! — ребята взрываются от радости. — Я знал, знал! Lupo потерял вид, но не класс!

Героические водители один за другим выходят из машин, кто-то вылезает через разбитые окна, кто-то – из багажника, все снимают свои плавательные очки.

— Круто! Сколько там?

— Давай, сколько мы выиграли?

— Считай как следует, окей? Не ошибись!

Фабио берет деньги и быстро пересчитывает.

— Не могу поверить, шестьсот евро! Эй, Ники, приглашаю тебя на шикарный ужин, там и помиримся!

— Ты так и не понял? Сколько раз я должна повторить? Забудь об ужине! Мы больше не вместе!

— Как это? Но ты сказала...

— Ещё неделю назад я тебе вернула все твои подарки и всё тебе сказала, всеми возможными и невозможными способами, я не знаю, как ещё заставить тебя понять! Конеч. Капут. Auf Wiedersehen. Всё кончено, разбито...

— Ладно, как пожелаешь. Эй, девчонки, мы с Ники расстались!

— Мы это уже знаем.

— То есть, теперь я доступен для всех! Скажите мне, и я угощу вас колой!

Фабио складывает деньги в карман, садится на скутер и уезжает на всей скорости. Ребята с мгновение смотрят, потом пожимают плечами и забывают обо всём, что только что услышали. Олли подходит к Ники.

— Ох, когда он ведёт себя так, он реальный...

— ...Урод!

Дилетта тоже подходит.

— Он забрал все деньги, не разделил между всеми...

— Ага, Фабио такой...

— Да, но нормально же было бы разделить их хотя бы со своей командой, нет? — говорит Эрика.

Ники обнимает себя за плечи.

— Я ведь тебе уже сказала, что он идиот! У кого-нибудь есть закурить?

Олли достаёт пачку из сумки. Подходит Дилетта, Ники снимает с неё рубашку.

— Смотри, осторожнее! Ты вся в стекле!

— Представляю, если бы меня видела моя семья, что бы я им сказала? Что была на ББТ? — вставляет Олли.

Дилетта качает головой.

— Лучше всего сказать, что ты попала в аварию, только не на моей машине, ладно? А то если тебе не поверят, мне придётся сделать там пару вмятин. Я так и вижу, что ты идёшь к моему дому с молотком!

— Ага, я бы могла!

Все смеются.

— Так, кто подбросит меня домой? У меня завтра экзамен.

— Вот дерьмо. Что происходит, почему ночь заканчивается здесь? — вскрикивает Олли.

— Хорошо, только вот в «Аляске» так много мороженого...

— Чёрт, ты совсем свихнулась, да? Так и быть, мы пойдём туда.

— Но потом, на самом деле мы ведь едем по домам, так? — говорит Дилетта. — Потому что после того, что мы сделали, уверена, что в головах у всех такой беспорядок, надо отдохнуть.

— Хорошо, мама Дилетта! Как бы там ни было, у меня есть идея, — предлагает Олли, поднимая брови. — Я знаю об одной безумной вечеринке!

Ники бросает в неё рубашкой Дилетты.

— Так и быть, по мороженому – и домой!.. Идём!

— Пока, ребята, мы уходим!

И, смеясь, они уходят. Олли, Ники, Дилетта и Эрика, Волны, как они сами называли себя на первом курсе старшей школы, когда начали дружить. Они красивые, весёлые, такие разные. И любят друг друга. Очень. Ники рассталась с Фабио, Олли меняет парней практически каждый день. Напротив, Эрика долгое время встречается только с Джорджио, Джо, как она его зовёт. Дилетта... Да, Дилетта всё ещё в поисках своего первого парня. Но она не теряет надежды: рано или поздно, она найдёт того единственного. Или хотя бы того, кому будет доверять. Да, Волны сильные, но прежде всего – они самые лучшие подруги. Но одна из них нарушит свою клятву.

6

— Эй, ребята, смотрите, кто пришёл, шеф! И он привёл своего адвоката! Эй, шеф, забудем этой ночью о работе, а? Это же вечеринка, так что здесь даже не начинай ни одного из своих обычных собраний! — всё это выпаливает Алессия, открывая дверь и смеясь. Она отходит, делает реверанс и впускает Алессандро и Пьетро в свой дом. Внутри уже толпа людей.

— Мы вас уже и не ждали. Я выиграла пари, вы видели?

Пьетро приближается, обхватывает своей рукой шею Алессандро и говорит ему тихим шёпотом:

— Ты это видел? Я всегда делаю, как лучше для тебя. Твоя команда должна верить в тебя, а если не будет, то какой ты тогда начальник, а?

Алессандро убирает от себя его руку.

И вдруг все начинают кричать: «Шеф! Шеф!».

— Есть что-нибудь выпить?

Алессия приносит ему наполненный бокал.

— Вот, это муффато, тебе оно нравится, правда, мой генерал?

Алессандро поднимет брови и грозно смотрит на неё.

— «Генерал» мне тоже не нравится. Ладно, давайте, веселитесь так, словно меня здесь нет, или, лучше сказать, нас.

Пьетро забирает у Алессандро бокал и делает огромный глоток.

— Эй! Как это нет? Но мы же здесь! Кстати, отличное вино, что это?

— Муффато.

— Принесёшь мне другой? — просит Алессандро Алессию, которая уже почти наполнила новый бокал.

— Почему ты пришёл не с Эленой?

Пьетро смотрит на него и делает вид, что тонет. Алессандро его толкает.

— Она не смогла. Работает.

Алессия округляет глаза.

— Ладно. Если захотите есть, закуски на том столе. Я пойду, нужно поставить охладить напитки. Чувствуйте себя как дома.

Алессия уходит, и её лёгкое платье показывает всю красоту фигуры.

Пьетро подходит к Алессандро.

— Ммм, муффато и впрямь неплохое... И твоя помощница тоже. Лицо не так важно, а вот её задница... У вас ничего с ней не было? Я думаю, она хочет тебя.

— Ты закончил?

— Только начал! Прости, но почему ты не сказал ей, что расстался с Эленой?

— Я с ней не расставался.

— Ладно, что она тебя бросила.

— Она меня не бросала.

— Тогда что случилось? Она исчезла?

— Она не исчезла. Она просто переживает один из её моментов.

— Каких ещё моментов? Это звучит ещё хуже, чем пауза для каких-то там размышлений. Один из её моментов. Вы были практически женаты, но она ушла из дома, забрала свои вещи, а ты продолжаешь настаивать, что она тебя не бросила? Переживает один из моментов?

Алессандро ничего не говорит и пьёт. Пьетро всё давит на него.

— Так что ты скажешь?

— Что было глупо делать ей предложение, а ещё большим идиотизмом было рассказывать об этом тебе, хуже — приходить сюда с тобой, ещё — позволить тебе работать на мою фирму, а самое худшее — оставаться твоим другом до сих пор...

— Окей, окей, раз уж ты такой, то и мне вовсе не весело. Я уйду.

— Да ладно, не уходи.

— А кто уходит? Да здесь столько девочек! Я не такой идиот, как ты, который готов разрушить свою жизнь. Сегодня я обязательно кого-нибудь найду...

И Пьетро уходит, покачивая головой. Алессандро наливает себе ещё

немного муффато, заходит в библиотеку, ставит бокал на стол и рассматривает книги Алессии. Они расставлены по высоте и цвету, здесь разные жанры. На диване, рядом со столом, кто-то смеётся, молодые люди, стоящие рядом, в полный голос обсуждают различные темы: кино, футбол, телевидение. Алессандро берёт книгу, открывает её, листает и останавливается. Пытается прочитать кое-что. «Кто влюбляется с первого взгляда, тот каждым взглядом предаёт». Это же слоган фильма «Близость»? Что за книгу я выбрал? Судьба тоже издевается. Когда ты с кем-то расстаёшься, кажется, что весь мир против тебя. Всё вокруг старается тебя ранить.

— Привет. — Алессандро оборачивается. Перед ним невысокий парень, немного лысоват и полноват, но симпатичный. — Ты меня не помнишь? — Алессандро сощуривает глаза, пытаясь обнаружить это лицо в своей памяти. — Ничего. Не помнишь. Эй, послушай мой голос... Должно быть, ты его слышал тысячи раз.

Алессандро смотрит на него, но не может понять, кто это.

— И?

— И – что? Ты ничего не сказал.

— Окей, ты прав. Ладно... Добрый день, департамент по... Да ладно, это же просто, ты всерьёз не помнишь? Ты узнаешь мой голос в толпе! Добрый день, это департамент по маркетингу... Я работаю с Эленой!

Опять. Это что, шутка? Вы все против меня?

— Однажды ты приходил забрать её. Я сижу справа от неё.

— Да, правда, теперь я вспомнил, — Алессандро старается быть вежливым.

— Нет, думаю, ты совсем не помнишь меня. Да всё равно. Я не местный, меня перевели, то есть, сейчас меня отправили в отпуск на пару дней. Завтра у меня собеседование, и я начну новую работу. Да, в вашей компании. А почему Елена не пришла?

Алессандро не может поверить. Снова.

— У неё работа.

— Ах да, может быть, она всегда работала допоздна.

— В смысле – может быть? Так и есть.

— Да-да, конечно, я сказал «может быть»... просто к слову...

Тишина. Алессандро пытается освободиться из этой неловкой ситуации.

— Возьму что-нибудь выпить.

— Хорошо, я буду здесь. Можно у тебя кое-что спросить?

Алессандро взволнованно вздыхает, стараясь, чтобы этого не

заметили. Надеюсь только, что он не спросит снова о ней.

— Конечно, говори.

— Как по-твоему, почему люди никогда меня не запоминают?

— Не знаю.

— Не может быть, ты великий рекламщик, ты преуспел во многих кампаниях, ты всегда всё знаешь... Кстати... Я Андреа Сольдини.

— Очень приятно, Андреа. И я не всегда всё знаю, что бы ты ни думал.

— Да, но не мог бы ты мне всё-таки объяснить?

— Нет, не могу. Я делаю рекламу, благодаря которой можно заставить выделиться какой-либо продукт, но я не могу сделать рекламу тебе.

Андреа опускает взгляд, расстроенный. Алессандро понимает, что был невежлив, и пытается исправить это.

— Я хотел сказать, что на данный момент я не знаю, что сказать по этому поводу. Давай я выпью чего-нибудь и подумаю об этом, хорошо?

Андреа поднимает лицо и улыбается.

— Спасибо... правда, спасибо.

Алессандро вздыхает. По крайней мере, с этим я разобрался.

— Так, теперь я пойду выпить.

— Конечно. Хочешь, я тебе принесу?

— Нет, нет, спасибо.

Алессандро уходит. Смотрит, куда бы пойти. Представь себе, ты должен был прийти на вечеринку и познакомиться с этим типом. Ладно бы он ещё был нормальным. Но ему надо знать, почему он не привлекает внимание, почему его не запоминают. Говорит, что сидел справа от Элены. Но я даже не помню, где стоял этот стол. Одно из двух, Алекс: либо ты смотрел только на Элену, либо этот парень на самом деле тотально незаметный. Лишь бы только мне никогда не пришлось работать вместе с Андреа Сольдини! Алессандро вдруг веселит эта мысль, на его лице появляется единственная за всю ночь улыбка, он подходит к столу с закусками и что-то жуёт. Две очень красивые иностранки, стоящие рядом, улыбаются ему.

— Вкусно, правда? — говорит одна.

Алессандро улыбается второй раз за ночь.

— Да, очень вкусно.

Другая девушка тоже улыбается ему.

— Вкусно... здесь всё вкусно.

Алессандро снова улыбается. Третья улыбка.

— Да, вкусно.

Должно быть, русские. Потом он оборачивается. С дивана, совсем

рядом, Пьетро смотрит на него. Он сидит рядом с длинноволосой брюнеткой, она наклоняется к нему и смеётся над тем, что он ей говорит. Пьетро подмигивает ему издали, поднимает бокал как для тоста, и говорит одними губами: «Давай же!».

Алессандро поднимает руку, словно говоря «Переходи к делу!», потом наливает себе ещё бокал муффато, проверяет дорогу к террасе, чтобы не попасться Андреа Сольдини, оставив здесь три свои единственные улыбки. Он опирается локтями о перила и пьёт вино. Хорошо; прохладно, не слишком тепло для апреля. Он смотрит на проезжающие вдалеке, слева от Тибра, машины, медленные и бесшумные; отсюда, с маленькой террасы, они выглядят даже чистыми. И думая, что сейчас можно на всё забить, он мысленно переносится в Остию, он в волнах. Как в той сцене, которая всегда выходит в программе «Капля», где один тип ходит под водой, по самому дну. Или как в финале «Мартина Идена», когда он идёт ко дну, укушенный угрём, и хочет умереть, потому что понял, что женщина, которую он любит, полная дура. Дура. Дура. Тупая смерть ждёт нас и скучает. Если бы со мной такое случилось, я бы точно умер, в отличие от Джеймса Стюарта; и ещё меня бы тоже укусил угорь, а ещё мышь... Уверен, мой ангел-хранитель уже давно бросил меня.

— О чём задумался? — сзади подходит Алессия.

— Я? Ни о чём.

— Как так ни о чём? Так не бывает. Твой мозг, кажется, заключил вечный контракт с компанией.

— Кажется, сегодня ему дали одну свободную ночь.

— Отдыхать тоже иногда нужно. Возьми, — она протягивает ему бокал. — Я думала, ты уже допил. Это с Пантеллерии. Мне кажется, оно ещё лучше. Попробуй...

Алессандро медленно делает глоток.

— Да, и правда хорошее. Нежное...

И лёгкий ветерок, пришедший с запада, вредоносный, пытается изменить атмосферу. Алессия тоже опирается о перила и смотрит вдаль.

— Знаешь, с тобой так здорово работать. Я смотрю на тебя, когда ты в офисе. Ты не можешь усидеть, всё ходишь по ковру... всегда по кругу, там уже целый ров. Ты смотришь в потолок, но на самом деле – вникуда... Это словно ты мог бы видеть намного дальше потолка, дальше здания, неба, намного дальше моря. Видишь дальше, видишь очень многое...

— Да, какие же вы... Ладно, хватит дразнить меня.

— Нет, я правда так думаю. Ты в идеальной гармонии с миром, ты умеешь смеяться над тем, что иногда происходит и что мы вынуждены

терпеть. Как, например, в конце любовной истории. Уверена, что если с тобой такое произойдёт, ты сможешь и над этим посмеяться.

Алессандро смотрит на Алессию. С момент они стоят неподвижно. Потом Алессандро делает глоток вина, которое она принесла, и снова смотрит на крыши домов.

— Тебе это сказал адвокат, так ведь?

— Да, но даже если бы и не рассказал, я всё равно бы догадалась. Не думаю, что эта Елена достойна твоей «сентиментальной депрессии».

Алессандро трясёт головой.

— Он и об этом тебе рассказал.

Алессия понимает, что он чувствует себя неловко.

— Ладно, генерал, знаешь, скольких я бросила? А уж сколько раз меня бросали!

— Нет, не знаю. Никто не приходил и не рассказывал мне о твоих личных проблемах.

— Ты прав, прости. Но не сердись на своего друга. Всё, чего хочет Пьетро, – снова увидеть тебя счастливым, как всегда. Он выбрал меня, чтобы я тебя заставила тебя улыбаться, но, может, было бы лучше отправить к тебе одну из тех русских, нет?

— Что ты говоришь?

Когда тебе плохо, нет ничего хуже, чем когда к тебе кто-то подходит и ты нагружаешь его своими дурацкими проблемами. Например, тот тип, который хотел, чтобы его все запоминали. Видишь, ты даже уже не помнишь его имени. Ах да, Андреа Сольдини. Теперь Алессия со своей манией быть центром внимания. Даже хуже – быть правильным лекарством. Как же достало...

Алессандро подходит к ней. Алессия смотрит в другую сторону, куда-то вдаль, на улицу, которая исчезает за поворотом. Алессандро гладит её по спине. Она немного поворачивается к нему, улыбаясь. Но он опережает её и целует в щёку.

— Спасибо, ты отличное лекарство. Видишь? Подействовала за несколько секунд, я уже улыбаюсь.

— Да ладно! — Алессия улыбается и обхватывает себя за плечи. — Ты всё время надо мной прикалываешься!

— Нет, я это серьёзно говорю.

Алессия смотрит на него.

— Вам, мужчинам, никогда нельзя верить...

— Только не говори сейчас типичную фразу «вы все одинаковые», никогда не думал, что от тебя можно такое услышать.

— Ну смотри, я скажу тебе другое: вы, мужчины, всегда жертвы женщин. Но вам это на руку. И знаешь, почему? Так вы можете оправдать всю ту боль, которую причините следующей женщине.

— Ой-ой-ой!

Алессия собирается уйти, но Алессандро её останавливает.

— Алессия?

— Да?

— Спасибо.

Алессия оборачивается.

— Не за что.

— Нет, серьёзно. Это вино отличное.

Алессия качает головой, потом улыбается и заходит в дом.

7

Кафе-мороженое «Аляска». Волны сидят на металлических стульях, рядом с входом. Олли выпрямила ноги и расположила их на соседних стульях.

— Здесь и в самом деле делают офигенное мороженое, чтобы задница растолстела! — она жадно облизывает его, а в конце даже немного откусывает. — Лично я думаю, что в шоколад кладут какие-то наркотики. Не может быть, что мы были зависимы от простого шоколада!

В этот момент мимо проходят две девушки. Одна одета в чёрную куртку, на спине написано SURFER. Вторая – рыжая, у неё написано Fiat. Они болтают, смеются и заходят в кафе.

— Уфф, а ещё в последнее время я также зависима от «Fiat»!

Ники смеётся.

— Не хочешь попробовать сёрфинг?

— Нет, я уже пробовала...

— Олли, кажется, ты издеваешься над нами. Не думаю, что ты и это успела.

— По-моему, — вмешивается Дилетта, — она это говорит, потому что здесь я. Хочет, чтоб я завидовала. Хочет, чтобы я задумалась о том, что я якобы упускаю.

— Я с ним даже не встречалась, просто прокатилась однажды на машине!

Мимо на всей скорости проезжает парень на скутере, а потом резко тормозит в миллиметре от них.

— Так вы были здесь! — это Джо, парень Эрики. — Я вас везде искал!

— Мы просто гуляли.

— Да, это я знаю.

Эрика встаёт и обнимает его. Они долго целуются в губы.

— Любимый... Мне так нравится, когда ты ревнуешь.

— Я не ревную, просто беспокоился. На Евре была полиция — там устроили эти гонки. Арестовали толпу людей за то, что они украли и разбили машины, за незаконное пари и заговор.

— Конечно, это же бум-бум! Не меньше, чем заговор! — Олли кладёт в рот последний кусочек мороженого. — Может, ещё и вооруженная банда?

— Я серьёзно говорю. Мне это рассказал Джанджи, он был там, он смог сбежать, когда приехала полиция.

— Блин, значит, это правда, — Дилетта встаёт на ноги. — Джанджи был там.

— Значит, вы тоже были? — Джо грозно смотрит на Эрику.

— Я была там с ними.

— Да мне пофигу, что ты была там с ними, я не хочу, чтобы ты туда ходила, и точка.

— Ясно, — Олли вертит головой. — Ты ревнуешь к Фернандо, который принимает ставки.

— Начинается... Я просто беспокоюсь за неё и всё! Представь, если бы её схватили! Потому что многие сейчас в полиции, ты меня слышала? Или ты всё ещё не понимаешь?

— Да, если бы её схватили... её бы схватили, — спокойно повторяет Олли.

Джо берёт Эрику за руку.

— Милая, почему ты мне не сказала?

Эрика высвобождается.

— И правильно. Ты ведёшь себя, как мой отец. Оставь меня в покое! Я уже тебе сказала, что была со своими подружками! — и добавляет шёпотом: — Я не хочу ругаться перед ними, хватит уже.

— Окей, как хочешь.

Звонит мобильный Ники. Она достаёт из кармана брюк маленькую Нокию.

— Чёрт, это мама, чего она хочет в такое время? Привет, мам, какой приятный сюрприз.

— Где ты?

— Прости, ты даже не здороваешься?

— Привет, где ты?

— Уфф... — Ники пыхтит и смотрит в небо. — Я на корсо Франча, спокойно ем мороженое с девочками. Что случилось?

— Слава богу. Прости, мы только что вернулись домой, папа включил телевизор, и в ночных новостях сказали, что на Евре арестовали группу молодых людей. Они назвали имена, и среди них был сын тех наших друзей, Фернандо Пассино...

— Кто?

— Да, тот, с которым ты иногда гуляешь, хватит, не валяй дурака! Ты прекрасно знаешь, о ком я говорю, Ники, не зли меня! Я знаю некоторых из этих ребят, ты дружишь с ними. Как обычно, говорят имена только ребят постарше, и в какой-то момент мы подумали, что ты могла тоже быть среди остальных.

— Мама, ну о чём ты думаешь? Извини, но за кого ты меня принимаешь? — Ники закатывает глаза, девочки смотрят на неё с любопытством. Она делает жест рукой, «вы не представляете, что случилось». — Сказали хоть, за что их арестовали? Что они сделали?

— По правде говоря, я не очень хорошо слышала, что-то с машинами, украли или вроде того, я не совсем поняла... Звучало как «стумтачка».

— Это называется «бум-бум-тачка»...

— Да, точно! А ты откуда знаешь?

Ники сжимает зубы и пытается исправить оплошность.

— Просто к нам только что приехал Джорджио, парень Эрики, и рассказал об этом. Он услышал по радио новости, но мы ему не поверили.

Олли и Дилетта сдавленно смеются. Потом Олли начинает изображать кошку, скользящую по льду. Ники пытается стукнуть её, чтобы она перестала смешить её.

— Видишь? Я тебе не всякие глупости тут говорю, — продолжает мама, — видишь, это правда, то, что случилось. Слушай, почему ты ещё не дома? Вообще-то, уже полночь.

— Мама, я что, Золушка? Сейчас буду. Пока. Целую. Я люблю тебя.

— Ладно, целую, целую, давай скорей, ладно? — и кладёт трубку.

— Чёрт возьми! Значит, то, что рассказал Джо, правда.

— С чего бы ему врать нам? С какой целью?

— Всё, девочки, идём домой, завтра узнаем всё в подробностях из газет.

Волны рассаживаются по своим скутерам и в машину. Олли садится на свой скутер, надевает шлем и заводится.

— Ночь свободы, а?

Ники улыбается и садится на свой.

— Знаешь, что я думаю? Наверняка это Джо позвонил в полицию. По крайней мере, на какое-то время он избавился от Фернандо.

Дилетта смеётся.

— В последнее время вы такие гадюки! Я пришла к выводу: секрет в том, чтобы оставаться всегда до конца с вами. По крайней мере, так вы не наговорите всяких гадостей о той, которая уже ушла.

— Ах, так? Отличная мысль, — отвечает Ники с улыбкой. — В любом случае, можешь быть уверена, прежде чем лечь спать, я обязательно напишу смс-ку Олли, какую-нибудь сплетню о тебе. Мне жаль, но тебе нас не остановить.

Она заводит скутер, жмёт на газ и уезжает, растягивая ноги, навстречу ветру, в восторге оттого, что может насладиться этой глупой, маленькой, прекрасной свободой.

8

Алессандро на террасе. Он смотрит вдаль в поисках кто знает каких мыслей. Небольшая меланхолия сопровождает последний глоток его вина. Потом он тоже заходит в дом и оставляет бокал на стеллаже, рядом с книгой. Это «Афоризмы. Песок и пена» Джебрана. Он берёт её и листает страницы. «Семь раз я презирал свою душу: первый раз, когда увидел, что она покорялась, чтобы достичь высот. Второй раз, когда заметил, что она хромает в присутствии увечных. Третий раз, когда ей дано было выбирать между трудным и легким, и она выбрала легкое. Четвертый...» Хватит. Не знаю почему, но когда тебе плохо, всё звучит так, словно имеет скрытый смысл. Алессандро закрывает книгу и решает пройтись по дому, чтобы найти Пьетро. Ничего. В гостиной его нет. Он внимательно смотрит между людьми, по углам, ищет везде... Нет. Зато видит Андреа Сольдини с красивой высокой девушкой. Андреа улыбается. Алессандро возвращает ему улыбку, но продолжает искать Пьетро. Ничего. Его нет здесь. Не хотелось бы... Он открывает дверь спальни. Ничего. Только на кровати валяется чья-то куртка. Шкафы тоже открыты. Идёт в туалет. Пытается открыть дверь, но она закрыта на ключ. Алессандро снова пытается открыть. Мужской голос изнутри говорит:

— Занято! Если закрыто, значит, кто-то внутри, не так ли?

Это глубокий и действительно раздражённый голос. Голос человека, который на самом деле занят своими делами. И это не Пьетро.

Алессандро идёт на кухню, окно широко открыто. Ветер играет со светлой лёгкой занавеской. А ещё ею играют два человека. Мужская спина. Пока он шепчет ей что-то смешное на ухо, она ласкает его спину. Он сидит на обеденном столе, на нём — девушка с раздвинутыми ногами. Он между её ног. Он поднимает руку над её головой, играет вишенкой. Медленно

опускает её, а затем снова поднимает, пока девушка, делая вид, что сердится, смеётся и дуется, потому что не может поймать её ртом. Она хочет эту вишню и, возможно, не только её. И мужчина это знает. И смеётся.

— Пьетро!

Друг поворачивается к Алессандро, девушка пользуется тем, что он отвлекся, и ловит на лету с его руки вишню, ловит ртом.

— Видишь, что ты наделал? У меня из-за тебя вишню украли!

Девушка смеётся и жуёт с открытым ртом, язык и слова окрашиваются в красный цвет, цвет аромата, желания, улыбки.

— Отлично! Я выиграла! Давай другую. Эй, вишня, поиграем ещё? Ты же говорил...

— Да, правда, вот...

Пьетро даёт ей ещё вишню, и русская девушка выплёвывает первую косточку, а потом пододвигает к себе чашку и начинает есть руками. Пьетро подходит к Алессандро.

— Вот видишь? Теперь игра окончена. А я хотел ещё немножко поиграть с ней... Одна вишенка, другая... Она каждый раз хочет больше и больше, а дальше бы я довёл игру до конца, и – пум! — Пьетро зажимает Алессандро между ног. — Банан! — Пьетро смеётся, пока Алессандро поправляет на себе брюки.

— Видел бы ты, в какого имбецила превращаешься!

Русская трясёт головой и смеётся, потом съедает ещё вишенку. Алессандро наклоняется к Пьетро и говорит ему тихим шёпотом:

— То есть, у тебя двое детей, тебе скоро сорок, а ты ведёшь себя вот так. Через три года я буду таким, как ты? Я волнуюсь. Очень.

— Почему? За три года многое может измениться. Ты можешь жениться, тоже завести ребёнка, попробовать с иностранкой... Ты можешь достичь этого, ты даже можешь достичь моего уровня... Превзойти меня! Да ты уже это сделал, в той рекламе Адидас: *Impossible is Nothing*... Нет ничего невозможного! И это ты будешь говорить мне о трудностях и препятствиях? Да, чёрт возьми, ты всё сможешь. Пойдём к тебе? Да ладно, пусти меня только на одну ночь!

— Ты совсем псих?

— Нет, это ты такой! Ну, когда ещё я смогу переспать с русской? Ты видел, какая она красотка?

Алессандро смотрит за спину Пьетро.

— Да, вижу...

— Вот именно, девушка моей мечты. Русская, длиннющие ноги.

Смотри, смотри, как она ест вишенку... Представь, как она съест... — Пьетро присвистывает и снова тянется рукой между ног Алессандро.

— Ага, банан. Давай, заканчивай...

Девушка снова начинает смеяться. Чтобы убедить Алессандро, Пьетро отдаёт ему конверт из кармана пиджака.

— Посмотри на это. Я закончил дело о Butch&Butch. Вы возвращаетесь туда. Вот здесь пункт о продлении контракта ещё на два года. Это заказное письмо, ну, и я не имею права отдавать его до следующей недели. И всё же я даю его тебе сейчас. Ты согласен? Ты знаешь, каким крутым станешь? Ты больше не будешь шефом – будешь большим боссом! Но взамен...

— Ну ладно, ладно. Поехали. И зови... — он показывает на русскую.

— Bravo! Ты хоть представляешь, как приятно с тобой вести переговоры?

— Да, только не думай, что это как в «Последнем поцелуе». Я не собираюсь тебя прикрывать постоянно, ясно? С Сюзанной разбираться ты будешь сам, и не впутывай меня.

— Разбираться с Сюзанной? Да нет ничего проще. Я скажу ей, что остался ночевать у тебя. Это же правда, так?

— Да, да... правда...

— К тому же, она никогда не подумает ничего плохого о тебе. Ни за что не догадается... Вишенки, бананчики и она. Настоящий русский салат.

— Слушай, почему вместо адвокатуры ты не посвятил себя кабаре?

— А ты бы писал мне тексты?

— Ладно, я жду тебя там. Попрощаюсь с Алессией. И кстати...

— Да-да, знаю, ты никому не собирался говорить об Элене, но я сделал это ради тебя, клянусь. И когда у тебя кое-что будет с ней, ты вспомнишь обо мне...

— Я такоооо о тебе вспомню!

— Согласен, тогда не думай обо мне, когда станешь встречаться с ней. Но потом, когда ты подумаешь как следует, ты поймёшь, что всё это благодаря мне.

— Я не собираюсь ничего понимать. И не собираюсь встречаться с Алессией.

— Но почему?

— Я не хочу смешивать работу и личную жизнь.

— Снова извини, но как же Елена?

— Какая разница, она попала в нашу компанию позже, и вообще в другой отдел, он очень далеко.

— И что?

— А Алессия – моя помощница.

— Так ещё лучше, вы можете сделать это в офисе. Удобно, правда? Закроетесь в кабинете, и никто ничего не сможет сказать вам.

— Ага, именно так мы и поступим. Спасибо тебе огромное, да. Я пойду попрощаюсь, и мы уезжаем. Я устал.

Алессия в гостиной, болтает со своей подругой.

— Пока, Алессия, мы уезжаем. Увидимся завтра утром в офисе. Нас вызвал главный, не знаю, зачем.

— Хорошо, вот завтра и узнаем, — Алессия поднимается на цыпочки и целует его в обе щёки. — Пока, и спасибо, что пришёл, ты меня очень порадовал. Передавай привет от меня своему телохранителю...

— Точнее, моему представителю. Я беру его везде с собой, чтобы он всем мог объяснять мои проблемы...

Алессия запрокидывает голову назад, а потом разводит руками, как бы говоря: «Я не это имела в виду!».

Будучи вежливым, Алессандро прощается с девушкой, которая вызвала одну из трёх его улыбок за эту ночь.

Так, больше, кажется, прощаться не с кем. Алессандро выходит из дома. В конце коридора видит Пьетро с русской. Но они не одни.

— А это кто?

Рядом с Пьетро стоят ещё две девушки, почти копии любительницы вишни.

— Она сказала, что не поедет без своих подруг. Да ладно, поехали уже. И к тому же, извини, но разве это не ваши модели? Не они участвуют в вашей рекламной кампании? Ты же сам их выбрал.

— Верно, но я их выбрал для работы.

— Не преувеличивай. Возможно, ты не в курсе, но в наше время многие берут работу на дом.

— Ай, отлично. Значит, пока ты работаешь, я должен болтать с двумя другими? Слушай, раз уж вы едете все вместе, то дайте мне поспать. Мне завтра рано вставать, серьёзно, у меня важное совещание. Ну правда, давай не будем их брать.

— Как ни странно, я обо всём подумал. Смотри!

Из-за спины Пьетро появляется Андреа Сольдини.

— Ну так что, поехали? — чтобы его не оставили, Андреа обнимает русских и выходит из дома первым. Пьетро смотрит на Алессандро и подмигивает.

— Ты видел? Он их займёт. Сольдини, прирождённый артист. Он

сидел справа от Элены, — говорит Пьетро, снова подмигивая Алессандро.

— Да, я знаю.

— Ах, так ты его помнишь?

— Нет, это он мне сказал.

Они все уходят, а с ними — пакетик вишни, который Пьетро стащил и спрятал в карман куртки. Они выходят из здания и садятся в машину.

— Вау! Этот Мерседес просто шикарный! Это же новый ML, правда?

— Андреа проводит по крыше и дверце, а потом запрыгивает внутрь. — И к тому же такой удобный!

Пьетро садится между девушками.

— Да, в этой тачке всё идеально... Просто сказочная. Смотрите. Вауля! — он вытаскивает из пиджака бутылку вина, всё ещё холодную и почти полную. — Вот, пожалуйста, — он достаёт стаканчики из другого кармана. — Извините, что пластиковые. В жизни нельзя иметь всё; однако, нужно стремиться к этому, потому что счастье — не цель, а образ жизни...

Алессандро ведёт и смотрит на него в зеркало заднего вида.

— От кого ты это услышал?

— Мне жаль говорить тебе это. От Элены.

Элена. Элена. Элена.

— Ты часто с ней болтал?

— По работе, всегда только по работе, я много работаю, — Пьетро в шутку просовывает руку между ног одной из девушек, не касаясь её. Потом поднимает руку, будто нашёл что-то. — Вауля! — он открывает руку. — Настоящая вишня! Вот поэтому я такой сладкий! — и он предлагает её другой девушке, сидящей рядом, она с удовольствием съедает и смеётся.

— Ммм, вкусная.

Пьетро поднимает бровь.

— Как и ты этой ночью.

— Прости, Алессандро, мы едем к тебе, нет? — Алессандро кивает Андреа. — А что скажет Элена, когда увидит, что ты приехал с этими тремя вишенками?

Пьетро наклоняется вперёд и шлёпает его по левому плечу.

— Bravo! Молодчина! — Они с Алессандро переглядываются в зеркале. — Гм, отличный вопрос. Так что ты скажешь?

— Элена в командировке и вернётся через два дня.

— А, значит, можно не волноваться.

— Я прошу вас только об одном.

— Подожди, сначала я: ни слова об этой ночи, окей? — вставляет Пьетро.

— Это тоже. Но тогда я прошу вас о двух вещах: не упоминайте больше Элену при мне.

— Почему? — наивно спрашивает Андреа.

— Потому что я начинаю чувствовать себя виноватым.

Пьетро закатывает глаза, потом ищет в зеркале взгляд Алессандро, и, найдя, глазами обещает ему тишину. Как иначе, именно поэтому они дружат.

9

Ночь приоткрытых окон, через которые чувствуется весна. Ночь одеял, которые защищают; воспоминаний, которые не оставляют сомнений; горьковатого привкуса на губах. Ники всё ворочается и ворочается. Иногда прошлое делает подушки неудобными. Но что такое любовь? Существует ли какое-то правило, способ, рецепт? Или всё это — случайность, и мы можем только ждать, чтобы увидеть, повезёт ли нам? Такие сложные вопросы, в то время, как часы в форме доски для сёрфинга, висящие на стене, показывают полночь. Фабио. Какой странный день. Нет, прекрасный. Я всё ещё помню. Сентябрь. Приятный ветерок и темно-синее небо только начинающейся ночи. Он с ребятами играет импровизированный концерт в заброшенном корабле, на самодельной сцене, в то время как кто-то участвует в конкурсе рисунков и брызг, рисуя на гипсокартонной стене граффити. Мы как обычно пошли туда благодаря уличным слухам. Мне нравится его стиль. Огненные слова песни, которые ранят сердце. И даже Олли говорит, что Фабио до смерти хорош. И каждый раз, когда она это говорит, то я чувствую приступ боли и досады. Потому что он просто красавец. Я это понимаю. Когда мы смотрим друг на друга, он подмигивает мне со сцены. Эмоции двоих, что играют на расстоянии, выше и ниже импровизированной сцены, между людьми, танцующими в быстром ритме музыки. А потом — какой сюрприз! — я встречаю его в институте, в другой группе, и узнаю, что мы одного возраста, он смотрит на меня и улыбается. Да, он и правда красавчик. Мы вместе уходим после уроков, чтобы немного покататься на скутере, съесть мороженого или выпить пива в центре, сходить на репетицию группы в подвале. До того, как всё это приводит нас к поцелую между звуков и цветов одной субботней ночи в торговом центре. Позже путешествие продолжается, и поцелуй превращается в совместную ночь дома; мои родители были опять на каком-то из своих обычных ужинов, а брат спал у Ванни. Слишком большой дом для, возможно, слишком маленькой любви. Он с цветком. Только с одним, говорит, потому что он особенный, единственный, не теряется в куче с другими цветами.

Один поцелуй. Одно «нет». И ещё один. И ещё. Руки переплетены, глаза ищут и находят новые места, новые панорамы. Сейчас. Вот он, момент. Ты не хочешь останавливаться. Это станет началом всего. Вы уязвимые и хрупкие, любопытные и нежные. Взрыв. На следующий день я встречаюсь с Волнами, они расспрашивают, и я чувствую себя... великой. Он – тот, кто ищет меня, выбирает меня и говорит мне: «Ты моя. Ты никогда меня не оставишь. Нам слишком хорошо вместе. Я люблю тебя». А потом: «Где ты была? Кто это был? Почему ты ночью не осталась со мной, вместо того чтобы идти на дискотеку с подружками?» И тогда ты понимаешь, что любовь – это совсем другое. Это чувствовать себя светлыми и свободными. Это не пытаться украсть сердце другого, не твоего, который не может тронуть твоих чувств. Ты должен каждый день делать что-то, чтобы заслужить любовь. И ты говоришь это. Говоришь это ему. И ты в курсе, что должно что-то измениться. Нужно расстаться, чтобы снова найти свою дорогу. Фабио зло смотрит на меня, он перегородил мне выход. И говорит мне «нет», говорит, что я ошибаюсь, мы счастливы вместе. Он берет меня за руку и с силой сжимает. Потому что, когда тот, кого ты любишь, уходит от тебя, ты пытаешься остановить его, применяя физическую силу, и ожидаешь, что так ты сможешь удержать и его сердце. Это не так. У сердца есть ноги, которых ты не видишь. И Фабио уходит со словами «Ты мне заплатишь», но любовь – это не долг, который оплачивают, она не даёт кредитов, не устанавливает скидок.

Две слезинки, почти застенчивые, беспокоящиеся о том, как бы не коснуться подушки, медленно скользят вниз. Ники укрывается лучше. И на мгновение чувствует себя защищённой этим одеялом, которое отделяет её от мира.

Полпервого ночи. Ники вертится в кровати. Подушка кажется ей неудобной. Мысли – как ножи под матрасом. Вдруг – шум открывающегося замка. Отражение света из прихожей.

— С недавних пор Фаскати мне кажутся нелепой парочкой! Ты слышал? Он злится, что его жена не хочет записаться на курс танго! Но если ей неинтересно, то ей незачем танцевать!

Симона как всегда оставляет ключи на полке. Ники слышит шум. И представляет её. Слушает, что они говорят.

— Да, но для него это было бы красивым жестом любви. И он знает, что ей не нравится, но хочет, чтобы в первый раз они пошли вместе.

— Но нельзя же ожидать, что, только потому что ты кого-то любишь, этот человек должен делать то, что ему не нравится! Он должен был сказать ей: дорогая, ты тоже должна пойти делать то, что тебя нравится, а

потом мы поговорим дома! Так ведь гораздо лучше! Компромисс...

— Конечно! Ты, например, ходишь на водную аэробику, а я – на теннис.

— И я не стану просить тебя, чтобы ты ходил на этой курс со мной и ещё девятнадцатью женщинами!

— Отчасти потому, что там я буду один среди двадцати женщин, одетый как для эксперимента Леонардо Да Винчи! Погоди-ка... Ты сказала – девятнадцать женщин?!

— Да, дурачок! Но они все невротички. Я куда как лучше...

Звук движущегося стула. А потом тишина. Полная тишина. Глубокая. Тишина поцелуев. Та, которая рассказывает о снах и сказках, о спрятанных сокровищах. Самых прекрасных. И Ники это знает. И пока она подтягивает подушку всё сильнее, то думает, что настоящая любовь – это, наверное, как у её родителей. Простая любовь, каждый день вместе, у каждого свои обязанности и увлечения. Любовь, сделанная из смеха и шуток по возвращении домой среди ночи, из завтраков по утрам, из детей, которых надо воспитывать, из того, что ещё не сделано. Да, мои родители любят друг друга. Они не были друг у друга первой любовью. Они познакомились после того, как уже встречались с другими. И, возможно, совсем не так всё было с другими. Может быть, необходимо постоянно встречаться и расставаться, пока не найдёшь того самого. Может быть, когда любишь, каждый раз как первый.

10

— Какой красивый дом... — говорит одна из русских.

Алессандро смотрит на неё и улыбается. Елена никогда мне такого не говорила! Он едва успевает открыть дверь, как Андреа пробирается внутрь и обходит всю гостиную.

— Да, в самом деле, очень красивый, серьёзно... А-а-а, эти фотки я уже видел. Да, Елена приносила их в офис, потому что хотела сделать рамки. Они очень клёвые... Твои работы, да?

— Да, — Алессандро немного отходит, чтобы впустить Пьетро и трёх русских девиц. — Так, это гостиная, там туалет, ванная, здесь кухня, — он обходит всё и показывает дальше. — Это спальня для гостей с ванной. Ну, если кому-то понадобится...

Алессандро и Пьетро смотрят друг на друга и улыбаются.

— Да, — кивает Андреа, — если кому-то понадобится.

— Ладно, ещё одна важная вещь: вы должны всё делать максимально бесшумно, потому что сейчас... — Алессандро смотрит на часы, — почти

два часа ночи, и я иду спать... туда, — он кивает на большую комнату вглубь коридора, который выходит из гостиной.

— Эй, я совсем не помню, чтобы спальня была там! — довольный, говорит Пьетро.

— Потому что она и не была там. Но Елена захотела всё переделать.

— Но как? Именно сейчас, когда... — но Пьетро вспоминает, что здесь ещё и Андреа.

— Именно сейчас, когда? — спрашивает тот.

— Я хотел спросить, почему именно сейчас... Обычно же ремонты и перестановки делают летом, не весной!

— Правда, ты прав...

— Правда, Алессандро, в том, что ты имеешь полное право быть подавленным.

— Но я вовсе не подавлен.

— Подавлен, ты в стрессе. Хочешь вишенку?

— Нет, спасибо, я пошёл спать.

— Русскую красотку?

— Тоже нет.

— Видишь, как стресс раздавил тебя?

— Ну ладно, ладно, доброй ночи. Не шумите и закрывайте двери осторожно, когда будете уходить, потому что соседи жалуются, когда я закрываю со стуком.

Пьетро потягивается.

— Какой абсурд. Ты сам можешь подать на них жалобу.

Алессандро закрывается на ключ в своей комнате, быстро раздевается, чистит зубы и ложится в кровать. Включает телевизор и листает каналы, ищет, что бы посмотреть. Но ничто не привлекает его внимания. Он встаёт. Открывает шкаф, который раньше принадлежал Элене. Пусто. Открывает один из ящиков. Только несколько парфюмерных мешочков, которые сделала она сама. Он берёт один. Жимолость. Другой. Магнолия. Ещё. Цикламен. Ни один не пахнет ею. Он складывает всё обратно, выключает телевизор, свет, медленно закрывает глаза. В темноте, перед тем как уснуть, он видит запутанные изображения, воспоминания. В тот раз, когда они ходили в кино, после того, как они попросили билеты в кассе, он понял, что оставил бумажник в машине. Видя, как он копается в карманах, Елена протянула деньги в окошко кассиру, красивой блондинке, которая тактично ничего не замечала, чтобы не поставить его в ещё более неудобное положение: «Простите его, он это делает для равенства полов, но ему неудобно, и поэтому, чтобы заставить меня заплатить, он сначала должен

устроить спектакль». Ему в тот момент хотелось провалиться сквозь землю. Или когда у него захватило дух, когда она вошла в комнату, в эту самую комнату, одетая в одни только прозрачные трусики... А потом на диване... пум, пум, пум... С вожделением. Со страстью. С яростью. С желанием. Тум, тум, тум. Но не так громко. Тум, тум, тум... Алессандро просыпается и едва не подпрыгивает.

— Что такое? Что происходит?

— Это Ксения.

— Что за Ксения?

— Ксения Бурикова.

Но кто ты такая, хотел спросить Алессандро, я тебя совсем не знаю.

— Это Ксения, — теперь Алессандро вспоминает, что у него в доме три русские девушки. Он встаёт и открывает дверь. — Ты слышишь? Тому парню плохо...

— Кому?

— Я не помню, как его зовут. Моя подруга Ирина вызывает... — Алессандро не расслышал, кого.

— Кого? Кого она вызывает? Что ты говоришь?

Алессандро быстро надевает рубашку и бежит по коридору. Он не успевает добежать до гостиной, как видит Ирину на террасе, кричащую как сумасшедшая:

— Человеку плохо! Быстро, звоните всем, человек умирает!

В доме напротив загорается свет. Выходит сосед с женой.

— Эй, ты! Зачем ты кричишь, хватит! Мы уже вызвали скорую!

Алессандро выходит на террасу и хватается русскую за руку, пытаясь затащить её внутрь.

— Скорую, скорую, скорую, ему плохо... — она похожа на заевшую пластинку. — Скорую!

— Хватит! Зачем ты подняла шум? Кому плохо?

— В ванной!

Алессандро отпускает девушку и бежит туда. Андреа Сольдини лежит на полу, держится за унитаз и с трудом дышит. При виде Алессандро он изображает улыбку. Он весь в холодном поту.

— Мне плохо, Алекс, так плохо...

— Да, я вижу. Давай, расслабься и всё пройдёт...

— Нет, мне жаль, у меня порок сердца, а я нюхнул кокаина...

— Что?! Посмотри на себя, ты просто придурок! Пьетро, Пьетро! Где ты, Пьетро? — Алессандро помогает Андреа Сольдини встать. Потом выходит из ванной, поддерживая его под руку, и пытается заставить его

идти. Дверь в комнату для гостей открывается. Задыхающийся Пьетро выходит, на ходу надевая рубашку, русская девушка выглядывает за дверь, улыбаясь и жуя вишню. Лучше любой рекламы, думает Алессандро, запрокидывая голову.

— Что такое?

— Этот идиот принял наркотики, и теперь ему плохо... И мне бы очень хотелось узнать, что за мудак принёс кокс ко мне в дом.

Андреа дышит со всё большим трудом.

— Но в этом нет ничьей вины, мне дали немного в доме Алессии.

— У Алессии?

— Да, но я не собираюсь говорить, кто мне его дал.

— Мне похер, кто тебе его дал там. ТЫ притащил его в мой дом!!!

— Я его взял, чтобы поладить с девчонками.

Пьетро подхватывает Андреа с другой стороны, и они ведут его.

— Ну ты и хорош. Белый, как мел. Тебе следует съесть вишни.

Девушка выходит из комнаты.

— Пьетро, идём в комнату, я хочу... когда мы сделаем то, о чём ты говорил?

— Эй, я уже иду, уже иду, не видишь, что у нас тут?

С террасы заходят две другие девушки. Они уже выглядят спокойней.

— Всё в порядке. Скорая едет. А ещё – полиция...

Алессандро тоже бледнеет.

— Как – полиция? Кто их вызвал?

— Всё нормально, у нас троих есть разрешение на работу.

— О каком разрешении ты говоришь? Здесь совсем другая проблема.

— Он склоняется над Андреа: — Ты уверен, что кокаина больше нет?

— Нет, то есть да... немного... В пакетике на унитазе.

— На унитазе? Ты просто псих! Ты должен был смыть это! —

Алессандро на всей скорости влетает в ванную, находит пакетик с белым порошком и смывает его в унитаз как раз в тот момент, когда стучат в дверь.

— Откройте!

Алессандро выбегает из ванной и бежит открывать.

— Уже иду!

Перед ним двое санитаров с носилками и двое полицейских. Санитары смотрят внутрь и видят Пьетро, который поддерживает Андреа. Они входят без промедления.

— Быстро, клади его, расстегни воротник. Надо выносить, он должен дышать.

Один из них окидывает взглядом русских, второй, профессионал, – звонит в больницу.

— Готовьте сфигмограф, у нас сердечный приступ.

— Доброй ночи. Что здесь происходит? — полицейские показывают удостоверения и входят. Алессандро едва успевает прочитать. Паскаль Серра и Альфонсо Карретти. Один бродит по гостиной, пытаясь разобраться в ситуации. Другой достаёт из кармана записную книжку и что-то пишет.

Алессандро быстро подходит к нему.

— Что вы делаете? Что пишете?

— Ничего, а что? Я делаю заметки. Почему вы волнуетесь?

— Я абсолютно спокоен, просто хотел узнать.

— Это нам нужно знать. Вот, нас вызвали – читаем: «странная вечеринка».

— Странная вечеринка? — Алессандро обеспокоенно смотрит на Пьетро. — Это самая обычная вечеринка, я бы даже не стал называть это вечеринкой. Просто несколько друзей собрались здесь, чтобы спокойно выпить по бокалу.

— Понимаю, понимаю... — кивает полицейский. — С русскими девушками, правильно?

— Окей, это девушки, модели, с которыми мы снимали рекламу...

— Так, значит, это работа... — продолжает полицейский. — Они тоже должны были приехать сюда. Поговорить о том, чтобы продолжить работу, верно? Сверхурочно, да?

— Извините, но что вы пытаетесь сказать, говоря «Должны были приехать»?

Пьетро понимает, что Алессандро отвлекает их внимание.

— Может, войдёте? — он ведёт полицейских на кухню. — Хотите чего-нибудь?

— Спасибо, но мы на службе, так что – нет.

— Согласен, — Пьетро подходит к ним. — Отчасти, это была моя вина. Мы были на вечеринке, и я познакомился с одной из этих русских...

— Понятно, и?

— Один момент, я вас познакомлю... Вера, можешь подойти на секунду?

Вера подходит к ним в одной рубашке, которая скрывает всё, кроме длинных голых ног.

— Да, говори, Пьетро, — она смеётся.

— Говори, говори, это произносится как «го-во-ри».

— А, окей, говори... — снова смеётся.

— Вера, я хочу представить тебе нашу полицию...

Полицейский протягивает ей руку и приветствует:

— Очень приятно, Альфонсо.

— Видишь, Вера, какую красивую форму они носят?

Девушка кокетливо поправляет Альфонсо воротник.

— Да, такие маленькие пуговицы... Маленькие, как вишни.

— Очень хорошо. Понимаете, Альфонсо? Вера находит в форме полицейских самые простые начала. В конце концов, мы просто болтали с этими русскими подружками... И не более.

— Я понимаю, понимаю... Но если соседи нам звонят из-за ночных дебошей или странных вечеринок, Вы должны понимать, что...

— Я понимаю. Вы обязаны вмешаться.

— Именно.

Они возвращаются в гостиную. Андреа на носилках, но к лицу уже возвращается цвет. Две другие девушки и Алессандро рядом с ним.

— Ну как ты, всё хорошо?

— Лучше... — отвечает Андреа.

Один из санитаров включается в разговор.

— Всё в порядке. У него сбился ритм сердца, и это было похоже на сердечный приступ, мы дали ему сердечные капли.

Пьетро хватается за шанс выкрутиться.

— Да, ты не должен пить столько кофе.

— Именно так. Чашечка утром – и не больше. Тем более по ночам.

Полицейский снова достаёт свою записную книжку.

— Всё в порядке, так что мы можем идти. Постарайтесь включать музыку потише. Мне кажется, ваши соседи очень чувствительны к любому шуму.

— Да, не волнуйтесь. Мы всё равно уже все разъезжаемся по домам,
— Алессандро смотрит на Пьетро. — Вечеринка уже закончена.

— Да-да, конечно... — Пьетро понимает, что у него нет ни единой возможности возразить.

Санитары собирают носилки и идут к выходу, следом за полицией. Вдруг, тот, что не открывал рта, Серра, останавливается.

— Простите, не окажете услугу? Можно мне в туалет?

— Конечно.

Алессандро вежливо показывает ему, куда идти. И вдруг понимает, что пакетик, наверное, ещё плавает на поверхности. Он обгоняет Серру и заходит перед ним, жмет на спуск, и выходит обратно.

— Простите, мне жаль, но я совсем забыл, что в этом туалете небольшая проблема со сливным бачком. Пожалуйста, проходите сюда... в мой личный.

Он провожает его и даёт войти. Затем он закрывает дверь, улыбаясь издали другому полицейскому. Но Альфонсо Карретти, любопытный и подозрительный, подходит к первому туалету. Алессандро бледнеет. Пьетро – быстрее, и, прежде чем полицейский мог бы открыть дверь, он преграждает ему путь.

— Сожалею, но слив не работает. Другой туалет вот-вот освободится, — Пьетро улыбается. — Я хотел сказать Вам, Альфонсо, что Вы оба были в самом деле приятными. Трудно провести грань между обычным посещением и обыском. Именно поэтому я мог бы попросить у вас ордер, ведь в противном случае это может являться злоупотреблением властью со стороны должностного лица, гипотетическим преступлением, противозаконностью... — Пьетро снова улыбается. — Хотите вишенку? — предлагает он.

— Я не люблю вишню.

Пьетро задерживает на нём взгляд. Ему не страшно. Или, по крайней мере, он этого не показывает. Это всегда было его сильной стороной. Невозмутимый, спокойный, привыкший притворяться даже в более сложных ситуациях. Алессандро возвращается в гостиную со вторым полицейским.

— Спасибо, выручили.

Альфонсо поднимает брови и смотрит в последний раз на Пьетро, затем – на Алессандро.

— Не заставляйте нас вернуться снова. В следующий раз, если таковой будет, мы приедем с ордером... — и они уходят, резко захлопнув за собой дверь.

Алессандро выходит на террасу. Его сосед погасил свет и вернулся в постель со своей женой. Алессандро тоже гасит свет на террасе и смотрит вниз, на улицу. Чуть позже видит, как выходят скорая и полиция. Видит, как они уезжают, отключив свои сирены. Алессандро входит в дом и закрывает раздвижную дверь.

— Отлично. Bravo. Если вы хотели устроить ночь кошмаров, то у вас всё получилось.

— Это может стать идеей для новой рекламы.

— Пьетро, это не смешно, хотя я и не удивлён. Всё, уже полчетвёртого. Уходите. Мне надо поспать. Завтра в половине девятого у меня важное совещание, а я даже не знаю, по какому поводу. Забирайте своих русских

подружек и делайте, что хотите...

— Да ладно, не преувеличивай. Ты заставляешь нас чувствовать себя виноватыми...

— Эй, — вмешивается одна из русских, — между нами, гость — самый главный человек.

— Окей, отлично. Когда мы будем делать рекламу, конечно, всё будет хорошо, но сейчас мы здесь. И вы трое ни в чём не виноваты... Но — честно, мне нужно поспать... Пожалуйста.

Андреа подходит к Алессандро.

— Прости, что устроил беспорядок, я просто хотел произвести на них впечатление.

— Не волнуйся, я рад, что тебе уже лучше.

— Спасибо, Алекс, правда, спасибо.

Итак, странная компания уходит из его дома. Алессандро наконец закрывает дверь на два оборота ключа, чтобы быть уверенным, что, по крайней мере, этой ночью, больше ничего не случится. Что весь мир останется снаружи. Перед тем, как войти в свою комнату, он проходит в туалет, где якобы сломанный бачок. Пакетик исчез. Он присматривается. За раковиной свёрнутая бумажка. Сто евро. Он наклоняется, поднимает и разворачивает. Там ещё есть следы белого порошка. Он открывает кран и смывает его. Без остатка. Вот и всё. Любые улики определённо исчезли. Затем он оставляет банкноту сушиться на раковине и идёт в свою комнату. Гасит свет, снимает рубашку, ложится под одеяло. Вытягивает руки и ноги, пытаюсь успокоиться.

Какая ночь... Знать бы, где Элена в этот самый момент. В любом случае, Андреа уже не в её офисе. Его уволили. Это точно. Не знаю, почему он никого не впечатляет с первой встречи, но я-то уж точно его никогда не забуду. И с этой последней мыслью Алессандро засыпает.

11

Комната цвета индиго. Она.

Здесь, на столе, он уже больше двух месяцев. Светло-серый, немного пыльный, закрыт. Что мне сделать, включить его? Девушка всё мучается сомнениями перед этим таинственным ноутбуком. Конечно, как кто-то может забыть свой компьютер на мусорке? Должно быть, он туп, как рыбка. Почему говорится «как рыбка»? Неужели рыбы такие глупые? Мне так не кажется. На самом деле, они очень быстрые, я видела это в той программе. То же самое мне сказал Иво, тот рыбак из Портоскузо, год назад, в Сардинии. Как бы там ни было, тот, кто вот так забыл свой

компьютер, скорее всего, сумасшедший. Девушка садится за стол. Открывает ноутбук. Видит внизу, рядом с монитором, маленькую надпись. «Ансельмо 2». Не могу поверить. Кто вообще пишет своё имя на ноутбуке... Ансельмо 2, месье. Но всё вроде бы в порядке. Неужели... это имя владельца? Ансельмо. Хорошо. Она нажимает на кнопку включения. Он не мой... я не должна этого делать. Но если я его не включу, то как узнаю, кто его потерял, как смогу вернуть? Голубой экран классического приветствия Windows. Чёрт, на что тут смотреть? Даже нет пароля доступа. Совсем никакой защиты... На рабочем столе появляется изображение солнца и моря. Светящееся горячее небо и мягкие волны. На заднем плане чайка. Несколько ярлычков. Она пробует открыть почту. Любопытно. Посмотрим на ваши письма. Несколько папок. Она смотрит, смотрит... Многие получены от «Редакция». Писатель? Но мужчина или женщина? Ещё «Офис». Ух ты, мы такие деловые. Есть и другие. Имена. Джулио, Серджио, AfterEight и ещё несколько ников. Приветствия, ссылки, видео, приколы. Какое-то приглашение. Ладно, посмотрим отправленные. Много отправлено в редакцию, остальное – тем же именам. Часто пишет одной девушке. Карлотте. Все подписаны как SteXXX. К счастью, это значит, что его зовут не Ансельмо. Посмотрим... Она открывает ещё письмо. Стефано. Так, это мужчина. Ещё одно. «Привет, я звонил сегодня тебе, но телефон был выключен. Могу ли я иметь честь пригласить тебя в субботу на ужин? Я был бы очень рад». Рад. Это мужчина. Честь? Как он разговаривает? Я совершаю преступление. Нарушение неприкосновенности частной жизни. Нет, если это частная жизнь мусорки. Да и кому какое дело. Я вуайерист. Да нет, просто читатель. Она смеётся сама над собой. Она продолжает копаться и заходит в «Документы». И находит «Фото». Открывает жёлтую папку. Пейзажи, животные, лодки, различные вещи. Ни одного человека. Ни одного лица. Даже порно-фото нет. Слава богу, думает она. Закрывает папку и возвращается к рабочему столу. Один из немногих ярлычков называется «Мартин». Может быть, его так и зовут. Она открывает. Там несколько документов Word. Она выбирает один наугад и кликает на него:

«...Я была слишком занята, пытаясь согласовать эту неуклюжую речь и лепет с гениальностью тех мыслей, что возникали у него на лице. Я никогда не видела такой энергии в глазах мужчины. Со мной рядом был тот, кто мог сделать почти что всё на свете, в его взгляде я могла прочесть послание, послание о том, что его не устраивает слабость слов, в которые он едва мог облечь свои чувства. Не говоря уже о том, что ум его был слишком изысканным и живым, в чём выражалась сила его простоты».

Но что это? Книга? Ничего не понимаю. Он что, на самом деле писатель? Действительно, есть ведь письма из редакции. Девушка продолжает читать.

«Вспоминая её сейчас, со своей новой позиции, с её старой реальностью, с морем и кораблями, моряками и женщинами, такими непривлекательными, она казалась ему маленькой, но вписывалась в этот новый мир и, казалось, расширяла его границы благодаря нему. С его мозгами, повёрнутыми на поисках единства, он был удивлён, поняв, что она и является той самой точкой соприкосновения двух миров».

Неплохо. Два мира. Разные. Точки соприкосновения... Она закрывает документ и выключает компьютер. И безо всякой причины чувствует что-то растущее внутри неё. Любопытство. Смутное волнение. Идея погружения в новую вселенную. Мысль, что настойчиво вертится в голове. Прочувствовав это, девушка улыбается.

12

Доброе утро, мир. Ники потягивается. Сделаешь мне сегодня подарок? Я бы хотела проснуться, и чтобы рядом со мной лежала роза. Не красная. Белая. Чистая. Чтобы начать писать на ней свою новую жизнь, как с чистого листа. Роза, оставленная кем-то, кто думает обо мне и кого я ещё не знаю. Знаю. Это противоречие. Но это заставило бы меня улыбнуться. Я бы взяла её с собой в институт. Там бы я оставила её на столе, просто ничего не говоря. Волны бы подошли ко мне, переполненные любопытством.

— Эй! Кто подарил?

— Фабио?

— Решили начать сначала?

— Да-да, он – и роза! Если бы это был он, то подарил бы сухой чертополох!

И мы все бы засмеялись. И я, всё ещё ничего не говоря, носила бы её с собой всё утро. Потом, в последний момент, сорвала бы один за другим все лепестки и синим маркером написала бы по фразе на лепестке слова той красивой песни: «Между жизненными препятствиями в сердце есть место для радости, которую мне хотелось бы заслужить...», а потом бы я выбросила лепестки в окно. И ветер бы их подхватил. И кто-то бы их нашёл. Кто собрал бы их по порядку. Кто прочитал бы их. И пошёл бы искать меня. Может, Он. Да. Но кто же этот Он?

Алессандро просыпается и резко подскакивает на кровати. Будильник уже прозвенел. Чёрт возьми, нет. Дерьмо, дерьмо. Он встаёт с постели и

надевает тапочки. Но когда я его выключил? Или я даже его не слышал? Или вчера, со всей этой суматохой, я даже не поставил будильник? Это невозможно. Он входит в кухню. Зажигает газ и ставит вариться кофе. Вбегает в ванную, заряжает электробритву, и, пока бреется, нарезает круги по комнате. Пытается навести порядок после прошлой ночи. Неважно, сегодня придёт домработница. Так... посмотрим, как там... Он входит в комнату для гостей. Чашка. Вишня. Невозможно. Он берёт чашку и вываливает её содержимое в мусорку. Потом снова проверяет ванную для гостей, хорошенько рассматривает унитаз, раковину, пол, каждый уголок. Хорошо. Ни следа. Только этого бы мне не хватало. Известный рекламщик арестован за хранение наркотиков. Именно я, ярый борец с наркотиками. И, конечно, в нашем обществе... Кто бы мне поверил? На всякий случай, он снова опустошает бачок и выходит. Включает музыку в гостиной, пытается вернуть себе хорошее настроение песней Хульеты Венегас. Почти танцует. Танцует немного быстрее нужного ритма. Да, к чёрту всё, я должен быть счастлив. Мне всего тридцать шесть лет, у меня куча самых успешных работ, я выиграл множество различных премий за свои публикации. Окей, мои родители хотят, чтобы я женился, и, возможно, это однажды произойдёт. Или, может, нет. Как бы там ни было, я могу кому-нибудь понравиться. Спокойно. Момент. Он очень внимательно рассматривает себя в зеркале в гостиной, приближается и смотрит на своё лицо. Вот так-то. Тот, кто может нравиться, и очень. Внимание. Внимание... Дорогая Елена, именно ты – та, что будет страдать, та, что будет кусать локти. Ты вернёшься, и я, с величайшим изяществом, пошлю тебя куда подальше.

И с этой недавно открытой в себе уверенностью, единственным, на что он сейчас полагается, Алессандро пьёт кофе. Добавляет туда немного холодного молока. Потом, под звуки *And It's Supposed To Be Love* Эйо, принимает прохладный душ. Что сегодня за совещание? Чёрт... Я опаздываю... Слишком опаздываю. Он поспешно выходит из душа и одевается со всей скоростью. Нужно бежать, как можно быстрее.

- Но, Ники, ты не позавтракала.
- Мам, я выпила кофе.
- И даже ничего не съешь?
- Нет, у меня нет времени. Опаздываю. Охренительно опаздываю.
- Ники, я тебе тысячу раз говорила, чтобы ты не разговаривала в такой манере.
- Ай, мама, даже когда я опаздываю?
- Даже в таких случаях. Едешь на скутере?

— Да...

— Поезжай спокойно, слышишь? Осторожней.

— Мама, ты говоришь мне это каждое утро. В конце концов, однажды я попаду в аварию, вот увидишь.

— Ники, что ты несёшь?

— Просто когда кто-то ждёт беды, она всегда случается. Если тебе так хочется, я могу называть аварию несчастным случаем, но смысл не изменится.

— Извини, но тебе кажется, твоя мать говорит тебе, чтобы ты была осторожна, потому что хочет тебе чего-то плохого? И, к тому же, я говорю тебе это каждое утро и до сих пор ничего ещё не случилось, поэтому «будь осторожна» — это хорошо, согласна?

— Окей, окей. Пока, целую!

Ники посылает матери воздушный поцелуй. Она надевает наушники и уходит, спускается вниз по лестнице, перепрыгивая через последние ступеньки. Так, что один из наушников выпадает из уха. Она очень быстро запикивает его обратно, чтобы не пропустить ни ноты *Вор to the top* из «Классного мюзикла». Выходит из дверей, идёт к гаражу, запрыгивает на свой SH50, жмёт на педаль, и, как только скутер заводится, уезжает на полной скорости. Останавливается на мгновение, смотрит направо и налево, а увидев, что нигде никто не едет, давит на газ и включается в утреннее движение.

Алессандро набирает скорость на своём новеньком Мерседесе. Он только что купил какие-то газеты. Важно всегда быть хорошо информированным. Вдруг на совещании меня спросят о последних новостях, а я не пойму, о чём это они... Я не могу такого допустить. Он открывает «Мессаджери» на пассажирском сидении и пытается понять, откуда такая пробка. Но она потихоньку рассасывается. Тут Алессандро смог вырваться и объехать её на той скорости, какую только мог себе позволить. Но он опаздывает. Опаздывает... но не потому, что решил заехать с утра за газетами.

Ники тоже опаздывает. Охренительно опаздывает. Она едет, не снимая наушников, слушает музыку и ускоряется. Иногда она даже пританцовывает, пытаясь попадать в ритм. Смотрит на часы на своём левом запястье, пытаясь понять, насколько она опаздывает, успеет ли она приехать до того, как охранники закроют двери института. Она мчится на всей скорости по проспекту Париоли, обгоняя машины и пересекая

двойную сплошную. Потом она пытается вернуться на свою полосу.

Алессандро подъезжает к Ла Мескита. Никого, прекрасно. Он встраивается в движение на проспекте Париоли, одновременно читая в «Мессаджери» невероятную новость. Молодые люди украли пять автомобилей, чтобы поиграть в некую игру. Бум-бум-тачка, ББТ, новая и опасная игра богатой и вечно скучающей молодёжи. Не могу поверить. Серьёзно, они?.. Но он не успевает закончить фразу. Он делает резкий поворот. Пытается увернуться от неё, но уже ничего не сделать. Девушка, которая едет на скорости тысяча километров в час, падает со своего скутера и впечатывается в правый бок его машины. Бум. Ледяной вскрик. Девушка исчезает под окном и падает на землю. Алессандро тормозит, закрывает глаза, стискивает зубы, газеты подлетают, а затем падают на коврик. Вдруг, вследствие удара и торможения, звук проигрывателя CD увеличивается до предела. Музыка наполняет машину. *She's the one*. «Она – та самая». Алессандро на мгновение застывает на месте. С закрытыми глазами, с силой сжимая руль. В растерянности. Ему уже начинают сигналить, люди в машинах позади него нервничают. Один – с любопытством, другой – отвлечённо, ещё – цинично, последний – подгоняющий. Взволнованный, Алессандро выходит. Медленно под музыку обходит Мерседес. А потом видит её. Там, на земле, лежащую по-прежнему неподвижно. Повёрнутая голова. Глаза закрыты, сама бледная. Боже мой, думает Алессандро, что же с ней случилось? Он наклоняется немного вперёд. Ники вдруг открывает глаза. Видит его над собой. И, увидев, улыбается ему.

— О Боже, ангел.

— Если бы... Я водитель.

— Ну, тогда слушай! — Ники постепенно заводится. — Куда, ко всем чертям, ты смотрел, водитель?! Какого хрена ты себе там думаешь за рулём?

— Знаю, знаю, прости, но я ехал по главной дороге.

— По какой ещё главной дороге? Что ты говоришь? Видишь, тут знак «стоп». Ты просто не видел, что я еду? Ай, так локоть болит!

— Дай я посмотрю... Да у тебя ни царапинки. Лучше посмотри, что ты сделала с моей машиной.

Ники поворачивается и осматривает себя сзади, крутясь вокруг своей оси.

— И посмотри, что ты сделал, вот здесь. Все мои брюки порвал!

— Но вы же их такими и носите.

— Что ты несёшь, придурок? Эти были новые, их теперь даже нигде

не купишь, Дженни Артис, понимаешь? Блин, я их купила не для того, чтобы испортить сразу, как надену! Ты понимаешь, что я их даже и постирать ни разу не успела? А на деле порвал-то их ты. Так ты умеешь шить?

— Что?

— По крайней мере, поможешь мне поднять скутер?

Алессандро подходит к SH и помогает Ники.

— Слушай, ты не ходишь в спортзал?

— Время от времени...

— Ну, тяни тогда!

Наконец им удаётся поднять его, но скутер сбегает с рук Ники и снова падает на Мерседес.

— Ой!..

— Опять? Будь осторожнее, окей?

Ники снимает кепку, которую носит под каской.

— Мадонна, ты такой зануда, похож на моего отца.

— Просто у тебя нет никакого уважения к вещам.

— А теперь ты похож на моего дедушку. И вообще, если здесь у кого-то нет уважения к вещам, то это у тебя. Посмотри только, что ты сделал с моим скутером... Переднее колесо погнулось, и это всё из-за твоей грёбанной машины!

— Видишь, только переднее колесо, ты его поменяешь, и всё будет в порядке.

— Конечно, вот только сейчас я должна ехать в институт, так что... — она быстро достаёт из сумки толстую цепь, устанавливает её на заднее колесо скутера и оставляет его на месте.

— Так что – что?

— Так что ты отвезёшь меня.

— Слушай, у меня нет времени. Я уже опаздываю.

— А я охренительно опаздываю. Так что я выиграла. Давай, погнали. К тому же, я могу сейчас же позвонить в полицию, в скорую, и мы застрянем здесь надолго. Если ты просто довезёшь меня до школы, то мы потеряем гораздо меньше времени.

Алессандро задумывается только на мгновение. Вздыхает.

— Ладно, давай, — он открывает ей дверь и помогает сесть.

— Ай! Видишь? Ты ударил мне спину, болит очень сильно.

— Не думай об этом.

Алессандро тоже садится в машину и заводится.

— Так куда я тебя везу?

— В Мамиани, за мостом Кавур, зона Прати.

— Слава богу. Я работаю недалеко оттуда.

— Вот видишь, даже в таких случаях бывают совпадения... Как ты слушаешь музыку так громко?

— Ай, да, извини, громкость увеличилась от удара.

— Клёво, это Робби!

— Ага.

— И клип очень классный. Видел его?

— Нет.

— Он там учит кататься на коньках, тренирует двух парней для важных соревнований, но один из них получает травму, и тогда сам выходит вместо него и побеждает.

— Типичная история о якобы хорошем парне.

— А мне кажется, клип очень крутой. Смотри, давай поедem там, и оттуда уже сможем разойтись кому куда надо.

— Но там нельзя, эта дорога только для автобусов и такси...

— Эй, разве ты не везёшь меня сейчас? Практически как такси. Давай, что такого, там никого нет. Так ты по крайней мере сократишь дорогу, а тут всегда чудовищные пробки. Даже моя мама ездит там.

— Окей.

Не до конца убеждённый, Алессандро всё же едет по запрещённой дороге. Но, попытавшись обогнать автобус, он понимает, что там стоит дорожный полицейский. Он замечает преступление и насмешливо улыбается, будто говоря «Езжай, езжай, я тебя поймал», и достаёт блокнот из нагрудного кармана униформы.

Ники открывает окошко в тот момент, когда они проезжают мимо него, и кричит изо всех сил:

— Идиотище! — потом она садится обратно и со смехом смотрит на Алессандро. — Ненавижу этих дорожных копов.

— Ага, и если был какой-то шанс, что на меня бы не повесили штраф, то мы его упустили.

— Мадонна, ты всё время преувеличиваешь! Тебе придёт штраф в любом случае, ведь мы только что попали в аварию... И вообще-то ты мне то же самое говорил про мой скутер.

— Ты невозможная. Ты сделала это нарочно, чтобы позже сказать мне это. Но ведь так мы не поладим.

— А нам и не нужно ладить. Единственное, что нам нужно — постараться не посориться... И не попасть в аварию снова. Скажи мне правду... Ты ведь отвлёкся, да? Ты вроде как одинокий, и, скорее всего, ты

смотрел в тот момент на какую-то красивую девушку...

— Первое – я всегда езжу в офис, второе – я не так легко отвлекаюсь...
Алессандро улыбается ей и самодовольно смотрит на неё.

— Чтобы отвлечь меня, требуется гораздо большее, чем просто красивая девушка.

У Ники на лице появляется гримаса отвращения. Затем она замечает газеты под своими ногами.

— Я знаю, почему! Ты читал! — она берёт «Мессаджери» и открывает.

— Да нет же, я собирался выбросить их.

— Именно. Я знала, знала, надо было вызвать скорую, дорожную полицию, ты не представляешь, что я могла бы с тобой сделать!

— Ах, да? Вместо того чтобы радоваться, что с тобой ничего не случилось...

— Ладно, мы ведь избежали трагедии, теперь можно и подумать, как мне получить прибыль, а? Все так делают.

Алессандро отрицательно качает головой.

— Я бы хотел поговорить с твоими родителями.

— Да они тебя на порог не пустят. Для них их дочь всегда права. Мы почти приехали, езжай здесь направо. Смотри, мой институт в конце улицы...

Ники открывает газету и видит на фото две разбитые машины. Потом читает статью о бум-бум-тачках. У неё глаза вылезают из орбит.

— Не могу поверить...

— Так всё же поверь, это то, что видели в самом деле... Ещё немного, и ты бы сделала такое же с моей машиной.

— Гм... Всегда хочешь быть правым?

— Подумай, ведь есть люди, которые на полном серьёзе творят такие вещи, ребята вроде тебя...

Ники быстро пробегает глазами по статье, ищет имена, вдруг в список попали её друзья. Потом она видит его, Фернандо, который принимал ставки.

— Нет, это невозможно!

— Что случилось? Ты знаешь кого-то?

— Да нет, просто так сказала. Просто мне это кажется абсурдом.
Ладно, мы приехали, давай сюда.

— Это твой институт?

— Да, спасибо. То есть, по правде говоря, ты мне был должен.

— Ладно, ладно, я поехал, я давно уже опоздал.

— А что мы будем делать с аварией?

— Держи, — Алессандро достаёт из кармана пиджака карточку, — здесь мой номер, электронный адрес и всё такое. Позвонишь, и мы решим что-нибудь.

Ники читает.

— Алессандро Белли, креативный директор. Важная должность?

— Довольно-таки.

— Я знала, знала, что с тебя можно стрясти денег, — Ники, смеясь, вылезает из Мерседеса. Берёт свой шлем, рюкзак и «Мессаджиро». — Созвонимся.

— Эй, эта газета моя!

— Да, и скажи спасибо, что я не забрала диск! Рассеянный мужчина, который сбивает женщин... — она закрывает дверь. Потом стучит в окошко, и Алессандро опускает стекло. — Слушай, — Ники трясёт визиткой, — если это – фальшивка, то можешь подыскивать себе гроб... я не шучу, от меня никто не уходит безнаказанным. Кстати, меня зовут Ники.

Алессандро качает головой, улыбается и быстро уезжает. Он непростительно опаздывает.

Другие девочки заходят в институт. Именно в этот момент появляется Олли.

— Эй, Ники, мы с тобой снова опоздали, как всегда, да? Слушай, классная тачка. А вот его я не смогла хорошенько разглядеть, но издалека – вроде красавчик. Кто это был, твой папа?

— Ой, не будь идиоткой, Олли. Ты ведь знаешь моего отца. Что, хочешь знать, кто это был? Ну, это мой новый парень, — говоря это, она обнимает подругу, сдавливая её изо всех сил, а потом они быстро бегут вверх по лестнице. Уже наверху Олли останавливается.

— Ты с ума сошла? Нас же теперь впустят! А так мы могли бы и прогулять.

— Смотри, читай, — Ники показывает ей газету. — Статья о ББТ. Если мы не придём на занятия, то нас арестуют!

— Вау, круто же! Представь себе, мы в газете. Мы бы оставили след в истории!

— Ага, но пока что нам надо на географию!

— Заткнись, заткнись, у меня экзамен... — и, болтая об этом, они входят в вестибюль как раз вовремя.

Охранник, счастливый, закрывает дверь, оставляя снаружи остальных опоздавших.

Запыхавшийся, Алессандро входит в офис.

— Привет, Сандра. Леонардо уже приехал?

— Три минуты назад. Он у себя.

— Фууух...

Алессандро собирается войти, но Сандра его останавливает.

— Подожди. Ты же его знаешь. Сейчас он пьёт свой кофе, листает газеты... — она указывает ему на телефон, где одна линия занята, — и звонит своей жене, ревнивец.

— Окей, — Алессандро расслабляется и позволяет себе присесть на диван рядом. Слава богу. Фууух. Думал, не успею. Он немного ослабляет рубашку на шее, расстёгивает буквально одну пуговицу. — Теперь главное, чтобы разговор закончился хорошо...

— Кто знает... — шёпотом комментирует Сандра. — Она хочет развода, не разделяет... некоторые из его позиций.

— То есть, будет буря?

— Всё может быть. Если он откроет дверь и попросит меня отправить ей как обычно, то у тебя есть шанс.

— Как обычно?

— Да, это вроде пароля. Цветы с запиской, они у меня всегда готовы. — Сандра открывает выдвижной ящик и показывает ему пачку карточек, на всех имя – Франческа, на каждой по одной разной фразе, по одной на каждый день и каждая подписана им.

— Но, Сандра, ты знаешь, что хоть ты и секретарша, ты не обязана лезть в эти дела?

— Да, как будто мне так уж хотелось искать все эти цитаты! Я должна была выбрать лучшие из лучших, фразы современных, но не известных поэтов. И некоторые – такие красивые... — она открывает одну карточку. — Послушай вот это... «Я буду рядом до тех пор, пока я не перестану быть твоим, и ты будешь моей, даже если тебя не будет рядом». Непонятно, загадочно, но впечатляет, да? Ладно, — продолжает Сандра, закрывая ящик, — если жена узнает, что это написал не Леонардо, то никогда его не простит.

— Так он скажет, что этот автор сам и украл его фразу!

— Ты прав. Даже больше... Скажет, что именно благодаря этой его фразе тот парень стал известным!

В глубине коридора показывается молодой парень. Высокий. Стройный. В спортивной куртке. Светлые волосы зализаны назад, ярко-голубые глаза, на тонких губах прекрасная улыбка. Слишком тонкие губы.

Как у предателя. Он выпивает немного воды и улыбается. Недоверчивая, Сандра резко захлопывает ящик. Этот секрет босса – не для всего мира. Потом она напускает на себя вид профессионала. Парень приближается.

— Всё ещё ничего?

— Нет, мне жаль, следите за телефоном.

Алессандро смотрит на молодого человека. Пытается узнать его. Он его уже видел, но не помнит где.

— Ладно, тогда будем ждать.

Парень подходит. Протягивает руку Алессандро.

— Очень приятно, Марчелло Санти, — и улыбается. — Да, я знаю, ты пытаешься вспомнить, где видел меня раньше.

— И правда... Так где? Я Алессандро Белли.

— Да, знаю. Я работал в офисе на одном этаже с офисом Элены. Из старших сотрудников, занимался публикациями.

— Да, точно, — Алессандро улыбается и думает: вот почему я его уже ненавижу. — И однажды мы вместе обедали.

— Да, и я очень торопился.

Ага, вспоминает Алессандро, помнится, мне тогда пришлось заплатить за тебя и твою помощницу.

— Какое совпадение.

— Да, и меня тоже позвали на это совещание.

Они оба наблюдают друг за другом. Алессандро закрывает глаза, пытаюсь разобраться в ситуации. Что он хочет сказать? Что это за история? Разыгрывается моё место? Он позвал нас двоих на одно и то же совещание? Он и есть тот новый директор, которого ищет Лео? Он хочет рассказать мне эту новость именно перед ним? Так сказать, не просто унижить меня, так ещё и пригласить на «последний ужин»? Он смотрит на Сандру, пытаюсь что-то понять. Но она, прекрасно понимая, что Алессандро хочет знать, чуть-чуть поворачивает голову и немного покусывает губу, словно говоря: «Мне жаль, но я ничего не знаю». И тут огонёк занятой линии на телефоне гаснет. Мгновение спустя, Леонардо выходит.

— О, вы здесь. Простите, если заставил вас ждать. Пожалуйста, входите, входите... Хотите кофе?

— Да, спасибо, — незамедлительно отвечает Марчелло.

Алессандро, немного раздосадованный тем, что его опередил другой, присоединяется:

— Да, спасибо, я тоже.

— Хорошо, тогда два кофе, Сандра, и... вы можете послать как обычно сами знаете куда? Спасибо.

— Конечно, синьор, — и она подмигивает Алессандро.

— Хорошо, пожалуйста, устраивайтесь поудобнее, — Леонардо закрывает дверь своего кабинета за их спинами. Они оба садятся за стол. Марчелло выглядит расслабленным, спокойным, почти высокомерным, он кладёт ногу на ногу. Алессандро, более напряжённый, пытается расположиться поудобнее в этом кресле, которое словно давит на него снизу. В конце концов, он немного наклоняется, ставит локти на колени и соединяет ладони. Они немного трясутся, он явно нервничает.

Марчелло понимает это и улыбается. Потом оглядывается вокруг, растягивая время, словно что-то ищет.

— Красивая картина, это же Виллем де Кунинг, правда? Американский экспрессионизм.

Довольный, Леонардо улыбается ему.

Действительно...

Алессандро смотрит на него и не ждёт больше ни секунды.

— О, это лампа Фортуни, вроде 1929. Отличное красное дерево, в своё время эта лампа имела успех.

— Браво, именно это мне нравится. Дух конкуренции. И мы ещё не начали работу только потому, что я вам ещё ничего не рассказал. Итак, мы собрались здесь, потому что именно в этот момент происходит... рождение, — Леонардо садится и вдруг складывает ладони на столе так, будто прячет в руках что-то, что эти двое не могут увидеть. — Что у меня здесь? Что я скрываю?

На этот раз Алессандро быстрее.

— Всё.

— Ничего, — говорит Марчелло.

Леонардо улыбается. Поднимает руки. На столе ничего нет. Марчелло удовлетворённо выдыхает. Тогда Леонардо пристально смотрит на Алессандро, который возвращает ему свой раздосадованный взгляд. Однако из одной из поднятых рук Леонардо что-то падает. Глухой стук. Марчелло меняется в лице. Алессандро улыбается.

— Именно, Алессандро. Всё. Всё, что нас интересует. Эта коробочка карамели станет нашим переломным моментом. Она называется ЛаЛуна, вроде как обычно, только пишется слитно. Это луна, до которой мы должны достать, которую должны покорить. Как первый человек в 1969. Тот астронавт, что первым поставил свою ногу на Луну, охватывая взглядом вселенную и все её секреты... Мы должны быть как тот американец, или, выражаясь яснее, заключить сделку с японцами, и, ещё точнее, «покорить» эту карамель. Вот она, — Леонардо открывает коробку и высыпает

конфетки на стол. Алессандро и Марчелло приближаются и внимательно смотрят на них. — Конфеты в форме полумесяца с фруктовым вкусом, все разные, немного похожи на наше старое мороженое «Радуга».

Марчелло берёт одну, рассматривает. Потом с недоверием смотрит на Леонардо.

— Можно?

— Конечно, пробуйте их, ешьте, глотайте, живите с ЛаЛуна, полюбите их, не думайте ни о чём, кроме этой карамели.

Марчелло кладёт одну в рот. Жуёт медленно, грациозно, щурясь, словно дегустирует качественное вино.

— Ммм, неплохо.

— И правда, — говорит Алессандро, который тоже взял конфетку. — Моя – апельсиновая. — Потом он сразу пытается показать свой профессионализм: — Знаешь, идея с руками, в которых ничего нет, а потом из них выпадает карамель, ЛаЛуна, сверху, совсем не плоха...

— Да, но, к сожалению, американцы уже использовали такое в прошлом году.

— Действительно, — вмешивается Марчелло, — это были руки Патрика Суэйзи. Красивые руки. Их выбрали по фильму «Привидение», этими руками слепили глиняный горшок в любовной сцене, руки, которые передавали эмоции Деми Мур. В рекламе были только руки и больше ничего. Ему заплатили два миллиона долларов только за его руки...

— Отлично, — Леонардо откидывается в кресле, — нам они предлагают четырнадцать. И эксклюзивный двухлетний контракт на рекламу всех их продуктов также и на английском языке, TheMoon. Это будет шоколад, жевательная резинка, чипсы и даже молоко. Продукты питания, которые выпустит этот небольшой бренд. И у нас есть шанс выиграть четырнадцать миллионов долларов и контракт. У нас. И это в том случае, если мы превзойдём другие агентства, которые, как и мы, отправили заявку и получили заказ. Butch & Butch... Так как японцы не дураки, они подумали, что...

Именно в этот момент раздаётся стук в дверь.

— Войдите.

Сандра входит с двумя чашками кофе и ставит их на стол.

— Вот сахар и молоко. И ещё я принесла немного воды.

— Хорошо, поставь. Спасибо, Сандра. Ты уже отправила?

— Да.

— Какая фраза на этот раз?

— «Ты – солнце, что скрывается за тучами, когда идёт дождь. Я жду

тебя, моя радуга».

— Хорошо, с каждым днём лучше. Спасибо, если бы не ты...

Сандра улыбается Марчелло, затем – Алессандро.

— Ты всегда так говоришь, всегда хвалишь, лучше бы зарплату повысил! — и она разворачивается, едва сдерживая улыбку.

— Всё будет, всё будет, только верь! — и с этим Леонардо берёт стакан воды. По крайней мере, верь как я, заканчивает он про себя, думая о фразе на открытке. — Так мы говорили, что...

Марчелло пьёт свой кофе глотками, медленно. Алессандро свой уже выпил.

— Что японцы не дураки.

— Точно – наоборот, они гениальны. На самом деле, они устроили соревнование между нами и Butch & Butch, более серьёзной компанией, нашим прямым конкурентом, которым мы не должны уступить, а прежде всего, мы должны победить. Возможно, я не так гениален, как они, конечно, я не неуклюж и не глуп, я сделаю то же самое. Я всегда копирую. В школе меня прозвали Копикопи. Японцы устроили соревнование между нами и Butch & Butch? Хорошо, я устраиваю соревнование между Алессандро Белли и Марчелло Санти. Приз – четырнадцать миллионов долларов, двухлетний эксклюзивный контракт на продукцию ЛаЛуна, и для одного из вас – место международного креативного директора, и, конечно, огромное повышение зарплаты... реально огромное.

И вдруг Алессандро всё понимает. Понимает, почему их двоих позвали на это странное совещание. Потом чувствует, что тот, другой, смотрит на него. Поворачивается. Встречается с ним взглядом. Марчелло сощуривает глаза, наслаждаясь происходящим. Алессандро не отводит взгляда, он уверен в себе. Марчелло улыбается ему со спокойствием, фальшиво, победно, хитро.

— Отлично, почему нет, привлекательный проект, — он протягивает руку Алессандро, что означает начало соревнования. Алессандро пожимает её. В этот момент у него звонит телефон.

— Упс, извините, — он смотрит на номер на дисплее телефона, но не узнаёт его. — Простите... — он отвечает, немного отвернувшись к окну. — Да?

— Привет, Белли, как дела? А мне поставили семь[2], я заработала семёрку!

— Ты получила семёрку?

— Да! Классная оценка! Ты приносишь невероятную удачу! Думаю, это моя первая семёрка и единственная, да ещё по физре! Ты ещё там? Или

упал в обморок?

— С кем я говорю?

— Как это – с кем? Это Ники.

— Ники? Какая Ники?

— Как это – какая Ники? Ты шутишь? Ники, со скутером, ты меня чуть не убил этим утром.

Алессандро поворачивается к Леонардо и улыбается.

— Ах, да, Ники. Прости, я на совещании.

— Да, а я в институте, точнее, в мужском туалете. — Кто-то стучится в дверь. «Ты долго там ещё?» Ники изображает мужской голос: «Занято!» И продолжает, почти шёпотом, почти не слышимая в телефоне. — Слушай, я должна вешать трубку, там уже ждут. Знаешь, в чём весь абсурд? Нам здесь нельзя пользоваться мобильными. Это запрещено. Прикинь? Представь, если прямо сейчас что-то ужасное происходит с моей матерью...

— Ники...

— Что?

— Я на совещании.

— Да, ты мне это уже говорил.

— Так что пора заканчивать.

— Хорошо, я не хочу ничего плохого моей матери, зато тебе... Слушай, приезжай за мной, полвторого у выхода, окей? Просто, знаешь, у меня проблема, и никто не может мне помочь.

— И я не знаю, смогу ли. Почти уверен, что нет. У меня ещё одно совещание.

— Сможешь... Сможешь... — и она отключается.

Ники выходит из туалета. Перед ней стоит профессор, который только что поставил ей семёрку. Ники быстро прячет телефон в карман.

— Ники, это мужской туалет.

— Ой, простите.

— Не думаю, что ты ошиблась. К тому же, этот туалет и для профессоров...

— Тогда простите меня дважды.

— Слушай, Ники, не заставляй меня исправить твою оценку...

— Обещаю вам, что сделаю всё, чтобы заслужить её.

Профессор улыбается и заходит в туалет.

— Тогда, прежде чем начнётся урок профессора Мартини...

— Да? — Ники смотрит на него наивными глазами.

Профессор становится серьёзным.

— Выключи свой телефон, — и закрывает дверь за своей спиной.

Ники достает телефон из кармана и выключает его.

— Вот, профессор! Он выключен! — она кричит ему в дверь.

— Отлично! А теперь выйди из нашего туалета!

— Уже ухожу, профессор!

— Хорошо! Семёрка заслужена!

— Спасибо, профессор!

Ники улыбается и уходит в свой класс. Едва успела, пока профессор Мартини не перестала впускать. Ники останавливается, включает телефон и ставит его на беззвучный режим. Теперь, всё ещё улыбаясь, входит в аудиторию.

— Ну что, Волны, как отметим мою семёрку?

14

Алессандро разворачивается и выключает мобильный. Затем мягко улыбается.

— Всё в порядке, всё в порядке...

— Извини... — говорит Леонардо, улыбаясь ему, — но я всё слышал. Она получила семёрку. А я и не знал, что у тебя есть дочь.

— Нет, — улыбается Алессандро немного растерянно. — Это была моя племянница.

— Хорошо, это значит, она умница, вырастет, будет получать хорошие оценки, и, кто знает, присоединится к нашей команде! — Леонардо наклоняется над столом. — Конечно, если наша компания ещё будет существовать. Так как то, о чём мы говорили, — наша последняя возможность. Франция и Германия нас уже опередили. Испания наступает нам на пятки. И если мы не выиграем эти четырнадцать миллионов долларов и контракт, наш головной офис... — Леонардо руками изображает чайку, которая взлетает ввысь, — взлетит, — его руки теперь изображают разбитые крылья, превращаются в кулаки и с силой падают на стол. — Но мы не можем этого позволить, не так ли? И сейчас я точно знаю, что говорю с будущим креативным директором, — он смотрит на этих двоих вызывающе, почти со смехом, этим самым укрепляя неопределённость. — Я не знаю, кто из вас двоих это будет. Знаю только, что он не уступит испанцам. Но пасаран! И сейчас я хочу познакомить вас с вашими личными помощниками. Они оба оставили свою прежнюю работу. Они превратятся в ваши тени. Да что я говорю, больше, чем просто тени! Потому что тень молчалива, она просто следует и не имеет возможности предвидеть. А они, наоборот, будут вам помогать найти всё, что вам понадобится, они будут ожидать чего угодно. — Он берёт телефон: — Сандра?

— Да?

— Пожалуйста, пусть помощники войдут в указанном мною порядке.

— Конечно.

Дверь кабинета медленно открывается.

— Итак, это – Алессия.

Алессандро немедленно встаёт на ноги и приветствует её.

— Как же, Алессия! Отлично! Она идеальна для этой работы, всё будет невероятно. И, кроме того, ей не нужно беспокоиться за другие проекты, так что она сможет посвятить себя ЛаЛуне. Я очень рад работать с тобой!

Но Алессия молчит и кажется расстроенной.

— Что такое?

Леонардо вступает.

— Она будет помощницей Марчелло. Вы двое, Алессандро, слишком хорошо знаете друг друга. Вы спокойно можете и дальше оставаться друзьями. Но вы не можете больше удивить друг друга, вряд ли вы можете сказать друг другу что-то новое. Напротив, здесь мы должны создать новые, неожиданные команды. Тогда можно ожидать экстраординарных результатов.

Марчелло встаёт на ноги и здоровается с ней.

— Приятно познакомиться с тобой. Я слышал о тебе много хорошего. Уверен, вместе мы сотворим великое, Алессия.

— Я польщена, — и они пожимают друг другу руки.

Алессандро снова садится, рассерженный, но одновременно с любопытством, кто же станет его помощником.

— И для тебя... у меня есть идеальная тень.

Алессандро пододвигается немного вперёд, чтобы увидеть, кто это. И именно в этот момент в офис входит он. Он останавливается в дверях, улыбается. Алессандро поверить не может в то, что видят его глаза.

— Нет...

Он падает в кресло и почти вжимается в него. Леонардо копается в своих бумагах, бормоча про себя:

— Как же его зовут? Всё время забываю... Ах, да, вот оно, — счастливый, он берёт лист бумаги и поднимает его с улыбкой. — Твой новый помощник – Андреа Сольдини.

Андреа Сольдини улыбается, всё ещё стоя в дверях. И здоровается.

— Привет всем...

— Итак, представляю тебе Алессандро, человека, которому тебе придётся отдать всё. Вплоть до собственной жизни.

Алессандро смотрит на него, подняв брови.

— Посмотри-ка, вчера ночью ты уже начал отдавать мне жизнь, а?

Леонардо смотрит на них с любопытством.

— Вы знакомы?

— Да.

— Но вы никогда не работали вместе...

— Нет.

— Ладно, меня интересует только это. Прекрасно! А теперь все идите работать. Напоминаю вам, что происходящее – это игра, соперничество, соревнование, большой турнир. У нас есть возможность презентовать два проекта. И я играю в это с вами. Тот, кто выберет верную идею для рекламы ЛаЛуна, спасёт нашу компанию, а сам станет новым международным креативным директором.

Марчелло выходит с Алессией. Они улыбаются. Алессандро тоже подходит к двери. Немного подавленный, он смотрит на Андреа Сольдини. У него нет ни единого шанса. Он чувствует себя побеждённым с самого начала.

— Извините... — вдруг зовёт их Леонардо, — я не сказал вам кое-что ещё. Тот, кто проиграет, отправится в Лугано. Пусть победит сильнейший!

15

Улица. За городом. Оживлённая грязная улица, хаотично висящая одежда, помятые, покрашенные без любви мусорные баки. Его улицы. Мауро едет на старом, измученном скутере. На нём шлем, но он открыт, порванные джинсы, не стиранные сто лет. Он глушит мотор и паркуется у своего дома на небольшой площадке из потрескавшегося от солнца кирпича, у заржавевших со временем перил. Видит закрытую бакалейную лавку, всё заброшено, на земле только валяются старые персики. Всё это заставляет думать, что жизнь уже закончилась. Мауро стучит в дверь.

— Кто там?

— Это я, мама.

Пружина. Дверь открывается, и Мауро быстро входит. Дверь снова закрывается за их спинами. Две мухи играют в догонялки. Мауро поднимается по лестнице, не испытывая проблем с дыханием. В его двадцать два года воздуха у него предостаточно. Ему не хватает совсем другого. Слишком.

— Здравствуй, мама, — быстрый поцелуй на слегка влажной от пота щеке.

— Быстрей, все уже за столом.

Мать, пыхтя, поспешно возвращается на кухню. Она уже знает, что Мауро идёт к столу, не сделав одну важную вещь, и говорит ему об этом.

— Вымой руки, ты их вообще видел? Они же грязные.

Мауро входит в ванную, быстро открывает кран и моет руки под холодной водой. Но иногда мыла недостаточно, чтобы удалить все следы прошедшего дня. Потом он вытирает руки маленьким розовым полотенцем, местами дырявым, местами почерневшим. Вытирает ещё и ещё раз. Выходит, поправляет брюки, внутри них можно даже танцевать. Затем он садится за стол.

— Привет, Эли.

— Привет, Мау, — так его зовёт младшая сестра. Ей семь лет, у неё забавное весёлое лицо, она наполнена фантазиями, и он немного ей завидует из-за всего этого, она ещё не знает столько вещей, не знает всех трудностей, что поджидают её прямо за углом, в ближайшие годы.

Мауро отделяет вилкой кусок омлета и кладёт его себе в рот.

— Может, подождём твою мать? — Ренато, отец, сильно ударяет его в плечо, Карио, старший брат, равнодушно смотрит на него.

— Но, папа, я голоден.

— Вот именно. Именно поэтому ты подождёшь. Потому что ты голоден и должен уважать того, кто тебя кормит. Твой брат может есть. Ты — нет. Ты подождёшь, пока придёт твоя мать.

Аннамария приходит из кухни с большим блюдом. Она ставит его в центр, но оно едва не выпадает из её рук и отскакивает от стола с невероятным шумом.

— Ладно... — наконец, она садится, поправляет волосы, убирает их назад, уставшая от очередной порции своих повседневных дел.

Ренато сначала накладывает еды себе, потом возвращает поварёшку в супницу. Карио берёт себе пасту с фасолью, накладывает того же Элизе, малышке, которая сразу же неловко схватывает ложку, словно это маленький кинжал, она энергично возит ею по своей тарелке, утоляя свой зверский голод.

— Мама, ты хочешь?

— Нет, я попозже. Предложи лучше брату.

Карио протягивает блюдо Мауро, тот сразу же накладывает себе хорошую порцию. Потом смотрит на мать.

— Ты правда не хочешь, мама? Тут осталось немного.

— Нет, правда. Доешь.

Мауро накладывает себе остатки и начинает есть. Все склоняются над едой. Без контроля. Без пределов. Только стук ложек по тарелкам и шум

машин, проезжающих вдалеке, прерывают тишину. И ещё запахи. Запахи таких же домов, как их. Домов, воспетых Эросом, тех, что расположены на окраине, в той песне, где он уезжает далеко-далеко, чтобы забыть их. Дома из романов или фильмов, которых, скорее всего, никогда и не существовало, но все верят, что однажды встретят их. Дома, сделанные потом и кровью, фальшивыми фотографиями, пожелтевшими листами истёкшего календаря, у которого нет срока во времени, как у гола какого-то футболиста, который приносит победу на чемпионате, здесь хороша любая причина, чтобы изображать радость. Ренато первым съедает и отставляет тарелку.

— Эх... — Он чувствует себя лучше. Он на ногах с шести утра. Наливает себе воды. — Так что? Чем ты сегодня занимался?

Мауро поднимает лицо от тарелки. Он не думал, что с ним будут разговаривать. Надеялся только, что ему позволят доест.

— А? Можно узнать, что ты делал?

Мауро вытирается салфеткой, которая лежала рядом с блюдом, как обычно, сложенная пополам.

— Что ты хочешь знать, папа? Когда я проснулся, то пошёл немного прогуляться. Потом проводил Паолу, которая должна была пойти на пробы...

— А дальше?

— Дальше я подождал её, проводил обратно домой, а потом – пришёл сюда. Но это ты уже знаешь, так ведь? Я приехал поздно... Этот скутер очень медленный, и движение сегодня было активным.

Ренато протягивает руку.

— Конечно, разве тебя что-то волнует, а? Во всяком случае, здесь тебе обеспечен ужин. В то время как мы пашем, как ломовые лошади, ты можешь проводить свою жизнь вот так...

Карио берёт себе кусок омлета.

— Посмотри на него, посмотри... — отец показывает на Карио. — Твой брат ничего не говорит тебе, потому что любит. Хотя он должен дать тебе пинок под зад. Он встаёт в шесть и идёт на работу помогать сантехнику. Он чинит трубы, пока ты на своём скутере катаешь Паолу...

Карио жуёт омлет и смотрит Мауро в глаза. Мауро ловит его взгляд, снова вытирает рот и кладёт салфетку на стол.

— Ладно, я ухожу. Я уже наелся.

Ногами он отодвигает стул от стола, немного подавленный и мятежный, и быстро идёт к двери.

— Конечно... — продолжает отец, указывая на него. — Он поел, чего

ещё. Но этой ночью, Аннамария, ты сделаешь мне одолжение и запрёшься. Этот тупица больше не войдёт сюда.

Элиза смотрит, как он уходит. Аннамария забирает у неё уже пустую тарелку.

— Хочешь немного омлета, дорогая?

— Нет, не хочу.

— Тогда я почищу тебе яблоко.

— Нет, яблоко я тоже не хочу.

— Слушай, хоть ты не начинай. Ты съешь яблоко и точка.

Элиза немного склоняет голову.

— Ладно.

Мауро выходит из дома. Снимает цепь со скутера и складывает её в отделение под сиденьем. Он едет на всей скорости, даже не одев шлем. Наконец, съезжает с дороги и ускоряется в открытом поле. Потом, объехав пробку и попав на трассу Казилина, он останавливается. Глушит мотор и достаёт сигареты из кармана. Зажигает одну. Закуривает, нервный. Позади, между арками старого римского акведука, невзрачный закат начинает уступать ночным звёздам. Вдруг у него появляется идея. Он достаёт из заднего кармана джинсов свою Нокию, купленную на eBay. Ищет номер. Звонит ей.

— Привет, Паола, занята?

— Нет, нет, только что поужинала. Что произошло, что с тобой? Ты мне кажешься странным. Поссорился с родителями?

— Ещё бы! Я хочу немного поболтать с тобой, — и он объясняет ей всю чушь: что он ел, что сделал, когда вышел из дома. — А ты мне так и не рассказала, как прошли пробы.

— Знаешь, одна моя подруга, которая там работает, сказала мне, что шансы есть.

— Я же говорил. Вот увидишь, они выберут тебя. К тому же, там было столько выскочек. Ты была лучшая, говорю тебе. И вовсе не потому, что ты моя девушка.

И они продолжают разговор. К Мауро тут же возвращается хорошее настроение. Паола. Ещё немного надежды на то, чтобы стать хоть кем-то.

16

Алессандро выходит из кабинета Леонардо. Он всё ещё не верит.

— Просто... не могу поверить... — Андреа Сольдини следует за ним и в самом деле как тень, в буквальном смысле этого слова. — Или я должен

был встретиться с ним лицом к лицу? Мои премии, мои победы, мои успехи, – всё на волоске. И из-за кого? Из-за кого-то, о ком ничего не известно. Никогда не слышал об этом Марчелло Санти. Что он такого сделал? Какие премии ему давали? Я даже не помню ни одной его рекламы.

— Ну... — нерешительно вмешивается Андреа Сольдини, — он делал рекламу Golia, Crodino, и ещё реклама кофе, например, та, где чашка поднимается в небо, как на воздушном шаре. Ещё – средства от moskitov. В общем, много всего.

Именно в этот момент к ним присоединяется Алессия, которая подливает масла в огонь.

— Ещё он сделал рекламу Saila, в которой выходит, танцуя, та красивая девушка.

Алессандро осматривается вокруг.

— И где он сейчас?

— Пошёл выбрать остальных членов своей команды. Мне так жаль, что мы не можем быть вместе в таком важном проекте.

— Знаю, мне тоже жаль, но ещё я знаю, что работа есть работа, и что ты сделаешь всё, что можешь, для его победы, как это и должно быть.

— И ещё, дорогой Алессандро, потому что в сентябре, что бы ни случилось, меня отправляют в Лугано... и если ты проиграешь, то поедешь со мной! — немного смущённая, Алессия улыбается и уходит.

— Конечно, но только если проиграю! Хотя сейчас та, что всегда работала со мной, теперь будет против меня, с моим прямым противником. И не только поэтому этот человек хочет, чтобы я проиграл! Но я готов...

Андреа пожимает плечами.

— Да, но она это сделает, чтобы быть с тобой... в Лугано.

Алессандро смотрит на него и слегка опускает веки.

— Спасибо, ты такой тактичный. Но дело не в том, что я не люблю Лугано, наоборот. Просто я не желаю проигрывать.

— Хорошо, тогда сделаем всё возможное.

— Да, но только этого недостаточно, ты должен сказать «мы победим».

— Да, окей, мы победим, и снова благодаря прошлой ночи, а? Я ценю, что ты никому ничего не сказал, и прежде всего... Окей, кажется, это знак судьбы, что мы оба оказались сегодня здесь, ты и я, понимаешь? Когда вчера я тебе сказал, что у меня собеседование, я ещё не знал, чем стану заниматься. Видишь? В принципе, произошедшее прошлой ночью – лучшее, что могло произойти...

— Ах так? И почему же?

— Потому что это нас объединило. Так сказать, каким-то образом я

обязан тебе жизнью, и я буду твоей тенью. И к тому же после вчерашнего одна вещь неоспорима.

— Да?

— ...ты больше никогда не забудешь моё имя.

— Конечно, конечно... кто может тебя забыть? Я только надеюсь, что когда всё это закончится, ты не оставишь мне плохих воспоминаний о себе.

— О, нет, можешь быть уверен.

— Нет, тот, кто должен быть уверенным, это ты. Потому что если мы проиграем, я тебя убью, — он останавливается перед кабинетом. — Я представляю тебя моей команде.

Он открывает дверь, внутри за столом сидят две девушки. Одна рисует, другая листает газету, рядом стоит парень и скучающе играет пакетиком чая в чашке. Он поднимает и опускает его, чтобы заварить как можно крепче.

— Итак, это Джорджия.

Дизайнер поднимает коробку карандашей и с улыбкой машет ею рядом со своим лицом.

— А это Микела.

Молодая девушка кладёт газету на стол, закрывает её и тоже с улыбкой смотрит на Андреа.

— И, наконец, представляю тебе Дарио.

Парень прищуривается, чтобы лучше разглядеть вошедшего.

Алессандро продолжает:

— Ребята, это Андреа Сольдини. Вместе мы должны принять участие в очень важном соревновании и победить. Скажу вам только, что победитель станет международным креативным директором, в то время как проигравшая команда умрёт. Группу могут расформировать, но самое главное – меня могут перевести в Лугано. Понятно? Так что единственное, что мы можем сделать, – победить.

Дарио смотрит на него вопросительно.

— А наш менеджер Алессия?

— Теперь с врагом. Или, лучше сказать, превратилась во врага. Теперь наш менеджер – Андреа Сольдини.

Дарио не верит.

— То есть, Алессия со всем своим опытом, способностями, иронией, решимостью... теперь за другую команду. А можно узнать, кто их креативный директор?

Алессандро улыбается, стараясь преуменьшить значительность.

— Да какой-то Марчелло Санти.

— Что?! — Дарио и девушки словно окаменели. — Какой-то Марчелло Санти?! Да у него куча разных премий. Он новый гений, новатор нашего времени. Леонардо взял его в отдел маркетинга после того, как мы только-только обошли наших прямых конкурентов. — Алессандро слушает с удивлением. Похоже, он единственный, кто не слышал о таком успехе. — И более того, — Дарио продолжает, глядя на Андреа Сольдини, — у него теперь Алессия. Ну всё, ребят, я ухожу.

— Куда это? — спрашивает Джорджия.

— Искать новую работу. Это лучшее на данный момент, пока не стало поздно.

Алессандро его останавливает.

— Ладно, мне не нужны тут шутки. Именно когда игра становится жёсткой... когда жёсткие начинают играть.

В этот самый момент Андреа Сольдини преграждает путь Дарио, блокируя таким образом дверь и любой возможный выход.

— Не волнуйтесь за будущее. Ну, или волнуйтесь, если хотите, только зная, что это поможет вам так же, как жвачка поможет решить математическое уравнение. Реальные проблемы в жизни происходят сами по себе, ты не можешь решить их у себя в голове заранее, они вдруг произойдут в четыре часа пополудни в один ленивый вторник. Каждый раз, как это будет происходить, делай одну вещь: пой!

Алессандро стоит, открыв рот. Джорджия и Микела слушают речь с улыбками. Дарио аплодирует.

— Поздравляю, если бы не финал «Большой кахуны», было бы не так плохо.

Алессандро приходит в себя и смотрит на Андреа.

— Да, это и правда из того фильма, — узнаёт он фразу. — Но я знаю её наизусть...

Дарио толкает Андреа, пытаясь выйти. Алессандро хватается за шею и не отпускает.

— Окей, Дарио, давай поговорим. Важно, чтобы ты остался, чтобы в этот трудный момент остались вы все. Позвольте мне хотя бы рассказать, что нужно делать. Продукт — это конфетки. Называются ЛаЛуна, слитно. Конечно, они имеют форму полумесяцев. Фруктовые, очень вкусные. Вот упаковка, — он шарит в кармане и достаёт коробочку, которую стащил из кабинета Леонардо. — Я не могу рассказать вам больше.

Он отпускает Дарио, который берёт коробку и рассматривает. Белая с маленькими разноцветными полумесяцами.

— Похоже на мороженое «Радуга».

— Да, я сказал то же самое, — удовлетворённо улыбается Андреа Сольдини.

Дарио смотрит на него с полуулыбкой.

— Он сказал то же самое?

И пока Алессандро берёт его под руку и отводит на место, Дарио кладёт конфету в рот.

— Ммм, по крайней мере, на вкус – отлично.

— Так ты будешь работать над этим?

— Конечно, но я всё ещё не понимаю...

— Чего не понимаешь?

— Две вещи. Первая: почему без Алессии?

— Потому что Леонардо захотел перетасовать карты. Он сказал, что мы её знаем слишком хорошо... Что мы будем почивать на лаврах.

— Да, понимаю, но с ней мы всегда побеждаем. Спим, но побеждаем.

Алессандро пожимает плечами, как бы говоря: «Ничего не могу поделать».

— Ещё меня беспокоит...

— И второе: почему не выбрали меня на замену Алессии?

— Потому что Леонардо принял Андреа Сольдини.

— Ой, не неси чушь! Давайте называть вещи своими именами: его взяли сюда по блату!

— Нет, это не так. Леонардо даже не помнит его имени. Я думаю, он и правда хорош. Ему только нужно дать шанс. Ты дашь ему шанс, Дарио?

Дарио осматривает его примерно с мгновение. Затем вздыхает, разгрызает свою конфету и проглатывает. Улыбается и делает утвердительный жест головой.

— Ладно... Ради тебя.

Алессандро собирается уходить. Дарио его останавливает.

— Прости, я не хотел так поступать... Как ты сказал его зовут?

17

Коридор заполняется, как река после дождя. Цвета, смех, джинсы, музыка в МРЗ, звонки мобильных, взгляды, перебегающие от одного к другому, отскакивающие от стен, содержащие в себе секретные послания. Волны выходят из класса. Олли достаёт свой плотно завёрнутый в фольгу бутерброд.

— Он же просто гигантский!

— Да. Помидоры, тунец и майонез.

— И ты сама его сделала?

— Ещё чего. Его приготовила Джузи, синьора, которая помогает нам по дому. Она сказала, что в бутерах из магазинов куча дерьма, поэтому она сама будет мне делать их.

— Я пойду на поиски перекуса. Что-нибудь злаковое. И что бы ты ни ела, всё равно у меня будет вкусней, — Дилетта удаляется с преувеличенной радостью, на ходу очень смешно подпрыгивая, отчего её волосы болтаются в разные стороны.

— Неееет! Ненавижу тебя! Ты должна сразиться с Джузи! — кричит ей Олли со смехом.

Торговый автомат находится рядом с окнами, на углу коридора, где он превращается в вестибюль. Группа ребят толпится перед ним, выбирая. Дилетта знает одного из них.

— Один сэндвич для меня, — парень, одетый в North Sails, обращается к девушке, стоящей рядом.

— Хочешь с соусом тартар? Тогда держи.

— Не говори мне, что у тебя типа оказался лишний. Слушай, просто купи мне его, и в субботу я приглашу тебя на пиццу.

Но девушка не выглядит довольной.

— Пицца и кино.

— Ладно, хорошо... Ты посмотри, он не принимает монету.

— Как это не принимает?

— Вот так.

Дилетта оглядывает девушку, стоящую перед ней в очереди. Она закидывает монету в щель, но автомат выплёвывает её снова и снова. Она роется в карманах, как моряк. Находит другой евро и пробует ещё раз. Ничего не выходит.

— Не принимает? — спрашивает тип, который стоит у автомата с напитками рядом.

— Нет, — отвечает девушка.

— Слишком новая монета. Какие у тебя подошвы?

— Подошвы?

— Да, подошва на туфлях, лучше всего резиновая.

— Окей, и что дальше?

— Берёшь евро и трёшь его о свою резиновую подошву.

— Что за глупость!

— Ну, тогда делай так, как хочешь, и оставайся голодной.

Он возвращается к своему автомату. Две девушки бросают на него недобрые взгляды и уходят. Подходит очередь Дилетты. Пока она ждала, то вертела и вертела в руках свой евро, производя кто знает какой физико-

энергетический ритуал, надеясь, что удача ей улыбнётся. Она кидает монету в щель. Клинк. Монета с неумолимым и циничным звуком вываливается обратно. Что же делать. Её евро, должно быть, тоже слишком новый. Она берёт и пробует ещё раз. Ничего. Опять. Снова. Дилетта начинает нервничать и бьёт автомат.

— Синьорина, бейте свой евро, этот аппарат дорогой. О чём вы думаете?

— Подождите, дайте мне попробовать, — голос за их спинами заставляет Дилетту обернуться. Высокий парень с золотисто-каштановыми волосами, немного загоревшее на весеннем солнце лицо, глаза зелёные, цвета надежды, он смотрит на неё немного смущённо и улыбается. Бросает евро в щель. Плинк. Другой звук. Работает. — Пока ты пробовала, я сделал то, что сказал тот парень.

«Тот парень» оглядывается и смотрит на него.

— Да ладно, хоть кто-то чему-то учится. Синьорина, давайте же скорей.

Дилетта бросает на него косой взгляд.

— Что хочешь? — вновь говорит тот голос.

— А, что? Да! Батончик мюсли!

Парень нажимает кнопку, и батончик падает в коробку. Он наклоняется и достаёт его.

— Вот, держи.

— Спасибо, но тебе незачем было это делать. Возьми евро.

— Да нет, я уже видел, что он не работает. И это вовсе не обязательно.

— Возьми же. Ты знаешь, как это сделать. И я не люблю долги.

— Долги? За батончик?

— Да, но мне всё равно не нравится. И всё равно спасибо, — и она уходит с батончиком в руке, не говоря больше ни слова. Парень остаётся на месте, немного ошарашенный.

Тип, стоящий рядом, смотрит на него.

— Эй, слушай, ты ей понравился.

— Ага, точно произвёл впечатление. Пока.

Дилетта возвращается к Волнам. Между тем, Олли уже доедает свой бутерброд.

— Прекрасно! Ничего общего с едой! Девочки, аппетит – как секс: чем больше, тем лучше!

— Олли, это отвратительно!

Дилетта распаковывает батончик мюсли и начинает есть.

— Что с тобой?

— Ничего. Автомат не хотел брать мою монету.
— И что ты сделала?
— Ну... мне помогли...
— Кто?
— Будто я знаю. Он достал мне это.
— Ага! Ты слышала, Ники? Он! — и вдруг трое начали хором кричать:
— Это он! Наконец-то! — и они пихают Дилетту, которая сначала дуетса, но потом её не остаётся ничего другого, кроме как смеяться вместе с ними. Потом они останавливаются, услышав удар. Дилетта оборачивается. Ники и Эрика тоже. Олли одна продолжает кричать:
— Наконец-то это он! — но, в конце концов, она тоже останавливается. — Что такое?
— Он, — говорит Дилетта и быстро входит в аудиторию.
Парень останавливается перед ними. В руках у него такой же батончик мюсли, как у Дилетты.
— Наконец-то это он, — и улыбается.

18

— Итак, теперь найдите мне всё, что можно найти о любых конфетах, что когда-либо публиковалось в Италии. Нет, лучше. В Европе. Что я говорю, в мире.
Джорджия смотрит на Микелу, показывая на Алессандро.
— Я просто с ума схожу, когда он такой.
— Да, я тоже. Он превращается в мужчину моей мечты. Как жаль, что, когда всё закончится, он станет таким, как обычно. Холодным, незаинтересованным ни в чём... — она рисует в воздухе кривую, — и, главное, уже занятым...
— Нет, ты не в курсе? Они расстались.
— Не говори мне. Ммм... Становится гораздо интересней. Может быть, мой аппетит не уменьшится после этого задания. Серьёзно, он расстался с Эленой? Теперь я понимаю эту историю о прошлой ночи, в его доме... Русские... Мне всё ясно.
— Какие русские? Какая ночь? Только не говори, что он развлекался с нашими моделями.
Приходит Дарио.
— Как это – ваши модели? Они из нашей компании, Освальдо Феста, до сегодняшнего дня, по крайней мере. Они должны были сниматься ещё один день, у них контракт. Кроме того, они же наши воспитанницы. Что с вами, вы ревнуете?

— Мы? За кого ты нас принимаешь?

Именно в этот самый момент входит Алессандро.

— Можно узнать, о чём вы так много болтаете? Хотите остаться без работы? Давайте же, напрягитесь, вы должны выжать всё, что в ваших головешках! Я не собираюсь ни ехать в Лугано, ни терять вас!

Джорджия пинает Микелу.

— Видишь? Он любит меня!

Та фыркает и качает головой.

— «Меня»? Вообще-то, он использовал множественное число, что включает тебя и меня тоже!

— Ну, за работу!

Андреа Сольдини подходит к Алессандро, который смотрит на коробочку карамели. Он ставит её на стол. Неподвижно рассматривает. Закрывает глаза.

Представляет. Мечтает. Ищет вдохновение... Андреа похлопывает его по плечу.

— А? Кто это? — он немного раздражается.

— Я.

— Кто – я?

— Андреа Сольдини.

— Да знаю, я пошутил. Говори...

— Мне жаль.

— Из-за чего? Это всё – игра. Мы уже начали, так и продолжим, всё получится.

— Я говорю об Элене.

— Элена? Причём здесь она?

— Ну, потому что вы расстались.

Андреа возвращается к Джорджии и Микеле, которые притворяются невозможно занятыми в своих компьютерах.

— Ладно, ничего, извини, я ошибся... Думал, что...

— Вот именно, очень хорошо, что ты думал, думать – это как раз то, чем ты и должен заниматься. Но думать о ЛаЛуна. Только об этом. Всегда, непрерывно, день, ночь, даже во сне. Это должно стать твоим кошмаром, одержимостью, чтобы что-то придумать. И если ты не придумаешь ничего, то начни думать о ЛаЛуна каждую секунду. Всё, не отвлекайся. ЛаЛуна... ЛаЛуна... ЛаЛуна...

В эту секунду звонит телефон.

— И когда мы все вместе, когда у нас мозговой штурм, творческая буря, в которой мы преследуем идею для ЛаЛуна, давайте выключать все

проклятые телефоны.

Подходит Джорджия и протягивает ему Мотороллу.

— Держи, босс. Это твой.

Алессандро смотрит на него слегка смущённо.

— Ах, да... и правда... Отлично, «босс» мне нравится гораздо больше, чем «шеф». — Он отходит, чтобы ответить: — Да? Кто это?

— Ты до сих пор не сохранил мой номер?

— Что?..

— Это Ники.

— Ники...

— Та, что ты сбил этим утром.

— Ой, прости, правда, Ники... Слушай, сейчас я очень занят.

— Ладно, не волнуйся, когда увидимся, я тебе помогу. Но сделай мне одолжение. Сохрани мой номер, и тебе не придётся каждый раз тратить время на то, чтоб вспомнить, кто я такая, и потом эта авария, а она случилась по твоей вине...

— Окей, окей, клянусь, я сделаю это.

— И самое главное – сохрани под именем Ники, ладно? Ники и ничего больше. Моё имя звучит именно так. Это никакое не сокращение! И не путай с Николеттой, Никотиной, Николь, ничего такого.

— Понял, понял, что-то ещё?

— Да, нам нужно встретиться, чтобы обсудить проблему.

— Какую проблему?

— Авария, мой скутер. Мы должны заполнить этот лист, как же он называется?

— Квитанцию.

— Да, квитанцию и ещё, то, о чём я тебе говорила... Ты помнишь, правда?

— О чём?

— Что ты должен приехать и отвезти меня к механику. Я не могу без скутера.

— А я не могу без работы. Я должен разработать концепцию для очень важного задания, и у меня очень мало времени.

— Сколько?

— Месяц.

— Месяц? Да за месяц можно успеть что угодно... Даже поехать и пожениться в Лас-Вегасе.

— Ага. Но мы в Италии, и здесь всё гораздо сложнее.

— Да, но так ведь и нам не нужно жениться, так ведь? По крайней

мере, не так вот сразу.

— Слушай, Ники, я правда очень занят. Я не могу больше говорить по телефону.

— Понятно, ты мне уже говорил. Ну, тогда сделаем проще. Полвторого у института[3]. Помнишь, где он?

— Да, но...

— Окей, тогда до скорого.

— Послушай, Ники... Ники? Ники?

Она бросила трубку.

— Ребята, я пойду в свой кабинет. Продолжайте работать. ЛаЛуна, ЛаЛуна, ЛаЛуна. Вы слышите? Решение витает в воздухе. ЛаЛуна, ЛаЛуна, ЛаЛуна.

Алессандро выходит, качая головой. Ники. Только её ему не хватало.

Когда он уходит, Джорджия и Микела переглядываются. Джорджия хмурится. Микела замечает.

— Что с тобой?

— Мне кажется, что босс скоро придёт в себя.

— Ты думаешь?

— Интуиция подсказывает.

— Хоть бы так и было. Когда он нервный, работается не очень-то здорово.

Андреа Сольдини перемещается в центр стола. Он улыбается, вытянув руки.

— Однажды я прочитал одну красивую фразу. Любовь... это мотор. Как верно, не правда ли? Любовь всё приводит в движение.

Дарио поворачивает голову.

— Я иду искать старую рекламу карамели, — перед уходом он подходит к Микеле с очень грустным выражением лица: — Не знаю, почему, но я очень скучаю по Алессии.

Андреа Сольдини берёт записную книжку и начинает читать.

— Ладно, давайте распределим работу. Объективное и субъективное, верно? Как нам сказал босс. Между тем, кто-то должен всё разузнать о Марчелло Санти. Кто он. Что делает. Откуда взялся. Что ест. О чём думает. Как работает.

Микела смотрит на него с любопытством.

— Зачем это всё?

— Потому что знать противника — это хорошо. Я мало знаю о нём, очень мало. Какая-то победа или какая-то история мне не подходят, если они не имеют ничего общего с нашей работой.

— Какая история?
— Я же сказал, что это не имеет ничего общего с нашей работой.
— Тогда зачем ты вообще сказал об этом?
— Ладно, — Микела поднимает руку, — Марчелло Санти займусь я.
— Отлично, ещё нужно заняться исследованием продукта и придумать слоган ЛаЛуна.
— Я уже думаю над слоганом, — говорит Джорджия.
Дарио хранит молчание. Андреа смотрит на него.
— Кроме того, нужно придумать новый тип упаковки, не знаю, новая коробка, добавить распределитель, но не похожий на другие.
Дарио всё ещё молчит. Андреа глубоко вздыхает.
— Если мы организуемся, всё пойдёт лучше. Хотя я и старший менеджер, но для меня – мы все одна команда, которая должна победить.
Дарио качает головой и выходит. Не знаю, почему, думает он, но я с каждым разом всё больше скучаю по Алессии.

19

— Да? Ура! Ты наконец-то сохранил мой номер!
— Да.
— И?
— И – что?
— Ты сейчас опоздаешь. Давай, ускоряйся.
— Я почти на месте...
— Смотри, если приедет моя мать и увидит меня, то будет беда...
— Почему ты говоришь, что...?
Клик.
— Алло? Алло, Ники? — Алессандро смотрит на телефон. — Не могу поверить. Опять отключилась. За что мне это! — он качает головой, потом поворачивает направо и ускоряется, едет на всей скорости к институту. Подъезжает к углу. Ники уже там. Она бежит к Мерседесу, чуть ли не запрыгивает на него. Пытается открыть дверь, но она закрыта на замок. Ники стучит в окно.
— Давай, открывай же, открой...
— Потихе, ты мне сейчас стекло разобьёшь.
Алессандро нажимает на кнопку. Замки открываются. Ники залезает внутрь, почти что ложась на пол, потом умоляюще смотрит на Алессандро.
— Едем, едем!
Алессандро тянется со своего места и закрывает дверь, которую она оставила открытой. После, спокойно и медленно зигзагом пробираясь

между других машин на парковке, которые, вероятно, ожидают других учеников, он удаляется. Ники потихоньку залезает на кресло.

Выглядывает наружу.

— Видишь ту синьору рядом с «жуком»?

— Вижу.

— Вот, это моя мама. Не останавливайся, не останавливайся, едем скорее.

Алессандро продолжает спокойно вести.

— Мы её уже проехали. И ты уже можешь сесть нормально.

Ники устраивается в своём кресле и смотрит в зеркало заднего виденья. Её мать уже далеко.

— Красивая женщина.

Ники испепеляет его взглядом.

— Не говори о моей матери.

— Честно, это был просто комплимент.

— Для тебя моя мать не существует, даже для комплиментов.

Мобильный Ники начинает звонить.

— Нет! Она звонит мне! Чёрт, я думала, она даст мне немного времени... Немного спокойствия. Нам сюда.

Алессандро послушно останавливается. Ники показывает ему знаками, чтобы он молчал.

— Тссс... — шипит она. И открывает свой телефон, чтобы ответить.
— Мама!

— Где ты?

— У Олли. Сегодня мы ушли немного раньше.

— Но как это? Ты забыла, что сегодня я должна была приехать за тобой, что мы собирались в парикмахерскую?

Ники хлопает себя по лбу рукой.

— И правда, мама... чёрт, я совсем забыла, извини.

Симона, мать Ники, качает головой.

— Итак, ты совсем не там, где должна быть. Должно быть, это всё из-за экзаменов, или этот парень, который ни на секунду тебя не отпускает... как же его там? Фабио.

— Мама, мы прямо сейчас должны об этом говорить? Я дома у Олли,
— Ники смотрит на Алессандро, как бы говоря: ведь я именно там, не так ли? — И, кстати, мы расстались.

— Ох, наконец-то, хоть одна хорошая новость.

— Мама!

— Что такое?

— Не говори так! А если я вернусь к нему?

— Именно поэтому я и говорю это, чтобы ты к нему не возвращалась! Вообще-то, мы с тобой пообещали друг другу кое-что, нет? Мы должны всегда всё друг другу рассказывать!

— Окей, окей, хорошо. Слушай, мы с Олли пойдём съедим что-нибудь, я вернусь поздно, не жди меня, хорошо?

— Извини, Ники, но разве тебе не нужно учиться?

— Пока, мам...

Слишком поздно. Симона тоже остаётся с молчащим телефоном в руке. Её дочь бросила трубку.

Ники ставит телефон на беззвучный режим и блокирует клавиатуру. Она опирается на руку и засовывает телефон в задний карман брюк. Алессандро смотрит на неё и улыбается.

— И как часто ты врёшь маме?

— Нечасто... Например, то, что я рассталась с ним, — правда. И вообще, тебе-то что? Ты мне не отец.

— Именно поэтому я тебя и спрашиваю, потому что я не отец. Если бы я был им, ты бы мне ни за что не ответила.

— Мадонна, какой же ты философ! Поворачивай сюда, давай, сюда, быстрее, — Ники хватает руль и помогает ему свернуть. Автомобиль даёт небольшой крен, вторгаясь на встречную полосу, но ему удастся восстановить траекторию.

— Спокойно. Что же ты делаешь? Отпусти руль! Ещё немного, и мы врежемся!

Ники усаживается обратно в своё кресло.

— Эй, да ты параноик!

— Станешь тут параноиком! Мне не хватало только ещё одной вмятины, и ещё надо разобраться с тобой, из-за этой машины мне придётся сводить концы с концами.

— Не преувеличивай.

— Ты видела, что сделала своим скутером с моей дверью?

— Только царапина... Столько шума из ничего. Преувеличиваешь, говорю тебе, всё время преувеличиваешь.

— Ладно, какая тебе разница, машина-то моя.

— Хватит, ты сейчас похож на мою мать. Сейчас мы с ней именно это изучаем, собственность. Осторожно!

Алессандро замедляется и чувствует удар по машине. Смуглый парень на старом скутере, позади которого сидит девушка с каштановыми волосами, обнимающая его изо всех сил, проезжает на знак «стоп». Они

ничего не понимают. Или им просто всё равно. Алессандро опускает стекло.

— Придурки! — но эти двое уже далеко. — Ты видела? Они не остановились, даже не посмотрели на знак. А потом все говорят об авариях.

— Ладно, не будь занудой. Главное, что ты их увидел и смог избежать удара, так ведь? Может, у них важное свидание...

— Ага, в такой одежде.

— Может, торопятся куда-то. Должны работать. Не все вокруг папочкины детки, ты в курсе? Мать моя... ты такой древний. Ты судишь о людях по их одежде?

— Не только по одежде... всё в целом важно. Нехватка уважения, моральных ценностей. В лучшем случае, они как те ребята из книг Пазолини... Им нужна помощь, они пытаются сами разобраться в происходящем...

— Пазолини? Ага, ещё скажи, они едут со стороны Париоли, и у них что-то запрятано под этим дряхлым сиденьем! Да что ты знаешь? Эх, ты на самом деле похож на моего отца!

— Слушай, ты заставила меня приехать и забрать тебя, это ладно... Но мы должны всю дорогу спорить?

— Нет, зачем. Но если бы ты сбил этих двоих, я не стала бы давать показания в твою пользу...

— Я понял. Ты хочешь поругаться.

— Нет, я ведь уже сказала. Просто напоминаю тебе, что этим утром ты отвлёкся и сбил меня. Или ты будешь отрицать?

Алессандро смотрит на неё.

— Если бы это было так, меня бы здесь не было.

— Слава богу. Так, сверни на следующем повороте.

— Так куда мы едем?

— К механику. Я ему отправила смс в последний момент, он сказал, что подождёт меня... Теперь сюда, направо... Хорошо, тише, тише, это здесь, чуть сзади... Вот и приехали.

Но автосервис уже закрыт.

— Нееет, он меня не дождал... Закрыто. И что теперь? Чёрт. Что мне делать?

— Как это – что тебе делать? Теперь у тебя есть личный шофёр, нет?

— Ещё чего. Сегодня мне нужно съездить в кучу разных мест без тебя.

— Да, конечно.

— В смысле?

— Я не был приставлен к тебе. Я и не собирался никуда с тобой ехать.
— До скорого. Мы не были знакомы... — Ники вылезает из машины.
— Ты – всего лишь авария, — и закрывает дверь.

— Да, я знаю. Но авария может быть и позитивной, и негативной. Зависит от того, как посмотреть. Ведь она может навсегда изменить твою жизнь в тот самый момент, не так ли?

Ники подходит к своему скутеру, который припаркован рядом с автосервисом. Садится на него. Дважды ударяет ногой. Пытается завестись. Ничего не выходит.

— Теперь, — говорит она, — Милла не заводится.

— Милла? Кто это?

— Мой скутер!

— И почему Милла?

— Всегда и на всё должна быть причина?

— Мать моя, ты становишься невыносимой...

Ники почти не слышит его и слезает со скутера.

— Так и знала, поставил свечу. Поэтому не завелась от удара, — Ники снова встаёт на ноги и подходит к Мерседесу. — Вот дерьмо! — Она вытирает руки о свои потёртые джинсы, которые сразу же пропитываются тёмным маслом. Тогда она делает движение, чтобы сесть в машину.

— Прости, что ты делаешь?

— Как это – что делаю? Сажусь.

— Я это уже вижу. Но посмотри на себя, ты же вся грязная. Секунду, возьми это, — и Алессандро протягивает ей новую светло-бежевую замшевую тряпочку для полировки.

Ники ему улыбается. А потом вытирает руки.

— Если хочешь знать, Милла – это от слова «ромашка»[4], может, потому что езда на скутере меня расслабляет... В общем, так зовут мой скутер, и точка. А вот есть кое-что ещё... Знаешь что? Между нами все идеально.

— Что ты имеешь в виду, говоря «между нами»?

— Мы с тобой настолько разные... Во всём. И мы рискуем безнадёжно влюбиться друг в друга.

Алессандро улыбается и заводит мотор.

— Попала в точку.

— Ну, а что в этом плохого? Чего ради тогда вертеться? Этим уже занята планета, нет? Я иду прямо.

— Почему ты такая? — Алессандро поворачивается и смотрит на неё, стараясь хоть что-то вбить ей в голову. — Любишь разочарования? Дочь

разведённых родителей? Пострадала от жестокости, когда была маленькой?

— Нет, когда была большой. Как раз сегодня утром, из-за одного Мерседеса... Я иду прямо к цели, а ты всё пропускаешь. А ещё ты ничему не учишься. Не знаю, почему я такая. Что значит это «почему»? Я тебе уже говорила, иногда нет никаких «почему». Я такая и всё, говорю, что думаю. Всё ещё умею так.

Алессандро улыбается ей.

— Да. И у тебя вся жизнь впереди.

— Как и у тебя. Жизнь заканчивается только тогда, когда ты сам себе не позволяешь жить. Нравится?

— Да.

— Это я придумала. Авторские права принадлежат Ники. Но я тебе дам попользоваться фразочкой с великим удовольствием, потому что сейчас я переживаю момент странного счастья. Я чувствую себя свободной, счастливой, спокойной... Я боюсь, что если говорить это вслух, то всё исчезнет. — Алессандро смотрит на неё. Красивая. Весёлая. Такая юная. — А самое главное, я рада, что приняла решение.

— Имеешь в виду, что решила взяться за учёбу?

— О чём ты? Прошлой ночью я сказала своему парню, что наше расставание окончательно. Нас нет. Превратилось в пыль. Распалось. Исчезло. Испарилось...

— Ладно, я уловил суть. Но если ты используешь так много слов, значит, ваша история была для тебя очень важной.

— Да ну.

— Ага, теперь ты строишь из себя каменную со мной. Должно быть, всё это для тебя как раз прошло очень болезненно.

— Сегодня уже нет. Но в ту ночь, когда он пошёл на концерт Робби Уильямса со своим другом, — да... Понимаешь, он не взял меня с собой. Он не взял меня, но зато взял своего друга, понимаешь? В тот момент всё и стало рушиться. Но я продолжала развлекаться, и, когда я решила, что всё кончено, ему было наплевать на меня.

— Я понимаю, но почему тогда ты так сердишься?

— Потому что не порвала с ним раньше. Злюсь, что не слушала своё сердце.

— Знаешь, возможно, ты не была готова сделать это.

— Это не так. Всё, что я делала, — это врала самой себе. Так всегда бывает, когда тебя что-то тяготит. С тех пор, как я приняла решение, прошло два месяца. Я врала себе самой в течение двух месяцев. И это нехорошо. Можно врать всему миру, но только не самому себе.

— Согласен, но всё-таки лучше поздно, чем никогда, так ведь?
— О-о-о, теперь ты похож на мою тётю.
— И что я должен сказать? Я не могу и слова вставить?
— Именно это мне всегда говорит мой брат.
— Я понимаю, почему тебе так хорошо со мной: тебе кажется, что вся твоя семья рядом.

Ники хохочет.

— Было бы неплохо. Клянусь тебе, ты заставил меня смеяться... Я начинаю смотреть на тебя другими глазами. Серьёзно, правда.

— Я набрал у тебя очки?

— Немного, но тебе всё ещё не хватает огромного количества, авария с моей Миллой отняла у тебя по меньшей мере двадцать... К тому же, ты одеваешься, как подросток.

— Что? — Алессандро осматривает себя.

— Темный костюм с обувью Адидас, слишком светлая голубая рубашка, пуговица на шее расстёгнута, и галстука нет.

— И?..

— Отчаянная попытка вернуть ушедшее время. По крайней мере, Пруст бы не заслужил такого уважения за всё, что написал, если бы так одевался.

— Вообще-то, в его эпоху Адидас ещё не существовали, а всё это — моя рабочая одежда. Когда я со своими друзьями, то я одет в более спортивном стиле.

— Или ещё молодёжней. Словно говоря: «Эй, ребята, смотрите на меня, я один из вас!» Но ты уже не один из них. Ты ведь это понимаешь, правда?

Алессандро улыбается и качает головой.

— Мне жаль, но ты ошибаешься на мой счёт.

Ники подтягивает колени к груди и ставит ноги прямо в обуви на сиденье.

— Опустит! — Алессандро хлопает её по ногам.

— Зануда, зануда... — потом она смотрит на него с хулиганским выражением лица. Ей что-то пришло в голову. — Слушай, предлагаю тебе игру. Что тебе понравилось во мне?

— Почему? Мне волей-неволей должно было что-то понравиться?

— Знаешь, это нормально, когда, встречая нового человека, что-то тебе в нём нравится, а что-то нет, так? Ну, для меня нормально. Может, тебе не нравится, когда слишком много парфюма, или слишком длинные волосы, не нравится жвачка, или слишком много движений, когда ставят ноги на

сиденье... Например, я уверена, что тебе не понравились мои сиськи, — Ники немного приподнимает их. — Конечно, сейчас они маловаты, я похудела. Я участвую в волейбольном турнире... Знаешь, мы на третьем месте... Да ладно, пофигу. В любом случае, я знала, что это не было первым, на что ты обратил внимание, когда мы встретились.

— Нет, конечно, первым, на что я посмотрел, была царапина на машине.

— Да знаю я! Я что хочу сказать, бывают такие мужики, которые первым делом смотрят на сиськи. Кто знает, что они там ищут. Какой секрет, какую великую тайну женщины они думают найти в груди? Ну так вот, что тебе понравилось во мне?

Алессандро смотрит на неё одно мгновение. Потом продолжает вести машину спокойно и с улыбкой.

— Мне понравилась твоя храбрость. После аварии ты сразу же подскочила на ноги. Ты не испугалась. Не стала терять времени. Сразу бросилась навстречу реальности. Сильная... Серьёзно. Значит, именно такой ты и бываешь в эти моменты, когда происходят болезненные и непредвиденные вещи, когда раскрываются истинные качества людей.

— Получается, что ты в такие моменты просто ужасен! Ты кричал, как псих! Ты волновался за машину!

— Ещё бы. Просто потому, что я уже увидел, что с тобой ничего не случилось.

— Да-да, именно так я и подумала... — Ники посерьёзнела. — А что тебе не понравилось во мне?

Алессандро не знает, как начать.

— Ладно... Так... Посмотрим... — список кажется ему довольно длинным.

— Окей, нет, нет, подожди, я всё обдумала... Я абсолютно ничего не хочу знать!

Алессандро кажется это очень забавным.

— Ладно, если кто-то не переносит критику в свой адрес, то он никогда не изменится в лучшую сторону.

— А кто сказал, что я хочу стать лучше? Из всех девчонок, что я знаю, я уже на уровне выше среднего. К тому же, мне также не хочется слишком сходить с ума. Ясно же, что тогда я ни за что никому не понравлюсь, а симпатия — это фундаментальное. Она рождается благодаря недостаткам. Например, одна из вещей, что мне понравились в тебе, несмотря на драму, которую ты разыграл с машиной, это сочувствие. Вообще, должна сказать, что нет на свете никого, кто бы мне не нравился.

Алессандро смотрит на неё, а потом вдруг поднимает бровь.

— Ммм, слишком много комплиментов. Плохое приходит позже.

— Смотри, как быстро ты перестал мне доверять. Об этом я и думаю. Разве я не сказала, что всегда говорю, что думаю?

— А куда мы денем всю ту ложь, что ты наговорила маме?

— Это – то же самое. В таких случаях я говорю то, что, как я думаю, она хочет слышать.

Ники снова поднимает ноги и ставит их на сиденье. Обнимает свои колени.

— Опустит ноги с кресла...

— Ой, какой правильный, — и она ставит ноги на приборную панель.

— И отсюда их тоже опустит.

— Ты такой старик!

— Всё, я везу тебя домой. Где ты живёшь?

— Ах да, я нашла в тебе недостаток. Ты слишком расчётливый. Должен всё контролировать. Что творится, куда всё катится, почему. Почему ты это делаешь? Почему ты хочешь, чтобы от тебя ничего не ускользнуло? Ты слишком рационален в эмоциях. Строг к глупостям. Рассчитываешь самые обычные вещи. Жизнь нельзя принижать до простых вычислений. Прости, кем ты работаешь?

— Я рекламщик.

— Как ты можешь что-то придумать, если разрушаешь и душишь любую неожиданность? Творение рождается от удара молнии, благодаря ошибке по отношению к обычному ходу вещей. У нас ничего не получится, как надо, если мы не перестанем думать о том, как это сделать.

— Прекрасно. Ты прямо философ.

— Это не я. Уильям Хэзлитт.

— Кто это?

— Я не знаю. Знаю только, что это сказал он. Я это прочитала в своём школьном дневнике.

Алессандро качает головой.

— Ты на последнем курсе института, так? Выпускные экзамены. Я где-то читал, что это пик знаний человека...

— Какие глупости.

— Не говори так. После этого каждый находит свою дорогу, специализацию, выбирает карьеру в университете, и в итоге он всё больше углубляется в этом направлении, но только в нём.

— Знаешь, мне совсем не нравится слушать, что ты говоришь.

— Почему?

— Ты видишь жизнь как нехватку свободы. Жизнь и есть свобода, должна быть такой, ты должен достичь этого.

— Конечно, кто тебе запретит? Например, ты будешь вольна сама выбирать факультет. Куда ты хочешь?

— Я хочу на сёрфинг.

— Мы говорили о другом.

— Слушай, у меня есть идея. Поедем всё-таки туда. Прямо, ещё прямо, а на последнем повороте направо.

— Но это вот так, спонтанно!

— Опять! Мадонна, какой же ты зануда!

— Я не зануда, просто ответственный, и хочу избежать прямого столкновения с проблемами. А вот ты наоборот безответственная. Как в случае с твоим скутером. Если поехать по этой улице в том направлении, то можно попасть в серьёзную аварию.

— В данный момент, единственный, кто устраивает аварии, — это ты. Только если...

— Если — что?

— Только если это не был просто план, чтобы познакомиться со мной.

— Ага, отличный план... В таком случае, я должен был сам тебя остановить и спросить, кто ты, не разбивая машину...

— Жаль, мне бы больше понравилось, если всё это было ради знакомства...

— Ну почему ты должна быть таким ребёнком всё время?

— Просто я и есть ребёнок, папочка. Смотри, поезжай сюда, направо. Сюда, если так можно.

— А потом?..

— Потом мы будем в центре. Виа дель Корсо, знаешь?

— Конечно, знаю, а ещё знаю, что там нельзя парковаться.

— Какая тебе разница. Давай, поехали. Ты же креативщик, тебе нужно дышать этой средой, людьми, творить с ними, для них. Давай... — Ники снова хватается за руль и вертит его. — Едем сюда, — она тянет руль к себе. — Вот же, здесь есть место, въезжай, давай!

— Успокойся, мы не влезем!

Ники отпускает руль.

— Ладно, но вон туда мы войдём идеально!

— Да, конечно, идеально для того, чтобы мне выписали штраф. Ты никогда не читаешь, если написано «запрещено»?

— Да ладно, у дорожных полицейских сейчас обед.

— Ох, конечно, они все сейчас на обеде. Ведь они никогда друг друга

не сменяют.

— Боже, просто заткнись и поехали! — Ники приземляется на своё место со смехом, не давая ему ответить, в то время как он всё ещё не собирается останавливаться. Алессандро мотает головой и паркуется на том месте, которое она ему показала. Он выходит и закрывает машину.

— Если мне выпишут штраф, заплатим пополам, да?

Ники берёт его под руку.

— Конечно, а как же иначе... Для начала найди себе дорогую тачку, а потом выбери штраф.

— Вообще-то штрафы не выбирают.

— Ты и правда креативщик? У тебя всегда есть подходящий ответ в подходящий момент по поводу подходящей темы... Если бы я была такой быстрой, то знаешь, я бы могла избежать всех долгов.

— Не могу поверить. Ты такая молодая, а у тебя уже есть долги?

— О чём ты? Я же имею в виду школу.

Звонит мобильник.

— Да ладно, это реально круто. Ты поставил на звонок песню Васко Росси. Тебе не подходит, она слишком громкая, эта музыка тебе не подходит.

Действительно, думает Алессандро, мне не подходит. Её мне поставила Елена. Но, конечно, он не скажет этого Ники. Он достаёт телефон из кармана куртки и смотрит на номер.

— Извини, мне звонят из офиса, я должен ответить. Да?

— Привет, Алекс, это Джорджия. Мы все уже готовы. Мы отобрали материал, видео, всю рекламу прошлых лет. Тут просто лавина рекламы карамели. Возможно, мы могли бы придумать что-то, если бы просмотрели всё. Мы бы могли сделать это по-быстрому.

Алессандро смотрит на Ники. Та смотрит на витрину, кивает головой направо, потом — налево, изучает брюки, которые выставлены в витрине. Затем она поворачивается, смотрит на Алессандро, улыбается и морщит нос, как бы говоря: «Нет, мне они не нравятся».

— Окей, тогда начинайте просматривать материал все вместе.

— А ты? Когда ты приедешь?

— Попозже. Очень скоро.

Услышав эту фразу, Ники качает головой. Она достаёт лист бумаги из своего рюкзака и начинает писать так быстро, как только может. Потом показывает это Алессандро.

«Не нужно постоянно думать об этом. Сегодня я работаю со свободным вдохновением. Скажи это. Креативность и безумство. Какого

хрена!» Ники качает это перед его носом. Так близко, что Алессандро практически не может прочитать.

— Один момент, Джорджия, подожди секундочку...

Алессандро смотрит на плакат. Ники права. Снова берёт телефон и читает громко вслух.

— Не нужно думать, сегодня – свободное вдохновение, креативность и безумство... Какого...! — Он останавливается. Смотрит на Ники. Показывает подбородком на бранное слово. — Какого чёрта! Иногда нам это нужно, не правда ли?

Алессандро закрывает глаза, ожидая реакции своего копирайтера. Момент тишины.

— Ты прав, Алекс. Отлично, мне кажется, это прекрасная идея. Остановиться ненадолго. Думаю, эта пауза принесёт неплохие плоды. Так мы и поступим. Увидимся утром. Пока! — и она вешает трубку.

Алессандро, ошеломлённый, смотрит на свой мобильник.

— Невероятно.

А потом кладёт его в карман.

Ники улыбается и обнимает себя за плечи.

— Ты видел? Она тоже со мной согласилась.

— Как странно, я никогда бы не стал ожидать от неё такого. Обычно она за всё переживает и работает, как сумасшедшая...

— Сколько времени, ты сказал, вам дали на этот проект?

— Месяц.

— Этого даже слишком много.

— Мне так не кажется.

— Конечно же, много, смотри, лучшие решения находятся по щелчку. Они здесь, в воздухе, уже готовые для нас. Пора ловить их. Конечно, это всегда зависит от момента, который мы переживаем, но постоянные мысли только об этом могут просто всё испортить.

— Это тоже сказал Уильям Хэзлитт?

— Нет, честно говоря, это моё.

20

— Закрой свои глаза, Алекс, закрой их. Дыши, дыши людьми, — Ники идёт с полуоткрытыми глазами в толпе людей, которые то и дело врезаются в неё, и смотрит немного выше, в небо. — Ты это чувствуешь? Это они... Это люди, которые должны вести твоё сердце. Не думай ни о чём и дыши.

Потом она останавливается. Открывает глаза. Алессандро, спокойный, немного позади неё, у него всё ещё закрыты глаза, и он вдыхает воздух.

Немного открывает один глаз и смотрит на неё.

— Я чувствую какой-то на самом деле странный запах...

Ники улыбается.

— Да-да. Мимо нас только что прошла карета с лошадьми.

На земле, рядом с Алессандро, до сих пор оставались их «следы».

— Вот теперь я понимаю, почему люди мне всегда казались таким де...

— Круто. Это была смешная шутка. Серьёзно. А какое место занимает твой офис в компании?

— Важное.

— Конечно-конечно. И ты очень образованный.

— Ещё бы. Я закончил Боккони в Милане, потом ещё учился в Нью-Йорке, и теперь я там, где есть, без потребности в какой-либо помощи других людей.

— Скажи мне хотя бы, что ты не говоришь таких шуточек в своём офисе.

— А как же, каждый день.

— Но кто ты конкретно?

— Креативный директор.

— Креативный директор... конечно, поэтому все и смеются над твоими шутками! Сделай одну вещь. Напиши все свои шутки, и пусть их рассказывает уборщица. Посмотрим через два дня, будут ли все смеяться, или она будет плакать, потому что её уволят.

— Это просто зависть.

— Нет, мне жаль, но это факт. Если бы я и завидовала, то тому, кто изобрёл те крутые доски для сёрфинга, или тому, кому пришла в голову идея построить искусственный риф на пятьдесят восьмом километре трассы Аурелия. Вот так-то. Но, уж конечно, я не буду завидовать какому-то креативному директору. Кстати, что вообще скрывается за этим названием?

— Что ты имеешь в виду?

— Я имею в виду, кроме всех твоим шуток, чем конкретно ты занимаешься в своей компании?

— Я придумываю всю эту рекламу, которая тебе так нравится, в которой отличная музыка, красивая девушка и что-то ещё красивое. В общем, я думаю о том, чтобы та или иная вещь въелась тебе в мозг, и когда ты пойдёшь в магазин, ты бы не могла пройти мимо неё.

— Звучит неплохо, когда ты так рассказываешь. Значит, ты можешь заставить людей сделать для тебя что угодно...

— Более или менее.

— Значит, ты можешь поговорить с моим преподавателем по математике, чтоб он оставил меня в покое.

— Мы только репетируем чудеса.

— Это уже устарело, я слышала эту фразу.

— Я придумал её много лет назад, и у меня её украли.

— Честно говоря, я так и знала... Мы делаем возможное, пытаемся делать невозможное, мы репетируем чудеса. Это было в одной из серий «Бог видит и располагает»!

— Да ты словно подготовилась, ты всё наизусть знаешь?

— Только то, что мне нужно. Эй, зайдём сюда, в «Музыкальные послания»?

И вот она уже затаскивает его в огромный магазин, заполненный CD, DVD и книгами. А ещё видео и кассетами.

— Эй, привет, Пепе, — Ники здоровается со здоровым охранником, стоящим у входа. Чёрная рубашка, чёрные брюки, огромные белые бицепсы, тугие, как кожа на его бритой голове.

— Привет, Ники. Гуляешь днём?

— Да, мне захотелось, на улице такая жара... Зато здесь кондиционер.

Пепе встаёт в позу и начинает изображать рекламу.

— Ууу, Ники... как же жарко....

Ники смеётся.

— Не настолько!

Они наконец входят в магазин и тут же теряются в тысячах полок. Ники берёт книжку и листает её. Алессандро подходит к ней.

— Знаешь, этот ролик, над которым поиздевался Пепе, твой дьявольский друг, выиграл на одном конкурсе.

— Пепе вовсе не дьявольский. Он очень милый парень. И прекрасный человек. Видишь, как он ввёл тебя в заблуждение своей внешностью? Мускулы, чёрная рубашка, бритая голова – и он для тебя сразу плохой.

— Я сам работаю с внешним видом, оболочкой, обёрткой. И разве не ты мне говорила, что я должен смешаться с людьми?

— Нет, я говорила, что ты должен дышать ими. И чтобы ты не смотрел на них вот так, поверхностно. Тебе достаточно чёрной рубашки и мускулов, чтобы заклеить человека. А он закончил биотехнологический факультет.

— Но я вовсе его не осуждал.

— Ты сделал вещь похуже, ты повесил на него ярлык.

— Я просто тебе сказал, что он изображал рекламу, которую сделали в моём агентстве.

— В таком случае, ваши рекламщики очень хороши. И вы выиграете.

— Спасибо. Но из-за тебя я уже хочу вернуться в офис.

— Ладно, вернись, но так ты точно проиграешь. Ты должен дышать людьми, а не офисными креслами. Ты бы мог найти вдохновение даже в Пепе. Но ты просто берёшь и несёшь про него чушь.

— Опять? Я не говорил ничего такого. Кроме того, неужели ты считаешь меня настолько глупым, что я могу говорить что-то плохое про такого типа?

— В лицо – нет, а за спиной – конечно... Ты ведь только что это сделал!

— Хватит... Я сдаюсь.

— Смотри, тут есть CD Дамьена Райса... «О», «B-Sides», и вот последний, «9», очень классный... Дай мне немного послушать... — Ники надевает наушники. Выбирает десятый трек. — Смотри, какое красивое название – *Sleep Don't Weep*... — и она начинает слушать музыку, покачивая в такт головой. Потом она снимает наушники. — Да, я куплю. Меня вдохновляет. Красиво, романтично. И знаешь что? Я куплю ещё и «О», там другие песни, *The Blower's Daughter*...

— Отличная музыка, хоть и тот фильм был полон разбитых надежд и мечт.

— Тогда это нам не подходит... Саундтрек нашей истории должен быть позитивным, правда?

— Прости, какой истории?

— Каждый момент – история... Зависит от того, что бы ты хотел сделать дальше.

Алессандро застывает, глядя на неё. Ники улыбается.

— Без паники... Этого не было в том фильме! Но зато было в «Нанук с Севера», он классный... Ладно, идём.

Алессандро и Ники двигаются к кассам. Ники достаёт из сумки свой кошелёк, но он её останавливает.

— Даже не думай, я дарю это тебе.

— Эй, ты ведь не хочешь, чтобы я потом пожалела об этом?

— Ты слишком мнительная и недоверчивая. Кто на тебя так влияет? Давай сделаем так: пусть это будет небольшая компенсация за сегодняшнюю аварию.

— Очень небольшая. И мне всё ещё нужно отремонтировать скутер.

— Знаю, знаю.

Они выходят и идут по виа дель Корсо, которая переполнена людьми.

— Ты видишь это? У них нет денег, они живут на периферии, и это –

их единственное времяпровождение. Есть музыка, метро, магазинчики, уличные артисты... Видишь этого мима? — пожилой человек, полностью выкрашенный в белый цвет, принимает тысячи поз для тех, кто бросает монетки в миску. — А видишь вон того?

Они присоединяются к группе людей, которые на что-то смотрят. На тротуаре, в белом кругу, стоит человек в соломенной шляпе, лёгкой рубашке, льняном пиджаке и с тёмным галстуком-бабочкой на шее, а на плече у него сорока. Он что-то насвистывает.

— Давай, Фрэнсис, танцуй для синьоров!

Сорока прыгает и кружится вдоль руки хозяина, который отбивает ритм. Потом она возвращается на плечо.

— Хорошо, Фрэнсис, теперь поцелуй меня.

И сорока достаёт зёрнышко кукурузы, которое он держал между своих губ. Потом, немного подпрыгнув, птица щёлкает клювом и глотает. Счастливая, Ники аплодирует.

— Браво, Фрэнсис, восхитительно, браво вам обоим!

Ники копается в карманах, находит несколько монеток и кидает их в гнездо, которое стоит на столике рядом.

— Спасибо, спасибо, это очень приятно, — человек поднимает свою шляпу и опускает обратно, давая всем разглядеть свою лысую голову.

— Поздравляю! Долго пришлось учить Фрэнсис? Музыка, танцы и вообще...

Человек улыбается.

— Шутите, синьорина? Это Фрэнсис меня всему учила. Я даже свистеть не умел!

Ники смотрит на Алессандро с энтузиазмом.

— Не будь скрягой... Тоже дай ему что-нибудь...

Алессандро открывает свой бумажник.

— У меня только купюры...

— Тогда дай её!

Ники вытаскивает пятьдесят евро и кладёт их в гнездо сороки. Алессандро не может её остановить. К тому же, уже слишком поздно. Синьор это понимает. Он просто открывает рот. Затем улыбается Ники.

— Спасибо... Слушай... Возьми зёрнышко в рот.

— Я? Это не опасно?

— Конечно, нет! Фрэнсис очень добрая. Возьми.

Ники повинуется и кладёт зерно в рот. Фрэнсис взлетает. Вдруг она останавливается в миллиметре от рта Ники, подвисает в воздухе, машет крыльями, которые будто светятся на солнце. В этот момент Ники

закрывает глаза, в то время как сорока прицеливается и достаёт зёрнышко из её рта. От такого прикосновения Ники покрывается мурашками. Потом она вновь открывает глаза. Фрэнсис возвращается на плечо хозяина.

— Видишь? Она это сделала...

Ники, предовольная, хлопает в ладоши.

— Отлично! Она сделала это гениально!

Как раз в этот момент мимо них проходит парень с длинными волосами в сопровождении таких же друзей.

— Эй, красотка, если тебе так нравится целоваться с птичками, со мной понравится ещё больше! — удаляются они с самодовольным смехом.

— Никогда в жизни! Даже если б ты сидел в клетке... — кричит ему Ники в спину. Парень издалека показывает ей неприличные жесты.

— Хочешь, чтобы я что-то им сказал? — спрашивает Алессандро.

— Зачем? Я уже всё сделала сама. Парень, с которым я раньше встречалась, лез в драки по любому поводу. Знаешь, что я переживала, когда была с ним? Ссоры, проблемы... Всегда всё заканчивалось кулаками без видимых причин. А я это не поддерживала.

— Я погляжу, тебе приходилось быть очень терпеливой, да?

— Слушай, собака лает, но не кусает. А вот он не из таких. Не стоит тратить на него время. И именно поэтому сейчас он мой бывший. И что же теперь? Я с тобой, а ты делаешь то же самое?

— За исключением того, что мы с тобой вовсе не вместе.

— Ах так?

— Именно так.

— Как странно, а мне кажется, что мы с тобой сейчас вместе стоим здесь...

— Да, но не потому, что это свидание.

— Но в чём тогда проблема? У тебя ревнивая жена?

— По правде говоря, у меня сейчас нет даже девушки.

— А, так ты тоже недавно расстался?

И хоть ему и кажется абсурдом обсуждать эту тему с ней, соврать он не смог.

— Да, что-то вроде того.

— Ну, так и в чём тогда дело? Наслаждайся этим моментом и всё! Ты всё-таки зануда... Всегда должен всё контролировать.

Ники уходит так быстро, как только может, оставляя его позади. Алессандро остаётся на месте, рядом с синьором с сорокой, который смотрит на него. Он поднимает брови и улыбается.

— Синьорина права, — а затем, испугавшись, что Алессандро может

передумать, смотрит на него и быстро прячет пятьдесят евро в карман.

— Ники, подожди. Ладно, мы вместе, но мы не встречаемся, просто мы вместе, потому что так сложились обстоятельства, окей? Так ведь лучше, правда?

— Ну, раз ты так говоришь...

— Да ладно, не злись.

— Я? Но кто тут злится? — и она начинается смеяться. Ники берёт Алессандро под руку. — Слушай, немного дальше есть одно местечко, где делают обалденную пиццу, на виа делла Лупа. Не хочешь съесть кусочек? На виа Томачелли есть одна пекарня, там прекрасная терраса, она наверху, оттуда очень красивый вид. Потом есть другое место на корсо Витторио, там есть салаты, например, Инсалата Рикка. Тебе нравится такой? А недалеко оттуда есть отличное кафе-мороженое, «Джолитти», или ещё лучше, туда, где молочные коктейли, «Паскуччи», рядом с пьяцца Арджентина.

— Пьяцца Арджентина? Но это же очень далеко!

— Да ладно, выйдет неплохая прогулка. Идём?

— Но куда? Ты рассказала о восьми местах за две секунды!

— Окей, тогда пойдём выпьем по молочному коктейлю! Кто последний, тот платит! — И она убегает, красивая, довольная, в своих облегающих брюках, её светло-каштановые волосы, связанные голубой лентой, развеваются на ветру. Её глаза – не то голубые, не то зелёные – просто светятся. Алессандро спокойно стоит на месте, глядя на неё. Улыбается тому, что видит. И вдруг, словно решив оставить всё позади, он уже бежит за ней, как сумасшедший, по виа дель Корсо. Вперёд, только вперёд, потом свернуть направо, к Пантеону, бежать в толпе людей, которые смотрят на него, улыбаются, испытывают любопытство, перестают хотя бы на один короткий момент думать только о своих собственных жизнях. Алессандро бежит позади Ники. Он почти догоняет её. Это похоже на один из тех старых чёрно-белых фильмов, думает Алессандро, вроде «Охранников и воров» с Тото и Альдо Фабрици, когда они бегут по железнодорожным путям. Только Ники ничего у него не украла. И даже не знает, что, на самом деле, наоборот, дарит ему кое-что.

Ники смеётся и временами оглядывается проверить, бежит ли он за ней.

— Эй, я и не думала, что ты в такой форме.

Алессандро, наконец, догоняет её.

— Ты попалась, ура!

Ники немного ускоряется и пытается бежать быстрее. Но Алессандро

всегда рядом, в нескольких шагах от неё. Потом он вдруг замедляется, почти останавливается. Ники оборачивается и видит, что он далеко. Спокойно... Но потом её это пугает. Она тоже замедляется. Она останавливается и возвращается. Алессандро шарит по карманам куртки и достаёт телефон.

— Да?

— Алекс? Это Андреа, Андреа Сольдини...

Алессандро пытается немного восстановить дыхание.

— Кто?

— Да ладно, я твой новый менеджер, — и добавляет шёпотом: — Тот, кому ты вчера спас жизнь у себя дома, мы были с русскими...

— Да я знаю, кто ты, может, пора начать понимать, когда я шучу? Так, что такое? Говори.

— Чем ты занят? Ты задыхаешься!

— Именно этим я и занимаюсь. Я глубоко вдыхаю людей, чтобы быть более креативным.

— Что? А, понял. Секс в обеденный перерыв, а?

— Я всё ещё не поел... — ему хотелось добавить: «Да и не помню, как давно занимался сексом». — Что у тебя? Рассказывай.

— Ничего. Я хотел сказать, что просматривая старую рекламу, мне пришла идея сделать что-то из неё. Смонтировать старые ролики. Если бы ты приехал сюда, мы могли бы это обсудить.

— Андреа...

— Да, говори.

— Не заставляй меня жалеть о том, что я тебя спас.

— Нет, вовсе нет.

— Отлично. Поговорим позже.

— Я могу тебе позвонить, если мне придёт в голову новая идея?

— Если только ты совсем не сможешь сопротивляться этому желанию...

— Окей, шеф, — Андреа вешает трубку.

Совсем не успел, думает Алессандро, сказать ему самое главное — чтобы он никогда не называл меня шефом.

Во время разговора Ники успела оказаться рядом.

— Что случилось?

— Ничего, это звонили из офиса. Как видишь, они не могут обходиться без меня.

— Врёшь. Они зовут тебя шефом и заставляют чувствовать себя важным, так ведь?

— Да, и?

— Помни правило, которое распространяется на всех: мёртвый начальник – лучший начальник.

— Ах, так? Знаешь, что я тебе скажу? Кто последний, тот и оплачивает «подвешенный»! — И, сказав это, Алессандро её обгоняет и бежит как сумасшедший на пьяцца Арджентина.

— Эй, но так ведь нечестно! Я вернулась посмотреть, в порядке ли ты!

— А кто тебя просил?! — Алессандро смеётся и продолжает бежать.

— Эй, а что значит «подвешенный»?

— Я тебе объясню, когда будем на месте, сейчас мне нужно всё моё дыхание, чтобы победить, — Алессандро ускоряется, быстро пробегает руины Пантеона, потом пробегает площадь, бежит мимо отеля, всё время прямо.

Снова звонит телефон. Алессандро замедляется, но не останавливается. Достает телефон из куртки. Смотрит на экран и не может поверить своим глазам. Оборачивается на Ники, которая приближается к нему.

— Так это ты мне звонишь!

— Конечно, на войне как на войне. Всё честно. Ты заставил меня вернуться назад, а потом коварно обогнал, разве нет? Кто уделяет много времени телефону, от телефона и умрёт!

— Да, но я не попался в ловушку. Ведь ты и была тем, кто заставил меня сохранить твой номер!

— Вот видишь? Поэтому и нельзя быть хорошим человеком! — всё это время они продолжают бежать. — Ну, расскажи мне эту историю о «подвешенном», если не расскажешь, я не буду платить!

— Это мы решим на месте... Если не заплатишь, то это будет нечестно. И они бегут дальше, один за другим, пока не вбегают в «Паскуччи».

21

— Первый! — Алессандро облокачивается о стеклянную витрину.

— Конечно, ты ведь обдурил меня, обманщик!

— А ты не умеешь проигрывать!

Они оба стоят в дверях, нагнувшись друг к другу, пытаясь отдышаться.

— В любом случае, это было неплохо, да?

— Да, а я ведь всё время играю в волейбол. Я думала, что с легкостью смогу обогнать тебя, в противном случае, я не бросила бы тебе вызов.

Алессандро поднимается, дыша открытым ртом.

— Сожалею, но у меня дома беговая дорожка. Двадцать минут каждое

утро... А напротив – экран, имитирующий леса и горы, пейзажи, помогающие держать себя в форме, а прежде всего – побеждать таких, как ты.

— Да-да. Если повторим, то ты проиграешь.

— Конечно, сейчас, когда ты знаешь, что я занимаюсь только по двадцать минут, у тебя есть преимущество. Секрет любой победы состоит в том, чтобы не переигрывать. Нужно уметь остановиться в подходящий момент. Каждый в мире – хороший игрок, но мало кто умеет быть хорошим победителем.

— Ты придумал эту фразу?

— Не знаю, мне нужно это решить. Но я не помню, чтобы крал её у кого-то.

— Знаешь, теперь она кажется мне полной фигнёй!

— Что такое? Если кто-то другой скажет эту фразу, то она поменяет значение?

— Зависит от того, кто этот другой.

— Извините... — пара иностранцев вежливо просит их немного разойтись – они не могут войти внутрь.

— Oh, certainly, sorry... — говорит Алессандро, отходя на шаг.

— Конечно, с твоей беговой дорожкой и грязными трюками ты меня обогнал, но по-английски я говорю лучше тебя! Ты мог бы нанять меня в качестве специалиста по международным связям.

Алессандро улыбается, открывает стеклянную дверь, ждёт, пока она войдёт, и закрывает за собой.

— Знаешь, что мы говорили, когда заканчивали футбольный матч и начинали его обсуждать?.. Кто выигрывает – празднует, кто проигрывает – оправдывается.

— Да, хорошо, я тебя поняла: я должна платить. Я согласна. Я всегда расплачиваюсь, если проигрываю пари.

— Отлично, тогда сегодня платит она. Я буду большую порцию, с лесными ягодами.

Ники же изучает меню.

— А мне с киви и клубникой. Так что с этой историей о «подвешенном»?

— Ах, да. Ладно, раз уж ты о ней не знаешь, то если хочешь – можешь не платить. Было бы даже справедливо, если бы ты этого делать не стала.

— Сначала ты мне расскажи, а там я решу, платить или нет.

— О, надо видеть, как тебя это задевает... проиграла и теперь готова укусить!

Ники пытается ударить его, но Алессандро быстро отскакивает от неё.

— Ладно, ладно, хватит. Я объясню тебе, что значит «подвешенный». Это произошло от неаполитанской традиции. Неаполитанцы щедры во всём, и когда они приходят в бар, то кроме своего заказа, они оплачивают кофе того, кто входит в бар после них. И есть даже кафе «подвешенных», для тех, кто не может заплатить за себя.

— Круто, мне нравится. А что, если бармен притворяется? Берёт деньги с предыдущего, а следующему, кто входит, который хочет лишь кофе, ничего не говорит и с него тоже берёт деньги?

— «Подвешенность» строится на доверии. Я заплачу, бармен возьмёт деньги, и это будет безоговорочным обещанием, что всё честно. Я должен доверять хозяину бара. Это немного похоже на eBay, когда ты сначала оплачиваешь заказ и можешь быть уверен, что позже его тебе обязательно пришлют.

— Но в баре ты не сможешь потом оставить свои комментарии и оценку!

— Ну, я думаю, что в баре всё очень просто, платишь только за кофе и всё. Было бы хорошо, если бы можно было доверять незнакомцам в более серьёзных вещах. Иногда у нас не получается доверять даже тем, кто всегда был рядом...

Ники смотрит на него и по тону его голоса догадывается, что он говорит о чём-то глубоком и сам сейчас где-то далеко.

— Мне ты можешь доверять.

Алессандро улыбается.

— Конечно! Максимум, чего я могу лишиться, так это своей машины!

— Нет, максимум, что ты можешь потерять, — это страх.

— Что?

— Потому я заставлю тебя вновь поверить во всё то, во что ты перестал верить.

И вдруг всё вокруг замирает, остаются только взгляды, в которых переплетается всё: улыбки, аллюзии, что-то неизвестное, любопытство и веселье; мгновенное решение — перейти или нет на ту маленькую тропинку, что ведёт от главной дороги в лес. Но иногда это — самое прекрасное, даже больше, чем любая фантазия. И тут в их мысли вторгается пронзительный голос.

— Ваши коктейли: для синьорины — киви и клубника, для Вас — лесные ягоды.

Ники берёт свой. Она начинает пить его через соломинку, озорно глядя на Алессандро своим чистым взглядом, глубоким и прозрачным, ни о чём

не думая. Потом перестаёт пить.

— Ммм, как вкусно. Тебе нравится твой?

— Очень вкусный.

— Какой он?

— В смысле?

— Что у тебя внутри?

— Тогда ты должна была спросить «из чего твой коктейль» или «какой вкус ты выбрал». Мой коктейль из лесных ягод.

— Боже мой, ты хуже, чем Бернарди.

— Кто это?

— Моя учительница итальянского. Ты мне так её напоминаешь! Слушай, ты же прекрасно понял, что я хотела сказать... или нет?

— Да, но всё зависит оттого, что ты хотела сказать, дело в восприятии... Ты знаешь, что итальянский – самый богатый на оттенки и интонации язык? Поэтому он так глубоко изучается, ведь наши слова позволяют выражать реальность очень точно.

— Ладно, ты совсем не как Бернарди.

— Именно это я и хотел услышать.

— Ты ещё хуже! — и она вновь принимается за коктейль. Но он заканчивается, и Ники начинает втягивать остатки через соломинку, издавая невыносимый звук, под шокированным взглядом пожилого туриста и смеющимся взглядом Алессандро. Она почти покончила с коктейлем, как вдруг...

— Чёрт.

— Что случилось теперь?

— Ничего, мой мобильник, — Ники достаёт его из кармана своих брюк. — Поставила его на вибровзвон, — она смотрит на номер, появляющийся на дисплее. — Вот дерьмо, это мой домашний.

— Наверное, они просто хотят с тобой поздороваться.

— Сомневаюсь. Как обычно, будет три вопроса.

— Какие?

— Где ты, с кем ты, когда собираешься домой. Ладно, я отвечу...

Итак... — Ники открывает свой телефон. — Да?

— Привет, Ники.

— Это ты, мама, какой сюрприз!

— Где ты?

— Гуляю в центре.

— С кем ты?

— Всё ещё с Олли, — она смотрит на Алессандро и пожимает

плечами, как бы говоря: «Какого чёрта, она сама заставляет меня соврать».

— Ники...

— Что такое, мама?

— Олли только что звонила. Говорит, ты не берёшь трубку.

Ники поднимает глаза к небу. Движения её губ не оставляют никаких сомнений. Дерьмо, дерьмо, дерьмо. Алессандро смотрит на неё, абсолютно не понимая, что происходит. Ники стучит ногой по полу.

— Мама, ты просто не так меня поняла. Я гуляла с Олли, но потом она не захотела идти в центр, и мы разошлись. Я сказала ей, что пойду домой, но потом решила прогуляться одна. Катаюсь тут на скутере.

— Это невозможно. Она сказала, что во время перерыва ездила с тобой к механику. Когда ты успела его забрать?

Дерьмо, дерьмо, дерьмо. Перед Алессандро, который с каждым разом всё меньше понимает, что происходит, разворачивается та же самая сцена, что и несколькими секундами ранее.

— Мама, как же ты не понимаешь? Это я сказала ей, что я на скутере, потому что мне не нравится, как она водит, мне было страшно ехать домой с ней.

— Да? Тогда с кем ты вернёшься?

— Я встретилась с другом.

— С твоим парнем?

— Нет, мама... И он уже бывший парень... Я тебе уже говорила, что мы расстались. Это другой друг.

Тишина.

— Я его знаю?

— Нет, не знаешь.

— А почему я его не знаю?

— Откуда я знаю? Однажды я вас познакомлю, когда-нибудь...

— Единственное, что я знаю, – ты говоришь мне неправду. Разве мы не пообещали всё друг другу рассказывать?

— Мама, — Ники переходит на шёпот и немного отворачивается, — вообще-то, он сейчас рядом. Не могли бы мы прервать допрос?

— Ладно. Когда ты вернёшься?

— Скоро.

— Скоро – это когда? Ники, напоминаю, тебе нужно учиться.

— Скоро, мама, я же сказала, скоро. — Она закрывает телефон: — Ох, с мамой иногда бывает очень сложно.

— Хуже, чем с Бернарди?

Ники улыбается.

— Я бы так не сказала, — потом она поворачивается к официанту: — Сделаете мне ещё?

— Такой же? Киви и клубника?

— Да, он просто шикарный.

Алессандро допивает свой и выбрасывает пластиковый стакан в урну рядом с кассой.

— Ты возьмишь себе ещё один, Ники?

— А тебе-то что? Плачу я.

— Нет, я не поэтому спрашиваю. Просто два – это многовато, тебе не кажется?

— Знаешь, есть только один человек, который может превзойти и мою мать, и Бернарди.

— Кажется, я знаю, о ком ты.

Ники подходит к кассе. Алессандро идёт следом за ней.

— Давай я заплачу.

— Шутишь? Я проиграла – я плачу, ещё чего не хватало. Ладно, три коктейля и один «подвешенный».

Кассирша смотрит на неё озадаченно.

— Мне жаль, мы же взвешиваем коктейли.

— Сейчас объясню. Я оплачу ещё один коктейль, кроме наших трёх. Если войдёт кто-то, кто захочет коктейль, но не сможет заплатить, вы ему скажете, что есть один подвешенный коктейль. И вы должны ему сделать коктейль...

Ники даёт кассирше десять евро. Девушка берёт деньги за четыре порции и возвращает Ники два евро сдачи.

— Красивый жест. Ты сама это придумала?

— Нет, об этом мне рассказал мой друг Алекс. На самом деле, это неаполитанская традиция. Теперь всё зависит от Вас.

— От меня? Каким образом?

— Мы доверяемся Вам, понимаете? Подвешенное теперь в ваших руках.

— Ясно, ты мне всё уже объяснила... Я должна предложить это тому, кто нуждается.

— Именно, — Ники берёт только что приготовленный коктейль и собирается уходить. Но в дверях она останавливается. — Но мы можем провести здесь весь вечер, контролируя Вас... До свидания.

Алессандро протягивает руку кассирше.

— Простите, она такая недоверчивая.

Кассирша пожимает плечами. Алессандро ловит Ники, которая идёт по

улице, потягивая свой коктейль через соломинку.

— Знаешь, Ники, тебе не приходится много говорить, чтобы быть понятой.

— Моя мама меня научила, что доверять – хорошо, а не доверять – ещё лучше. Об этом можно говорить часами. Мама меня научила куче пословиц и примет. Ты веришь в них?

Так они и идут дальше прогулочным шагом, разговаривая, рассуждая о божественном и человеческом, о своих прошлых путешествиях, о мечтах, о праздниках, о недавно открывшихся местах и о тех, что закрыли, о других новостях, Ники и Алессандро, которые могут слушать друг друга, посмеяться и на несколько мгновений забыть о разнице в двадцать лет.

— Дашь попробовать свой коктейль?

— Ага, теперь ты хочешь?

— Если ты купила ещё один, значит, он очень вкусный.

— Пробуй, — Ники протягивает ему стакан.

Алессандро отодвигает соломинку и делает глоток прямо из стакана. Потом возвращает его Ники.

— Правильно сделала, что попросила ещё один. И в самом деле очень вкусно.

— Ты убрал соломинку. Неужто ты такой брезгливый?

— Это я сделал ради тебя. Пить через одну и ту же соломинку – это практически как будто целоваться.

Ники смотрит на него и улыбается.

— На самом деле – нет. Это другое. Совсем другое.

Тишина. Некоторое время они просто стоят, глядя друг другу в глаза. Потом Ники снова протягивает ему стакан.

— Хочешь ещё?

— Да, спасибо, — на этот раз Алессандро пьёт через соломинку. И смотрит на неё. Неподвижно. Напряжённо.

— Вот сейчас ты словно поцеловал меня.

— И тебе понравилось?

— Ммм, да, очень. Это был поцелуй со вкусом киви и клубники!

И они смотрят друг на друга. И улыбаются. И на мгновение становится непонятно, кто из них старше. Или младше. Вдруг что-то возвращает их в реальность. Моторола Алессандро.

Ники вздыхает.

— Что случилось? Опять из твоего офиса?

Алессандро смотрит на экран.

— Нет. Хуже. Да?

- Здравствуй, сокровище моё, как ты?
- Привет, мама.
- Ты в офисе? С директором? У тебя совещание?
- Нет, мама.

Алессандро смотрит на Ники и пожимает плечами. Потом прикрывает микрофон рукой.

- Моя – ещё хуже, чем твоя и Бернарди вместе взятые.

Ники начинает смеяться.

- А где ты тогда?
- На виа дель Корсо.
- Шопинг.

— Нет, я тут по работе. Исследование. Мы изучаем людей, чтобы лучше понять, как выйти на рынок.

— Хорошо. Мне кажется, это отличная идея. Если брать глубже, люди – это то, что они выбирают, не так ли?

- Именно.

— Слушай, поужинаешь с нами в пятницу? Придут твои сёстры с мужьями и детьми. Можешь прийти с Эленой. Мы будем рады.

— Мама, я сейчас не могу говорить, мне нужно заниматься исследованием.

- Конечно, к чему забивать себе голову нами.

— Но я правда очень занят.

- Да, но при этом ты можешь развлекаться в центре!

— Я тебе уже сказал, что изучаю рынок!

— Это ты будешь рассказывать своему шефу, а не мне. Должно быть, ты сейчас гуляешь, веселишься со своими неудачниками-друзьями... Ну ладно, постарайся приехать в пятницу, хорошо? — Она вешает трубку.

Ники поднимает брови.

- Скажи мне кое-что: сколько тебе лет?

— Тридцать шесть.

- А выглядишь старше.

— Ну, спасибо большое...

— Ты меня не понял. Я имела в виду не возраст, а то, как ты выглядишь, как ведёшь себя, твою культуру.

- Ты издеваешься надо мной?

— Нет, я говорю серьёзно. Я просто подумала... когда мне будет тридцать шесть, мама всё равно будет также со мной разговаривать?

- Слушай, однажды ты поймёшь, как тебе этого не хватает.

Ники делает последний глоток и бросает стакан в полуоткрытый

мусорный контейнер рядом.

— Прямо в цель! — Она берёт Алессандро под руку. — Видишь? Когда ты говоришь такие вещи, твои тридцать шесть лет кажутся мне старостью! — Они уходят. То почти бегут, то останавливаются. То разговаривают, то говорят ещё больше. Не торопясь, ни о чём не думая, без телефонных звонков. Пока не доходят до места, где припарковались, и их не встречает сюрприз. Мерседеса нет на месте.

— Дерьмо... Его угнали.

— Может, он был не здесь... А немного дальше...

— Нет, нет, он был здесь. Я хорошо помню. Не могу поверить, у меня угнали машину ранним вечером, в центре города, на виа делла Пенна. Это абсурд.

— Ну, не совсем так. Абсурдом было думать, что она всё ещё будет здесь.

Голос за их спинами. Охранник всё слышал.

— Вы припарковались в зоне действия эвакуатора. Вы не видели дорожный знак?

— Нет, меня отвлекли, — он смотрит на Ники с вымученной улыбкой. — Так где теперь мне её искать?

— Машину увёз эвакуатор, она либо на стоянке в Понте Мильвио, либо в Вилладжио Олимпико, очевидно, — он уходит со своим блокнотом в руках, готовый отчитать следующего.

— «Очевидно». А как мы теперь уедем отсюда?

— Это очень просто. Идём. Думал ли ты, что я могу научить тебя стольким вещам?

Ники берёт его за руку и начинает бежать. Они пересекают пьяцца дель Пополо, почти перекрывая всё движение, словно двое туристов, которые намереваются провести время в музее, который вот-вот закроется. Они влетают в первый же трамвай, который едет через виа Фламиния. Садятся на первые же места, которые оказываются свободными.

Всё ещё задыхаясь, Алессандро достаёт бумажник, чтобы заплатить, но Ники его останавливает и шепчет ему:

— Не нужно, мы выйдем на первой же остановке.

— Да, но если войдёт контроль?

— Тогда нас высадят на следующей.

Но нет. Нужно ехать ещё две остановки. И именно на предпоследней входит проверяющий.

— Билеты, билеты.

Алессандро смотрит на Ники и качает головой.

— Почему я сделал по-твоему?

Но она не успевает ответить. Проверяющий подходит к ним.

— Билеты, — Ники пытается что-то сделать. Она оправдывается, как только может, строит глазки, упоминает штраф, рассказывает странные истории об украденной машине, о недавно закончившейся любви, рассказывает о подвешенных коктейлях, о своём щедром жесте, который подтверждает её честность. Но это не помогает. Никак. И этот некупленный билет оборачивается для Алессандро потерей пятидесяти евро.

— И это я вам ещё скидку сделал. Как если бы у одного из вас был билет, ясно?

С ума сойти, думает Алессандро. Но вот они выходят, и Ники не ждёт ни одного момента. Она снова начинает бежать так быстро, как может, оставляя его позади, а он чуть не врежется в неё, когда она останавливается у стоянки городской полиции.

— Здравствуйте... Мы ищем машину.

— Хорошо, где вы припарковались?

— На виа делла Пенна.

— Да, нашёл. Мерседес ML, так? С вас сто двадцать евро и шестьдесят за транспортировку. Всего – сто восемьдесят евро.

Алессандро протягивает свою кредитку. Наконец, им позволяют войти на парковку.

— Так, так, вот эта? — Ники бежит вокруг Мерседеса, припаркованного в полутени. Алессандро жмёт на кнопку на ключах, машина отзывается четырьмя подмигиваниями фар.

— Да, это моя.

Ники немедленно садится в неё. Алессандро делает то же самое. Они осторожно выезжают с парковки. Он смотрит на неё с немного приподнятыми бровями.

— Эта авария дорого мне обходится. И если бы мы вели себя как нормальная пара, я бы сэкономил.

— Да ладно тебе. Деньги должны циркулировать, это помогает национальной экономике. Ты должен это знать. К тому же, прости, но креативный директор у нас ты, не так ли? Это просто исследование рынка. Ты увидел людей, насладился реальностью, так не похожей на твою. Ах да, в свой список сегодняшних расходов добавь и мои.

— За что?

— Восемь евро за коктейли.

— Мда... Если бы у нас в компании не хватало бухгалтера, я посоветовал бы тебя.

— Поворачивай, здесь направо.

— Ты даже хуже GPS.

Они проезжают Чинепорто и выезжают на огромную эспланаду, полностью пустую. Только вдалеке припаркована одна машина.

— И что здесь?

— Ничего.

— Тогда что мы здесь делаем? — Алессандро смотрит на неё ошеломлённо. Он поднимает одну бровь. — В такие места обычно приезжают парочки, — говорит он ей. И улыбается.

— Да. А ещё ребята из автошкол.

— А мы к какой категории принадлежим?

— Ко второй. Эй, успокойся и дай мне опробовать твою машину.

— Ты шутишь?

— Так, не усложняй всё. Всё равно тебе уже поздно ехать в офис. Мы ведь целый день изучали рынок, и, как бы смешно это ни прозвучало, я научила тебя многим вещам. Без меня это тебе обошлось бы в кругленькую сумму. А теперь всё, что от тебя нужно, — проявить немного щедрости. У меня уже есть права. Давай, позволь мне поводить.

— Хорошо, но давай потише и не выезжай отсюда.

Алессандро вылезает из машины и обходит её спереди. Он смотрит на неё, пока она пересаживается с одного сиденья на другое, перелезая над рычагом переключения передач. Она располагается поудобнее, ставит один из дисков, которые они купили вместе, и включает музыку на всю громкость. Не успевает Алессандро закрыть за собой дверь, как Ники разогоняется.

— Эй, медленней! Тише! И пристегнись!

Мерседес резко тормозит. Потом снова резко срывается с места. Алессандро наклоняется к Ники.

— Эй, ты что делаешь? — протестует она. — Чего ты хочешь? Какого хрена ты меня лапаешь?

— Что ты несёшь? Я пристёгиваю тебя ремнём безопасности!

Алессандро регулирует его и пристёгивает. Ники пытается переключить скорость, но путает педали и замедляется.

— Эй, здесь нет сцепления!

— Нет.

— Как это так?

— Рычаг, который ты схватила, как осьминог, не переключает скорости... Здесь автоматическая коробка передач. Если быть точнее, она называется 7G-Tronic, и ещё этот автомобиль оснащён системой

автоматического выбора. Достаточно лёгкого касания, чтобы ускориться.

— Ну, так не пойдёт. Это не для меня. — Однако Ники заводится снова, оставляет небольшой кривой след на земле, ускоряется. Она не замечает, что в тот самый момент на эспланаду заезжает другая машина. Она тормозит, как может, но всё равно врезается, разбивает правую фару и оставляет вмятину на боку. Алессандро, который сам ещё не успел пристегнуться, летит вперёд и разбивает щёку о стекло.

— Ай! Не могу поверить, я просто не верю, ты катастрофа ходячая! — В ужасе он неоднократно проверяет свой нос, смотрит на руку, проверяя, не пошла ли кровь.

— У тебя не идёт кровь, — говорит Ники. — Да хватит, я ничего тебе не сделала.

Алессандро её даже не слушает. Он открывает дверь и очень быстро выходит из машины.

Ники тоже выходит.

— Синьор, куда же вы смотрите? Я ехала по главной!

Водитель другой машины выходит к ним.

— Что?!

Высокий, толстый, просто огромный, около пятидесяти лет, тёмные волосы и грубые руки. В общем, один из тех типов, которые, если захотят, могут сделать больно. И очень больно.

— Слушай, девочка, ты издеваешься? Я ехал по правой полосе. А ты меня даже не видела. Ты врезалась в меня. И слава богу, что я затормозил в последний момент, иначе мы с тобой, возможно, сейчас бы не разговаривали. Смотри, смотри, что ты наделала...

— Да, но вы не смотрели на дорогу. Я видела, вы отвлеклись на синьору.

Из машины выходит женщина.

— Извини, что ты такое говоришь? Мы даже не разговаривали...

Алессандро решает вмешаться.

— Ладно, все успокоились, главное ведь, что никто не пострадал, так?

Синьор качает головой.

— Я – нет. А ты, Джованна? Не ударила голову? Всё в порядке? Ничего не болит?

— Нет, Джанфра, ничего.

— Отлично, — Алессандро направляется обратно в машину. Ники идёт за ним.

— Ну что, мне идёт распухший нос?

— Ещё бы, ты просто красавец. Кажется, я знаю, зачем они сюда

приехали... Понимаешь? И они так поддерживают друг друга. Как будто женаты. Если ты скажешь, что собираешься звонить в полицию и подать заявление, то, возможно, они испугаются и уедут.

— Ты так думаешь?

— Конечно.

— Ники...

— Что?

— До сих пор ни одна твоя идея не увенчалась успехом... Парковка, билеты в трамвае. Уверена, что хочешь поговорить с полицией?

Ники упёрлась руками в бока.

— Коктейли были вкусные?

— Самые лучшие на свете.

— Вот видишь, иногда что-то у меня получается. Дай мне ещё один шанс...

— Окей.

Алессандро выходит из Мерседеса.

— Я думал, что мы можем уладить вопрос миром, но вижу, что нет. Мы должны позвонить в дорожную полицию, чтобы они всё зафиксировали... и мы можем подать в суд.

Женщина смотрит на водителя.

— Джанфра, мне кажется, эта история затянется надолго.

Ники удовлетворённо смотрит на Алессандро и подмигивает ему.

Джанфранко потирает свою бороду, раздумывая. Тут вмешивается Ники.

— Глядя на нашу ситуацию... сделаем вид, что ничего не произошло: вы уедете, мы – тоже.

Немного шокированный, Джанфранко смотрит на неё. Он не понимает.

— А что с моей машиной?

— Получишь деньги от страховой компании, типа, издержки профессии, — предлагает Ники.

— Что? Ты охренела? Это был единственный раз, когда я выбрался со своей женой, чтобы побыть немного вдвоём, потому что это редкая возможность, наши дети всегда дома с десятком друзей, я нашёл место, где мы спокойно можем побыть вместе, и теперь, по твоей вине, мне придётся платить за ремонт! Слушай, да я сам прямо сейчас позвоню в полицию, и мне всё равно, что эта история затянется! Даже если мы будем разбираться целый год! — Джанфранко достаёт из кармана свой мобильный и набирает номер.

Ники подходит к Алессандро.

— Окей, я просто безнадежна...

— Именно так.

— У тебя ещё есть деньги в машине или нет?

— Конечно, есть, но я всё поставил на твою прекрасную историю о двух любовниках.

— Мы должны им заплатить...

— Но он уже звонит в полицию.

— Будет лучше, если ты им заплатишь... Поверь мне!

— Но тогда они поймут, что мы блефовали!

— Алекс... У меня ещё нет прав, и мне только семнадцать...

— Но ты же мне сказала, что... а-а-а, конечно же, ты соврала...

Алессандро залезает в машину и через секунду появляется со своим бумажником в руках.

— Джанфранко, смотри! Я нашёл его! Какая удача, да?

22

Комната цвета индиго. Она.

Это сложно. Кажется, будто земля уходит из-под ног. Дорога, с которой ты давно знакома, слова, которые ты знала, запахи и вкусы, которые заставляли тебя чувствовать себя защищённой... со всем этим покончено. Ты чувствуешь, будто всё останется таким навсегда, и ты останешься такой же, притворяясь, будто живёшь. Но была ли настоящей та любовь, которая закончилась вот так? Мне это не нравится. Я не хочу страдать. Он того не стоит. Он всегда был хорошим парнем со мной. Он любит меня. Беспокоится. Только немного ревнивый. Вчера, когда я ему говорила это, мне хотелось умереть. Он ведь мне рассказывал, как прошёл его день, о своей новой работе, о каникулах, мы хотели поехать куда-нибудь вместе в августе, чтобы отпраздновать моё поступление. Она включает ноутбук. Открывает жёлтую папку. Выбирает случайный документ.

«Он выглядел погружённым в свои фантазии, когда разговаривал с той милой и самой красивой девушкой, сидящей рядом с ним в комнате, полной книг, картин, вкуса и интеллекта, залитой ярким светом, теплом и блеском...»

Она перестаёт читать. И вдруг начинает чувствовать себя той девушкой. И эту комнату, полную книг. И смотрит на картины. Чувствует яркий свет, который освещает её и делает красивой. А рядом – он, он, в котором нет никаких черт её бывшего, зато есть черты нового парня, которого она себе пока только воображает. Кто-то, кто смог написать эти слова, которые заставили её мечтать. Как же это верно: у каждого должна

быть мечта.

23

Немного позже, в машине. Алессандро бормочет что-то сквозь зубы. Ники слышит, но не понимает.

— Что ты делаешь, молишься?

— Нет, я считал, сколько потратил... Посмотрим, я точно потеряю страховку, плюс штраф за парковку, штраф за поездку без билета, транспортировка моей машины, авария... Это как если бы я купил тебе новый скутер.

— Да, но когда ты мне заплатишь за Миллу?

— Я могу не отвечать?

Ники отворачивается к окну.

— Грубиян!

Алессандро продолжает вести машину, иногда поглядывая на Ники. Ники продолжает отворачиваться. Она постукивает по приборной панели пальцами в ритме музыки Дамьена Райса. Алессандро замечает это и выключает её. Ники резко поворачивается к нему. Потом она приближается к окну и дышит на стекло. Что-то пишет указательным пальцем. Алессандро нажимает на кнопку, крыша открывается, и в машину попадает воздух с улицы, стирая написанное Ники. Она вздыхает.

— Мать моя, какой ты недружелюбный.

— А ты становишься просто невыносимой, когда ведёшь себя, как ребёнок.

— Я тебе уже говорила – я и есть ребёнок! А когда ты делаешь так, то кажется, будто ты даже младше меня!

В этот момент до них доносится звук приближающейся сирены. Полицейская машина несётся в противоположном направлении на всей скорости. Ники поднимается на ноги и высовывает голову и отверстие в крыше. Поднимает руки и начинает кричать, как сумасшедшая.

— Не гоните, придурки!

Они пересекаются с полицейской машиной. Алессандро тянет Ники за блузку, заставляя сесть на место.

— Успокойся. Зачем тебе постоянно кричать какую-то чушь?

Алессандро слышит писк. Смотрит на зеркало. Полицейские резко затормозили, развернулись и, не сбавляя скорости, стали преследовать его машину.

— Прекрасно, я так и знал. Поздравляю, теперь ты довольна? Пристегни ремни, сделай что-нибудь полезное!

— Да, но ты видишь, как я была права? Если у них есть время преследовать нас, это значит, что они никуда не торопились, а просто гоняли по городу.

— Слушай, Ники, я очень тебя прошу: помолчи. Просто помолчи сейчас!

Полицейские догоняют их и дают знаки, чтобы они остановились. Алессандро кивает головой, тормозит рядом с ними. Полицейские выходят из машины. Алессандро опускает стекло.

— Добрый вечер.

— Добрый вечер, ваши права и документы на машину, пожалуйста.

Алессандро наклоняется и достаёт папку, где хранит документы на машину, протягивает их полицейскому. В то же время второй полицейский обходит машину, видит разбитую фару и помятое крыло.

— Кажется, всё в порядке, — говорит первый. Но документы не возвращает.

— Что кричала ваша подруга? Так и охрипнуть можно.

— Да ничего.

— Извините, мы хотели бы это услышать от неё.

Алессандро поворачивается к Ники. Она смотрит на него.

— Ничего. Я просто кричала, что тоже хочу работать в полиции. Вы же не собираетесь останавливать нас из-за этого, правда?

— Не в этот раз, синьорина.

Именно в тот момент второй полицейский подходит к окну Алессандро. Они смотрят друг на друга. И узнают друг друга. Алессандро понимает. Карретти и Серра, двое полицейских, которые приходили к нему домой прошлой ночью.

— Добрый вечер! Снова Вы... Эта девушка – тоже русская?

— Нет, итальянка, и ей бы очень хотелось быть такой, как Вы. Она Вас очень уважает.

Альфонсо Серра даже не смотрит на неё.

— Вот Ваши документы. А Вы больше не высовывайтесь так. Это и для Вас опасно, и отвлекает тех, кто едет навстречу.

— Конечно, спасибо.

— И скажите спасибо, что мы только что получили сигнал об ограблении, иначе Вы, — он снова переключается на Алессандро, — не отделались бы так просто после вчерашней истории с русскими и сегодняшней с этой девушкой.

Даже не давая ему времени ответить, полицейские возвращаются в свою Alfa 156 и быстро уезжают. Алессандро тоже трогается с места.

— Теперь я отвезу тебя домой... и надеюсь вернуться к себе живым и невредимым.

— Где тебя ждут русские...

— Что?

— Да, я слышала, что сказали полицейские, представляешь? Я не глухая... Но с другой стороны, чего ждать от такого, как ты? То, что тебе нравятся иностранки, – просто классика. Ты обещаешь им работу, сделать рекламу с ними, «слушай, я сделаю из тебя звезду», и всё такое... Чтобы затащить их в постель со своими дружками. Браво. Как же это жалко. Давай, вези меня домой...

— Слушай, ничего, кроме небольшой вечеринки у меня дома, не было. Всё, что случилось, так это мой сосед позвонил в полицию и сказал, что мы шумим, хотя мы сидели тихо.

— Конечно, конечно, как же иначе? Но ты ведь сам сказал... Кто побеждает – празднует, кто проигрывает – оправдывается. А ты сейчас оправдываешься.

— И что в данный момент доказывает эта фраза? Я имел в виду футбол.

— Точно...

— И к тому же, я не понимаю, почему должен тебе что-то объяснять.

— Конечно...

— Слушай, серьёзно, мне нечего скрывать, да и вообще я не обязан перед тобой отчитываться.

— Да-да. Здесь поворачивай направо и потом езжай прямо. Конечно, если бы не эти полицейские, то ты бы мне всё рассказал о прошлой ночи с русскими, правда?

— Ты такая надоеда. Почему я должен был что-то тебе рассказывать? Я ведь уже сказал, что нечего объяснять.

— В конце улицы – налево. То есть, ты бы в любом случае не рассказал.

— Кем ты себя возомнила? Моей девушкой? Так вот, это не так, и почему я должен тебе что-то объяснять? Почему я должен оправдываться? Как будто мы с тобой пара!

— Нет, абсолютно. Мы почти приехали. Дом тридцать пять. Вот там.

Вдруг Ники сначала набрасывается на него, а потом исчезает под приборной панелью.

— Дерьмо!

— Что случилось теперь?

— Тссс, те, что выходят, – мои предки.

— И что?

— Как это – что? Если они увидят меня, то у тебя будут проблемы.

— А ты можешь перестать, наконец, говорить, что мы с тобой вместе.

— Всё равно будут проблемы.

Алессандро смотрит на Ники, которая прячется у него на коленях.

— Если они тебя увидят вот такой, тогда у меня точно будут проблемы, и серьёзные. Расскажешь мне потом, как ты собиралась объяснить им, что ты просто пряталась.

Ники смотрит на него снизу.

— Ты просто одержимый! Конечно, ты ведь уже привык к такому со своими русскими.

— Да хватит! Мне жаль тебя, но я не собираюсь участвовать в этих твоих играх с ревностью.

— Я вовсе не ревнива. Скажи, что делают мои родители.

— Ничего. Ладно, твоя мама... я тебе уже говорил, что она очень красивая? Она стоит перед машиной, осматривается. Что-то ищет.

— Меня она ищет, меня!

— Может быть... Она и в самом деле очень элегантная женщина... Ай! Почему ты меня кусаешь? — Алессандро потирает бедро.

— Я тебе уже сказала, чтобы ты о ней не говорил... И скажи спасибо, что это была только нога!

Она снова его кусает.

— А-ай!

Алессандро снова хватается за свою ногу.

— Скажи мне, что она делает сейчас.

— Она достала мобильник и ищет номер.

Через секунду звонит телефон Ники. Она берёт трубку.

— Да?

— Ники, можно узнать, где ты?

— Иду домой, мама.

— Почему ты так разговариваешь?

— Как, мам? Такой уж у меня голос...

— Не знаю... Как будто ты согнулась в три погибели.

— Ну, просто у меня немного болит живот, — Ники улыбается Алессандро. — Всё, пока, надеюсь, ты ничего не пропустишь, да?

— Ничего, кроме тебя! Слушай, мы с папой уходим, идём в кино с Маджоре. Твой брат тут один. Я бы очень хотела, чтобы через пятнадцать минут ты была дома. Так что позвони мне с домашнего, когда придёшь, а потом дай трубку брату.

— Будет сделано.

— Ты должна мне позвонить до того, как начнётся фильм.

— Не беспокойся, мама... Считай, что я уже дома.

Её мать вешает трубку. Ники слышит, как заводится машина. Потом она поднимается и осматривает улицу. Видит вдалеке машину своих родителей.

— Слава богу, они уехали, — Ники немного успокаивается. — Всё прошло хорошо.

— Конечно, раз ты так говоришь...

Мгновение они сидят в тишине. Ники улыбается.

— Такие моменты всегда очень странные, правда?

Алессандро смотрит на неё. Думает о том, сколько времени уже не встречался ни с одной девушкой, кроме Элены. Долго. И с кем он теперь? С какой-то малолеткой. Ладно, не так уж и плохо. Если кто-то хочет изменить свою жизнь, встречаться с детьми — не лучшая идея. Но реальность другая. Он не хотел менять жизнь. Ему было хорошо с Эленой. Очень хорошо. И, самое главное, он не встречается с Ники.

— О чём ты думаешь?

— Я?

— А кто ещё?

— Ни о чём?

— Ни о чём думать невозможно.

— Нет, серьёзно, я не думал ни о чём.

— Ах, да? Ну давай, попробуй сделать это.

Секунду они сидят в тишине.

— Видишь? Это самая невозможная вещь в мире. Мне пофиг, если ты не хочешь рассказывать, то это твоё дело...

— Если ты не хочешь мне верить, я не знаю, что могу сделать.

Ники в последний раз смотрит на него, а потом улыбается.

— Ладно, будет лучше, если я уйду.

— Я тоже выйду, провожу тебя до двери...

Они оба выходят из машины и молча идут к дверям дома Ники.

Алессандро останавливается перед ней, держа руки в карманах.

— Ну, вот мы и пришли... Насыщенный день, да?

— Ага.

— Созвонимся.

— Конечно. Нам всё ещё нужно обсудить аварию.

Ники задирает подборок и показывает им на Мерседес.

— Мне жаль, что я немного разбила и твою машину тоже.

— Не переживай, я уже привык.

— Мы могли бы притвориться, что всё это произошло за одну аварию. И мой ущерб значительно ниже твоего.

— Ни одна страховая компания не поверит, что скутер мог привести Мерседес в такое состояние! Как будто ты сбросила меня на машине с балкона!

Ники начинает смеяться.

— Почему нет? Всё могло произойти. Практически такое и случилось на эспланаде.

— Всё, всё, я ничего не говорил.

— В любом случае, будь спокоен и не заставляй меня чувствовать себя более виноватой, чем я должна. Я подумаю об этом и найду какое-нибудь решение, — она приближается к нему на шаг и целует в щёку. А потом убегает домой.

Алессандро улыбается и идёт к машине. Обходит её, оценивая ущерб. После этого улыбается немного меньше. Быстро садится внутрь. Он уже собирается заводить мотор, когда ему приходит сообщение. Он снова начинает улыбаться. Должно быть, это от Ники. Потом ему вдруг приходит на ум «Маленький принц», и он немного начинает волноваться. Неужели я как Лис? И я буду приручён ею? Как же там было? «Сперва сядь вон там, поодаль, на траву — вот так. Я буду на тебя искоса поглядывать, а ты молчи. Слова только мешают понимать друг друга. Но с каждым днём садись немножко ближе... Лучше приходи всегда в один и тот же час. Вот, например, если ты будешь приходить в четыре часа, я уже с трех часов почувствую себя счастливым. И чем ближе к назначенному часу, тем счастливее. В четыре часа я уже начну волноваться и тревожиться. Я узнаю цену счастью! А если ты приходишь всякий раз в другое время, я не знаю, к какому часу готовить свое сердце... Нужно соблюдать обряды». Да. Нужно соблюдать обряды. И я правда ожидал смс именно от неё? Алессандро читает сообщение. Нет. Это Энрико. Лис поднимается и уходит, покидая сцену в его мыслях.

«Мы все в «Сицилии», на виа Фламиния. Собираемся съесть немного вкуснейшей рыбки. Что вы делаете? Приедете? Ответь».

«Скоро буду, — быстро отвечает Алессандро, — но я один». Сообщение отправлено. Он заводит мотор и уезжает. Немного позже звонит его телефон. Номер скрыт. Не понимаю тех, кто скрывает свой номер. Кто бы это мог быть? Слишком много предположений. Он останавливается, прежде чем ответить.

— Да?

— Это я.

— Кто это – я?

— Это я, Ники. Ты меня уже забыл?

Нет, думает Алессандро. Как можно тебя забыть? Разве только если бы я снова попал в аварию. Но он не говорит ей этого. Понимает, что снова превзошёл бы Бернарди или, возможно, мать Ники по какому-нибудь очередному критерию. Лис снова возвращается на сцену и покорно слушает.

— У тебя не высветился мой номер, потому что я звоню с домашнего. На мобильном деньги закончились.

Я бы мог пополнить твой счёт, думает Алессандро целое мгновение.

— Просто хотела сказать тебе, что отлично провела этот вечер с тобой. Было очень весело.

В глубине души Алессандро чувствует себя немного странно. Лис недобро поглядывает на него.

— Я тоже, Ники, — Лис успокаивается.

— Знаешь, что мне понравилось больше всего?

— Коктейль?

— Нет, дурачок. Что благодаря тебе я почувствовала себя женщиной.

Алессандро улыбается.

— Хорошо, ты и есть женщина.

— Спасибо, я знаю. Просто иногда у меня не получается чувствовать себя таковой. И знаешь, что самое прекрасное? Это первый раз, когда кто-то... то есть... я хотела сказать, никогда раньше ни один мужчина не делал такого со мной...

Алессандро это шокирует.

— Знаешь, я очень рад тебя слышать, — Алессандро думает, о чём ещё с ней поговорить, но в голове пусто.

— То есть, ты понимаешь, что я имею в виду?

— У меня есть смутные предположения, но будет лучше, если ты сама скажешь.

— Окей... Так вот, когда ты провожал меня до двери, ты не попытался меня поцеловать. Серьёзно. А мне хотелось умереть. Это был первый раз, когда мужчина провожал меня до двери и не попытался сделать этого. Поздравляю! Ты уникален! Пока! Скоро созвонимся, доброй тебе ночи.

Как обычно, Ники вешает трубку, не давая времени ответить.

Алессандро сидит в ступоре с мобильником в руке. Поздравляю. Ты уникален. Она хотела сказать, что я уникальный придурок! Не зная, как истолковать себе этот звонок, он отправляется на виа Фламиния.

Иногда Мауро пинает заднее колесо своего старого скутера, заставляя его поворачиваться. Сейчас он стоит и курит. Немного ранее он уже выкурил пять или шесть сигарет Winston. Он снова смотрит в конец улицы. И видит её.

Мауро гасит сигарету и бежит ей навстречу.

— Где, чёрт возьми, ты была? Где пропала? А? Где ты нахрен была?

Паола спокойно подходит к нему. Она выглядит счастливой. У неё сияющая улыбка.

— Любимый, меня взяли, взяли!

— А почему ты мне не позвонила?

— У меня закончились деньги, и я даже не смогла отправить сообщение, а моя мама болтала по домашнему. Меня позвали на повторные пробы...

— Куда?

— Повторные пробы! Это когда тебя зовут попробовать снова. Я поехала на автобусе, поэтому не могла тебя ждать, а потом ещё на метро. Но это было не так уж далеко, снова в «Чинечитта».

Она его обнимает, целует, нежная, сладкая, чувствительная, какой Паола умеет быть, когда захочет.

— Но почему ты такой? Не рад за меня? Меня же взяли!

Мауро продолжает дуться. Он высвобождается из её объятий.

— Блин, я тебе тысячу раз говорил... мне не нравится, когда ты ходишь одна. — Паола закатывает глаза. — Пойми меня, дело не в том, что я не хочу, чтобы ты ходила на пробы, как раз наоборот, но мне бы хотелось быть там с тобой.

— Прости, но никто из других девушек не ходит в сопровождении своего парня.

— Спасибо большое, но это просто потому, что им главное потрахаться. Но я за тебя переживаю. И ещё, я ведь тебе уже тысячу раз говорил, когда не остаётся денег на счету, скажи мне об этом. Моя мать работает в киоске на углу. Я позвоню ей, и она пополнит твой счёт. Или я просто сам тебе буду звонить. — Мауро замолкает. Да, откуда у меня деньги, думает он про себя. Но сейчас не время вспоминать об этом.

Паола открывает свою огромную сумку.

— Смотри, после проб я пошла в «Чинечитта 2» и взяла для тебя вот это, — она достаёт плюшевого медведя в футболке команды Roma.

— Вау! Он такой милый, спасибо, любимая.

— Видишь? Это медвежонок Тотти, как твой капитан, маленький гладиатор... пушистик.

— Он очень красивый.

— Понюхай, — Паола тычет ему медведем в лицо.

Мауро отходит от него, пока она не поцарапала ему нос.

— Ай, я сейчас начну чихать, хватит!

— Ты заметил это?

Мауро подносит медведя к своему носу, уже сам и спокойно. Паола улыбается.

— Я немного побрызгала его своими духами, чтобы, когда ты возьмёшь его с собой в кровать, ты думал обо мне. Над чем ты смеёшься? Я переборщила, Ма?

Мауро улыбается и засовывает медведя во внутренний карман пиджака.

— Нет... нет. Просто я так сильно хочу тебя, что этого медведя недостаточно, солнце... Ты лучше него.

Мауро целует её с языком, прижимает её к себе, чтобы она почувствовала, как он возбуждён.

— Серьёзно, я очень хочу тебя. Пойдём к тебе в гараж, в машину твоего отца...

Паола чувствует жар внизу живота.

— Не могу. Когда я собиралась на пробы, у меня начались месячные. И слава богу, что я купила это.

— Зачем ты мне это показываешь?

— Я как раз занимаюсь их рекламой, — она достаёт из сумки коробочку, в которой двадцать тампонов. — Должно быть, я не зря прошла пробы именно сегодня. Смотри, как круто, мне даже дали пакет!

— Что ты несёшь? Ты ведь шутишь? — Мауро отодвигается от неё. — Ты на самом деле должна сниматься в рекламе этих штук? Это как будто говорить всему миру, что у тебя месячные!

Паола поражена.

— Прости, но что с тобой сегодня такое? Ты хочешь обсудить это? Это абсолютно естественно! В этом нет ничего вульгарного, что ты видишь плохого? У всех женщин это бывает каждый месяц. И нормальные мужчины не злятся из-за этого, потому что...

— Я понял, но мне по-прежнему кажется, что в этом мало приятного.

Паола подходит к нему и целует в шею.

— Ты слишком нервный. Пойдём со мной на съёмки, вот увидишь, в этом нет ничего такого. Слушай, хочешь, мы пойдём поесть пиццы? Я

приглашаю.

— Нет, — Мауро идет к своему скутеру, — идём, конечно, но приглашаю я.

— Как хочешь, я просто хочу отпраздновать удачные пробы!

— Ты ведь мне уже подарила медведя, так?

— Хорошо... Поедем в «Парадизо»? Это недалеко, и там всегда куча актёров.

— Да, поехали, — Мауро протягивает ей шлем, потом берёт свой. Паола садится сзади и просовывает свою огромную сумку между собой и спиной Мауро.

— Паолина, ты представляешь, как однажды станешь знаменитой, и люди будут приходить в «Парадизо» посмотреть на тебя? — Мауро улыбается ей, глядя на неё в зеркало заднего вида.

— Да перестань, сейчас-то я с тобой.

— Почему? Всё ведь может произойти...

В этот самый момент подъезжает большой мотоцикл и останавливается рядом с ними. Мотоциклист слезает и открывает стекло на шлеме.

— Привет, Мауро. Синьорина... Что вы делаете?

Мауро улыбается.

— Едем есть пиццу.

— А я ездил к тебе домой, но тебя уже не было. Дай мне денег в долг.

— Я тебе уже сказал, что не могу.

— Когда решишься, дай мне знать. Когда захочешь, я подарю тебе этот мотоцикл. И даже если вы идёте есть обычную пиццу, не траться. Кстати, твоей девушке будет гораздо удобнее на моём мотоцикле. А женщинам нравится удобство. Не забывай об этом!

Парень опускает стекло на шлеме. Залезает на свой скутер и быстро уезжает, всё время вставая на переднее колесо. Два, три, четыре раза. В конце концов, он исчезает в конце улицы. Мауро медленно заводится. Паола обхватывает его сзади.

— Кто это был, Ма?

— Никто.

— Как это – никто? Скажи мне.

— Я уже сказал, что никто. Мы вместе учились в школе, но я давным-давно с ним не встречался. Его называли Сова. Хороший парень.

— Может быть, но мне он показался устрашающим, опасным. И кстати, что это за глупость, будто нам, женщинам, нравится удобство? Женщинам нравится любовь, можешь передать это Сове, когда снова

встретишься с ним. — Мауро улыбается и проводит рукой по её ноге. Паола нежно касается его руки. — Нет, лучше не надо. Не говори ему. Он всё равно не поймёт.

Мауро ускоряется, и они едут в «Парадизо», самый большой ресторан после «Чинечитта». А скутер разрезает ночь на последнем дыхании, со спущенным колесом и двумя пассажирами, полными иллюзий и надежд.

25

Машины всех его друзей припаркованы у «Сицилии». Перед тем как войти, он смотрит назад. Улыбается своим мыслям. Думает об этом ровно одно мгновение. В конце концов принимает решение. Всё равно весь сегодняшний день уже так и прошёл. Потом он берёт телефон и быстро пишет сообщение. Отправляет. Разве не этим должен отличаться креативный директор? И только потом он входит в ресторан. Пахнет сицилийской едой, его охватывают ароматы и специи.

— Да ладно! Он приехал! Это невероятно!

Его друзья сидят за столом в глубине зала. Энрико и Камилла. Пьетро и Сюзанна. Флавио и Кристина. Алессандро машет им издали и подходит.

— Мы не верили, что ты приедешь! — Кристина смотрит на него. — А Елена?

— На совещании. Пришлось работать допоздна. Передавала вам привет, — и ничего больше не говоря, он садится на свободное место во главе стола.

Кристина смотрит на Флавио так, словно говорит: «Вот видишь? Я была права».

Алессандро рассматривает меню.

— Кажется, что всё будет вкусно. Все лучшие рецепты Сицилии...

Энрико улыбается ему.

— Помнишь нашу поездку в Палермо?

Камилла закатывает глаза.

— Мы уже начинаем с воспоминаний, как старики.

Энрико не обращает на неё внимания.

— Да, перед той поездкой у тебя оставался последний экзамен в университет и ещё тест. Мы поехали на Ситроене твоего отца и ещё взяли Пьетро.

— И я помню, — вмешивается Пьетро, — у нас были проблемы с мотором...

— И ни один из вас двоих не хотел делить расходы!

— Да ладно, Алекс, ведь ты бы всё равно поехал, правда? Даже без

нас. Ты бы взял ту же машину, и случилось бы то же самое, даже если бы нас двоих не было!

— Тогда было бы лучше, если бы я поехал один!

— Вовсе нет. Потому что именно благодаря нам ты познакомился с теми немками!

— О Господи! — восклицает Сюзанна. — У вас нет ни одной истории, где вы не познакомились бы с иностранками!

— Естественно. Это они называют итальянцев за границей *latin lover*.

— Ага, но так странно, что вы бываете такими только за пределами Италии, — Кристина берёт себе кусочек хлеба. — Как будто иностранки вам везде подмешивают виагру.

Сюзанна и Камилла смеются. Энрико продолжает:

— Как бы там ни было, они правда были шикарными. Высокие блондинки, очень красивые, в хорошей форме, как в рекламе пива Перони.

— Ага, та реклама, которую я делал через пять лет после поездки.

— А, так значит, это мы проводили кастинг!

Энрико и Флавио смеются. Алессандро тоже. Потом он вспоминает русских и в одно мгновение становится серьёзным. Пьетро сразу всё понимает и быстро меняет тему.

— Жаль, что ты не ездил с нами, Флавио, тебе бы было очень весело. Помните ту ночь, когда мы купались голыми в Сиракузе?

— Да, с иностранками!

— Ты спрятал нашу одежду! Ты думал, что это нас разозлит, но мы все наоборот развеселились!

— Было классно, можешь использовать это для рекламы. А почему ты не ездил, Флавио? Был в армии?

— Нет, меня забрали только через год.

— А вы с Кристиной уже были вместе? Потому что следующей зимой, когда мы поехали в горы... — Пьетро будто что-то вспоминает. — Нет, нет, ничего.

Кристина улыбается и прекрасно понимает, какую игру он ведёт.

— Да, да, там тоже были иностранки, шведки... Он тоже ездил... Но Флавио ничего не делал! Он всегда был до скучного верным.

— Нет, нет, подожди... Там, на вечеринке, устроенной отелем, была стриптизёрша, был порно-спектакль... Кроме шуток, парни, вы помните?

— А как же... Как она садилась ко всем нам на колени!

— Да, она ходила среди публики, выбрала одного типа, совершенно голая, обмазалась кремом, и заставила его слизывать.

— Да, ужас. А среди зрителей ведь были дети. Думаю, они так и не

оправились. Один из них наверняка стал другом Паччани, того убийцы.

— Пьетро! Какую чушь ты всё время несёшь! Ты просто ужасен!

— Но, дорогая, ужасен не я, а их родители. Ну как они могли допустить, чтобы их дети такое увидели? Ты бы позволила нашим детям присутствовать на шоу, не зная, в чём суть?

— Я – нет. Проблема в том, что на спектакль такого рода их повёл бы не кто иной, как ты.

— Да, но это не то же самое, я бы повёл их в образовательных целях.

— Ах, ну конечно... Это так похоже на тебя.

К ним подходит официант.

— Добрый вечер, вы уже определились с заказом?

— Да, спасибо.

Сюзанна открывает меню в нерешительности.

— Помните тот раз, когда мы пошли в Бускетто и официант не стал нас обслуживать, потому что мы миллион раз меняли заказ?

— Опять? — злится Камилла. — Снова воспоминания? Что с вами такое, неужели жизнь для вас – это прошлое? Жизнь – это сейчас.

— ... Да, в старом общежитии «Земля», и каждый в своей комнате...

— Какая хорошая фраза. Она может стать отличным слоганом.

— Повторяю, — продолжает Камилла, — хватит оглядываться назад, если бы будете продолжать в таком же духе, то потеряете настоящее. Нужно всегда жить настоящим.

Официант, который наблюдал всю эту сцену, вежливо спрашивает:

— Хотите, чтобы я подошёл позже?

Кристина берёт ситуацию в свои руки.

— Нет, нет, извините, мы закажем сейчас. Так, я буду капонату...

Звонит мобильный Алессандро. Он смотрит на дисплей. Улыбается. Поднимается и выходит из-за стола.

— Извините меня... И принесите мне карпаччо из рыбы-меча и рулетики по-мессински... — Он удаляется, выходя из здания. Все смотрят на него. Он берёт трубку, только когда оказывается на улице.

— Да...

— Не могу поверить! Всё было отлично, а потом ты просто берёшь и всё портишь!

— Но, Ники, я просто сделал тебе одолжение...

— Да, но есть одна маленькая деталь! Я тебя об этом не просила. Все парни так делают, они думают, что могут покорить меня деньгами. Но ошибаются.

— Но, Ники, на самом деле...

— И эта фраза... «Привет, я пополнил твой счёт. Я плачу за тебя, ты платишь за меня, он платит за себя». Мать моя, это ужасно.

— Я только хотел быть вежливым.

— Ну, ты был просто придурком. И чтоб ты знал, ты не платишь за меня, ты просто положил мне деньги на телефон! Здесь огромная разница. В лучшем случае, русские оценят такое, но я – нет.

— Послушай меня, это был просто жест...

— ...неслыханной щедрости. Сто евро. Что ты хотел этим показать?

— Я чувствовал, что в долгу перед тобой, и поэтому...

— И поэтому мы больше не сможем погулять вместе.

— А теперь ты всё усложняешь.

Ники молчит.

— Что случилось?

— Я думаю. Что случилось? Что раз ты кинул мне на счёт так много денег, значит, ты хочешь больше общаться со мной по телефону.

— Хватит, не оборачивай всё так, я просто хотел сделать тебе приятное. Ну, пусть будет так: ты теперь должна мне пятьдесят коктейлей.

— Нет, сорок семь с половиной.

— Почему?

— Потому что пять евро от твоего платежа оставили себе ублюдки из телефонной компании.

— Ладно, тогда я потребую с них два с половиной коктейля. Ладно, кроме шуток... Всё в порядке? Помиримся?

— Хм... Мне надо подумать.

— Знаешь, когда ты такая, то ты ещё зануднее Бернарди.

— И не говори. Ладно. Мир.

Алессандро не успевает ничего добавить. Ники уже повесила трубку. Именно в этот момент Пьетро, Флавио и Энрико выходят из ресторана.

— Мы смогли сбежать от них под предлогом, что внутри нельзя курить! Эй, это была Елена? Вы помирились?

— Нет, это одна моя подруга.

Пьетро зажигает сигарету и с любопытством начинает его расспрашивать.

— Твоя подруга? И с каких пор у твоей подруги есть доступ к твоему номеру телефона?

— Не совсем подруга... Просто надо было как-то её назвать. Мы столкнулись сегодня утром.

— И сколько ей лет?

— Семнадцать.

— Проблемы со зрением.

— Да, у тебя, потому что ты больной. А для меня это была авария, так что «подруга» – это очень сильно сказано.

— Я даже слишком прав. Большие проблемы со зрением. — Пьетро зажигает ещё сигарету. Потом выбрасывает её. — Ребята, я пойду внутрь. Нас уже обвинили в том, что мы говорим о прошлом, мне бы не хотелось, чтобы заподозрили неладное в настоящем. Да и вообще... — Пьетро смотрит на Алессандро, — я выходил не только для того, чтобы обсуждать аварию.

Флавио идёт за ним.

— Я с тобой.

Энрико спокойно закуривает.

— Она красивая?

— Очень.

— Я тебя сегодня искал в офисе. Но тебя не было.

— Я гулял с ней.

— Я рад, что ты встречался с девушкой.

— Знаешь, сейчас мы с Эленой переживаем особенный момент...

— Алессандро...

— Да?

— Все знают, что она тебя бросила.

— Она меня не бросала...

— Алекс, уже несколько месяцев её никто не видел, и в твоём доме нет ничего из её вещей.

— Тебе Пьетро рассказал? Не надо было приглашать его к себе прошлой ночью.

— Мы же твои друзья, мы всегда были рядом, мы любим тебя. Если ты не можешь поговорить с нами... то с кем?

— Ты прав. Зачем ты меня искал?

— Это очень деликатный вопрос, мне не хочется говорить об этом сейчас.

— Ладно, но завтра ты мне всё расскажешь.

— Конечно. Давай зайдём.

Алессандро и Энрико подходят к столу.

— Эй, наконец-то вы зашли.

Алессандро садится.

— Перед тем, как приступить к еде, я бы хотел вам кое-что сказать.

Все поворачиваются к нему.

— Что такое? Молитва Тайной вечери?

Сюзанна бьёт Пьетро локтем.

— Тсс...

Алессандро смотрит на своих друзей. Натягивает лёгкую улыбку, пытаюсь преодолеть боль.

— Нет... Мы с Эленой расстались.

26

Дом Ники. Роберто, её отец, в постели. Он читает. Симона с разбегу прыгает и приземляется рядом с ним, смеясь. Она теряет равновесие и падает на Роберто, который складывает руки, чтобы не получить удар в живот.

— Ай, как больно, ты меня ударила!

— Ты меня не узнал?

— Прости, ты случайно не моя жена?

Симона бьёт его в живот, на этот раз нарочно.

— А-ай! Что с тобой сегодня?

— Что со мной? Это же идеальное представление, достойное Оскара, а ты не реагируешь. Я не показалась тебе похожей на Джулию Робертс в «Красотке», когда она бежит счастливая и прыгает в кровать?

— Показалось на секунду, но потом я подумал, как я могу думать так о своей жене?

— Что ты имеешь в виду?

— Не думал, что ты можешь быть счастливой, изображая проститутку.

— Смотри, какой ты простой. Иногда ты ужасен, — Симона вздыхает.

— Я предупреждаю тебя, ты рискуешь браком.

— Каким?

— Нашим.

— Вовсе нет, можешь быть спокойна, с ним уже покончено.

— И всё это ты говорил мне той ночью... И, кстати, твои слова не показались мне...

— Всё ради того, чтобы затащить тебя в постель.

Симона прыгает на него сверху и колотит, дурачась и смеясь.

— Идиот, обманщик! Ну, как бы там ни было, ты зря потратил силы,

— Симона ложится на своё место, поднимает брови и улыбается ему.

— Почему?

— Потому что я всё равно легла бы с тобой в постель. Хватало и того, что ты был таким несчастным.

— Тогда получается, что это правда, что брак — это могила любви. Ты видишь наши отношения как контракт. Ты знаешь, что есть люди, которые

отводят специальный день на неделе для секса?

— Серьёзно? Не могу поверить. Как грустно...

— А мы с тобой делаем это в любой момент.

— О да, мы ненасытные!

— Можно узнать, почему ты такая счастливая?

— Это из-за Ники.

Роберто закрывает книгу и кладёт её на столик.

— Думаю, у меня пропало всё желание читать сегодня. Подожди секундочку... — он начинает глубоко дышать.

— Что ты делаешь? Что происходит?

— Я читал статью, в которой говорилось, что всё безнадежно. Я практикую самовнушение. Рассчитываю все возможные вещи, которые ты мне можешь сказать, и готовлю свой разум и душу к эмоциональной встряске, которую мне может причинить любая новость о Ники.

— Мне кажется, что это отличная идея.

Роберто продолжает дышать, делая глубокие и длинные вздохи.

— Так, но задумайся, что рано или поздно моё сердце остановится благодаря вам двоим. Окей, — он закрывает глаза, — я готов.

— Готов?

— Да, я уже сказал. Говори.

— Хорошо, — Симона тербит свою ночную рубашку, — недавно мы с Ники... гуляли вместе.

— Пока всё в порядке.

— Ходили по магазинам.

Роберто открывает только один глаз и искоса смотрит на неё.

— Ладно, я знал, знал, я ещё не готов к этому. — Он ударяет по кровати ладонями. — К чёрту моё самовнушение. Я знаю. Завтра мне позвонят.

— Кто позвонит?

— Директор банка. Потому что вы опустошили наш счёт, разве нет?

— Ну какой же ты идиот.

— Просто в книге по самовнушению я читал ещё и о шопоголиках. Думаю, это одна из главных причин всех разводов.

— Мы купили всё, но не купили ничего.

— Больше, чем всё, или больше, чем ничего?

— Не будь скупердям. Шопинг — это больше, чем просто покупки и товарно-денежные отношения, это возможность поддерживать отношения матери и дочери, что-то, что невозможно объяснить мужчинам. Ники хотела открыться мне. Это же важно, так ведь?

— Ну, всё, о чём ты сейчас говоришь, напоминает мне сериал «Дерзкие и красивые», теперь я всё ясно вижу. Я понял.

— Что понял?

— Что скоро стану дедушкой. И он, отец моего внука, это племянник брата зятя соседа директора моего банка, секретный агент с сомнительным прошлым, который реабилитировался за счёт участия в проекте в Уганде. Они оставят его?

— Кого?

— Моего внука.

— Нет.

— Тогда они сбегут в Америку за мой счёт, чтобы поддержать древнюю традицию знаменитого побега влюблённых?

— Нет.

— Ещё хуже. Я понял. Не говори ничего. Директор банка не должен волноваться. Его должны уволить за то, что он принял такого клиента, как я, способного стать причиной кризиса в Сан-Патрисио. Они ведь собираются пожениться?

— Нет. Почему ты выдумал такой драматичный сюжет?

— Потому что эпизоды жизни нашей дочери всегда имеют некий оттенок триллера.

— Но говорят о любви...

— Да, но не о морях.

— Ха, отлично. Мы в хорошем настроении, а? Хорошо, просто отлично. Кстати, у твоей дочери есть голова на плечах. Она спокойная, рассудительная... Иногда даже слишком.

— Согласен. И после этого заявления я вернусь к своей книге. С тобой невозможно ничего понять. Ты самая нелепая мать в мире. Но зато отличаешься от всех остальных. Ты вообще сама понимаешь? Ты сейчас чувствуешь себя разочарованной, потому что Ники – тихая и спокойная девочка, — он открывает книгу и качает головой.

— Любимый?

— Да?

— Ты не думаешь, что женился на мне именно поэтому?

— Честно говоря, я иногда спрашиваю себя, по какой причине сделал это двадцать лет назад.

— Ты сожалеешь?

— Да нет, но... — он смотрит на неё с подозрением, — возможно, ты дала мне выпить какое-то зелье, что я попросил тебя пуститься со мной в это прекрасное и тревожное приключение? Если нет, то это необъяснимо.

— Я тебя ненавижу. Я обиделась. И завтра мы пойдём с Ники по магазинам. Вовсе не ради разговоров, а за покупками. И это правда. И долг на кредитке будет таким огромным, что тебе придётся сбежать с директором банка.

— Ага, как те двое в «Горбатой горе».

— Да, только вы двое скроетесь не в Вайоминге, а максимум в Пескассероли, где и погрязнете в долгах.

— Кажется, я должен сделать запись, ведь это экономический шантаж. Ладно, хорошо, я скажу это. Я знаю, почему женился на тебе, — Роберто поворачивается, смотрит на неё и молчит несколько мгновений, чтобы заинтриговать, потом улыбается ей.

— Так что это? Ты заставляешь меня нервничать.

— Это очень просто. Глагол в трёх временах.

— Что? Я не понимаю.

— Я любил тебя. Я люблю тебя. Я буду тебя любить.

Симона улыбается ему.

— Ладно, ты прощён. Но за этим последует наказание: подарить Ники кредитку.

— Любовь моя, — Роберто обнимает её, — не нужно так низко падать. — Он её целует. — Так что же случилось? Ты мне так и не рассказала. Вы гуляли с Ники, потратили все деньги, а потом? Что она тебе рассказала?

— Она рассказала мне о мальчике.

— Боже мой, что случилось?

— Ах... Я только что узнала, что Ники встречалась с парнем и уже рассталась с ним.

— И как же она? Это он её бросил? В таких случаях падает самооценка.

— Нет, она рассталась с ним.

— Слава богу. Я хочу сказать, что мне жаль, но лучше, если бы именно она приняла решение. Но ты мне не рассказала всего, что ещё случилось? То есть, должен ли я волноваться, есть ли у меня другие причины переживать за неё?

— Она не очень-то открылась. В любом случае, думаю, это был её первый парень. И что её первый раз был с ним...

— Ты уверена?

— Я пыталась расспросить её подробнее, но мне показалось, что ей неприятно говорить о нём, и я не хотела быть слишком напористой.

— Извини, но если «это» случилось на самом деле, я не понимаю. Прямо после того, как случилось что-то настолько важное... Они

расстаются?

— Мне кажется, что «это» произошло ещё в прошлом году.

— В прошлом году? Но тогда Ники было...

Роберто делает подсчёты в уме, но Симона его опережает:

— Шестнадцать лет.

— Шестнадцать, чёрт возьми, шестнадцать лет...

— В шестнадцать некоторые всё ещё играют в куклы, но не в Барби, как раньше. Теперь у них Братц. Кто-то читает Witch. Другие уже в Америке. Кто-то ведёт дурацкий блог в интернете, выбрасывает вещи, покупает iPod. Другие убивают своих родителей. А последние – влюбляются и, естественно, занимаются любовью. Нам повезло, что Ники относится к последним.

— Отлично, я рад, что могу причислить себя к счастливым.

Роберто открывает книгу и возвращается к чтению. Возвращается к последней прочитанной фразе: «Если я могу сказать другому человеку «Я люблю тебя», то я должен иметь в виду «я люблю весь твой внутренний мир, люблю весь окружающий тебя мир, в тебе я люблю и себя самого». Ему вдруг начинает казаться это очень понятным.

Симона тоже берёт свою книгу со столика. «Любовь и тьма» Исабель Альенде. Но оба они думают совсем о другом. В их комнате странная тишина, такая напряжённая, что лучше всего её нарушить. Роберто кладёт на живот открытую книгу страницами вниз.

— Дорогая, я могу тебя кое о чём попросить?

Симона кладёт закладку между страниц, чтобы не забыть, где закончила читать.

— Конечно, говори.

— Есть такая вероятность, что Ники ещё ни с кем не спала?

— Очень небольшая, но...

— Ладно, но когда ты будешь абсолютно в этом уверена, ты мне скажешь?

— Конечно же, да.

— Я думаю, в «Любовной истории Ники» будет много серий. И надеюсь, что они не будут грустными, а будут наполнены счастливыми моментами, смехом, радостью, детьми, успехами.

Симона чувствует себя подавленной.

— Я тоже хотела бы этого. Но прежде всего я надеюсь, что она нас подготовит ко всему.

Роберто улыбается ей.

— Мы будем готовы. Мы уже готовы. И ты прекрасная мать.

Единственное, о чём я тебя прошу, – если тебе есть, что рассказать мне, говори это без таких долгих пауз. Иначе это и в самом деле становится похожим на триллер.

— Отлично! Я объясню тебе это, как в рекламе по телевизору! — Симона ещё не знает, насколько верно подобрана эта фраза.

Они начинают смеяться, а потом возвращаются каждый в свою книгу. Потом Роберто поднимает ногу и кладёт на неё, он хочет её чувствовать. Хочет чувствовать её тепло. И прежде всего не хочет потерять её, во имя этого глагола в трёх временах.

27

Доброе утро, мир. Я слушаю радио на всей громкости. Песня Мины. Я бы хотела посвятить её Фабио, когда мы с ним впервые встретились глазами. Да-да, она очень подходящая. «Я должна сказать тебе, что ты мне не нравишься, у тебя такая широкая спина, гораздо больше, чем я сама, я должна сказать тебе, что в твоих усах прячется улыбка, и что в тебе я вижу солнце, а ещё должна сказать тебе, что нет в тебе...» Вот именно. Нет. И когда чего-то нет, то этого... просто нет. Нет.

Знаешь, что я сделаю? Сегодня утром мне хочется съесть две чашки хлопьев с шоколадом. Чёрт. Мама должна меня подвезти. Вот отстой. У меня нет скутера. Всё равно он был приятный. Жаль только, что разбил Миллу. Но он правда был милый. Такой обеспокоенный. Конечно, ведь у него вмятина на машине! У него немного... да, слишком развито чувство собственности. И ещё... немного устаревшие взгляды. Но он сильный. Да, я ему позвоню. Мне хочется... нового воздуха.

— Ребята, я скажу вам только одно: я не хочу уезжать из Рима.

Андреа Сольдини и остальные встречают его с улыбками на лицах, словно не виделись долгое время.

— Так что мы должны победить. Давайте, объясните мне, в каком направлении мы движемся.

Все говорят в один момент. Начинают показывать ему старую рекламу, маленькие фотографии, публикации из семидесятых, американскую и даже японскую рекламу. Весь мир вертится вокруг обычной карамели.

— Мы должны суметь привлечь молодёжь, но и взрослых тоже...

— Да! Должно быть смешно, но и серьёзно одновременно... Качественно, но и популярно, двусмысленно, но и конкретно.

— Это должна быть просто карамель.

Все поворачиваются к Андреа Сольдини.

После этой последней фразы Дарио качает головой.

— Старший помощник креативного директора... Это правда, он просто гений.

Он посылает улыбку Алессандро, но старается это скрыть.

— Так, ладно, ребята, серьёзно. Я всегда мечтал о команде, которая сможет копать глубже. Чтобы мне не приходилось никого контролировать, но я бы всегда знал, что здесь происходит. В общем, теперь работаем так, словно между нами тоже соревнование.

Алессандро вдруг останавливается. Андреа Сольдини смотрит на Дарио и улыбается ему, словно говоря: «Слышишь, что он говорит? Да-да... Ты ещё не сделал ничего хорошего». Дарио не верит своим глазам, снова качает головой, и, в конце концов, он вынужден рассмеяться вслух и принять этот вызов.

— Окей, окей, давайте работать. Андреа... нужно немного упорядочить всё, что у нас есть.

Андреа улыбается и подходит к большой доске, на которой начинает рисовать линии и наброски со всем, что они нашли о карамели, не забывая о временах и странах.

— Итак, самый красивый образ, который приходит на ум, — это французские конфеты. Логотип? Один американец, очевидно, имея в виду карамель, сделал что-то наподобие знаменитого вьетнамского плаката.

Он продолжает говорить, объясняя невероятную культуру, которая целыми десятилетиями строилась вокруг разнообразных конфет. Алессандро внимательно и с любопытством слушает его, в то же время не переставая смотреть на свой телефон. Каждый раз, увидев, что ему не пришло ни одного сообщения, он посылает мобильнику меланхоличную улыбку. Вдруг ему приходит на ум одна мысль, сладкая, как конфета. Позвонить бы Элене. Он улыбается, слушает и смотрит, не видя ничего, в то время как Андреа продолжает рисовать на доске. Ничего себе, этот парень очень упорный. Он смотрит на остальных, которые делают заметки и выслушивают его объяснения, записывают всё в записные книжки, время от времени вставляя свои комментарии по теме. Джорджия рисует логотип, Микела придумывает какие-то фразы и слоганы, подчёркивая иногда то, что ей кажется действительно правильным или что может помочь в дальнейшем. Мы все в плену мозгового штурма, думает Алессандро, и я очень хочу остаться в Риме.

Андреа Сольдини проводит длинную синюю линию подо всем написанным.

— Вот и всё! Мне кажется, что это — наиболее интересный материал из

всего, что мы нашли, и над этим мы и должны работать. Алекс, у тебя есть какое-нибудь предложение, особое пожелание, идея, в каком направлении нам двигаться? Мы всё разобрали. Если тебе есть, что сказать, то мы, твои верные воины, солдаты, слуги...

— Может, лучше сказать «друзья» или «коллеги».

— Да? Ладно... давай, любая идея, которая у тебя есть... Мы последуем за тобой.

Алессандро улыбается, потягивается и кладёт руки на стол.

— Мне жаль вас разочаровывать. Мне очень понравилась вся работа, что вы проделали, но прямо сейчас у меня самого нет никаких идей. Я не знаю, куда двигаться, в каком направлении.

Все шокировано смотрят на него, в полной тишине, кто-то смущённо опускает глаза, но все стараются улыбаться.

— Зато я знаю, куда не хочу, это точно. В Лугано. И ещё знаю, что очень скоро у нас всех что-нибудь получится. Так что давайте работать, увидимся на следующем совещании! На сегодняшний момент вы отлично поработали.

Все собирают свои папки и материалы, которые готовили для совещания, и выходят из кабинета. Все, кроме Андреа Сольдини, который подходит к Алессандро.

— Я знаю, что Марчелло и его команда уже что-то придумали. В его группе есть человек, которым я очень дорожу и которому я многим обязан. Да. Он мне окажет небольшую услугу, так как тоже мне должен.

— Андреа, почему ты никогда не говоришь прямо? То, что ты говоришь, никогда не прекращается, когда же ты остановишься?

— Никогда. Мне бы очень хотелось найти кратчайший путь к победе. И мы можем узнать, например, в какой точке они находятся, и тогда у нас получится превзойти их, найти лучшую идею, или даже сделать так, что их работа покажется банальной. Не думаю, что говорю что-то очень странное.

— Нет. Но должен быть более правильный путь, да. Я бы предпочёл выиграть без жульничества, — Алессандро улыбается ему.

Андреа простирает объятия.

— Я знал, что ты такой. Елена мне говорила. Я только хотел знать, до какой степени ты честен на самом деле.

Андреа разворачивается и возвращается к работе. В этот момент оживает мобильник Алессандро. Сообщение. Алессандро осторожно осматривается. Видит, что остался только Андреа. Все остальные в соседнем кабинете. Он может спокойно прочитать. Он надеется увидеть там то, что ждёт уже несколько месяцев. «Любимый, прости, я ошиблась».

Или лучше: «Это была шутка». Может: «Я по тебе очень скучаю». Или самонадеянное: «Ты по мне соскучился?», абсурдное: «Я безумно тебя хочу». Или истощающее: «Трахни меня прямо сейчас». Сумасшедшее: «Я знаю, что я шлюха, но я хочу быть твоей шлюхой...» В общем, что бы ни было в этом сообщении, там только должна быть подпись: Елена. Алессандро вертит телефон в руках целое мгновение. Это ожидание перед чтением. Этот мигающий конвертик, не показывающий своего содержимого и, прежде всего, не говорящий, от неё это или нет... В конце концов он не выдерживает и открывает его.

«Эй, чем ты занят? Притворяешься, что работаешь? Помни: мечтай и следуй моим советам – будь проще. Улыбайся, и всё покажется не таким уж сложным. Ладно, я немного идеализирую. Целую тебя. Удачного рабочего дня».

Алессандро улыбается и удаляет сообщение. Он подумал обо всём, кроме неё. Ники.

28

— Эй, кому ты отправила это сообщение? — Олли стоит позади Ники на цыпочках. Любопытная, немного напуганная, что-то подозревающая. Уперев руки в бока, она смотрит на подругу с поднятой головой, как и всегда. — Так кому?

— Никому.

— Ах, да, конечно... То, что ты послала сообщение, уже свидетельствует о лжи. Что-то тут не так. Ты ведь понимаешь, да? Ты даже соврать не смогла! — Олли вскакивает и хватается Ники за горло, крепко держа её голову. Потом свободной рукой начинает наматывать её волосы себе на кулак.

— Ай, мне больно, Олли, а-ай! Хватит, не будь дурочкой.

Тут приходят Дилетта и Эрика, которые встают рядом, скрывая девочек от других своими телами.

— Давай, Олли, пытай её! Заставь эту стерву говорить!

Ники дёргается и высвобождается из рук Олли. Она отбегает, пытается отдышаться и начинает массировать шею и голову.

— Вы все чокнутые! Разбушевавшиеся Волны...

— Конечно, мы вышли из-под контроля из-за тебя. Мы уже сто лет не собирались вместе, что случилось с тобой?

Эрика улыбается.

— Она влюбилась, смотрите, как изменилась.

Дилетта поднимает брови.

— Это правда, даже причёску сменила!

Ники смотрит на них с яростью.

— Всё совсем не так. А волосы такие, потому что Олли мне их запутала, и теперь я похожа на чучело.

Но Олли настаивает на предыдущей версии.

— Но всё-таки можно узнать, кому ты отправила то сообщение, или нет? Мы тебя любим. И то, что ты молчишь, просто отвратительно. Как будто ты не хочешь разделить с нами своё счастье, но мы ведь твои подруги, твои Волны...

Ники улыбается.

— Ладно, ладно, сейчас всё объясню. Я вам ничего не рассказывала, потому что пока нечего говорить, и вообще, если я расскажу кому-то до того, как что-то произойдёт, то могу сглазить! Вы поняли?

— Так ты думаешь, что мы можем принести тебе несчастье, я не понимаю... Мы можем что-то испортить ей, девчонки! Ты не можешь так с нами поступать!

— Но я совсем не это хотела сказать!

Ники пытается найти способ защититься. Она сжимается, как ёж. Олли, Дилетта и Эрика пытаются выпрямить её всеми возможными способами, они хватают её за руки и тянут вверх до тех пор, пока не добиваются своего. Затем Олли быстро лезет в задний карман её брюк и крадёт мобильник.

— Девочки, сейчас я прочитаю, что она написала!

— Чёрт, нет, Олли, ты такая сучка!

— Сучка не сучка, а я беспокоюсь за свою подругу. Ты рассталась с этим псевдо-музыкантом, не то с парнем, не то с ребёнком, не то с кем ещё, с которым встречалась несколько месяцев... Именно в такие моменты девушки падают в объятия первого встречного, убеждённые, что он — тот самый. Я буду твоими глазами!

— Слушай, я не падаю ни в чьи объятия. Я не знаю, как вам объяснить это.

— Нечего объяснять. — Олли поднимает телефон к небу и произносит: — *Verba volant, scripta manent*[5].

— Ха, это единственная фраза на латыни, которую ты знаешь, и теперь постоянно повторяешь её! И, кстати, в этом случае она даже не подходит, — смеётся Дилетта, самая умная в их компании. — В этом случае, раз уж это мобильный телефон, более уместно сказать *scripta volant*[6]!

— Согласна, — отвечает Олли, — всё равно, что *volant*, что *manent* — это просто слова. Я прочитаю вам вслух. Открыть отправленные, вот оно...

Она уже открывает сообщение, как слышит голос за спиной.

— Отлично, давай. Прочитай его и мне, я умираю от любопытства.

Дилетта и Эрика оборачиваются. Сразу оценивают ситуацию и отпускают Ники. Это Фабио, её бывший парень, который смотрит на неё. Он улыбается. Потом идёт к ней, опечаленный.

— Что такое, испортил вам праздник?

Кажется, будто ему и правда жаль. Он всегда был хорошим актёром. Олли немного расстраивается, закрывает телефон Ники и прячет его у себя в кармане.

— Да ладно, просто я тоже хотел немного повеселиться... я не собирался портить вам такой момент.

Ники подходит к нему.

— Привет, Фабио.

— Привет, Ники, — Фабио смотрит ей в глаза, немного наклоняясь к её лицу. — Сообщение было для меня?

Ники смотрит на него. Подруги смотрят на неё. Каждая по-своему пытается предать ей телепатически: «Тебе не всё равно, Ники? Скажи «да»... Пусть он так думает... Что тебе стоит? Просто держись подальше от неприятностей...».

Ники улыбается. Она словно слышит их мысли. Но, как и всегда... Ники есть Ники.

— Нет, я писала не тебе.

Фабио ещё мгновение смотрит ей в глаза. Ещё одно бесконечное мгновение. Но Ники спокойна и не отводит взгляд. И Фабио знает, что она такая. Наконец, он больше не может улыбаться.

— Да, конечно же. Если тебе есть, что сказать мне, ты говоришь это, как всегда делала, глядя мне прямо в глаза, правда, любовь моя?

— Да, но не называй меня так.

— Может, это было сообщение твоим родителям или брату, может, ещё какой-то подружке. Но знаешь что? Меня это больше не волнует.

— Тем лучше, Фабио.

— Когда ты так со мной разговариваешь, я никогда не знаю, издеваешься ли ты надо мной. В любом случае, я сейчас пишу песню для тебя, только для тебя. Обо всём, что было между нами... Эта песня принесёт мне славу. Мой последний альбом всем понравился, но эта песня ещё лучше. Я уже придумал себе новый псевдоним для этого диска... — Фабио останавливается, чтобы произвести впечатление, и смотрит на неё. — «Фабио... Фобия». Тебе нравится?

— Да, очень. Главное, что оригинально.

Фабио качает головой.

— Знаешь, почему у нас ничего не получилось? Потому что ты всегда завидовала. Со мной ты никогда не была в центре внимания. — Фабио с момент смотрит на Олли, Эрику и Дилетту. Улыбается: — До встречи.

Он удаляется в своих слишком узких брюках, красивый и стройный, с широкой спиной, с волосами, на одном виске выбритыми, а на другом — длинными. На голове его небесно-голубая бандана, подчёркивающая синие глаза.

Эрика улыбается, пытаясь сгладить драматизм ситуации.

— Правда, он просто конфетка... То есть... красавчик!

— Не хватало только, чтобы он был уродом, учитывая, какой он мудака!

Олли снова достаёт телефон Ники.

— Кому бы ты ни отправила сообщение, ты можешь нам не рассказывать. Я просто надеюсь, что в этот раз всё у тебя будет хорошо.

Ники улыбается и кладёт телефон себе в карман.

— Если уж это говоришь ты, Олли, а ведь ты всегда питала слабость к Фабио...

Вмешивает Дилетта:

— По-моему, он заваливал все эти годы экзамены, только чтобы не расставаться с Ники.

— Да ладно, с чего ты взяла?

— Я в шоке, что вы не поняли, потому что, чтобы закончить школу, нужно просто делать домашнее задание.

Пока девчонки разговаривают, Ники удаляет сообщение, отправленное Алессандро, чтобы больше не рисковать.

— Знаете, я бы хотела прочитать текст песни, что он пишет обо мне.

— Мне тоже кое-что пришло на ум. Знаешь, это как Еатон, когда развёлся с женой.

— И правда, — говорит Олли, улыбаясь, — как называлась эта песня?

— *Fuck you*.

Дилетта начинает напевать её остальным.

— «Ты видишь, я не понимаю, почему ты мне так нравилась. Я отдал тебе всё, так тебе доверял... Я сказал, что люблю тебя, а сейчас это всё — просто мусор».

Она двигается, как лучшие рэперы, как некая странная помесь Еатон и Еминем.

— «К чёрту подарки, я мог с таким же успехом выбросить их. К чёрту все поцелуи, они ничего не значат. К чёрту и тебя, ведь я тебя больше не люблю... Ты думала, что можешь обмануть меня, но я всё понял, хоть и

был идиотом. Ты издевалась надо мной, ты сосала у него. А теперь хочешь вернуться ко мне...»

Дилетта делает поворот и заканчивает песню самым чувственным «Yeah...».

Ники улыбается.

— Фабио Фобия не будет таким идиотом. Если бы он написал вот такую песню, то обязательно сообщил бы. Допустим, он бы написал и такую, но я-то абсолютно не хочу к нему возвращаться. Но, должна признаться, кое-что в этой песне имеет отношение ко мне...

— Что, выброшенные подарки?

— Оральный секс?

Ники качает головой.

— Мне жаль, но я вам ничего не скажу... — и уходит.

— Так, Волны... давайте снова попытать её! — Но Ники убегает. Девочки тоже бегут за ней в школу. Они пытаются поймать её и заставить говорить.

29

Алессандро закрывается в своём офисе. Смотрит на фото на столе. Берёт его, подносит к лицу, вертит в руках. Естественно, это он вместе с Эленой. Улыбается своим оптимистичным мыслям. Он надеется, что они снова будут вместе. Воспоминание. В ту ночь они ходили на шоу Alegria Цирка Дю Солей. Ему совсем не хотелось туда. А она очень хотела. И только по этой причине он достал билеты в первый ряд. Ради неё, чтобы видеть её улыбку. Чтобы видеть восхищение в её глазах, пусть она восхищалась не им, а эквилибристами в отличной форме. Чтобы видеть её, очарованную музыкой, огнями, всеми сценическими эффектами. И дышать её улыбкой и эмоциями от этого известного во всем мире спектакля. А теперь? Ничего не осталось, только пустой зал. А что будет со спектаклем моей жизни? Но он не может продолжать думать об этом.

Тук-тук. Кто-то стучит в дверь, тем самым прерывая тщетные поиски жестоких ответов.

— Кто это?

— Это я, Андреа Сольдини, можно?

— Входи.

Андреа выглядит очень смущённым.

— Прости, если прервал тебя, особенно если ты как раз размышлял над идеей, в которой мы так нуждаемся. Простая и сильная, прямо в сердце, победная и захватывающая...

— Да-да, говори, что случилось? — обрывает его Алессандро, не желающий признаваться, даже самому себе, что думал об Элене, только о ней, о ней единственной, все его мысли были тотально заняты только ею.

— К тебе пришёл поздороваться один твой друг. Говорит, у вас встреча. Какой-то Энрико.

— Не какой-то Энрико, а Энрико Манелло.

— Почему ты со мной всегда такой? Тебе звонили в офис, но у нас было совещание. А я просто пытаюсь помочь...

— Ладно, ладно,пусти его.

— А что насчёт нашего разговора? Ты уверен?

— Ты о чём?

— О помощи.

— Какой помощи?

— Чтобы меня информировали о работе противника, о любых идеях?..

— Сольдини!

— Ладно, ладно, я ничего не говорил. Но имей в виду, что и это я делал, только чтобы помочь, — он скрывается за дверью, открывая её, чтобы впустить Энрико.

— Здорово, старик. Ты и правда пришёл. Я думал, у тебя какие-то повседневные проблемы.

Алессандро предлагает ему кресло. Потом он видит, что Энрико серьёзно обеспокоен. Он старается сесть как можно удобней.

— Хочешь выпить чего-нибудь? Чай, кофе, кока-кола, кинотто? Ещё у меня есть Ред-Булл, смотри... — он открывает маленький холодильник с прозрачной дверью. — Его у меня тут много! — холодильник заполнен баночками цвета синего металлика. — Просто мы провели отличную рекламную кампанию, а они оказались очень щедрыми.

— Нет, спасибо, я ничего не хочу.

Алессандро садится напротив него. Видит фото, на котором они с Эленой смеются, и убирает её в сторону, пряча за другие рамки. Затем удобнее устраивается в кресле.

— Рассказывай, друг мой. Что могло с тобой случиться?

— Это было фото Элены, то, что ты спрятал, правда?

Алессандро начинает оправдываться.

— Да, но я его не прятал, просто убрал.

Энрико улыбается ему.

— Думал, что Елена тебе изменила? Вы ведь расстались, так? Ты вчера нам об этом сказал.

— Да, расстались.

— Как давно?

— Уже больше двух месяцев назад... Она ушла из дома.

— И ты никогда не думал, что она могла изменить тебе, может, даже с кем-то из нас? Например, со мной?

Алессандро замирает, словно пригвождённый к креслу. Потом он смотрит прямо в глаза другу.

— Нет. Я никогда так не думал.

Энрико ему улыбается.

— Хорошо. Это очень хорошо, ты знаешь? Я не знаю, сойдётесь ли вы снова. Но это было бы замечательно. Я хочу сказать, что единственное, чего я желаю тебе, – чтобы вы снова были вместе, если это – то, чего ты хочешь на самом деле, но в любом случае ты молодец, ты жил эти два месяца без драм и ревности. Это прекрасно, что, хоть вы и расстались, ты не думал, что она тебе изменила... Это замечательно.

Алессандро смотрит на него.

— Я тебя не понимаю. Я ошибаюсь? Правда? Тебе есть, что сказать мне?

— Нет. Шутишь? Я по поводу своей проблемы, только своей.

Они сидят в тишине. Алессандро не знает, что и подумать. Энрико прячет лицо в ладонях, потом кладёт их на стол и смотрит Алессандро прямо в глаза.

— Алекс, боюсь, что Камилла мне изменяет.

Алессандро откидывается на кресле и делает глубокий выдох.

— Извини, а ты не мог сказать мне это прямо? Ты зашёл настолько издалека, заставил меня думать чёрт знает что, навоображать себе с три короба, разволноваться...

— Я хотел знать, сможешь ли понять меня. Измена. Ты не знаешь, каково говорить такое... Тебе повезло, что ты ничего такого не испытал. Это зверь, пожирающий тебя изнутри, разъедающий, разрывающий в клочья, ломающий тебя. Ты днями и ночами ломаешь голову...

— Да, да, я тебя уже понял, хватит.

— Поэтому я задавал тебе столько вопросов. Я уже сказал, ты не можешь понять этого.

— Ладно, я не понимаю.

— Нет, не понимаешь, но не говори с такой иронией.

— Я ничего такого не делаю. Просто я пытаюсь понять, но ты говоришь, что я не могу понять.

— Тогда постарайся ещё. Видел фильм «Неверная» с Ричардом Гиром?

— Да, кажется, мы смотрели его все вместе.

— Да, ты тогда ещё был с Эленой. Помнишь ту историю?

— Более или менее.

— Если не помнишь, я тебе расскажу. Она, красотка Диана Лэйн, там её звали Конни Самнер, замужем за Ричардом Гиром, Эдвардом. Они прекрасны и кажутся счастливыми. У них восьмилетний сын, пёс, и все в Сохо завидуют им. В один ветреный день Конни встречает того красивого парня с длинными волосами. Она упала, поранила колено и согласилась пойти к нему домой, чтобы он наложил повязку. Просто чтобы он ей помог. А потом, потом они весь фильм трахаются, как кролики!

— Не упрощай. Там было не только это.

— Было только то, что ты сам понял.

— Да, но я тебя уверяю, я всё понял, как надо.

— Ладно, всё равно, от этого фильма меня стало тошнить, но самое главное случилось потом, и я прекрасно всё помню. Под конец фильма все стали подниматься со своих мест, Елена посмотрела на Камиллу, и они друг другу улыбнулись. Теперь ты понимаешь?

— Понимаю. Проблема в том, что именно я понял. Кто знает, почему они улыбались? Может, у них что-то произошло до этого... Может, они столкнулись, или Камилла потеряла равновесие, кто-то из них чуть не забыл куртку на сиденье.

— Нет, нет... мне жаль, — Энрико мотает головой, — но это был знак. Было ясно, что в какой-то момент они совершили то, что увидели в фильме. Ладно. Потом мы пошли ужинать, но это уже неважно, потому что потом ничего не случилось.

— Извини, Энрико, но мне не кажется, что у тебя достаточно доказательств, ни чтобы что-то сказать, ни чтобы думать об этом, ни чтобы предъявлять настоящие обвинения...

— Ах, да? Помнишь ту сцену, где Ричард Гир понимает, что его жена в нерешительности, потому что она оставляет две пары туфель под стулом, на котором её платье?

— Да, кажется, да.

— Так вот, на прошлой неделе Камилла оставила под стулом две пары туфель.

— Может, она забыла одну пару прошлым вечером, до этого.

— Нет, Камилла ничего не забывает.

— Значит, она просто не могла решить, какие именно выбрать. Но я всё равно не понимаю, извини. На этот раз я правда не понимаю. Если женщина в нерешительности, значит, она изменяет?

— Что ты сказал?

— Ничего, просто мысли вслух. Из-за этой истории я тоже разнервничался. Я на самом деле ничего не понимаю! В любом случае, я не могу позвонить Элене. Мы уже два месяца не общались, и ясно, что я не могу ей позвонить, чтобы спросить: «Привет, извини, а Камилла не спит с другим?».

— Нет, конечно же, нет, я не об этом хотел тебя попросить, — Энрико сгибается пополам.

— Что с тобой? — Алессандро обеспокоенно смотрит на него.

— Ничего, мне становится плохо от одной только мысли.

— Слушай, Энрико, давай спокойно всё проанализируем. Как у вас с ней дела?

— Хорошо.

— Что ты хочешь этим сказать?

— Ну, более или менее.

— И?

— Я ревную, умираю от ревности, и поэтому мне очень плохо.

— Ладно, ладно, но вам ведь хорошо вместе? Я имею в виду, вы ведь занимаетесь сексом?

— Да.

— Как всегда? Больше, меньше?

— Как всегда.

Алессандро на секунду задумывается о том, каково ему было в последнее время с Эленой. Она была великолепна, красива, ласкова, к тому же изобретательна, горяча, проявляла инициативу. Она страстно целовала его, она целовала его между пальцев, потом целовала всё тело, даже ноги, и во всех интимных местах. А через два дня она ушла, оставив обычную записку. Он качает головой и возвращается к проблемам своего друга, который смотрит на него с тревогой.

— О чём ты думаешь?

— Ни о чём.

— Алекс, скажи мне, потому что я не знаю, понимаешь ли ты, насколько мне плохо, как сильно я схожу с ума.

Алессандро вздыхает.

— О том, как хорош был секс с Эленой, доволен?

— А. Ладно, у нас с Камиллой всегда всё было хорошо, скажем, мы занимались любовью неторопливо, спокойно. Но в последнее время она изменилась. Она кажется более, более...

— Более?

— Не знаю! Не могу объяснить.

— Так, ты говорил, что более...

— Более похотливой, что ли, да.

— Может, у неё стало меньше поводов для беспокойства. Или она хочет завести ребёнка.

— Она принимает таблетки.

— Послушай, мне кажется, ты создаёшь проблему на пустом месте.

— Думаешь?

— Да. Мне кажется, у вас всё хорошо. Если ты хочешь ребёнка, попроси её не пить таблетки.

— Я уже это сделал...

— И?

— Она сказала, что подумает.

— Вот видишь? Она не сказала нет. Сказала, что подумает, это уже что-то, потому что это нормально – иметь детей. Это важно, это важный шаг, это то, что объединяет тебя с женщиной больше, чем просто брак. Это соединяет навсегда.

Именно в этот самый момент, когда он договорил фразу, Алессандро понимает, насколько ему не хватает этого в своей собственной жизни, и сколько раз ему об этом говорили его мать и сёстры, и даже отец, и все вокруг. Даже в рекламе, которую он делает в своей фирме, всегда счастливые семьи и обязательно с детьми. Но на этот раз Энрико спасает его.

— Приходя домой, она всегда достаёт телефон и ставит его на беззвучный режим.

— Возможно, она не хочет ни с кем разговаривать. Она же работает с бизнесменами, они могут разговаривать целыми днями.

— Ещё она удаляет входящие сообщения.

Алессандро сдаётся и наклоняется немного к нему.

— Что ты хочешь, чтобы я сделал, Энрико? Скажи мне сам.

— Я хочу, чтобы ты съездил вот сюда, — и из кармана куртки он достаёт страницу из «Жёлтых страниц». Он разворачивает её и кладёт на стол, чтобы Алессандро прочитал.

«Тони Коста. Детективное агентство. Доказательства, документальные свидетельства, фотографии, полученные законным путём, для бракоразводных процессов и опеки над детьми. Максимальная конфиденциальность за минимальную цену».

Алессандро качает головой.

— Зачем тебе ввязываться в такие проблемы?

— Я много об этом думал, и у меня нет другого выхода. Ладно, если

быть до конца честным, то моё единственное решение... это ты.

— Я?

— Да, ты. Я никогда не наберусь смелости пойти туда, подняться на этаж и рассказать всё этому Тони. Я представляю выражение его лица, и что он подумает, как он будет улыбаться, покручивая усы.

— С чего ты взял, что у него есть усы?

— Они есть у всех детективов. Разве ты не знаешь, что они их используют для прикрытия? Ну, он обязательно будет думать: очередной придурок! Очередной обманутый муж, который оплатит мне аренду.

Ладно, думает про себя Алессандро, глядя на листок, тут и правда «минимальная цена». Несмотря на данную ситуацию, он хочет сэкономить.

— Окей, Энрико, я съезжу туда. Только ради тебя.

— Спасибо, я уже чувствую себя лучше, серьёзно.

— Я только надеюсь, что ты потом не пожалеешь, и это не разрушит нашу дружбу.

— С чего бы это? Я знаю, что могу рассчитывать на тебя. Я всегда это знал, и это не более чем очередное подтверждение.

— Знаешь, почему я говорю тебе это, Энрико? Потому что в очень и очень многих ситуациях случается так, что друг, делающий одолжение, оказывается в гуще событий и в конце концов перестаёт быть другом. Его признают виновным в том, что всё становится плохо...

— Ревность поддерживает любовь, подобно тому, как зола хранит огонь, как сказала Нинон де Ланкло. Но это не мой случай. Без ревности я буду себя чувствовать намного лучше. И неважно, что вскроется, мы всегда будем друзьями.

— Я тоже на это надеюсь.

— На самом деле я надеюсь, что этот Тони не найдёт абсолютно ничего.

Энрико осматривается вокруг. Сейчас он более расслаблен.

— А у тебя тут хорошо, в твоём офисе. Это странно, но я ни разу к тебе не приходил.

Потом, немного смущённый, он улыбается.

— Просто раньше не было необходимости, — Алессандро улыбается ему и поднимается с кресла. — В отличие от сегодняшней ситуации. Ты просто пришёл ко мне, чем меня удивил. Уверен, что ничего не хочешь, даже кофе?

— Нет, правда, и так нормально. Знаешь, что мне нравится в тебе? Ты всегда твёрдый, на самом деле.

— Почему ты так говоришь?

— Ну, ты всегда рядом и, не теряя самообладания, помогаешь другу. Я просто побыл немного с тобой, и ты меня успокоил. Я занял всё твоё утро.

— Ты шутишь? Ты и не представляешь, в какую драму мы попали с этим проектом. Ты появился в наихудший момент моей «рекламной» жизни.

— Хорошо, но, по крайней мере, ты не переживаешь из-за личной жизни...

— Я и не знаю, что меня убивает больше.

— Тем не менее, вчера вечером, когда ты сказал, что вы с Эленой расстались, ты выглядел спокойным.

— Ага. Если тут у меня ничего не получится, то подамся в актёры. Судя по твоим словам, я гений в притворстве...

— Тебе и в самом деле так плохо?

— «Плохо» – мягко сказано.

— Значит, ты очень хорошо это скрываешь.

В этот момент звонит мобильный Алессандро, который он достаёт из кармана и без промедления берёт трубку, даже не посмотрев на номер.

— Да?

— Это я, Ники.

— А, привет, какой сюрприз, — он смотрит на Энрико, улыбается и подходит к окну. — Как это ты мне звонишь? Ты не в классе?

— Должна быть там, но я спряталась в туалете для учителей! Мне очень захотелось тебя услышать.

— А, понятно... Значит, ты закончишь с этим быстро?

— В туалете? Ты о чём вообще?

— Ты меня не понимаешь, да?

— Конечно, понимаю, понимаю. Ты на совещании? Прости.

— Нет, я с одним своим другом, который зашёл поздороваться, — он поворачивается к Энрико и снова ему улыбается.

— Ну и какого чёрта ты тогда так со мной разговариваешь, если ты с другом? Слушай, я тебя не понимаю. Ты загадка всей моей жизни. Многие из моих подруг решают sudoku, которые мне кажутся очень сложными, но, по сравнению с тобой, это всё равно, что песни петь.

— Ладно, Ники, чего ты хотела?

— Боже мой, как суетливо... Ты злишься?

— Нет, но мне не нравится разговаривать по телефону, когда я с кем-то другим.

— Окей, я буду краткой. Так вот... Автосервис будет открыт. Точка. Механик поклялся меня подождать. Точка. Подвези меня, пожалуйста.

Точка. Ты получил мою телеграмму?

— Да, да, встретимся у института как обычно.

— Окей, прекрасно. Пошлешь мне поцелуй?

— Нет.

— Да ладно, мне ещё нужно сдать экзамен, а ты приносишь удачу.

— Ладно, лови.

— Спасибо... стеснительный мальчик! — Ники вешает трубку.

Алессандро так и застывает, глядя на телефон. Потом он смотрит на Энрико, который ему улыбается. Он кажется очень спокойным.

— Извини, но я не мог не подслушать. Ники, как обычно, увидимся в институте. Кто это, твоя племянница? Это точно не одна из дочерей твоих сестёр, потому что они слишком маленькие... Конечно, они уже ходят в садик, но я не думаю, что в три года они уже звонят тебе по мобильному. Ах, да, может, это твоя кузина? Возможно, по отцовской линии...

— Слушай, чтобы ты не строил больше предположений, это девушка, о которой я вам вчера рассказывал, когда мы выходили из ресторана, я познакомился с ней случайно. Мы врезались друг в друга на дороге, была авария.

— И у вас уже такие доверительные отношения?

— Да.

— А сколько, ты говоришь, ей лет?

— Семнадцать.

— Не очень-то хорошо для тебя. Хотя и неплохо. Теперь я знаю, почему ты уже пережил кризис после расставания с Эленой. Эта Ники — твоё спасение. Это была не просто авария.

— Если она станет моим спасением, то это была слишком серьёзная авария.

— Слушай, пойми, мы совсем не хотим видеть вещи такими, какие они есть. Семнадцатилетняя девушка — это уже женщина. Вспомни нас двадцать лет назад. Возможно, мы были бóльшими мужчинами, чем сейчас. Короче говоря, спустя годы, нет никакой разницы, мы делаем в постели то же самое. С оговоркой, что у нас сейчас есть какие-то проблемы в этом смысле.

Алессандро улыбается ему.

— Послушай, Энрико, я поеду к Тони Коста ради тебя. Но ты не влезай в мою личную жизнь. Это ни к чему, потому что это может напугать тебя.

— Ты так говоришь, потому что уже сделал это? — говорит Энрико и подмигивает.

— Нет, потому что ты можешь наткнуться на чёрные дыры внутри меня.

— Знаешь, ты мне сегодня столько всего сказал, позволь и мне сказать тебе кое-что: развлекись с этой Ники! А потом... потом, как бог даст! Когда Елена вернётся, всё будет как раньше, нет, даже лучше. — Он открывает свою папку с документами: — Возьми, — протягивает он Алессандро цветной CD. На нём написано *Love relax*. — Это тебе.

— Красивое название.

— Нравится? Это я придумал. Моя подборка самых красивых песен, одна лучше другой, позволит тебе заткнуть любую женщину. Я хотел поставить его как-нибудь ночью, с Камиллой, чтобы сделать ребёнка, но сейчас хочу дать его тебе, чтобы ты поставил его с Ники.

— Ты шутишь? Что я должен делать?

— Ты сам прекрасно знаешь, что. Всё равно это всё есть у меня в компьютере, я могу сделать копию. Есть тут одна песня, которая мне очень нравится, с самыми красивыми фразами Баттисти. Называется *Le domande di Lucio*. Типа «Как ты узнаешь о божественной любви...» И потом рассказываешь ей о божественной любви.

— Ты серьёзно?!

— Конечно, прочувствуй красоту этих слов... «Что ты знаешь о пшеничном поле?..» Он прав, так ведь? Если ты не там, среди этих колосков, с лёгким ветерком, то этого нельзя понять... А ещё он проводит параллели с кино, например, «Комната с видом», там Джулиан Сэндс во Флоренции, он начинает рисовать в поле и срывает колосья руками. Тогда приходит актриса, сыгравшая Люси, и они целуются. Кроме того, в «Гладиаторе» Рассел Кроу всегда приходил в поле и обнимал колосья пшеницы, когда чувствовал, что ему не хватает любви его умершей возлюбленной. Это – контакт с землёй, другими словами, пшеница – это любовь, та любовь, которая рождается из земли и даёт нам хлеб, так же, как когда мы находим нужного человека... любовь рождается в нас. Ещё тут есть песня *Nostalgia di un amore profano*, но, по-моему, её труднее понять...

— Уверен, что так и есть. И ты думаешь, что Ники понравятся все эти объяснения?

Энрико смотрит на него, потом закрывает глаза и мотает головой.

— Она уже твоя.

— Только вот есть одна маленькая проблемка, — Алессандро закрывает папку Энрико и провожает его до двери.

— Какая?

— Я не люблю её.

— Ладно, как хочешь. Но, пожалуйста, съезди к Тони поскорее.

— Да. Не волнуйся об этом.

Алессандро закрывает дверь и возвращается к столу. Удручённо садится в кожаное кресло. Только этого не хватало. Потом он берёт CD и рассматривает. Все песни хороши. *Written in your eyes* Элизы. *Le chiavi di casa* J Ах. *Una canzone per te* Васко. *Canciones de amor* Венегас. *Sei parte di me* Zero Assoluto. *Tu non mi basti mai* Даллы. Потом куча песен Баттисти. Алессандро просматривает названия дальше. Находит ещё *Never Touch That Switch* Робби Уильямса, которая ему очень нравится. Как же постарался Энрико, чтобы сделать этот диск, выбрал песни и записал в нужном порядке. Он очень любит Камиллу. Они прекрасная пара, всегда вместе и любят друг друга, но, несмотря на это и безо всякой видимо причины, я должен ехать к этому Тони Коста! Вот дерьмо. Но ему не хватило, он ещё и меня заставил мучиться сомнениями. Что, если у Элены и правда был другой? А если это кто-то из моих друзей? Точно не Энрико. Он не такой гений, чтобы придумать всю эту историю, чтобы отвлечь от себя подозрения. Флавио? Нет, Флавио никогда бы так не поступил, он слишком боится Кристину и того, что может быть пойман. Пьетро? Пьетро. Остаётся только Пьетро. На самом деле, не знаю, что и думать о нём. Конечно, он отличный друг, но он никогда не упустит возможности переспать с женщиной. Даже если это женщина друга! Кроме того, ему всегда нравилась Елена, он всегда так говорил. Когда мы ходили смотреть «Лучший друг моей жены», он так и сказал мне: «Слушай, если бы мне было плохо, то я бы сделал то же самое перед операцией. Я бы побежал к тебе просить разрешения провести ночь с Эленой». Я всё ещё помню, как мы засмеялись, и я похлопал его по спине. «Без проблем. Ты здоровее всех».

Кто-то стучится в дверь.

— Войдите.

Это Андреа Сольдини.

— Мы собираемся пойти на обед, но не у нас в столовой. Хотим почувствовать себя чуть более свободными, пойти, куда принесут ноги, и съесть по салату. Присоединишься к нам?

— Да, но только напости мне, что я должен забрать Ники из школы, — говоря это, Алессандро берёт свою куртку и выходит. Андреа ему улыбается.

— Я и не знал, что у тебя есть дочь.

— Да, я тоже.

У входа в институт. Целая река ребят вторгается в холл. Некоторые уходят домой. Остальные штурмуют автомат с едой. Дилетта стоит в хвосте очереди рядом с Ники.

— Ты закончила перевод?

— Нет. А ты?

— На три четверти.

— За меня делала Серени. Она мне была должна.

— За что?

— Я одолжила ей свою блузку от Эксте на вечеринку по поводу восемнадцатилетия в субботу. Этот долг тянет как минимум на шесть текстов.

— Понятно! Давай, твоя очередь.

Ники кидает в автомат евро. Плинк. Правильный звук. Выбирает шоколадный кекс и нажимает кнопку.

— Что ты творишь?

— Что такое? Ты не читала Бенни? Мир (согласно Сократу, дедушке Маргариты) делится: на тех, кто ест шоколад без хлеба; на тех, кто не может съесть шоколад, не съев при этом также и хлеб; на тех, у кого нет шоколада; на тех, у кого нет даже хлеба. А у меня есть всё.

— Ясно.

— Привет... — Дилетта оборачивается. На неё смотрят зелёные глаза, цвета надежды, так идеально подходящие этому загорелому лицу. — Я принёс тебе евро. Теперь точно сработает.

— Эй, что это? У тебя такая фишка? — смеётся Ники, доставая свой кекс.

— Ты не должен был. У меня есть деньги.

— В любом случае, лишним не будет. Используешь в другой день.

Парень достаёт из кармана батончик мюсли.

— Ещё я достал это для тебя.

Дилетта смотрит на него с удивлением.

— Совершенно незачем было это делать.

— Да. Знаю. Но мне захотелось это сделать.

Ники поворачивает голову то к одному, то к другому, словно они играют в теннис.

— Ладно, но я тебе уже говорила, что мне не нравятся долги.

— Хорошо, тогда не оставайся в долгу.

Ники решает вмешаться.

— Давай, Дилетта, не ломайся. Он тебе предлагает батончик, а не

коробку трюфелей из Норчии[7]! Всё хорошо! Очень красивый жест! — Она насмешливо улыбается им.

Он протягивает батончик Дилетте.

— Нет, спасибо, я не хочу, — она уходит.

Ники смотрит на неё, а потом поворачивается к нему.

— Знаешь, она немного странная. Но сильная. Она играет в волейбол, иногда ей в голову прилетает мяч, поэтому она ведёт себя так. Но потом это проходит.

Он пытается улыбнуться, но выглядит это неестественно, так как он заметно уязвлён тем, как повела себя Дилетта.

— Слушай, дай это мне.

— Нет, это для неё.

— А я-то для кого беру? Давай мне, я буду доставщиком батончиков, — она забирает батончик у него из рук и убегает. Не останавливаясь, она оборачивается на секунду. — Как тебя зовут?

— Филиппо, — успевает ответить он, пока она не скрылась за углом, оставляя его с евро в одной руке и с надеждой – в другой.

31

— Что с тобой? Почему ты молчишь? — Мауро гонит на всей возможной скорости среди машин. — Эй, почему ты не отвечаешь? — Паола с силой бьёт его по спине. — Не делай вид, что ты меня не слышишь. Что такое, я тебя разозлила?

— Всё нормально.

— Ага, у тебя такое лицо, но ничего не случилось... Можешь рассказать мне.

Мауро заезжает на улицу, где живёт Паола, но проезжает мимо её дома.

— Эй, ты что, debil? Я живу в тридцать пятом доме!

Но Мауро едет дальше, затем останавливается и слезает. Паола делает то же самое. Она снимает шлем.

— Мадонна, когда ты так себя ведёшь, ты просто невыносим. Что происходит, какого чёрта происходит, можно узнать, что с тобой?

— Ничего, ничего и ничего.

— Ничего – это ответ всех больных на голову. После съёмок ты ни разу рта не раскрыл. Меня не уволили, всё было нормально... Что стряслось? Мадонна, перестань вести себя, как ребёнок.

— Ничего. Меня беспокоит кое-что.

— Что? Сцена, которую снимали? Мы играли в баскетбол. Поэтому

меня выбрали, разве нет? Я высокая и раньше немного играла. В конце я улыбнулась в камеру и сказала первую фразу в своей жизни: «Я не могу проиграть...» Я даже не упоминала рекламируемый продукт. Что, не можешь порадоваться за меня? Нет, скажи мне. Что тебя так разозлило?

— Ничего из этого.

— Что тогда?

— Когда ты ушла с режиссёром.

— Я так и знала, — Паола начинает ходить вокруг скутера в ярости. — Так я и знала... Знаешь, что я делала? Ходила попрощаться с режиссёром, как делают все воспитанные и вежливые девочки, и он, кстати, спрашивал меня о тебе, встречаемся ли мы...

— Да, я видел, что вы разговаривали.

— Да.

— Потом он дал тебе какой-то листок из папки.

— Да, — Паола находит этот листок и достаёт его из сумки. — Вот он. И знаешь, что тут написано, а, знаешь? Так смотри. Да смотри, как следует.

Она даёт ему этот листок. Мауро отходит от неё, разозлённый.

— Я не могу его прочитать.

— Тогда я прочитаю. Это номер телефона. 338... и так далее, это даже не его номер. Понимаешь? Это – номер фотографа. Фотографа! И ещё адрес. И знаешь, почему он дал мне это? Потому что был вежливым. И понял, что я с парнем. Эта бумажка для тебя. — Она в ярости бросает листок в него. — Он сказал мне, что они ищут парня для другой рекламы, бедного, но симпатичного, вроде тебя... Понимаешь? Он сделал несколько комплиментов по поводу тебя и посоветовал фотографа, чтобы ты сделал фото и не слишком потратился. Это его номер, ясно тебе? И ниже адрес, куда ты должен прийти со снимками. Сейчас-то понятно или как? Что у нас в итоге: я была вежлива, режиссёр был очень великодушным, а ты вместо благодарности ведёшь себя, как мудака, который старается испортить мне день.

Мауро пытается обнять её.

— Любимая, ну откуда я знал?

— Разве не проще было сначала спросить, вместо того, чтобы психовать? Поговорить? Обсудить? Не вести себя, как животное?

— А что делают животные?

— Рычат, как ты.

Мауро присаживается, пожимает плечами и начинает изображать свинью. Он прижимает нос к её животу, толкаясь и ворча, пытаясь рассмешить её. Но Паола продолжает сердиться.

— Отпусти меня, что ты делаешь? — она отстраняется и скрещивает руки. — Хватит! Не беси меня ещё больше. Ты испортил мне настроение. Это просто абсурд. Мне всё время кажется, что я встречаюсь с маленьким ребенком. Но дети хотя бы растут в отличие от тебя.

— Всё время... Ладно, не преувеличивай, я не всегда так делаю. Это была просто сцена ревности.

— Да что ты говоришь? Ты всегда мне их закатываешь, при любом удобном случае.

— Когда?!

— Почти всегда мы с тобой вдвоём, а какие сцены можешь мне устраивать в такие моменты? Но стоит мне только заговорить с кем-то, как сегодня, ты сразу это расцениваешь, как повод, и взрываешься.

— Не забывай, что ревность... это признак любви.

— Ах, да? И где ты это прочитал? В перуджианском бачи[8]?

— Любимая, давай перестанем ссориться.

— Хватит, я устала. Я с семи утра работаю и хочу пойти домой. Потом созвонимся... — Паола берёт сумку, которую оставила висеть на скутере, и уходит. Мауро собирается и заводится. Через несколько секунд он снова оказывается рядом с ней.

— Любовь моя, не будь такой, пожалуйста.

— Это пройдёт скоро, но сейчас просто оставь меня.

— Завтра я поеду к фотографу. Съездишь со мной?

— Нет, ты иди один. У меня завтра новое собеседование.

— С режиссёром?

— Ты опять? Всё-таки хочешь поругаться как следует?

Мауро останавливается недалеко от её дома и слезает с скутера.

— Согласен, не будем ругаться. Давай, поцелуй меня.

Паола делает это, лишь бы он поскорей уехал. Мауро снова залезает на скутер.

— Завтра я сделаю фотографии и съезжу по тому адресу, что ты мне дала, ладно?

— Да, пока, — Паола собирается пойти в дом.

— Не выключай телефон, может, попозже немного поболтаем...

Паола закрывает ворота.

— Не выключу, если получится. Если нет, то выключу. Ты ведь знаешь, что мои родители слышат всё, постоянно контролируют меня.

— Окей... Слушай, как ты думаешь, а не гей ли твой режиссёр?

— Иди уже, — Паола недовольно качает головой, а потом закрывает дверь. Мауро смотрит на неё, хорошенько прячет бумажку в кармане

куртки и уезжает.

Оказавшись на площадке у своего дома, он паркует скутер и ставит на него цепь, но когда отходит от него, то кто-то выходит из тени.

— Мауро?

— Кто это? Чтоб ты сдох, Карио, ты так меня напугал!

Его брат подходит к нему.

— Извини, я не хотел тебя пугать. Сегодня я обсуждал с папой, как провести время. Вчера ты даже не пришёл на ужин. Мы тебя ждали, но ты так и не появился. Ты всё время должен быть со своей, да?

— Не доставай меня, Карио, я забыл, ясно? И я уже взрослый, мне двадцать два, а не три, ничего не случится, если я разок не переночую дома.

— Да, ты взрослый, но только по паспорту. Ты бросил школу, у тебя даже нет никакого образования, и теперь ты, как четырёхлетний, просто болтаешься по улицам, чем ты занят?

— Как это – чем занят?

— Да, чем ты занят? Ты не понимаешь по-итальянски?

— Мадонна... — Мауро идёт рядом с Карио, пропуская его вперёд. — Ты похож на нашего отца.

— Нет, будь я им, то надрал бы тебе зад. Потому что он сказал, что именно это и делает.

— Ну, тогда я не иду домой.

— Так, не будь придурком. Как ты можешь не понимать?

Мауро возвращается к скутеру, снимает цепь и убирает её.

— Мау, почему бы тебе не поработать со мной? Мне нужен помощник. Это нетрудно, ты всему научишься, заработок приличный... Кого всегда не хватает, так это сантехников. Если у тебя всё получится, то мы сможем принимать больше заказов, и когда ты всё увидишь и поймёшь, то сможешь работать на себя самого. Это не так уж плохо, правда.

Мауро садится на скутер. Заводит его.

— Честно, я нашёл работу. Но я тебе не расскажу ничего, потому что, как и вы, в конце концов, всё профукаю. Вы приносите мне неудачи. — Он изо всех сил давит на газ, оставляя своего брата одного на площадке.

32

Подъехав к институту Ники, Алессандро останавливается и буквально погружается в созерцание всего, что происходит вокруг. Какие-то девочки весело болтают, покуривая при этом классические сигареты на выходе из класса. Другие ребята, которых ещё могут видеть родители, целуются друг с другом почти с жадностью, опираясь на скутеры. Парень с широко

открытым ртом набрасывается на девушку и засовывает весь язык ей в рот. Вы бы ещё прямо тут потрахались! Если бы у меня была дочь и я увидел подобную сцену, что бы я сказал? Безопасней всего просто не появляться перед её школой. В любом случае, я бы не смог ничего сделать. Если не здесь, то они целовались бы в парке, в туалете, в любом другом месте. И хорошо бы они ограничивались только поцелуями... И парень, словно услышав мысли Алессандро, залезает под блузку девушки. Она открывает глаза, всего мгновение оглядывается вокруг, потом улыбается, закрывает глаза, снова целует парня и позволяет ему продолжить. В этот момент к ним подходит устрашающего вида тип. Алессандро наблюдает эту сцену с ещё большим вниманием. Будет драка? Одна из тех драк, о которых я читал в газетах, но никогда не видел? Хоть бы. Тип ждёт с момент, потом решает вмешаться.

— Эй, слезайте с моего скутера, я должен ехать!

Тот, что целуется, поднимает руку к небу.

— Отли-и-ично... Ты должен был выбрать именно этот?

Тип поднимает подбородок.

— Ну да, потому что это мой скутер.

Парень разводит руками.

— Ладно, ладно, но я тебя предупреждаю, твой скутер сейчас очень возбуждён...

Алессандро улыбается, но вдруг вздрагивает. Дверь его машины внезапно открывается и Ники залезает внутрь.

— Давай, быстро заводись и поехали!

Алессандро не нужно повторять дважды. Она снова прячется под сидением, пока он уезжает с территории института и заворачивает за угол. Потом он смотрит сверху вниз на съжившуюся у него в ногах Ники.

— Эй, ты уже можешь вылезать.

Ники спокойно садится на своё место. Алессандро серьёзно смотрит на неё.

— Неужели мы каждый раз должны устраивать эту сценку, потому что твоя мать ждёт тебя у школы? Я не понимаю этого, мы не делаем ничего плохого, мы просто попали в обычную аварию.

— Моя мама сегодня не приехала!

— Тем лучше. Что тогда? Но почему ты пряталась?

— Там был мой бывший.

Алессандро смотрит на неё, сделав глаза размером с блюдца.

— Твой бывший? И что?

— Ничего. Ты это не поймёшь. Но, прежде всего...

— Прежде всего?

— Прежде всего, он тот парень, которому дай только помахать кулаками.

— Слушай, я не хочу быть вовлечённым в ваши разборки.

— Не волнуйся, ничего не случится. Для этого я и присела.

— Но я не хочу, чтобы ты пряталась, я хочу, чтобы не было ни единой возможности, никакого риска. Я даже знать не хочу твоего бывшего. Не хочу...

— Эй, эй! Слишком много «не хочу»! Знаешь, что мне всё время говорит мой отец? Что растение «не хочу» растёт только в саду короля.

— Что ты такое говоришь? Это, вообще-то, растение «хочу». И, наоборот, в моём случае – «не хочу».

— Браво, ты отлично запомнил эту фразу! Я знаю одну фразу Вуди Аллена: проблемы – как туалетная бумага; потянешь одну, вытащишь десять.

— И что это значит? Раз мы попали в одну аварию, то теперь должны врезаться друг в друга ещё десять раз?

Ники поднимает брови.

— Мы уже спорим?

Алессандро смотрит на неё.

— Нет, просто кое-что проясняем.

— Ах, понятно. Это чтобы улучшить наши отношения?

Алессандро снова смотрит на неё и улыбается.

— Нет, чтобы покончить с ними.

— Да иди ты! — Ники ставит ноги на приборную панель. — Не понимаю, почему. Заканчиваем наше знакомство, точнее, ты бросаешь меня, а я ничего не сделала, мы ведь только знакомимся... И решаешь покончить с нашими отношениями?

— Опустить ноги вниз.

— Окей, я опущу их, если мы продолжим общаться и поддерживать хорошие отношения.

— Хорошие отношения не строятся на условиях. Мы не подписывали никакой контракт.

— Ах так? Тогда я буду ставить ноги, куда захочу!

Алессандро пытается убрать их руками.

— Что ты делаешь? Хочешь, чтобы я закричала? Чтобы заявила на тебя? Ты наехал на меня, разбил мой скутер, потом похитил, а теперь хочешь изнасиловать!

— А на самом деле, единственное, чего я хочу, – это чтобы ты убрала

ноги.

Алессандро делает ещё попытку, а Ники высовывается в окно и начинает кричать:

— Кто-нибудь! Помогите!

Какой-то тип, стоящий перед гаражом со скутером, смотрит на неё в ужасе.

— Ники, что ты делаешь? Что происходит?

До неё вдруг доходит, что они остановились прямо перед автосервисом.

— А, ничего... Привет, Марио, — она выходит из машины так тихо, как только может. Марио смотрит на Алессандро с недоверием. Ники это понимает и пытается быстро исправить ситуацию.

— Мой друг помогал мне отрепетировать сцену, которую я должна сыграть в театре!

Марио хмурится.

— Ты и этим занимаешься? Я знал, что ты постоянно на спортивных тренировках, но не знал, что ты ещё и в театре.

— Именно поэтому я репетирую!

Смеясь, Марио вытирает руки, запачканные смазками и автомобильными маслами. Ники поворачивается к Алессандро и улыбается ему.

— Ты видел? Я всё время тебя покрываю, — она удаляется.

Алессандро пытается спросить у неё: «Всё время? Когда это?», но Ники уже залезает на свой скутер. Пытается передним колесом повернуть вправо и влево.

— Эй, думаю, всё идеально!

Марио становится серьёзным и подходит к ней.

— Да, идеально. Смотри, я поменял крыло над передним колесом, заднее тоже вправил. Корпус погнулся совсем немного, и, к счастью, удалось его выправить, а так как шины были уже гладкими, их я тоже поменял.

— Хорошо. И сколько я тебе должна?

— Ничего.

— Ничего?

— Говорю же – ничего. Разве ты не сказала, что это была не твоя вина?

— Конечно, нет, — Ники гордо улыбается, глядя на Алессандро.

— Всё, что я сделал, должен оплатить виновник аварии. Посмотри, твой скутер такой тяжёлый! Интересно, о чём он думал, когда снёс тебя. Тебе нужно было поехать в больницу, Ники, и заставить его заплатить за

страховку! Эти ублюдки должны платить! — Ники смотрит на Марио и улыбается, пытаясь заставить его замолчать. Но Марио абсолютно не замечает её взглядов. Наоборот, с каждым моментом он всё больше усугубляет ситуацию. — Должны платить больше, чем в своё время, когда покупали права!

Алессандро больше не может терпеть и взрывается.

— Послушай, может, я и отвлёкся немного и наехал на неё, но свои права я получил честно! Ясно тебе?

Марио смотрит на Ники. Потом на Алессандро. Затем – снова на Ники. И улыбается.

— Я понял... Вы опять играете! Репетируете вашу театральную сцену...

Алессандро поднимает руку, а затем резко опускает её. Быстро идёт к машине, открывает дверь и садится внутрь. Марио смотрит на Ники.

— Твой друг очень раздражительный.

— Ну да, немного. Не переживай, сам увидишь, всё будет хорошо.

— Будет, только если ты умеешь творить чудеса.

Ники садится на скутер и заводит его. Потом подъезжает к Алессандро, который опускает стекло.

— Всё окей? Хорошо идёт? Всё работает? — спрашивает он её.

— Да, отлично, спасибо. Было очень мило с твоей стороны отвезти меня.

Марио закрывает автосервис.

— Ой, какие голубки! Репетируете новую сцену, а? Я еду на обед. Надеюсь, вы пригласите меня на премьеру, — с этими словами он заводит старый Califfone и удаляется.

Ники улыбается Алессандро.

— Да, он такой, но зато как механик – он самый лучший!

— Ему не хватает только быть выше всех, это было бы бинго...

— Как ты можешь так говорить! Ты не умеешь принимать реальность... Путаешь простоту и красоту со своей рекламой, не имеющей ничего общего с реальностью. Бинго... Ты – это прошлое, полный аут!

Ники качает головой и уезжает. Немного позже Алессандро догоняет её и опускает стекло снова.

— Почему ты всё время оскорбляешь меня?

— Знаешь, реальность не бывает оскорбительной, она только говорит, что не всегда всё идёт хорошо, — Ники улыбается и немного ускоряется.

Алессандро снова её догоняет.

— Ах, да? Может быть, но даже взять твой скутер – новые свечи

зажигания, отремонтированный корпус... Всем этим ты обязана моей нереальности.

Ники замедляется, почти оставаясь позади него.

— Отлично, тогда просто добавь к этому бензин.

Алессандро высовывается в окно.

— Что?

— Я осталась без бензина.

Алессандро замедляется, глушит мотор, ставит машину на ручной тормоз и выходит.

— Прости, я не понимаю. Этот механик, такой гениальный, не мог залить тебе немного бензина, чтобы ты могла добраться до дому?

— О чём ты? Разве ты не знаешь? Обычно они сливают то, что есть. Иногда, чтобы работать, они его сливают, а потом возвращают на место.

— Что нам теперь делать?

— Слей мне немного из машины. Есть шланг?

— Шланг?

— Да, чтобы перелить мне немного из твоего бака...

— Нет, у меня его нет, — Алессандро садится в машину и сдаёт немного назад. — Ты думаешь, что я езжу со шлангом?

Ники поднимает сиденье скутера.

— Круто... У меня есть!

Она достаёт из багажника зелёный шланг длиной около полутора метра.

— Я была уверена, что мой брат стащил его.

— Твой брат? Сколько ему лет?

— Одиннадцать.

— И у него тоже есть скутер?

— Нет, но один его друг, Ванни, которого мы между собой называем Спаржей, передал ему свою любовь к машинам.

— И что?

— Ну, они каждый день ездят на Форд Италико, и братец отдаёт им мой бензин, чтобы им позволяли торчать там.

— Какие подробности.

Ники откручивает крышку своего скутера и открывает бак Мерседеса Алессандро. Засовывает шланг со всей силы. Несколько раз.

— Вот так. Уверена, что сломала тебе решётку.

— О чём ты говоришь?

— Ну, чтобы вставить шланг, я должна была сломать решётку фильтра. Всё равно, когда ты будешь проходить техосмотр, тебе ведь поставят

новую, так ведь?

— Ну, конечно. Как иначе. Одной полomкой больше, одной меньше...

— Возьми, — Ники протягивает ему конец зелёного шланга.

— И что я должен делать?

— Сосать.

— Что?

— Высасывать бензин, пока не почувствуешь, как он идёт по шлангу.

Он немного просвечивает, и ты это увидишь. Когда он будет уже почти на твоём конце, зажми дыру пальцем и держи это под своим баком.

— А потом?

— Потом вставь в мой скутер, и палец убрать не забудь. Бензин польётся в мой бак, и ты избавишься от «тяжёлого бремени»!

— Круто... Я всё это слышал, но не верю.

— Ладно, сам увидишь... Ты что-нибудь слышал о некоем Архимеде?

— Я прекрасно знаю принцип сообщающихся сосудов, просто я не могу поверить, что в наше время кто-то пользуется этим методом.

Ники качает головой и смеётся.

— Ты хоть представляешь себе, сколько бензина у тебя украли за всю жизнь, пользуясь этим методом?

— Ты так думаешь?

Алессандро берёт шланг и уже почти засовывает его себе в рот, но тут он останавливается.

— Извини, но раз это так просто, почему ты сама не делаешь это? Ведь именно тебе нужен бензин. Это опасно, правда ведь?

— Ещё чего! Я этого не делаю, потому что от запаха бензина мне становится плохо. Я не могу сосать... в такой ситуации.

Ники смотрит на него провокационным взглядом. Алессандро поднимает брови. Ники мотает головой.

— И ещё во множестве случаев. Давай уже.

Алессандро не нужно повторять дважды. Он засасывает с силой. Один, два, три раза.

— Отсюда ничего не выходит!

Он пытается снова, опустив шланг чуть ниже, а потом не успевает понять, как весь бензин оказывается у него во рту.

— Кхкхе! — Он достаёт шланг изо рта и начинает откашливаться и плевать. — Какой ужас! Ужас! Кхе!

Ники быстро берёт шланг и поднимает его, таким образом не давая бензину вылиться.

Алессандро опирается на машину.

— Боже, как же мне плохо. Должно быть, я проглотил... Мне нужно вызвать рвоту? Я отравился.

— Наверное, — Ники подходит к нему. Алессандро не двигается. Она подходит ещё ближе, они стоят практически лицом к лицу.

Алессандро думает, что это — довольно странный способ отблагодарить его, здесь, на улице, перед всеми. Что бы ни происходило. Но в данный момент здесь нет никого. Алессандро закрывает глаза. Ники со своим лёгким запахом духов с каждым разом приближается к нему всё больше. Ближе. Ещё ближе... Алессандро делает глубокий вздох. Ники вдруг останавливается. Она очень близко. Начинает нюхать. Один, два, три раза.

— Не могу поверить!

Алессандро открывает глаза.

— Во что не можешь поверить?

— Твоя машина на дизеле!

— Да, а что?

— А мой скутер на бензине! Хорошо, что ты его выпил. Представляешь, что бы ты мог сделать с моим скутером!

— Нет, не знаю и не хочу знать.

— Извини, но неужели ты не мог сказать мне этого раньше? Так мы бы не стали терять ни секунды. Ты ведь сам это говоришь. Время — деньги.

— В таком случае, мои рубашка и пиджак теперь тоже деньги.

Ники закрывает баки скутера и Мерседеса.

— Давай я отвезу их в химчистку, хорошо? Не забудь только забрать потом.

— Ну, прекрасно. Я отдам тебе пиджак и рубашку, и пойду в офис по пояс голым.

— Извини, ты ведь сказал, что ты креативщик. Креативщик — тот же художник, верно? И если тебе захочется пойти в таком виде, тебе должно быть всё равно, если кто-то будет смеяться. Слушай, у тебя случайно нет какой-нибудь бутылки в машине? Мы могли бы поискать бензин, а потом вернуться.

— Я не вожу в машине бутылки.

— Я подозревала это. Ладно, ничего не остаётся, кроме как ехать на машине. Давай.

Алессандро пристёгивается. Ники остаётся на скутере рядом с машиной со стороны пассажирского кресла. Алессандро не понимает.

— Извини, разве ты не едешь? Ты сказала, что у тебя закончился бензин. — Его глаза метают молнии: — Только не говори, что это была

шутка.

— Какие тут шутки! Он правда закончился. Давай, заводись, только езжай медленно и без тряски, ладно? Я цепляюсь.

— Что? — Алессандро шокированно смотрит на неё.

— Я прицеплюсь рукой к окну, ты привезёшь меня на первую же заправку поблизости, мы заправимся, то есть, я заправлюсь, а ты заплатишь, а потом мы распрощаемся, то есть, я избавлю тебя от себя.

Алессандро качает головой, заводится и жмёт рычаг переключения скоростей. Мерседес медленно выезжает.

— Отлично, тихо, вот так.

Ники очень сильно держится за машину. Скутер начинает двигаться. Ники чуть ослабляет хватку. Мерседес сворачивает, скутер делает то же самое. Ники улыбается.

— Отлично, у тебя очень хорошо получается.

Алессандро смотрит на неё.

— Спасибо.

— Смотри на дорогу.

Алессандро снова смотрит вперёд, улыбаясь.

— Ты права. — Он снова смотрит на неё. Ники немного отбрасывает вперёд. Но она смотрит на него и тоже ему улыбается.

— Дорога!

— Я только хотел посмотреть, хорошо ли у тебя там всё. Так как дела?

Вдруг за их спинами раздаётся голос.

— Нет, всё совершенно нехорошо.

Полицейский патруль подъезжает к машине Алессандро. За окном появляется жезл, который движется вверх-вниз.

— Остановитесь, пожалуйста.

Алессандро поворачивает голову на голос.

— Не могу поверить, — он медленно останавливает машину. Остановившись, он начинает верить себе ещё меньше. Те же полицейские. Серра и Карретти. Он уже запомнил их фамилии. Серра подходит к нему, не переставая ударять жезлом по ладони.

— И что? Конечно же, это Вы, рецидивист. Но что вы делаете? Это гонки, где вы выясняете, кто быстрее потеряет права? Не потрудитесь ли вы объяснить нам? Потому что мы ничего не понимаем.

Алессандро пытается улыбнуться.

— Нет, это я ничего не понимаю. Начинает казаться, что вы преследуете только меня.

Карретти подходит к нему с серьёзным выражением лица.

— Мы патрулируем. У нас свои повороты, свои круги, а главное — своя зона. И Вы в нашей зоне. Так что, либо вы поедете по другой дороге и познакомитесь там с нашими коллегами, либо измените своё поведение на дороге... что, возможно, гораздо лучше.

Ники слезает со скутера и на ходу расстёгивает пару пуговиц на блузке, понемногу придумывая историю.

— Да, Вы правы, простите, но это моя вина. У меня закончился бензин, и я попросила его довезти меня до заправки.

Алессандро вмешивается, но решает не объяснять неудачную попытку отсосать бензин.

— И ещё у меня не оказалось никакой бутылки...

— Ясно, но разве нельзя было найти её, съездить на заправку за бензином и вернуться?

— Конечно. Но что бы она делала, если бы не получилось?

— Значит, вы боролись за добро, потому что в этом случае мы должны были бы забрать вас прямо в полицейский участок, чтобы сделать необходимые проверки. Этот бензин мог быть использован для изготовления коктейля Молотова.

— Коктейль Молотова? Нет, вы не патрульные, вы действительно направили все силы на меня! Извините, но я это уже сказал. Девушка осталась на дороге без бензина!

— Вы повышаете голос?

— Нет, просто я не могу понять...

— Я бы сказал, что это мы не понимаем. Только Вы видите проблему.

— Я?

Ники влезает в разговор.

— Хватит, хватит, не будем спорить. Вы не знаете, где здесь поблизости заправка?

Серра смотрит на Карретти, который закатывает глаза, как бы говоря: «Ладно, оставим их...».

— Да, совсем рядом, за углом. Только оставьте машину и скутер.

— Окей, спасибо, — улыбается Ники. — Вы были очень любезны.

Полицейские возвращаются в свою машину. Серра высовывается в окно.

— На этот раз мы вас отпускаем, но мы не хотели бы встречаться с вами в других неприятных ситуациях. Пожалуйста, не устраивайте больше проблем, — они резко трогаются с места.

Ники слезает со скутера. Алессандро берёт ключи, закрывает дверь машины, нажимает кнопку сигнализации. Потом бежит за ней и догоняет.

Они идут в тишине. Ники смотрит на него и улыбается.

— Пожалуйста, Алекс, прошу тебя не создавать проблем, ладно!?

— Да, конечно. Как странно, но после знакомства с тобой я больше ничем другим и не занимаюсь.

— На самом деле, ты стал создавать проблемы до этого, ещё с русскими...

— Да, правда.

Они идут дальше. Алессандро пыхтит от жары.

— Он меня воняет бензином, я потею, может, даже уже загораюсь. А я просто отъехал на обеденный перерыв.

— Мать моя, как с тобой тяжело. Расслабься и веселись. По крайней мере, разбавил свою однообразную жизнь.

— Это уж точно.

— Одного я не понимаю: почему, когда полицейские уезжают, у них всегда визжат шины?

— Что это? Обычный вопрос? Возможно, это дефект их машин. Последней каплей будет, если они поймут тебя на твоём скутере, ха-ха! Всё, мы пришли.

— Есть десять евро?

— Да, конечно, — Алессандро лезет в карман и достаёт их из бумажника. Ники вставляет банкноту в автомат.

— Запиши в наш список.

— Забудь, — отвечает Алессандро, улыбаясь. — Я уже потерял счёт.

— Да? Тогда я не буду платить за химчистку!

Ники вставляет заправочный шланг в бак скутера. Потом, когда машина принимает десять евро, она начинает прыгать на шланге, который лежит на земле. С каждым разом прыжки становятся всё сильнее.

— Ну, и что ты делаешь?

— Заливаю бензин. Смотри, цифры продолжают вращаться. 10, 10 и 5, 10 и 20, 10 и 45, 10 и 70, 11... Это единственный способ защиты от роста цен на нефть!

— Ясно, — Алессандро останавливает её. — Знаешь, если сейчас вернутся эти полицейские, то нас уже точно заберут в участок.

И тут они слышат:

— Ники! Ники! Слава богу, я тебя встретил!

Это Марио, механик, на своём Califfone перед ними.

— Марио, что ты здесь делаешь?

— Я должен сказать тебе очень-очень важную весть, Ники... Запомни, что ты не можешь больше гонять. Иначе будет как в кино. Новые шины

покрыты воском. Если ты резко затормозишь, что сразу окажешься на земле!

— Спасибо, Марио.

Механик улыбается.

— Не за что... Совсем не за что... Я просто волновался.

— Ты видел? — Ники смотрит на Алессандро. — Я тебе говорила, он отличный механик!

— Да ничего особенного! Это же мой долг... Просто вы меня отвлекли своими театральными сценами! — Марио заводится и уезжает, мотая головой.

— Что теперь? — Ники смотрит на Алессандро.

— А что теперь?

— Как я теперь поеду во Фреджене? У меня сегодня вечером там соревнования, — Ники немного наклоняет голову и открывает глаза шире, пытаясь всеми способами казаться самой милой на свете. — У меня было дикое желание поучаствовать в этих соревнованиях...

— Не-е-ет, не-е-е-е-ет, даже не уговаривай. И не делай так!

Ники приближается к нему.

— Ну давай, почему ты всё время ведёшь себя, как камень, вместо того, чтобы помочь мне?

— Я тебе не помогаю? С тех пор, как я встретил тебя, я представляю собой своего рода «центр помощи Ники».

— Вот именно, видишь, какой ты милый парень? Ты ведь ещё не устал, правда?

Алессандро скрещивает руки.

— Не уговаривай, я не собираюсь менять своего решения по поводу Фреджене.

33

Немного позже. Трасса Аурелия. В направлении Фреджене.

— Так раз ты на меня обижен, в чём тогда смысл «центра помощи Ники»?

— Нигде не написано, что я тоже должен улыбаться.

— Нет, но было бы гораздо приятней.

Алессандро изображает ослепительную улыбку.

— Так лучше?

— Нет, не пойдёт, улыбка неестественная. В таком случае я тоже на тебя обиделась.

Ники отворачивается в другую сторону. Алессандро смотрит на неё,

поглядывая на дорогу.

— Не могу поверить, мы с тобой похожи на двух детей.

Ники поворачивается к нему.

— Беда в том, что ты на самом деле думаешь, будто я ребёнок! Давай сделаем кое-что: я оплачу тебе страховку, компенсацию и всё остальное. Согласен? Так у тебя будет настоящий стимул поехать со мной и что гораздо важнее – улыбнуться. Окей?

Алессандро улыбается.

— Вот видишь? Это я тебе и хотела продемонстрировать...

— Что именно?

— Что, возможно, ты и намного старше меня, но в данном случае именно ты ведёшь себя, как ребёнок.

— Слушай, давай не будем спорить, ладно? Ну же, я еду с тобой. А страховка и всё остальное остаётся на мне, как раньше.

— Нет, не стоит. Я сказала, значит, я это оплачу.

— Ладно, как пожелаешь, я просто хотел сказать, что я заплачу твоему прекрасному механику.

— Последнее слово всегда за тобой?

— Да, а иначе «центр помощи Ники» не станет выполнять свои обязательства. Скажи хотя бы, что у тебя за соревнования.

— Нет. Увидишь, когда приедем. Почему ты хочешь испортить сюрприз? Если я скажу, будет неинтересно. А ведь так прекрасно иметь время для всего на свете. Я могу тебе кое-что сказать? По-моему, ты уделяешь себе недостаточно времени.

— Ты думаешь? — смотрит на неё Алессандро.

— Да, я так думаю.

Алессандро достаёт свой мобильный телефон.

— Что ты делаешь?

— Звоню в офис, чтобы заставить их волноваться, что я решил уделить себе время, — он нажимает зелёную кнопку. Ники смотрит на него. Он качает головой.

— Алло? Андреа, это я. — Пауза. — Слушай. Я хотел сказать, что, скорее всего, приеду позже. — Пауза. — Да... Я знаю... Знаю... Сейчас я тебе объясню: я решил уделить немного времени себе. — Пауза. — Как это — зачем? Чтобы быть более креативным... Где я? — Алессандро смотрит на Ники. Пожимает плечами. — Здесь... Да, я не один. Да... я за рулём... — Пауза.

Ники быстро достаёт лист бумаги и начинает что-то быстро писать. Алессандро берёт его, читает и остаётся слегка удивлённым. Потом

повторяет это вслух.

— «Быть креативными – значит, не быть заложниками времени других. Не иметь ни ограничений, ни границ, пока в голову не придёт совершенная идея, которая вознаградит тебя за то время, что уже прошло, но всё ещё существует, только уже в других формах».

Алессандро сам не понял, что сказал. Но сейчас у него впечатление, что эта странная фраза произвела эффект. Он удовлетворённо смотрит на Ники, слушая, что говорит ему Андреа.

— Ладно, ладно... Хорошо, я понял. Нет, я уже сказал тебе нет. Не начинай эту нечестную игру. Нет-нет, я же сказал. Ты не можешь так поступить. Да, увидимся завтра утром в офисе.

Алессандро вешает трубку.

Ники смотрит на него с энтузиазмом.

— Отлично, мне это нравится. Теперь они ещё больше поверят в тебя, им придут новые идеи в головы, охватит вдохновение, они достигнут успехов благодаря этой свободе. Поверь мне.

— Окей, я верю, — Алессандро продолжает вести машину. — Это была красивая фраза, спасибо.

— Представь себе, не за что.

— Нет, я серьёзно. Она сделала осмысленным всё, что мы делаем. Как она пришла тебе в голову?

— Нет, она не моя. Я нашла её вчера в Гугле.

— А!

— Я знала, что она мне пригодится.

Алессандро смотрит на неё другими глазами. Ники немного сощуривает свои.

— Слушай сюда... Ты знаешь, в чём разница между женщиной и девочкой?

— Не знаю.

— Её нет. Обе стараются казаться одна другой.

— Это тоже нашла в Гугле?

— Нет, эта – моя, — улыбается Ники.

Немного позже они сворачивают к Фреджене. Алессандро всё ещё за рулём, Ники не прекращает вертеться и болтать. Она спокойно кладёт ноги на приборную панель и смеётся. Но когда он начинает злиться, она их опускает. Алессандро открывает своё окошко. Дышит тёплым воздухом последних апрельских дней. По краям дороги небольшие кусты сгибаются на ветру. Запах зелени, почти летняя атмосфера проникает в машину. Алессандро дышит с почти закрытыми глазами. Это точно, думает он. Я

никогда не уделял себе достаточно времени. И кто знает, может, мне и правда придёт в голову какая-нибудь хорошая идея. И эта мысль его успокаивает. Возможно потому что, в любом случае, как бы он ни проводил своё время, оно всегда казалось ему украденным.

— Всё, всё, паркуйся здесь, мы приехали. — Ники быстро вылезает из машины. — Давай, идём. Идём, я опоздаю.

Она бежит на всей скорости, перепрыгивая через песчаные холмы, которые обожжены солнцем, и, наконец, добегают до старого домика.

— Привет, Мастин. Я уже здесь! Давай ключи!

— Привет, Ники. Здесь уже все.

— Да, я знаю.

За ней следом прибегает задыхающийся Алессандро.

— Это мой друг Алессандро. Алекс, жди меня здесь и не смотри, ладно?

Он остаётся рядом с синьором, которого, как он услышал, зовут Мастин.

— Как дела?

Мастин смотрит на него с любопытством.

— Вы тоже из этих сумасшедших?

«Нет, — хотелось ответить Алессандро, — я из центра помощи Ники», но ему это показалось слишком сложным.

— Я просто привёз Ники, у неё проблемы со скутером.

— А когда у этой девочки не было проблем? Но она такая сильная, верно? И сердце у неё золотое. Хотите чего-нибудь? Не знаю, сок, аперитив, немного воды...

— Нет, ничего, спасибо.

— У Ники здесь кредит. Вы можете взять, что хотите.

— Нет, правда, спасибо.

На самом деле, мне хочется есть, у меня просто зверский голод, думает Алессандро. У меня же сейчас обед, знаете? Он немного затянулся, подумаете Вы... Алессандро чуть не стало плохо, и поэтому он решает об этом не думать. Да, какая чушь, я должен убедить сам себя в том, что решил подарить себе немного времени. Именно в этот момент из одной комнат в домике выходит Ники. На ней голубой гидрокостюм, очень обтягивающий, её светлые длинные волосы собраны резинкой. В руках у неё доска для сёрфинга.

— Вот и я! Ты догадывался об этом?

Алессандро замер с открытым ртом.

— Нет.

— Кто знает? А вдруг ты осмелишься и тоже попробуешь... Или ты уже умеешь сёрфить?

— Я? Один раз, в детстве, я пробовал кататься на скейтборде...

— Да ладно! Это немного похоже, но в воде!

— Да, но я сразу упал...

— Ладно, но здесь ты, по крайней мере, точно не поранишься! Мастин нам что-то приготовил, мы могли бы пока поесть немного. — Потом она берёт Алессандро под руку и тащит его: — Давай, пойдём, идём со мной, — она тащит его за собой, они выходят на пляж и вместе бегут к морю. Алессандро постоянно спотыкается позади неё в своих туфлях, наполняющихся песком, в офисном костюме и рубашке, воняющей машинным топливом. Но Ники не даёт ему времени.

— Отлично, сядь вот сюда. Я скоро вернусь, — она быстро убегает к воде. Потом вдруг останавливается, бросает доску и возвращается к Алессандро, который тем временем уже сел.

— Алекс?

— Да?

Она легонько целует его в губы. Потом смотрит ему прямо в глаза.

— Спасибо, что поехал со мной.

Он замирает, открыв рот.

— Ох... ладно, я... ничего особенного.

Ники улыбается. Потом снимает резинку с волос.

— Подержи её у себя, пожалуйста.

Она оставляет резинку у него в руках и убегает.

— Конечно.

Ники хватает доску и бросается в воду. Она взбирается на неё и начинает быстро грести руками. Она разрезает море и присоединяется к остальным, там, где волны больше. Алессандро касается своих губ. Потом смотрит на свою руку. словно ищет тот лёгкий поцелуй... Но находит в ней только резинку для волос. В ней запутался один длинный светлый волос, мятежный, он танцует на ветру. Алессандро бережно его распутывает, поднимает руку и отпускает его, даря ему кто знает какую странную свободу. Потом он снова смотрит на море. Ники на своей доске рядом с остальными. Приближается волна, одни быстро гребут к ней, другие пытаются от неё сбежать. Ники поворачивает свою доску, дважды подпрыгивает и берёт эту волну. Она встаёт на колени, а затем на ноги. Она снова немного подпрыгивает и оказывается в центре доски, идеально балансируя на воде. Она наклоняется вперёд, протягивает руки и быстро движется на волне со своими немного потемневшими волосами,

промокшими в воде, в мокром голубом костюме, облегающем тело. Она движется на доске, и волна уносит её очень далеко. Потом она возвращается и перемещает массу тела, делает небольшой изгиб и начинает подниматься, достигает гребня волны и опускается вновь, ловя мягкую морскую пену и завистливые взгляды тех, кто не смог взять эту волну.

34

Чуть позже. Чайки летают над береговыми волнами. Ники выходит из воды с доской подмышкой.

— Вау, я их сделала! Я взяла больше десяти волн. Ты всё видел? Я ни одной не пропустила.

— Ты взяла четырнадцать... Вот, твоя резинка.

Ники улыбается.

— Спасибо, идём.

Они возвращаются в бунгало.

— Я схожу в душ и переоденусь, это быстро. Посиди пока здесь.

Ники видит Мастина за стойкой бара.

— Хей, принесёшь нам своих восхитительных брускетт, пока я в душе?

Старик улыбается ей из-за стойки.

— Как пожелает принцесса. Хотите ещё и дорады[9]? Мне только что привезли самые свежие.

Ники смотрит на кивающего Алессандро.

— Да, отлично, Мастин. А мне ещё зелёный салат с помидорами, но только не перезревшими, ладно?

Мастин кивает.

— Вы тоже хотите, Алессандро?

Ники убивает его взглядом, прежде чем войти в душевую кабину.

— Мастин! Не обращай к нему на «вы»! Он сегодня маленький ребёнок, — улыбаясь, она исчезает за дверью.

Немного позже они сидят за столом. У Ники всё ещё мокрые волосы. Она откусывает брускетту, затем смотрит на Алессандро.

— Вкусно, правда? Я хожу сюда только ради этого.

Алессандро съедает одну из своих.

— С моим голодом я бы не отличил моллюсков от мидий.

Ники смеётся.

— Вообще-то, это улитки!

— Они для меня сейчас маловаты.

Ники съедает ещё немного, протирает тыльной стороной ладони рот, а

потом культурно вытирает руку салфеткой.

— Ладно, пора возвращаться к рабочим моментам.

— Что ты такое говоришь? Мы сюда приехали расслабляться.

— Мы уже расслабились. Я уверена, что сейчас тебе в голову придёт блестящая идея, даже лучше, чем волны, которые я брала. Давай, всему своё время. На этот раз сделаем всё наоборот: потехе – время, делу – час... А потом, может быть, снова развлечёмся.

Алессандро смотрит на неё. Ники улыбается. Она немного возбуждена. Она берёт его руку, в которой его брускетта, и направляет её в свой рот, потом уже сама берёт улитку и тоже съедает.

— Я уже говорила, они восхитительны. Давай, ешь!

Алессандро жуёт. Потом подбирает упавшую из блюда улитку и кладёт её в рот Ники. Она откусывает и кусает его палец.

— Ай, это же больно!

— Вот видишь, ты как маленький! Так что, ты расскажешь или нет?

Алессандро вытирает рот салфеткой.

— Ладно, в общем, японцы хотят запустить производство конфет.

— Неплохо!

— Я тебе ещё ничего не рассказывал.

— Да, но история мне уже начинает нравиться!

Алессандро качает головой и начинает объяснять ей всё: от названия карамели, ЛаЛуна, до соревнования с новым молодым креативщиком.

— Я уверена, что он противный тип, на вид шикарный, один из тех, кто считает себя лучше всех, но на самом деле никогда ничего не делает.

— No comments, — говорит Алессандро с улыбкой.

Он продолжает объяснять ей. Риск переезда в Лугано, мошенничество Сольдини, слоган, который они должны придумать, как и общую идею всей кампании.

— Окей, я всё поняла. Я уже кое-что придумала! Готов? Вместо той красотки, блондинки, которая танцует с карамелью... Как её?

— Мишель Хунцикер.

— Да, точно... Мы можем сделать танцующей вместо неё коробочку конфет, а вокруг будет куча девушек, которые хотят её съесть.

— Это было уже давно, конфеты под названием Charms.

Алессандро прикидывает в голове, родилась ли она уже на тот момент, но решает не говорить этого. Ники подпирает подбородок рукой.

— Вот чёрт, значит, они украли мою идею!

Алессандро смеётся.

— Друзья мои, у нас здесь дорады и салаты! — за их спинами

появляется Мاستин и кладёт блюда на стол. — Зовите меня, если ещё чего-нибудь захотите, я буду рядом.

— Окей, Мастин, спасибо!

— Ммм, аппетитно выглядит! — Ники раскрывает рыбу вилкой. — Какой аромат, такая свежая... — Она делит её и отправляет кусочек в рот. — И такая нежная... Ммм, очень, очень вкусно. — Затем она достаёт двумя пальцами косточку. — Фу, кости!

— Ясно, ты будешь есть вот так... Хочешь, я почищу её тебе?

— Нет, мне нравится так. Я буду есть и между делом думать... Уверена, что мне прямо сейчас придёт в голову ещё одна блестящая идея, но такая, которую ещё никто не украл!

Алессандро улыбается.

— Ладно, согласен.

Он начинает доставать из её рыбы кости, даже самые мелкие. Потом смотрит на неё. Ники замечает это и с набитым ртом бормочет:

— Я думаю, думаю...

— Продолжай...

Одна вещь ясна: она никогда не принимала участие в мозговом штурме. Ники вытирает рот салфеткой, потом берёт стакан и выпивает немного воды.

— Окей, есть ещё одна! Приготовься.

— Я готов, — он вновь наполняет её стакан.

— Эта – просто шикарная...

— Хорошо.

— Итак... Сначала – это город, и вдруг всё превращается в коробочки с карамелью, и последняя коробочка – ЛаЛуна. ЛаЛуна, город сладостей!

На этот раз пьёт Алессандро. И уже Ники наполняет его стакан.

— Так что? Что скажешь? Тебе не понравилось, да? Ты задыхаешься.

— Нет, я думаю. Это неплохо. Но немного похоже на рекламу с мостом, только там была реклама жвачки.

Ники смотрит на него и мотает головой.

— Никогда её не видела...

— Да ладно, жвачка «Бруклинский мост».

Ники ударяет кулаком по столу.

— Блин, даже эту у меня украли! Ладно, но идея с городом ведь другая.

Алессандро берёт в рот немного салата.

— Она другая, но не нова, похожа на старую. Нам нужно что-то совершенно новое.

Ники съедает кусочек помидора.

— Ничего себе, а у тебя сложная работа! Я думала, всё куда проще.

Алессандро улыбается.

— Если бы она была проще, то у меня не было бы машины, которую ты решила разбить.

Ники задумывается на мгновение.

— Нет, но зато был бы мой скутер, и ты умел бы кататься на сёрферской доске. И ты мог бы питаться вот так постоянно, здесь, у Мастина.

— Ага.

Алессандро снова улыбается ей.

— Но я встретил тебя.

— Да, точно. Всё потому, что ты хорошо делал свою работу. Ты настоящий счастливчик.

Они смотрят друг на друга немного дольше обычного.

— Послушай, Ники... — именно в этот момент звонит его телефон. Алессандро достаёт его из кармана. Ники смотрит на него, вздыхая.

— Опять из офиса.

— Нет, это мой друг, — он отвечает на звонок: — Говори, Энрико.

— Привет. Прости, я не мог больше ждать. Так что? Как ты съездил к Тони Коста?

— Никак.

— Как это – никак? Что ты хочешь сказать? Он отказался от дела? Или слишком дорого? Что случилось?

— Ничего, я ещё к нему не ездил.

— То есть как это – не ездил? Алекс, ты не понимаешь, мне плохо, я умираю. Каждое мгновение для меня как пытка.

Тишина.

— Где ты сейчас, Алекс?

— На совещании.

— На совещании? Но ты же не в офисе. Я звонил тебе туда.

— Выездное совещание, — Алессандро смотрит на улыбающуюся ему Ники. — Выездное и очень креативное.

Энрико делает вздох.

— Ладно, я всё понимаю. Извини, дружище. Прости, ты прав, но ты единственный человек, с которым я могу поговорить. Я тебя умоляю, помоги мне.

Услышав, каким голосом говорит его друг, Алессандро становится серьёзным.

— Ты прав, Энрико, прости меня. Я сейчас же поеду.

— Спасибо, ты настоящий друг. Поговорим позже.

Энрико вешает трубку. Алессандро убирает салфетку с бёдер и кладёт её на стол.

— Мы должны ехать.

Он собирается встать, но Ники хватает его рукой за локоть и останавливает.

— Окей, мы сейчас поедem, но перед этим ты вроде собирался мне что-то сказать.

— Перед чем?

Ники мотает головой.

— Перед тем, как зазвонил телефон.

Алессандро прекрасно знает, о чём она говорит.

— А, перед этим!..

— Да, перед этим.

— Да ничего особенного.

Ники тянет его за руку.

— Нет, это совсем не так. Ты сказал: «Послушай, Ники...»

— Ах, да. Эй... Послушай, Ники... — Алессандро осматривается. Наконец, он замечает то, что ищет. — Я говорил, что... Послушай, Ники, я рад, что познакомился с тобой, мы провели прекрасный день вместе, и ты позволила мне уделить время самому себе. А самое главное, как же чудесно разбираться в таких вещах, как эта! — Алессандро указывает на что-то за их спинами.

Ники поворачивается и видит это.

— Как эта?

— Эта.

Это железная, словно развевающаяся сеть, внутри которой синяя бумага и что-то вроде палки в штукатурке, которая протыкает сеть.

— Вам нравится? — Мастин уже здесь и улыбается им. — Называется «Море и риф». Красиво, правда? Это скульптура некого Джованни Франческини, юноши, который, по-моему, точно сделает карьеру. Я заплатил за неё кучу денег. Я инвестировал в него. Можно сказать, я платил не за неё... прошло уже больше года, как благодаря этой скульптуре ему есть, что есть! То есть, он всегда может прийти ко мне и съесть пасту.

Алессандро улыбается.

— Вот видишь? Без тебя я бы никогда не увидел «Риф и море».

Мастин его поправляет.

— «Море и риф»... Но, в конце концов, я вложил в неё, так что вы

можете спрашивать!

— Вы правы, простите, — Алессандро достаёт свой бумажник. — Сколько с нас?

Ники поднимается и заставляет его убрать деньги.

— Мастин, запиши это на мой счёт...

Мастин улыбается и начинает убирать со стола.

— Не волнуйся, Ники. Возвращайся скорее.

Алессандро и Ники направляются к выходу. Она останавливается перед скульптурой. Алессандро подходит к ней.

— «Море и риф»... Красиво, правда?

Ники смотрит на него со всей серьёзностью.

— Запиши это в список того, что мне не нравится.

— Скульптуры?

— Нет, ложь.

35

Мерседес быстро катится по автостраде, ведущей в Рим. Спокойный вечер, в который один человек поэкспериментировал с новой свободой: он подарил себе время. Но иногда человек не может принять подарок, даже если сделал его себе сам.

— Подбросить тебя к твоему скутеру?

— Даже не думай. Этот вечер – наш. И, кроме того, я полна новых идей касательно твоей карамели.

Алессандро смотрит на неё. Она опустила стекло, и теперь ветер легонько треплет её волосы. В её руках листок бумаги, во рту – шариковая ручка, которую она держит как сигарету, пока мечтательно ищет идею кто знает какой великой рекламы.

— Окей.

Ники улыбается ему, а потом что-то пишет на бумаге. Алессандро пытается подглядеть.

— Не смотри. Я не отдам его тебе, пока всё не будет готово.

— Ладно. набросок.

— В смысле?

— Мы так называем относительно готовую работу.

— Окей, значит, когда придёт момент, я отдам тебе набросок.

— Отлично, лишь бы только нашла на самом деле хорошую идею. Тогда я бы смог уделить себе кучу времени!

— Вот увидишь, у меня всё получится. Я стану музой рекламы конфет.

— Очень надеюсь на это, — говоря это, он немного притормаживает и

выезжает по направлению к Казилине.

— Эй, куда мы едем?

— В одно место.

— Это я уже вижу... мы выехали с автострады.

— Я должен оказать кое-какую услугу своему другу.

— Тому, который тебе звонил?

— Да.

— И что нужно делать?

— Всё тебе нужно знать! Не отвлекайся. Думай о рекламе.

— Ты прав.

Ники снова что-то пишет, пока Алессандро следует инструкциям навигатора и немного позже останавливается на пересечении Казилина. Рядом с дорогой брошены машины, одни ржавые, другие с разбитыми стёклами, третьи с проколотыми колёсами. Разбитые мусорные контейнеры, картонные коробки и пластиковые мусорные пакеты, открытые и расцарапанные голодными кошками, которые искали спасения от своей слишком жестокой диеты.

— Всё, приехали.

— Что у тебя за друзья? Что им нужно в таком месте?

— Это особенная услуга.

Ники смотрит на него с недоверием.

— Если мы снова встретимся с твоими друзьями-полицейскими, они арестуют нас за наркотики, и тогда тебе придётся объяснять моим родителям, что я просто поехала с тобой...

— Какие наркотики? О чём ты думаешь? Ничего общего с наркотиками. Оставайся в машине и нажми вот эту кнопку, когда я выйду, так ты закроешься внутри.

Алессандро выходит из машины и, идя к двери, слышит, как закрываются замки его машины. Он улыбается. Ищет на домофоне нужное имя и думает о своих «друзьях»-полицейских, которые и вправду чуть не арестовали его именно за наркотики... Всё из-за этого Сольдини и его желания не быть забытым. Кто теперь его забудет благодаря этой ночи? Если бы я знал, что мы будем вместе работать в офисе. Хоть бы им там пришла отличная идея. Чёрт, какой я идиот! Мне не о чём волноваться... Для этого здесь Ники. Потом он взволнованно улыбается. Подождём. Наконец, он находит, что искал. Тони Коста. Третий этаж. Дверь открыта. Алессандро входит и едет на лифте. Выходя, он видит дверь с табличкой «Тони Коста. Частный детектив». Как в старых американских фильмах. В тех фильмах, где обычно, когда кто-то стучит в дверь, то думает, что в него

выстрелят или набросятся. Но в итоге ничего такого не происходит. Так вот, немного успокоившись, он жмёт на звонок. Древний звук, ассоциирующийся с гнилью и запахом лестницы, с вышедшим из строя лифтом, с истоптанными бог знает сколькими ногами дверными ковриками. Алессандро ждёт перед дверью. Ничего. Ничего не слышно. Звонит снова. В конце концов, за дверью слышится шум. Странные крики. Затем глубокий, тёплый голос, похожий на тот, что озвучивал Роберта Митчума в «Прощай, моя красавица» и Брюса Уиллиса в «Последнем бойскауте».

— Один момент, сейчас открою. — Дверь открывается, но тот, кто появляется, абсолютно не похож на этих двух актёров. Скорее, на Джеймса Гандольфини из «Сопрано». И это его беспокоит. Только этот немного ниже, но всё равно высокий. Мужчина, нахмурившись, смотрит на него.

— Что? Чего Вы хотите?

— Я ищу Тони Коста.

— Зачем он вам?

— Это Вы?

— Зависит от ответа.

Алессандро говорит правду.

— Мне нужна его помощь. У меня есть дело для него.

— Ах, да, тогда это я. Входите.

Тони Коста даёт ему войти. Потом он закрывает дверь. На нём отлично сидят брюки, в которые он заправляет рубашку по пути к столу.

— Это Адела, моя помощница, — Тони Коста, не поворачиваясь, указывает на девушку, выходящую из соседней комнаты.

— Здрасьте.

— Добрый вечер.

Адела подходит к другому столу, стоящему здесь же, перед этим закрыв дверь комнаты. Но не очень быстро, так что Алессандро успевает понять, что это была спальня. Тони Коста садится за свой стол и предлагает Алессандро кресло.

— Присаживайтесь, пожалуйста.

Алессандро садится напротив него, в то время как Адела проходит сзади и садится справа. Алессандро замечает на пальце Тони обручальное кольцо, широкое и большое. Оно оставляет огромные просветы между его толстыми пальцами. В то время как Адела, которая разбирает какие-то бумаги, носит одно тоненькое колечко на правой руке. Кто знает. Вдруг он просто прервал ссору между начальником и секретаршей. Но одна вещь ясна, как день: никто не станет связываться с таким сильным человеком, как Тони Коста, и Алессандро вовсе не волнуется, что произошло в этом

офисе до его прихода. Тони смотрит на него.

— Хотите чего-нибудь выпить? Немного этого? — он поднимает бутылку Нести, стоящую на столе, которая уже пуста наполовину. — Он тёплый, холодильник сломался.

— Нет, спасибо.

— Как хотите.

Тони Коста наливает себе немного.

— Адела, запиши, пожалуйста, что нужно отправить холодильник на ремонт. — Потом он улыбается Алессандро: — Видите? Вы мне уже помогли, напомнили о незаконченном деле.

Потом он делает большой глоток холодного чая из стакана и бесконечно долго глотает его.

— Ммм. Даже тёплый – всегда вкусный. Ладно, что мы можем сделать для Вас, синьор ...?

— Алекс, кхм, Алессандро Белли. Это не для меня, меня друг попросил.

— Хорошо, понятно. Попросил друг. — Тони Коста смотрит на Аделу и улыбается: — Мир состоит из друзей, которые делают одолжения другим друзьям... Ладно, в чём дело? Законные документы, банковские долги, измены...

— Подозрение в измене.

— Жена вашего друга, не так ли?

— Именно. Хотя я и не верю, что она ему изменяет.

— Тогда, извините, зачем же вы приехали сюда? Чтобы потратить свои деньги?

— Деньги моего друга, если вы возьмётесь.

— Послушайте, я никому не расскажу, что вы приезжали, чтобы встретиться со мной. Это будет секретом. Это идёт вразрез с моими интересами, но если вы хотите, чтобы я следил за этой женщиной, я буду абсолютно бездарным детективом, если не смогу выяснить даже кто её муж на самом деле... не так ли?

— Так и есть. Но я не её муж. Муж – это мой друг. Я их общий друг.

— Ах, Вы друг этой женщины.

— Да, но не в этом смысле, я друг, просто друг. И поэтому я уверен, что нет другого мужчины, но мой друг одержим, у него паранойя.

— Ревность поддерживает любовь, подобно тому, как зола хранит огонь, как сказала Нинон де Ланкло.

Алессандро не верит своим ушам. Проклятье. Ту же самую фразу ему сказал Энрико.

— Да, возможно, так и есть, но я всё равно уже здесь и мне надо помочь ему...

— Как пожелаете. В любом случае, сейчас всё становится яснее. Адела, ты делаешь заметки?

Адела поднимает листок.

— Я только что написала, что Алессандро Белли – друг этих двоих.

— Ага... — говорит Тони Коста и наливает себе ещё немного Нести.
— Хорошо, мне нужен адрес синьоры, за которой я должен следить. У неё есть дети?

— Нет.

— Окей, тем лучше.

— Почему?

— Мне никогда не нравилось разрушать брак, в котором есть дети.

— Было бы хорошо, если бы не пришлось ничего разрушать.

— Конечно, конечно. Будем на связи. — Тони Коста берёт листок и протягивает его Алессандро: — Напишите мне имя, фамилию и адрес этой женщины.

Алессандро берёт листок, потом видит шариковую ручку в карандашнице.

— Можно?

— Да, пожалуйста.

Алессандро быстро что-то пишет на листке.

— Вот, это имя синьоры, это – её мужа, и адрес, где они живут.

Тони Коста пробегаётся глазами.

— Отлично. Очень разборчиво. А сейчас я хотел бы полторы тысячи евро, чтобы я мог начать работать прямо сейчас.

— Конечно, вот, — Алессандро открывает свой бумажник, достаёт три купюры по пятьсот евро и кладёт их на стол.

— Вторую половину вы мне заплатите, когда я представлю доказательства того, о чём подозревает муж.

— Конечно... Но, возможно, вы не сможете её ни в чём уличить.

— Возможно, но вам и в этом случае придётся заплатить. Правда есть правда, и когда она открывается, приходится платить.

— Хорошо.

Алессандро достаёт свою визитку из бумажника и протягивает детективу. Указывает ему на цифры.

— Смотрите, я бы хотел, чтобы вы звонили мне на этот номер.

— Конечно. Как пожелаете.

Тони Коста берёт ручку и обводит номер телефона. Номер мобильного

Алессандро. Он направляется к выходу.

— Когда вы мне скажете что-нибудь?

— Я вам позвоню, как только мне будет, что сказать.

— Хорошо, но давайте скорее. Чтобы я мог передать это моему другу, понимаете?

— Хорошо, я думаю, что в течение будущих двух недель всё более или менее прояснится... Правда есть правда, и большего не требуется.

— Прекрасно, спасибо. Тогда созвонимся.

Алессандро выходит. Адела подходит к Тони Коста. Они остаются здесь, посреди офиса в тусклом свете, на старом и пыльном бордовом ковре, в углу стоит растение со слегка пожелтевшими листьями, а на стене – огромная карта Рима, под треснувшей стеклянной полочкой. Алессандро прощается в последний раз. Затем он входит в лифт. Нажимает кнопку первого этажа. Лифт закрывается и уезжает вниз именно в тот момент, когда Тони Коста закрывает свою стеклянную дверь. Алессандро представляет себе детектива и его помощницу. Они возвращаются к своим исследованиям в области удовольствия, прежде чем заняться Камиллой. Камилла. Жена его друга Энрико. Я был свидетелем на их свадьбе, думает Алессандро, и сегодня вечером я стал свидетелем того, как кто-то начнёт следить за ней, о чём она не подозревает. Алессандро смотрит на часы. Дело заняло всего десять минут. Он выходит на улицу. Нужно всего десять минут, чтобы разрушить чью-то жизнь. Отлично. Если кто-то хочет её разрушить. Алессандро решает не думать больше об этом и направляется к своей машине. Ники его видит, улыбается и нажимает кнопку, освобождая двери от замков.

— Время пришло! Ты не представляешь, какие идеи мне пришли в голову!

Алессандро залезает в машину и заводит мотор.

— Давай, рассказывай.

— Нет... пока что ничего определённого нет.

— Как это? Тебе пришла в голову куча запутанных идей?!

— Эй, не наезжай на меня. Расскажу, когда время придёт.

Ники ставит ноги на приборную панель. Но сразу же опускает их, когда Алессандро смотрит на неё целое мгновение страшным взглядом.

— Окей. Сделаем одну вещь: если тебе понравится моя идея, то есть, если в конце концов ты используешь её, то дашь мне целый день ездить ногами вверх. Идёт?

— Идёт.

— Нет, ты должен это пообещать.

— Что?

— То, что я только что сказала.

— Но больше ничего, ясно? Я должен понимать, что конкретно обещаю, потому что если я даю обещание, то должен его выполнять. Согласна?

— Да, но какой же ты зануда.

— Нет, это вопрос чести.

— Окей, тогда всего один день с ногами на приборной панели.

— Согласен. Тогда... — Алессандро улыбается. — Обещаю.

Ники протягивает ему руку. Алессандро пожимает её, заключая сделку.

— А что ты делал там наверху?

— Ничего, я ведь уже сказал, одолжение для моего друга.

Ники скручивает волосы и втыкает в них ручку, чтобы они держались.

— Твой друг хочет знать, не изменяет ли ему жена.

Алессандро поражённо смотрит на неё.

— А ты откуда знаешь?..

— На табличке было написано «Тони Коста. Частный детектив». Это не так уж сложно, знаешь ли.

— Я сказал тебе оставаться в машине.

— А я просила рассказать, что ты собираешься делать.

Алессандро смотрит на дорогу.

— Ладно, я не хочу говорить об этом.

— Окей, тогда я скажу. Нет ничего хуже, чем хотеть знать что-то, чего тебе не хотят рассказывать. Например, ты сказал, что расстался со своей девушкой, да?

— Обсуждать эту историю мне тоже совсем не хочется.

— Окей, тогда и об этом говорить тоже буду я. Ты, например, хотел бы знать, изменила ли она тебе?

Алессандро думает: что вообще происходит? Теперь все стали одержимы моей жизнью?

Но Ники настаивает.

— Разве от этого не становится хуже? Я хочу сказать, наверняка это была красивая история, так что за необходимость всё портить? Например, я рассталась со своим парнем. Что было, то было. И всё. И не нужно знать ничего больше. Было прекрасно. Но только было... Разве так не проще? И ладно бы тебе стало лучше от новости, что она тебе изменяла, но зачем это всё? Чего ты хочешь, оправдания, чтоб тебе стало лучше? Тебе нужно, чтобы был другой, чтобы оправдать ваше расставание? Я думаю, что важно то, как это ощущается. Конечно, если для тебя всё ещё ничего не кончено...

но это уже другая история. В таком случае тебе просто хочется страдать. — Ники смотрит на него серьёзно. — И?

— И? Что?

— Тебе... всё ещё плохо.

Именно в этот момент звонит мобильный Алессандро. Он достаёт его и смотрит на дисплей.

— Это из офиса.

— О. Тебя всегда спасает твоя работа! Нужно видеть...

— Да?

— Привет, Алекс...

Алессандро прикрывает микрофон рукой и поворачивается к Ники.

— Это мой шеф.

Ники смотрит на него, словно говоря: «А от меня ты чего хочешь?».

— Да, говори, Леонардо.

— Где ты?

— Отъехал. Собираю данные.

— Отлично, мне это нравится. Продукт для людей, и это замечательно искать вдохновение среди людей... Уже пришла хорошая идея?

— Я над этим работаю. Да. Уже есть кое-какие наброски.

— Ах... — тишина на том конце.

— Алло? Леонардо?

— Извини. Я не должен был говорить этого. Ладно, Марчелло и его команда уже представили мне свой проект. — Снова тишина. Алессандро сглатывает.

— Да?

— Да.

— И как тебе?

Тишина, немного короче на этот раз.

— Неплохо.

— Ах, неплохо?

— Да, неплохо... Но это классика. Знаешь, от парня вроде тебя я жду чего-то лучше. Не знаю, как сказать... что-то сильнее. На самом деле, не сильнее, не консервативнее, не знаю, что-то революционное. Да, именно так, революционное, новое. Оно самое, новое... Новое и удивительное.

— Новое и удивительное. Именно над этим я и работаю.

— Я знал. Знал. Ничего не надо делать. В конце концов, самый революционный всегда ты. Я имею в виду, что ты всегда новый и удивительный.

— Хорошо. Я на это надеюсь.

— В смысле «надеюсь»?

— Нет, я хотел сказать, что надеюсь, что тебе понравится.

— Я тоже. Слушай, завтра утром у меня совещание, но ты не мог бы показать мне свои наброски позже?

— Думаю, да.

— Окей, тогда в четыре в моём кабинете. Пока. Проводи исследования среди людей дальше. Мне нравится твой новый способ исследований. Он новый и удивительный. Ты вышел на улицы... да. Ничего делать не нужно. Так похоже на тебя, ты революционер. — Он отключается.

— Да... Леонардо... — Алессандро смотрит на Ники. — Повесил трубку.

— Ладно, теперь мне всё кажется проще.

— Что ты имеешь в виду?

— Нам не хватает только найти новую и удивительную идею.

— Ах, конечно, это просто.

— Ладно, слушай, теперь всё стало яснее. Вот увидишь, завтра до четырёх я тебе отдам одну из моих новых и удивительных идей уже готовой.

Алессандро снова берёт свой мобильник и набирает номер.

— Что ты делаешь, кому звонишь? Хочешь перенести свидание? Но я точно всё сделаю до четырёх...

— Нет... Андреа?

— Да, шеф, я так рад тебя слышать. Как всё идёт?

— Ужасно.

— Почему? Попал в пробку?

— Нет, завтра днём у меня встреча с Леонардо. Я должен представить ему проект.

— Но мы ещё не готовы! Что делать?

— Я этого не знаю. Ясно только, что он ждёт чего-то нового и удивительного.

— Да, шеф.

— Ты можешь сделать кое-то.

— Говори.

— Сейчас же сделай то, о чём говорил мне всё это время!

— Отлично! Я и не ждал другого!

Алессандро вешает трубку.

— Что ты имел в виду?

— Ничего.

— Ты всегда отвечаешь «ничего»? Это даже хуже, чем когда мне

говорили, когда я была маленькой: «Подрастёшь – потом поймёшь».

— Ничего... Подрастёшь – потом поймёшь.

— Когда ты так делаешь, клянусь, я готова убить тебя. Ладно, успокойся и пусти меня за руль.

— Что?

Ники практически забирается на него.

— Ты с ума сошла? Мы уже попали в аварию, подожди хотя бы, пока тебе будет восемнадцать!

— Помолчи. Обязательно всё время каркать? Почему я обязательно должна попасть в аварию?

— Слушай, у тебя достаточно возможностей для этого...

— Вовсе нет... Давай, пусти меня!

— Нет.

— Прости, ты разве не видел, как я всё разрулила с полицейскими? Я смогла их убедить. Давай! Совсем немножко. Вдруг, пока я за рулём, мне в голову придёт идея для твоих конфет?

— Они не мои.

— Всё, не парься больше, — Ники снова взбирается на него. — Выходи уже!

— Но ведь ты сказала, что не сможешь управлять такой машиной, потому что здесь автоматическая коробка передач.

— Да, но я обдумала всё лучше. Эта машина такая большая, что если я сделаю что-то не то, то никакая другая не сможет мне сопротивляться!

Алессандро вылезает из-под Ники и выходит из машины.

— Беда в том, что ты точно сделаешь что-то не то...

Ники пристёгивается, пока Алессандро обходит машину.

— Всё равно после той аварии, которая, конечно же, произошла по твоей вине, тебе всё равно нужно сдавать машину в ремонт, так что ударом больше, ударом меньше...

Алессандро залезает в машину и тоже пристёгивается.

— Лучше «ударом меньше».

Ники улыбается, потом касается навигатора.

— Что ты делаешь?

— Изучаю этот прибор, хотя в моей машине всё равно такого никогда не будет. Мои родители купят мне машину попроще. Как убрать звук?

— Звук?

— Да, этот голос как из «Звёздного пути», который говорит «триста метров... поворачивайте направо».

— Ах, это... — Алессандро нажимает какую-то кнопку на мониторе, и

появляются слова «no audio».

— Отлично.

Ники начинает программировать навигатор, замечает, что Алессандро пристально смотрит на неё.

— Не смотри на меня!

— Ладно, — он отворачивается в другую сторону. — Куда ты хочешь поехать?

— Сейчас увидишь.

— Езжай осторожней, пожалуйста.

Но Ники не обращает на него никакого внимания и выжимает сцепление, отчего происходит сильный удар.

— Молодец, я ведь только что сказал – осторожней.

— Для меня это и есть осторожно.

Алессандро трясёт головой.

— Я сдаюсь.

Ники улыбается и трогается с места. На этот раз она едет медленно. Едет между двумя машинами, мигает, поворачивает. Иногда Алессандро помогает ей, берёт руль и сворачивает сам.

— Эх, знаешь, ты лучше всех друзей, которые меня учат водить.

— Что, тебя не отец учит?

— У папы нет времени.

Алессандро смотрит на неё. Улыбается ей. Как странно.

— Мой отец веселился, обучая меня и читая мне лекции.

— Он передал тебе бесконечное спокойствие, терпение и самообладание.

— Я бы хотел, чтобы у меня всегда было время чему-то научить моих детей...

Ники смотрит на него и пожимает плечами.

— Конечно, а пока что ты нашёл время для меня. И это прекрасно... — затем Ники ему улыбается. — Ведь на мне ты тренируешься, как будешь воспитывать своих детей.

— Да.

Алессандро смотрит на неё. Потом начинает считать в уме. Да... Знать бы, когда это случится. Хотелось бы мне иметь ребёнка. Что ещё нужно... Не хватает только человека, с которым я бы мог завести его. Елена ушла. На него нападает привычная грусть. И теперь я здесь с девчонкой-подростком, которая к тому же заставляет меня делать всякую чушь. Чёрт возьми! Ники мигает и паркуется.

— Что ты делаешь? Мы не продолжим урок вождения?

— Нет, мы уже приехали, — Ники отстёгивает ремни и выходит.

— Но куда? — Алессандро тоже выходит из машины. — У тебя очередное соревнование?

— Нет, уже полдевятого и я проголодалась. Подожди, я проверю родителей. — Она быстро набирает номер. — Да, мама?.. Да, я делала уроки у одной подружки... Знаю. Она немного депрессует, и я составила ей компанию. Нет. Нет, ты её не знаешь. — Ники улыбается Алессандро. — Сейчас мы пойдём есть. Да, если тебе надо будет мне позвонить, но мобильный будет вне зоны доступа, то мы в «Дзен Суши», на виа дельи Шипиони... Да... Что? Это есть в «Жёлтых Страницах», если нет, то приходи ко мне, если уж это так срочно... Нет. Мы вышли поужинать, проголодались, она меня заставила. Сказала, что она приглашает. Да. Она хочет заплатить. Правда! Нет, ты её не знаешь, но я вас скоро познакомлю. Окей, да. Мы ещё немного позанимаемся, и я пойду домой, я вернусь не поздно, что ты. Обещаю. Нет, обещаю, правда скоро вернусь. Пока, целую, привет папе. — Ники закрывает телефон. — Я сказала, что платишь ты, она думает, что ты — это подруга, которой плохо, и поэтому она меня пригласила поужинать с ней, и я дала ей адрес ресторана, чтобы она не волновалась.

— Да, я уже понял, но всё наоборот?

— С чего бы? Пригласил меня ты, и я надеюсь, что ты повеселишься. Прости, я не собираюсь делать твою работу, придумывать логотип, отдавать свою прекрасную идею просто так.

В этот момент звонит телефон Ники.

— Ух ты, номер скрыт... Кто бы это мог быть? — Она решает ответить. — Да?

— Эй, где тебя носит?

Ники поворачивается к Алессандро.

— Это Олли. Чёрт, я должна была ей позвонить.

— Мы на эспланаде, снова ББТ. Ты сказала, что сегодня придёшь... и может даже примешь участие.

— Я соврала.

— Ладно, но всё равно приходи!

— Вы и правда там?

— Да!

— И этой ночью снова? Вам не надоело?

— Нет, тут круто. Здесь твой бывший, репетирует свой номер. Он уже нажрался и ищет тебя, как псих. Спрашивал меня, почему ты не здесь, с Волнами!

— Ну, потому что я в другом месте, с одним симпатичным типом...

— Что? Кто это? Рассказывай всё прямо сейчас! — Олли на другом конце улыбается. — Ах, понятно. Это неправда, ты всё врёшь, так ведь?

— Нет, ты и сама знаешь, что я не вру.

— А если увидит Фабио?

— Какая разница. Мы расстались, и не в последнюю очередь из-за того, что он не позволял мне гулять даже с вами. И почему теперь я должна переживать, что я не с ним? На это нет причин. Слушай, Олли, я должна вешать трубку. Скажи Фабио, что я тебе соврала. Всё равно он не осмелится позвонить мне домой. Завтра я тебе всё расскажу.

— Нет, нет, подожди, Ники, подожди.

Слишком поздно. Ники отключилась. Она смотрит на всё ещё обеспокоенного Алессандро.

— Я выключила телефон. Почему бы тебе не отключить свой? Так мы проведём замечательную ночь, чтобы хорошо закончить день.

Ники улыбается и первой входит в здание. Алессандро достаёт свой телефон. Смотрит на него один момент. Решает не ждать возможного звонка от Элены по крайней мере этой ночью. Он принимает эту идею с неожиданным удовольствием. Выключает телефон и с удовлетворением кладёт его в карман. Он входит в ресторан со странным ощущением новой свободы. Немного позже они сидят и едят. Смеются. Дурачатся. Как одна из парочек, что счастливы просто быть вместе. Какими они и мечтают быть, только пока этого не понимают. Какими они немного боятся стать, или же нет... Это как то странное ощущение, когда ты на пляже, тебе жарко. Как вдруг тебе очень хочется искупаться. Ты встаёшь с полотенца. Подходишь к воде. Заходишь в воду. Но вода очень холодная. Иногда просто ледяная. В такой момент люди делятся на два типа: первые бегут обратно и ложатся на песок, чтобы снова согреться; вторые, наоборот, погружаются в воду. И только последние, после нескольких попыток, могут насладиться этим уникальным и немного странным вкусом полной свободы даже от себя самого.

36

Высоко и далеко в небе бледная луна. Такая же луна, как и всегда. Луна для богатых, бедных, грустных. Луна для счастливых людей. Луна, луна, ты... «Не доверяй полуночным поцелуям... Если в небе луна – не верь никому...» Старая песня.

Мауро паркуется у паба. Слезает со скутера. Поднимает сиденье, которое давно пора отремонтировать. Видит в отверстии пену. Похоже,

панеттоне начинает портиться. Впрочем, как и его молодая жизнь. Он открывает крышку топливного бака и встряхивает скутер. Испарения газа и запах позволяют предположить, что внутри – возможность проехать немного ещё.

— Ладно, хотя бы домой смогу вернуться.

Он входит в паб и подходит к барной стойке.

— Пива.

Молодой, но уже немного потрепанный парень, с незажжённой сигаретой во рту и не особенным желанием работать, берёт стакан с полки над головой. Моет его, ставит вниз головой, чтобы вода стекла, и помещает под струю пива. Стакан в 0,4 литра быстро наполняется свежим пенистым пивом. Потом он берёт лопатку и прислоняет её к краю стакана по углом 45°, удаляя излишки пены. Наконец, помещает стакан в воду, чтобы очистить его от капель пива, попавших на стакан снаружи, которые могут запачкать руки.

— Бельгийский метод, — он ставит стакан перед Мауро. Тот берёт его и алчно и жадно подносит ко рту.

— А мне нальёшь?

За своей спиной он слышит голос, а сразу за этим чувствует хлопок по спине.

— Привет, коллега, ночью вроде этой хочется пива, а?

Это Сова. Он улыбается ему и начинает говорить об этом и о чём-то ещё, о великих делах и о вещах более понятных.

— Слушай, помнишь того чувака, которого называли Янычар? Я недавно встретился с ним в центре, у него внедорожник – да о чём я? – просто мечта. Новый Хаммер, а ещё классная тёлка. Но твоя тоже неплоха. Такая высокая. Как её зовут?

— Паола, — отвечает Мауро, немного раздражённый тем, что о его девушке кто-то говорит в таком ключе. Но ведь это всё-таки комплимент, думает он.

— Красотка. Верная. Ничего не скажешь. Даже на твоём скутере ездит... — Сова смотрит на него и поднимает брови, потом делает глоток пива и вытирает рот рукавом куртки. Ставит стакан на стойку, едва ли не разбивая его ударом. — Почему бы нам с тобой не стать корешами? Было бы круто. Просто Мемо арестовали, он всегда ходил со мной, помнишь? Да, парень, ты видел его тысячу раз, толстяк с выпученными глазами. Чувак, я таскался с ним всю жизнь.

— Филин?

— Точно. Его взяли на прошлой неделе. Кража в «ИнтерКуп» на

Казилина. Чёрт, он повёл себя как идиот. В больших супермаркетах всегда камеры и охранники, неужто он не знает? И, к тому же, нафига было ходить одному? Жадность сгубила. Не хотел ни с кем делиться и закончилось всё тюрьмой, где он будет жрать дерьмо, — Сова смеётся. Потом он задумывается и грустнеет. — Мы раз десять ходили вместе на дело и нас ни разу не поймали. Бля, мы были Совой и Филином.

— Не парься, вот увидишь, скоро его выпустят.

— Неа. У него уже две судимости, дадут лет пять минимум.

Мауро поднимает брови и делает глоток пива, потому что толком не знает, что ответить. Сова смотрит на него. Вдруг его взгляд становится ясным и пронизательным.

— Слушай, почему бы тебе не пройтись со мной? Пошли. Есть два-три места, всё очень просто. Детская забава. Как минимум по пять тысяч на рыло.

Мауро трясёт головой.

— Нет, нет.

Сова настаивает.

— Давай, — он пихает Мауро в плечо. — Станем командой, как в школе, когда играли на площади Ананьина... Помнишь чемпионат Каstellи? Нас называли звёздами-близнецами, как в песне Эроса.

— Честно говоря, не помню.

— Да давай, я тебе даже кличку уже придумал.

— погоди, щас угадаю... Сыч!

— Слышь, ты отсосать захотел?

— Чё, обиделся?

— С тобой... Знаешь, после того, как Филина посадили, я решил сменить напарника. Я тебя всегда вижу одного, ты внушаешь доверие. У тебя одна-единственная женщина, чёрт, ты мне нравишься. Так что я подумал о Соколе. Об Орле. Ты знал, что орлы спариваются в полёте? Этого нельзя увидеть, но по телику так сказали. Прикинь. — Сова делает жест кулаком, имитируя половой акт, мятежный, быстрый, энергичный, бешеный, дикий. — Прямо в полёте, представляешь?

Мауро улыбается ему.

— А вот я наоборот предпочитаю твёрдую землю. Идея закончить тюрьмой мне абсолютно не нравится. И идея не увидеть больше никогда мою Паолу мне нравится ещё меньше.

Сова качает головой и делает большой глоток пива. Мауро приканчивает свой стакан.

— Как хочешь, Мауро, — говорит Сова, отступая. — Жаль, звёзды-

близнецы могли бы подняться ввысь...

Мауро снова улыбается.

— Если бы ты меня в футбол позвал играть, то мог бы считать, что я уже на поле.

Сова тоже ему улыбается.

— Брось, брось, плачу я.

— Нет, нет, сегодня моя очередь, — он платит за два пива. Потом выходит из бара, прощается издали, просто поднимая подборок. Жест, который распознают только друзья.

37

Комната цвета индиго. Она.

«Ни у одной из женщин, с кем он говорил когда-либо, не было такого голоса, как у неё. Любой самый слабый и короткий звук взращивал в нём любовь, каждое слово заставляло его дрожать. У неё был сладкий и музыкальный голос, богатый плод культуры и доброты. Слушая её, он чувствовал отголоски хриплых криков местных женщин, проституток, слабые молитвы, не такими жёсткими голосами, рабочих и девушек из его окружения».

Свет от лампы непрозрачного стекла из Икеи тепло обволакивает монитор. Окно комнаты открыто, и лёгкий ветерок колышет занавески. Девушка мечтательно читает эти слова, которые знают, что такое любовь. Каждый день они заставляют её чувствовать себя немного изменившейся. Какая удача, думает она, оказаться там в ту ночь. Конечно, это немного странно: поехать на мусорку и встретиться с этим Стефано и его словами. Знать бы, какой он. Знать бы, кому он посвятил это. Кто же эта женщина с прекрасным голосом? Его девушка? Карлотта из электронной почты? Знать бы, пишет ли он ей в данный момент. Знать бы, какой он на лицо. Возможно, он высок и у него тёмные волосы. Может, у него зелёные глаза. Мне бы понравилось, если бы у него были зелёные глаза. Они напоминают мне о траве на лугу. Девушка продолжает читать.

«Я никогда не отступал. Ты знаешь, что я забыл, каково это — засыпать со спокойным сердцем? Я заснул миллионы лет назад, когда мне захотелось, и проснулся, когда выспался. Теперь я подпрыгиваю, услышав будильник. Я спрашиваю себя, зачем я это сделал, и отвечаю: из-за тебя... Когда-то давно я хотел стать знаменитым, но теперь слава меня не волнует. Единственное, чего я хочу, — это ты. Я хочу тебя более, чем еду, одежду, известность. Я мечтаю положить голову тебе на грудь и проспать миллионы лет... Она почувствовала, что её безнадёжно тянет к

нему. Эта волшебная атмосфера, которую он всегда создавал, исходила сейчас от его страстного голоса, от его живых глаз и силы, кипящей у него внутри... Ты меня любишь. Ты любишь меня, потому что я так не похож на других мужчин, которых ты встречала раньше и которых могла любить».

Она читает о любви, такой огромной, которая горы может свернуть. И вдруг понимает, что не может почувствовать того же, когда думает о нём. Она закрывает ноутбук. Но по щеке презрительно стекает слеза и падает на колено. Она начинает смеяться и глубоко дышать. Успокаивается. Она замирает в тишине. А потом начинает сердиться. Она прекрасно знает, что ничего не может сделать против всего этого...

38

Ники и Алессандро смеются и шутят напротив этой странной кулинарной беговой дорожки, говорят об этом и обо всех вещах на свете. Берут на ходу части свежеприготовленных японских блюд. Оплачивать следует согласно цвету выбранного блюда. Ники берёт оранжевое, очень дорогое. Пробует только половину сашими и кладёт блюдо обратно на дорожку. Алессандро беспокойно смотрит вокруг себя. Этого только не хватало! Даже здесь, когда он отдыхает, вдруг появляются Серра и Карретти, двое полицейских. Они проходят мимо со смехом. Анекдот. Любопытные взгляды. Не долго думая, Ники напрашивается к Алессандро в гости, и вот они уже в его доме.

— Офигенно! Блин, значит, ты и правда важная птица. Кое-кто очень успешен!

— Ну да, пока что всё шло неплохо.

Ники бродит по дому, возвращается и улыбается ему.

— Завтра увидим, как всё пройдёт с моими идеями.

— Да, — Алессандро улыбается, но предпочитает не думать об этом.

— Слушай, Алекс, правда, мне очень нравится твой дом. А ещё он такой пустой... Но это круто, серьёзно! Ничего лишнего. Диван в центре, телевизор на столе, компьютер вот здесь. Клянусь, это мечта. И ты... Нет! Не могу поверить.

Ники входит в кабинет. Большая библиотека и куча фотографий. Цветные, чёрно-белые, с подписями, сепия. С самыми известными фразами. Ноги, девушки, машины, напитки, лица, дома, небеса. Это – его великое творчество, самые разные работы разместились на стене с тёмно-синими нейлоновыми рамками и небольшой окантовкой тёплой охры, прикреплённые на тонкую проволоку.

— Чёрт возьми! Вся реклама, что я видела... Не-е-ет! Не могу поверить!

Ники показывает на фото женских ног. Самые разные, самые странные, самые разноцветные, самые строгие, самые сумасшедшие.

— Это ты сделал?

— Да, тебе нравится?

— Нравится ли мне?! Да я с ума схожу по этим колготкам! Ты понятия не имеешь, сколько я их скупил! Они мне по жизни помогают. Я их даже на руки готова надевать. Вообще-то, я рву по четыре-пять пар за неделю, и всегда покупаю этой марки.

— Я-то думал, что дело в моей рекламе. А продажи поднялись только потому, что ты постоянно рвёшь колготки!

Ники подходит к Алессандро и встаёт напротив него.

— Не будь таким скромным со мной. И кстати, знаешь... — Ники берёт руку Алессандро, поднимает немного юбку и проводит его рукой вверх по своему бедру. Она приближается к его лицу и смотрит наивным взглядом, своими большими глазами, томно, даже немного зло, а потом снова превращается в маленькую девочку, затем снова становится женщиной, и снова... Уфф. Но она прекрасна любой. И желанна. И её голос такой лёгкий, тёплый и возбуждающий. — Видишь? Я не всегда ношу колготки. — Она издаёт смешок и отступает от него, позволяя одежде упасть. Затем она снимает туфли и немного трясёт волосами, освобождая их из тюрьмы простой резинки. — Эй... — она поворачивается и смотрит на него. — В этом доме можно что-нибудь выпить? — улыбается она.

— Кхм, да, конечно. — Алессандро пытается прийти в себя и направляется к своему бару. — Чего хочешь, Ники? Есть ром, джин-тоник, водка, виски...

Ники открывает дверь террасы.

— Нет, это слишком крепкое. Есть просто Кока-Кола?

— Кока-Кола? Сейчас.

Алессандро идёт на кухню, Ники выходит на террасу. Луна высоко в небе, её пытаются скрыть лёгкие облака. Она похожа на подмигивающую подругу. На кухне Алессандро наливает колу и режет лимон. Ники кричит ему издали:

— Алекс, почему бы тебе не включить музыку?

— Хорошо.

Он берет стакан, кладёт немного льда, потом идёт туда, где оставил куртку и копается в карманах. Находит диск, который дал ему Энрико. Их два, невероятно. Он ставит один, особо не обращая внимания на надпись.

Нажимает кнопку, чтобы включить. Нажимает ещё одну, чтобы слышно было во всех комнатах. Выходит на террасу к Ники.

— Вот твоя Кока-Кола.

Ники берёт и быстро делает глоток.

— Ммм, вкусно, лимон идеально подходит.

В этот момент начинает звучать музыка.

«Как узнаешь ты о пшеничном поле, о поэзии божественной любви?..» И тут в его голове начинает звучать голос Энрико: «Итак, здесь Лучио хотел положить в основу невозможность объяснить, понять, трактовать, поставить любовь на ту же чашу весов, что и красота пшеничного поля, как все эти неожиданные эмоции, которые иногда, словно принесённые ветром, нельзя объяснить, а здесь он спрашивает её «Что ты узнаешь о пшеничном поле...» Просто вопрос, который останется без ответа, а причины всех других слов, наоборот, станут ясными сами по себе».

И сразу же звучит другая песня Лучио Баттисти. «Вести машину среди ночи как сумасшедший с выключенными фарами». «Так, в этом случае, конечно же, продолжается предыдущая тема, тема Лучио и Моголь, что ясно следует из слов...»

— Кхм, извини, я перепутал диск.

Алессандро бежит, возвращается в гостиную, достаёт диск и видит надпись «Различные интерпретации». Берёт второй диск. «Только атмосфера». Так лучше. Ставит его в надежде, что в этот раз всё пройдет гладко. Нажимает кнопку и ждёт, когда зазвучит музыка. Первые ноты. Алессандро берёт обложку диска и читает названия, написанные Энрико. Улыбается. Их песни. Дорога дружбы. Он смотрит на первые названия, и они кажутся ему идеальными. Он не знает четвёртую песню, но доверяется своему другу. Возвращается на террасу. Когда он выходит, то свет оказывается выключенным.

— Как темно...

Алессандро собирается включить свет.

— Нет, оставь, так красивей.

Ники здесь, совсем рядом с ним, между кустами жасмина. Она срывает цветок и кладёт его в рот.

— Ммм, Кока-Кола и жасмин... мечты сбываются.

— Да, — Алессандро берёт свой стакан и приближается к ней.

— Мы могли бы выпустить на рынок новый напиток. Жасмин-Кола. Как тебе?

— Слишком сложно. Людям нравится что попроще.

— Это правда, мне тоже. И ты мне кажешься таким простым, Алекс...

Алессандро ставит стакан.

— Звучит, как нападение.

— Почему? Ты простой. Очень простой.

— Но иногда простые вещи оказывается сложнее всего получить.

— Не усложняй себя. Серьёзно! Вместе мы могли бы сделать это. К тому же, ясно, чего ты желаешь. Чего ты хочешь. Это видно, это легко прочитать, и даже если я сама этого не понимала, твоё сердце рассказало мне.

— И что же оно рассказало? Иногда сердце лжёт...

Ники смеётся и прячется за жасмином. Но это слишком маленький куст. Слишком маленький, чтобы спрятать такую прекрасную улыбку.

— Со мной ты был честным, — Ники откусывает ещё один цветок. Высасывает нектар. — Это так вкусно. Поцелуешь меня?

— Но, Ники, я...

— Тсс... Что может быть проще поцелуя?

— Но ты и я... Это сложно.

— Тсс... Позволь говорить своему сердцу, — Ники приближается к нему. Кладёт руку на грудь Алессандро. Потом прикладывает ухо. Она слушает его сердце. И это сердце ускоряется с силой, с эмоциями. И Ники улыбается. — Я могу слышать его.

Она отстраняется от его груди. Смотрит ему в глаза и улыбается в полутени террасы.

— Оно говорит «нет»...

— О чём?

— Между нами всё не сложно. Всё просто.

— Ах да?

— Да. А потом я его спросила: «Что мне делать? Поцеловать его?»

— И что оно тебе сказалось?

— Оно сказалось, что для тебя это нелегко, но в то же время это так просто...

Алессандро сдаётся. Ники медленно приближается к нему. И целует его. Сладкая. Осторожная. Нежная. Лёгкая. Мягкая. Как жасмин. Как Ники. Она берет опущенные руки Алессандро и кладёт их себе на шею. Продолжает его целовать. И сейчас с большей страстью. Алессандро не может поверить. Дьявол. Ей семнадцать лет. На двадцать лет младше меня. А сосед? Если он смотрит? Алессандро приоткрывает глаза. Мы посреди жасминов. Кусты нас скрывают. Я правильно сделал, что посадил деревья на террасе. А Елена? Боже мой, у Елены есть ключи от квартиры! Но главное то, что она ушла. Она ушла и вовсе не собирается возвращаться.

Или, может, собирается. Но из головы Алессандро улетучиваются все эти мысли. Утомительные. Бесполезные. Тяжкие. Ему бы хотелось, чтобы это к чему-то привело, но нет. И он не может больше любить. Всего одна простая улыбка. Ники опускает бретельки платья и даёт ему упасть на пол. Потом она запрыгивает на него в своих туфлях Адидас и в нижнем белье. Она опирается на куст жасмина, погружённая в его цветы, потерянная в его запахе, как роза, раздетая с осторожностью, которая случайно её убила. Она, пахнущая самой собой, с кожей, ещё пахнущей морем, с сильными руками и длинными ногами, с плоским животом, на котором немного проступают напрягшиеся мышцы. Ники, вся её естественность, здоровье, она словно берёт волну на доске. Этот момент принадлежит Алессандро, и спустя пару мгновений они уже бросаются в открытое море. Под луной, между нежными лепестками раскрытых жасминов. Ночь. Они за пределами тех ласк, что чувствовали раньше. Или пытались, по крайней мере. Он теряется в её длинных волосах, всё ещё влажных. Он задыхается от желания, застенчивый, неловкий, ощущая её обнажённое тело, открывая для себя то, на что боялся решиться. Но хотел. И очень. Он идёт дальше навстречу удовольствию. Даже не верится, эта музыкальная подборка прекрасна. Они продолжают под эти ноты, что сопровождают сладкое биение их сердец. Затем ещё одна классическая песня... ещё, и ещё. И вдруг, в центре шторма – «I was her, she was me, we were one, we were free...», в окружении высоких волн, «and if there's somebody calling me on, she's the one»... И ветер страсти подхватывает «we were fine all along...»

С полузакрытыми глазами Алессандро теряет в этом море, пахнущем ею, Ники, её поцелуями, её улыбкой, её глубокими вздохами, этой нежной и юной девушкой с запахом жасмина и многих других вещей.

Несколькими звёздами позже. Ники голая пересекает гостиную. Она идёт самодовольно и гордо, совсем не стесняясь. Открывает раздвижную дверь и исчезает, чтобы вновь появиться перед ним на скамейке. Она скрещивает ноги и кладёт на себя сумку, прикрывая наготу. Алессандро садится напротив неё, у него расстёгнута рубашка и лицо искажено. Он погружён в неверие, что это произошло между ними.

— Ты не против, если я закурю? Мы ведь все равно на открытом воздухе.

— Да, да, кури, если хочешь...

Ники зажигает сигарету и делает затяжку, затем выпускает облако дыма в небо.

— Знаешь, дома я не могу курить. Мои родители не знают, что я курю.

— Ясно, — Алессандро спрашивает себя, что будет, если они узнают об остальном.

— О чём ты думаешь? И не говори, как обычно, что ни о чём, ладно?

— Я думал о том, знают ли твои родители об остальном... О том, что ты...

— Что я не девственница?

— Ну, да.

— Ты что, ну как они узнают? Они даже затронуть на эту тему боятся, представь, если они узнают. Да и вообще, я думаю, мама знает... По крайней мере, догадывается. То есть однажды Фабио, мой бывший, забыл упаковку от презерватива у меня дома, а я не нашла её потом. Либо нашли предки, либо домработница, может брат, которому тогда было десять лет, и я сомневаюсь, что он понял, что это.

У Алессандро появляется странное чувство, когда он задумывается о презервативах её парня, то есть бывшего, и обо всем, что она только что сказала. Он не понимает. Ему трудно поверить. Это невозможно. Ревность? Ники делает ещё затяжку. Потом она видит, что происходит что-то странное.

— Что такое?

— Ничего.

— Как странно!

— Ничего, правда.

— Видишь, ты всегда так говоришь! Как маленькие дети. Скажи правду — тебе не понравилось, что я говорила о моём бывшем, о презервативах и об остальном. Скажи. Ты можешь сказать это. Серьёзно.

— Ладно, немного.

— Вау! Не верится. — Она выбрасывает сигарету, встаёт и снова остаётся абсолютно голой. — Я счастлива! Мне это нравится. То есть, я не поддерживаю ревность, терпеть не могу, когда меня ревнуют. Я думаю, двое или любят друг друга, или нет, а если есть ревность — то нет никаких чувств. Зачем тебе быть с тем, кого ты не любишь, так ведь? Но ты, всегда кажущийся таким хладнокровным, ревнуешь! Слушай, я схожу с ума.

Она страстно целует его в губы.

— Знаешь, — продолжает она, — я должна сказать тебе, что раньше тоже немного ревновала. Ехала к тебе домой и думала, где ты... занимался любовью со своей бывшей! Конечно же здесь, в шезлонге, между жасминов, но ведь такого не было, я права?

— На самом деле, на этом шезлонге я только загорал.

— Вот и хорошо, — Ники снова целует его. — А этой ночью здесь ты

взял меня. Эта музыкальная подборка превосходна. Рождает самые прекрасные ощущения на самом деле. Знаешь, что мне понравилось больше всего? Понимаешь, мы вместе кончили, и именно в этот момент зазвучала песня «Эскимо», она мне так нравится.

— Честно говоря, я не думал о музыке.

— Что ты говоришь? Я же всё видела. И мне понравилось до смерти.

Ники поворачивает вокруг своей оси и садится на Алессандро, который растягивается на шезлонге. Ники делает глубокий вздох.

— Только ради моментов вроде этого стоит жить, правда?

Алессандро не знает, что сказать.

— Да. Я не знаю, что такое со мной произошло, — продолжает Ники.

— То есть, это может показаться тебе абсурдом, но когда мы с тобой занимались сексом, я видела тебя и знала, что это ты...

— Что ты имеешь в виду?

— Что ты это ты. Я верю в судьбу. Ты, это ты, ты мужчина моей жизни.

— Ники, но я тебя на двадцать лет старше!

— И что? Что такого? В наше время в мире всё возможно, и ты всё равно делаешь это проблемой, ставишь возраст напротив любви?

— Я – нет. Но как же ты будешь объяснять это родителям?

— Я? Объяснять будешь ты. Ты умеешь быть убедительным. Ты спокойный, рассудительный человек. К тому же, ты умеешь успокоить. Слушай, это было наше первое свидание, и ты смог затащить меня в постель...

— Вообще-то, в шезлонг, и в любом случае, чтобы убедить тебя, не пришлось прилагать великих усилий!

Ники оборачивается и бьёт его локтем.

— Ай!

— Идиот. Придурок. Думаешь, я бы переспала с первым встречным?

— Нет, с первым, кто бы сбил тебя на дороге...

— С тем, кто заставит меня что-то почувствовать, а тебе видимо нравятся плохие шутки. Я была до тебя только с Фабио. А сейчас я познакомилась с тобой, и мне захотелось, чтобы это случилось.

— Ну что ты говоришь, Ники? Мы с тобой абсолютно не знаем друг друга.

— Прости, но я же сказала, что говорила с твоим сердцем, и узнала... Что ты мужчина моей жизни.

— Ладно, я сдаюсь. — Алессандро замолкает. И Ники тоже. Но потом снова берёт слово.

— Окей, это правда, мы не так хорошо знакомы. Скажем, что сейчас мы представились друг другу с новой стороны. Мы ведь можем познакомиться поближе, так? Ты поможешь мне научиться водить машину, а я тебе – с твоей работой.

Алессандро решает не спорить.

— И найдём способ придать смысл этой истории.

— Да, мне нравится.

Ники смотрит на свои часы.

— Нам нужно ехать. Я сказала родителям, что скоро вернусь.

Она поднимается и берёт свою одежду с гамака.

— Было бы хорошо остаться здесь.

Алессандро застёгивает рубашку.

— Всё было прекрасно.

— Подумай о том, как будет прекрасно, когда мы заживём вместе, и после занятий любовью мы будем обниматься и спать вместе, на следующий день вместе завтракать и обедать, а вечером вместе возвращаться домой.

— Ники...

Алессандро смотрит на неё с открытым ртом.

— Ладно, ладно, и правда. Нужно узнать друг друга получше.

39

Немного позже они на улице. Алессандро смотрит на Ники, которая за рулём.

— Эй, да ты уже гораздо лучше. Скоро можно бросить наши уроки.

— Отлично, если ты на самом деле так думаешь, то я прямо сейчас куда-нибудь врежусь.

— Всегда всё отрицаешь.

— Отлично, bravo! — улыбается Ники. — Нам нужно держаться вместе, но только против кого-то третьего!

— В твоём представлении нашего будущего будут иногда моменты, когда мы не будем вместе?

— Редчайшие.

— Так и думал.

Они подъезжают к скутеру, который оставили на заправке. Ники вылезает из машины, снимает цепь, складывает под сиденье и надевает шлем.

— Уезжай, если хочешь... Отсюда я легко доберусь до дома.

— Нет, я провожу тебя.

— Вот видишь? Говоришь и говоришь, а жить не можешь без меня.

Алессандро улыбается ей. В самом деле, волнуется он. Не хватало только, чтобы с ней что-то случилось. Последний, с кем её видели, это я, и я уверен, что меня найдут и допросят. Он уже представляет двух полицейских, что счастливы сделать свою работу.

— Да, я и не отрицаю, это правда. Давай, поезжай впереди, я следом за тобой.

Ники едет на своём скутере, а Алессандро за ней на своём Мерседесе. Лунготевере. Пьяцца Белле Арти, Валле Джулия, виа Салария, корсо Триесте, Номентана. Подъехав к дому, Ники снимает шлем, кладёт его в сиденье и достаёт цепь. Она прицепляет её как обычно и закрывает замок. Затем подходит к Мерседесу.

— Спасибо, что был в моём эскорте.

— Мне это было в удовольствие.

— Слушай, ты мог бы развеять мои сомнения?

— Конечно, жизнь полна сомнений, которым мы не должны поддаваться...

— Хорошая фраза. Это из рекламы?

— Нет, это моя. Давай, говори.

Ники дышит на стекло, пока оно не запотевает, а потом рисует сердце с буквами А и Н внутри. А потом добавляет 4ever[10].

— И что это значит?

— Алекс и Ники навсегда. Так, каждый раз, когда у тебя будет запотевать стекло, вместо того, чтобы злиться, ты будешь вспоминать обо мне и улыбаться...

— Да, я буду улыбаться. Так о чём ты хотела спросить?

— Приготовил ли ты речь для моих родителей.

— Ники! Ты ведь шутишь, да?

— Нет. Рано или поздно они захотят познакомиться с тобой. Захотят узнать, с кем я встречаюсь... Или ты боишься?

— Боюсь? Чего?

— Так, давай скажем, что ты в своеобразной манере общаешься с их дочерью.

— Но я не должен говорить такое в своей речи?

— Нет, нет, конечно.

Вдруг Ники резко поворачивается.

— Ой, они здесь. Привет, мам. Я тебя познакомлю с ней прямо сейчас.

Алессандро чувствует, как ноги становятся ватными. Он оборачивается, но никого не видит. Снова смотрит на Ники. И опять на

улицу, пытаюсь понять.

— Алекс... это шутка.

— А...

— Я думала, ты сейчас умрёшь...

— Плохо думала. Я просто никого не увидел.

— Да-да, львиное сердце. Слушай, у тебя за плечами куча успешных рекламных публикаций... придумай одну про самого себя! Может, моим предкам понравится, и они решат купить тебя.

— Да, неплохо. Подумаю над этим ночью. А пока что надеюсь, что им хотя бы упаковка понравится!

— Знаешь, по-моему, вы поладите, не знаю, мои родители иногда очень странные. Ладно, я пойду. — Она чмокает его в губы: — Спокойной ночи, пусть тебе приснятся ангелы. И не выходи на террасу, запах жасмина заставляет тебя делать странные вещи, — говоря это, она берёт свою сумку, а потом убегает к дверям дома и исчезает за ними, не обернувшись.

Алессандро заводит Мерседес и возвращается домой. Боже мой, в хорошенькую же передрягу я попал. Я и семнадцатилетняя девочка. Если узнают мои родители... Если узнают обе мои сестры, замужние и с детьми... Если узнают мои друзья и их жёны... Если узнает Элена, а самое главное – если узнают родители Ники... С такими мыслями, не успев понять как, он приезжает домой. Он никогда не ездил так быстро. Наверное, это потому что ему хотелось сбежать от всего этого... Он вызывает лифт и немного спустя снова оказывается дома. Он вбегает в квартиру и закрывается на замок. Фууух... Облегчённый вздох. Диск всё ещё звучит на небольшой громкости. Это песня Ligabue, *L'amore conta*. Какую же красивую подборку сделал Энрико! А потом вспыхивает воспоминание. И ещё. Ещё одно. Вспышки. Кадры его любви. Вкусы, запахи, детали, самые красивые моменты незабываемого фильма. Ники. Как сон. Произошло ли это на самом деле? Конечно же, произошло. Ещё как произошло... Она в самом деле прекрасная девушка. И сладкая. И щедрая. И забавная. И остроумная. И возбуждающая. И нежная. И... И семнадцатилетняя.

Алессандро берёт бутылку рома и наливает в стопку. И ещё немного грушевого сока не повредит. И почему нам нужно что-то ещё к тому, что уже есть, чтобы быть до конца удовлетворёнными? Ники тоже ему говорит, что достаточно просто наслаждаться моментом, и он выпивает содержимое залпом. Только ром. Чистый ром. Семнадцать лет. Разве тебя это останавливает? Да. Ещё бы. То есть, я не знаю. Потом он, почти сам того не желая, выходит на террасу. Лёгкая музыка поддерживает атмосферу. Он

медленно подходит к месту, где они сделали это... Ему хочется назвать это местом преступления. Он предпочитает не думать об этом под таким светом. Смотрит. На пол, в каждый угол, на стакан Кока-колы с ломтиком лимона. И на шезлонг, в дальний уголок, на забытую резинку для волос. Затем он подходит к кусту жасмина, почти погружается в него и глубоко вдыхает, наполняясь этим запахом. В этот момент загорается свет на террасе напротив. Появляется синьора и кричит во весь голос:

— Альдо, Альдо!.. Где ты?

— Я здесь, Мария... Не ори!

— Ты не идёшь в постель?

Вдруг у ворот появляется мужчина, которого освещает лампа с террасы. Должно быть, это Альдо. Он смотрит в сторону Алессандро. Женщина возвращается в комнату.

— Давай, завтра нам рано вставать.

Мужчина входит в дом. Гаснет свет на улице, в гостиной, в коридоре, всё снова исчезает в темноте. Алессандро выходит из-за куста. Альдо. Его зовут Альдо. Наверное, этой ночью он был здесь и смотрел. Всё равно Алессандро не кажется, что сосед мог увидеть многое. Немного успокоившись, Алессандро тоже идёт в дом. Закрывает дверь на террасу. Одна вещь ясна: по крайней мере, этой ночью он меня не осуждал.

40

Доброе утро, мир. Твоя Ники ведёт репортаж. И надеется немного растянуть утро. Не могу поверить... Всё было восхитительно! Хватит, перестань думать об этом, Ники. Возвращайся в нормальность. Fly down... Твёрдо стой ногами на земле. А не в трёх метрах над небом... Чем выше взлетаешь... Тем больнее падать! Не хочу накликать беду, но – вау! Надо сменить статус. Так-то лучше. Что же сегодня? Сегодня у меня философские мысли. Вот дерьмо. Я ничего не хочу. Кажется, сегодня сдавать задание Попперу. Боюсь, что он окажется полным придурком. Поэтому надо одеться поярче, пусть одежда будет противоядием. Ники открывает шкаф. Окидывает взглядом вешалки. Розовые джинсы Опух и полосатая рубашка. Нет. Я похожа на конфету. Юбка стретч и блузка с V-образным вырезом. Слишком по-школьному. Синие узкие брюки в стиле ретро и жёлтая блуза без рукавов с высоким воротником. Да, отлично. Поппер, я сразу тебя цветами солнечного утра! Потом, вытягивая одежду из шкафа, она снова задумывается. Как же я счастлива! Даже слишком! Но мне страшно...

Словно весь мир бежит в школу. Одна делает по дороге упражнения, другая сонно дышит утренним воздухом, третья – с выражением на лице, не оставляющим сомнений в том, стоит входить в эту дверь или нет. Четвёртая, более абсурдная, чем трое других, накладывает румяна на лицо и смотрится в зеркало на своём скутере. Наверное, хочет сразить всех своим новым образом. Но не она. Она чувствует себя старше, чем обычно. Она шагает в эйфории, гордая, смешная, как никогда. В принципе, это правда. Так или иначе, она уже достигла зрелости.

— Волны, вы готовы? Я встретила мужчину своей жизни!

— Ни хрена себе! Что ты сделала?

— И ты вот так нам это говоришь? Идиотка, объясни нам всё сейчас же!

Кажется, будто Олли, Дилетта и Эрика сошли с ума. Одна перестаёт делать зарядку, вторая – краситься, третья бросает сигарету.

— Так поэтому ты была вне зоны доступа ночью. Давай, рассказывай! Ты сделала это? Кто он, мы его знаем? Давай же, хватит держать нас в напряжении! — Олли хватается её за руку. — Если ты нам не расскажешь, абсолютно всё и прямо сейчас... то, клянусь, я расскажу всё Фабио.

Ники не может поверить своим ушам. Она оборачивается к подруге и смотрит на неё глазами размером с блюдца.

— Что?

— Я клянусь тебе, — Олли скрещивает пальцы и целует их. Потом она кладёт правую руку на грудь и поднимает левую, но, думая, что ошиблась, всё меняет. Кладёт левую руку на грудь, а поднимает правую. Потом решает поднять только пальцы правой руки. — Даю тебе слово. Я не знаю, как это работает, но если ты нам всё не расскажешь...

— Предательница, ты грязная предательница. Окей... — На мгновение кажется, что она собирается рассказать, но потом она высвобождается из рук Олли. — По вине одной грязной шпионки, Волны растворяются! — И убегает, хохоча, как сумасшедшая. Она поднимается по лестнице ко входу, перепрыгивая через две ступеньки, а Дилетта, Эрика и сама Олли быстро бегут за ней.

— Поймаем её! Ловите же! Заставим её говорить!

Они все бегут вслед за Ники вверх по лестнице, помогая себе руками, хватаясь за перила. Они хватаются и отталкиваются, пытаясь ускориться. Потом бегут по длинному коридору между аудиториями. Дилетта, которая всегда в лучшей форме, чем остальные, которая не пьёт, не курит, которая всегда чем-то занята, всегда рано ложится спать, уже наступает на пятки Ники. Олли, бегущая позади всех, кричит подруге:

— Давай! Останови её! Быстрее... хватай её!

У Дилетты получается, она ловит её за куртку, хватает и они падают на пол. Дилетта поднимается над Ники, прибегает Эрика, замедляется и в миллиметре от них останавливается. Последней прибегает задыхающаяся Олли, но не может затормозить и врезается в Эрику. И обе они падают на Дилетту и Ники. Вчетвером на полу они смеются и дурачатся. Трое поднимают Ники и щекочут её, заставляя говорить.

— Хватит, хватит! Боже, я вся потная. Не могу больше. Хватит, успокойтесь!

— Сначала расскажи!

— Хватит, хватит, пожалуйста, я сейчас описуюсь, ай, я не могу больше, успокойтесь, а-а-а!

Олли берёт её за руку и скручивает сзади.

— Сначала расскажи, ладно?

— Окей, окей! — Ники готова сдаться. — Его зовут Алессандро, Алекс, вы его не знаете, он старше нас.

— Насколько старше?

— Довольно-таки намного...

Олли садится на её живот.

— Ай, ай, мне больно, Олли, хватит!

— Говори правду, вы трахались?

— Нет, что ты несёшь!

Олли снова скручивает её руку, пока остальные её держат. Олли пытается скрутить её, как дзюдоист.

— Ай, мне больно!

— Тогда говори! Вы трахались или нет?

— Немножко.

— Девочки.

Ники, Дилетта, Эрика и Олли видят огромные ботинки у своих лиц. Поношенные, но чистые мокасины. Осторожно, понемногу, они поднимают взгляд. Это директор. Они быстро вскакивают на ноги, стараясь немного изменить композицию. Олли, Дилетта и Эрика оказываются быстрее. Ники, немного пострадавшая, не успевает за ними.

— Извините, синьор директор, мы упали и, конечно, на нас напал смех... И, конечно же, мы просто шутили...

— На самом деле, они меня пытали...

Эрика, стоящая ближе всех, пихает Ники, заставляя её замолчать, а потом берёт ситуацию в свои руки.

— Разве не прекрасно приходить в школу радостными? Министр

образования всегда говорит это в начале учебного года: «Ребята, вы должны считать школу не наказанием, а возможностью...» Правда, Дилетта, так ведь он говорит?

— Да, да... это правда, — подтверждает Дилетта, улыбаясь.

Но директор, наоборот, становится ещё серьезнее.

— Отлично. — Он смотрит на часы. — Сейчас начнётся урок.

Дилетта вмешивается.

— Но я видела, что учитель итальянского не пришёл.

— Действительно. Я проведу у вас урок. Если вы так идёте в класс, с радостью, давайте избежим бесполезных разговоров в коридоре.

Директор проходит мимо них в класс. Все четверо медленно следуют за этой строгой фигурой. Это немного похоже на курицу с цыплятами. Олли принимает выражение, словно говорящее: «Какая скука». Но, конечно, она скрыта за Эрикой, шагающей перед ней. Затем Олли хватается Ники за куртку и притягивает к себе.

— Эй, что значит «немножко»?

Ники поднимает руку и рисует ею круг.

— Это была шутка. «Немножко» — просто слово. На самом деле, было гораздо больше, чем я могла чувствовать до этого... и больше, чем я могла представить... Мечта, вот! — Она улыбается и отстраняется от неё, входя в класс.

Олли остаётся в дверях и смотрит на неё с завистью.

— Боже, как я тебя ненавижу, когда ты так делаешь! Тебе чертовски везёт!

41

Алессандро только что вошёл в офис. Сегодня он особенно хорошо одет. Но это только чтобы произвести впечатление, ведь у него нет ни малейшей идеи, как пройдёт презентация на сегодняшнем дневном совещании у его директора Леонардо. И, прежде всего, он понятия не имеет, что будет представлять.

— Всем доброе утро, — здоровается он, улыбаясь, со всеми секретарями на входе. — Доброе утро, Марина. Доброе утро, Джованна. — Он здоровается и с Донателлой, сидящей в центре, которая отвечает ему кивком головы и продолжает играть во что-то на своём компьютере.

Он идёт медленно, уверенно. Гордый, спокойный, умиротворённый. Да. Что показывает, то и продаёт. Он не помнит, где услышал эту фразу, но сейчас она к месту. Он вспоминает ещё две. Первый закон Скотта: «Неважно, если что-то идёт неправильно, главное, чтобы это хорошо

выглядело». Именно это Алессандро и старается сделать сейчас. Но также существует закон Гамперсона: «Вероятность получения желаемого результата находится в обратной зависимости от силы желания». Нет. Первый лучше. Если ты торопишься, то все осознают, что ситуация уходит из-под твоего контроля. И это не так. Ты всё ещё первый, самый сильный, бесспорный хозяин ситуации. Алессандро решает выпить кофе. Он подходит к кофе-машине, берёт из коробки капсулу эспрессо и ставит её внутрь. Подставляет пластиковый стаканчик. Нажимает кнопку. Мотор начинает шуметь, и кофе, дымясь, наполняет стаканчик. Алессандро контролирует уровень жидкости и нажимает «стоп». Ждёт, когда упадут последние капли, и берёт стакан. Он оборачивается и чуть не врежется в него. Марчелло. Его противник. Он здесь, перед ним. И улыбается.

— Ммм, не хватало совсем немногого? Мне тоже хочется кофе! — он тоже берёт капсулу, вставляет в машину, подставляет стаканчик и приводит мотор в движение. Потом улыбается. — Как странно... Иногда людям хочется одного и того же в один и тот же момент.

— Да, но секрет в том, чтобы это не было случайностью. Мы должны делать так, чтобы все хотели одного и того же, только когда мы так решим. Ради этого мы и работаем...

Марчелло улыбается и останавливает машину. Он берёт два пакетика тростникового сахара и высыпает один за другим в кофе. Размешивает прозрачной пластиковой палочкой.

— Знаешь, вчера я презентовал свою первую идею.

— Да?

Марчелло смотрит на него, пытаясь выяснить, правда ли он не в курсе.

— Да. Ты не знал?

— Ты мне об этом говоришь только сейчас.

— Я думал, Леонардо тебе рассказал.

— Нет, ничего он мне не говорил.

Марчелло делает глоток кофе. Снова размешивает его.

— По правде говоря, я удовлетворён результатом. Думаю, это что-то новое. Не революционное, но новое. Да, новое и простое.

Алессандро улыбается. Да, думает он, но Леонардо хочет чего-то «нового и удивительного».

— Почему ты улыбаешься?

— Я?

— Да, ты улыбаешься.

— Не знаю. Подумал, что ты высыпал два пакетика сахара, а я, наоборот, пью горький.

Марчелло снова рассматривает его. Прищуривается, пытаясь отгадать, что же он скрывает.

— Да, но результат не меняется. Это просто кофе.

Алессандро всё ещё улыбается.

— Да, но разница может быть большой, а может – незначительной.

— Конечно, разница в том, что он может быть горьким, а может и не быть.

— Нет, всё проще. Это может быть хорошим кофе, а может быть слишком сладким хорошим кофе.

Алессандро выпивает свой и выбрасывает стаканчик в мусорку. Марчелло тоже делает последний глоток. Затем берёт зубочистку и начинает грызть её. Алессандро немного бесят эти звуки. Марчелло смотрит на него. Потом подходит к нему с любопытством.

— Алекс, сколько тебе лет?

— Через пару месяцев исполнится тридцать семь.

Марчелло выбрасывает стаканчик.

— Мне недавно исполнилось двадцать четыре. В любом случае, я убеждён, что у нас двоих больше общего, чем ты думаешь.

Мгновение они стоят так, в тишине. Потом Марчелло улыбается и протягивает руку.

— Ладно, удачи, пойдём работать, и пусть победит сильнейший.

Алессандро пожимает ему руку. Ему хотелось бы сказать: «Пусть ты молод и у тебя сладкая жизнь, но вчера я провёл фантастическую ночь с семнадцатилетней девушкой». Но он не уверен, что это в самом деле делает ему честь. Потом он улыбается, разворачивается и идёт в свой кабинет. Но несколько шагов спустя он засовывает правую руку в карман брюк. Он ищет не ключи. Он ищет удачу. Именно она ему нужна. В жизни не так просто найти пакетики с сахаром, чтобы сделать её не такой горькой. Как раз в этот момент появляется директор.

— Эй, привет, Алекс, доброе утро. Всё хорошо?

Алессандро улыбается, быстро достаёт руку из кармана и делает жест, соединяя большой и указательный пальцы.

— Да, всё окей!

— Отлично, вижу, ты в форме. Мне это нравится. Тогда в четыре в моём кабинете.

— До скорого! В четыре.

Как только директор уходит, Алессандро смотрит на настенные часы. Десять утра. У меня около шести часов, чтобы придумать что-то. Что-то великое. И, прежде всего, новое и удивительное. И, самое главное, то, что

позволит мне остаться в Риме. Алессандро входит в кабинет. Андреа Сольдини и остальные собрались вокруг его стола.

— Всем доброе утро, как у нас дела?

— Идут, шеф.

Андреа подходит к нему с бумагами. Показывает ему некоторые. Старые публикации с самыми забавными ситуациями и персонажами. Индейцы и ковбои, цветные дети, спортсмены, даже космос.

— Кхм, шеф. Это самые показательные примеры рекламы конфет за всю историю. Посмотри, вот это неплохо. Отлично сработало на корейском рынке.

— На корейском?

— Да. Они хорошо продавались.

Алессандро берёт листок и смотрит.

— А что это были за конфеты?

— Фруктовая карамель.

— Ага, вы что, слепые? Вы не знаете, что у ЛаЛуна не только фруктовый, но и множество разных других вкусов? Мята, корица, солодка, кофе, шоколад, лайм...

Дарио смотрит на Андреа и поднимает брови. Он словно говорит: «Я же сказал, что это фигня». Андреа осознаёт это, но пытается исправить это как-нибудь.

— Ну, мы могли бы повесить облака.

— Да, луна, скрытая за облаками.

Джорджия улыбается.

— Да ладно, это не так плохо. Вроде: «Наслаждайся...», а затем название вкуса. Несколько лун, скрытых облаками.

— Был бы у них какой-нибудь инновационный вкус, например, баклажан, грибы, капуста...

Алессандро садится на стол.

— Да, и все вкусы на облаках. Будем надеяться, дождь не пойдёт. Так, покажите мне дизайн логотипа.

Микела протягивает ему большой лист картона, на котором написано «ЛаЛуна» самыми разными шрифтами. Андреа подходит к нему с жёлтой папкой, на которой написано «Top-Secret», а в скобках – «подстава». Алессандро смотрит на него. Андреа пожимает плечами.

— Ты же меня просил, так?

— Да, но осторожно. Не хватает только встроенной лампочки, иначе как это прочитают в Японии?

— Луна осветит! — Андреа понимает, что шутка не удалась, и

пытается исправиться. — Шеф, Майкл Коннелли сказал, что лучший способ остаться незамеченным – привлекать внимание.

Алессандро хочет сказать ему: «Может, поэтому тебя всегда игнорируют». Но он предпочитает позволить ему всё показать.

— Посмотрим, что же они сделали...

Андреа медленно наклоняется к нему и, прикрыв рот рукой, шепчет:

— Директор не очень доволен. Ему это кажется слишком классическим. Или что нет здесь ничего такого, что бы могло...

Алессандро поднимает картонную обложку. В центре появляется пейзаж с реками, озёрами и горами. Всё в форме луны, отлично нарисовано. Ниже, красным, шрифтом, похожим на Jurassic Park, написано название: «ЛаЛуна: земля открытий». Андреа убирает листок. Под ним другой. То же самое, но другое название: «ЛаЛуна. Без границ».

— М-да, для двадцати четырёх лет ничего особенного он не изобрёл. Этот шрифт уже устарел, а «без границ» напоминает ту программу... Как же её? Да неважно! Земля открытий? Что это, конфеты Колумба? Это скорее реклама яиц, а не конфет! Так что мы их победим, им крышка, правда, Алекс?

Алессандро смотрит на него. Затем закрывает папку.

— Они хотя бы представили свою работу.

— Да, но с запахом нафталина! — Андреа глядит на него. — А ты, шеф? Пришла тебе какая-нибудь хорошая идея?

Любопытные, Микела и Джорджия подходят к ним. Дарио берёт стул и садится, готовясь к открытию. Алессандро стучит пальцами по жёлтой папке. Они все смотрят друг на друга. Время. Время. Мне нужно время. И прежде всего тишина и спокойствие. Первый закон Скотта. Только так ты сохранишь контроль над ситуацией.

— Да. Есть... кое-какая мысль, хорошая и любопытная... Но я всё ещё над этим работаю...

Дарио смотрит на часы.

— Но сейчас половина одиннадцатого, а совещание в четыре.

— Именно, — Алессандро улыбается, изображая уверенность. — И когда придёт время, я уверен, что мы выдадим что-то гениальное. Итак, нам нужен мозговой штурм. — Он берёт жёлтую папку и показывает всем. — Мы легко превзойдём это, не так ли? — он пытается вернуть доверие команды. — Правда же? — или попытаемся хотя бы...

Одно слабое «Да, генерал!» заставляет энтузиазм Алессандро угаснуть. Джорджия, Микела и Дарио расходятся по своим компьютерам. Андреа остаётся на своём месте.

— Алекс?
— Да?
— Тебе совсем не понравилась идея с облаками?
— Нет. Это ни ново, ни удивительно.
— Да, но лучше, чем их работа.
— Да. Но этого недостаточно, Андреа. Чтобы остаться в Риме, этого недостаточно.

Алессандро снова берёт листы со старыми публикациями. Листает их один за другим, в нетерпении ища проблеск вдохновения, хоть что-то, хоть искру, что-то, что могло бы разжечь его творческую страсть. Ничего. Абсолютная темнота. Вдруг в его сознании появляется далёкое пламя, лучик, слабая надежда. А вдруг у неё есть нормальная идея? Девушка-сёрфер, девушка с ногами на приборной панели, жасминовая девушка... Ники. Именно в этот самый момент Алессандро понимает. Да, всё так. Его единственная надежда сосредоточена в руках семнадцатилетней девушки. И вдруг ему начинает казаться, что Лугано прямо за углом.

42

Третий час. Математика. Для Ники это просто прогулка. Чувствуя, что ничего не понимает, она просто погружается в свои мысли. Незачем забивать этим мозг. Домашнюю работу всегда делает только Дилетта, и учитель никогда не вызывает к доске никого, кроме неё. Так зачем что-то менять, если до сих пор всё шло так хорошо? Ники что-то пишет. Она берёт лист в клеточку, чтобы не отклоняться от темы, и аккуратно загибает его. Один, два, три раза, нос, затем разворачивает два крыла, капает на каждый клеем. Это как рули, лучше полетит. Одно крыло поднимает вверх, второе опускает и начинает изображать трюки. Потом рассматривает самолёт. Неплохо. Получается всё лучше. Этот будет гораздо быстрее. Потом она смотрит на профессора, стоящего у доски.

— Итак, вы поняли? В этом случае вы должны рассматривать только последние цифры.

Как только учитель снова начинает писать, Ники перестаёт притворяться, вылезает из своего маленького укрытия за ботаном Леонори, садится ближе и запускает самолёт в Олли.

— Ай!

Точное попадание в Гуиди, соседку Олли по парте. Самолёт приземляется на стол, и Олли, быстрая, как змея, поднимает его после катастрофического падения на землю и прячет в надежное место, в свой ангар под тетрадь. Профессор поворачивается к классу.

— Что такое? Что случилось? Вам непонятно?

Ники поднимает руку и оправдывается.

— Извините, это была я. Я сказала: «Ах, точно». Просто сначала я не совсем поняла.

— А сейчас? Если что, я могу объяснить снова.

— Нет, нет, всё отлично понятно!

Дилетта начинает смеяться, но быстро прикрывает рот ладонью. Она знает, что означает это «понятно» от Ники. Она абсолютно ничего не понимает лет так с пяти, когда они оказались в одном классе, а уж тем более, когда начали задавать работу на дом.

— Тогда продолжаем. В этой точке вы должны взять полученную ранее сумму и начать снова в других скобках.

Профессор снова пишет на доске и объясняет. В это время Олли достаёт самолёт из-под тетради, разворачивает его и выпрямляет обеими руками, мечтая прочитать его содержимое, пережившее такой опасный рейс.

«Олли, ты самая добрая и у тебя восьмёрка по искусству, не могла бы ты нарисовать мне эти две идеи? Я объясню тебе. В первом случае нужно...» Далее она рассказывает, что нужно делать. Олли не видит в этом никакого смысла, но идеи кажутся ей довольно оригинальными. В обеих главная героиня – девушка, и обе истории рассмешили её. Сообщение оканчивается обещанием. «Так вот, ты сделаешь это... прямо сейчас? Ты помнишь? Мы, Волны, обещаем помогать друг другу всегда, несмотря ни на что, в любой беде. И если этого недостаточно тебе, меркантильной и лживой, я готова вознаградить твои жалкие усилия: А) ужин в ресторане на корсо Франча. Дорогой, но хороший, как тебе прекрасно известно; Б) неделя бесплатного мороженого в Аляске, даже вазочки и рожки, в любом случае, мороженое стоимостью как минимум 2,50 евро; В) всё, что захочешь, при условии, что это не будет невозможным для меня. Например, организовать свидание с моим отцом, я знаю, что он тебе очень нравится... То есть, об этом даже не смей просить».

Олли вырывает листок из тетради и начинает очень быстро писать. Затем делает из него шарик, смотрит на препода, который стоит лицом к доске, и кидает шарик как лучший регбист. Он без проблем оказывается в центре стола Ники, которая без промедления разворачивает его.

«Что? Я должна есть кокосовое мороженое после того, как ты даже ни слова не рассказала о своих грязных и непристойных ночных похождениях?.. Ни за что... Рассказывай, шлюшка!»

Ники дочитывает записку и опирается на спинку стула, с грустью

глядя на подругу.

— Нет, — говорит она шёпотом издалека, практически одними губами. Потом складывает руки у губ, чтобы было лучше слышно. — Please...

Олли мотает головой.

— Ещё чего... Я хочу знать всё... Или ты рассказываешь, или я ничего не делаю.

Ники вырывает ещё листок, быстро что-то пишет, видя, что профессор всё ещё пишет, тоже делает комок и кидает его. Бомба летит туда же, куда и самолёт. На этот раз Гуиди видит угрозу и отклоняется, чтобы избежать её. Олли ловит её в полёте правой рукой. Как раз вовремя. Профессор поворачивается и смотрит на Ники.

— Кавалли, здесь тебе всё ясно?

Ники улыбается.

— Это – да! Даже очень.

— А вам, девочки?

Некоторые девушки соглашаются, более или менее уверенно. Учитель успокаивается. Он объясняет понятнее.

— Ладно, я продолжу, — он продолжает писать, не зная наверняка, понятны ли его расчёты большинству учеников, да хотя бы двоим из них. Всё равно все знают, что математику не будут учитывать при поступлении.

Довольная, Олли открывает пойманную записку.

«Меньше половины того, что делала ты... Я расскажу всё в подробностях позже. Scripta manent! Disegnam pure! Ну что, теперь ты нарисуешь, что я просила? Пожалуйста!»

Олли серьёзно смотрит на неё. Затем шепотом издалека говорит ей то, что легко можно прочесть по губам:

— Если ты мне не расскажешь, я заберу то, что нарисую, — она поднимает смятый листок и трясёт им, — и разорву. Тебе ясно?!

Со своего места Ники поднимает левую руку, потом правую, затем скрещивает пальцы и целует их в клятве, как до этого Олли. Потом говорит ей:

— Обещаю!

Олли смотрит на неё в последний раз. Ники улыбается ей. И она, завоёванная своей довольной подругой, достаёт пенал с цветными карандашами, потом вырывает лист из альбома для рисования. Как самый великий художник, она снимает колпачок с чёрного карандаша и смотрит на листок с идеями Ники. Она останавливается и ищет вдохновения в пустоте. И находит. Она сосредотачивается на листе и ровными точными линиями начинает придавать очертания комичным, странным, смешным и –

почему бы и нет? – любопытным фантазиям своей подруги Ники. А в это время профессор продолжает свои объяснения, которые, без сомнения, никогда не станут ясными для его учениц.

43

Алессандро смотрит на настольные часы. Без двадцати три. Чуть больше часа до совещания. И они всё ещё не готовы.

— Так, ребята, как вам?

Микела подбегает к столу и показывает новый эскиз. Алессандро рассматривает его. Девочка играет луной, как с мячом. Это абсолютно не сработает. Это может быть каким угодно, но не новым. И ничего удивительного. Алессандро разрывается на части. Он подавлен. Но не должен этого показывать. Он выглядит уверенным и спокойным, чтобы не выпустить ситуацию из своих рук. Он улыбается Микеле.

— Это хорошо. — Микела тоже улыбается. — Но это нельзя представлять начальству.

Микела опускает руки. Улыбка вдруг исчезает с её лица. Быстро. Слишком быстро. Возможно, что она тоже, глубоко в своём сердце, знает, что это далеко не готовая работа.

— Необходимо что-то большее, что-то большее... что-то большее... — он даже не может подобрать правильные слова, чтобы выразить, чего он хочет.

Но Микела, кажется, отлично знает его.

— Да, я поняла... Буду стараться больше.

Алессандро едва не тонет в своём кожаном кресле. Приходит Джорджия.

— Я сделала новый логотип.

Алессандро отвлечённо открывает папку и листает материал. Да, неплохо. Разные цвета, живые, кислотные, радостные. Но если концепции ещё нет, зачем нам логотип?

— Неплохо. Отлично.

Джорджия смотрит на него озадаченно.

— То есть, так и продолжать?

— Да, надо передать буквами вкус шоколада, корицы, лайма...

— Это непросто без общей идеи, но я попробую.

— Да, давай.

Конечно. Он и сам это знает. Без конкретной идеи не получаются отдельные части. В этот самый момент раздаётся звонок по внутреннему телефону. Это Донателла, центральная секретарша.

— Да?

— Извините, синьор Белли, но здесь...

— Меня нет, я вышел, ушёл домой. Даже не знаю, вернусь ли. Я улетел. Да, я улетел на Луну, — он бросает трубку, обрывая любую возможность продолжения разговора.

Вот чёрт! И это не слоган. Бывают священные моменты, когда ты должен побыть наедине с собой. Но если ты находишь эти моменты драматичными, тебе же хуже. Это плохо для всех вокруг.

Вот чёрт! Он смотрит на часы.

Три с четвертью. У нас ничего не выйдет. Я и вчера был в этом уверен. Проклятье, я не должен был никуда уезжать. Море, сёрфинг, обед у Мастина, подарить самому себе время... Ага, а кто теперь подарит мне работу, которую я должен был сделать? Будь всё проклято, и будь проклят момент, когда я решил довериться семнадцатилетней девчонке. Алессандро машинально смотрит на телефон. Никаких сообщений. Не могу поверить. Даже не позвонила. Ничего. Она должна была спасти, предоставить мне идею. «Успокойся, я всё сделаю». Она делала заметки, спрашивала, думала. И ничего. Она даже не подаёт признаков жизни. А потом он вдруг вспоминает жасмины и всё остальное. И ему почти стыдно. Ну чего ты ждал от семнадцатилетней девицы, Алекс? Она свободна. У неё нет обязательств. Вся жизнь впереди. Наверняка она уже забыла о тебе и о жасминах... да и об аварии. Конечно же, так и есть. Конечно... Но я ничего не потеряю, если попробую снова. Он берёт телефон и начинает писать.

«Привет, Ники. Всё хорошо? Ты снова попала в аварию? Я должен приехать и спасти тебя?». Потом он обдумывает всё. Но она сама это сказала. «Поделишься со мной своими гениальными идеями?..» Он улыбается – лучше быть милым. «Я скучаю. И все идеи пахнут жасмином». В конце он ставит красивый смайлик. Потом ищет номер в контактах телефона, находит. «Ники». Выбирает его, появляется номер, и он жмёт «Отправить». Ждёт пару секунд. «Сообщение отправлено». Алессандро кладёт телефон на стол. Теперь он смотрит только на него. Секунда, две, три. Вдруг дисплей загорается. Входящее сообщение. Алессандро жмёт «Читать».

Это она! Ответила. «У меня есть даже две идеи. И неплохие... Конечно, на мой взгляд. Шлю тебе жасминовый поцелуй!»

Алессандро улыбается. Быстро начинает писать.

«Хорошо! Уверен, они прекрасны, как и ты... берут все волны!» Он останавливается в нерешительности. Не знает, как сказать это. «Почему бы тебе не рассказать мне что-нибудь в смс?» Он отправляет сообщение. Он

нетерпеливо ждёт с телефоном в руке. Секундой позже приходит новое сообщение. Он незамедлительно открывает его.

«На самом деле, я бы хотела отдать тебе всё лично...»

Алессандро очень быстро пишет ответ.

«У нас нет времени! Совещание в четыре. — Он смотрит на часы. — Осталось полчаса. Ты ведь уже не успеешь приехать?» Отправлено.

Ответ приходит через секунду.

«Вообще-то, я здесь. Но секретарша говорит, что я не могу тебя отвлекать».

Алессандро не верит. Он бежит к двери и со стуком открывает её, выходит в коридор и вдруг видит её. Ники сидит на диване в зале ожидания. На ней тёмно-синий жакет, юбка в разноцветную полоску, тонкие чулки лазурного цвета, тёмно-синие спортивные туфли от Адидаас. Волосы убраны в косички. Она улыбается ему, а подмышкой у неё красная папка. Ники машет ему ею и подмигивает. На папке написано «Идеи Алекса».

Алессандро бежит ей навстречу. Но потом он опомнился и замедлился, спокойный и уверенный. Всегда хозяин ситуации.

— Привет, Ники, какой сюрприз! Как ты меня нашла, как приехала сюда?

Ники поднимается с дивана, кладёт руку в карман и вытаскивает его визитку.

— Благодаря этому. Ты дал мне её, когда мы столкнулись. Здесь есть адрес твоего офиса... Не нужно быть гением.

Алессандро берёт её под руку.

— Ты права. Извини. Пойдём, представлю тебя своей команде.

— Ух ты, круто...

Они идут по коридору, а некоторые его коллеги смотрят на неё с любопытством, хотя, возможно, это только из-за её одежды. И, конечно, потому что она так красива.

— Эй!

— Что такое?

— Ты меня не поцелуешь?

Алессандро чмокает её в щёчку.

— Я просила не об этом.

Алессандро улыбается и говорит ей шёпотом:

— Я работаю здесь. И не могу позволить себе такого.

Ники улыбается ему.

— Окей, я буду серьёзной. Мы с тобой маленькая команда, так ведь?

Алессандро смотрит на неё. Он рад, что она приехала. Она не забыла. Эта девушка – чудо.

— Да, команда, — он отстраняется, позволяя ей войти в кабинет. — Давай я представлю тебя. — Он закрывает двери за собой: — Ребята, это Ники. Ники – Джорджия, Микела, Дарио и Андреа.

Все ей улыбаются, всем так или иначе интересна эта юная девушка, красивая, причудливо одетая, но самое главное – с папкой подмышкой.

— Это моя команда, — он говорит это гордо, он снова хозяин ситуации, хотя осталось всего пятнадцать минут до совещания с директором, а у них нет ни единой отдалённой идеи, которую можно представить. По крайней мере, до этого момента. До того, как приехала Ники. Дарио, скептически настроенный и в то же время любопытный, подходит к ней.

— А она кто такая? Очередной наш сотрудник?

Вдруг Алессандро теряет всю уверенность. И спокойствие. В итоге, он теряет контроль над ситуацией.

— Нет... Она... Ну... Она – это... — он неподвижно смотрит на неё, оглядывает ребят в поисках предложений, помощи, любого комментария. — Итак, она, ну, вы видите...

— Я – Ники. Просто девушка. Девушка, которая обратила внимание на идеи Алекса, и так как ей нужно было выплатить ему долги, — она с улыбкой смотрит на Алессандро, — она решила помочь ему реализовать всё на бумаге, как он просил. — Ники оставляет папку на столе. — Алекс, я попыталась сделать это так хорошо, как могла, я представила цвета, почувствовала страсть, когда ты мне объяснял, какими должны быть конфеты ЛаЛуна. Я просто надеюсь, что не разочарую.

Она кажется невинной, мечтательной и наивной, говоря это. И юной. Очень. Алессандро на мгновение вспоминает о жасминах. У него появляется румянец на щеках от стыда. Воспоминание отступает.

— Ладно! Посмотрим, что вышло из всех этих неожиданных идей одним солнечным вечером, — она вытягивает руки, не зная, чего ожидать. Открывает папку.

Джорджия, Микела и Дарио наклоняются, любопытные, возбуждённые, взволнованные. Алессандро испытывает те же самые чувства. Только более смущающие его, более сильные, он почти не может дышать. Не могу поверить. На бумаге нарисована идеальная девушка: яркая, живая, выразительная, новая... Она сидит на луне в центре листа. Полумесяц перевернут так, что его рожки подняты вверх. Она сидит между ними. Из рогов выходят две верёвки, которые теряются в вышине, в

облаках. Это качели. Луна – это качели посреди облаков звёздной ночи. Вокруг всего этого глубокое синее небо, а луна, цветная и в блёстках, гордо сияет в этом небе. Волосы девушки заплетены в косички, и одета она немного похоже на Ники. Все раскрывают рты. Первым расплывается в улыбке Андреа, его примеру следуют Дарио, Джорджия и последняя – Микела, каждый в душе жалеет, что не он сам придумал и нарисовал это. Единственный, кто не улыбается, – это Алессандро. Он чуть ли не падает в обморок от счастья, что она здесь, и ещё больше – оттого, как ему нравится её концепция. Он глубоко и ровно дышит, успокаивая себя. Чтобы не потерять контроль над ситуацией. Но на этот раз у него это не получается.

— Ни хрена себе, это восхитительно! — все согласно качают головами. — Да, серьёзно, это очень сильно.

Микела легко касается листка. Джорджия представляет, какой логотип подойдёт этому рисунку. Дарио и Андреа Сольдини переглядываются, улыбаясь, впервые за всё время знакомства согласные в чём-то. Идея и в самом деле сильная. Новая. И удивительная, думает Алессандро. По крайней мере, для меня. Я на такое не мог и надеяться. И вдруг весь предыдущий день приобретает новое значение. Он потратил столько сил, почти выдохся, и только что всё это окупилось. И более чем.

— Ники, это лучший подарок, который ты могла мне сделать, — счастливый, он обнимает её за плечи. — Отлично. Честно, ты проделала чудесную работу.

— Но, Алекс, — Ники смотрит на него с улыбкой и смущением, — я ничего не сделала. Это всё сделал ты! Я только перенесла это на бумагу, и ты это только что увидел, слово, что ты мне говорил... Как же это называется? набросок, нет?

Алессандро опускает руки. Чёрт. Она ещё и использует соответствующие термины, набросок... Откуда же взялась эта жасминовая девчонка? С Луны?

— Окей, ребята, — Алессандро, наконец расслабленный, свободный от напряжения, садится в своё кожаное кресло. — Мне кажется, мы движемся в правильном направлении.

Андреа Сольдини смотрит на него в недоумении.

— Движемся в правильном направлении? Мы несёмся галопом к победе!

— Ну да. — Алессандро смотрит на Ники: — В нашем случае, это подходящее слово. Её фамилия Кавалли[11].

Микела протягивает ей руку.

— Отлично, поздравляю, серьёзно. Это не рисунок, это – настоящая

картина...

— Спасибо, — Ники смотрит на всех и улыбается, довольная результатом, довольная тем, что ей даже пожимают руку. Затем она убирает рисунок с девушкой на лунных качелях. Внизу лежит ещё лист, абсолютно белый, но гладкий, как папиросная бумага. — Я нарисовала ещё одну из твоих идей, — она смотрит на Алессандро и поднимает брови. — Ты ведь помнишь, правда?

Алессандро смотрит на неё, но не знает, о чём она говорит. Все остальные поворачиваются к нему в ожидании ответа. Алессандро делает вид, что думает.

— Ах, конечно, да... Но на самом деле я сказал это просто так. Ну, просто эта идея мне показалась комичной, странной... смешной, — он пытается преуменьшить важность того, что будет дальше, хотя, возможно, просто потому, что абсолютно не представляет, о чём идёт речь.

Вдруг он становится серьёзным. Даже жёстким. Что же будет под этим белым листом? У него выжидающий взгляд, словно у ребёнка, который забыл предыдущую игрушку и в нетерпении открывает следующий подарок. Ники улыбается. Нет проблем. Она даст этому ребёнку то, чего он хочет. И вот она, как юный и элегантный тореадор, переворачивает белый лист.

— Та-дам!

Все вновь набрасываются на папку, любопытные к этой новой идее Алессандро. И прежде всего он сам. На новом листе лёгкие облака, словно из сладкой ваты, растворяют ночь в синем небе, соединяются друг с другом, образуя огромную звёздную волну. На этой волне девушка в гидрокостюме с разведёнными руками и ногами стоит на новой и удивительной сёрферской доске в форме полумесяца. Все открывают рты.

— Эта даже лучше! — Андреа Сольдини, абсолютно очарованный, вертит головой. — Алекс, ты просто гений!

Дарио поднимает руку над Андреа.

— А ты понял это только сейчас!

Джорджия и Микела тоже в восторге.

— Алекс, это правда восхитительно!

Они даже не могут найти слов, чтобы выразить, чем конкретно им так нравится этот новый рисунок. Алессандро просто ошеломлён, он смотрит на это с открытым ртом. Он ещё не отошёл после первого. А теперь это. Наконец, он закрывает рот.

— Отлично! Ники, ты сделала выдающуюся работу!

— Я рада, что смогла воплотить твои идеи.

Алессандро подпрыгивает. Он собирает все листы и бережно складывает их в красную папку с надписью «Идеи Алекса». Закрывает её и берёт в руки. Потом берёт за руку Ники.

— Пойдём, — он выбегает из кабинета, таща её за собой.

Ники тоже бежит, смеющаяся, полная энтузиазма.

— Пока, ребята! Надеюсь, что до встречи! — она прощается с командой.

Алессандро быстро пробегает весь коридор. Он останавливается перед дверью офиса Леонардо.

— Он здесь? — спрашивает он секретаршу, которая прерывает свой телефонный разговор.

Она прикрывает микрофон рукой:

— Да, и он один, но... — она смотрит на часы, — разве ваша встреча не через десять минут?

— Я закончил раньше, — Алессандро стучит в дверь.

— Войдите.

Он открывает дверь и входит, оставляя Ники на пороге.

— Привет, Леонардо. Вот наши работы!

— Отлично, а я начинал волноваться, собирался тебе звонить!

— Я пришёл пораньше, потому что мне нужно уйти.

— Как это? А наше совещание?

— Просто посмотри и скажи, нравится ли тебе. Я тебе позвоню позже, и мы договоримся о совещании завтра утром или когда захочешь.

Леонардо берёт красную папку с надписью «Идеи Алекса».

— Папка мне нравится. Куда тебе нужно идти?

— Подышать немного людьми, которые вдохновили меня на работы, которые ты увидишь... и подарить немного времени самому себе! — Он бежит к выходу. И останавливается у двери. — Ах да, это Ники, Ники Кавалли. Моя новая сотрудница.

Леонардо едва успевает воскликнуть «Прекрасно!», но эти двое уже исчезли. Алессандро и Ники быстро пробегают по коридору к лифту. Ники останавливает его.

— Подожди, — она отпускает его руку, подбегает к дивану, на котором сидела, берёт свою сумку. Алессандро ждёт её. Она с улыбкой возвращается к нему.

— Моя школьная одежда и сумка на сегодняшний вечер.

Алессандро улыбается.

— Ты сумасшедшая!

Затем он подходит к лифту и нажимает кнопку, ожидая, чтобы он

приехал как можно быстрее. Два, три, четыре, пять, шесть. Наконец-то. Именно в тот момент, когда Алессандро и Ники собираются войти внутрь, в глубине коридора появляется Леонардо.

— Эй, Алекс!

Алессандро оборачивает. Директор держит в руках два листка и смотрит на него с разведёнными руками. Он поднимает их вверх и трясёт, словно флагом.

— Алекс, это сказочно, серьёзно!

Алессандро уже в лифте нажимает кнопку первого этажа и улыбается, пока закрываются двери.

— Я знаю... Новое и удивительное!

Лифт закрывается. Леонардо опускает руки и смотрит на эти два варианта публикации. Яркие, живые, забавные. Он улыбается и возвращается в свой кабинет, стараясь ничего не помнить.

В лифте Алессандро смотрит на Ники. Он не знает, что ей сказать. Двое, замершие в тишине. Ники опирается на стену. Наклоняет голову. Алессандро подходит к ней. Чмокает в губы. Отстраняется.

— Спасибо, Ники.

— Тсс... — Ники кладёт палец на его губы, проводит по ним, затем снова привлекает его к себе и медленно целует. Снова. Мягко. Горячо. Нежно. Страстно. Потом она улыбается ему.

— Вот так мне нравится. Предпочитаю такую благодарность.

Алессандро снова целует её. Долго. Сладко. Вдруг он слышит покашливание.

— Кхм...

Они поворачиваются. Двери лифта открыты. Они уже приехали вниз. Взрослая пара с сумками из супермаркета смотрит на них. Слава богу, это не мои коллеги, думает Алессандро. С вежливым «извините» Алессандро и Ники освобождают лифт. Они выбегают из здания и садятся в машину. На этот раз Ники не хочет вести.

— Ладно, поведу я. Но помни, что как только пожелаешь, то получишь все уроки вождения.

Ники улыбается.

— Слушай, я и не знал, что ты так хорошо рисуешь.

— Конечно, нет! Это сделала моя подруга Олли. Она классная, сказала, что это очень просто нарисовать...

— Серьёзно. Это действительно сильные идеи. Это ты вчера писала в своём блокноте?

— Да, пока ты издевался надо мной.

— Я не издевался. Я изводил тебя, чтобы ты была креативней. Один из методов нашей работы. Задевать гордость и амбиции для большей продуктивности.

— Значит, ты ошибся. Когда ты делал это, то у меня не было никаких мыслей. Идея луны, как доски для сёрфинга, пришла мне в море...

— А качели в ночном небе?

— После жасминов...

Алессандро смотрит на ней.

— У тебя рождаются прекрасные идеи, жасминовая девушка...

— У нас рождаются прекрасные идеи. Мы же команда, так? И должны научиться дарить время друг другу.

— Это правда.

— И не отвлекаться.

— Разумеется.

— Мне бы хотелось, чтоб так и было, — Ники наклоняется к нему и вдруг закрывает ему глаза ладонями.

Алессандро едва не выпускает руль.

— Эй, что ты творишь? — он снижает скорость и пытается отстраниться, ничего не видя. — Мы чуть не врезались!

— Тоже мне проблема. Ударом больше, ударом меньше...

— Мы ведь уже говорили об этом.

— И что?

— И что — что?

— Ладно, проверим, в самом ли деле ты не отвлекался от меня. Как я одета?

Алессандро тяжело вздыхает.

— Так, на тебе синий жакет, юбка в полоску. Смешные колготки.

— Какого цвета?

— Голубые.

— Что ещё?

— Тёмно-синие пробковые туфли Адидас.

— И всё?

— Всё.

Ники убирает руки, и Алессандро моргает несколько раз, чтобы восстановить зрение.

— Ну, и как я справился?

— Достаточно неплохо.

— Что я пропустил?

— Что я без лифчика.

Алессандро вглядывается в неё с огромным вниманием. Он сужает глаза, заглядывая вглубь её жакета.

— Без лифчика? Ты невозможна! Тогда идея с сёрфингом и правда чудесная!

Ники бьёт его и смеётся.

— Идиот!

Они уезжают, чтобы уделить немного времени друг другу. Съесть что-нибудь в «Инсалата Рикка». Потом – прогулка по центру. Кофе в «Сант-Эустакио», и – почему бы и нет – выставка фотографий в небольшом музее в Киринале. Сальгадо. Прекрасная выставка. Чёрно-белые фото. Африка. Дети. Животные. Бедность и богатство природы без границ. Алессандро и Ники теряются и вновь находят, переходят от фотографии к фотографии, читают комментарии к застывшим навсегда моментам. Время. Вдруг Ники смотрит на свои часы.

— Вот чёрт, у меня же игра! — она убегает к выходу, торопясь кто знает на какое новое свидание.

44

Дилетта делает три шага, подпрыгивает в точный момент и бьёт по мячу с жестокостью и силой. С решимостью. Затем немного меняет позицию, возвращается назад, в последний ряд. Тренер подаёт новый мяч.

— Давайте, девочки, давайте! Ещё раз, вот так, ещё... Давайте, быстрее!

Другая девушка разбегается и прыгает, ударяя по мячу, но с меньшей уверенностью.

— Смелее! Давайте, на следующей неделе финал.

Тренер берёт ещё мяч и подбрасывает вверх. Ещё одна девушка подпрыгивает и бьёт его. С шумом. Куча мячей отскакивает от пола огромного спортзала. Крики девчонок, их приглушённое эхо, большие и маленькие мячи, различные вкусы пота, усталости, спортивного здоровья.

Дилетта подходит к Эрике и Олли, сидящим на трибуне.

— Ники так и не появилась? Что она делает? Она вообще собирается на соревнования? Мы без неё проиграем. — Потом она поворачивается и смотрит на тренера: — Пьеранджело уже психует.

Олли кладёт в рот жвачку и начинает жевать.

— Да... У Ники такая задница, он уже по ней соскучился.

— Что ты несёшь! Ты просто одержима, везде видишь только секс.

Олли жуёт с открытым ртом.

— Нет, это ты ничего не знаешь... Где Ники! С тем, с кем ей и правда

классно! Там-то она и тренируется!

Дилетта легонько бросает мячом в Олли, и та заваливается назад, опираясь руками на пол.

— Ай!

— Скажи спасибо, что я бросила не так, как должна была, иначе стёрла бы тебя с лица земли.

В этот момент тренер бросает мяч ещё одной девочке. И тут появляется она. Тренер упирается руками в бока.

— Слава богу, Ники! Тебе кажется, что ты вовремя?

Ники прибегает, запыхавшись, за спиной у неё сумка и Алессандро.

— Вы правы, профессор! Я быстро переоденусь и вернусь! — она отдаёт сумку с учебниками и всё остальное Алессандро. — Хм... Подержишь?

— Конечно, — он достаёт из жакета телефон и кошелёк, кладёт в сумку и их.

Ники видит Олли и Эрику на трибунах. Машет им рукой издалека. Подруги отвечают ей тем же и, естественно, не сводят любопытного взгляда с Ники и Алессандро. Олли поворачивается к Эрике.

— Это он! Поверить не могу. Значит, всё, что она рассказывала, — правда!

Эрика мотает головой.

— У меня слов нет... Он же намного старше!

Олли улыбается.

— Если все её сказки — правда... то он и правда взрослый, во всех отношениях.

— Олли!

— Я имела в виду, что он взрослый в том смысле, что он знает, как заставить тебя почувствовать себя так хорошо, как она рассказывала... Ладно, всё равно, он старше.

— Ну, а тебе какая разница? Ты только посмотри на него. По-моему, судя по поведению, Джорджио гораздо старше него.

Алессандро впадает в ступор от взглядов подружек Ники.

— Слушай, как давно вы с ними не виделись? Они так и едят тебя взглядами...

— Виделись утром в институте. Смотри, та, что в красной рубашке, — она показывает на Олли, — она нарисовала проект с моих слов!

— А, художница!

— Да. Сейчас мне надо переодеться, но потом я тебе всё расскажу. И они вовсе не говорят обо мне, зато точно обсуждают тебя. Так вышло, что

они меня пытали, и пришлось всё им рассказать. Ладно, мне надо идти, потом увидимся.

Ники хватает свою сумку и бежит в раздевалку.

— Тебя пытали? Пришлось всё рассказать... То есть как это – всё?

Но Ники уже далеко и не слышит его.

Алессандро берёт вещи и подходит к девушкам. Он чувствует себя немного неловко. Хотя, правильной будет сказать, чувствует себя древним, что, в данной ситуации, по сути одно и то же.

— Привет, я Алессандро.

— Привет, я Олли, это Эрика, а эта, что там, внизу, играет, — она показывает в центр зала, — высокая, тощая, это ещё одна подруга Ники, Дилетта. А это наш учитель и тренер. И он отправил нас на скамейку запасных. Но мы даже не тренируемся, потому что наказаны.

— И что, он хороший тренер? — Алессандро преодолевает своё смущение и садится рядом с ними. Эрика улыбается ему.

— Он прекрасный тренер. В прошлом году с ним мы заняли второе место. А в этом надеемся победить.

— Да, — Олли опирается назад и протягивает ноги, кладя их на переднее сиденье. — Но даже если мы победим в чемпионате, единственное, чего он хотел бы, – оказаться на твоём месте!

Эрика пихает её. Алессандро смотрит с любопытством.

— О чём ты? Он хочет работать в рекламе?

Олли смотрит на Эрику.

— Скажем, ему хотелось бы делать рекламу определённого рода...

— Да, конечно, ведь сейчас он видит только, как вы выигрываете в финале, — говорит Алессандро, — но на самом деле перед этим должны быть бесконечные тренировки и собрания. Бесконечная усталость... И творческий подход. Работа по ночам.

— Ага... — Олли смеётся и смотрит на Эрику. — Иногда он и ночами работает... Но это приятная усталость, правда?

Алессандро не понимает, о чём она говорит.

— Ты, например, сделала прекрасные рисунки. — Алессандро смотрит на Олли. — Это ведь была ты, правда?

Олли кивает.

— И сколько времени на это ушло?

— Хм-м, час на математике и ещё час перемены.

— Всего два часа? Это на самом деле выдающаяся работа.

— Ну, мне это ничего не стоило. Мне очень нравится рисовать.

Алессандро удобнее располагается на своём сиденье и потягивается.

— Знаешь, Олли, я не знаю, как благодарить тебя, вы с Ники вытащили меня из больших неприятностей. Мне бы хотелось вознаградить тебя. Я могу для тебя что-нибудь сделать?

— Ох, ну ладно, — Олли смотрит на Эрику и округляет глаза. — Мне бы подошло одно из этих бесконечных ночных собраний, но я не думаю, что Ники согласится!

Как раз в этот момент Ники возвращается из раздевалки. На ней белая майка с синим значком, на котором написано «Mamiapi», название института, обтягивающие синие шорты, гольфы в бело-голубую полоску. Ники знаком просит Алессандро подойти.

— Дай мне сумку!

Алессандро встаёт на ноги, улыбается Олли и Эрике:

— Извините. Держи! — говорит он Ники, подходя к ней. Она копается в сумке и достаёт резинку для волос. — Вау, тебе очень идёт. Уже представляю тебя в игре.

Ники улыбается ему.

— Я доигровщик, — она быстро собирает волосы резинкой.

— Что ты имела в виду, когда сказала, что тебя пытали, и пришлось всё рассказать?

— Я рассказала о прошлой ночи... Должна была, но наврала.

— И?

— Я рассказала кое-что, в основном то, чего мы не делали. Они испугались. Помнишь «Девять с половиной недель»? Так вот, по сравнению с тем, что я им рассказала, будто ты со мной делал, это очень скучный фильм.

— Ники!

Слишком поздно, она уже убегает и присоединяется к своей команде, которая сразу же принимает её и распределяется на площадке по-другому.

— Ладно, давайте. — Тренер берёт мяч и пасует Дилетте: — Ты подаёшь. Так, теперь мы, наконец, можем начать, когда принцесса соизволила прийти, — он проходит рядом с Ники, бросая на неё недобрый взгляд. Тренер садится на своё место, а Ники показывает язык ему в спину, отчего некоторые девочки начинают смеяться. Потом они согласовывают тактику и начинают играть.

Алессандро понял наконец, что Ники рассказала своим подружкам, и теперь ему неловко по-настоящему. И теперь он понимает, что они имеют в виду, говоря о «бесконечных собраниях».

Он решает не возвращаться на трибуны и посмотреть на тренировку отсюда. Блин, не могу поверить... Она сделала из меня маньяка. Потом он

рассматривает её и качает головой. Ники наклоняется вперёд, чтобы поправить гольфы. Облегающие короткие шорты поднимаются ещё выше. Алессандро чувствует холодок. Вдруг ему чудится, что он чувствует запах жасминов. Он пытается отвлечься. Думает о рисунках. О Леонардо. О своей команде. О задании. О молодом креативном директоре. О побеге из Лугано. Лучше, чем холодный душ. А-а-а... да, лучше. Тут звонит его мобильник. Энрико. Он улыбается. Открывает телефон.

— Дело сделано.

— Какое?

— Как это – какое? Тони Коста... Вчера я ездил к нему.

— А, отлично. Спасибо, ты настоящий друг, я знал, что могу рассчитывать на тебя. Потом расскажешь мне всё в деталях. Где ты?

— Я? Кхм... — Именно в этот момент Ники выпадает вперёд, пытаясь отбить короткий мяч. Она падает и скользит на животе по полу спортзала. Майка немного приподнимается, но она отбивает. И игра продолжается. — Я на совещании...

Дилетта подпрыгивает и перебрасывает мяч через сетку.

— Да! — все аплодируют.

— В таком шуме?

— Ну, да... Креативное совещание с кучей народу.

— Но ты сказал мне, что сбежишь. Ты уже должен быть здесь.

— Здесь? Где?

— Как это – где? На вечеринке-сюрпризе! Сегодня день рождения Камиллы.

Алессандро смотрит на свои часы.

— Вот чёрт, я совсем забыл об этом... Ладно, сначала я должен отвезти кое-что, а потом сразу приеду.

— Давай, поторопись, — с этим Энрико вешает трубку.

Алессандро пытается привлечь внимание Ники, но тренировка в самом разгаре, и кажется, что она не закончится никогда. Тогда Алессандро берёт сумку Ники и быстро идёт к Олли и Эрике.

— Извините, девочки, мне нужно уехать: я забыл, что у меня встреча. Скажите Ники, что я ей потом позвоню.

— Окей, мы ей скажем. Не волнуйся, иди, иди уже, не опоздай.

— Спасибо!

Они смотрят на него, пока он быстро убегает из зала.

— Я думаю, он женат.

— Олли! Почему ты всегда думаешь о чём-то плохом?

— А что ещё думать? Женатые идеальны. Они не прикалываются над

тобой, не допрашивают тебя, где ты и с кем, с кем говорила по телефону, куда идёшь, что делаешь и прочие глупости... Они всегда делают, что должны, и всё. И делают это хорошо. И, самое главное, не собираются жениться на тебе! Я тебе говорю, он идеальный.

Эрика смотрит на неё с грустью.

— Знаешь, что я думаю? Я не знаю, что с тобой произойдёт в будущем, но ты боишься любви.

— Я? Боюсь любви? Чего я боюсь, так оказаться в ситуации вроде твоей. Ты уже не можешь без этого, ты так привыкла. На самом деле, тебе бы хотелось чего-то нового, но ты боишься. Это ты боишься! Но не любви, а просто быть одной, дорогая Эрика. Ты знаешь, что это не запрещено, но не можешь ничего изменить.

— Когда ты выдаёшь такие вещи, становишься похожей на Джорджио.

— Ах, да? Тогда я могу дать тебе один совет? Оставь нас обоих в покое!

45

Алессандро прибегает запыхавшимся. Он съездил домой, быстро принял душ, надел чистую рубашку и побежал дальше, надеясь прибыть вовремя. И у него это получилось.

— Давай, только тебя ждали, — Энрико выходит ему навстречу из здания «Каноттьери Рома». Он хватает его за куртку и тащит за собой внутрь вниз по лестнице. Они вбегают в ресторан. За одним из столиков ест скучающая пара. Четверо пожилых элегантно одетых мужчин ужинают, обмениваясь короткими улыбками, перед своей обычной партией в бридж. Алессандро и Энрико присоединяются к остальным приглашённым, которых около тридцати человек, все они скрыты за огромным экраном в самом неброском углу ресторана. Энрико оставляет всех остальных.

— Оставайтесь здесь и прячьтесь, она скоро придёт...

Алессандро здоровается с Флавио, Пьетро, с их жёнами и с остальными своими знакомыми, кто поближе.

— Привет, ребята... Ай, не толкайтесь... Это похоже на метро.

— Ты откуда знаешь? Сколько ты уже не был в метро?

— Да я никогда в жизни на метро не ездил, но всегда его таким себе представлял.

— Тсс, нас услышат, тсс...

Немного позже Энрико и Камилла спускаются по лестнице, ведущей в ресторан. Друзья, прячущиеся в тишине, узнают их голоса.

— Дорогой, а я уже начала думать, что ты забыл.

— Ни за что бы не забыл. Этим утром я притворялся изо всех сил, хотя на самом деле хотел поздравить тебя сразу, как ты проснулась.

— Я сразу догадалась... когда увидела свои любимые цветы на столе. Но объясни мне кое-что: почему здесь, в «Каноттьери»? Не то чтобы мне здесь не нравилось, не пойми меня неправильно, но мне просто хочется знать. Есть ведь множество не настолько дорогих ресторанов. Ну же, ты ведь мог любой выбрать, может только кроме ресторана Альберто, там хоть и недорого, но их еда – просто отравка...

— Потому что здесь все мы! — одна девушка за экраном решает вмешаться, потому что бедный Альберто тоже здесь, прячется со всеми остальными. Все выходят.

— Поздравляем, Камилла!

— С днём рождения!

Кто-то начинает петь «С днём рождения тебя!».

Камилла краснеет.

— Спасибо, прекрасный сюрприз! Я даже не подозревала! Боже мой, да здесь все!

Ей начинают дарить подарки, букеты цветов, кто-то не принёс ничего, но зато они смогли присоединиться к другим, как за компанию, даже к тщательно выбранному подарку Энрико. Спустя пару мгновений Камилла просто завалена подарками. Бедный Альберто тоже дарит свой подарок, бутылку вина, улыбаясь и целуя её в щёку. Возможно, этот притворщик ничего не слышал. Но что неоспоримо – это вино гораздо лучше того, что он подаёт в своей забегаловке. Энрико подходит к Алессандро, болтающему с Пьетро и Флавио. Берёт его под руку.

— Извините, — он уводит его в сторонку.

Пьетро смотрит на них:

— Секретничают!

Флавио пожимает плечами. Алессандро и Энрико останавливаются на некотором расстоянии от остальных.

— И?

— Всё в порядке, Энрико. Я к нему ездил, он взялся за это дело.

— За сколько?

— Три тысячи евро. Полторы – как аванс, и я уже дал ему их, а ещё полторы по окончании работы.

— Хорошо, — Энрико достаёт свой бумажник.

— Слушай, Энрико, давай не здесь, нас ведь могут увидеть. Хоть одну ночь проведём спокойно.

— Окей, спасибо, — Энрико прячет бумажник обратно в карман.

Потом смотрит издалека на свою жену. Она окружена друзьями. Многие всё ещё целуют её и вручают подарки.

— Ты это видел? До тебя дошло?

Алессандро смотрит в том же направлении, что и Энрико.

— Что? Она празднует, что такого?

— Нет, присмотрись.

Алессандро старается, прищуривается, пытаюсь уловить хоть малейшую деталь, но не замечает ничего.

— Мне кажется, что всё нормально, она смеётся, дурачится с подругами, болтает. Она довольна.

— Волосы. Посмотри на её волосы.

Алессандро присматривается как следует, но не замечает абсолютно ничего.

— Слушай, мне кажется, что всё как всегда, о чём ты говоришь? Что, по-твоему, она сделала?

— Как это что сделала? У неё чёлка.

— И что? Она подстриглась... Что такого, это криминал?

— Нет, комедия. 1973. «С Новым годом!». «La bonne année» по-французски. Фильм Клода Лелуша с Лино Вентура и Франсуазой Фабиан. Он садится в тюрьму, и она приходит к нему на свидание. Я помню их диалог. Он: «Ты сменила причёску?» Она: «Да, а что? Тебе не нравится?» Он: «Нравится, но если женщина меняет причёску, значит, она хочет сменить мужчину».

Энрико смотрит на него. Иногда бросает взгляды на Камиллу, сидящую в глубине зала.

Алессандро смотрит на него и трясёт головой.

— Ладно, но честно говоря, мне вспоминаются совсем другие фразы, вроде «Что такое женщина? Это мужчина, который иногда плачет». Прости, но это лучше. И вообще, ты говоришь о фильме!

— Да, но фильмы же обычно основываются на реальности. Она подстриглась, и поэтому, возможно, у неё есть другой.

— Слушай, раз уж мы опять к этому пришли, то у меня нет ни малейших сомнений в том, что ты не мог потратить деньги лучшим образом. Я уверен, что Тони Коста развеет все твои необоснованные сомнения, ясно тебе?

— Ясно...

— А сейчас я пойду что-нибудь выпью.

Но именно в тот самый момент Энрико видит, как Камилла прекращает разговор с подружками, достаёт из кармана свой мобильник и

смотрит на имя того, кто ей звонит. Улыбается и отвечает. Потом оборачивается и немного отдалается от толпы в поисках уединения. Энрико смотрит на Алессандро, который пытается его успокоить.

— Сегодня её день рождения. И ты сам знаешь, что ей ещё куча народу позвонит, чтобы поздравить. Может, это какая-нибудь её подруга, которую ты забыл пригласить, или дальняя родственница, которая только что вспомнила...

— Да, конечно. А может этот кто-то позвонил и говорит ей сейчас, как ему нравится её новая причёска...

Алессандро закатывает глаза и оставляет друга, уходя на поиски бокала вина. Он подходит к барной стойке.

— Мне бокал красного вина, пожалуйста.

Вежливый официант берёт бутылку.

— Сию секунду, синьор, — Алессандро наблюдает за тем, как наполняется его бокал. Вдруг – вспышка далёкого воспоминания. Так неожиданно. Оно становится всё чётче. Елена. За несколько дней до её ухода... Елена входит в комнату, Алессандро сидит за компьютером.

— Дорогой... Тебе нравится? Что думаешь?

— О чём, любимая?

— Ты не заметил? Я подстриглась! И даже покрасила волосы, теперь они немного темнее.

Алессандро поднимается, подходит к ней и целует в губы.

— Если бы такое было возможно, то ты стала бы ещё красивей, чем раньше. — Елена отстраняется и улыбается. Уверенная. Слишком уверенная. Неужели я ошибся в этом? Что дал ей такую уверенность?

— Вот, готово...

— Что?

— Ваше вино, синьор, — официант пододвигает к нему бокал, и воспоминание исчезает.

— Спасибо, — он пьёт вино и понимает, что Энрико наблюдает за ним издали. Он оборачивается и улыбается ему. Всё хорошо, Энрико, всё прекрасно. Потому что бывают такие воспоминания, которыми ты не можешь поделиться даже с лучшим другом. Даже если они берегут старые раны. Даже если они оказываются болезненными. Если дело касается любви, то сила боли пропорциональна красоте пережитой истории. Прямо пропорциональна.

Алессандро вновь смотрит на Энрико. «А ты, друг мой, будешь страдать? Если ты страдаешь сейчас, что с тобой будет дальше?» Алессандро дарит ему улыбку издали. Энрико возвращает ему её немного

растерянно. Алессандро оставляет пустой бокал на ближайшем столе. Конечно, говорить такие вещи и рассказывать о таких воспоминаниях, как это, тому, кто думает, будто жена изменяет ему, означает только то, что ты не такой уж и верный друг.

46

— Эй, дай на тебя посмотреть.

Олли и Эрика подходят к Ники, стоящей под душем. Та вся в пене, поставляет голову под воду, смывая мыло с глаз.

— Что случилось?

— Хотим посмотреть, где у тебя остались засосы...

— Какие же вы идиотки! — она пытается их облить водой.

Чуть позже Ники сидит на скамейке в раздевалке. Она с силой вытирает волосы маленьким, но длинным голубым полотенцем марки «Чемпион». Все подружки окружают её.

— Так что, ты собираешься или нет рассказать нам всю правду?

Ники вешает полотенце на шею.

— Снова? Я ведь уже всё рассказала.

— Да, снова. Мне нравится. Меня это возбуждает.

— Ты больная...

— Нет. И сейчас я скажу тебе правду. — Олли смотрит на Эрику и Дилетту: — Я не верю, что этот мужик такой жеребец!

Ники берёт полотенце с шеи и пытается ударить её, как хлыстом, но Олли — быстрее, и успевает отскочить вовремя. Или почти вовремя.

— Ай! Чуть не попала! Ты идиотка?

— Почему ты всё время говоришь то, чего я не говорила?

— Ну ладно, ты сказала, что было прекрасно, что он делал всё спокойно, тебе понравилось, что он довёл тебя до оргазма.

— Олли!

— Ты говорила такое или нет? И разве это не делает его жеребцом?

— Вовсе нет. Я ведь ещё сказала, что он нежный, красивый, щедрый, внимательный, чуткий. И этим он заставил меня почувствовать себя такой... извращённой.

— Скорее, жеребцом был твой бывший, Фабио, — вмешивается Дилетта.

Олли оборачивается и прожигает её взглядом.

— А ты-то откуда знаешь?

— Ну, он так выглядит... Так себя ведёт, так двигается...

Олли саркастически прерывает её.

— Но ты же не спала никогда ни с каким парнем, ни small, ни extralarge. Что ты можешь сказать? Или ты попробовала с этим Фабио-Фобия и ничего нам не сказала?

— Конечно. Почему я должна была рассказывать тебе? Ты всегда течёшь при виде него!

— Вот сучка... — Олли подсакивает и пытается ударить её.

Ники встаёт и вклинивается между ними.

— Эй, спокойно, спокойно, Волны!

Понемногу, с помощью Эрики, ей удаётся рассадить их по разным сторонам.

— Что с вами? Хватит болтать про мужиков, хватить бросаться друг на друга, как волчицы! У вас гормональный всплеск, как у двенадцатилетних девочек.

— Или всплеск феромонов, что ещё хуже, — улыбается Эрика.

Олли смотрит на неё.

— Но... что?

Эрика качает головой.

— Я тебе объясню... Кое-кто смог сегодня сходить на химию.

— Точно не я. Мне пришлось рисовать для жеребца.

— Послушайте, — Ники снова вешает полотенце на плечи. — Хочу, чтобы мы поняли друг друга. С нами такого никогда не было. Первое: ни один мужчина, будь у него маленький, средний или огромный, не должен суметь нас с вами разделить. Пообещайте!

— Обещаем.

— Второе: мы должны всё друг другу рассказывать, от наших желаний до наших мыслей, от страхов до того, что нас делает счастливыми. Я слишком часто вижу людей, которые боятся признаться даже своим друзьям, что они переживают что-то невероятное, чудесное, чертовски прекрасное. Обещаете?

— Обещаем!

— Третье: если кто-то из вас свяжется с Фабио и что-то попробует с ним, ей же хуже.

Девушки удивлённо смотрят на неё.

— В том смысле, что он просто эгоистичный урод, — потом она обращается только к Олли: — со всех точек зрения, поскольку ты всегда очень интересовалась им.

Дилетта даёт Олли подзатыльник.

— Вот видишь, у меня даже ещё ни разу не было, а я понимаю намного больше твоего.

Олли пожимает плечами с недоброй улыбкой на губах. Эрика подходит к Ники.

— А мне нравится Алессандро. Конечно, он взрослый... кстати, сколько ему лет?

— А сколько дашь?

— Не знаю... Двадцать восемь. Двадцать девять...

— Ему скоро тридцать семь.

— Что?! Он старше тебя на двадцать лет.

— Почти двадцать. Почему вы так удивляетесь?

Олли улыбается.

— Я не удивлена, наоборот... Я же говорила, меня это возбуждает! Взрослый человек... Да ещё настолько старше... Мне очень нравится! У него нет друга?

— Толпа.

— Почему бы тебе не представить меня им?

— Мне кажется, они все женаты.

— И он тоже, правда? — Эрика смотрит на неё с недоверием.

— Нет.

— Ты уверена?

— Несколько месяцев назад он расстался со своей девушкой. Они уже собирались пожениться.

Олли складывает руки вместе и поднимает взгляд к небу.

— Господи, — восклицает Олли, — теперь он мне нравится ещё больше. Слушай, его женатые друзья тоже мне подойдут. А потом... если что-то получится, для этого и существует развод. Вдруг...

— А если твой бывший опять нарисует? — спрашивает Эрика.

Ники пытается ударить полотенцем и её.

— Эй, почему вы пытаетесь поссориться? Заставить меня сомневаться? Хотите накликать мне беду?

— Что ты говоришь!

— Ты с ума сошла?

— Тогда, Олли, если хочешь помочь мне, ты должна придумать ещё и слоган.

— Что?

— Да, фразу, которая будет под рисунком. У меня есть кое-какие идеи. А ты пока подумай о цвете и шрифте.

— Цвета, шрифты... Как ты теперь выражаешься. И я уже всё поняла, ясно? В мире рекламы много других людей.

— Так что ты поняла?

— Что ты меня используешь.
Ники садится на скамейку.
— Ладно, чего ты хочешь?
— Ужин с ним и каким-нибудь его другом, — она протягивает руку Ники, которая смотрит на неё в нерешительности.
Олли улыбается.
— Нет ужина – нет слогана, раз уж мы говорим о рекламе.
Ники качает головой.
— Окей, ладно, но то, что ты будешь делать потом, – это твоё дело. Я не хочу быть причастной к твоим играм!
В этот самый момент входит тренер.
— Браво, девочки, все молодцы. Молодец, Дилетта, Ники, ты – совершенство, хоть и опоздала. — Затем он подходит к одной из других девочек: — Слушай, я разговаривал с доктором, ты должна продолжать растираться лазониллом и хорошо разминаться, прежде чем снова влиться в игру.
Эрика наблюдает за ним.
— Стоит признать, у нас крутой тренер. И симпатичный.
Ники улыбается.
— Да, но уж он-то – слишком старый.
Олли отворачивается, чтобы не видеть её.
— По-моему, он просто дегенерат, который устроился сюда, только чтобы смотреть на нас полуголых после игры.
— Олли! Тебе везде мерещится секс.
— Потому что секс везде. Важно понимать это. — Она поворачивается к Дилетте: — Но ты никогда не поймёшь, потому что всех отталкиваешь от себя.

47

— Итак, сколько я тебе должен за подарок Камилле?
— О чём ты? Забудь, я сам тебе должен кучу денег! Потом как-нибудь сочтёмся.
— Хорошо, как хочешь.
Энрико удаляется и тащит Алессандро в угол ресторана.
— Избавь меня от сомнений, — Энрико оглядывается вокруг. Выглядывает в окна ресторана, осматривает сад, смотрит между растений, дальше, туда, где виднеется Тибр. — Как думаешь, он уже занялся делом? То есть, нас уже снимают? А он будет прослушивать наши разговоры?
Алессандро смотрит на свои часы.

— Я думаю, что по расписанию он сейчас трахает Аделу.

— Трахает Аделу?

— Свою секретаршу.

— Что? Я всё понял. Он расследует дела об изменах, открывает глаза рогатым, и выбрал эту профессию для того, чтобы трахать, кого хочет, и не быть пойманным.

— Откуда я знаю... Может быть. Не будь придурком, я сказал это просто так. Когда я приехал к нему, они выглядели так, словно я поймал их с поличным. Всё равно я уже дал ему адрес и всё остальное, я ведь тебе уже говорил. Через несколько дней мы узнаем что-нибудь. И этот червь, который жрёт твой мозг, наконец, нас покинет.

— Или сожрёт его полностью. И если она изменяет мне, то я вышвырну её из своей жизни.

Алессандро тяжело вздыхает.

— Слушай, хотя бы на эту ночь оставь её в покое, окей? Это её праздник. — Он удаляется по направлению к столам.

Энрико замолкает. Потом кричит ему вслед:

— Когда тебе позвонить, завтра?

— Когда захочешь.

Алессандро шатается в толпе людей, пока, наконец, не замечает её. В этот момент Камилле на мобильный приходит сообщение. Она открывает его. Читает. Улыбается. Алессандро стоит в нескольких шагах от неё.

— Камилла?

Она резко закрывает телефон и нечаянно роняет его на пол.

— Ох, Алекс... Ты напугал меня...

Камилла подходит к нему. Они целуются.

— Снова поздравляю тебя. Еда очень вкусная, праздник удался.

— Ага, — Камилла смотрит издали на своего мужа. Она улыбается ему со всей возможной нежностью, но почему-то не совсем по-доброму. — Энрико устроил мне такой красивый сюрприз...

Алессандро смотрит на Энрико и думает о его страхах. Потом смотрит на Камиллу и думает о сообщении, которое она получила. А что, если Энрико прав? Ну уж нет, мне незачем становиться одержимым этой дилеммой. Мы уже заплатили тому, кто расследует это дело. Он будет за это ответственным. Алессандро улыбается ей.

— Да, и правда очень красивый сюрприз... И хорошо спланированный.

— Да, Энрико очень хорош в таких вещах...

— Ладно, Камилла, до встречи.

— Хорошо, Алекс, до скорого. — Алессандро уже направляется к выходу, как Камилла окликает его. — Извини, я хочу сказать тебе кое-что.

Алессандро останавливается. Она догоняет его.

— Я не знаю, хочешь ты знать это или нет, но у меня нет никаких причин скрывать это от тебя. — Камилла делает небольшую паузу. — Надеюсь, что тебя это не расстроит. Перед тем, как ты подошёл, мне пришло сообщение. Это была Елена. Поздравила меня.

Алессандро улыбается.

— Я рад. В конце концов, вы всегда поддерживали хорошие отношения. Почему это должно было меня расстроить? — Он снова бросает ей улыбку. — Увидимся. — Он уходит.

Камилла замирает, глядя на него. Кто знает, вдруг они снова будут вместе. И вообще, зачем им было расставаться?

48

Ночь, Алессандро за рулём. Конечно. У неё такой навороченный телефон, поддерживает электронную почту, звонки, есть даже напоминания о встречах. Елена всегда была в хороших отношениях с нашей компанией. У неё всегда это получалось. А что она делает сейчас? Не звонит мне, зато пишет поздравления Камилле... Какой я debil....

Немного позже он приезжает домой. Всё ещё злой, открывает и закрывает дверь с ужасным грохотом. Потом решает поставить музыку, чтобы немного успокоиться. Долго выбирает. Последняя звуковая дорожка была для того, чтобы настроиться на задание японцев. Он берёт Кока-Колу из холодильника и ставит на диван из натуральной кожи в гостиной. Единственный предмет мебели, выбранный Эленой, он ей понравился. С другой стороны, здесь больше ничего нет. Он всё ещё помнит тот спор Элены по телефону. Она кричала на людей из мебельного салона, потому что они задержали доставку на полтора месяца. И вот, до сих пор ничего не доставили. Возможно, думает Алессандро, я ещё могу вернуть деньги. Она декорировала весь дом на свой вкус, ругалась из-за задержанной доставки, оставила меня ждать эту чёртову мебель. Я заплатил, а она ушла. Пуффф!.. Испарилась. Без вести. До этого ночного сообщения... Камилле. Это правда, что иногда мы, мужчины, просто глупцы. Лучше об этом не думать. Алессандро делает глоток колы. Должно быть, в такие моменты было бы неплохо иметь пакетик с травкой. Или котёл.

Но только чтобы немного расслабиться, чтобы вновь захотелось смеяться... Вместо того, чтобы плакать. Размытые, но приятные воспоминания. Они с Эленой на пути истинной любви. Желание. И ещё

одно воспоминание. Когда они случайно познакомились на презентации нового автомобиля. Алессандро сразу приметил своеобразного, но симпатичного менеджера, которая говорила с непрерывными отступлениями, всё больше и больше скобок открывала, начинала новые абзацы, и в итоге она потерялась в потоке своих слов. И никто не мог понять, что происходит. Потом он улыбнулся... «Так о чём вы говорили?..» И она сама снова нашла нить разговора. «Ах, да. Конечно...» И стала объяснять новую любопытную вещь. Улыбнулась ему.

Эротические моменты, она и её чулки, которые она так медленно снимала. Она и её кожа, которая освобождается и освещает. Так ярко. Всё. Слишком. Вдруг мелькает тревожная мысль. Алессандро ложится на диван. С кем она это делает теперь? Нет. Она этого не делает. Это невозможно. Почему она ушла? Возможно, это был просто сон. Да, должно быть, так и есть. Она не из тех, кто заканчивает одни отношения и сразу бросается в другие. Нет. Она – нет. Невозможно, чтобы ей что-то ударило в голову, и она просто начала новые отношения с другим, чтобы делала с ним все эти вещи, превосходные, порочные, прекрасные, пленительные, пьянящие, которые она делать умеет. Всё на «п». Интересно, почему? А ты сам? Тебе кажется нормальным, едва познакомившись, развлекаться с этой жасминовой девушкой? С Ники, семнадцатилетней девчонкой. Со всеми этими «п», но и ещё и с «а», и «б», и «в», и не знаю, сколькими ещё буквами эротического алфавита. Лучше вообще ни о чём не думать.

В этот самый момент кто-то звонит в дверь. Алессандро едва не падает с дивана. Он уже успел заснуть на несколько секунд. Он быстро встаёт на ноги. Смотрит на часы. Полпервого ночи. Кто бы это мог быть в такой час? Елена? Но у Елены есть ключи. Хотя она тоже могла быть вежливой и позвонить. Она ведь уже возвращалась в этот дом один раз с тех пор, как ушла. Она меня тогда так удивила, я думал, она вернулась. Я хотел ей подарить тот глупый сувенир из Венеции... Она же его забрала! Я идиот.

Алессандро смотрит в глазок. Но ничего не видит. И не понимает, кто это.

Белый лист закрывает ему обзор. А внизу маленький и странный рисунок. Потом слышит мягкий голос за закрытой дверью.

— Эй, я тебя слышала, я знаю, что ты здесь... Что такое, ты меня не узнал? Бум, бум, бум, бум, бум, бум... — Тишина. И снова. — Бум, бум, бум, бум, бум, бум!

Теперь Алессандро понимает, что нарисовано. Это плавник.

— Это акула! И когда ты откроешь, она тебя съест!

Ники... Алессандро улыбается и открывает дверь.

— Или, может, ты её съешь... Я принесла тебе мороженого!

— Спасибо! Прости, я не сразу понял...

— Да-да... — Ники входит в дом с сумкой в руках. — Трусилка! Ладно, закрывай.

Алессандро закрывает дверь и запирается на замок.

— Закрываешься от особ вроде меня... тебе нужен телохранитель. Хотя, в любом случае, у тебя тут пусто. О чём ты волнуешься? Что у тебя тут воровать?

Алессандро подходит к ней.

— Ну, сейчас – тебя...

— Как мило... — Ники нежно целует его в губы. Потом отстраняется. — Так, теперь – мороженое!

Ники идёт на кухню, а Алессандро решает в это время сменить диск.

— У тебя есть чашки? Но большие? Я собираюсь съесть побольше!

— Они должны где-то быть.

— Где-то – это где?

Ники начинает открывать все шкафчики на кухне. Находит то, что искала. Высоко.

— Они здесь, я нашла!

Большие чашки на самой высокой полке. Ники тянется, почти достаёт первые попавшиеся две чашки, пытается достать их, подпрыгивая.

— Ай!

Она схватывает их, но одна выскальзывает, ударяется о полку, летит вниз, но Ники быстрее. Она отпускает сумку с мороженым, которая была у неё в другой руке, наклоняется и ловит чашку как раз над полом.

— Уфф...

— Эй! Это одна из твоих лучших партий!

Алессандро появляется в дверях кухни. Ники стоит, наклонившись над синей чашкой.

— Ага, на волосок от поражения!

Алессандро смотрит на неё. Синие чашки. Сочетаются с бокалами из синего хрусталя, купленными в Венеции в один из чудесных выходных с Эленой. Вечер, они ужинают вдвоём и пьют из этих бокалов. Вернувшись с работы, Алессандро оставил все заботы. Он начал готовить, выбрав музыку и приглушив свет... Элена сидела в гостиной. Ей не понравилась выбранная им музыка, и она поставила другой диск. Затем она пришла на кухню, чтобы составить ему компанию. Босоногая, она села на один из высоких барных стульев и стала наблюдать за ним. Алессандро налил немного шампанского в два бокала.

— Как прошёл день?

Они немного поговорили обо всём, посмеялись, обсуждая кого-то, долго, много. Вдруг Алессандро, повернувшись, задел бокал и тот полетел в стену, оставив след. Элена перестала пить. Затем оборвался её смех. Она взяла бокал, чтобы оценить ущерб. Подняла кусок стекла, в который превратился бокал, и выбросила в мусорную корзину.

— Не хочу больше есть, — она ушла в гостиную, залезла на диван и положила ноги под большую подушку, лицо её вытянулось. Это было лицо человека, который не хочет говорить, который принял решение и теперь пытается найти почву под своими ногами. Элена была такой. Теперь эта посуда осталась у Алессандро. Наверное, потому что в комплекте не хватало одного бокала.

Алессандро берёт чашку из рук Ники и открывает окно на кухне. Смотрит на Ники. Потом на чашку. И роняет её вниз, на землю, разбивая на тысячи осколков.

— Алекс... зачем ты это сделал?

Алессандро улыбается и закрывает окно.

— Просто подумал, что раньше они мне очень нравились, а теперь это не так.

— Понятно, но разве ты не мог просто сказать мне? Ты ненормальный.

— Конечно, мог. Хотя если что-то разобьётся, наша жизнь от этого не изменится.

— По-твоему, это нормально?

— Да, но сейчас я понимаю, что, возможно, это может показаться сложным.

— Очень. Если бы я только знала, что за история скрывается за этими чашками...

Алессандро осознаёт, что она не сможет понять. И чувствует себя немного виноватым.

— Ладно, давай есть мороженое.

— Слушай, ты ведь не станешь демонстрировать, что тебе не нравится мороженое, выбрасывая его из окна, правда?

— Нет, не переживай, в этом случае это было бы ненормально...

Она раскладывают мороженое по чашкам, один другому. Ники тщательно контролирует свою порцию.

— Мне только шоколадное, с орешками или с патокой.

— Немножко.

— И не клади фруктовые, я не хочу. Они очень вкусные, но я люблю такое только в разгар лета.

Алессандро показывает на белое.

— А это с каким вкусом?

— Кокосовое. Да, положи мне его немного.

— Прости, но ты сказала, только в разгар лета.

Ники берет ложку и, не выдержав, кладёт кокосовое мороженое себе в чашку, пробуя немного.

— Ммм, вкусно, потрясаяще вкусно. Нет, кокосовое другое. А ещё с шоколадом, знаешь, это похоже на те шоколадки...

— Баунти.

— Да, точно! Мне они очень нравятся...

— Одну из их рекламных кампаний проводили мы.

Ники тяжело вздыхает.

— Чёрт, ты всегда думаешь о работе.

— Нет, просто сказал. Вспомнилось.

— Тогда ты не должен ничего вспоминать.

Алессандро думает о чашках, о бокалах, обо всём, что было раньше... И решает соврать.

— Ты права.

А она наивно улыбается.

— Потому что сейчас – это сейчас. А мы – это мы.

Ники зачерпывает ложкой из чашки Алессандро и пробует его мороженое. Затем зачерпывает из своей и даёт попробовать ему. Как только он закрывает рот, Ники сразу же берёт ещё больше мороженого и направляет в его рот. Но вместо того, чтобы подождать, когда он проглотит, она размазывает по его губам. Как если бы вы быстро пили кофе и у вас остались усы. Затем Ники медленно приближается. Горячая, чувственная, желанная, она начинает слизывать эти сладкие усы, целует, лижет, целует. «Ай!» Улыбка. Один за другим, эти поцелуи познают эти усы из шоколада, сливок, кокоса. Она продолжает свою сладкую пытку, улыбаясь, облизывая его с нежным желанием. Затем он случайно отклоняется от неё.

— Эй, что такое, я ведь сказала... мне нравится Баунти...

Алессандро целует её, они забывают обо всём, гасят свет, а мороженое тает. И они сами тоже... Понемногу они пытаются распробовать вкус. Они играют и смеются, раскрашивая простыни удовольствием и желанием, своими весёлыми и нежными играми, смелыми и экстремальными... На мгновение Алессандро задумывается: что, если кто-то сейчас войдёт? Серра и Карретти. Уже ставшие привычными полицейские. Нет. Сливки медленно текут по его плечам, шоколад, ваниль, ниже, ниже, осторожно, медленно... Язык Ники, её смех, её зубы, поцелуи... Ни одна капля

мороженого не пропадёт... Больше. Ещё больше. Холод и тепло смешиваются в этих вкусах. И вдруг... Пуф! Как же сладко забывать свои проблемы вот так.

49

Ночь. Глубокая ночь. Ночь любви. Ночь вкуса.

В постели.

— Эй, Алекс... Ты заснул.

— Нет.

— Да. У тебя дыхание стало глубже и медленней. Ты даже и не осознавал, когда одевал меня.

— Серьёзно? Я тебя одел?

— Да. Я вся в шоколаде, кокосе и сливках, что я скажу родителям, если они меня поймают?

— Что переспала с мороженщиком!

— Идиот.

— Подожди, я сейчас оденусь.

— Нет, оставайся в постели.

— Я не хочу, чтобы ты возвращалась одна.

— Да ладно, меня привезла Олли, сейчас я возьму такси... Всё хорошо, ты можешь спать, я сама доберусь.

Алессандро думает пару минут. Ники принимает выражение лица, словно говорящее: «Давай, поверь мне, отпусти меня одну».

— Согласен, я вызову такси.

— Я уже это сделала. Должно быть, уже подъехало.

— Подожди хотя бы, пока я дам тебе денег.

— Я уже взяла. Двадцати пяти евро будет достаточно. Я ведь сказала, что ты спал.

— Да ладно!

— Я взяла только это. Радуйся, я могла ограбить тебя полностью! Забрать даже кредитки! Даже чашки, одну из которых ты разбил.

Она подходит к окну.

— Такси уже здесь!

Ники подбегает к кровати.

— Пока, — она чмокает его в губы, — ммм, как вкусно, похоже на чернику... — Она останавливается с пальцем во рту посередине комнаты. — Но я не приносила черничное. — Она улыбается с лёгкой дерзостью и убегает, закрыв за собой дверь.

Алессандро слышит, как лифт останавливается на его этаже. Затем

открывающуюся дверь. Ники, которая входит в пустоту. Двери лифта закрываются. Он начинает спускаться. Потом Алессандро слышит шум двери с улицы. Её быстрые шаги. Как она открывает дверь машины. Закрывает. Пауза, наверняка она говорит таксисту адрес. Машина уезжает в ночь.

Немного позже он слышит звук. Мобильник. Алессандро просыпается. Он так быстро заснул... Сообщение. Он читает его.

«Всё ок. Я дома. Я не попалась родителям. Мороженщик спасся. Такси стоит дешевле, я должна тебе 12 евро! Но я хочу поцелую на каждый. Доброй ночи! Мне будут сниться летающие синие чашки»

Алессандро улыбается и выключает телефон. Он встаёт, чтобы сходить в туалет, а потом заходит на кухню. Шоколад был действительно хорош... но он него такая жажда. Алессандро открывает кран и даёт воде стечь. Потом подставляет первый попавшийся стакан и пьёт. Оставляет стакан в раковине и уже собирается идти в спальню, когда вдруг понимает, что стол готов к завтраку. Чашка, салфетка, ложка. Даже чайник уже в боевой готовности. Достаточно включить его. Елена никогда не делала ничего подобного. Записка на рисунке под акулой. «Не говори, что не думаешь обо мне...» А под листком папка, на этот раз белая. Он переворачивает её. «Слоган Алекса». Алессандро замирает с открытым ртом. Поверить не могу. Я даже не мог набраться смелости, чтобы спросить её, думала ли она над этим... И она не просто подумала, она попросила подругу всё сделать и приехала, чтобы привезти мне это!

Алессандро трясёт головой. Ники и в самом деле уникальная. Затем он медленно открывает папку. Прекрасный логотип, пылающие буквы на фоне тёмно-синего неба. Нарисовано на прозрачной бумаге, чтобы было легче свести с одним из имеющихся рисунков. И фраза... Алессандро читает её, это идеально. А внизу ещё записка: «Надеюсь, тебе понравится... Я в восторге! Мне бы очень хотелось, чтобы эта фраза была для меня... Именно как этой ночью... я была сегодня твоей «ЛаЛуной»? Ладно, мне надо бежать! Извини. Есть вещи, о которых не нужно спрашивать».

Вдруг Алекс всё осознаёт. Он улыбается. Счастливчик. Затем он вновь смотрит на логотип. Да, Ники, ты права, это прекрасная фраза. И ещё кое-что. Не извиняйся передо мной.

50

Рассеянный бежевый свет пробивается сквозь хлопковые занавески окна. Дверь ванной открывается.

— Я просто не верю. Не могу поверить.

Симона, мать Ники, садится на кровать. Роберто перестаёт читать и смотрит на неё, немного раздражённый.

— Ты мне напоминаешь Гленн Клоуз, когда она вертится в постели, ослепшая от кокаина, умер мужчина, которого она всегда любила, она хочет, чтобы от её мужа забеременела её лучшая подруга, которая хочет ребёнка, но не может найти мужчину. Хочешь дать мне мороженого, чтобы я наслаждался твоим рассказом, или я могу и дальше читать?

— Ники уже не девственница.

Роберто выпускает долгий выдох.

— Я знал. Ночь была слишком хороша, так что не было ни единого шанса на то, чтобы она не имела такого отвратительного завершения, — он кладёт раскрытую книгу на ноги. — Ладно, как ты предпочитаешь? Первое: чтобы я вскочил, крича как ненормальный, пошёл в её комнату, устроил ей скандал, затем вышел прямо в пижаме, чтобы найти ответственного парня, который женится на ней; второе: чтобы я продолжил читать, но сказал перед этим всякую чушь, вроде «надеюсь, что ей было хорошо, что она нашла парня, который заставил её почувствовать себя женщиной», или что-то другое, что заставит тебя поверить, будто я воспринял эту новость со спокойствием? — Роберто смотрит на Симону и улыбается ей. — Ну и? Что предпочитаешь?

— Хочу твою собственную реакцию! С тобой никогда не знаешь, чего ожидать.

— Мне кажется, что я вполне нормальный. Люблю свою жену, своих детей, мне нравится этот дом, мне нравится моя работа. Единственное, что делает меня не самым везучим человеком на земле, — это то, что не всегда я бываю полностью согласен с тобой. Но я знал, что давать тебе возможность делать всё — это не было адекватным решением. Я должен был сказать тебе то, что говорил нам профессор на устном экзамене: «Вы должны выбрать только одну тему». Вероятно, так мне бы не пришлось постоянно спорить с тобой.

— Когда ты такой, я даже говорить с тобой не хочу.

Роберто отрицательно качает головой, делает закладку там, где остановил чтение, и гасит лампу на ночном столике. Затем он поворачивается и пытается обнять жену, но Симона дуется. Она немного отодвигается и пытается вырваться из его рук.

— Хватит, милая, не злись... К тому же ты знаешь, что так мне нравится дальше больше. Ты ходишь по тонкому льду, знаешь? — он целует её в макушку, теряясь в не слишком сладком запахе её шампуня.

— Не приближайся, — говорит ему она, улыбаясь нежно и по-девичьи.

— Ты холодный.

Затем она позволяет ему целовать свою шею, плечи, декольте. Роберто снимает с неё сорочку.

— То, о чём я говорю... Ты вообще понял?

— Ты о чём, любимая?

— Ники занималась любовью.

— Да, я понимаю. Зато как давно мы этим занимались в последний раз, я припомнить не могу.

Симона высвобождается из нежных объятий Роберто и немного отстраняется, пытаясь натянуть сорочку.

— Отлично, ты знаешь, какой ты? Вот такой!

— Такой – это какой? Такой же, как и прежде, вполне нормальный.

— Нет, ты холодный и циничный.

— Ну что ты говоришь, Симона? Ты преувеличиваешь. Возможно, ты не знакома с огромным количеством мужей и отцов, которые, услышав подобную новость, перекладывают всю вину на жён и матерей?

— Знакома, и поэтому я замужем не за ними.

— Вот. Но ты не можешь всегда прикрываться такими оправданиями.

— Я не прикрываюсь. Просто я думаю об этом. — Симона подтягивает к себе ноги и обнимает свои колени. Сужает глаза.

Роберто смотрит на неё и понимает, что она вот-вот расплчется.

— Дорогая, что с тобой?

— Ничего. Я устала, я подавлена, мне страшно, — с её щеки капает маленькая слезинка.

— О чём ты говоришь?

— О чём я... Ники уйдёт, оставит нас. Маттео скоро станет взрослым и тоже уйдёт, я останусь одна. Возможно, и ты влюбишься в молоденькую и красивую девчонку, может, ты найдёшь какой-нибудь способ, как делают многие, чтобы облегчить свою совесть, ты найдёшь отличный повод расстаться со мной, а может, наоборот, всё расскажешь мне, чтобы чувствовать себя более честным... — Она смотрит на него, пытается улыбнуться, вытирает глаза тыльной стороной ладони, иногда вытирает нос. Но по щеке медленно скользит ещё одна слеза, она слушает с любопытством все эти слова, прежде чем упасть. — Нет. У тебя не хватит мужества сказать мне. Ты сделаешь так, чтобы я сама узнала об этом. Так лучше, да? — она смеётся нервным смехом.

— Дорогая, ты говоришь о каком-то фильме. Очень плохом фильме.

— Нет, иногда так и бывает. Чтобы одна любовь началась, должна закончиться другая.

— Хорошо, может, так и бывает, но пока мы так счастливы за Ники, почему именно наша любовь должна закончиться? Может закончиться другая, правда? Любовь Карлони, например. Тех, из тринадцатой. Которые вместо того, чтобы решать свои проблемы, суют свой нос в чужие дела. Если они разведутся, то в нашем доме хоть народу станет поменьше! — он снова обнимает её, завоёвывает её понемногу, притягивает к себе. Целует её и смотрит ей в глаза, нежно, но страстно, даже мужественно. — Я люблю тебя, всегда любил и любить буду. И хоть тебе и было страшно, когда мы поженились, сейчас, когда прошло уже двадцать лет, я могу сказать тебе это. Я рад, что совершил глупость, придя к твоим родителям, чтобы сказать им: «Я прошу руки Вашей дочери». Ты помнишь, что ответил мне твой отец? «Не представляю, чтобы она готовила для тебя».

Симона не знает, засмеяться или продолжать смотреть на мужа с недоверием.

— Но разве ты не видишь? — Симона проводит рукой по его щеке, по скулам, медленно, нежно, и дальше, к ушам. — Ты видишь? Время бежит.

— Нет, — улыбается Роберто, — я вижу, что впереди ещё много времени. Я вижу любовь, которая не хочет уходить, и самую прекрасную женщину...

Он снова сладко целует её. Нежные поцелуи, поцелуи с прекрасным вкусом, как глубокий вкус выдержанного вина. Плотный, слегка пряный, со стойкими ароматами, напоминающими ваниль и древесину, горячий. Поцелуи спускаются туда, куда уже добрались пальцы, к краю трусиков Симоны, которая чувствует холодок и улыбается, она запрокидывает голову и говорит:

— Выключи свет...

— Нет. Я хочу видеть тебя.

Тогда она кладёт голову на простыни, смеётся, исчезает под ними, она легонько покусывает его сквозь пижаму, нежно, чувственно. И вдруг что-то происходит. В какой-то момент исчезает чувство, что время убегает, и они вновь превращаются в подростков.

51

Доброе утро, мир. Поверить не могу. Профессор философии ошарашил меня своими изменениями по программе. Иногда даже он умеет удивлять. Вместо того, чтобы и дальше рассказывать о Поппере, он сказал:

— Сегодня я собираюсь совершить безумие.

— А что нормального он обычно делает? — прошептала Олли.

— Вы когда-нибудь слышали о Чоране?

— Он из нашей школы?

— Нет, Беттини, он не из школы. Эмиль Чоран. Философ... Нет, Скальци, бесполезно искать его в содержании книги. Его там нет. Я здесь выписал кое-что. Чоран объяснит вам, почему мне это нравится. И, по моему, он впечатляет, — улыбнулся профессор. Я ничего не поняла.

— О да, конечно, — снова прошептала Олли Эрике.

— Чоран родился в Рассинари, в Румынии, в 1911 году. В семнадцать лет он начал изучать философию в Университете Бухареста...

— Значит, это современный философ, то есть, Новых времён...

— Да, Де Лука, двадцатый век. На тот момент считалось, что философия закончилась ещё двести лет назад, — и после всех своих бла-бла-бла он сказал это, сказал фразу, которую я не забуду никогда: — Книга должна беречь раны, даже причинять их. Долг книги — быть опасной.

Это сказал тот самый Чоран. И тогда я подняла руку. Препод это увидел.

— Что такое, Кавалли? Хочешь выйти в туалет?

— Нет. Я хотела сказать, что, по-моему, эту фразу можно применить и к любви.

Тишина. Все молчали. Но мне вовсе не казалось, что я сказала что-то абсурдное.

— Кавалли, вижу, ты вышла из своей обычной зимней спячки. Весна тебе на пользу. Поздравляю. Твоя ассоциация очень острая. Тебе плюс.

Олли заёрзала и стала корчить гримасы, а потом сказала мне, понизив голос:

— Поздравляю, ты слышала? Поздравляю!

Эрика подмигнула мне, а Дилетта перевела тему на римских императоров и гладиаторов. Я спасена. На меня не нападут львы. Как сильно сказано. Спасибо, Чоран.

52

Леонардо в зале для совещаний с другими директорами. Они рассматривают рисунки команды Алессандро: девушка на качелях и девушка на доске для сёрфинга.

— Что и говорить, Белли всегда лучший. У него есть талант, стиль, оригинальность, — Леонардо скрещивает руки. — Возможно, он сделал это благодаря конкуренции с молодым, у него словно была верёвка на шее, которая заставила его работать ещё лучше обычного, верно?

— Наилучшая стратегия...

Леонардо продолжает.

— Я скажу вам только одну вещь: вчера, перед тем как отдать мне рисунки, он погрузился в атмосферу людей. Позавчера он провёл день во Фреджене, с нынешней молодёжью, проникался их тенденциями, вкусами, желаниями. Не считать себя наиумнейшим и наилучшим, в этом Алессандро идеален. Он впитывает толпу, людей, он идёт своей дорогой в тени. Он вампир, питающийся эмоциями и чувствами, Дракула искушения.

— Леонардо смотрит на свои часы: — Он сказал мне, что сегодня утром принесёт слоган и логотип. Что будет работать всю ночь. Представляете, он нанял новых дизайнеров, чтобы придумать, как удивить нас.

Президент ставит чашку кофе на стол.

— Прежде всего, чтобы удивить японцев.

Леонардо улыбается.

— Да, несомненно.

Тут звонит телефон внутренней связи. Голос секретарши говорит:

— Извините, синьор, пришёл синьор Белли.

Леонардо нажимает кнопку.

— Впустите его, пожалуйста, — он встаёт и идёт к двери. Открывает её и поворачивается к остальным, словно делая рекламу: — Господа, наш принц.

Алессандро спокойно входит.

— Всем доброе утро.

Улыбка человека, который сделал некое открытие, но не хочет хвастаться этим. Или, по крайней мере, того, кто знает одну вещь абсолютно точно. Он не поедет в Лугано.

— Вот моя ночная работа, — он кладёт белую папку на стол, в центр. «Слоган Алекса». Слава богу, акульего плавника не видно. Ники ему объяснила, что акула – это фирменный знак Олли, художницы, она пожирает мужчин, а потом превращается в Волну. Но это другая история. Алессандро медленно открывает папку. Все директора, один за другим, включая президента, встают со своих кожаных кресел. Слоган Алекса появляется с полной ясностью в центре стола. Это слова, которые ему так хотелось бы сказать Ники прошлой ночью. Слова, которые мечтали бы услышать, наверное, все девушки. Особенно, если они чувствуют себя чьей-нибудь луной. Леонардо рассматривает оформление. Улыбается. Затем читает вслух.

— Не проси Луну... Возьми её!

Вдруг в зале наступает почти молитвенная тишина. Все переглядываются. Всем хочется сказать это, но всегда страшно быть первым, кто заговорит. Никто не знает, будет ли это последним решением.

Решением президента. На самом деле, только он может допустить такую вольность. Президент встаёт на ноги. Смотрит на Алессандро. Затем на Леонардо. Потом снова на Алессандро. И улыбается. И говорит то, что хотят сказать все.

— Это идеально. Новое и удивительное.

Все начинают аплодировать.

— Отлично!

Леонардо обнимает Алессандро за плечи. Все поднимаются и подходят, чтобы поздравить его. Один протягивает ему руку, другой хлопает по спине, кто-то улыбается, некоторые ему подмигивают.

— Браво, это прекрасно, правда.

Один из более молодых директоров берёт логотип и рисунок, хватает папку подмышку и бежит к двери.

— Я быстро сведу это, сделаем тест для печати для каждого варианта, потом отправим в Японию.

— Да, сделай это прямо сейчас.

Алессандро берёт кофе, который кто-то ему предлагает.

— Спасибо.

Когда ты успешен, тебе кажется, что у тебя много друзей. И наоборот, когда ты переживаешь провал, то если с тобой остаётся хоть один друг, он — великий. Леонардо берёт свой кофе, который он сделал для себя и Алессандро.

— Теперь осталось только подождать две недели.

— Как это? Мы не по Интернету это отправим?

Леонардо хлопает его по плечу.

— Всё время хочется подловить меня, а? Наш принц. Две недели — время принятия решения, собраний директоров, внедрения рекламы на рынок и исследования эффекта твоей вчерашней работы, они посмотрят, действительно ли это так блестяще.

Алессандро улыбается.

— Ах, точно.

— Так что нам остаётся только подождать.

Алессандро допивает свой кофе и идёт к выходу. Все провожают его улыбкой и не упускают возможности снова поздравить его. Но у него в голове вертится одна-единственная мысль. Поехать отдыхать. Праздновать. Он выходит в коридор и подпрыгивает, соединяя ноги в воздухе, с удовольствием, которое позволяет выразить счастье, которое он чувствует. В этот момент он пересекается с Марчелло, своим молодым конкурентом. Здравается с ним улыбкой и подмигивает. Затем он останавливается.

Нерешительный и задумчивый. Но решает попробовать. Протягивает ему руку.

— До следующего соревнования.

Алессандро стоит в ожидании. Что он сделает? Пожмёт руку? Уйдёт, ничего не сказав? Не пожмёт мне руку, а даст пощёчину?

Марчелло долго думает. Ему тоже нужно было ходить на тренинг. Он сохраняет спокойствие и самообладание, самообладание и спокойствие. У него хорошо это выходит. Марчелло улыбается. Протягивает Алессандро руку и пожимает её.

— Конечно, до следующего.

Алессандро удаляется, более спокойный, чем раньше. Ведь самое главное: он – абсолютный победитель. Это и есть настоящий успех.

53

Он уходит. Праздновать, не теряя времени. Дом. Спокойствие. Сказать что-нибудь. Выпить что-нибудь. Смеяться. Не бояться ничего хотя бы в этот момент. Выключить телефон. Потеряться где-нибудь.

— Мне понравился тот фильм, где снималась актриса из фильма «Леон-киллер»...

— Тогда, должно быть, это молодёжный фильм.

— Почему ты записываешь себя в старики? К тому же, сейчас она уже выросла.

— Подожди, я сейчас найду её в Гугле, — Алессандро идёт к своему компьютеру.

— Смотри, это она. Видишь? Натали Портман. Фильм называется «Близость»...

— Посмотрим...

Ники усаживается на его коленях. Она смеётся и пытается искать. Вперёд. Назад. Другая страница. Новый поиск.

— Смотри! Это группа, которая записала саундтрек к фильму. Они крутые. Подожди, послушаем песню...

Алессандро смотрит на неё. Прекрасная, забавная малышка, ловко управляющаяся с мышкой с таким энтузиазмом. Он закрывает глаза и вдыхает запах её волос. И её улыбки. Он не думает ни о чём. И это его беспокоит. Ники поворачивается лицом к нему.

— Эй, что ты делаешь? Заснул, что ли?

— Ещё чего!

— У тебя глаза были закрыты! Ладно, смотри сюда... Вот песни, несколько... *The Blower's Daughter* и *Cold Water* Дамьена Райса, они тоже

классные, *Smack My Bitch Up*, песня Продиджи, послушаем потом? И ещё эти две, но я их не знаю, *How Soon Is Now* и *Come Closer*. Послушаем вот эту... — Ники кликает, и начинает звучать песня: «...Come on closer, I wanna show you what I'd like to do...»

— Красивая. В ней говорится о...

— Нет, нет, Алекс, оставь это мне. Я знаю, что ты знаешь английский. Но так я немного подготавливаю к экзаменам. Мой препод говорит, что у меня хорошее произношение, но хромает лексика.

Ники закрывает глаза и внимательно слушает... «You sit back now, just relax now, I'll take care of you...» Она снова кликает и включает песню сначала.

— Подожди, я пока ещё не поняла, — она снова прослушивает её. На этот раз она не сомневается. — «Подойди, я хочу показать тебе, что мне хочется сделать... Забей на всё, расслабься, я позабочусь о тебе...» Я сомневаюсь насчёт этого «back»... — она немного перематывает назад. — Да, всё вроде так.

На экране высвечивается надпись «Hot temptations, sweet sensations infiltrating through, sweet sensations, hot temptations coming over you».

— Пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста, дай мне снова послушать это, — она смеётся. — Ладно, теперь я могу сказать, как минимум, что я просмотрела что-то. Немного позанималась. — В то время как на мониторе появляется надпись «повтор» и начинают звучать первые ноты песни, Ники встаёт и гасит свет. Одни. В гостиной. Диваны из белой кожи отражают просачивающийся с улицы тусклый свет. Вдалеке проезжает машина, но не слышно ни того, как она сигналист, ни шума её мотора.

Ники открывает дверь террасы. Глубоко дышит воздухом. Затем раздевается. В какой-то момент Алессандро пугается, что её увидит сосед напротив. Он ищет его глазами. Но нет. Вокруг лишь верная подруга — темнота. Платье Ники легко скользит по её коже на пол и скромно остаётся там. Ники выпрыгивает из него, на ходу снимая туфли. На ней нет лифчика. Она подходит к нему, но остаётся стоять перед диваном.

— Не поцелуешь меня?

Алессандро легко целует её в губы.

— Подожди, хочу поставить кое-что.

Он идёт в библиотеку, оставляя её на мгновение одну здесь, освещаемую луной, нежную, как сливки, девушку, от которой исходит лёгкий, прекрасный аромат.

Алессандро возвращается к Ники. Он тоже раздет. Он осторожно убирает её волосы назад. Ники закрывает глаза. Звучит музыка. *She's the*

опе.

— Помнишь?

— Конечно. Бывают моменты, которые не забываются.

Она улыбается ему, обнажая свои идеальные зубы. Они словно светятся в этом полумраке. Отражение рыбы, которая мечется в Карибском море посреди ночи, резко меняя направление, словно унося с собой какую-то тайну луны и её отражения.

— Я подумала, что ты уже надел его...

— Что?

— Как что? Презерватив.

— Я об этом не подумал, — он притягивает её к себе, ласкает её грудь, наклоняется к её лицу, целует её. — Ммм, ты так хороша...

— Ты собираешься взять меня, мужчина? Хочешь проникнуть в меня?

— Пока нет... но я подумаю.

Ники улыбается и страстно целует его. Ей весело. Да. Весёлый поцелуй с языком. Поцелуй, знакомый с любовью и игрой. Наполненный вкусами, желанием, он словно открытое море. Язык, который мечтает говорить. Они ложатся на диван. У Ники гладкие ноги, её чувственный аромат, кажется, цветочный, таинственный, словно скрыт за лесом, который готов быть найденным.

— Ты похожа на прогулку среди цветочного поля, ты словно носишь с собой цветы и лепестки, фиалки, ромашки, маргаритки, дикие розы, душистые травы...

Ники улыбается.

— Что ты говоришь?

— Говорю, говорю...

— Зачем ты говоришь мне все эти глупости, хочешь впечатлить меня? Слушай, может, ты и забыл, но мы уже занимались любовью.

— Глупенькая, я говорю тебе это, потому что иногда прекрасно делать глупости, — он снова целует её. Да, когда ты влюблён, делать глупости здорово... Плохо, когда ты не понимаешь этого, не осознаёшь... Но ты ведь не влюбишься, Алекс? Он спрашивает сам себя. И чувствует себя ещё глупее. Он едва ли не краснеет. Но полумрак всегда тебя спасает, защищает, заставляет тебя мечтать и делать глупости.

— Чем ты занят, а? Иногда мне кажется, что ты всегда что-то исследуешь... Мне это не нравится. Кажется, будто мы в одной из твоих реклам, — Ники отстраняется.

— Я должен сказать тебе правду: я забыл, что мы уже занимались любовью.

— Дурак, — Ники легонько хлопает его по спине, а потом снова сладко его целует.

Алессандро чувствует, как растёт его желание. Он нежно толкает её рукой, и она падает на диван. Она вздыхает, когда он стягивает с неё трусики. У неё прохладная кожа. Алессандро смотрит на неё. Она так красива. И ей семнадцать лет. На четыре года старше дочери Пьетро. Но в чём моя вина? Это Пьетро виноват, что так рано завёл детей. И поэтому ему так хочется свободы. Кто-то сказал: всему своё время. А что сейчас? К чему это время? Чего ещё я могу ждать? Это внезапная вспышка. Голод. Желание. И я уже ничего не понимаю. Смотрю в окно и чувствую другие запахи, а сосед погасил свет, она толкает меня, но делает это нежно, улыбается мне и обхватывает меня ногами, она сверху. Она решительная. Очень решительная. Ай. Она специально это сделала. Она смотрит на меня своими большими глазами. Улыбается. Такая решительная. Прекрасная. Невинная. Я отпускаю себя. И закрываю глаза.

А если сейчас войдёт Елена? У неё есть ключи. Так что она могла бы. Я должен сменить замки. Нет. Пусть заходит, если хочет. Это ведь она ушла. Да, пусть заходит. Было бы отлично, если бы она пришла. Я прижимаю Ники к себе и улыбаюсь ей. Мы целуемся с желанием. Она уже немного знает меня. И я решаю заняться с ней любовью.

— Эй, — она обеспокоенно смотрит на меня, — мы ничем не пользуемся. Осторожней, ладно?

— Ты сама это сказала. Не всё нужно рассчитывать.

Она качает головой и целует меня.

— Ты мне безумно нравишься.

— А ты мне.

А потом я вдруг понимаю. Ох, нет, я точно должен сменить замки.

У моей матери есть ключ.

54

Иногда две недели проходят со скоростью света. Иногда кажется, что они не пройдут никогда. Это – один из таких случаев. Но Алессандро приятно заполняет это время, которое уже и не свободное, и не потерянное, и не подаренное. Это время вынужденного ожидания вердикта японцев. Это время ужинов в самых разных местах. Открытия Ники день за днём. Вкуса этой жасминовой девушки, всегда такой разной, сладкой, горькой, медовой, черничной... шоколадной. Самых прекрасных оттенков, как небо на закате. Иногда она ребёнок. Иногда – подросток. Иногда – женщина. А затем снова маленькая девочка. И иногда он чувствует себя виноватым. А

иногда — таким счастливым, что даже страшно. Но чего он боится? Слишком влюбиться? Того, что это может закончиться? Разницы в возрасте, в работе, в том, какую жизнь они вели до встречи друг с другом? Того, что поэтому он ей не подходит? Но тогда почему он не с Эленой? Абсолютная гармония, тысячи вещей, сделанных вместе, одинаковый жизненный опыт, одинаковый образ жизни. Да. Мы были идеальными. Такими идеальными, что даже в конце сделали это: идеально расстались. Нет. До ответа из Японии осталось чуть-чуть, и я хочу насладиться этим временем. Чистое счастье. Никаких мыслей. Как пришли, так пусть и уйдут. Да, я хочу оставаться на этой волне. Прилив. Как же толковал ту песню Энрико? Ах, да. «Ты живёшь во мне, как морской прилив». Это глубокий страх своих же мыслей и того, что ты не можешь ими управлять. «Я так боюсь, что ты не моя». Энрико, ты великолепен. Тони Коста так и не подал признаков жизни. Как это расследование может занимать так много времени? В любом случае, плата уже внесена, он бы не стал затягивать расследование. Я же звонил ему сегодня, и он сказал, что мы поговорим в конце месяца. Надеюсь, проблем не возникнет. Вдруг в его мысли вторгается голос Ники.

— Милый, что ты делаешь? Ты всё ещё в ванне? Ты с ума сошёл? Мне нужно идти, у меня игра, ты помнишь, что у нас сегодня финал чемпионата по волейболу?

— У нас?

— Ну... да... у меня и моих подруг! Но ты ведь помнишь, правда?

— Конечно.

— Нет, ты забыл!

— Конечно же, я помню! Просто прихорашиваюсь ради тебя... и твоих подруг.

Алессандро с шумом выходит из воды. Мокрый и весь в пене, он с желанием притягивает её к себе.

— Идиот! — смеётся Ники и кидает ему полотенце. — Вот сожму тебя здесь, и посмотрим, как ты заговоришь!

— Ай!

Ники смотрит на неё. У неё сейчас недобрый взгляд.

— Слушай, почему бы нам не поговорить об этом после игры?

— Некоторые вещи лучше обсуждать здесь и сейчас.

Он пытается схватить её, весь мокрый. Ники убегает.

— Алекс! Что с тобой? У меня же финал! Когда ты так себя ведёшь, то похож на ребёнка. Давай. Я стала встречаться с тобой, потому что ты заставил меня поверить, будто ты мужчина!

— Я совершенно отвергаю свою отцовскую роль, у тебя же Эдипов

комплекс, ты ищешь папочку, и так далее, и тому подобное.

— Ты очень сильно ошибаешься. У меня уже есть папа, и я даже представить не могу, чтобы я искала его в тебе. А тебе, в свою очередь, чертовски повезло, что он всё ещё тебя не начал искать. Я пошла. Поеду на скутере. Надеюсь, что ты придёшь!

Ники быстро выходит из ванной. Алессандро кричит ей издалека.

— Конечно, я приду, но скажи, стоит ли этот финал таких усилий и тренировок?

— Идиот!

Алессандро встаёт под душ. Идиот. Только этого мне не хватало... И вот он уже готов выходить. Понемногу, пока она была рядом, всё стало приходить в норму. И кое-кто даже стал забывать о той любви, «которая сводит людей с ума». Быстро. Иногда слишком быстро. Однако Елена продолжает быть настоящим. В то время как он осознаёт это, в то время как вода из душа смывает мыло, кое-что возвращается. Прямо из прошлого. В этот день.

В какой-то момент его посетила безнадёжная мысль о краже. Он начал бегать по дому, задыхаясь. Нет, они не вынесли компьютер. И телевизор. DVD на своём месте. Он бегаёт по всем комнатам. Пустые шкафы, вешалки валяются на полу, одежда разбросана. Как вышло, что ничего ценного не забрали? Он посмотрел на полки. И увидел это. Конверт. Подошёл. «Алексу». Затем он открыл письмо и быстро его прочитал, не веря этим словам, этим фразам без прилагательных, кратким, скудным, ничего не значащим. Безо всяких причин, не говоря ни когда, ни где. И последняя строчка.

«Уважай моё решение, так же, как я всегда уважала твои. Елена»

Тогда он понял. Вот, что у него украли. Любовь. Мою любовь. Ту, что строилась день за днём, с терпением, с желанием, благодаря усилиям. И воровка — это Елена. Она взяла её и забрала с собой, выходя через главную дверь дома, который мы вместе делали своим. Четыре года мелочей, выбора ковриков, распределения комнат, картин, расположенных в том порядке, который следовал за рассветом. Пуффф! В один момент случилась эта диверсия, все споры о том, как организовать дом, просто исчезли. Прощай всё. У меня украли любовь, и я даже не могу пойти в полицию. Тогда Алессандро попал в беспросветную ночь, не имея мужества позвонить какому-нибудь другу, вообще никому; съездить повидаться с родителями, любимыми людьми, с матерью, отцом, своими сёстрами. С кем-нибудь, кому он мог бы сказать: «Элена меня бросила». Ничего. Он не смог. Он, потерянный, один гулял по Риму из тех фильмов великих

режиссёров: Росселлини, Висконти, Феллини. Их истории происходили на этих улицах, с этих ракурсов. А теперь Рим потерял свои краски. Он чёрно-белый. Грустное место, как в одной из его первых работ. Он только попал в свой офис. Он помнит, как будто это было вчера. Всё было чёрно-белым, а затем появился продукт. Маленькая баночка йогурта, которая вернула краски всему городу. И что теперь? Кто должен появиться теперь, в последнем кадре? Она. Только она. Пьяцца делла Република: Елена сидит на скамейке. Она оборачивается. На первом плане её улыбка, и весь город снова становится цветным. Сверху, сверкая красным, появляется фраза: «Любовь моя, я вернулась». Только этот фильм не покажут ни в одном кинотеатре. И на этой площади никого нет, кроме двух иностранцев, сидящих на скамейке. Они смотрят на открывающийся им вид города. Они гуляют здесь, среди тысяч рук, не находя того, что ищут. Может быть, они потерялись. Но они смеются. Потому что оба они всё ещё здесь. И, может, они не потеряют друг друга. Алессандро идёт дальше. Самое грустное, что завтра утром у меня совещание с какими-то японцами. В Капри. Мне бы хотелось позвонить в офис и сказать: «Я не приду, я болен. Остановите планету, я сойду». Но нет. Он всегда исполнял свой долг. И я не могу не пойти. Они верили в меня. Я не хочу никого разочаровывать. Я ведь верил в Элену. И Елена меня разочаровала. Почему? Я верил в неё. Верил в неё. Потом он сел на поезд, нашёл своё место, подождал полчаса, пока поезд тронется. Затем он сел напротив красивой пятидесятилетней женщины. У неё на руке было обручальное кольцо, всю дорогу она разговаривала со своим мужем. Алессандро, сам того не желая, слышал весь разговор. Нежный, забавный, пронизанный любовью. Я тоже просил Элену выйти за меня. Мы тоже могли проводить наши дни порознь, каждый на своей работе, но всегда быть близкими, быть одним целым, и звонить иногда друг другу, чтобы поздороваться, послать поцелуй, рассказать шутку, как эта синьора напротив делает это вместе со своим мужем. Мы могли бы говорить друг другу слова любви в любой момент, всегда, смеяться вместе, как это делают они. Но нет. Всё это уже невозможно. И Алессандро начал плакать. В тишине. Медленно текли слёзы. Он надел солнцезащитные очки, чёрные Ray-Ban, которые могут спрятать его боль. Но слёзы, когда появляются, они как дети: рано или поздно сбегают. Тогда Алессандро снял очки, и слёзы, свободные, стали литься все сразу. И его щёки стали мокрыми, а губы — солёными. Ему стало стыдно, и он попытался вытереться тыльной стороной ладони. Синьора это видела и, в конце концов, испытывая неловкость, положила трубку. Потом она подошла к нему, добрая и вежливая.

— Что случилось, вы получили плохую новость? Я сожалею...

— Нет... просто меня бросили, — Алессандро просто взял и сказал это незнакомой женщине. — Простите, — он рассмеялся, вытирая слёзы на ходу и шмыгая носом.

Синьора улыбнулась и протянула ему бумажный платочек.

— Спасибо, — Алессандро высморкался и вытерся. Потом тоже улыбнулся. — Просто когда я слышал, как вы разговариваете по телефону со своим мужем, такая весёлая, наверняка, вы провели вместе много лет...

Синьора ласково прервала его.

— Это был не мой муж.

— А, — Алессандро посмотрел на её руки, на обручальное кольцо.

Синьора это поняла.

— Да. Это мой любовник.

— А... Извините.

— Нет. Ничего страшного.

Весь остаток дороги они провели в тишине. До Неаполя. Доехав до этой станции, синьора попрощалась.

— Прощайте, и всего вам хорошего, — улыбнулась она. А затем вышла.

Алессандро взял свой багаж и тоже вышел из поезда. Он проводил женщину взглядом и спустя пару шагов увидел, как она обнимается с мужчиной. Он поцеловал её в губы и взял её чемодан. Они шли по перрону. Затем он остановился, поставил чемодан и поднял её в воздухе, в небо, подбрасывая с силой. Алессандро наблюдал эту сцену. У него тоже обручальное кольцо. Должно быть, это её муж. Конечно, любовник тоже может быть женатым. Но иногда всё проще, чем кто-то себе представляет. Они пошли дальше, к стоянке такси. Она обернулась, увидела его, помахала издалека рукой и вновь обняла мужа. Алессандро вернул ей улыбку. Затем спокойно сел в своё такси. Стиснул зубы. Он продолжил своё путешествие. Подводное судно проехало мимо Капри, но Алессандро даже не видел море. Оно синее, чистое, спокойное. За окнами, грязными от соли и брызг, оно казалось почти таким же серым, как его сердце. Теперь он на виа Камерелле, здесь совещание с японцами. Он глубоко вздохнул. И вдруг что-то изменилось. Это словно боль во что-то трансформируется. Через переводчика он их развлекал, уговаривал, успокаивал, объяснял какие-то итальянские анекдоты. Он прикрывает рот рукой, когда смеётся. Он задокументировал всё, что касается этого дела. Им кажется дурным тоном показывать окружающим свои зубы. Алессандро прекрасный, педантичный, подготовленный. Всё на «п», почти идеально. Одно ясно. В

работе он не хочет разочаровывать. Потом он начал рассказывать об идее для их продукта. Ему пришла в голову так себе идея, но японцы выслушали с энтузиазмом, едва с ума не сошли, в конце он получил много хлопков по спине. Переводчик тоже счастлив, он сказал ему, что они счастливы поздравить его, что его идея великая, гениальная. И Алессандро выдохнул, наконец, когда, после прощаний, раздавал им свои визитки обеими руками, как это делается в Японии. А они улыбались, завоёванные. Так что Алессандро уже может возвращаться. Он выполнил свою работу, никого не разочаровал. Наоборот. Он сделал больше. Преподнёс новую идею, идею, которая понравилась. Простую. Идею, которая вызвала улыбки. Прямо как эта жизнь, которую он хотел бы прожить.

Пейзаж крупным планом. Поезд движется быстро. В одном из вагонов сидит на своём месте женщина и плачет. Подойдём к ней. Плачет. Тихо, долгое время, на глазах у остальных пассажиров, которые переглядываются, не зная, что делать. Поезд останавливается, пассажиры выходят. И каждый кого-то обнимает. Всех кто-то ждёт. Единственная, кого никто не ждёт, – это плачущая женщина. Но вдруг она улыбнулась. Подошла к машине. Новый продукт японцев. И она уезжает на нём. Теперь это счастливая женщина. Она вновь обрела любовь в этой машине. «Любовник, который не изменит. Мотор, который не заглохнет».

И Леонардо, его директору, это показалось фантастической идеей.

— Ты гений, Алессандро, просто гений. Вулкан креативности. Эффектно и с простой историей. Женщина, которая плачет в поезде. Великолечно. Как Лелуш, «Выбор Софи», мы не знаем, почему она плачет, но в конце точно знаем, почему она смеётся... Великий. Ты великий.

Он думал о том, что они видели главным героем рекламы мужчину... Мужчину. Но ты прав, это было бы неправдоподобно, где это видано, чтобы мужчина плакал? К тому же, в поезде...

— Да. Где это видано.

Алессандро выходит из душа и быстро вытирается. Потом начинает одеваться. Знаешь, что самое плохое в этой жизни? В ней нет времени даже на боль.

55

Мяч подлетает вверх. Две девушки прыгают по направлению к сетке. Ники как следует считает шаги. Один, два, прыжок. Но на другой стороне сетки две противницы поняли манёвр и ставят блок. От удара Ники мяч подскакивает, снижается и падает на их поле.

Пиинии.

Свисток арбитра, который протягивает руку налево. Очко команде соперников.

— Нееет! — Пьеранджело, тренер, не перестаёт суесться, он снимает бейсболку с головы и ударяет ею по ближайшему столу. Ясно, что в этот момент попытки его игроков не отвлекут его. Их ошибки его только раззадоривают. Соперницы готовы их разгромить. В этот момент маленькая дверца в глубине спортзала открывается. В пиджаке, идеально подходящем к тёмно-синим брюкам, в рубашке в голубую, белую и синюю полоску, всё ещё источающий запах душа, приходит Алессандро. Он улыбается. Несёт что-то в руках. Ники видит его и тоже улыбается. Затем слегка усмехается, словно говоря: «Слава богу, ты пришёл!».

Его приход в этот момент – словно амулет из сумки тренера. Эта команда не может проиграть. Прыжки и блоки, касания предплечий и мячей, подброшенных вверх, борьба, борьба, снова борьба. Невероятная игра команды. И наконец... гол!

— Побеждает команда Мамиани со счётом 25:16!

Девушки кричат, обнимаются и все вместе прыгают, опираясь на плечи друг друга. Но в конце Ники выбирается снизу и уходит. Она бежит, как сумасшедшая, взволнованная и вся в поту, и запрыгивает на него, обвивая своими длинными ногами бёдра так элегантно одетого Алессандро.

— Мы победили! — долго целует его она, такая сладко-солёная.

— Никогда и не сомневался. Вот, это тебе, — Алессандро протягивает ей пакетик. — Держи вот так, в вертикальном положении.

— Что это?

— Это для тебя... Или, лучше сказать, для неё.

Алессандро улыбается, когда Ники открывает подарок.

— Не-е-ет... как красиво, жасминовый кустик.

— Хотел подарить что-то так подходящее тебе... жасминовая девушка...

И так они продолжают целоваться и дальше, не замечая ничего больше, ни людей, проходящих мимо них, ни победителей, ни проигравших в этом важном финале, хотя, если подумать, не такой уж он был и важный. Потом Алессандро больше не может держать её, и они падают между стульев на трибунах. Но им не больно. Они смеются. И продолжают целоваться. И не нужно ничего делать. Иногда любовь в самом деле побеждает всё.

и... ладно, просто после.

Ники выходит из ванной с полотенцем, обмотанным вокруг головы, всё ещё горячей от пара, но не только от этого. У неё красные щёки, а дыхание томное после любви.

— Алекс, что это? — она показывает ему рисунок с дизайном всей гостиной в масштабе, с мебелью, креслами и столиками.

— Ах, это... — На самом деле, он всё прекрасно помнит. Как он может забыть? Телефонные ссоры Элены с управляющим, скидка, которую он не хотел делать, и все эти звонки, споры из-за задержки доставки этой мебели, такой большой и такой дорогой. Вот оно всё, нарисованно здесь. А самое главное, что до сих пор ничего не доставили.

— Кхм... это... это проект гостиной.

— Здесь раньше была такая мебель?

— Нет. Будет потом...

— Что? Я тебе не верю! Это ведь просто ужасно! Пространство будет очень перегружено.

Алессандро не может поверить. Точно то же самое он сказал Элене.

— Ладно, в конце концов, это твой дом, делай, как считаешь нужным, окей?

А это точная противоположность тому, что Елена сказала ему в ответ. Алессандро улыбается.

— Ты абсолютно права... жаль.

— Жаль? Ты уже оплатил это?

— Нет. Я должен заплатить, когда всё доставят.

— И это должно произойти... — Ники просматривает страницу, — четыре месяца назад? Ну, тогда ты можешь отменить заказ, вернуть те деньги, что ты заплатил за доставку и предоплату, и даже требовать возмещения ущерба. Звони сейчас же! Давай, я наберу номер.

Ники хватает симпатичный беспроводной телефон, лежащий на единственном столе пустой гостиной, и набирает номер мебельного салона, написанный ручкой в уголке плана. Ждёт гудков и, как только на том конце отвечают, передаёт телефон Алессандро.

— Говори, говори...

— «Домашний стиль», чем могу вам помочь?

Алессандро рассматривает листы в своих руках и находит выделенное имя: Серджио, служащий, что занимался ими.

— Кхм, да, я бы хотел поговорить с Серджио. Я Алессандро Белли... С улицы...

— Ах, да, я помню. Извините, мне жаль, но вашу мебель ещё не

доставили, так как были проблемы в Венето. Но сейчас всё уже готово к отправке. И совершенно точно вам доставят всё до конца месяца.

— Извините, Серджио, но я уже не хочу эту мебель.

— Как? Но ваша синьора... мы с ней спорили целый день. В конце концов, она добилась того, что я сделал ей скидку, хотя хозяева мне это запретили. И мне даже пришлось спорить с ними.

— Хорошо, можете успокоить их. Теперь вы не должны делать мне скидку. Вы не уложились в сроки. Но я не хочу ввязываться в очередную драку. Я только хочу, чтобы мне вернули деньги за доставку и предоплату. Спасибо и до свидания. — Он вешает трубку, не давая времени ответить. — Этому я научился у тебя, — он улыбается Ники и вздыхает. Расслабленный, удовлетворённый вздох со вкусом свободы, чего никогда раньше он не испытывал.

Ники смотрит на него. Затем осматривает гостиную.

— Так ведь лучше, правда?

— Пренамного.

— Так не говорят.

— В таких случаях – говорят, и к тому же твоя Бернарди меня не слышит, — Алессандро притягивает её к себе и обнимает. — Спасибо.

— За что?

— Когда-нибудь я тебе объясню.

— Как хочешь.

Они обнимаются. Целуются. Ники встаёт.

— Слушай, если тебе захочется, на днях я могу съездить с тобой в центр, когда ты соберёшься выбрать новую мебель, — она направляется в ванную, чтобы одеться. — Только никаких громоздких вещей, окей? Только если ты сам захочешь. Если нет, то поедешь один, ничего страшного, — Ники заходит в ванную, но сразу же резко выходит обратно. — Я видела, что тут должно было стоять, и если выбирал ты, то я точно иду с тобой! — Затем она, снова став серьёзной, бросает на него последний взгляд: — В любом случае, это твой дом.

— Конечно.

— И вообще, если однажды произойдёт что-то, чего, ты надеешься, не случится никогда, вспомни об этом, — и она наконец исчезает в ванной.

Алессандро просовывается в дверь.

— Этого не случится.

— Ты думаешь?

— Я уверен.

— Так же, как был уверен, что никогда не свяжешься с малолеткой?

Алессандро улыбается.

— Да ладно, это вообще было моей мечтой.

— Конечно, — Ники надевает блузку. — Потому что это заставляет тебя погрузиться в прошлое!

— Ну, на самом деле, меня многое возвращает в прошлое! Давай, шевелись, пойдём куда-нибудь поесть.

Ники надевает брюки и смотрит на него.

— Ах, ах... я не в том возрасте, чтобы становиться женой. Отойди, — она заставляет его отойти в сторону, — хочу посмотреть, что у тебя есть на кухне. Этим вечером ужинаем дома.

Алессандро удивлён. Приятно удивлён. Затем он идёт в гостиную и ставит диск. *Save Room*, John Legend. Ложится на шезлонг. Пультом немного убавляет звук. Закрывает глаза. Как прекрасно быть с такой девушкой. Жаль, что она не старше, чем есть... Ну хоть немножечко. Немного, на три-четыре года, было бы ей хотя бы двадцать. Или, как минимум, закончила бы институт. Время. Как всегда — проблема во времени. Но какого чёрта, она так помогла мне в работе. И, к тому же, когда мы рядом...

С кухни слышится голос Ники.

— Длинную пасту или короткую?

Алессандро улыбается.

— А какая разница? Зависит от начинки, так ведь? Ладно, давай короткую.

— Окей!

Алессандро вновь расслабляется. Он ещё больше отпускает себя. Медленная музыка. Такая медленная...

— Алекс?

— Да?

— Ужин готов... Ты спал? Ты просто невозможный! Двенадцать минут. Время готовки.

— Я не спал. Мечтал о тебе, — заходит он на кухню, — и о том, что ты готовишь. Ммм, пахнет неплохо. Кажется, вкусно. Сейчас посмотрим.

— Что посмотрим?

— Либо ты настоящая скромница, либо настоящая хозяйка.

Алессандро садится за стол. Замечает, что в маленькой вазе стоит цветок, сорванный на террасе. Две зажжённые свечи рядом с окном создают уютную атмосферу. Алессандро с любопытством пробует одну из этих паст. Закрывает глаза. Растворяется в этом вкусе, нежном, потрясающем, цельном. В самом деле вкусно, что и говорить.

— Слушай, очень вкусно. А что это?

— Я называю это «карбонарская крестьянка». Блюдо моего собственного изобретения, но его можно сделать лучше.

— Как?

— В твоём холодильнике не хватает некоторых базовых ингредиентов.

— Мне это кажется восхитительным уже таким, какое есть.

— Потому что ты ещё не попробовал настоящих. Не хватает нескольких тонких соломок моркови и чуть-чуть лимонной цедры...

— Всего-то? С ума сойти, встретить красивую девушку, ещё не слишком-то взрослую, которая уже умеет так хорошо готовить, – это мечта.

— Такая же, как та, что была у тебя до ужина?

— Нет, лучше. О таком я и мечтать не мог.

— В любом случае, сбавь обороты, Алекс, я умею готовить только два блюда. А когда ты попробуешь второе, то начнём всё сначала...

Алессандро улыбается и дальше ест эту странную пасту а-ля «карбонарская крестьянка». Элена никогда не делала для меня ничего подобного. Исключения, конечно, бывали, какой-то холодный салат со странным сочетанием вкусов: лесные ягоды или фрукты, солёные фисташки и гранат... И иногда какое-то французское блюдо, изысканное и дорогое. Пожалуй, всё... Деньги были не её. Но она никогда не готовила. Никогда здесь не было вкуса домашней пищи, не было пара, соуса в кастрюльке, пасты в этом соусе. Этой пищи, которая так легко отражает любовь.

Ники берёт бутылку вина.

— Этому блюду подойдёт белое. Как считаешь?

— Оно идеально.

— Я поставила его охлаждаться в холодильник ненадолго.

Алессандро касается бутылки.

— Так быстро охладилось!

— Достаточно окунуть бутылку в холодную воду перед тем, как ставить в холодильник.

— Где ты этому научилась?

— Видела, что так делает мой отец.

— Отлично. Чему ещё ты научилась у отца?

Ники наливает ему вино.

— Как в некоторых случаях избежать секса.

Затем она наполняет и свой бокал. Поднимает его. Алессандро вытирает рот и берёт свой. Они чокаются, и звон венецианского стекла заполняет воздух, вторгается в кухню.

Ники улыбается.

— Но, знаешь, боюсь, что тот урок я так и не усвоила, — она пьёт и смотрит на него напряжённо. — Но я этому рада.

Они и дальше сопровождают ужин лёгким и спокойным разговором. Приправляют салат. Болтают о прошлом, о тяжёлых фильмах, об авторском кино, о страхах. Чистят персики.

— Когда мне было пятнадцать и я был в Америке, мы с друзьями ходили на концерт Мадонны. Тогда она была двадцатилетней никому не известной толстушкой.

— А я видела её в прошлом году в Олимпико с Олли и Дилеттой, а Эрика не пошла, потому что у Джорджии случились какие-то неприятности с билетами. Сейчас ей сорок, она тощая и знаменитая.

Она рассказывают друг другу и многие другие детали о прошлой жизни, главным образом, той, что они провели один вдали от другого. Понемногу. Одно за другим. Красочные и весёлые кусочки пазла, иногда и болезненные, сложные для объяснений. И, словно смазанные клеем, воссоединяются эмоции, кусочки правды, какая-то ложь, что-то, в чём мы не способны признаться даже себе самим. Ники поднимается, чтобы вымыть посуду. Алессандро останавливает её.

— Оставь, завтра придёт домработница. Пойдём отсюда. Можем посмотреть DVD.

Вдруг раздаётся звонок домофона. Ники ложится на диван.

— Домработница пришла раньше срока?

Алессандро подходит к двери.

— Понятия не имею, кто бы это мог быть, — но на самом деле у него есть подозрения. Елена. Эта мысль его терроризирует. Не хотел бы я никогда оказаться в подобной ситуации. Подобной – это какой, Алекс? Ты ничего ей не должен. Ладно, по крайней мере, она не поднялась и не открыла дверь своим ключом. Возможно, она подумала, что через три месяца ты здесь можешь быть не один, так ведь?

— Да, кто это?

— Алекс, это мы, Энрико и Пьетро.

— Что случилось?

— Кое-что очень важное. Мы можем подняться?

— Конечно, — открывает дверь Алессандро.

— Кто это? — спрашивает Ники, перебирая каналы.

— Двое друзей.

— В такое время?

— Ну, да, — Алессандро смотрит на часы. — Сейчас девять тридцать.

— И они пришли так рано?

Стук в дверь. Алессандро идёт открывать.

— Здорово, парень! — Пьетро обнимает его, затем присвистывает и пытается сжать его рукой между ног. — Чем планируешь заняться со своим монстром?!

— Хватит, держи себя в руках! — Алессандро убегает от него. Потом он понижает голос, почти шепчет: — Я не один. Входите, я вас представлю.

Оба идут за ним. Пьетро смотрит на Энрико.

— Это не...?

— Нет. Не может быть. После того, что с нами было...

— Ты так ничего и не понял, да? Женщины иррациональны, а ты наоборот настаиваешь на том, чтобы найти в себе силы, найти какую-то причину...

— Ты можешь говорить всё, что хочешь. Но это не может быть она.

Алессандро входит в гостиную, пропуская друзей вперёд.

— Представляю вам Ники.

Из-за дивана, медленно поднимаясь по подушкам босиком, появляется Ники.

— Привет! Хотите съесть чего-нибудь? Я приготовила пасту, — она спрыгивает с дивана. — Немного вина? Кока-колы? Рома? Хоть чего-нибудь?

Энрико смотрит на Пьетро. Посылает ему удовлетворённую улыбочку, словно говорящую: «Видишь? Это не она». Затем шепчет:

— Ты проиграл.

— О чём вы говорите? — любопытный, Алессандро подходит к ним.

Но именно в этот момент звонит телефон Ники. Она снова подпрыгивает с дивана и берёт свою сумку, лежащую на стуле.

— Да?

— Привет, Ники, это мама. Ты с Олли?

— Нет. Я с другой компанией.

— Она тебе звонила. Ищет тебя.

— Слушай, я ей говорила, что буду с другими людьми. Просто Олли всё время ревнует.

— Ты с кем-то наедине?

— Не-е-ет... Уверяю тебя, нас много.

— Я тебе не верю.

— Ну, мама, как тебе не стыдно, — Ники видит, что легко не отделается. Прикрывает трубку. — Эй, извините, но моя мать — параноик. Не могли бы вы поговорить немного все в раз? Просто чтобы она подумала,

будто тут толпа народу.

Пьетро улыбается.

— Конечно, ничего сложного.

Как только Ники убирает руку от телефона, Пьетро, Энрико и Алессандро начинают болтать и шуметь.

— Окей, что будем делать? Поищем остальных?

— Да, в доме моей подруги Илариин вечеринка, ай, нет, у Алессандры!

Ники показывает знаками, что они всё делают правильно. Потом немного отходит и продолжает разговор с матерью.

— Ну что? Ты довольна? Услышала, сколько здесь народу? Ты заставляешь меня думать, что ты немного того. Когда ты начнёшь хоть немного доверять мне? Когда я вырасту и мне исполнится пятьдесят?

— Просто столько всего происходит... Ники, мы живём в мире, который не позволяет доверять кому-либо.

— Можешь быть спокойна, мама, я в порядке и скоро вернусь.

— Твой отец убеждён, что ты завела нового парня, который принадлежит к другому кругу.

— Ладно, его тогда тоже успокой. Ничего такого, я с теми же, что и всегда!

— Ники...

— Да, мама?

— Я люблю тебя.

— И я тебя, и не хочу, чтобы ты волновалась.

Она закрывает телефон. Смотрит на него с момент. Нежная мысль после всего этого. С одной стороны, так хочется чуть больше свободы. Но с другой – какое же удовольствие, что о ней так заботятся. Она улыбается сама себе и возвращается к остальным.

— Спасибо... Вы были очень любезны!

Пьетро улыбается и вытягивает руки.

— Ничего особенного.

— Конечно, — подхватывает Энрико.

— Уверены, что ничего не хотите выпить?

— Нет, нет, серьёзно.

— Окей, по телевизору ничего не идёт, да и спутник барахлит, так что я сбегая в видеосалон на углу, возьму какой-нибудь диск. Они открыты до одиннадцати. Будут какие-нибудь предпочтения, Алекс?

— Нет, бери, что захочешь.

— Окей. Хотите, я принесу вам мороженого?

— Нет, нет, не волнуйся, — Пьетро хватая себя за живот. — Как

видишь, мне уже нельзя ничего такого.

— Мы на диете...

— Ладно. Скоро вернусь, — Ники выходит и закрывает дверь.

Пьетро воздевает руки над головой.

— Мороженое?! Чёрт, всё с ног на голову! Нужно было сказать ей: приведи с собой свою подругу, любую, достаточно, чтобы она была как ты!

— А сколько ей лет? — спрашивает Энрико.

Алессандро наливает себе что-то выпить.

— Она молода.

Пьетро подходит и тоже берет себе стакан.

— Энрико, а тебе какая разница, сколько ей лет? Она настоящая конфетка!

— Пьетро!

— Она намного лучше русских, двоих, вместе взятых! — он тоже наполняет свой стакан. Выбрал себе односолодовый виски. Он ведёт себя как сумасшедший: — Пожалуйста, пожалуйста, скажи мне, хоть нет никакой разницы... сколько же лет этой Ники?

— Семнадцать.

Пьетро безвольно садится на диван.

— Боже мой, я в шоке... Какая кобылка, мачо, какая кобылка!

— Кто?

— Она, ты, не знаю... у меня слов нет! — тут он даже подпрыгивает. — Алекс!

— Что?

— Тебя ведь не посадят за связь с семнадцатилетней, правда?

— До шестнадцати сажают.

— Ах, да... Тогда мне нравится это ещё больше, сама идея меня возбуждает.

— Пьетро, ты уже знаешь, что ты больной?

— Я никогда не говорил обратного. Меня роняли головой вниз, когда я был маленьким. Да о чём я, с рождения. С другой стороны, это было первое, что я увидел, и так и не смог забыть...

Энрико пихает его. Затем и он перестаёт скрывать своё любопытство.

— Как ты с ней познакомился? Она одна из твоих рекламных моделей?

— Ещё чего! Мы с ней попали в аварию, я вам рассказывал уже.

Пьетро качает головой.

— И ещё раз — какая кобылка! Теперь я понимаю, почему тебя стало не видно в последнее время. Ужины, вечеринки, сорокалетие Камиллы... Теперь ясно, почему ты опаздывал.

— Ну, возможно, я вновь нашёл себя. И знаете что? Мне никогда не было так хорошо.

— Я верю тебе, — Пьетро одобрительно кивает. — Кому может быть лучше, чем тебе? И тебе повезло, что виагру уже изобрели. Наверное, она даже поверила, что ты и в самом деле такой. Это нормально...

— Слушай, ты debil. Опустим тот факт, что я её не принимаю и в этом не нуждаюсь, но я говорю о другом. Это абсолютно новые чувства. Я чувствую себя самым собой. Точнее, возможно, я чувствую себя самым собой в первый раз в жизни. Думаю, я себя так чувствовал только однажды, когда мне было восемнадцать и я переживал свою первую любовь.

Пьетро встаёт с дивана.

— Ладно, Энрико, пойдём, оставим его в раю. Как бы там ни было, ты никогда не убедишь меня в том, что не принимаешь виагру.

— Ну и ладно...

Пьетро смотрит на него.

— Слушай, дело ведь не в том, что вы с ней просто друзья?.. Я хочу сказать... — он изображает большим и указательным пальцами пистолет и кричит в пустоту: — Не потому, что вы ничего такого не делаете, да?

Алессандро хватает его и начинает толкать к двери гостиной.

— Давай, вон отсюда, уходи! Я даже не собираюсь отвечать.

— А, ты видишь? Мне и раньше казалось, что ты странный.

— Да, да, можешь думать, что ты победил, — открывает дверь Алессандро.

Они уже на лестничной клетке, когда Энрико догоняет его.

— Мы с тобой должны поговорить в конце месяца о том деле.

— Не парься.

Затем Алессандро смотрит на них двоих с мгновение.

— А зачем вы двое явились? Вы сказали, что у вас что-то важное.

Пьетро и Энрико переглядываются.

— Нет, просто давненько не виделись, и ты недавно расстался с Эленой, так вот, мы хотели знать, как ты...

Алессандро улыбается.

— Спасибо. Теперь вы понимаете, да?

Пьетро берёт Энрико за куртку и тащит в лифт.

— Конечно, понимаем. Это шикарно! Ладно, пойдём... Оставим его в Эдеме. Да, и не забудь спросить её, нет ли у неё подруги.

Алессандро улыбается и закрывает дверь. Пьетро нажимает кнопку лифта. Двери закрываются. Пьетро смотрит на себя в зеркало. Поправляет куртку. Энрико опирается о стену лифта и смотрит на него через

отражение.

— Мы правильно сделали, не сказав ему?

Пьетро возвращает ему взгляд.

— Не знаю, о чём ты мне говоришь.

— О том, что было вчера ночью...

— Я прекрасно понял. Я хотел сказать – да, так лучше. Словно ничего не случилось. Или ты хочешь разрушить его рай? — он выходит, не дожидаясь друга. Садится в свою машину. Энрико догоняет его.

— Конечно, нет. И он никогда не узнает.

— Может, да, а может, нет, — отвечает Пьетро, открывая окно. — Жизнь покажет. Это просто вопрос времени, как и всегда. Не нужно подгонять жизнь. — Он уезжает, оставляя Энрико здесь. Тот садится в свою машину. Это точно. Это только вопрос времени. И ему самому всё теперь кажется проще. Уже ясны сроки. Конец месяца. Да, в конце месяца он всё узнает. У него не останется никаких сомнений. Рай. Или ад.

57

Комната цвета индиго. Она.

Вдруг. Бип-бип.

«Любовь моя, увидимся завтра в 7. У меня для тебя сюрприз. Ты всегда говоришь что я не романтик. Но ради нашей даты я тебя удивлю!»

Она читает сообщение. Это правда. Завтра наша годовщина. Первая. Вот чёрт. Но эту ночь мы не можем провести вместе, завтра у меня проверка в первом часу. И когда он придёт, я буду спать. Вот. Сегодня вечером я должна купить подарок. «Спать»? «Должна»? «Подарок»? Что ты несёшь? Эй, тссс, ты ведь помнишь, правда? Это по нему ты умирала в прошлом году. Это у него такая широкая спина и добрые глаза. Это он так нравится твоей матери и тёте. Понятно? Он это... он. И сегодня год, как вы вместе. Ты должна говорить «ХОЧУ купить ему какой-нибудь подарок», а ещё лучше – «тот самый» подарок. А кого волнует, что сейчас шесть утра? Да, такой я должна быть. Всё делить с ним. И счастье, и безумие, и желание бежать, кричать... И любить его больше всех. Как раз наоборот, всё совсем не так. Почему я такая? Думаю о сне, вместе того, чтобы радоваться, что мы с ним куда-то пойдём. Я хочу любить его. Но нет, нет. Так не говорят. Говорят «я люблю его» и всё. Девушка бежит в свою комнату и открывает шкаф. Одна, две, три, четыре вешалки с красивыми короткими платьями. Но не хватает ей не одежды, а желания прихорашиваться для него. Затем она останавливается, чтобы рассмотреть одно за другим. Разглаживает их руками. На секунду останавливается перед жёлто-синим, с маленькими

рисунками в восточном стиле. Её любимое. Она пытается представить себя одетой так перед ним в ресторане. Она напрягает воображение, задумавшись о том, какой подарок купить. Но радости нет. Нет никакого трепета. Нет ничего. Тишина. Страх. Темнота. И она начинает плакать от злости. Плачет, потому что не чувствует того, что ей хотелось бы чувствовать. Плачет, потому что иногда нет вины, и ты никого не хочешь заставлять страдать, но ты чувствуешь себя злой, неблагодарной. Вопросы, слишком много вопросов, чтобы скрыть единственную правду, которую она знает. Но другое дело – признать её. Признать – значит свернуть на следующем углу и пойти другой дорогой. Затем она ищет себя. Смотрится в зеркало. Но себя не находит. Там другая.

58

Дзынь. Дзынь. Дзынь. Звонок звучит весело. Алессандро подпрыгивает и едва не падает с шезлонга. Опирается рукой о пол, поднимается и бежит к домофону.

Дзынь. Дзынь. Дзынь. Неплохой ритм.

— Кто это? Что случилось?

— Алекс, это я, ты откроешь мне?

Алессандро дважды нажимает на кнопку и возвращается в гостиную. Который час? Десять с четвертью. Он проспал почти полчаса. Алессандро открывает дверь точно в тот момент, когда приходит Ники. У неё прерывистое дыхание.

— Я поднялась по лестнице, чтобы не терять форму. Чем ты был занят? Ты спал, так ведь?!

— Нет, я был здесь, — пытается оправдаться он, — сидел в Интернете.

— Ага, конечно, — Ники просовывает голову в его кабинет и видит, что там темно. — И ты так быстро выключил компьютер?

Алессандро обнимает её и притягивает к себе.

— Конечно, как видишь... а я очень быстрый, — целует он её. — Какой фильм ты взяла?

— «Близость».

— Не говори ничего. Мы слушали саундтрек... Я никогда его не видел.

— Он неплохой. У меня есть идея. Почему бы нам не посмотреть его в постели?

— Почему, это эротический фильм?

— Какая же ты свинья! Нет, он не такой. Ладно, может, немного, но не поэтому... Я бы хотела посмотреть его в постели, как будто мы в нашем доме.

Алессандро смотрит на неё с внезапным удивлением. Ники усмехается.

— Да, я это знаю, твой дом, это твой дом, но я имела в виду, если бы мы жили вместе, как если бы мы были парой, понимаешь?

Алессандро улыбается.

— Единственное, что я хотел тебе сказать, – ты самая красивая.

Ники улыбается. Потом уходит в спальню. Очень быстро раздевается. Сбрасывает брюки, трусики, блузку, лифчик, призраков прошлого. Бежит к телевизору, ставит диск в DVD-проигрыватель под ним. Но когда слышит шаги Алессандро, прикрывает грудь, выбегает и прыжком попадает в постель. Она укрывается до самого подбородка. Затем берёт пульт.

— Хочешь посмотреть его на английском?

— Нет, спасибо. Завтра у меня совещание с немцами.

— Окей, тогда на итальянском. Давай, ускоряйся, диск уже поставлен, фильм начинается.

Алессандро быстро раздевается и залезает к ней в постель.

— Отлично, как раз вовремя. Начинается прямо сейчас.

Ники пододвигается к нему, прижимается, кладёт свои холодные ступни на его горячие ноги, всем своим хрупким существом ложится на его плечо. Дальше – титры, кое-какие кадры, забавные моменты, описание главных героев. Фото, песня, и вот начинается история любви. Аквариум. Встреча. А потом вдруг всё запутывается. Рука Ники медленно скользит под простынями. Ниже. Ещё ниже. По всему его телу. Его нога... Она играет и дразнит, ласкает и гладит, перестаёт задевать его вообще. На очереди его живот. Алессандро дрожит. Ники смеётся и вздыхает, распяляется всё больше, опускает ногу и кладёт на него. Её руки словно умножаются, как неожиданное желание, которое превращается в любовную историю. Выдуманную, мечтательную, превратившуюся в простой фильм, а затем внезапно ставшую правдой, как все эти слова, которые может объяснить постель. На мгновение начинает казаться, что такие моменты – навсегда, может, однажды они забудутся, но сейчас кажется, что это навсегда.

Позже. Ещё позже. Ники переворачивается и заставляет себя вылезть из постели. Слышен скрип. Алессандро просыпается.

— Эй... куда ты?

— Уже два. Я сказала родителям, что вернусь не поздно. Будем надеяться, они уже спят. Так же, как на этот раз уснул ты. Ты не можешь отрицать этого, любимый...

— Что ты сказала?

— Слушай, не дразни меня.

Ники начинает подбирать свою одежду, немного смущённая.

— Нет, нет, подожди... — Алессандро садится на кровати, скрещивает ноги, укрытые простынями. — Повтори последнее слово...

Ники бросает всё обратно на пол и залезает в постель. Она встаёт на колени, раздвинув ноги, и смотрит на него сверху.

— Мне жаль. Всё уже решено. Ты правильно услышал. Прости, но я люблю тебя.

59

Он купил себе новую красивую спортивную куртку, джинсовую, светло-синюю, марки Fake London Genius. Он столько слышал о ней... В волосах у него этот синий гель, которым пользуются почти все в Джардинетти. Немного немного лака для волос никогда не будет лишним. Так поёт тот рэпер – как же его? – ну, он не очень-то известный. Фабио что-то там. Может, когда-нибудь он вспомнит. Вот бы знать... Мауро смотрит на своё отражение в витрине. Похож я на плохого парня с окраин? М-да... А ещё я нацепил на себя большую цепь, такую блестящую. Я ношу её, только когда хожу на футбол, когда играют «волшебники» Рома. Они не нравятся моей семье. Моя мать начинает нервничать. Отец, в тот единственный раз, когда увидел меня в таком виде, смеялся как ненормальный, а он тогда обедал и чуть не подавился. Моему брату Карио пришлось долго хлопать его по спине. Малышка Элиза чуть не заплакала. «Настоящий педик», сказал мне отец, когда пришёл в себя. Он сделал глоток воды и вышел, хорошенько ударив меня по плечу, как он делает каждый раз, когда злится. Злится. Злится он только на меня. Только на меня. Я замечаю это в том, как он всегда смотрит на меня. Когда я ухожу утром. Когда возвращаюсь. Когда ем. Однажды я проснулся, и он был возле моей кровати, сидел на диване, где обычно спит Элиза. Он смотрел на меня. Сестрёнка была в школе. И Карио тоже был уже на работе. Мама ушла за покупками. А он был здесь. Смотрел прямо на меня. Когда я открыл глаза и увидел его, то сначала подумал, что он мне снится. Потом я понял, что нет, и поздоровался. «Привет, папа». Я даже улыбнулся ему. А это совсем не просто сделать, только проснувшись. Тогда он встал. Провёл рукой по щеке и небритому подбородку. И ушёл, не сказав ни слова. Ничего. Он ничего не сказал мне. Я часто думаю о том утре. Интересно, как долго он сидел там и пялился на меня.

Мауро смотрит на луну в витрине, поправляет рубашку, причёсывает

немного, где может, свои волосы в лаке. Поворачивает лицо в другую сторону. Может ли быть у плохого парня небрежная щетина? М-да. Знали бы Вы сами. Этих не понимает сам бог. Я-то просто рос на свежем воздухе. Он улыбается своим мыслям. Затем он поправляет пакет. Делает жест Джона Траволты. Пусть мне улыбнётся удача. Потому что он такой крутой... Я имею в виду, Джон. Всенародный плохиш. К тому же, у меня ещё есть он. Он хлопает рукой по карманам куртки. Медвежонок Тотти здесь. Улыбаясь и выдыхая все страхи и недоверие, Мауро толкает дверь и входит в здание.

— Направо, налево, так, делимся в группы. Брюнеты сюда, блондины туда, — молодая женщина в быстрой и решительной манере разделяет пришедших парней. — Так, пожалуйста, приготовьте фото с вашим номером телефона, возрастом, местом жительства и ростом, написанными сзади.

Один из парней тянет руку.

— Да, я вас слушаю, что случилось?

— Ничего, но вы сказали, брюнеты в одну сторону, блондины — в другую. А я шатен, куда мне?

Девушка вздыхает в голос и поднимает глаза в небо.

— Ладно, посмотрим. Шатены и прочие, включая рыжих, присоединяются к блондинам, окей? Ещё кое-что. Если в дальнейшем Вам удастся избежать подобных вопросов, я буду вам очень благодарна.

Двое темноволосых парней, которые пришли вместе, переглядываются и смеются.

— Последний вопрос, обещаю. У вас не найдётся ручки?

— И для меня тоже.

Девушка берёт ручки, оставляет на столе и уходит. Те двое смотрят ей вслед.

— Ну вот, она не сказала, как именно нас отблагодарит.

— Нет, но я тебе говорю, этой не хватает хорошего секса. Спорим, что за это она точно будет бесконечно благодарна?

— Ага, а потом поспорим, кто её доведёт до оргазма.

— Это точно! — Они дают друг другу пять, довольные своей шуткой. Несколько ребят сидят на краешке дивана. Один опирается на стену. Двое парней начинают писать на фотографиях то, что их попросили. Мауро пишет очень быстро. Он уже сделал это. То есть, он знал, что нужно будет сделать это. Он видел это, когда ходил с Паолой. Тысячи раз. Чего он не знал, так это того, что делать фотографии так дорого. Двести евро за полчаса фотосессии. Мауро первым отдаёт своё фото. Затем он

похлопывает себя по карману и шепчет медвежонку Тотти, чтобы тот принёс ему удачу.

— Эй... Будем надеяться, что это были правильные вложения...

Девушка берёт какие-то листки, разбросанные по столу рядом с фотографиями, что ей принесла помощница, которая сложила их в папку. Затем, перед тем, как перейти в больший зал, она оборачивается.

— Ждите здесь.

— А где ж ещё... — протягивает один из претендентов. — Когда мы сможем пойти покурить? Сейчас мы уже сделали записи, мы уже дожидаться не можем, когда придётся что-то говорить...

Девушка качает головой и входит в другой зал. Мауро считает парней. Дюжина. Немного. Я думал, будет намного больше. К тому же, важнее то, что я здесь. Побеждает каждый десятый. Разве не так поётся в песне? М-да. Его вдруг стал разбирать смех. Он чувствует себя уверенным. Как иначе, я лучше всех здесь. Он рассматривает каждого в отдельности. Посмотрите на этого. Длинные волосы уже не носят. А другой. Ну куда ты в пижаме? С поднятыми волосами. Что такое, тебя напугали? Мауро изучает внешний вид каждого. Один надел сразу и пиджак, и галстук. Как по учебнику. Он так делает вид, будто он не такой, как все, что он лучший. Нужно ведь оставаться плохим парнем до самого конца. Если надеваешь пиджак, то под ним должна быть рубашка, хорошо заправленная в брюки. Он немного посмеивается над этим. Мауро расстёгивает куртку и касается своей, белой, наполовину из полиэстра, идеально сидящей. Хорошо облегающей тело. Он чувствует себя словно шоколад. Таким должен быть мужчина, ничего лишнего. Это должно быть видно за версту. Девушка снова выходит.

— Итак... Джорджи, Маретти, Бови и остальные блондины могут идти. У нас останутся ваши фото, и вам позвонят, когда появится новая работа. Спасибо, что пришли.

Блондины, шатены и рыжие выходят из зала, бормоча себе под нос. Один из них быстро убегает с папкой подмышкой. Наверняка у него сейчас другие пробы. Остаются только Мауро и парень в пиджаке и галстук. Мауро смотрит на него. Кто же скажет это, думает он. Мауро садится на подлокотник кресла. Поднимаются жалюзи в офисе менеджера. За прозрачным стеклом появляется красивая женщина. Блондинка, спокойное лицо, волосы средней длины. Должно быть, ей около тридцати лет. Красотка, думает Мауро, всё в ней идеально. Скорей всего, она главная. Мауро немного приподнимается с кресла, чтобы прочитать имя на табличке на двери. Елена и что-то ещё. Красивое имя. Женщина что-то говорит помощнице, которая делает утвердительный жест. Затем она возвращается

в зал, и дверь закрывается.

— Окей, встаньте здесь, в центре зала.

Мауро и парень в пиджаке и галстук делают, как она велит.

— Сюда, на этот красный ковёр, спасибо.

Только сейчас Мауро замечает, что у парня в пиджаке и галстук волосы очень тёмные, длинные, жирные, собранные резинкой. Причёска делает его похожим на японца. У него очень толстые брови. Сейчас они стоят друг напротив друга. Этот тип немного выше него. Его плечи шире. Его ноги немного расставлены, а бёдра раскачиваются. Он жуёт жвачку и улыбается этой женщине. Она тоже улыбается и присаживается на свой стол. Тип поворачивается к Мауро и ему улыбается тоже. Ещё хуже. Он подмигивает ему. Уверенный. Слишком уверенный. Елена жестом просит свою помощницу войти к ней из другого зала. Мауро садится обратно на диван и смотрит через стекло. Видит, что Елена взяла его фото. Хорошо. Моё фото... Женщина стучит по нему рукой. Кажется убеждённой. Потом помощница что-то ей говорит. Елена снова рассматривает оба фото. Кажется, она не может ответить. Дальше она снова смотрит через стекло. Мауро это замечает и быстро отводит взгляд. Смотрит в другую сторону. Другой парень удобно расположился в кресле, опираясь локтем на ногу, размахивая ею, показывая, что под джинсами у него ботинки с блёстками по бокам. Мауро вновь поворачивается к залу. Видит, что Елена рвёт чьё-то фото. Видит, что оно летит в мусорку под столом, к её красивым ногам. И с этим полётом бумаги исчезает его мечта. Разорванное фото – его. Помощница выходит из кабинета Елены.

— Итак, мне жаль, но мы решили, что...

Парень в пиджаке и галстук сидит на диване, немного вытянув ноги.

— Куда ушёл другой парень?

Парень улыбается.

— Ну, он сбежал!

— Что поделать, никакого воспитания, — пожимает плечами помощница. — В любом случае, мы выбрали тебя. Так, пойдём сделаем пробу, чтобы посмотреть на тебя в деле.

Парень поднимается и поправляет брюки, как мужлан. Потом улыбается женщинам.

— В каком деле, девчонки?

Помощница оборачивается, останавливается, положив руку на бедро, и смотрит прямо на него, серьёзно, немного наклонив голову.

— Примеришь одежду.

Он улыбается и качает головой вверх и вниз.

— Ах, ну ладно, я представлял себе кое-что другое... — и он следует за ней, не переставая играть свою роль, какой бы она ни была.

60

— Эй, чем ты занят?

— Я на совещании. А ты?

— В туалете. Встретишь меня у выхода? У нас не будет последнего урока.

— Я не могу, мы обсуждаем, как организовать всю рекламную кампанию; и это продлится до тех пор, пока японцы не скажут «да, конечно».

— Блин, ты всегда занят. А поесть сходим?

— Тоже не могу. Это надолго.

— Мать моя, ты как вечно занятой туалет на дискотеке. Вспомни же, что я твоя муза-вдохновительница. Со мной тебе всегда приходят множество отличных идей.

Алессандро смеётся.

— Главным образом, некоторые идеи определённого рода.

— Слушай, все они станут сплошным грехом, если мы не увидимся.

— Ты меня так совращаешь!

— В смысле, грех будет, если мы не встретимся. Ты уверен, что совещание продлится так долго, что даже на обед не съездишь?

— Уверен. Я позвоню тебе вечером. Возможно, увидимся ночью.

— Нет, безо всяких «возможно», мы точно увидимся!

— Ладно, ладно, — улыбается Алессандро. — Даже японцы не такие требовательные.

— Как только я тебя увижу, заставлю сделать харакири.

— Ага, конечно... Да, только этого мне не хватало. Всё должно быть хорошо.

— Сосед немного рассердится, когда услышит твои крики.

Ники отключается. Она возвращается в аудиторию как раз тогда, когда Бернарди начинает урок.

— Итак, мы в послевоенном времени, и неореализм возвращается к реализму. Он пытается заставить реальность расслабиться, и социальные и политические проблемы Италии отходят на второй план, так же, как и отсталость в сельских районах, эксплуатация, нищета. И в романах Верги всё это отражено не так явно. Работа Верги была признана переоценённой благодаря важному критическому очерку Тромбаторе...

Олли корчит гримасу, услышав имя режиссёра, и делает

безошибочный жест рукой. Эрика наклоняется к Ники.

— И? Что он тебе сказал?

— Ничего, он занят.

— Ой-ой.

— Что ты хочешь этим сказать?

— Хочу сказать ой-ой. Понимай, как хочешь.

— Ладно, Эрика, не будь такой. Я это ненавижу. Что ты имеешь в виду? Иногда ты меня просто бесишь, если не договариваешь.

— Что для него ты просто ребёнок. Я тебе это говорила всё время. Рано или поздно вы расстанетесь. Слишком большая разница. Такое хорошо заканчивается только в телешоу и в кино. Взрослые встречаются с теми, кто намного их младше, но это не на всю жизнь... К тому же, я читала это в мамином журнале.

— Напоминаю тебе, Олли говорила, что он женат, но это оказалось не так.

— И что это доказывает? Он просто немного отрицает то, что уже стал взрослым. Так вот, в журнале было сказано, что когда кто-то встречается с кем-то младше себя, то мужчины думают, будто с ней становятся моложе, но в итоге это заканчивается разочарованием от того, что такое невозможно. И всё, что ты мне рассказываешь, песни Райса и Баттисти, жасмины, эти ужины у него дома... Слишком красиво, это просто как мечта, как сон.

— И что?

— И что... Рано или поздно, один из вас очнётся от этого сна.

— Честно говоря, когда ты говоришь такие вещи, я тебя ненавижу.

Ники берёт свою тетрадь и с силой ударяет по парте. Бернарди перестаёт говорить.

— Что там происходит, сзади?

— Извините, у меня упала тетрадь.

Профессор недолго смотрит ей в глаза, ещё немного хранит молчание, всматривается в неё и конце концов решает поверить ей.

И продолжает свои объяснения.

—...уважение к неореализму. Я напомним вам также «Люди и нелюди» Элио Витторини, «Тропа паучих гнёзд» Кальвино. Так вот, осталось не так много времени... — Олли изображает пальцами рога не своей голове и смотрит на Дилетту с усмешкой, — до того, как мы начнём изучать первую фазу неореализма.

Эрика молчит мгновение, затем чуть наклоняется и приближается к Ники. Говорит ей шёпотом:

— Он всегда ставит тебе песни Баттисти, это же намёк.

— О чём ты вообще?

— Да... Например, он ставил тебе эту, в которой говорится «Я так боюсь влюбиться слишком...», или вот эту «Ты прими это, как есть, мы не можем больше разыгрывать драму, ты сказала, что знаешь уже, в чём проблема моя...» или, может, «Я выбрал тебя, женщину как друга, но моя судьба – жить лишь жизнью своей...»?

— Да, они все есть на его CD. И что?

— Как это – и что? Намёк прозрачной воды! Он тебя использует и ничего больше!

— Тогда напомню тебе ту песню, которая заканчивается словами «Я люблю тебя, моя сильная слабая спутница».

— Да, но ещё он говорит «Увлечение – это симптом любви, который мы не умеем излечить... — Эрика улыбается ей, — а последствия часто заставляют страдать...» — она вытягивает руки. — И что ты теперь думаешь?

— Что тебе не нравится Баттисти!

— Окей, как хочешь, я тебе уже всё сказала. Нет худшего глухого, чем тот, кто не хочет слышать. И, самое главное, мечта – это только сладкий сон того, кто не спит.

— Но это же не Баттисти.

— Нет, конечно же. Это Аристотель.

— Мне кажется, что если ты будешь продолжать в таком духе, Баттисти закончит школу за тебя!

61

Последний урок. Звенит звонок. Коридоры заполняются в один момент, это общее паническое бегство, хуже, чем если бы сработала пожарная сигнализация. На выходе, за воротами, Эрика, Дилетта и Олли вдруг останавливаются.

— Эй, увидимся позже?

— Нет, мне нужно заниматься.

— Я сегодня буду с Джорджио.

— А Ники?

— Вон она!

— Эй, Ники! — но Ники делает им рукой жест, говоря: «Созвонимся позже». Затем они видят, как она быстро уезжает на скутере.

— Волны, у этой девчонки серьёзная проблема.

— Да... худшее, что с ней могло случиться.

— Что ты имеешь в виду?

— Она влюбилась.

Дилетта кладёт руки в карманы джинсов.

— И ты называешь это проблемой? Она счастливица!

— Насколько сильно ты любишь, настолько же больно тебе потом, — Олли садится на свой скутер. — И на этой великой фразе я вас оставлю, я еду обедать со своим отцом, буду знакомиться с его новой девушкой. Созвонимся. — Она жмёт на газ.

Ники практически летит на скутере. Никогда не опаздывала так мало. Она осматривается. Смотрит направо. Налево. Ничего. Её сердце делает тысячу ударов в минуту. Мерседеса здесь нет. Ники рассматривает всю парковку ещё раз. Он мог поставить его в гараж. Она достаёт папку из рюкзака. Быстро просматривает бумаги: какой-то чек из магазина одежды, карточка спортзала, карточка кафе-кебаб. О, ничего себе, мне не хватает только двух баллов до бесплатного бутерброда. Фотография Фабио! Вот чёрт, я совсем о ней забыла. Она быстро разрывает её и выбрасывает в ближайшую мусорку. Ищет дальше, наконец находит. Быстро набирает номер офиса Алессандро. Она не сохранила его в мобильном. Кто бы мог подумать, что я буду звонить ему туда... Наконец кто-то отвечает.

— Алло? Добрый день, то есть, добрый вечер. Меня зовут Ники Кавалли, я бы хотела поговорить с синьором Алессандро Белли.

— Извините, не могли бы вы повторить своё имя?

— Ники. Ники Кавалли.

— Хорошо, подождите, пожалуйста. — Её оставляют в режиме ожидания. Современная музыка. Ники нетерпеливо ждёт. Пробует отбить ритм ногами, но слишком нервничает. Так трудно ждать, когда время кажется застывшим. Наконец, секретарша возвращается к телефону: — Нет, мне жаль, синьор Белли уехал на обед.

— Ай... А вы не знаете, куда он поехал?

— Нет, извините. Хотите оставить ему сообщение?

Но Ники уже бросает трубку. Возвращает свою Нокию в карман и уезжает на скутере, словно ей дали поддых. Она быстро объезжает все ближайшие улицы. Смотрит направо, налево, останавливается на всех парковках, её сердце разрывается, но как только она видит проезжающую мимо машину, то снова ускоряется. Снова направо. А потом налево. А затем всё время прямо. Вот чёрт. Куда он её оставил? Нет времени отвечать. Вот она и нашлась. Mercedes ML CS 2115 припаркован на обочине. Ники смотрит в обе стороны. Рядом только один ресторан. «Triple Seco». Он на другой стороне. Ники оставляет свой скутер и бежит к нему. Вглядывается

через стекло, выискивая его, она делает это осторожно, чтобы не быть замеченной. И вдруг видит его. Он здесь. За столиком в глубине зала. За последним столом в ресторане, рядом с окном. Поверить не могу. Эрика была права. Там, внутри, Алессандро наливает что-то выпить красивой блондинке. И улыбается ей.

— Хочешь ещё чего-нибудь?

— Да... — она тоже улыбается ему. — Тирамису, если есть. Сегодня мне хочется тирамису. Плевать на диету.

Алессандро улыбается и поднимает руку.

— Официант!

Тут же к ним подходит юноша.

— Тирамису для девушки. И ананас для меня, спасибо.

Официант мгновенно исчезает. Алессандро вновь смотрит на девушку. Затем кладёт свою руку на её и гладит.

— Да ладно, перестань, всё меняется, и то, что ты рассказала, тоже. Серьёзно, я не ожидал такого.

Девушка улыбается. Ники, которая наблюдает всю сцену снаружи, сходит с ума. Она отходит от окна. Поворачивается вокруг своей оси, качает снова и снова головой, глаза её наполняются слезами. Она выходит из себя. Чувствует, как краснеет её лицо, как сильно колотится её сердце.

Алессандро сильно сжимает руку этой женщины.

— Знаешь, я рад, что мы здесь с тобой.

— А я, наоборот, чувствую себя немного виноватой.

Алессандро смотрит на неё с любопытством.

— Это ещё почему?

А затем раздаётся странный звук. Где-то снаружи. Девушка выглядывает в окно первой.

— Алекс... что творит эта девчонка?..

— Где?

— За окном! Посмотри! Разве это не твоя машина?

Ники наносит беспорядочные удары по дверям, колёсам, по фарам. Изо всех своих сил, тех, что прямо пропорциональны ярости. Она бежит вокруг Мерседеса, пытаясь уничтожить его руками.

— Ники! Это Ники!

— Ты её знаешь?

Алессандро бросает свою салфетку на стол и с бешеной скоростью вылетает из ресторана. Смотрит направо и налево, затем перебегает дорогу.

— Ники! Перестань! Что ты делаешь? Хватит! Ты с ума сошла?

Ники продолжает долбить по бокам. Алессандро едва не запрыгивает

на неё, с силой сжимает, чтобы обезвредить, и уводит оттуда.

— Ники, успокойся, хватит!

Ники дрыгается в воздухе.

— Отпусти меня! Вали отсюда! Вот такие у тебя совещания, да? Ты не мог встретить меня! Мы не сможем вместе пообедать, это надолго... С японцами, правда?! Верни мне все мои идеи! Верни мне их! Ублюдок! — Она кричит и дёргается.

Алессандро отпускает её.

— Мне пришлось уехать. Непредвиденные дела.

Ники поворачивается и судорожно вздыхает, убирая волосы с лица.

— Конечно же. Иначе быть не может, я видела тебя рука об руку с твоим непредвиденным делом...

И вот женщина, что сидела с Алессандро, переходит улицу и подходит к ним.

— Что происходит? — Алессандро отпускает Ники, которая всхлипывает и поправляет волосы. Но она и не думает забывать о своей ярости.

— Ничего. Хочу познакомить тебя с Ники. Ники, это Клаудия, моё важное дело, в первую очередь она – моя сестра.

Ники хотела бы провалиться сквозь землю. Она опускает руки. Затем голосом, который кажется потусторонним, всё же выдавливает из себя странное и приглушённое «Очень приятно».

Девушкижимают друг другу руки. Ники чувствует себя неуклюжей, у неё потеют руки, она словно парализована от смущения. Клаудия пытается сгладить неловкость ситуации.

— Алекс разозлил тебя, да? Он у нас такой...

Алессандро улыбается.

— Не верь. Это такая тактика, пришедшая к нам из Японии. Они так делают. Отрываются на бесполезных, но дорогих и роскошных вещах, чтобы снять стресс. Ники очень помогла мне с работой, с головой погрузилась в неё и тоже устала... Скажем так, это выбранная ею форма оплаты.

Ники хлюпает носом и понемногу начинает улыбаться.

— Да, но, к несчастью, это был последний срок... Ладно, Алекс, мне нужно идти. Меня ждут родители. Вечером я останусь дома, надо позаниматься. Позвони мне, когда захочешь. Если тебе захочется поработать над новыми проектами... Знаешь, мы можем изучить и другие формы оплаты.

Алессандро почёсывает макушку.

— Окей. Мне даже страшно говорить тебе, что, возможно, я буду занят. Кажется, я буду абсолютно свободен!

Ники поднимает руку и прощается с Клаудией. Затем садится на скутер и уезжает. На этот раз спокойней. Дерьмо, дерьмо, дерьмо. Я идиотка. Будь проклята Эрика со своими трактовками песен Баттисти. Она не может больше сдерживаться. И начинает смеяться. Ну и сцену я устроила! Затем она начинает напевать, весёлая, как никогда. Только одна вещь ясна: никто не чувствовал себя счастливее, чем она, познакомившись с чьей-то сестрой.

Алессандро и Клаудия возвращаются в ресторан. Он сразу возобновляет разговор, который они прервали.

— Почему ты сказала, что чувствуешь себя виноватой со мной?

— Ну, потому что Давид был твоим другом. Ты меня с ним познакомил, и я вышла за него замуж. А теперь всё разваливается...

— Клаудия, дело не в этом, просто у вас такой этап. Такое случается со всеми парами. Важно решить, хочешь ли ты строить свою жизнь с ним и дальше... Так ты хочешь?

— Да.

— Тогда успокойся, самое сложное уже сделано. Теперь всё разрешится само собой. Выбор — это вершина горы. Вот увидишь, всё образуется само собой. Всё пройдёт.

Они возвращаются за стол. Между тем, им уже принесли тирамису и ананас. Они едят. Клаудия смотрит на него с любопытством, а ещё ей немного смешно.

— А ты сейчас чем занят?

— Я? Много работаю. Иногда встречаюсь с друзьями... Не слишком много думаю об Элене.

Клаудия показывает чайной ложкой в окно.

— А этот ураган, Ники?

— Она? Подруга.

Клаудия поднимает брови.

— Подруга, да? — она начинает пародировать её: — Мне нужно идти. Меня ждут родители. Мне нужно заниматься... Не слишком ли она юна, чтобы быть твоей подругой?

— Может быть, но она довольно-таки зрелая.

— Не похоже, чтобы она хотя бы школу закончила...

— Вообще-то, у неё сейчас экзамены. Я помогаю ей с учёбой.

Клаудия кладёт ложку на тарелку.

— Алекс?

— Извини, Клаудия, но это ты рассказываешь мне о том, что между тобой и моим другом – а по совместительству твоим мужем – не всё идёт гладко, так ведь? Однако у вас адекватная разница в возрасте, у вас соблюдены все требования для успешного брака, разве нет? Тогда что? Ты ведь знаешь, что в любви нет никакой магической формулы.

Клаудия отрицательно качает головой. Но в конце концов улыбается.

— Ты прав. Только вот я от всей души надеюсь, что смогу присутствовать при знакомстве.

— Когда?

— Когда ты представишь её нашей семье.

62

Вечер.

«Продолжаешь крушить всё вокруг?» Алессандро дописывает сообщение и жмёт кнопку «Отправить».

Спустя секунду приходит ответ. Ники как всегда быстра. Даже быстрее, чем возможно.

«Мне незачем это делать. Я сижу дома за ещё худшим занятием... думаю о тебе».

Алессандро улыбается. Отвечает так быстро, как только может, но превзойти Ники сложно.

«Хочешь увидеться?» Не проходит и десяти секунд. «Конечно! Это всегда делает меня счастливой. Так и помиримся. Где?»

Алессандро прилагает все свои усилия. Проверяет всё вокруг. Ему становится чуть лучше. «Я рядом с твоим домом. Первая улица направо».

«Окей. Уже выхожу».

Около десяти минут спустя. Ники открывает двери своего дома, тут же оказывается рядом с ним и запрыгивает на него с поцелуями.

— Любимый! Прости, прости, прости! — она покрывает его поцелуями.

Алессандро смеётся, ничего не говоря. Он не привык к такому. Он не ожидал этого. Обычно с Эленой, поборов все свои принципы, он должен был часами ждать около её дома, чтобы она спустилась к нему. Но эта мысль растворяется в одно мгновение.

— Мать моя, как я вела себя сегодня! К тому же с твоей сестрой! Была бы это хоть какая-нибудь подруга!

— Если бы это была какая-нибудь подруга, ты бы и сейчас пыталась разбить мою машину.

Ники становится серьёзной.

— Это правда. Ты прав, я такая и не могу этого отрицать. Но мне кажется, ты не должен пытаться изменить меня.

— А кто пытается тебя изменить? Ненавижу провалы...

— Дурак! Если захочу, то могу измениться... Просто если я изменюсь ради тебя, это будет большой ошибкой. То есть, это предполагало бы, что я не та, кого ты ищешь, я не та, кто тебе подходит. Я могла бы притворяться, что я другая. Потому что тогда в твоей голове будет другая, у которой общего со мной только имя, ты был бы знаком совсем с другой Ники...

Алессандро улыбается.

— Слушай, мы можем не разводить философию? Всё это меня убивает. По-моему, мы должны только прояснить два пункта.

Ники скрещивает руки на груди. Алессандро пытается убрать их.

— Ты закрываешься от того, что я хочу тебе сказать, у тебя нехватка доверия, ты отвергаешь внешний мир.

— Слушай, я веду себя так, как хочу. Послушаем, что ты должен сказать мне. В любом случае я знала, что меня ждёт отповедь.

Алессандро смотрит на неё удивлённым взглядом.

— Какие слова!

— Выговор, нагоняй, разнос, втык, порицание, нравоучения, ссора, взбучка, ругань. Хватит? Тебе ведь всё равно, что я скажу, правда?

— Кто ты такая? Словарь синонимов?

— Скажи, что должен сказать, и уходи. — Алессандро глубоко вздыхает. — Подожди, подожди, — останавливает его Ники. Закрывает глаза и наконец расслабляет и опускает руки. Затем кладёт руки ладонями на его грудь, как в одной из поз йоги. — Скажи мне только одно... всё кончено?

Алессандро смотрит на неё. Она самая прекрасная, вот такая, с раскрытыми руками, замершими в пустоте, с распущенными волосами, спадающими на плечи и шею, которая ещё показывает, что она совсем девчонка, с этими пухлыми щёчками, с закрытыми глазами, без намёка на макияж, со всей жизнью и мечтами впереди. Алессандро опускает руки.

— Нет, ничего не кончено, по крайней мере, для меня.

Ники открывает глаза и улыбается. Её руки уже не скрещены. Она улыбается и кусает верхнюю губу; её глаза блестят, такие мечтательные, немного томные. Кажется, что она даже может заплакать.

— Окей, прости, Алекс, скажи мне, что хотел сказать.

— Ладно, — он кладёт руки в карманы брюк. — Я не знаю, с чего начать.

— Начни, с чего хочешь, гораздо важнее, чем ты собираешься закончить.

— Ладно... дело не в том, что ты разбила мою машину...

— Понятно... это же можно сказать о том, что я наделала в нашей знаменитой аварии?

— Пожалуйста, не надо сейчас шутить. Согласен, перехожу к делу. Мне очень хорошо с тобой, мне нравится слушать тебя, мне нравится говорить о моей работе, мне нравится всё, что мы делаем вместе...

Ники поворачивается к нему и смотрит на него с лёгкой усмешкой.

— Да, Ники, да, это главное, то есть, это тоже... Дело в том, что у тебя наверняка есть какие-то надежды. Ты думаешь, что так будет всегда, а я, наоборот, не знаю, что будет. Никто не может этого знать. И именно поэтому я хочу чувствовать себя свободным, выбирая что-то, не делая никаких прогнозов. Я бы не хотел взваливать на себя обязанности, даже если у нас такой простой и красивый роман.

Ники смотрит на него.

— Я понимаю, — хмурится она. — Ты снова хочешь почувствовать себя молодым, а я как раз подходящий для этого человек, да?

— Не понимаю, что ты хочешь этим сказать.

— Всё ты понял. Ты сказал, что не хочешь взваливать на себя обязанности. Как раз наоборот, ты бы с радостью ограничился тем, чтобы просто встречаться со мной, и будь что будет. Наверное, всё будет хорошо, и однажды мы решим создать семью, завести детей.

— Да, Ники, но мы не можем быть уверены в этом.

Ники улыбается и теребит кончики своих волос.

— Слушай, Алекс, ты всё время ставишь мне этот CD, который записал тебе твой друг Энрико.

— Да, а что такое, тебе не нравится?

— Шутишь? Я люблю Баттисти. Кстати, там есть песня, которая, как мне кажется, очень нам подходит. Он говорит так... фальшиво немного, но ты внимания не обращаешь, послушай слова.

Ники начинает петь и при этом улыбается. Она поёт очень нежно. И совсем не фальшивит.

— «Не знаю, не знаю, что ты. Не знаю, чем ты станешь. Не знаю, что будет с нами. Поживём – увидим...»

Ники останавливается и смотрит на него.

— Ладно, я знаю, иногда ты делаешь рекламу с песней, и меня бы никогда не нанял, но ты ведь понял, что я хотела сказать?

— Да, прекрасно понял. Но, возможно, ты помнишь не все слова этой

песни, потому что продолжается она так...

Алессандро тоже начинает петь.

— «Я возвращаюсь домой с покупками, мне страшно срывать этот пластырь; это не то же самое, что ошибаться в чём-то, как ошибаться в своей жене...»

— Ты опять всё перевернул и преувеличил! Всё сводишь к концу! Тебя волнует только это... А нам с тобой ещё рано об этом думать!

Алессандро берёт CD. Ставит в плеер. Шестая дорожка. Жмёт кнопку перемотки. Находит фрагмент, который она должна услышать. «Потому я боюсь этой нежности, наше приключение – это пример верности, я так хочу, чтобы ты всегда была искренна со мной!»

Ники берёт его за руку и целует.

— Что ты пытаешься сказать мне, Алекс, ты боишься? Мы ничего не знаем о нас, о любви, о будущем. Лучшо прав: поживём – увидим. Что может быть прекрасней?

Алессандро легонько трясёт головой.

— Одному из нас будет очень больно. Разница в возрасте слишком велика.

— И ты боишься, что именно тебе будет больно? Думаешь, что для меня это просто приключение? Проще, если наши отношения будут такими для тебя... Все мои подруги это говорят...

Алессандро вытягивает руки.

— Эй, я и не знал, что так им нравлюсь! Если на то пошло, мои друзья говорят мне то же самое.

— Что они тебе говорят?

— Развлекайся с ней, пока ей не надоест.

— Конечно, они все женаты, у них есть жёны, у кого-то и дети, поэтому они не могут вынести того, что с тобой происходит, им тоже так хочется. Алекс, решать должен ты. По-моему, всё дело в страхе.

— В страхе?

— Ты боишься любви. Повторяю, что может быть прекрасней? Какой великий риск стоит того, чтобы сбежать? Сбежать со всем тем прекрасным, что ты мог бы дать любимой женщине, доверять ей и ни о чём думать, лишь бы видеть её улыбку.

— Да, это прекрасно. Но между нами двадцать лет разницы.

Ники достаёт из кармана бумажку.

— Итак, я знала, что рано или поздно начнётся этот разговор. Поэтому я подготовилась. Так вот... Том Круз и Кэти Холмс, Лука Кордеро ди Монтецемоло и Людовика Андреоли, Вуди Аллен и Сунь-Йи, Пирс

Броснан и Келли Шейн Смит... Они все примерно одного возраста, разница в пару лет, и всё равно развелись друг с другом. Но в этом списке не уместится целый грузовик таких пар! — Ники берёт этот листок и выбрасывает на заднее сиденье. — Я знала, что однажды он мне пригодится, но надеялась, что не таким образом. Самая сильная любовь — это ошибочный расчёт, исключение из всех правил, а особенно из того, в котором ты всегда использовал слово «никогда». Что бы ни случилось в твоём прошлом, я навсегда останусь безумием всей твоей жизни. Но я не собираюсь убеждать тебя в этом. Любовь — это не мудрость, это — безумие... Они об этом на весь мир кричали... А ты так делал?

— Нет.

— Вот видишь? Наверняка тебе предлагали всё, но ты испугался. Алекс, как бы мне хотелось, чтобы ты был смелее.

Алессандро нежно гладит её по голове, убирает волосы с её лица. Улыбается ей. Снова начинает петь.

— «Я так хочу, чтобы ты была искренна со мной...» — целует он её. Медленный, лёгкий поцелуй, который хотел бы уметь говорить, спокойно высказать всё, всё, что есть, и даже больше. Я хочу влюбиться, Ники, любить, быть любимым, хочу мечтать, хочу строить, хочу иметь уверенность. Попробай понять это. Мне нужно забыть всё, что случилось в течение этих двадцати лет, проведённых без тебя. Может ли всё это сказать поцелуй? Зависит от нежности губ, с которыми ты посылаешь это. Вдруг они слышат пронзительный голос. Обвиняющий.

— Ха-ха! Ты попалась! Я знал, что творится что-то странное.

Алессандро и Ники резко отстраняются друг от друга. Перед ними, как на картине, для которой рамой стало открытое окно Мерседеса, разворачивается ужасное зрелище. В темноте ночи появляется Маттео, младший брат Ники. Он смеётся и, что гораздо важнее, держит в руках мобильник. Nokia N73. Компактный, скруглённые углы, с внутренней памятью 42 Mb, и самое главное — с камерой в 3.2 мегапикселя, которой можно делать фото, а также записывать и воспроизводить видео в огромных количествах. В общем, один из тех телефонов, которые и правда могут натворить дел.

Ники делает вид, что вылезает из машины.

— Я убью тебя, Маттео!

Маттео быстро соображает и убегает на несколько метров.

— Предупреждаю, я снял отличный фильм и сделал несколько фоток. Я хотел сразу сделать видеозвонок маме, но думаю, что просто отправлю ей сообщение. Если ты попытаешься отобрать у меня телефон, я отправлю ей

всё и покончу с тобой. Ха, — Маттео смотрит на Алессандро, — а это кто такой? Тот, что сначала издевался над тобой, а потом бросил?

— Маттео, ну хватит. Иди домой, я сейчас тоже приду.

— Но кто это, твой новый парень?

— Маттео, я сказала тебе, чтобы ты валил домой!

— Да пошла ты, ты не в том положении, чтобы указывать мне, ясно?

Ники быстро выходит из машины, но Маттео уже привык к выходкам своей сестры, и он убегает в подходящих для такого случая и для своих одиннадцати лет кроссовках Рима. Он словно летает в них, прерывая попытки Ники схватить его. Он поворачивает направо и убегает через припаркованные машины.

— Маттео, иди сюда! Иди сюда, если ты не слабак!

— Ага, и ты заберёшь мой телефон. Уже бегу. Ты думаешь, я идиот?

— Маттео, пожалуйста, не стой там, посередине улицы, это опасно.

— Хорошо, спасибо за совет, систер, сейчас я пойду домой, и потом мы обо всём поговорим, только абсолютно обо всём, ясно?

— Да, ясно, иди давай...

Маттео не двигается с места.

— Чёрт... ты когда-нибудь уйдёшь?

— Ники, не задерживайся надолго. Мама послала меня позвать тебя ужинать. Я видел, как ты выходила. Но я никогда бы не подумал, что...

Ники пытается пролезть через машины, но Маттео быстрее и обходит вокруг первую, отходя на безопасную дистанцию.

— Ты закончил?

— Ладно, ладно, ухожу. До свидания, синьор, — он вежливо кланяется. А затем уходит.

Ники возвращается в Мерседес.

— Вот видишь. Сегодня мы оба познакомились с уважаемыми братом и сестрой друг друга.

— Сколько ему лет?

— Недавно исполнилось одиннадцать.

— Я вижу, он всё знает о твоей жизни, да?

— Он читает обо всём, знает обо всём, играет во всё, проводит жизнь в интернете... Это он сделал мне тот список знаменитых пар с разницей в возрасте...

— Мило с его стороны.

— Ага, очень. Взамен он попросил два билета на борьбу World Wrestling Entertainment, в «Палаттоматике». Его доброта мне дорого обходится!

— И подумать страшно, во сколько тебе обойдётся уничтожить фото и видео.

— Ещё чего! Он сам знает, что там не было ничего особенного. Всего лишь поцелуй. Если бы он снял жасминовую ночь, тебе пришлось бы помочь мне. Он ведь псих.

— Почему это?

— У моего брата есть мечта. Он любой ценой хочет получить XL 883c Sportster Custom – двухцветный Харлей, один из самых дорогих мотоциклов из всех существующих. Поэтому он везде ходит с мобильником папы, всегда, когда может его брать, потому что в нём больше функций, чем в его собственном, и он надеется поймать какую-нибудь знаменитость на месте преступления, чтобы шантажировать его или её и содрать денег на свою мечту. А если не шантажировать, то отправить видео в какую-нибудь телепередачу, а фотографии в журналы со сплетнями.

— Неплохо для одиннадцатилетнего мальчика. У него светлое будущее.

— О да. Я только надеюсь, что эта идея закончится для него деньгами.

— Знаешь, он мне нравится. Я могу нанять его в свою компанию в качестве юного киношника. Неплохая идея: первая реклама, снятая одиннадцатилетним мальчиком!

— Мне бы хватило и того, что фильм о нас с тобой не увидит свет! Я дам тебе знать, как идут переговоры, — Ники наклоняется и целует его в губы, держа его лицо в руках. Потом она выходит из машины. — Теперь мы должны быть осторожными... У нас есть папарацци, который держит нас под каблуком.

— Да не парься, — смеётся Алессандро.

— Если только...

— Если?

— Может, представить тебя родителям.

— Ну да, как Бен Стиллер в «Знакомстве с родителями»... не приведи господь...

— Да, но я не думаю, что мои родители могут над кем-то так издеваться, как те, в фильме.

— Да ладно, я тебе точно говорю, твой отец будет как Джек Бирнс.

Ники захлопывает дверь машины.

— Я просто пошутила. Но всё равно уверена, что они нормально тебя примут.

Алессандро улыбается.

— Когда я буду готов к этому, дам тебе знать. И главное, когда я сам

смогу убедиться в том, что твои родители хорошо это воспримут.

С этим он заводится и уезжает. Видит в зеркале заднего вида, как она машет ему издалека. Алессандро высовывает руку из окна и тоже машет ей. Видит, как она разворачивается и уходит домой. Самая прекрасная девушка. И её брат тоже мне симпатичен. Однако, надо же – такой маленький и уже шантажист. Но ведь недостатки не передаются братьям и сёстрам. Или да? Он вдруг видит, что вся его жизнь на волоске. Потом что-то вспоминает и понимает, что в первую очередь опасна эта ночь. Родители ждут его сегодня на ужин.

63

Мауро едет на своём старом потрёпанном скутере к Паоле. Поднимает голову и видит её на балконе. Она курит, когда вдруг замечает его появление.

— Эй, ты уже здесь!

Мауро приветствует её кивком головы.

— Подожди, я сейчас выйду!

Паола гасит сигарету об пол, притаптывает своими новыми сабо и пинает, она летит с балкона и приземляется рядом с Мауро. Он слезает со скутера и встаёт, опираясь на него. Немного спустя Паола выходит. Прекрасная, думает Мауро, да что я говорю, прекраснейшая. И такая высокая. Он улыбается ей. Паола расширяет глаза, счастливая, любопытная, нервная.

— И что? Где ты пропадал, Ма? Я только что тебе звонила. Твой мобильный был выключен. Я звонила тебе домой, но они и понятия не имели, где ты бы мог быть. Они волнуются.

— Они волнуются, только когда им самим того хочется.

Паола подходит и кладёт руки на его ремень.

— Так что? Давай, рассказывай. Пробы длились так долго?

Паола не убирает левую руку с ремня Мауро, но поворачивает её, чтобы посмотреть на часы.

— Сейчас девять пятнадцать.

— Неважно. Меня там так долго держали...

— Ну же, расскажи, я умираю от любопытства.

— Меня не взяли.

— Нет... Мне жаль, любимый.

Паола обнимает его, приближается, чтобы поцеловать, но он отстраняется.

— Перестань.

Паола немного отдаляется. Ей хочется разозлиться и обидеться, но она решает быть умнее.

— Да ладно, Мау, не реагируй так. Это нормально, со всеми бывает. Это были твои первые пробы.

Мауро скрещивает руки. Потом достаёт сигарету из кармана. Паола замечает новую куртку.

— Какая классная! Новая?

— Это от Fake.

— Офигеть, ты будешь иметь успех у девчонок!

Мауро делает затяжку, затем выдавливая из себя улыбку.

— Ещё чего! Я купил её специально для проб. Деньги на ветер. Как и с фотографиями, которые стоили мне порции пасты.

Паола вздрагивает. Она снова становится любопытной.

— Слушай, а они у тебя с собой? Дашь посмотреть?

Мауро достаёт из-под сиденья сумку. И делает это с большой неохотой.

— Вот, держи.

Паола ставит её на скутер. Открывает сумку и рассматривает фото.

— Такие красивые. Этот фотограф – чудо. Эта просто классная! А на этой ты тоже отлично вышел. Похож на Брэда...

Мауро смотрит на неё.

— По мне, так ты можешь их все себе оставить. Я похож на Брэда, но они выбрали другого чувака; хотя не так уж он и похож был на плохого парня. Уверен, что его по блату взяли...

Паола возвращается к фотографиям.

— Ма, ты хоть знаешь, сколько проб пришлось пройти мне, прежде чем меня взяли в рекламу на днях? Ты вообще представляешь?

— Нет, не представляю.

— Тогда я тебе скажу. Просто кучу. И ты злишься, потому что тебя не взяли после первых же? Слушай, дядя, тебе предстоит долгий путь перед тем, как ты чего-нибудь достигнешь, и если кто-то изначально боится и в себя не верит, у него никогда не получится! — Паола поправляет блузку, подтягивает её вниз. — Но эти фотографии отличные. По-моему, ты очень фотогеничный, а может, просто такой красавец. Я говорю это тебе серьёзно, а не потому, что тебя не выбрали.

— Да брось...

— Клянусь тебе.

Мауро берёт сумку, открывает её и смотрит на фотографии. Кажется, она его немного убедила.

— Ты думаешь?

— Не сомневайся.

Мауро становится немного увереннее. Достает одно фото.

— Посмотри на эту. И на кого я похож?

— Думаю, здесь ты Бандерас.

— Да, да, Бандерас. Сначала Брэд, теперь Бандерас, издеваешься? Здесь я пытался встать в позу того актёра, когда он пытался завоевать ту актрису...

— Не могу вспомнить имя...

— Джонни Депп, точно! Когда он появляется в дверях, в том фильме, где мать и дочь каждые несколько минут меняли города. Да, «Шоколадница».

— Я поняла, о чём ты, но фильм назывался «Шоколад».

— Ага, ну, в общем, неважно, — он продолжает изучать фотографию.

— Ну, ты поняла, о какой сцене я говорю? Неплохо вышел, правда?

Паола улыбается.

— Да-да, отлично получилось.

Немного расслабившись, Мауро прячет фотографии в сумку.

— Но каким бы я ни был, меня не взяли.

— Может быть, они просто искали не Джонни Деппа.

— Ничего не поделаешь, — Мауро как-то неодобрительно качает головой и улыбается ей. — А ты всегда подбираешь правильные слова в правильный момент.

— Я правда так думаю.

Мауро приближается к ней и обнимает.

— Окей, забьём, а ты знаешь, говорят, у Джонни Деппа огромный? И прямо сейчас я... чёрт... мне кажется, я весь горю... Не знаю, из-за чего. Интересно. Будто я пьян, а перед этим смотрел, когда ты снимала блузку, на твою грудь, о Господи, я завёлся, как мотор. Потрогай. — Он берёт руку Паолы и кладёт её на свои джинсы.

Она быстро вырывается.

— Хватит, не будь придурком, здесь, у моего дома, где мой отец, который вот-вот появится в окне. Если он увидит, что ты делаешь это, знаешь, что тебя ждёт? Да ты и через два года не сможешь написать на него заявление, потому что у тебя опухоли к тому моменту не заживут!

— Как же ты всё преувеличиваешь, — Мауро приближается к ней. — Любимая, — нежно целует он её, — пойдём ненадолго в гараж? Давай, я так хочу тебя.

Паола наклоняет голову набок. Слова, что шепчет Мауро, внезапно

заставляют её дрожать, её кожа покрывается мурашками. Он знает, как её убедить.

— Ладно, хорошо, идём. Но мы не можем задерживаться там надолго, ладно?

Мауро улыбается.

— Ладно, немножечко... С некоторыми вещами нельзя спешить.

— Да, ты так говоришь, а потом разгоняешься, как Феррари.

— Блин, ты просто змея.

Мауро заводит скутер. Он переполнен радостью. Он надевает шлем, в то время как Паола садится сзади и обнимает его. Они объезжают дом и направляются в гараж.

— Тссс, — шикает Паола, слезая. — Осторожно, езжай медленно, если отец услышит, то у нас будут проблемы.

Мауро ставит скутер в вертикальное положение.

— Да, но всё равно твой отец должен проявить к нам немного понимания. Ты хоть знаешь, как часто он зажимал вот так вот твою мать?

Паола бьёт его по плечу.

— Ай, мне ж больно!

— Мне не нравится, когда ты шутишь о моих родителях в этом смысле.

— В каком ещё «этом смысле»? Это любовь. Самое прекрасное в мире.

— Да, но ты мог бы проявить больше уважения.

— Что ты говоришь, дорогая? Они никогда не занимались любовью? Нельзя говорить? Извини, а ты как на свет появилась? От Святого Духа? Давай, идём.

Не переставая болтать, он сажает её в машину её отца, старый синий Golf с пятью дверьми.

— Ай, спокойно, не торопись!

Мауро быстро расстёгивает её брюки, проводит рукой по её шее и забирается к ней в декольте. Его пальцы расстёгивают ей лифчик, ласкают грудь, ищут соски.

— Ты не представляешь, как сильно я тебя хотел, когда мы были на улице.

— А теперь нет? — Паола целует его в шею.

— Теперь хочу ещё больше.

Мауро расстёгивает свои брюки и сбрасывает их с себя. Затем берёт руку Паолы и проводит ею вниз. Как чуть ранее на улице. Но сейчас по-другому. Сейчас это правильно. Паола покусывает его губы и понемногу спускает резинку его боксеров. Засовывает туда руку и тоже исследует его.

Медленно двигает ею. Затем находит, что искала. Мауро выпускает стон. От этого резкого движения что-то выпадает из кармана его куртки. Мауро замечает это. Рука Паолы останавливается. Он начинает смеяться.

— Именно этого не хватало, за нами подглядывают! — говоря это, он достаёт из тени... — Медвежонок Тотти!

— Офигеть, ты носишь его с собой?

Мауро пожимает плечами.

— Да, чтобы приносил удачу, но сегодня он мне не помог.

— Он пытался, но даже Гладиатор[12] иногда может оступиться, так ведь? Вот увидишь, в следующий раз у него всё получится, он сделает так, что тебя выберут, даже больше, произойдёт что-то волшебное!

Они слышат писк. Мобильный Паолы. Снова.

— Кто это? Кто тебе пишет в такое время?

Дьявол, думает Паола, разве я его не выключила?

— Ничего особенного, просто я оставила заявку... чтобы меня приняли завтра утром, — и прежде чем Мауро успеет даже задуматься об этом, она взбирается на него и обнимает. Снова залезает рукой в его трусы и берёт его, а затем, глядя ему прямо в глаза, начинает двигать им вверх и вниз.

— Хочешь взять меня? Я говорю это, потому что сама умираю от желания.

Мауро целует её и говорит полуоткрытыми губами, не прерывая поцелуя:

— Я тоже.

— Есть презервативы?

— Нет, забыл взять.

— Ну, ничего. Тебе придётся довольствоваться моим ртом. — Она в последний раз смотрит ему в глаза, прежде чем пропасть из виду, затем медленно наклоняется в темноту машины, между его ног, где пульсирует его желание. Такое сильное желание, которое заставило его забыть о сообщении, пришедшем на мобильный Паолы.

64

Энрико только что вернулся домой.

— Милая, ты дома? — он вешает куртку на спинку стула в гостиной.

— Я здесь, уже иду.

Камилла выходит из спальни.

— Прости, не слышала, как ты пришёл. Я разговаривала по телефону, — чмокает она его в губы. Затем берёт куртку и уносит.

Энрико идёт за ней. Когда она открывает шкаф, он обнимает её сзади.

Утыкается носом в её шею, теряется в запахе её духов. Целует в шею.

— С кем ты говорила?

Камилла вешает куртку на место, закрывает шкаф и искусно высвобождается из объятия.

— Ты её не знаешь. Девушка из спортзала. Они хотят организовать праздник по поводу окончания курса на следующей неделе. Приготовить тебе поесть, или ты хочешь куда-нибудь сходить?

— Да нет, я устал. Хочу побыть с тобой дома.

— Я тоже, я просто убита. К тому же, завтра мне рано вставать.

Энрико идёт за ней на кухню и смотрит, как она расстилает скатерть.

— Куда тебе завтра нужно?

— Мама попросила, чтобы я съездила с ней и посмотрела ткани. Хочет сменить шторы.

Энрико вновь смотрит на неё.

— Хорошо. Я помою руки, а потом вернусь и помогу тебе.

— Нет, перестань. Сядь на диван. Если хочешь, можешь немного посмотреть телевизор. Как только будет готово, я тебя позову.

Энрико идёт в ванную, но проходит дальше. Останавливается и смотрит назад. Видит её на кухне, как она берёт запеканку. Дальше Энрико идёт на цыпочках и заходит в спальню. Садится. Видит её мобильный телефон. Несколько мгновений осматривает его. Осматривается вокруг себя. Берёт его, нажимает на кнопку, включается подсветка. Камила его не блокирует. Зелёная кнопка. Последние исходящие звонки. Он замирает с открытым ртом. Ничего. Ни одного звонка. Всё удалено. Энрико оставляет телефон в покое и идёт в ванную. Чёрт. Я должен был посмотреть входящие. Он моет руки. Но я не могу этого сделать. Я слишком люблю Камиллу, чтобы не волноваться. Он вытирается. В любом случае, через несколько дней его избавят от сомнений. Он узнает. И уже не сможет спокойно мыть руки. Значит, он должен будет принять решение.

Флавио полулёжа разваливается на диване. Маленькая Сара взбирается на него, играя. Ей уже больше года. Ей кажется забавным мешать ему спокойно смотреть телевизор, и ему это нравится. Тут он слышит звук закрывающейся двери.

— Кристина, это ты?

— Что за вопрос? Если бы это был вор, что бы он, по-твоему, ответил? Нет, это не вор. Я просто постучался, а сейчас ухожу.

Флавио встаёт и пытается поцеловать её. Но она пришла с кучей пакетов, и тут же отдаёт ему два.

— Возьми, сделай что-нибудь полезное. Неси их на кухню. Осторожно, там яйца.

Затем она видит Сару, которая пересекает гостиную нетвёрдым шагом с игрушкой в руке.

— Флавио! Почему Сара всё ещё не спит?

— Она ждала тебя, хотела пожелать тебе доброй ночи.

— Она уже час как должна спать. Ты мне сказал, что можешь прийти пораньше. И я попросила тебя уложить её. Так она бы проснулась в час, надо было бы накормить её, и она спала бы дальше, а главное, я тоже могла бы поспать. Завтра утром у меня пробный экзамен на промоутера... Ну да, разве тебя это волнует? В этом доме всё должна делать я...

Кристина пересекает гостиную и, ничего не говоря, хватает Сару с такой силой, что у девочки чуть не выпадает из руки игрушка.

— Пойдём, малышка, пора спать.

Кристина уходит, исчезает в комнате с ребёнком подмышкой, как с мешком.

Флавио садится обратно на диван. Заканчивается очередной выпуск программы «Друзья». В последнем кадре появляется Мария Де Филиппи.

— Добрый вечер, мы здесь, готовые к вызову этой ночи. Без противника чахнет и добродетель, как сказал Сенека.

Флавио улыбается. Будет ли знак?

— Дорогая, я ухожу!

Сюзанна бежит в прихожую, где Пьетро снова надевает пиджак и галстук.

— Что? Я думала, что сегодня вечером ты спокойно останешься дома и поужинаешь с нами.

— Нет, любовь моя, ты забыла? Этой ночью я ужинаю в «Ла Пергола» с управляющим нового сообщества, теперь это наши клиенты. Я заскочил на секунду, чтобы повидать Каролину и Лоренцо. — Он берёт в руки лицо жены. Долго и страстно целует её. Или, по крайней мере, так кажется. — И чтобы поцеловать тебя. — Сюзанна улыбается. Пьетро заставляет её чувствовать себя красивой, желанной. У него всегда это получается.

— Возвращайся не очень поздно. Мы никогда не бываем вместе.

— Я постараюсь, солнышко моё. Никогда не знаешь, как пойдёт в таких делах.

Он открывает дверь и выбегает, чтобы быстро исчезнуть на лестнице. Она подходит к перилам и смотрит на него. Он в последний раз оборачивается к ней и снова прощается. Сюзанна заходит домой. Закрывает

дверь. Нет, я не знаю, как пойдёт.

— Он никогда не берёт меня с собой.

Несколько мгновений спустя, Пьетро летит. Берёт мобильный и быстро набирает номер.

— Солнышко моё, я еду.

Алессандро жмёт на звонок, он задыхается. Оpozдал.

Кто-то отвечает.

— Кто это?

— Я!

Дверь открывается. Алессандро поднимается по подъездной лестнице на второй этаж и вызывает лифт. Когда он приезжает на нужный этаж, двери открываются. Она уже ждёт его.

— Алекс, слава богу, я уже начала волноваться. Почему ты так опоздал? Мы уже все за столом, хоть ещё и не начали.

Алессандро наспех целует мать.

— Ты права, мама, было совещание до последнего момента, — они вместе входят в гостиную. Кто-то ещё на ногах. Другие уже заняли свои места.

— Всем добрый вечер! Простите за опоздание.

Мать берёт его под руку.

— А Елена? Где ты её оставил?

Клаудия смотрит на него. Алессандро хочется ответить: «Нет, мама, ты ошибаешься, это она оставила меня». Но он хорошо знает, что его мать не поймёт такого юмора, и, по правде говоря, не поймёт большая часть присутствующих.

— Она сегодня закончила работу ещё позже меня.

— Как же много вы работаете! Так жалко. Я бы хотела увидеться с ней. Ладно, давайте рассаживаться.

Алессандро садится рядом с отцом.

— Как дела? Всё хорошо?

— Хорошо, сынок. А тебя я не спрашиваю, ты в отличной форме!

— Да, — смотрит он на своё отражение в застеклённой картине.

Решает отвлечься, здороваясь со своими сёстрами и их мужьями.

— Как поживаете?

— Хорошо!

— Всё окей!

— Да, окей!

— Окей, не считая голода, — Давид, занудный, как всегда. Алессандро

разворачивает свою салфетку. Какой грубый способ заставить меня почувствовать вину за опоздание. Он смотрит на Клаудию. Они улыбаются друг другу. Алессандро подмигивает ей и садится. Словно говорит: «Молодец, что разводишься с ним». Но мгновение спустя он отмахивается от этой мысли. Это неправильно. Клаудия, не делай глупостей.

Мать звонит в звонок, соединяющий их с кухней. Тут же появляется Дина. Вечно повторяющийся ритуал.

— Дина, дорогая, извини, не могла бы ты убрать эти приборы? Это не нужно. К сожалению, Элены нет. Она приедет позже, к десерту.

Алессандро наклоняется к матери.

— Мне кажется, она и позже не появится.

— Я знаю это. Но не считаю, что должна что-то объяснять. Тем более прислуге...

— Ясно... — Алессандро вновь устраивается в кресле. — Какой же я идиот.

Через некоторое время Дина возвращается с тележкой, заставленной блюдами. Алессандро рассматривает их. Клёцки с томатами и тальолини с кабачками. Два вида пасты. Неплохо. Дина раскладывает блюда перед всеми, кто сидит за столом.

— Принеси также приборы, чтобы раскладывать по тарелкам, пожалуйста...

— Да, сейчас, синьора.

Дина быстро возвращается на кухню.

— Я не могу с ней. Она забывает о них с того момента, как появилась в этом доме, уже тридцать лет, и даже когда уйдёт, всё равно будет забывать!

Маргерита, самая младшая сестра, вытирает рот салфеткой.

— Мама, скажи спасибо, что она здесь столько времени. У большей части наших друзей в домах работают филиппинцы или другие иностранцы сомнительного происхождения, которые не умеют так хорошо готовить... Наша хотя бы итальянка!

Луиджи, её муж, наклоняется вперёд, сам не понимая, к кому именно.

— И самое главное, — говорит он, — что в таких случаях никогда не знаешь, кого впускаешь в свой дом. Посмотрите на синьору Дева Марре, к примеру, и как плохо всё закончилось.

Дальше ужин продолжается в таком же духе. Новые налоги, книга, которая никак не может закончиться. Шведский фильм. Китайский. Фестиваль. Выставка. Новая стрижка. Какая-то американская новинка, о которой Давид много слышал, но конкретно ничего не знает, даже того,

насколько она хороша, было бы неплохо, если бы он сам понимал, о чём говорит. Затем – котлеты с жареными артишоками, картофельным суфле и овощами. Ещё какое-то открытие. Дальше – обсуждение новостей. Ужасная новость. Юноша, убивший своих родителей. И другие банальные новости, но уже радостные. Дети друзей собираются жениться. Билеты на будущий концерт какого-то известного певца в Милане. Сплетня о какой-то знаменитости, кто-то из завсегдатаев, какие-то выдумки, ложь, как он бегаёт за каждой юбкой. Также возможность сходить на спектакль Фиорелло, хоть билетов уже и не осталось, а ведь цена заоблачная – даже дороже, чем отдых для всей семьи.

Маргерита вдруг встаёт на ноги. Бьёт по бокалу ложечкой.

— Минутку внимания. Я тоже должна рассказать вам новость. Наверное, она не настолько важная, как предыдущие, но для меня она самая главная! Скоро я догоню свою любимую сестру Клаудию. У меня тоже будет второй ребёнок!

Сильвия, мать, быстро встаёт и подходит к Маргерите. Обнимает её и покрывает поцелуями.

— Дорогая моя, какая прекрасная новость. Скоро я стану бабушкой четверых внуков! Ты уже знаешь, кто будет?

— Мальчик. Через четыре с половиной месяца.

— Чудесно! У вас будет парочка, как у Клаудии!

Старшая сестра съедает жареный артишок.

— Я так и знала. Но в нашем случае старший всё-таки мальчик!

— Уже придумали имя?

— Решаем между Марчелло и Массимо.

Алессандро смотрит на свою сестру Маргериту и поднимает брови.

— По-моему, лучше Массимо...

Клаудия и Маргерита поворачиваются к нему.

— Почему это?

— Ну, это имя победителей.

— А...

Луиджи встаёт.

— Я согласен... — кладёт руки на грудь и делает торжественное лицо. Он начинает декламировать, чтобы убедить всех в своём предпочтении: — Меня зовут Максимус Децимус Меридий, командующий северной армией, генерал легионов Феликс, преданный слуга истинного Императора Марка Аврелия, отец убитого сына, муж убитой жены, и я сумею отомстить. В этой жизни или в следующей.

— Да, он бы хотел назвать сына Массимо. Как гладиатора.

— Конечно. И однажды мы с ним сделаем одинаковые татуировки, как у нашего великого капитана! — так он абсолютно естественно выражает свой исторический взгляд на футболиста.

Сильвия смеётся и садится. Целует своего мужа.

— Луиджи, ты слышал, какая хорошая новость? Видишь, какую прекрасную семью мы создали, любовь моя?

Сильвия удобнее располагается в кресле. Потом берёт Алессандро за локоть.

— А ты, милый? Когда поделишься с нами какой-нибудь хорошей новостью?

Он вытирается салфеткой.

— Прямо сейчас, мама, но не знаю, хорошая ли она.

— Ладно, скажи нам. А потом мы решим.

— Окей. Господа, мы с Эленой расстались.

Стол вдруг погружается в ледяную тишину. Полнейшую. Клаудия смотрит направо и налево. Наконец, вмешивается, чтобы спасти брата.

— Извините, а ещё артишоки остались?

Позже. Все выходят из дома. Поцелуи в щеки. Все протягивают друг другу руки и обещают скоро увидеться. Поесть пиццы, сходить в кино, почему бы и нет? Хотя в итоге ничего этого не будет. Маргерита подходит к Алессандро, который говорит ей:

— Пока, сестрёнка, я рад за тебя!

— А я за тебя нет. Елена мне нравилась. Где ты теперь найдёшь такую, как она? — она прощается с ним поцелуем, не переставая качать головой.

Клаудия провожает её взглядом. Затем подходит к Алессандро.

— Всегда думает, что лучше нас всех знает, как нам жить. По крайней мере, что касается любви.

— Ты ведь её знаешь.

— Это так отталкивает. Слишком уверенная. Она всё знает... Сменим тему. Алекс, я на секунду даже подумала, что ты собираешься поделиться настоящей великой новостью.

— Что ты имеешь в виду?

— Господа, я встречаюсь с Ники, взрывной семнадцатилетней девушкой.

Алессандро смотрит на Клаудию и улыбается.

— С ума сошла? Для начала надо будет сказать маме, но ведь ещё придётся и папе объяснить... У него будет инфаркт от такой новости!

— Наоборот, я думаю, папа лучше это воспримет. Ты всегда его недооцениваешь.

— Думаешь? Может быть...

— Ладно, пора прощаться, — Клаудия целует его в обе щёки и собирается уходить.

— Клаудия...

— Да?

— Спасибо.

— За что?

— За артишоки, которых тебе не хотелось.

Клаудия отмахивает от него.

— Что ты! Ничего особенного. В следующий раз, в следующую ночь вроде этой, тебе придётся пригласить меня прямо в «Мессеге».

— Сделаю это с превеликим удовольствием. Есть вместо того, чтобы принимать странные решения.

— Идиот! Слушай, дай мне знать, когда решишь поделиться очередной новостью, которая разорвёт всех, как бомба... Два дня назад я села на диету!

65

Бывают дни, которые тянутся медленно. Когда бывает грустно. А другие проходят слишком быстро. Когда ты счастлив. Дни в подвешенном состоянии, когда остаётся немного до ответа японцев. Дни поездок на машине под CD Баттисти. Энрико сделал для них идеальную подборку. А у Ники сейчас внезапная вспышка счастья.

— Алекс, мне только что пришла в голову крутая идея.

Алессандро обеспокоенно смотрит на Ники.

— Так и быть. Рассказывай.

— Ты бы не хотел попробовать сделать всё, о чём говорится в следующей песне?

— Да, но... всё-всё?

— Ну, конечно, не из тех, что были раньше.

— Согласен. Тогда я выбираю песню.

— Нет, так не пойдёт... Поставь воспроизведение в случайном порядке, песня найдёт нас сама.

Алессандро нажимает кнопку на плеере. Любопытные и весёлые, они вдвоём слушают и ждут, какая песня станет их инструкцией на будущее. «В огромном супермаркете раз в месяц, вести полную тележку под руку с тобой...»

— Поверить не могу... Самая скучная песня!

— Мы ведь уже договорились, и должны сделать это. Давай, идём.

Немного позже они паркуются рядом с супермаркетом в Вилладжио Олимпико и быстро выходят из машины. Евро за тележку. Они решают заполнить холодильник на тысячи ужинов вперёд.

— Наверняка однажды мы сможем пригласить всех наших друзей, правда? Как ты думаешь?

— Конечно!

Алессандро представляет Пьетро, Энрико, Флавио, главное, каждый со своей женой, рядом с Ники, Олли, Дилеттой, Эрикой и их компанией. Это был бы идеальный ужин. Единственной трудностью стало бы подобрать нормальную тему разговора, подходящую абсолютно каждому в мире.

«Обсуждать, как дороги заморозки, стоять с тобой в конце очереди».

Он видит, как она улыбается, бегая по разным отделам. Она теряется за салатами, которые ей взвешивают, и персиками, которые так ей нравятся. Он сам становится ребёнком. Между тем, песня продолжается. И действия становятся сложнее.

— Так ты уверена? А если родители тебя поймают?

— Всё под контролем... Я сказала, что еду в институт, а потом переночую у Олли. Она меня прикроет... Идём! Мадонна, смотри-ка, ты такой трусишка! В конце концов, это ведь я иду на риск...

— Как хочешь.

«Приготовить лыжи и ботинки, проснуться ещё до шести...»

Алессандро приезжает за ней очень рано, паркуются неподалёку от её дома и видит, как она выбегает, сонная, ещё теплая ото сна. Они быстро уезжают. Через некоторое время Ники вновь засыпает в куртке. Он смотрит на неё, не забывая о дороге, и улыбается. И она кажется такой прекрасной, что даже не найти слов.

«Войти в какой-нибудь бар, просто чтобы съесть бутерброд...»

Это проще. Они оба голодны. Просят большой бутерброд, хорошо наполненный начинкой, свежеприготовленный, хорошо пропитанный соусом со всех сторон. Съедают его со смехом.

— Сколько ещё? Это далеко? Мы с тобой уже так долго в машине!

— Мы почти приехали. Уж извини, Ники, но это ты хотела снега, разве не так? Ну, так именно для этого нам и нужно ехать в Бреннеро.

— Блин! Как же далеко этот Бреннеро!

— Уж там, где он есть! И убери ноги с приборной панели, милая!

На ресепшене отеля у них впервые просят документы. Но молодой человек ни на что не обращает внимания. Даже на возраст.

«И валяться два дня в кровати, никуда не выходя...»

С этим пунктом тоже не возникнет проблем. С этого они и начали.

— Алекс, можно я позвоню родителям? Чтобы они не волновались.

— Конечно. Почему ты меня спрашиваешь? У тебя ведь есть телефон.

— Тссс, помолчи, идут гудки. Мама? Всё окей.

— Ники, где ты? На телефоне вышел странный код, 0043, Австрия...

Алессандро, который появляется в дверях комнаты, делает глаза размером с блюдца и качает головой. Говорит ей шёпотом:

— Ты что, свихнулась? И что теперь ты ей скажешь?

Но Ники смеётся. Уверенная, спокойная.

— Знаю, мама, мы захотели покататься на сноуборде и уехали. Да, мы переночуем у кузины Олли и вернёмся завтра, поздно вечером.

— Ники, но почему ты ничего нам не сказала, ты хоть что-нибудь соображаешь?

— Потому что ты бы стала волноваться, как всегда, и не разрешила бы мне поехать... Мама?

Тишина.

— Мама, мы поехали на поезде. И сегодня вечером, после лыж, даже позанимаемся.

— Ладно, Ники. Но позвони мне попозже...

— Конечно, мама. Привет папе. — Она вешает трубку и выдыхает. — Чёрт возьми, совсем забыла! Недавно они поменяли телефон в гостиной, поставили новый с идентификатором звонков!

Алессандро пропускает пальцы через волосы. Он уходит в другую комнату.

— Поверить не могу... Во что я ввязался.

В дверях возникает Ники.

— Единственное, во что ты ввязался, это то, что я собираюсь заставить тебя прокатиться на сноуборде.

Позже, на лыжной трассе – падения, отчаянные попытки, игры в снегу. Ники учит этого новоиспечённого смельчака, который неловко подпрыгивает и падает. Но Алессандро не страшно. К нему возвращается желание пытаться, падать, подниматься вновь... И кто знает, возможно, даже любить.

Потом, в вестибюле отеля, партия в бильярд, довольно экстравагантная игра, в которой все мячи должны оказаться в отверстиях. А затем сауна и телевизор. Затем их номер. Звонок маме.

— Да, я так долго занималась.

Ложь, которая никому не причинит вреда. Но звонок длится всего несколько секунд. Ники запрыгивает на Алессандро, и они смотрят друг другу в глаза. «Знать всегда, что ты любишь во мне...» Нет ничего лучше,

чем сливаться воедино друг с другом.

И спокойно входить в новый день, не давя на газ вести машину, зная, что рядом с тобой то, что ты ищешь. Иногда касаться её колена, чтобы убедиться, что всё это правда. Шоссе, спускающееся вниз. Сопровождающая тебя музыка. Мир, идущий за тобой. Но не давящий на тебя. Бесшумный. Алессандро немного сбавляет звук. Смотрит, как она спит. Здесь, на пассажирском сиденье рядом с ним. Немного загорелая. А потом Алессандро улыбается. Её ноги на приборной панели, как будто так и надо. Наконец, они въезжают в Рим, который рядом с ней кажется другим городом. «Взять туристическую карту моего города и провести день с тобой, ходить по музеям, памятникам и церквям, болтать по-английски, и вернуться домой, обращаясь к тебе на Вы».

— Слушай, скоро у меня выпускные экзамены. Ты мне pomoжешь, правда?

— Конечно, о чём разговор. Ты мне очень помогла с ЛаЛуна...

— Но ты не должен делать это только потому, что не хочешь оставаться в долгу передо мной... Ты должен сам хотеть помогать мне.

— Нет, я это сказал, потому что для меня это много значит. В любой момент, когда сможем, мы должны протягивать друг другу руки.

— Это тоже не так. Чем больше ты пытаешься что-то объяснить, тем больше появляется ощущение, что делаешь это из чувства долга.

— Блин, как же тебе нравится оставлять последнее слово за собой. Тогда я не стану тебе помогать!

— Вот видишь? Мы уже развиваемся. Ведь на самом деле ты не хочешь мне помогать. А как ты сдал свои экзамены?

— Я получил девять.

— Старик! — Мгновение тишины. — Старик! — Ники вновь начинает смеяться. — В шаге от высшего балла! Какой же ты ботан!

— Посмотрим, сможешь ли ты сдать лучше!

— Конечно, — Ники улыбается и прижимается к нему. — А почему бы и нет? Почему нет?

Дальше вопрос попроще.

— Извините, но Вы меня вообще любите или нет?

И самый простой ответ.

— Я не знаю, но я с тобой!

66

Несколько дней спустя. Волны и другие девочки на волейбольной тренировке, поддерживают форму.

— Готова?

Звучит что-то похожее на гром. Глубоки и тёплые басы раздаются из двух колонок группы поддержки, которая тренируется внизу. Музыка наполняет огромный школьный спортзал. Рядом две знакомые красно-белые туфельки All Stars двигаются в ритме. Они хорошо знают эту музыку. Чья-то рука отбивает ритм в оконном стекле. Ники перестаёт играть. Она бежит к нему, оперев руки в бока.

— Вижу, что ты всё настаиваешь. Почему ты хочешь погубить всё то прекрасное, что было между нами?

Но у Ники нет времени закончить, потому что в плеере начинается новая песня. Фабио изображает усмешку на своём лице. И начинает петь под свою собственную музыку.

— «Не случайно ты той ночью маленькой звездой упала в мою постель... Мы не того искали, я знаю. Нежные обещания, глупая ложь. Но почему теперь уходишь? Прошное лишь причиняет тебе боль. Помни, это было не случайно... ты той ночью маленькой звездой упала в мою постель».

Ники смотрит на него. Её глаза горят.

— Ты такой придурок, Фабио. Придурок, у которого всё с ног на голову, Фабио Фобия, или тебя лучше называть мудаком? — она убегает, прежде чем позволит ему увидеть свои слёзы. Он не заслуживает её слёз.

Фабио Фобия не нажимает на «стоп». Позволяет песне продолжаться. Садится на пол. Скрещивает ноги. Зажигает сигарету.

— Какого хрена вы смотрите, играйте дальше...

Он делает музыку громче.

«Помни, это было не случайно... ты той ночью маленькой звездой упала в мою постель».

Девушка пропускает мяч, который должна была отбить. Но Дилетта блокирует мяч, и он отскакивает от пола. Потом она уходит с площадки и гасит его сигарету.

— Бесит этот шум, — она идёт в раздевалку.

— Да, да, стройте из себя скромниц. Всё равно вы нуждаетесь в нас, если хотите получать удовольствие!

Фабио встаёт и бьёт маленькую стеклянную полку под окном, разбивая её. Потом выходит и курит дальше.

— Слушай, так ты только врагов наживёшь.

Фабио поворачивает назад. Олли стоит в дверях спортзала.

— Почему ты так себя ведёшь, кем ты себя возомнил? Может, твои песни и хороши, но в них слишком мало толку... и в тебе тоже. А так ты далеко не продвинешься.

Фабио Фобия делает две быстрые затяжки и бросает сигарету на пол. Притаптывает её. Сильно давит на неё ногой, стараясь потушить. А потом подходит близко-близко к Олли, останавливаясь буквально в миллиметре. Почти заставляет её вжаться в стену. И поёт ей в лицо.

— «Помни, это было не случайно... ты той ночью маленькой звездой упала в мою постель».

Фабио Фобия зовёт свою группу, смотрит на них через плечо и вновь проходит перед Олли. И даже не посмотрев на неё, он уходит через двор школы. Она остаётся в дверях спортзала, всё такая же спокойная. Смотрит, как он уходит, с некой отвлечённой мыслью, и ещё одной, более очевидной.

67

Алессандро сидит в кресле своего офиса, заложив руки за голову и откинувшись на спинку кресла. Он с любопытством рассматривает различные предложения для рекламы LaLuna, разложенные в определённом порядке на его огромном столе. От его команды неподалёку раздаётся музыка. Mark Isham. Расслабляющая.

— Разрешите...

— Войдите, — Алессандро меняет позу. Это Андреа Сольдини. — Входи, Андреа, садись. Какие-то новости? Нам ведь не нужно снова жульничать, правда?

Андреа Сольдини улыбается, садясь в кресло.

— Нет, мы всё ещё в ожидании решения. Но мне не кажется, что есть некие сомнения, ты согласен?

Алессандро встаёт на ноги.

— Нет, не похоже. Но лучше не запевать победную песню, прежде чем мы узнаем, что же всё-таки решили эти благословенные японцы, — подходит он к машине: — Кофе?

— Да, с удовольствием.

Андреа разглядывает Алессандро, пока тот готовит кофе. Берёт упаковку, открывает её, достаёт две капсулы, кладёт в машину и нажимает кнопку.

— Знаешь, Алекс, когда я видел тебя раньше, ты приходил забирать мою начальницу, Элену, и я не думал, что ты такой.

— Какой это – такой?

— Такой разный. Уверенный, спокойный, милый. Именно так, ты очень милый.

Алессандро возвращается к столу с двумя чашками кофе, двумя пакетиками сахара и двумя пластиковыми палочками.

— Мы никогда не узнаем, каков человек, пока лично с ним не познакомимся, за пределами обычной жизни.

Андреа разрывает пакетик сахара, высыпает его в кофе и размешивает.

— Ага. Иногда мы не можем как следует узнать человека, даже если живём с ним вместе.

— Что ты хочешь этим сказать?

— Я? Ничего, — отвечает Андреа. — Иногда я почему-то говорю такие вещи, — он начинает пить свой кофе.

Алессандро также поступает со своим. Затем смотрит прямо на него.

— Бывают моменты, когда я и вправду этого не понимаю. Почему ты всегда себя недооцениваешь и говоришь так сам с собой?

— Я всегда себя самого именно об этом спрашиваю. Проблема в том, что и я не нахожу ответа.

— Но если ты сам в себя не веришь...

— ...да, я знаю, как другие могут верить в тебя?..

— Наверняка русским ты показался очень симпатичным той ночью, хоть тебе и пришлось оказаться для этого при смерти.

Андреа допивает свой кофе.

— Не напоминай мне об этом... Мне становится плохо при одной только мысли об этой ночи.

— Пожалуйста, избавь меня от ещё одной «скорой».

Андреа улыбается.

— Шеф... работать с тобой – одно удовольствие.

— Как и иметь тебя в своей команде. Ты не можешь видеть себя со стороны. Но я тебя уверяю, ты производишь прекрасное впечатление.

— Хорошо! — Андреа поднимается на ноги. — Спасибо за кофе. Пойду на своё место, — он двигается по направлению к выходу, но вдруг останавливается. — Та девушка... Ники...

— Да?

— Не знаю, смогут ли японцы оценить, но она проделала огромную работу.

— Да, я с тобой согласен. Эти рисунки на самом деле новые и удивительные.

Андреа задерживается на секунду в дверях. Затем с улыбкой смотрит на Алессандро.

— Я имел в виду не рисунки, — закрывает он дверь.

Он не даёт Алессандро времени сказать что-нибудь. Тут раздаётся сигнал его мобильного. Он смотрит на дисплей. Сообщение. Он открывает его. Ники. Как же сказал Роберто Джервазо? «Жизнь – это приключение, в

которое другие решают нас вовлечь и которого сами мы себе не пожелали бы, со множеством промежуточных случайных выборов, которые приводят к случайным результатам». Тогда о чём я волнуюсь? Леонардо часто вдохновляется им, чтобы писать открытки, которые он отправляет своей жене... И они всё ещё вместе. Это тоже случайность. Алессандро читает сообщение Ники. Улыбается. И отвечает так быстро, как только может. «Конечно», отправляет его. Потом берёт свой пиджак и уходит. Предпочитаю анонимную фразу. «Мы встречаем друг друга случайно. Мы встречаем друг друга поцелуем».

68

Ники выходит из дома. Смотрит вокруг. Она не знает, куда идти. Алессандро дважды сигналил ей. Мигает фарами. Ники на секунду прикрывает глаза рукой, чтобы лучше видеть, как дежурный юнга. Наконец, она узнаёт его издали и тут же бежит к машине. Алессандро открывает ей дверь, и она залезает внутрь.

— Давай, скорее, заводись, мои родители сейчас выйдут.

Алессандро заводится. и в один момент они оказываются за углом.

— Блин... — Ники начинает смеяться, — я тебя не узнала. Но, — оглядывается она вокруг себя, — что ты делаешь в этой машине? Наконец-то понял, что настоящая креативность исходит от простых людей, да? И поэтому взял эту развалину, скажи же мне правду.

— Ещё чего! Это машина моей матери. Я её попросил, и она мне дала.

— Поверить не могу. Так твоя в автосервисе? Разве мы не должны были сначала обсудить детали? Марио, мой механик, вернул бы тебе её как новенькую ещё до того, как ты съешь свою пасту.

Алессандро становится весело.

— Нет, нет, моя машина всё такая же помятая, какой ты её оставила. А эту я взял ради тебя.

— Ради меня?

— Да, она с механической коробкой передач.

Ники смотрит. Видит руку Алессандро между двумя сиденьями. В этот момент он переключается на четвёртую передачу.

— Да ладно... спасибо! Круто... ты подумал обо мне. — Вдруг она останавливается: — Ты попросил её у своей матери? Ради коробки передач, ради меня... Но это означает, что ты всё ей рассказал о нас! — она залезает на него и целует, заставляя его неудобно наклониться.

— Перестань, Ники, не будем и эту машину разбивать!

— Больше, чем она есть?! — Ники снова устраивается на своём месте.

— И как она узнает?

— Матери всегда знают обо всём. Знаешь, эту машину водил я в твоём возрасте, — говоря это, он пытается осознать тяжесть этой странной правды. — Она знала, курю ли я, пью, или даже подвозил ли я кого-нибудь, или бывают ли у меня половые акты...

— Половые акты? Блин, как ты вообще разговариваешь? Мать моя, ты чокнутый! К тому же, извини, но у тебя были «половые акты» в этой машине, и теперь ты в ней возишь меня? — Она оборачивает всё в шутку.

— Слушай, прошло уже двадцать лет!

— И что? Всё, что ты делал с восемнадцати лет до этого момента, сводит меня с ума. То есть, с моего рождения. Почти. Мне бы хотелось вернуться назад во времени, посмотреть на тебя, как на DVD. Или лучше даже посмотреть на это прямо в кино. Сесть в первый ряд с ведром попкорна и в тишине смотреть фильм о твоей жизни, и чтоб никто мне не мешал.

— Ну, я могу сказать то же самое и о тебе. Я бы тоже хотел пойти в кино и посмотреть самые важные сцены твоей жизни.

— Да, но ты бы увидел только короткометражку! Ты не многое пропустил! И у тебя есть возможность прожить со мной мою жизнь!

— Как и у тебя. Самый прекрасный день тот, который ещё только предстоит прожить.

— Который предстоит услышать! Это ты придумал. А что ты собираешься делать со всем хламом, который оставлял в этой машине? Или ты забыл о нём?

Алессандро смотрит на неё, повернув к ней голову.

— Поверить не могу.

— Во что?

— Ты ревнивая. Знаешь, что говорит Баттисти?

— Такими темпами я уже стала главным экспертом по Баттисти. Конечно же, знаю его слова. «Дорогая подруга-ревнивица, это позор, болезнь, и ты не можешь забыть о том, что не можешь узнать обо мне, а все мои прошлые истории любви причиняют тебе большую боль, чем зубная боль, все поцелуи, что я раздавал, не улетят в бездну...»

— Ты возбуждена, да?

— Думаю, да. После всех сборников и трактовок Энрико, о которых я слышала в последнее время...

— Тогда ты уже понимаешь, что и мужчины тоже страдают. В той же песне говорится, что «В доверии, моя любовь, у меня тоже есть проблемы, я не могу не говорить о твоих бывших, тех, кто был в твоей постели».

— Да, да, не меняй тему! Признавайся! Ты занимался любовью в этой машине или нет?

Алессандро думает только момент.

— Нет.

— Поклянись в этом!

— Я клянусь тебе. Только один поцелуй, только один раз в drive in в Остии.

— Drive in! Как здорово! Я такое только в кино видела.

— Мы помирились?

— До гроба.

— Мир до гроба?

— Да, так я говорю, когда совершенно не хочу больше спорить!

— Ладно, тогда я остановлюсь, чтобы пустить тебя за руль. Но не превращайся в гонцицу, хорошо? Останавливайся иногда.

Он медленно подъезжает к обочине и останавливается. Ники перелезает через Алессандро.

— Ники, дай мне выйти.

— Давай, не будь занудой, мы закончим ещё до того, как ты окажешься внутри.

Они неловко пытаются перелезть каждый на своё место, случайно мигают фарами, Алессандро ударяет по приборной панели, «Ай!», застрявшая нога, смеющаяся Ники. «Какой ты зануда...», и эти слишком облегающие брюки... Но в конце концов каждый занимает своё новое место.

— Я заводжусь?

— Заводись. И осторожно.

Ники жмёт рычаг. Включает первую передачу.

— И как я?

— Отлично... наверное, потому что мы всё ещё стоим на месте. Выжми сцепление и осторожно отпусти рычаг.

Ники подчиняется. Машина медленно заводится.

— Хорошо, теперь вторая передача.

Ники снова жмёт на рычаг и меняет передачу.

— Вот, вторая...

— Скрипит.

— Какой же ты зануда, я ведь перешла на вторую, разве нет? — они теряются в ночном движении. Одна передача за другой. Один скрип за другим. Какой-то стук. Слишком поздно она нажала на тормоз. Длинный тормозной путь. Алессандро кладёт руки на лобовое стекло.

— Ай. Ну почему ты должна вот так тормозить?

— Извини... — Ники смеётся и снова заводится. И весёлый урок вождения продолжается.

— Руки на руле поставь на десять часов десять минут.

— Поздно.

— В каком смысле, тебе нужно вернуться домой?

— Нет, десять-десять – это поздно, а у руля часов нет, разве я не права? Мы с тобой с таким объяснениями разобьёмся!

— Очень смешно.

— Это одна из тех шуточек, которые ты отпускаешь в офисе, и все смеются. Всё равно, я уже устала.

— Ну тогда останавливайся.

— Я смогу ещё немного, — Ники вздыхает и замедляется. И тут же снова выезжает. — Хорошо. — Машина резко срывается вперёд.

— Плохо. Я снова прошу тебя остановиться.

Так они и едут дальше, учась понемногу, иногда замедляясь, спокойно ведя машину, не слишком загружая старый мотор.

— Ники, ты выехала на автостраду.

— Да, тут проще, — она начинает петь: — «Поездка, поездка, путь освещая фарами, чтобы дорогу смело познавать, осторожно, осторожно, но с удовольствием... — они подпрыгивают на кочке, — избегаю ям и кочек и не ведаю я страха, просто руль держу отважно».

— Что ты делаешь, останавливаешься?

— Да, я ведь сегодня отлично покаталась. Я устала, — Ники паркуется на небольшой зоне отдыха. — А сейчас, если то, что ты говорил мне, правда, я бы хотела опробовать машину твоей матери.

Она включает радио и выключает всё остальное.

Темнота. Повторяющиеся вздохи. Переплетающиеся руки, нежные, влюблённые. Расстёгивают, ищут, находят. Прикосновение, поцелуй. Ещё поцелуй, и рубашка падает. Ремень расстёгивается. Медленно расходится молния. Прыжок. В темноте, окрашенной в темноту. Быть счастливыми здесь и сейчас... Темнота, исполненная желания, прикосновений, недалёких перемещений. Самая прекрасная, самая лёгкая, самая желанная. Машины, которые быстро проезжают по шоссе. Фары, которые вспыхивают, как молния, и исчезают. Вспышки света, которые рисуют приоткрытые рты, их желание, восхитительное, больное, стремительное, полное, закрытые глаза, а затем открытые. Больше, больше. Как среди облаков. Спутанные волосы и неудобные сиденья. Руки, доставляющие удовольствие. Губы в поиске других губ, машины, продолжающие проезжать мимо, такие быстрые, что

ни у кого нет времени разглядеть эту любовь, которая следует ритму случайной музыки, звучащей по радио. И два сердца, которые ускоряются и ускоряются, которые вот-вот нежно столкнутся друг с другом.

Немного позже. Всё ещё запотевшее от любви окошко открывается.

— Как же здесь жарко.

— До смерти.

Алессандро застёгивает ремень на брюках. Ники надевает блузку. Вдруг их лица освещает свет. И они практически слепнут.

— Эй, что происходит?

— Это НЛО?

Луч света отправляется в другое место. Освещает какую-то надпись. Полиция.

— Выйдите, пожалуйста.

— Поверить не могу, — улыбается Ники, натягивая джинсы. — Как раз вовремя.

Из патрульной машины выходят двое полицейских, пока Алессандро и Ники открывают свои двери.

— Документы, пожалуйста.

И тут все четверо узнают друг друга.

— Это опять вы!

Ники подходит к Алессандро, услышав его вскрик.

— Неужели мы снова с ними встретились? Это просто бесконечная история!

— Я думаю, они нас преследуют, — говорит Алессандро позже, поворачиваясь к ним. — Вы уверены, что хотите видеть наши документы?

— Вы должны предъявить их в любом случае.

Полицейский помоложе подходит к машине. Светит своим фонарём на страховку на лобовом стекле.

— Извините, но разве у Вас был не Мерседес, немного помятый?

— Да.

— А эта машина чья?

— Моей матери.

— Ах, Вашей матери... Извините, а сколько вам лет?

— Это написано в паспорте, который сейчас у Вашего напарника.

Второй полицейский читает вслух.

— Тысяча девятьсот семидесятый, то есть тридцать семь.

— В июне, — поправляет Ники.

Тогда полицейский заглядывает и в паспорт Ники тоже.

— А девушке семнадцать.

— Восемнадцать в мае, — снова поправляет Ники.

— И что же Вы делали здесь?

Ники вздыхает, готовая взорваться. Алессандро сжимает ей руку, чтобы остановить её.

— Мы слышали странные звуки.

— В машине Вашей матери...

— Да, сами видите, какая она старая... Мы остановились проверить, всё ли в порядке. И уже собирались уезжать, когда приехали Вы.

Полицейские переглядываются. Затем возвращают им документы.

— Сопроводите синьорину домой. Полагаю, завтра ей нужно в школу.

Алессандро и Ники уже собираются залезть обратно в машину, когда один из полицейских зовёт его.

— Эй, синьор.

— Да?

Полицейский показывает вниз, на его брюки. Он понимает и быстро застёгивает ширинку.

— Спасибо...

— Не за что. Просто это мой долг. Но если Вы однажды встретитесь с родителями этой девушки, возможно, мы не сможем вовремя оказаться рядом, чтобы вмешаться.

69

Алессандро паркуется неподалёку от дверей дома Ники.

— Отлично выкрутились, да? Представь, если бы они приехали на десять минут раньше.

Ники пожимает плечами.

— Да ладно, ты ведь сам знаешь их. Они не устраивают разборок просто так. Классический тип, они читают странные журналы, в чате у них странные псевдонимы типа Темерарио или Йоги, а в шкафу они хранят кучу порнофильмов...

— И как ты пришла к такому выводу?

— Не спрашивай. Женщины чувствуют такие вещи... И, кстати, ты знаешь, зачем они носят пистолеты? На самом деле, это проекция их аппаратов, — Ники делает озорное выражение лица.

Алессандро наклоняется и открывает дверь.

— Понятно! Ладно, спокойной ночи!

— Что такое? Ты снова стал волноваться?

— Абсолютно нет, просто сегодня у меня ещё футбол. А ты чем

займёшься?

— Ничем. Сегодня останусь дома. Нужно немного позаниматься. А потом, наверное, придёт мой бывший, он хочет со мной поговорить.

— А-а-а, — лицо Алессандро вдруг превращается в жёсткую маску.

Ники это замечает.

— Эй, что с тобой? Если я встречаюсь с кем-то, значит, я хочу быть с ним. Так что успокойся, не устраивай мне сцен и просто считай себя счастливчиком! — Она целует его и выходит из машины. — Спасибо за уроки вождения!

Она быстро смотрит направо и налево, бежит к воротам и исчезает внутри. Как обычно, не оборачиваясь. Алессандро уезжает на разваливающейся машине своей матери.

— Эй, есть кто дома? — Ники закрывает дверь. — Мама, папа!

В коридоре появляется Маттео.

— Их нет, они ушли. Передавали тебе привет...

— Что ты делал в моей комнате? Я тебя видела.

— Нужно было посмотреть кое-что на компьютере.

Ники снимает куртку и падает на диван.

— Я тебе уже тысячу раз говорила, чтобы ты не заходил в мою комнату. Тем более, когда меня нет. И тебе totally запрещено пользоваться моим компьютером!

Маттео смотрит на неё.

— В тебе погибает талант настоящего учителя.

— Придурок.

— Знаю. Всё ещё хуже. Ты пенсионерка.

— Ха-ха, я сражена, ты кто, Чеккерини из толпы нищих?

— Слушай, Ники, видимо, ты забыла об этом, — он достаёт Нокию. —

Я уже скачал и сохранил компрометирующие материалы, они под надёжной защитой.

— И где они у тебя?

— Посмотри на это. Я скажу тебе. Неужели ты ничему не научилась от всех этих детективов, которые мы смотрим вместе? Если ты выдашь объект, который находится под твоей защитой, ты уже труп!

Звонок в дверь.

— А это ещё кто? Я жду Фабио, но он сказал, что придёт в десять.

— Должно быть, Ванни.

Маттео идёт открывать.

— ...Да, это он. Эй, здорово... Проходи.

Мальчик такого же роста, в таких же брюках, но чьи волосы немного светлее, входит, снимая свои огромные кроссовки.

— Что будет делать твоя сестра?

— Я ей ещё не сказал.

— Окей, как хочешь. Есть Кока-Кола?

— Да, посмотри на кухне, пока я рассказываю...

Ники разглядывает Ванни, который расхаживает по дому безо всяких проблем.

— Я правильно понимаю, Маттео, он вот так спокойно ориентируется у нас в доме?

— Как собака, которую нужно посадить на цепь.

— Ты прекрасно знаешь, что маме это совсем не понравится.

— Но ты ей ничего не расскажешь. Посмотри же на это.

Маттео достаёт из кармана листок, сложенный вчетверо. Разворачивает его.

— Я тебе всё напечатал здесь.

— Так вот чем ты занимался в моей комнате. Посмотри, сколько краски ты перевёл.

— Отвали от меня. И прочитай.

Ники внимательно смотрит на листок.

— Что? Что всё это значит?

— Не говори, что ты их не знаешь.

— Конечно, я их знаю. Но стараюсь избегать такого. И что, по-твоему, я должна делать?

— Найти мне хотя бы одну и принести.

— Ни за что.

— И не говори, что ты стесняешься, после того, что я видел...

— Ты ничего не видел, потому что я ничего не делала. Мне кажется аморальным делать такие вещи мальчику твоего возраста.

— Во-первых, это не только для меня, Ванни со мной. Второе: мы не дети. Третье: ты можешь найти их здесь. Четвёртое: если будешь отпираться, то ты сама знаешь, что я сделаю... Сначала отправлю это маме, которая наверняка тебя простит, а следом отправлю папе, который окажется здесь быстрее Супермена и в тот же момент не просто начнёт орать на тебя, он тебя отшлёпает по заднице!

Ники забирает листок из рук Маттео и выходит из дому, крича, как зверь.

— Дверь никому не открывайте, и если мне позвонит мама, скажешь ей, что я кое-что забыла в скутере и вышла, ясно?

Ники быстро спускается по лестнице, складывает листок и кладёт в карман джинсов. Нужно торопиться. Со мной творится какая-то чушь. Мой младший брат – маньяк. Тут звонит её мобильный. Она берёт его и смотрит на дисплей. Этого как раз не хватало. Она открывает Нокию.

— Говори.

— Привет, я скоро буду.

— Я не дома.

— А где ты?

— Какая тебе разница, я не обязана перед тобой отчитываться.

— Не будем ссориться, Ники.

— Я не хочу ссориться, Фабио, просто ты ведёшь себя так, будто мы всё ещё вместе... а всё закончилось уже как четыре месяца назад.

— Три.

— Забудем о моём «рецидиве», это не то же самое, что снова начать встречаться. Мы просто ещё разок переспали перед тем, как расстаться окончательно.

— Ты жестокая.

— Ага, а твоя сегодняшняя песенка была примером нежности и любви, да?

— Окей, ты права. И звонил тебе и поэтому тоже. Но мы можем увидеться лицом к лицу вместо разговоров по телефону?

— Ладно. Через полчаса на проспекте Париоли, 122. В «Прима Визионе».

— Окей, спасибо... принцесса.

Ники закрывает телефон. Принцесса... Она снимает цепь и надевает шлем. М-да. Раньше я обожала, когда он так меня называл. А теперь мне это не нужно... Хватит. Всё решено. И я скажу ему это. Она уезжает на всей скорости на своём скутере.

70

Энрико буквально вбегает в дом.

— Любимая, где ты? Прости, я так поздно!

Камилла появляется в дверях спальни, идеально накрашенная и одетая. Тёмное платье, немного теней, розовая помада.

— Я знала, что ты будешь поздно. Я приготовила тебе сумку для футбола.

Энрико смотрит на неё. У него нет слов.

— А ты куда идёшь?

— Выпить с той моей подругой из спортзала. Ты помнишь? Та, с

которой я говорила в прошлый раз. И будет ещё одна девушка.

— Ясно. И куда вы пойдёте?

— Не знаю, мы ещё не решили.

— А чего вы хотите, хотя бы примерно?

Камилла надевает жакет.

— Я не знаю... наверное, где-то в центре, — она берёт свою сумку, кладёт в неё ключи от дома и закрывает. — Прости, но я, когда ты идёшь играть в футбол, не спрашиваю тебя, ни с кем ты играешь, ни с кем потом пойдёшь поесть или выпить.

— И что дальше? К тому же, мы почти всегда проигрываем.

Камилла качает головой и открывает дверь.

— Иногда с тобой просто невозможно разговаривать. Увидимся позже, — она закрывает дверь.

Увидимся позже. Но позже — это когда? Энрико садится на подлокотник дивана в центре гостиной. Точнее сказать, падает на него. Ему бы хотелось спросить её о многом. Например: во сколько примерно ты вернёшься? Ты взяла с собой мобильник? Или: потом не говори мне, что не было связи. Или ещё хуже, не говори мне, что у тебя села батарейка. В общем, сказать только одну вещь: тебе и правда нужно пойти? Энрико останавливается на мысли, что придёт с игры очень поздно. Он поднимается, идёт в спальню, находит сумку, закидывает её за спину и уходит. В ожидании лифта он обдумывает странную мысль. Не знаю почему, но этой ночью мне бы хотелось быть арбитром... Лифт открывается. Энрико входит и нажимает кнопку. Затем смотрится в зеркало. Ну сколько же ещё ждать благословенного или проклятого ответа от детектива? Он бы тут же отдал ему деньги. Какого чёрта. Он бежит к машине. Залезает в неё, заводится. Не знаю, будет ли это хорошая партия, или мы проиграем, как обычно. Знаю только, что понятия не имею, как скоро вернусь домой. А главное, будет ли Камила уже дома.

Ники протягивает карточку менеджеру, который пропускает её через аппарат, чтобы увидеть имя.

— И чья она?

— Моего брата.

— Как его зовут?

— Маттео.

— Уверена?

— Думаю, да.

— Карточка не на Маттео.

— Ай, извините, — Ники задумывается на секунду. — Наверное, она на Ванни.

Мужчина нажимает кнопку, и слышится сигнал.

— Да, Ванни, точно. Прекрасно. Чего желаете?

Ники даёт ему сложенный вчетверо листок.

— Один из этих фильмов.

Менеджер пробегает глазами по списку, просматривает названия одно за другим.

— У нас есть не все. И те, что есть, разобраны клиентами.

— Вот дерьмо!

Менеджер внимательнее изучает список. У него поднимаются брови.

— Некоторые я даже не видел. Например, вот этот. «Нирвана» Фрэнка Саймона с Деборой Уэллс и Валентайн Деми. Мне говорили, что он удивительный. К тому же, в нём куча спецэффектов. Ты видела его? Это культовый порнофильм.

— Нет, к сожалению, упустила такую возможность.

— Мне бы хотелось дать тебе что-нибудь.

Ники смотрит на него с подозрением. Менеджер улыбается.

— Но у нас есть только гей-порно, а я уже видел, что ты выбрала только гетеро.

— Ну да.

Кто-то подходит к стойке и возвращает DVD, срок возврата его почти истёк. Кажется, этот кто-то довольно часто наслаждался им.

— Возвращаю, спасибо, крутое порно... Джессика Риццо никогда не разочаровывает.

Менеджер берёт его и рассматривает. Затем счастливо улыбается и даёт его Ники.

— Возьми! Это первый фильм из твоего списка.

Смущённая, Ники берёт DVD. Человек, который вернул его, уже собирается уходить, но снова возвращается.

— Эй, это ты? Ники! Я тебя не узнал! Я Пьетро, друг Алекса.

Ники нервно улыбается.

— Точно... конечно... Я тебя прекрасно помню.

— Эй, тогда общего у нас с тобой – это отличная память и кое-что ещё, как я погляжу... — он указывает на DVD подбородком.

Ники пытается выкрутиться.

— А... да... нет... на самом деле... Скажем так – я проиграла... в общем, это просто пари...

— Слушай, для меня ты всегда была классной. А после этого я вообще

сошёл по тебе с ума. Позволь задать тебе вопрос: ты будешь смотреть это с Алексом?

Ники сдаётся. Это бесполезно, ей никогда не убедить его в обратном.

— Да, только не говори ему. Это сюрприз.

— Я обожаю вас! Какие же вы счастливики. Я пытался сделать это с моей женой много раз, но она никогда не хотела. А потом они жалуются, что браки разрушаются. Ладно, извини, но мне нужно идти, — Пьетро прощается и подходит к автоматическим дверям видеоклуба. Но потом он разворачивается и снова входит. — Извини, Ники, последний вопрос. У тебя случайно нет какой-нибудь подруги, которой?.. Подруги, которой нравятся такие вещи, чтобы ты нас познакомила. Я имею в виду, немного нетипичной. Вроде тебя.

В сознании Ники сразу же всплывает Олли.

— Нет, извини... Алекс нашёл себе единственную нетипичную.

— Окей. Я тебе ничего не говорил. Ладно, я пойду, уже все на поле. Пока!

Ники провожает его взглядом. Берёт DVD и кладёт его в свой рюкзак. Прощается с менеджером, который подмигивает ей. Ники качает головой. Прощай, моя репутация. Годы праведной жизни псу под хвост. С этой последней мыслью она выходит из салона. Как раз в этот момент приезжает Фабио. Как попало паркует свой Opel Corsa C'Mon цвета раскалённой магмы с легкоплавными дисками с пятью двойными спицами. Из открытых окон на всю улицу орёт музыка. Он выходит и хлопает дверью. Видит её.

— Нравится? Хотел сделать тебе сюрприз.

— Безвкусица, как ты и твоя песня.

— Да ладно, не будь такой...

Фабио пытается её поцеловать. Ники отстраняется и отворачивается вправо. Тогда Фабио пытается обнять её и, прежде чем она увернётся, с силой хватает её.

— Я ошибся. Я скучаю, принцесса. Без тебя всё так бессмысленно...

Ники закрывает глаза. Почему сейчас? Почему так поздно? Так безнадежно поздно... И она даже не пытается вырваться из его рук, побеждённая болью этой уже утраченной любви.

Именно в этот момент мимо проезжает Энрико, который направляется на игру. Красный. Он останавливается на светофоре и в ожидании смотрит в окно. Видит этих двоих. Как красиво. Как они обнимаются. Какая хорошая пара. И она такая красивая.

Ники высвобождается из рук Фабио. И теперь Энрико прекрасно

может её разглядеть. И он её узнаёт. Но это... это же... Это семнадцатилетняя девушка Алекса... Которая свела его с ума!

От машины, стоящей за ним, раздаются гудки.

— Эй, ты ехать собираешься? Уже зелёный.

Энрико не может больше завестись. Какой кошмар. Пока Алессандро играет в футбол, она... Они все одинаковые. Эта ночь... два арбитра на поле! Переполненный гневом, он быстро уезжает.

Ники отходит назад.

— Послушай, Фабио. Нам с тобой было хорошо вместе. Наверняка со временем мы даже сможем стать друзьями, — она смотрит ему прямо в лицо. — Но сейчас – нет. Я не могу. — Она опускает взгляд. — Мне нужно побыть одной.

Фабио приближается к ней. Нежно поднимает её лицо.

— Одной? Ты врешь. Я знаю, что ты с кем-то встречаешься.

— Кто тебе это сказал?

— Тебя только это волнует?

Ники напрягается. Он прав. Я ошибалась. Я должна была сказать ему сразу. Иногда каждый ошибается, не желая причинять боль. Не может сделать достаточно, и в итоге всё равно больно всем.

— Да, я встречаюсь с другим уже некоторое время. И надеюсь, что это будет красивый роман.

Фабио встаёт перед ней.

— Красивее, чем наш?

— Красивее, чем когда ты всё испортил. Сейчас уже слишком поздно.

Ники собирается уходить.

— Ну, нет! Не держи меня за идиота!

Он тянет её за сумку, та открывается. DVD падает на асфальт.

— А это что? — Фабио поднимает его. — Джессика Риццо? Это же порнуха! То есть, чтобы попробовать что-то такое с тобой, мне это стоило таких ужасов, ты не могла даже подвигаться немного, а тут появился этот, и ты... Что ты делаешь? Берёшь порно, чтобы смотреть с ним? Кто он? Мистер Тайна?

Ники забирает у него из рук DVD.

— Что он с тобой сделал?

— То, чего не смог ты. Хотя это самая простая вещь на свете. Он меня любит, — Ники быстро надевает шлем и уезжает на скутере.

Фабио проходит до середины аллеи и кричит ей с поднятой рукой.

— Конечно, очень просто. Ты всегда любила эти дерьмовые фразочки. Но ты в окружении таких фальшивок... Вот увидишь! Я хотел бы увидеть,

как этот парень тебя бросит. Думаю, долго ждать не придётся. Максимум три месяца. Ты просто дура!

71

Алессандро в центре поля. Он бежит туда-сюда, иногда возвращает мяч тому, кто передал ему пас то ли случайно, то ли намеренно. Немного дальше Риккардо, вратарь, разогревается в воротах, останавливает, как может, броски других игроков. Наконец, на поле выходит Пьетро. Риккардо останавливает мяч и блокирует его грудью.

— Слава богу! Как всегда опаздываешь?

Пьетро входит, делая прыжок.

— Я пришёл вовремя, самый пунктуальный парень на свете!

— Такой довольный, что, только что потрахался?

— Ещё бы! — он начинает разминаться, закидывая ноги назад, бегая на месте и пытаясь доставать до бёдер пятками.

— Дело в том, что Алекс...

Алессандро слышит это издали и подбегает к нему.

— Дело в том, что — что? Это я виноват, что ты опять опоздал?

— Что-то в этом роде... Нет, какая всё-таки у тебя кобылка, мачо!

Алессандро смотрит на него с недоумением.

— Потом объясню...

— Да-да... — говорит Риккардо, вратарь, — но он как раз пришёл вовремя. А вот ты, дорогой Пьетро, наоборот, уже получил несколько предупреждений. Ещё одно, и я удалю тебя на месяц.

— Не преувеличивай!

— В этой команде хотели бы играть многие люди, но я не зову их, чтобы они заняли ваши места, потому что вы всё время опаздываете. Как минимум вы могли бы в благодарность приходить вовремя! Вообще, кажется, что вы просто делаете мне одолжение.

В этот самый момент на поле выходит Энрико. Но не такой радостный и счастливый, как Пьетро.

— Посмотри, он тоже пришёл. Слава богу. Мы можем начать.

— Извините меня, я опоздал...

Риккардо кидает мяч в центр поля.

— Да, да... давайте, выходите уже...

Энрико подходит к Алессандро. У него расстроенный вид. Смотрит на друга с грустью. Алессандро это замечает.

— Энрико... что с тобой? Боже мой, только не говори, что я должен был тебя забрать и забыть.

— Нет-нет.

Игра уже началась. Уже сделан первый удар. Противник пробегает между ними с мячом, он бежит прямо к воротам. Тут же появляется Пьетро, который бежит прямо за ним.

— Эй, давайте играть! Какого хрена вы делаете? Позируете для скульптуры? Потом будете болтать!

Алессандро убегает, Энрико провожает его взглядом... Затем он тоже бежит. Бежит к своей команде, вливаясь в игру. Хотя бы мы смогли поговорить. Нет, это не приведёт ни к чему хорошему. Она должна сказать ему, не я. Тогда он спокойно ждёт мяча, который полузащитник пасует влево. И слышит, как Пьетро говорит Алессандро, какую кобылку он завёл... Да, да, кобылка. Какой же идиот этот Пьетро. Единственное, в чём повезло Алессандро, – ему хотя бы не нужно платить частному детективу.

72

Комната цвета индиго. Она.

«Тогда он понял с особой ясностью, в какой безнадёжной ситуации оказался. Почувствовал, что находится посреди Долины Тьмы и что вся его жизнь испарилась. Он понял, что слишком долго спал и ему всё время снился сон... Он осмотрелся в комнате. Подумав о чемоданах, он погрузился в печальные раздумья. И в последний момент решил выбросить их».

М-да. Чемоданы. Мне тоже нужно сходить и купить себе сумку. Тот самый момент подступает. Но перед тем как собрать рюкзак и сумку, я должна буду решить избавиться от кое-чего другого. То, чего просто так не увидишь, не потрогаешь, но оно всегда вспоминается. Она смотрит в окно. Солнечно, она осталась в центре, чтобы купить последние вещи, которых не хватает.

«Где она была? Ему казалось, что на маяке. Однако это от её мыслей исходил тот белый свет, ослепляющий, который каждый раз поворачивался с большей скоростью... Это было единственное, что он понял. И в миг, когда он осознал это, сознание оборвалось».

Она улыбается. Радость и боль. Ничего не поделаешь. Падать заставляет та же любовь, что поднимала к звёздам. Как красиво. И как отвратительно. Но я снова встала. И готова начать сначала. У меня получилось. И мне бы хотелось однажды сказать спасибо этому Стефано.

73

Другой дом. Другая комната. Другой цвет. Их двое.

Как же там было? «Никакие человеческие отношения не предусматривают, что один находится во владении другого. В любой паре душ, эти двое абсолютно разные. В дружбе, как и в любви, двое бок о бок вместе поднимают руки, чтобы взять то, что ни один из двоих не может сделать в одиночку». Дилетта листает старый дневник, который вела в одиннадцатом классе. Да, это он. Она нашла его. На столе поднос с дымящимся чайником и две большие яркие чашки, которые ждут, когда их наполнят чаем из лесных фруктов. На каждой чашке нарисована буква. «О» для Олли. «N» для Ники. «D» для Дилетты. «Е» для Эрики. Дилетта нашла их в «Порта Портезе». Она сидит на кровати и вслух читает дневник. Олли, сидящая на полу, скрестив ноги, морщит нос.

— Слушай, почему ты всё время носишься с этими идеями? Остановись на одной и успокойся! Это и есть ответ! Забей на этого Калила, Кхилила, в общем, Джебрана или как его там зовут! Ты упускаешь жизнь, разводя философию!

— Олли! Не знаю почему, но твой уровень сарказма прямо пропорционален твоим периодам похмелья!

— Нет, дорогая, но прошлой ночью я и правда была на вечеринке! С парнем с ББТ! И должна сказать, что... он водит как чёртов психопат! Особенно, когда меняет передачу!

— Олли!

— Да, да, Олли, Олли, но пока я развлекаюсь, ты сидишь здесь, потому что отрицаешь секс. Например, Эрика. Её здесь нет! Где она? Уверена, что отлично развлекается, и наверняка не с Джо Гандоном.

— Гандон?

— Гениально, да? Мистер Осторожность... По-моему, именно это и бесит Эрику. А я сейчас с тобой и играю в твои игры. А Ники? Ступила на борт корабля, который великоват для неё... Волны переживают период большого прилива... Кроме тебя. Ты можешь написать сценарий для телесериала, основанный на твоём опыте Волны, назови его «Полный штиль»...

— К чему всё это? Я просто хотела прочитать тебе это, чтобы ты поняла моё представление об отношениях, о любви. Когда ты принадлежишь кому-то, тебе не бывает хорошо, он тебя ограничивает, ты рискуешь потерять саму себя. Я хочу свободной любви, большой, хочу рая. А найти того, кто думает также, совсем не просто.

— Насчёт того, кто думает, не знаю, но найти того, кто бы хотел переспать с тобой, проще простого!

Дилетта отрицательно мотает головой.

— Ладно, ты права... Но откуда тебе знать, Дилетта, если у тебя ещё не было? — Олли встаёт и наливает в чашки горячую воду. Кладёт по пакетiku чая в каждую, берёт чайник, заливает и тащит свой чай в постель. Даёт Дилетте чашку с соответствующей буквой. Они поднимают их вверх в безалкогольном тосте с ароматом ежевики и черники.

— За «Е» и «N», которые остались в кухонном шкафчике и у которых хватает смелости отрываться... не по-детски!

Они смеются. А из открытого дневника за ними наблюдает Джебран.

74

Раздевалка заполнена куртками и брюками, повешенными на крючки. Большие сумки разных цветов, некоторые со старыми названиями спортивных клубов, в которые даже никто и не ходил, другие, возможно, из более активного прошлого, валяются на полу или на деревянных скамейках. Запах носков и ботинок. Кто-то из игроков стоит под душем.

— По-моему, это защита не работает. Им следовало бы играть жёстче.

— Что ты говоришь? А что такое с полузащитниками, а? И это ты называешь передвижениями мяча?

— Антонио тоже пропустил кучу голов. Он как убогий!

Алессандро заканчивает вытирать волосы полотенцем и садится на скамейку.

— Ребята, это уже сотое поражение... Бывают такие периоды в жизни, когда нужно уметь принимать реальность. И думаю, что для нас настал такой момент. Давайте бросим это.

Пьетро садится с ним рядом.

— Ещё чего, Алекс. Мы отличные игроки. Просто здесь каждый играет сам за себя, каждый из нас считает себя гениальным футболистом! Нам не хватает командного духа. Чёрт, как игроки они были хуже, но ты заметил, что они были командой? Они всегда нас обыгрывали с разницей в одно очко...

— С тобой невозможно разговаривать. И ты никогда не был хорошим защитником.

— Ладно, это бесполезно, всегда виноват я.

Энрико уже одет. Между тем, Флавио нервно меряет шагами раздевалку. Алессандро видит это.

— Что с тобой, Флавио?

— Вы можете оставаться в игре, но я своё отбегал. Сердце бьётся двести ударов в секунду. Смотри... — Флавио кладёт свою руку горло. Протягивает пальцы и кладёт их на сонную артерию. — Послушай, как

быстро...

Он подходит к Алессандро и берёт его руку.

— Мне не хватает воздуха. Я потею. Это уже второй раз, когда мне приходится вытирать лоб.

Энрико подходит к нему и тоже измеряет его пульс. Затем убирает руку.

— Не волнуйся, это нормально. Так и должно быть после игры. Это адреналин. Вот и всё.

— Но я продолжаю потеть.

— Потому что ты принимал слишком горячий душ.

— Нет, мне нехорошо. Мне не хватает воздуха, — Флавио подходит к умывальникам, включает холодную воду и пропускает её. Потом подставляет лицо под струю. Вытирается. — Кажется, стало немного лучше.

Почти все остальные уже оделись.

— Сходим в «Соффитту» поесть пиццы?

— Да, неплохо.

— Тогда все увидимся там.

Флавио надевает халат и им тоже вытирается.

— Я пойду домой. Не выключайте мобильники, вдруг вы мне будете нужны. Я не хочу будить Кристину, лучше позвоню вам.

Алессандро закрывает свою сумку.

— Хочешь, мы тебя подождём?

— Нет... нет, идите. Но не выключайте мобильники, хотя бы ты, ладно?

— Ладно. Всё равно, что бы ни случилось, если я не отвечу на звонок, мы будем в пиццерии «Соффитта».

Флавио надевает рубашку. Затем снова берёт полотенце и промокает лоб. Ничего не поделаешь. Он всё ещё потеет. Сердце продолжает ускоренно биться. Наверное, мне просто пора спать. К тому же, завтра мне рано вставать.

75

— Охренеть, Флавио – просто хронический ипохондрик, — Пьетро присоединяется к остальным за столом в глубине зала «Соффитты». — Если ты всегда такой, зачем тебе вообще играть? Ты просто разрушаешь свою жизнь и всё. В таком случае, оставайся дома, расслабься, посмотри фильм, но только не ужастик. А вдруг будет инфаркт!

— Да ладно тебе, бедняга, должно быть, для него это ужасно.

— Тогда представь, каково нам, когда он делает такой лицо, словно умирает.

Энрико открывает меню. Пьетро его закрывает.

— Хватит, ты ведь знаешь всё, что здесь готовят. Пицца наразвес трёх или четырёх разных вкусов.

Алессандро весело хлопает по столу.

— Я хочу одну Аннунцио! Умираю с голоду...

— А ты ешь с чесноком, луком и перцем чили? — спрашивает Пьетро ехидно.

— Ну, думаю, это всё переварится в моём желудке.

— Да, но... у тебя же ещё особенное свидание после этого...

— Да, с моей постелью! После этого я иду домой, и никаких свиданий. Пьетро затихает на мгновение.

— Ммм... — открывает он меню, — посмотрим...

Алессандро закрывает его меню.

— Извини, но ты только что сказал, что наизусть его помнишь.

— Да, но я не очень хорошо помню, что кладут в Центурион...

— Ты меня не проведёшь. Почему ты прячешься за меню? У тебя странное лицо. И ты сказал «ммм»...

— О чём ты?

— Да, у тебя странное выражение лица. У тебя такого никогда не бывает. И ты никогда не говоришь «ммм», ни в коем случае.

— Это просто чушь.

— Ты никогда не говоришь, что это просто чушь, если это и правда просто чушь.

Пьетро смотрит на Энрико. Затем снова на Алессандро.

— Ладно. Что ты хочешь знать?

— Что значило это «ммм» и твоё выражение лица?

— Даже если это может повлиять на нашу дружбу?

— Это так серьёзно? Говори давай.

Пьетро наклоняется к нему.

— Ладно. Дай мне руку. Пообещай, что бы я ни сказал, у нас не будет проблем.

— Какого рода проблем?

— Такого рода, что ты перестанешь быть моим другом.

— Слушай, Пьетро, сейчас же заканчивай это и рассказывай.

— Дай мне руку.

Алессандро протягивает ему руку, Пьетро крепко держит её и не отпускает.

— Если я тебе расскажу, ты окажешь мне услугу?

— Ещё одну? К тому же люблю, слепо доверяя тебе? Не рассчитывай на это.

— Тогда забудем об этом, — Пьетро вырывает руку.

— Окей, окей. Мы будем друзьями, я окажу тебе услугу, но молись, чтобы это было чем-то стоящим... Давай, говори.

Пьетро смотрит на Энрико. Затем на Алессандро. Снова на Энрико. И вновь на Алессандро. Он не знает, как сказать это. Решает не тянуть больше.

— Ладно. У Ники есть порнофильм. И я думаю, она хочет посмотреть его с тобой этой ночью.

Наступает ледяная тишина.

— А ты откуда знаешь?

— Потому что его дал ей я.

— Что? — глаза Энрико становятся размером с блюдца. — Ты дал Ники порнофильм?

— Эй, ты что такое придумал? Я вошёл в видеоклуб, чтобы вернуть его, а Ники была там и ждала его.

— Именно этот фильм?

— Я точно не знаю, конкретно этот или любой другой, но уверен, что порно. У неё в руках был список. И она взяла этот, с Джессикой Риццо. Отличный, динамичный. С ней всегда так...

— Хватит, ты говоришь глупости.

Пьетро прожигает его взглядом.

— Вот оно. Я знал. Наша дружба в опасности?

Молчание.

Пьетро настаивает.

— Ответь!

— Нет-нет, конечно же, нет.

— Тогда как ты можешь думать, что я говорю глупости, думаешь, я шучу?

Алессандро делает длинный выдох.

— Хорошо, Ники взяла порно. И не для того, чтобы посмотреть со мной. Наверняка смотрит его с подружками.

Пьетро смотрит на него, внезапно расплывшись в улыбке.

— Они такие, серьёзно?

— Ну, судя по её рассказам, одна из них немного... странная. Может быть... Наверняка они делают это, чтобы повеселиться, поржать, уверен, им любопытно узнать, что мы, мужчины, находим в таких фильмах.

Поняв, что они, возможно, и правда делают это в образовательных, так сказать, целях и ради опыта, Пьетро чувствует себя довольно-таки разочарованным. Тогда Алессандро смотрит на Энрико, который сидит, опустив взгляд.

— Что, Энрико? Возможно, это не так? Что ты думаешь?

Энрико поднимает голову и смотрит на него.

— Нет, мне так не кажется. — Он поворачивается к Пьетро: — Ты вернул DVD в «Прима Визионе» на Париоли?

— Да, откуда ты знаешь?

— Когда я ехал на игру, видел Ники по дороге.

— Должно быть, она шла туда.

— Нет, когда она вышла.

— Ну, значит, она уходила оттуда.

— Нет. Она была с парнем.

— Может, это её друг.

— Они обнимались в дверях видеоклуба.

Алессандро бледнеет. Пьетро это замечает и быстро пытается разрешить эту ситуацию.

— Наверняка это была не она, ты ведь мог обознаться.

— В том же месте, в то же время, с DVD, который ты принёс? К тому же, её не так просто с кем-то перепутать.

Именно в этот момент к ним подходит молодая официантка, низкая и круглолицая, с огромным пирсингом в носу и оранжевыми лентами в волосах. Она открывает свой блокнот, чтобы записать заказ.

— Вы уже готовы? Что будете есть?

Алессандро с шумом поднимается, отодвигает от себя стул и выходит на улицу.

— Эй, что я сделала?

— Ничего, ничего, синьорина. И да, мы уже знаем, чего хотим... Принесите нам разливного пива. А у вас есть пицца Отчаяние?

Алессандро на тротуаре. Он берёт свой мобильник, ищет в списке контактов имя и набирает номер. Нажимает зелёную кнопку. Один, два, три гудка. Давай же, чёрт. Блин. Ответь. Чем ты занята? Где ты? Четыре. Пять. Ответь. Ты всегда носишь долбаный мобильник в кармане. Возьми же трубку. Шесть. Семь.

— Да?

— Ники? Где ты, ко всем чертям? Где ты была, куда ты запропастилась?

— В ванной. Я мыла голову. С тобой что-то случилось?

— Со мной? Это с тобой что случилось?

— Со мной? Ничего, я немного позанималась и теперь иду в постель.

— И ты больше ничего не делала?

— Нет... Ах, да, как это нет, бегала по заданию моего брата, он ведь шантажирует меня тем видео, где он нас заснял, он меня заставил выйти за порнухой для него и его друга-извращенца Ванни. А ещё я встретила с твоим другом Пьетро. Тот ещё тип. Он пришёл, чтобы вернуть фильм с какой-то там Джессикой. Он тебе не рассказал?

Алессандро замирает. К нему возвращается дыхание. Он расслабляется. Вновь начинает улыбаться.

— Кхм, нет, он сразу же ушёл с поля. Ему нужно было вернуться домой пораньше.

— А-а. Потом я немного постояла с моим бывшим на улице. Я ведь говорила тебе, что он хотел поговорить со мной, да? Ну, и он подъехал ради этого к «Прима Визионе». Он устроил сцену и пытался меня поцеловать. А потом... Это было ужасно.

— Что?

— Когда ты понимаешь, что тебя ни капли больше не волнует тот человек, которого ты раньше так сильно любил...

— Ага.

— Алекс.

— Да?

— Было бы прекрасно, если бы ты и дальше так делал...

— Как?

— Вдруг звонил бы мне среди ночи, неожиданно, просто чтоб услышать мой голос.

Алессандро чувствует себя виноватым.

— Конечно.

— Даже если бы наш разговор заканчивался, мы бы любили друг друга всю жизнь.

— Я предпочитаю рискнуть.

— Мне это нравится. Созвонимся завтра. Спокойной тебе ночи.

— И тебе тоже... сокровище моё.

— Ты назвал меня сокровищем!

— Да, но не принимай это за чистую монету.

— Блин. Я буду называть тебя человек-краб. Шаг вперёд и три назад. Но когда ты сам хочешь... ты осьминог!

— Надеюсь стать им очень скоро! Доброй ночи.

— Алекс, подожди.
— Что?
— Не будем пока отключаться!
Алессандро смеётся.
— Окей!
— Как ваша игра?
— Хорошо... Мы проиграли!
— Значит, прошло плохо!
— Нет-нет. Мне не хочется завышать планку.
— Значит, вы сейчас ужинаете, как всегда.
— Да, все сидят там, ждут, когда я сделаю заказ.
— А ты вышел, просто чтобы позвонить мне?
— Да.
— Как мило! Ладно, иди, хотя бы поешь.

Мгновение тишины.

— Алекс?
— Да?
— Я думаю о том же, о чём и ты, — она вешает трубку.

Алессандро улыбается, смотрит на телефон и возвращает его в карман. Затем снова входит в пиццерию. Увидев его, Пьетро и Энрико перестают пить пиво. Они взволнованы, затем — удивлены. Видят, как он улыбается. Алессандро садится на свой стул.

— Ну, что? Заказываем?
— Как это, ты не злишься?

— Чёрт, эта женщина — просто что-то с чем-то. Не знаю, что она придумала, но она хорошо тебя чувствует.

— Почему я должен злиться? — Алессандро забирает бокал с пивом у Пьетро и делает большой глоток, удовлетворённый.

Энрико качает головой.

— Ты предпочитаешь не верить нам, да? А потом говоришь, что это я гоняюсь за призраками.

Алессандро берёт бокал Энрико и снова пьёт. Затем вытирает рот салфеткой.

— Ребята, спасибо вам, что я пришёл к выводу. Брак — это вредно. Он превращает человека в ревнивца и параноика. Заставляет видеть вещи не такими, какие они есть.

— Теперь я знаю, почему ты сопротивляешься... Ну, мы тоже сделали кое-какой вывод, — Пьетро потирает руки. — Мы уже знаем, о какой услуге тебя попросить.

На следующий день. Проспект Королевы Маргериты. Алессандро смотрит на них и трясёт головой.

— Я мог ожидать чего угодно, кроме этого.

Довольные Энрико и Пьетро идут рядом с Алессандро, взяв его под руки.

— Ты должен извинить нас. Ты развлекаешься, как безумный, молодеешь, посмотри-ка... — Пьетро кладёт свои руки ему на живот, — ты, должно быть, сбросил пару кило, ты смотришь порнушку, как мы делали, когда нам было по двадцать. А нам что? Ничего? Хочешь оставить нас в стороне?

Алессандро высвобождается из рук Пьетро.

— Отлично. Во-первых, я не смотрел порно с Ники. Во-вторых, вы приготовили мне ловушку, чтобы попросить об услуге, которую... — Алессандро подражает голосом Марлону Брандо, — я не могу теперь не выполнить. В-третьих и, очень возможно, самых важных, — Алессандро глядит на них обоих, — возможно, вы не помните, но между мной и вами есть небольшая разница: вы женаты! — Затем он продолжает, обращаясь в первую очередь к Энрико: — Брак, он как цветок. Кто-то занимается им каждый день, заботится о нём, выращивает, дарит ему любовь, отдаёт всего себя...

— Слушай, в этом я с тобой согласен, — Энрико согласно кивает головой. — И именно поэтому мне бы хотелось знать, когда мы получим ответ.

— Ты даже не надеешься узнать правду, а уже так себя ведёшь!

— А что теперь делать? Это игра.

Пьетро, который ничего не знает, пытается выяснить больше.

— Извините, а мне вы ничего не хотите объяснить? Я запутался.

Энрико смотрит на Алессандро.

— На самом деле, нечего объяснять.

Алессандро пытается отвлечь его от этого дела.

— Да ничего особенного. Не волнуйся, Пьетро, это просто между нами.

Пьетро пожимает плечами.

— Ладно, как хотите.

Алессандро останавливается перед рестораном.

— А вы знаете правила?

— О каких правилах ты говоришь? Это как свидание вслепую. Будь

что будет.

— Пьетро, ты шутишь? В какую игру ты меня втягиваешь?

— À la guerre comme à la guerre, — Пьетро быстро вбегает в ресторан. Белое помещение, прозрачное, абсолютно новое. Ресторан «Панда».

— Ты совсем придурок? Будь всё проклято, нужно было взять свои слова назад. Пойдём, Энрико. Не дави так руку, серьёзно, я сейчас обоссусь, чтобы ты знал.

Энрико улыбается.

— Ты прекрасно знаешь, что я пришёл сюда, чтобы просто повеселиться. Мне бы хотелось быть в другом месте.

— Ладно, посмотрим, что случится с этим ненормальным.

Пьетро уже в баре. У него уже открыта бутылка шампанского, и он разливает его по бокалам.

— Ты видел это?.. — Алессандро пытается поймать его, но слишком поздно. Пьетро исчез в глубине зала.

— А вот и я. Я не мог представиться с пустыми руками.

Энрико и Алессандро тут же догоняют его. Пьетро изящно двигается вокруг стола.

— Возьми, — протягивает он бокал. — И ты тоже. Давайте я скажу тост! За Ники и её подруг!

Ники поднимает свой бокал.

— Ладно. Это Дилетта.

— Привет!

— Это Эрика.

— Очень приятно.

— И, наконец, Олли!

Пьетро передаёт последний бокал. Затем он останавливается на Олли, которая приветствует его с широкой улыбкой.

— Привет...

— Привет.

Пьетро становится весело, в его мозгу взрывается эйфория от одного только представления, что может произойти.

— Это мои друзья. Энрико...

Энрико немного смущённо поднимает руку.

— Как дела?

— Это Алекс, — Пьетро улыбается, а потом смотрит на Ники. — Одна из вас хорошо с ним знакома. Даже слишком хорошо. Меня это даже заставило начать худеть. Не знаю, как остальные.

Ники не позволяет ему продолжить.

— Остальные никогда не узнают его также хорошо.

— Это бесспорно! Ты абсолютно права... — Пьетро поднимает свой бокал. — Давайте выпьем. Потому что друзья никогда не предадут.

Все поднимают свои бокалы.

— И в то же время за все эти предательства, которые делают дружбу ещё крепче.

Девушки переглядываются, ничего не понимая. Олли пожимает плечами.

— Ай, мне это так по душе, — развеселившись, она чокается с Пьетро. Остальные делают то же самое.

— Чин-чин!

К Пьетро подходит официант.

— Синьор, столик подготовлен, как Вы меня просили.

— Прекрасно.

Пьетро достаёт из кармана куртки двадцать евро и предаёт ему в кулаке, чтобы остальные не заметили.

— Господа, пожалуйста, нас ждёт обед.

Все следуют за ним к зарезервированному столику в глубине ресторана. Ники приближается к Алессандро и берёт его под руку.

— Эй, мне так нравится эта идея, так забавно! Это так мило с твоей стороны.

Он ей улыбается и берёт за руку.

— Серьёзно, тебе нравится? Когда я тебя об этом просил, то думал, что ты разозлишься.

— Нет, всё наоборот. Если ты познакомишь меня со своими друзьями, значит, что ты спокоен, что тебе хорошо со мной.

— Ну, конечно.

— И к тому же я рада познакомить вас с моими подругами. По крайней мере, так, когда мы устроим ужин у нас дома, они тоже смогут прийти, и все мы будем чувствовать себя в своих тарелках.

— Конечно, ты права. Но счастливее всех будут жёны моих друзей!

— Не вижу никакой проблемы. Мы ведь и их тоже пригласим, разве нет?

— С твоими подругами? Знаешь, что будет? Наши с тобой любимые полицейские придут за нами, чтобы оцепить здание, потому что внутри разразится настоящая бойня. И это не говоря ещё о соседе, который, услышав стрельбу, тоже начнёт стрелять прямо со своей террасы.

— Ты думаешь?

— Будем надеяться, что всё это быстро закончится.

— Окей, и помни, что ты мне должен.

— Я не забыл.

— И эта просьба лежит у меня в скутере под сиденьем, ты помнишь?

— Которое мы откроем, — говорит Алессандро, кивая головой. — Я должен перестать раздавать обещания направо и налево.

— Идите сюда, только вас не хватает.

Пьетро стучит рукой по спинке стула. Он застолбил два места рядом для Алессандро и Ники.

— Так вот. Здесь чудесно кормят, средиземная кухня, сырные рулетики с мёдом и с самыми разнообразными фруктами и ароматами, которые идеально сочетаются с колбасками. Апельсиновый салат с грушами и орехами, который подаётся с мясными отбивными а-ля Шатобриан. В общем, всё, что может вдохновлять и порождать эротические настроения. Итак, предлагаю всем поделиться, какое самое странное место, где вы в последний раз занимались сексом. — Пьетро смотрит на Алессандро: — Начнём с тебя. Ты согласен, жасминовый парень?

Алессандро замирает с открытым ртом. Ники с ударом поворачивается к Эрике.

— Поверить не могу, Эрика!

— Олли видела, как мы болтаем, и спросила, что ты мне рассказала... И я, ну...

Олли разводит руками.

— А что в этом плохого? Пьетро просто спросил меня, известны ли мне какие-нибудь подробности ваших отношений! Мне показалось это забавным! К тому же, он ведь друг, разве нет?

Алессандро качает головой. Затем берёт бокал с шампанским.

— Да, конечно, друг ягуара! — он делает глоток.

Дилетта недоуменно осматривается.

— Что значит этот «жасминовый парень»?

Алессандро берёт меню и открывает его.

— Ладно, выбирайте, что хотите, и ешьте, сколько влезет. Плачу я, если только мы не будем больше говорить о таких вещах! — Затем он улыбается Ники. — Дорогие, милые, юные... Молчаливые Волны!

Дальше они заказывают блюда, смеются, Алессандро с друзьями рассказывают о своём прошлом, Ники и её подруги — о своих планах на будущее. А затем все вместе они оказываются в настоящем. Противоположные миры и возрасты.

— А вы ходите на дискотеки?

— Постоянно!

— Лжецы!

— Мы ходили в «Гоа», на вечеринку Джорджии.

— Ага, на её сорокалетие.

— Как грустно...

— Да, её первые и последние сорок лет.

Вмешивается Дилетта.

— Знаете, некоторые бывают стариками и в восемнадцать.

— Знаем, но я собираюсь оставаться девчонкой и в шестьдесят, — говорит Олли. — К тому же, кого волнует возраст? Возраст – просто цифра.

— Это уж точно. И за этим столом у нас отличный пример. Идеальная пара, жасминовая... или нет?

— Я сказал, что заплачу за всех, если мы больше не будет говорить об этом!

Дальше шампанское. Сочные холодные блюда, что-то рыбное, тёплый салат из морепродуктов.

— А мир работающих людей такой же, как и школьный?

— Только с одной разницей: тебя также экзаменуют, но здесь ещё и платят.

— Вау. Хоть что-то.

— Пока тебя не уволят. А потом ты не сможешь пересдать в сентябре, и платить тебе перестанут.

— Драматично...

— Ну, да.

— А мне бы хотелось поскорей повзрослеть, только чтобы завести ребёнка.

Пьетро улыбается.

— Дорогая Дилетта, я думал точно также и завёл двоих. Теперь я молчу, а они никак не могут заткнуться...

Энрико вздыхает.

— А у меня наоборот ещё ни одного нет, а мне этого очень хотелось бы.

Дилетта смотрит на него и улыбается.

— Видишь? Бывают такие прекрасные вещи, не зависящие от возраста.

Ники отламывает кусочек хлеба.

— Да, вроде любви.

Пьетро допивает своё шампанское.

— Или секса! Точнее, его желания! На самом деле, чем ты старше, чем он лучше. Как бутылка вина... Чем ты более зрелый, тем лучше.

— Да, но тогда и похмелье дольше.

— Ты о сексе или о вине?

— И о том, и о другом.

Дилетта откусывает хлеб и макает ещё куочек в соус из мидий с перцем.

— В любом случае, нужно искать зрелого мужчину, по крайней мере, таково моё мнение.

Пьетро поднимает руку.

— Восхитительно! Я очень зрелый!

— И очень женатый...

— Это к лучшему, тебе так не кажется? Ты можешь быть со мной безо всякого риска. Я тебя не буду доставать, не будет никакого стресса, я не буду звонить каждые пять минут, чтобы узнать, где ты, не буду одержимо бегать за тобой... К тому же, если у нас ничего не выйдет, мы сможем обойтись без развода. Видишь, одни преимущества. Я идеальный мужчина.

— М-да, ты не такой взрослый, судя по тому, что ты говоришь... Ты меня не убедил, независимо оттого, женат ты или нет. Нельзя считать человека взрослым только потому, что он достиг определённого возраста, это зависит от его поведения. Не будем далеко ходить, за мной кое-кто ухаживает. Ему только двадцать лет, но он взрослее вас всех.

— Бедненький, это значит, что он не умеет наслаждаться жизнью.

Ники смотрит на неё.

— Кто это, Филиппо?

— Да.

— Я почему ты с ним не встречаешься?

— Я не хочу думать об этом сейчас, зачем торопиться?

Олли съедает мидию. А потом облизывает пальцы.

— По-моему, этот парень... Филиппо... неплох, но мне кажется, что он немного нудный. По внешнему виду, по тому, что он говорит. Он как учебник.

Пьетро смотрит на Энрико.

— Как Флавио.

— Кто это?

— Один наш друг, он тоже как учебник.

— Кстати, он уже отошёл от вчерашнего.

— А-а, слава богу.

— Но не отходит от жизни. Жена держит его под каблуком, он бездействует, ничего сделать не может.

— Бедняга, — смеётся Олли. — Почему вы его не привели?

Наверняка, я бы его спасла!

— Нет, Олли, он не может выйти.

— С работы?

— Нет, из камеры.

— Он в тюрьме?

— Да, в «Королева Кристина Коэли».

— Бедняжка, правда.

— Да, бедняжка. Он достаточно зарабатывает, но плохо врёт.

— Нужно уметь строить своё собственное счастье.

Ники кладёт голову на плечо Алессандро.

— Так говорит даже Лигабу... «Что хорошего даст тебе жизнь, если ты ею не наслаждаешься?» Так вот, мой Алессандро ни секунды не сомневался. Как только увидел меня, сразу пошёл в наступление!

Олли вздыхает и наливает себе ещё бокал.

— Боже мой, какие же, оказывается, приторные они, эти жасминовые. Бедные мы. Наша главная тонет в море из сахара с сиропом. Да здравствует шампанское и свобода из его пузырьков, как бы сказал Васко Росси! Кокаин, дом и церковь!

Пьетро смотрит на неё.

— Эта песня просто чудесная. В твоём возрасте я тоже её слушал, — он накрывает её руку своей. Олли не убирает руку.

И Энрико это замечает. Олли улыбается Пьетро.

— Что? Ты уже вырос?!

— Нет, — он берёт бокал и чокается с Олли. — Выпьем за самые незрелые тридцать девять, какие только могут существовать. — Он улыбается ей и подмигивает.

— Кстати, — Эрика всех окидывает взглядом, — несколько дней назад я прочитала статью в интернете. Там говорилось, что ваше поколение – это переростки. То есть вы катаетесь на скутерах, посылаете кучи сообщений с мобильных, одеваетесь по моде, говорите с коллегами о планах. Почему вы думаете, что вы можете вести себя так в вашем-то возрасте?

Энрико реагирует в момент.

— Из-за беспокойства, которое чувствуем внутри.

Дилетта улыбается.

— Как у Пессоа!

Энрико улыбается ей.

— Да, но наше проще. Мы мечтали о любви, преследовали её, находили, а потом снова теряли. День за днём, думая, что хорошее уже прошло, надеясь... и не успев ничего понять, мы потерялись в настоящем.

Дилетта смотрит на него с подозрением.

— На самом деле так и происходит?

— Я не такой.

Энрико смотрит на Алессандро.

— И что с того, что ты не такой? Только потому, что у тебя нет скутера, потому, что ты не делаешь того, о чём говорила Эрика. Кругом миллионы таких, как ты...

— Что ты хочешь сказать?

— Люди, которые избегают реальной жизни. Которые не растут. Позволяют времени просто проходить, работают, лишь бы занять себя чем-то. И, не зная как, однажды они понимают, что им уже сорок лет.

Ники обнимает Алессандро.

— Я перевернула его песочные часы.

Эрика делает свой первый глоток шампанского.

— Я обычно воздерживаюсь, но сегодня я решила напиться.

— И почему это?

— Из-за Джорджио, моего парня. Ему только двадцать, а он уже такой.

— И почему ты его не бросаешь?

— Не могу. Он очень хороший.

— Предсказываю, что однажды придёт момент, когда ты согласишься на свою жизнь, вспомнишь о прошлом и спросишь себя, к чему ты потратила столько времени на такую чушь.

— Разве что Джорджио, увидев, что ты проснулась, не сбежит, оставив тебя беременную! — восклицает Пьетро, вынырнувший в реальность после того, как они с Олли уединились в уголке стола.

Энрико смеётся.

— Ага, именно это и делает Кристина с Флавио. Мы видимся с ним только на футболе, и он даже не остаётся с нами поужинать.

— Ладно, — Пьетро встаёт, — мне кажется, что это слишком жестокий анализ тех лет, которые на самом деле имели своё очарование. Культура, опыт и путешествия, в которых мы побывали. А сейчас... я уйду!.. Пока.

Олли тоже поднимается и приближается к Пьетро.

— Пока, девчонки, поболтаем потом.

Алессандро словно замораживает сцена, когда они выходят вместе на улицу.

— Эй, куда вы идёте? — улыбается он потом, немного обеспокоенный.
— Пьетро...

— Спокойно, мы просто прокатимся на её скутере. Я уже двадцать лет не садился на такой, не чувствовал этого холода, этого ветра на своём лице.

Каждое утро я уезжаю на своём пикапе, потому что сначала мне нужно отвезти детей в школу. По вечерам я тоже не могу, потому что на скутере у моей жены растреплется причёска... И сегодня у меня появился шанс! Ясно? Или я не могу устроить себе простую и невинную прогулку на скутере по своему городу? Тебе кажется, что это уже слишком? К тому же, Олли уже достаточно взрослая, она знает, что делает.

Говоря всё это, он берёт её за руку, и они выходят из этой части зала. Ещё раз взглянув на остальных, Пьетро останавливается у бара.

— Счёт, пожалуйста, — улыбается он. — Мне преподнесли такой подарок... — он томно смотрит на Олли. — Это самое малое, что я могу сделать.

Олли безвольно облокачивается на барную стойку.

— Ты знаешь, как я вожу?

— Нет, но я себе представляю. Как и всё остальное.

— Не думаю... — Олли шаловливо улыбается. — Ты и понятия не имеешь.

И в одно мгновение Пьетро снова чувствует себя молодым, растерянным, слегка неуверенным. Он и не знает толком, что делать. Что сказать. Не находит своих обычных ответов, быстрых, ироничных, циничных. Но он возбуждён. И очень. Возбуждён, как никогда. Он быстро расплачивается своей кредиткой.

Он берёт чек, прячет бумажник в карман и ведёт Олли к выходу. Галатно открывает перед ней двери ресторана. Они выходят на улицу, движение кажется притихшим.

— Я найду свой скутер и вернусь, — Олли уходит, покачивая бёдрами, смешная, более женственная, чем обычно. Пьетро остаётся на месте и смотрит на неё. Делает длинный выдох. Достает из кармана куртки пачку сигарет. Берёт одну. Кладёт её, смятую, в рот, а она выпадает. Он поднимает её, и сигарета оказывается на своём месте. Он зажигает её. Делает долгую затяжку, очень глубокую, дым обволакивает лёгкие полностью, и он наслаждается этим моментом неожиданной свободы. Без времени, без цели, без спешки. Ах. С сигаретой он снова всё знает, как и всегда. Олли подъезжает на скутере и останавливается перед ним. Между ног у неё зажат второй шлем. Она наклоняется, чтобы взять его, но делает это медленно. Улыбка. Смешок. Взгляд. И эта рука, этот шлем между ног. И новая улыбка, которая превращается в обещание. Но всё прерывает голос.

— Пьетро! Это ты? Мне показалось, что я видела твою машину.

Позади него Сюзанна и двое их детей. Лоренцо, выглядящий для своего возраста слишком мужественно, улыбается.

— Привет, пап!

Каролина тоже с ним здоровается, но более решительно. Это естественно, ей ведь уже тринадцать. Пьетро тут же оказывается рядом с Сюзанной и целует её в губы.

— Привет! Какой сюрпиз! — он немного треплет Лоренцо по голове. Затем быстро целует Каролину, которая, будучи в своём возрасте, не слишком охотно подставляет ему свою щёку. Олли наблюдает эту сцену в молчании. Пьетро вновь приходит в себя. К нему возвращается уверенность.

— Какой прекрасный сюрпиз... серьёзно! — Он поворачивается к Олли: — Ах, да, извините... — он указывает на улицу. — Как я уже сказал, дальше поезжайте прямо, на следующем светофоре поверните направо и всё время прямо, так вы попадёте на виа Венето.

Олли заводит свой скутер и уезжает, безо всяких спасибо. Пьетро смотрит, как она уезжает. Он качает головой.

— Невероятно! Словно делают тебе одолжение. Ты показываешь им дорогу, а они даже тебя не благодарят. М-да, нынешняя молодёжь...

Сюзанна улыбается.

— Ты тоже был таким... Да чего уж там, ты был намного хуже! Для молодых быть вежливыми — это практически дурной тон. А ты помнишь, что ты делал? Спрашивал дорогу и, более или менее поняв, ты просто заводился и резко уезжал, даже не давая человеку закончить свои объяснения.

— А с тех пор будто и ни дождика не прошло! Что вы здесь делаете?

— Мы ходили повидаться с бабушкой. А ещё приезжала моя сестра, но ей нужно было уехать рано утром, все дети думают, что поездка домой — это просто прогулка. А ты? — Сюзанна показывает на ресторан.

— Я обедал с Энрико и Алексом.

— Серьёзно? Давненько я не видела Алекса. Я зайду, поздороваюсь с ним.

— Ну, конечно, — и только сейчас, в этот самый момент, Пьетро подумал обо всех, кто за столом. И прежде всего о трёх обедающих с ними девочках, слишком похожих на ту, что только что уехала на скутере. — Нет, постой, Сюзанна, лучше бы ты этого не делала. Мы вышли пообедать, потому что хотели поговорить. Ему плохо, понимаешь, плохо без Элены. И если сейчас он увидит тебя, нас с тобой вместе, а главное, Лоренцо и Каролину, наших детишек... семью, это всё, что он хотел бы иметь.

— Ты прав. Я об этом не подумала. — Сюзанна улыбается ему: — Какой же ты хороший.

— Почему?

— Потому что всё чувствуешь.

— Ну... Давайте я отвезу вас домой! Быстро, потом мне нужно вернуться в офис.

Все залезают в машину. Пьетро заводится. Олли стоит на углу. Она наблюдала всю сцену издали. Тогда она возвращается назад, ставит скутер и снова заходит в ресторан.

— Эй, посмотрите-ка, кто это!

— Что случилось? Вы уже поругались?

Взволнованный, Алессандро поворачивается к Энрико.

— Должно быть, он стал к ней приставать ещё на выходе.

— Не думай сразу же так плохо.

Ники подходит к Олли.

— И? Можно узнать, что произошло?

— Он забыл, что женат.

— Как это? Что он тебе сказал?

— Ничего... Он рассказал мне, как проехать на виа Венето. Сначала направо, а затем всё время прямо.

— Вот урод!

— Он просто лжец! Предпочёл подвезти домой жену и детей.

— Что?! — Алессандро едва не падает со стула. — Снаружи была Сюзанна?

Олли утвердительно кивает. Энрико тоже бледнеет.

— Боже, представь, если бы она вошла и увидела нас здесь. Обедаящих с тремя семнадцатилетними девушками.

Дилетта поднимает руку.

— Мне уже восемнадцать.

— И мне тоже!

— И мне. Единственная семнадцатилетняя здесь Ники.

— Не думаю, что для Сюзанны это имело бы значение, как и для моей жены. Если бы она вошла.

Тут звонит мобильный Алессандро. Он достаёт его из куртки. Смотрит на дисплей, но не узнаёт номер.

— Да? Кто это?.. Ах, да, я понял, — Алессандро слушает, что ему говорят по телефону. — Да, отлично, спасибо, — он отключается. Возвращает телефон в карман и говорит Энрико: — Готовы фотографии, которые ты у меня просил. Я могу забрать их завтра.

Энрико наливает себе немного шампанского. И выпивает залпом. Ставит бокал на стол и смотрит на Алессандро. Какая удача, что Сюзанна

не вошла в ресторан. Сюзанна ничего не узнала. Она всё ещё ничего не знает. А вот Энрико, наоборот, завтра узнает всё. Но чем же окажется это всё?

77

Немного позже. После обеда. Весёлое солнце заглядывает в окно кабинета. Алессандро сидит в своём кресле. Завтра он один поедет забирать фотографии. Энрико дал мне деньги. Он не может найти в себе силы поехать со мной. Не может встретиться взглядом с частным детективом. Да. Как бы на него посмотрел Тони Коста? С улыбкой? Или словно он ничего не знает? Он всё видел. Он всё знает. Нет у него никаких сомнений. И, самое главное, у него есть фотографии.

— Алекс, Лео хочет видеть тебя в своём кабинете, — секретарша пробегает мимо него, загруженная папками.

— Ты в курсе, чего он хочет?

— Тебя.

Алессандро оттягивает пиджак вниз. Смотрит на часы. 15.30. Ладно, это был обед по работе. Да, конечно, по работе, я должен был вернуть долг. И теперь я снова должен Ники за то, что она привела своих подруг. Лучше не вспоминать об этом. Проблема в том, как говорил Бенджамин Франклин, что у кредиторов память лучше, чем у должников.

Алессандро стучит в дверь.

— Войдите!

— С Вашего позволения.

Худший сюрприз, который можно представить, сейчас сидит на диване его директора. Он держит в руках кофе и улыбается.

— Привет, Алекс.

— Здравствуй, Марчелло.

И в одного мгновение Алессандро понимает всё. Японцы дали ответ. И им не понравилось. Всего одно слово: Лугано.

— Хочешь кофе?

Алессандро улыбается, пытаясь изобразить спокойствие.

— Да, спасибо, — никогда не нужно терять контроль. Концентрируйся на позитивных мыслях. Не бывает проигрышей, только новые возможности чему-то научиться.

— Пожалуйста, принесите нам ещё кофе. И добавьте немного холодного молока, — Леонардо улыбается и нажимает кнопку внутреннего телефона. — Присаживайся.

Что Алессандро и делает. Ему неудобно на этом диване. Он вспомнил

о молоке. Но, возможно, он забыл обо всех моих прошлых успехах. И в то же время, зачем ему вновь сталкивать нас лбами с этим фальшивым и раздражающим копирайтером?

Леонардо нехотя приподнимается в своём кресле.

— Итак, я вас позвал, потому что, к сожалению...

Алессандро всё кивает головой.

—... игра начинается снова. Алекс, твои замечательные идеи не были приняты.

Марчелло смотрит на него и улыбается, изображая жалость на своём лице. Алессандро отводит взгляд.

Стучат в дверь.

— Войдите!

Входит секретарша с кофе. Оставляет его на столе и уходит. Алессандро берёт свою чашку и добавляет немного молока. Но перед тем как сделать глоток, он с осторожностью смотрит на Леонардо.

— Я могу узнать почему?

— Конечно, — Леонардо наклоняется назад и откидывается на спинку кресла. — Им показалось это прекрасной работой. Но там уже была реклама, основанная на фантазии. Ты ведь знаешь, что Япония – это родина манга и других фантастических существ, чего-то нереального. Но правда в том, что, как ни жаль, эта реклама не сработала. Они сказали, что сейчас не время для экстремальных иллюзий. Это время мечтаний, которые могут воплотиться в жизнь.

Алессандро заканчивает свой кофе и ставит чашку на стол.

— Реалистичные мечты...

Леонардо встаёт на ноги начинает расхоживать по кабинету.

— Да, нам нужны мечты. Но мечты, в которые мы могли бы верить. Девушка, летающая на качелях в облаках, рассекающая на доске среди звёзд на синей волне на небе, – это невероятная фантазия. Мы не можем поверить в это. Мы отвергаем такие мечты. Соответственно, и продукт тоже. — Леонардо садится обратно. — А что вы хотели? Это японцы. Изобретите для них мечту, в которую они будут способны поверить, — Леонардо вдруг становится серьёзным. — Ещё месяц. У вас месяц, чтобы сделать это. Если вы этого не сделаете, нас всех вышвырнут.

Марчелло встаёт с дивана.

— Хорошо, в таком случае, нельзя терять времени. Я возвращаюсь к своей команде.

Алессандро тоже встаёт. Леонардо провожает его до двери.

— Да, хорошая работа, ребята. Мечтайте, как следует... и много!

Марчелло останавливается в дверях.

— Как сказал Пасколи в своих «Первых стихотворениях» 1904 года, «Мечта – это бесконечная тень Правды».

Леонардо довольно смотрит на него. Алессандро копается в библиотеке своего мозга, пытаясь найти что-то, что и ему поможет выделиться. Быстро, Алекс. Скорее, чёрт тебя возьми. Пасколи, Пасколи, что сказал Пасколи? «Тот, кто молится, – святой, но более свят тот, кто совершает поступки». Ну и что это значит? «Новое не изобретается: оно открывается». Хм, немного лучше. Но как я могу цитировать тот же источник? Мне нужна другая фраза. Не знаю, Оскар Уайльд всегда прокатывает. Но в данный момент мне на ум приходит только одна его цитата, которая говорит: «Иногда лучше промолчать и показаться глупым, чем открыть рот и не оставить в этом никаких сомнений». Я ничего не говорю. И Леонардо смотрит на меня. Вот оно. Есть. Станный выбор, но смелый. По крайней мере, я так думаю.

— Кхм, знаешь, большие мечты никогда не умирают в нас, они, как тучи, рано или поздно возвращаются, скажи мне только, что вернёшь мечту в свои глаза.

Леонардо улыбается ему.

— Чьё это? Я не знаю этого поэта.

— Это Лаура Паузини.

Леонардо задумывается на мгновение. Затем вновь улыбается и хлопает его по спине.

— Браво, очень хорошо. Национальная мечта в поп-музыке. Пусть. Этого нам будет не хватать, — он закрывает дверь, оставляя их вдвоём.

Марчелло смотрит на него.

— Знаешь, это странно. Мою идею почти приняли. Хотя я и проиграл, мне кажется, что я был ближе к победе, чем ты. Не знаю... Я всегда понимал эту фразу Фицджеральда: «Победители принадлежат побеждённым».

— Правда? Ну, если тебе интересно моё мнение, я бы тебя освободил с огромным удовольствием.

Марчелло улыбается.

— У нас с тобой столько общего, Алекс, я тебе уже говорил. И теперь пришло время общей мечты.

— Нет, не общей, наоборот. Я буду твоим кошмаром. Не утруждай себя поисками, это из «Рэмбо».

Рионе Монти. Алессандро спокойно ведёт машину. Длинные улицы, высокие здания различных эпох, сколы на стенах древних сооружений мастеров искусства. Мерседес проезжает Колизей, затем древние термальные комплексы и рынки. Древняя Субурра. Ники кладёт ноги на приборную панель. Алессандро смотрит на неё. Ники лишь насвистывает.

— Слушай. Ничего мне не говори о ногах. Это самое малое, что ты можешь сделать. Я разочарована, ранена. Как такое возможно, что этим японцам не понравились мои идеи? Это заставляет меня чувствовать себя непонятой. Мне всё ещё нужно сдавать выпускные экзамены, а на предмет восточных языков моё обучение уже прервали! Это противоречие, так ведь?

— Мне кажется, что противоречие – это когда мне столько всего нужно сделать, а я здесь вместе с тобой.

Оказавшись на пересечении виа Национале, виа Кавур и Фори, Ники опускает ноги.

— Доверься мне! Это просто офигенное место! Наверняка мы что-нибудь придумаем и начнём работать. Давай, паркуйся, вон там есть местечко.

— Я туда не войду.

— Конечно, войдёшь.

Ники быстро выходит, чтобы отодвинуть чей-то скутер. Она расшатывает его над трибуной в разные стороны, пока у неё не получается сдвинуть его.

— Давай, не будь слабаком...

Алессандро с трудом совершает манёвр. Наконец, он сдаёт назад. Выходит и смотрит на бампер.

— Ай, когда ты отвезёшь машину в автосервис, там и это тоже поправят. Идём! — она тянет его за руку по древней лестнице, в темноту маленькой церкви.

— Где мы?

— Ты слышал что-нибудь о ТАЗ? О социальных центрах? Ну, так это ещё более странно. Чистая диверсия. Все говорят об этом, ты никогда не слышал? — они пересекают церковь и выходят в большой двор. — Идём, — тянет его Ники.

Ребята, одетые в разную одежду, в тысячи цветов: бейсболки, надетые козырьком назад; зелёные камуфляжные куртки; длинные толстовки с рукавами, изодранными в лоскуты; блузки с короткими рукавами, надетые поверх водолазок с длинными; в расстёгнутых рубашках; с пирсингами и странными цепями и шипами. Их мода наполнена фантазией и изобретательностью. Их ведёт запах мяса на гриле, разные колбаски

вертятся в огромных кастрюлях. Гриль готов делать тосты. Импровизированный знак указывает, что здесь доступные цены. стакан вина, пиво, домашняя граппа.

— Что будешь пить?

— Кока-Колу.

— Давай, прояви немного фантазии. Здесь есть всё!

Лёгкий ветер приносит с собой запах травы и смех. Алессандро вдыхает воздух.

— Я это чувствую.

— Так, я взяла себе кусок фруктового торта и граппу.

— Я буду водку.

— Иди, там очередь. Ты знал, что иногда сюда приходит даже Виничио Капоссела?

Рядом с небольшим импровизированным баром басист, гитарист и барабанщик – обычный набор инструментов – играют что-то из Sonic Youth. Парень хриплым голосом поёт в беспроводной ненастроенный микрофон, пытаясь быть похожим на Тома Йорка из Radiohead. Но получается слишком мелодично, и больше напоминает Моби. Басист в клетчатой рубашке играет припевы. Перед ними танцуют две девушки, они очень веселятся, приближаются друг к другу, расходятся, ударяются друг с другом бёдрами. Ники пританцовывает под музыку и жуёт свой торт. Затем делает глоток граппы.

— Мать моя, как же крепко! Чистый спирт! — она ставит стакан на старый барабан неподалёку. — Здесь круто, правда? Это всё школьники. Все они потенциальные потребители твоей ЛаЛуны...

— Ага...

— Здесь ты можешь украсть любую мечту, здесь мечты, которые не умирают. Страхи, надежды, иллюзии, свобода. Мечты ничего не стоят, и никто не может подавлять их.

Алессандро улыбается и выпивает свою водку. Затем смотрит на тех двух девушек. На одной из них джинсы, разрисованные большими цветами, как из семидесятых. Кажется, даже ручной работы. На другой маленький яркий топ, прикрывающий только грудь. Ники вытирает руки о свои брюки, когда кто-то вдруг хватает её за руку и с силой разворачивает.

— Ай! Какого хрена?

— Что ты здесь делаешь?

Это Фабио. На его голове что-то вроде морской фуражки. Чёрные свободные брюки, Карл Кани, с огромными буквами, и спортивная рубашка Industriecologiche, на которой можно прочитать «Фабио Фобия». И его

огромные кроссовки. Идеальный рэпер, или, что, в общем-то, то же самое, маэстро выпендрёжа. Прямо за ним Ченчо, член группы Фабио, танцует как безумный в соревновании фристайлеров с другим парнем, не переставая кричать.

— Дети контркультуры, без страха, без страха...

Фабио сильнее сжимает её локоть и притягивает к себе.

— И, моя дорогая?

— Чего ты хочешь? Отпусти меня! Мне больно.

— Кто этот старик, который пришёл с тобой? — Фабио смотрит на Алессандро, который только что заметил эту сцену и направляется к ним со стаканом водки в руке.

— Что происходит?

— А тебе какая нахрен разница, старик?

— Старик? И что это значит?

— Это значит, что ты вляпался в дерьмо по уши, и что тебе просто конец.

— Ники, ты как, всё в порядке?

Но Алессандро не успевает договорить. Фабио откидывает Ники к стене. Затем наваливается на неё всем своим весом, а потом отпрыгивает и ударяет в челюсть Алессандро, который, не ожидая такой силы и ярости удара, падает на землю.

— Вот теперь вернись к своему вопросу и ответь на него сам! Отсоси у меня!

Ченчио всё видит.

— Клёво, бум, бум, бум!

Не замечая ничего и никого, он продолжает танцевать как сумасшедший, полностью погрузившись в свой фристайл. Фабио Фобия плюёт на землю и уходит. Он быстро исчезает среди ребят, которые очень испугались, увидев этого типа на земле. Ники тоже подходит к нему. Она становится на колени рядом с ним.

— Алекс, Алекс, ты жив? Принесите воды, быстро! — Ники легонько хлопает его по щекам, чтобы привести в чувство.

— Разойдитесь, отойдите, дайте пройти, — парень пробивает себе дорогу в толпе и присаживается на колени перед Ники. Большим пальцем руки он открывает глаз Алессандро, поднимая его веко. Он смотрит на Ники с серьёзным лицом.

— Он слишком много выкурил? Напился? Принял что-то?

— Ещё чего, один придурок ударил его!

Приходит кто-то со стаканом воды. Протягивает его Ники, та окунает в

воду пальцы. Брызгает Алессандро на лицо, и тот понемногу приходит в себя.

— Ему уже лучше. Спасибо.

Парень вздыхает.

— Слава богу. Это мой первый пациент.

Одна из девушек, что танцевали, подходит к нему с любопытством.

— Извини, ты врач?

— Ну, пока нет. Я на четвёртом курсе.

— А-а, я спросила, потому что мне всё время больно сгибать руку.

— Давай я посмотрю, — они удаляются, погружённые в выяснение будущего диагноза, который потенциально может оказаться просто предлогом для чувственного знакомства.

Алессандро опирается на локти и качает головой, чтобы вернуть ясность. Он всё ещё в шоке.

— Господи, что за ужас... — он трогает челюсть. — Уф. Подбородок болит.

Ники помогает ему подняться.

— Да, этот придурок сильно бьёт.

— Кто это был?

— Мой бывший!

— Ну, только этого мне не хватало...

Ники обнимает его за талию. Она помогает ему, пока они уходят сквозь толпу подростков, которые демонстрируют полное безразличие к произошедшему.

— Хорошо, что я его бросила

— Без сомнений. А вот я ещё должен решить, хорошо ли, что я с тобой встречаюсь. С тех пор, как я тебя встретил, я разбил свою машину, на меня повесили кучу штрафов, а вот теперь ещё и побили.

— Посмотри на это с хорошей стороны.

— Честно говоря, я сейчас не вижу в этом ничего позитивного.

— Мы пришли сюда в поисках мечты, и, как всегда, тебе повезло: ты увидел звёзды.

— Ха-ха, отличная шутка. Ты знаешь, что я дожил до тридцати шести лет, не решив ни одного вопроса кулаками?

— Как скучно. Вот видишь, тебе этого не хватало. Новый опыт.

Алессандро обнимает её и продолжает жаловаться. Даже слишком много.

— Зато, после всего, что со мной случилось, ты будешь чувствовать себя виноватой и преподнесёшь мне новую отличную идею, реалистичную

мечту, с которой я покорю японцев.

— В этом ты можешь быть уверен.

Они подходят к Мерседесу. Ники убирает руку.

— Сейчас я отвезу тебя домой, где мне бы хотелось тебя немного подлечить.

— Экстрактом жасмина?

— Не только. Есть и другие средства... — улыбается ему Ники. — Я поведу?

— Да, милая, и так мы сразу же попадём в больницу. Давай сюда!

Алессандро забирает у неё из рук ключи от машины и садится на место водителя. Ники забирается на своё место. Перед тем, как завестись, Алессандро смотрит на неё.

— Скажи мне, как долго ты была с ним?

Ники улыбается.

— Возможно, слишком долго. Но отчасти и он виноват в том, что ты мне так нравишься!

Они уезжают в наступающую ночь со своими всё ещё непревзойдёнными мечтами.

79

Вечер, после обеда. Один из тех спокойных вечеров, когда движение на дорогах не слишком плотное, когда вокруг не слишком много звуков. Без приготовлений к чему-то важному. Хотя на самом деле этот вечер перестаёт быть таким спокойным.

— Я уже получил по лицу от твоего бывшего, скажи мне, почему я должен и дальше рисковать.

— Ты не рискуешь, Алекс... По крайней мере, я так считаю!

— Ты так считаешь? Тогда скажи мне, что изменится, если я это сделаю.

Ники вздыхает.

— Слушай, ты становишься занудой! Ты ведь сказал, что я могу попросить тебя о чём угодно?

— Да, но я не подумал о том, что может значить твоё «что угодно».

Ники наклоняется к нему и нежно целует. Алессандро пытается отстраниться.

— Уверяю тебя, так ты меня не купишь.

— Ладно, я ведь оказала тебе услугу, приведя моих подруг на обед. И к тому же, кто хочет тебя купить? Я предпочитаю лизинг. Так, если ты не подойдёшь мне, я всегда смогу обменять тебя на новую модель.

Алессандро отстраняется и смотрит на неё, подняв брови.

— Милая, серьёзно, есть риск, что они избьют меня?

— Почему, разве тебя уже били чьи-то родители?

— Нет.

— Тогда – да, ты рискуешь, они обязательно постараются сделать это.

— Ясно. Ладно, я пошёл, — Алессандро выходит из машины. Обходит её и подходит к её окну: — Да, кстати, а твоя подруга-художница?

— Олли?

— Да, она. Она работает?

— Работает над чем? Извини, но у нас нет никаких идей, так над чем ей работать? Она очень хорошо рисует, но у неё в голове только одна идея... идея фикс.

— Знаю. И мой друг Пьетро избежал этого.

— Вот и хорошо. Не знаю почему, но мне кажется, у всех нас были бы большие проблемы. Давай, иди уже, вперёд, — Ники смотрит на свои часы. — Уже поздно.

— Окей, уже иду.

Алессандро быстро уходит, доходит до конца улицы и поворачивает направо. Ники видит, как он исчезает за углом. Она ставит диск. *Greatest Hits* Робби Уилльямса. Восьмой трек. И неслучайно. «I was her, she was me, we were one, we were free and if there's somebody calling me on...» Чёрт, как бы мне хотелось быть там. Я и представить не могу, что будет. Она немного увеличивает громкость. Ладно, по крайней мере, я смогу их расспросить. Тогда она пытается немного расслабиться. И, как обычно, кладёт ноги на приборную панель.

Алессандро немного замедляет шаг. Я поверить не могу. Что я делаю? Я и вправду потерял голову. Или... У меня есть одна вполне конкретная проблема: придумать новое предложение для японцев. Они уже отвергли мои первые проекты. И теперь у меня осталась вторая и последняя возможность. А что делаю я? Посвящаю, возможно, последние минуты своей жизни поискам идей, пока не истекло время? Нет. Я иду обедать с ней, жасминовой девушкой, самой прекрасной семнадцатилетней девушкой, с которой встречаюсь уже больше месяца, и тремя её подругами. И что же я теперь должен сделать взамен? Самую абсурдную вещь в моей жизни. Да ладно, просто не верится. Я этого не сделал даже после двух лет отношений с Эленой. Но Ники сама меня попросила. Алессандро уже почти дошёл до дверей её дома. Нет. Я не могу этого сделать. Я возвращаюсь к тому, с чего начал. Я не могу. Даже просто говоря эту фразу, мне становилось плохо.

«Хорошо, Ники, я познакомлюсь с твоими родителями».

«Спасибо! Как же я счастлива... Это необязательно, конечно, но так они нам позволят свободно встречаться».

Ладно, мне кажется, что так они нам запретят абсолютно любые отношения. Алессандро читает фамилию на домофоне. Кавалли. На помощь. Помогите. Я возвращаюсь в машину. Да, и что потом? Что скажет Ники? «Понятно. Я так и знала. И ты считаешь себя взрослым? Ты ещё больший ребёнок, чем я. Что случится, если ты поговоришь с моими родителями? Я бы с твоими хоть сейчас познакомилась». Ладно, я всегда могу сказать, что никого не было. Алессандро стоит перед домофоном, когда вдруг из дома выходит мужчина. Высокий, мускулистый, хорошо одетый. У него в руках портфель, во рту яблоко и кажется, что он очень спешит.

— Оставить Вам её открытой?

— Да, спасибо.

Синьор придерживает дверь рукой, чтобы он смог войти. Алессандро заходит в подъезд. Тишина. Он поднимается по лестнице на этаж выше. Читает на двери: «Квартира 2. Кавалли». Это здесь. У меня нет выхода. Я должен это сделать. Он подносит руку к звонку. Закрывает глаза... И звонит.

— Уже иду! — с той стороны двери доносится пронзительный голос.
— Вот и я.

Очень красивая женщина с заколкой в зубах, держа одной рукой волосы, открывает дверь. Она улыбается.

— Извините... — она достаёт заколку изо рта и с великим мастерством собирает ею волосы. — Вот и всё! Ещё раз извините! Просто уже становится жарко, и лучше прибирать волосы.

— Добрый день.

— Ох, извините, пожалуйста, проходите. Я сожалею, но моему мужу пришлось уйти, — Симона впускает его внутрь и закрывает дверь за его спиной. — Должно быть, вы столкнулись с ним в воротах. Он очень быстро уходил.

— Ах, да, — Алессандро думает о мужчине, с которым встретился на входе. Привлекательный мужчина, высокий, элегантный, а самое главное, мускулистый.

— Мы виделись, но я даже не успел с ним поздороваться.

— Это не проблема. Меня обо всём предупредили. Хотите кофе? Я только что сварила. Пожалуйста, присаживайтесь.

Алессандро осматривается. Красиво, такие тёплые цвета. Картина, нарисованная резкими штрихами, светлая мебель, расставленная так, чтобы

пространство комнаты не казалось перегруженным. Он садится на диван.

— Да, спасибо, с удовольствием.

Меня предупредили... Предупредили о чём? Ох уж эта Ники! Значит, она уже всё рассказала. Так всё будет проще. Я сделаю что угодно, но они должны меня принять. Они просто хотят знать, кто я, да, отлично, знать «кто этот взрослый мужчина, с которым встречается наша дочь». Симона возвращается с подносом, на котором несёт две чашки кофе и сахарницу. А ещё там две шоколадки и кувшин с молоком. Она ставит всё на маленький столик перед Алессандро.

— Я кажусь рассеянной, но мне всегда нравилось быть в курсе того, что происходит в нашем доме.

— Ага, — Алессандро берёт свою чашку и отпивает из неё.

— Вы пьёте без сахара?

— Да, мне нравится чистый вкус.

— Мой муж говорит то же самое. Но вы пришли без портфеля.

— Да, я практически сбежал из офиса. У меня не так много времени. Но мне хотелось познакомиться с Вами. Нас всё ещё не представили друг другу должным образом, — он встаёт на ноги. — Очень приятно. Алессандро Белли.

Симона растягивает губы в ослепительной улыбке.

— Взаимно, — она протягивает ему руку.

Она очень красивая. Как Ники. Две прекраснейшие женщины разных возрастов. Но у Алессандро нет никаких сомнений относительно того, кого он предпочитает.

Симона садится напротив него.

— Я тоже рада встрече с вами. Перед тем, как мы начнём, я бы хотела кое-что сказать. Это может оказаться полезным. Мне тридцать девять лет. Я родила дочь, когда была очень молодой, и она сделала меня счастливой. Я очень люблю свою дочь.

Алессандро был бы рад сказать «Я тоже», но понимает, что это неподходящий момент.

— Я это понимаю, — он тоже улыбается.

— Так как никогда не знаешь, что произойдёт, я бы хотела, чтобы у неё было хоть немного уверенности в завтрашнем дне.

— Конечно, я Вас понимаю.

— Ники уже в выпускном классе, и она толком не знает, чем займётся дальше. Насчёт этого у неё радужные фантазии.

— Конечно, это типично для такого возраста. Они все мятежные, бегут со скоростью тысяча и один километр в час, спонтанные, решаются на что-

то, ни секунды не сомневаясь.

Симона улыбается.

— У Вас тоже есть дети?

— Нет.

— Какая жалость.

Алессандро замирает с открытым ртом. «Какая жалость»? Это просто фантастическая женщина. Он нормально восприняла то, что её дочь встречается с мужчиной практически одного возраста с ней самой, да ещё и жалеет, что у него нет детей. Невероятно!

— Сколько Вам лет?

Я так и знал. Меня ждёт допрос. Как бы там ни было, лучше сказать правду, ведь Ники уже наверняка рассказала. Это что-то вроде проверки.

— Мне? Скоро будет тридцать семь.

Симона улыбается.

— Вы казались мне моложе.

Алессандро не верит. Всё хорошо. Я даже заработал комплимент!

— Спасибо.

— Это правда... Но теперь мне кажется странным, что у Вас нет детей, потому что Вы, Алессандро, кажется, прекрасно знаете молодёжь. В любом случае, насколько я могу судить. У меня нет сомнений. Я действительно рада, что выбор пал на Вас.

— Вы правда рады?

— Да, мой муж рассказал мне о вашем телефонном разговоре с ним.

— О нашем телефонном разговоре?

— Да, и я думаю, Ваше предложение идеально. Мы всё обсудили, и мы согласны. Мы хотим открыть счёт в пенсионном фонде на имя Ники.

— А-а.

— Да. Жаль, что Вы не захватили с собой бланки на заявление. Мы могли бы их заполнить и оформить всё прямо сейчас. Мы бы хотели сделать вклад на сумму в пять тысяч евро.

— Понятно...

Симона замечает разочарование Алессандро.

— Что такое? Вам кажется, пять тысяч – это маловато?

Алессандро тут же исправляется.

— Нет, нет, это очень хорошо.

— Я говорю это, потому что, знаете, моя дочь Ники ещё такой ребёнок. Она на своей волне, гуляет с подругами, у неё нет больших запросов, но как только у неё будет серьёзный и важный роман, когда она окончит университет, тогда, возможно, она станет лучше одеваться, захочет

большого. И мне кажется это хорошей инвестицией, так что...

— Конечно... Хорошо, я сейчас же сообщу в офис о Вашем решении.

Алессандро поднимается и идёт к двери

— Тогда позже Вы созвонитесь с моим мужем, да?

— Конечно.

Симона улыбается и протягивает ему руку.

— Спасибо, Вы были очень любезны.

— Ничего особенного, с Вами это было несложно.

Алессандро убегает оттуда. Он закатывает глаза и качает головой, едва не смеясь. Это невозможно. Поверить не могу.

Симона берёт поднос с кофейными чашками, когда её мобильный начинает звонить. Она берёт его со стола. Это Роберто.

— Привет, милый.

— Привет, Симона. Слушай, звоню сказать тебе, что тот парень не придёт. Он попал в аварию.

— А-а, — Симону словно замораживает. А кто тогда этот симпатичный почти тридцатисемилетний парень, который только что ушёл? Она думает об этом минуту. Быстро прикидывает все варианты. И мгновением позже её глаза становятся размером с блюдце. До неё дошло. Она негодуяюще трясёт головой.

— Симона?..

— Да, милый, я здесь.

— Тебя было не слышно. Что случилось?

— Любимый, у меня тоже есть для тебя две новости. Одна хорошая и одна плохая.

— Давай сначала плохую.

— Ладно... твоя дочь встречается с мужчиной на двадцать лет старше.

— Что ты несёшь? Как, ко всем чертям, такое возможно? Боже, нет! — Роберто осматривается вокруг. Он в окружении коллег и чуть не закричал на всю улицу. Он берёт себя в руки. — Этой ночью она меня услышит. А хорошая?..

— Он неплохой парень.

Алессандро залезает в машину.

— Уффф, — выпускает он длинный выдох.

Ники, очень взволнованная, запрыгивает на него.

— И? Как всё прошло? Что сказала моя мама? Давай, рассказывай! Если ты уже вернулся, значит, всё прошло хорошо!

Алессандро смотрит ей прямо в лицо. Затем улыбается.

— Была только твоя мать, и она хотела вложиться в тебя... с моей помощью.

— Хорошо, это хорошо! Она увидела твой потенциал!

— Более того, она увидела во мне агента по вкладам.

— Ушам своим не верю! Что ты имеешь в виду?

— Я так понял, они ждали кого-то, чтобы открыть тебе счёт и положить на него деньги, а когда я постучался, она решила, что я и есть этот кто-то.

— Офигеть! И ты сумел сделать так, чтобы она тебе и деньги дала? Понемногу ты покрываешь расходы за ту аварию! Немного здесь, немного там... и твой Мерседес оплачен.

— Ха-ха...

— Нет, правда, без шуток. Ты мог сказать, что ты там из-за меня, но как агент по чувствам.

— Я не смог. Она так доверительно говорила об этом счёте в пенсионном фонде, который они хотят открыть... Её разочарование могло быть слишком сильным.

— То есть, ты говоришь, что моя мать ничего не поняла? Чёрт, и она без вопросов впустила тебя. Ты ведь мог оказаться вором.

— А что я тебе могу сказать? Она открыла мне дверь, пригласила войти, у меня не было времени представиться, она говорила со мной о тебе, о вкладе, обо всём, что ты однажды захочешь сделать. Мне показалось, что вежливее будет выслушать её, не перебивая.

— Конечно, ты придумаешь любое оправдание. Ладно, хорошо. В любом случае рано или поздно я расскажу об этом. Она всегда говорит, что мы должны всё друг другу рассказывать без проблем.

— Она так говорит? Мне нравится твоя мать.

— Даже не смей начинать.

— Эй, перестань. Кажется, она правда тебя любит. Когда она говорила о тебе, о том, что с тобой связано, о твоём образе жизни, о твоих подругах, у неё горели глаза.

— Ага, конечно. Мне понравится, если они будут также гореть, когда я расскажу о тебе. Хотела бы я видеть её лицо! Подвези меня к Эрике, please! Сегодня мы начинаем повторять курс итальянского для экзаменов.

— Конечно, — Алессандро заводится, и они уезжают.

Корсо Италия, кинотеатр «Европа». Салария. Ники начинает смеяться.

— А больше всего мне понравится, если будут гореть глаза моего отца, когда он услышит!

Алессандро вспоминает о том элегантном мужчине, высоком, убегающем в спешке, а главное – мускулистом. И вдруг ему захотелось быть в других отношениях с этой семьёй. Даже чтобы та авария была другой. То есть, такой же, но не с Ники. В общем, если бы ему пришлось вновь войти в ту дверь, он бы хотел на самом деле быть агентом по вкладам.

— Да, сюда! Позже созвонимся?

— Конечно!

— Будешь думать обо мне во время работы?

— Конечно.

— Ага, всё время отвечаешь «конечно». Как запрограммированный! Думаю, ты меня даже не слушаешь. И не отвечай мне «конечно»!

— Конечно... я не собираюсь отвечать тебе «конечно». Ну же, Ники, это шутка! Просто у меня в голове сейчас столько всего.

Она подходит к нему и чмокает в губы. Затем кладёт руки ему на виски, словно чтобы не позволять ему вертеть головой.

— Наступит ли день, когда ты поставишь меня на первое место, перед японцами и всем остальным?

Алессандро улыбается ей.

— Конечно-конечно!

— Окей. Тогда, доверяясь этой смутной надежде, я тебя отпускаю.

Алессандро улыбается ей, заводится и машет ей рукой, высунув её из окна, пока не скрывается за углом. Видит в зеркале заднего вида, как она убегает, становясь всё меньше и меньше. Он смотрит на часы. Почти половина четвёртого. Самое время, чтобы успеть на встречу. И узнать наконец. Всегда что-то нужно узнать на самом деле.

80

Дома, лачуги, конструкции в руинах, кусок отвалившегося водопровода на зелёном фоне. Грот в вышине этих деревьев на холме. И снова стены, порванный плакат, наполовину смытая роспись. И зелёное, зелень, всё зеленеет. Дряхлая машина, какая-то мусорка и больше ничего. Больше ничего. Мауро ускоряет, как может, свой скутер и едет без очков. Без шлема. Без ничего. Со слезами от ветра и покрасневшими глазами. Он давит на газ, чтобы оставить позади этот день. Сколько парней было на этих пробах? Тысяча, две? М-да. Это никак не заканчивалось. Никак не могло закончиться. Бесконечный день, с утра до ночи, до девяти. Мауро смотрит на часы. Нет, до девяти с четвертью. Только бутылочка воды и сэндвич с ветчиной и артишоками из автомата. С другой стороны, не было

особого выбора: или это, или одна из тех сладостей, которые вызовут ещё большую жажду. А потом – ничего. Все спокойно сидели на таких жёстких скамейках в ожидании своего номера. Номер. Все мы просто номера. Великий Васко сказал: «Мы – это только мы». Мы – кто? В зале был тип, который всё время ходил с камерой и кричал. Меня заставили пройтись, задали один вопрос – и до свидания. Но что может сказать о тебе всего один вопрос? «Спасибо, хорошо, мы дадим Вам знать. Мы Вам позвоним». Они мне позвонят. А сейчас? Сейчас – ничего, дорога домой, где я буду, не отрываясь, смотреть на мобильник. Я дал им два своих номера. Так, если домашний будет занят, есть другой. На прошлой неделе я целый день провёл дома в ожидании, и что? И ничего. Такой будет моя жизнь? Я могу стать знаменитым. Это право каждого. Так на днях сказали по телевизору, в той программе. Поставили отрывок из старого фильма. «Каждый из нас имеет право на свои пятнадцать минут славы...» Это сказал тот блондин, такой странный, низенький, американец, который рисовал одиноковые лица, например, Мэрилин. Как же его звали, какой-то Энди... Но это ведь он. А я? Я был на пробах «Большого Брата» и всех остальных реальности, которые скоро запускают. Кто-то попросил у меня сто пятьдесят евро, чтобы сделать мне showteel, шоурил, так это произносится, видео, в котором они смогут разглядеть все мои качества. Он запустит его, раскрутит меня мгновенно. Да-да. Как иначе. Охотно верю.

Он делает закрытый поворот и выезжает на улицу, ведущую к дому. Слишком сильно наклоняется. Скутер даёт крен, но он быстро перераспределяет вес в другую сторону и поднимает левую ногу, готовый опереться на землю, если начнёт падать. Скутер вновь принимает правильное положение, и он ещё прибавляет скорости. Домой. Спокойный. Вверх на холм. Открытые мусорные баки. Мусор на земле. Старый обогреватель брошен на этой пустынной улице. Мауро смотрит направо. Это улочка, свободная от выхлопных газов, это заброшенное поле. Он улыбается. Иногда мы с друзьями с района играли на этом пустыре. Как-то раз я был здесь на машине папы. Перед тем, как поехать домой к Паоле. Паола. Он вспоминает моменты, связанные с этой машиной. Музыка из магнитолы. Ночное тепло. Неудобные сиденья, которые всегда скрипели. Ноги на приборной панели. Запотевшие окна. Вкус секса. Уникальный. Восхитительный. Неповторимый. Позже мы опускали эти самые окна, чтобы впустить немного воздуха. И выпустить дым. Улыбки в темноте. И её запах, вся она, рядом со мной. Паола. Она мне сегодня не звонила. И когда ей пытался позвонить я, она была вне зоны доступа. Наверное, не было связи. Он поднимает брови, не находя ответов. Берёт последний

поворот. Он уже почти у дома. Улыбается, когда видит её. Вот и Паола. Она тоже улыбается. Поднимает подбородок издали. Мауро смотрит на неё, приближаясь. Ищет её улыбку. Но её нет. Её уже нет.

81

Мерседес ML останавливается, паркуется на обочине под старым жёлтым фонарём, потрёпанным временем, как многие из тех вещей, которые его окружают. Алессандро переходит на другую сторону улицы. Сожжённый контейнер, неустойчивый и дрожащий, стоит на одной из двух оставшихся ножек. Светло-рыжий кот, совсем дохлый, осторожно пробирается между полуоткрытыми разбросанными как попало на земле пакетами, заполненными различным мусором, словно они могут внезапно взорваться. Чей-то сосед, который считает себя отличным баскетболистом, должно быть, выбросил их с балкона, пытаясь попасть в мусорку. Не заработал ни очка. Не попал. В любом случае, этот матч он уже проиграл.

Алессандро заходит в лифт. Третий этаж. Матовое стекло, на котором написано «Тони Коста», не изменилось. Оно всё ещё треснуто. Алессандро стучит в дверь.

— Входите.

Он медленно открывает скрипучую дверь. Так же, как и в прошлый раз, его охватывает тёплая, но немного древняя обстановка. Гладкий ковёр, желтеющий платан. На этот раз секретарша сидит за своим столом. На мгновение она поднимает глаза. Затем продолжает красить ногти. Тони Коста выходит ему навстречу.

— Добрый вечер, Белли. Я ждал Вас. Хотите кофе?

— Нет, спасибо. Я только что выпил чашечку.

— И я тоже, но мне хочется ещё. Адела, не принесёшь мне?

Секретарша тихоньку вздыхает. Затем роняет лак на стол. Она встаёт, исчезает за дверью и уходит готовить кофе. Алессандро осматривается. Ничего не изменилось. Возможно, только эта картина. Большая, написана маслом, живые цвета. Ярко-голубой, жёлтый и оранжевый. На ней изображена женщина на пляже. Её одежда развевается на ветру, в то время как она пытается удержать огромную белую шляпу. Такая красочная, что даже выглядит неуместно в этой серой дыре.

— Как Ваши дела, Белли?

— Хорошо, всё хорошо.

Тони Коста откидывается на спинку.

— Я рад. Вы готовы?

— Конечно, — улыбается Алессандро. А потом он начинает

волноваться. Даже не задумываясь, он использовал это «конечно» и с ним. Какая-то логическая связь? Он предпочитает об этом не думать и достаёт деньги из кармана: — Вот оставшиеся полторы тысячи евро.

— Я спрашивал Вас не о том, готовы ли Вы заплатить. Я имел в виду, готовы ли Вы узнать... и хотите ли Вы знать до сих пор.

— Да, намерения моего друга не изменились.

Тони Коста улыбается. Он опирается обеими руками о стол, помогая себе встать.

— Очень хорошо, — он поворачивается и открывает шкаф. Достаёт голубую папку. На ней написано «Дело Белли». Он кладёт её перед Алессандро. Садится обратно. — Вот.

Приходит секретарша с кофе.

— Спасибо, Адела.

— Не за что, — она идёт докрашивать ногти.

Тони Коста открывает папку.

— Итак, здесь, на этом листке, все её передвижения, дни слежки, маршруты... Видите? Например, 27 апреля. Виа дей Париоли. Супермаркет. Время: 16:30. Если рядом синий кружочек, значит, есть ещё и фото. Все пронумерованы. Например – вот эта, под номером... — Тони Коста разминает шею, а потом выбирает: — шестнадцать. И здесь соответствующее фото, на котором написано название улицы, день и час.

Алессандро с удовольствием рассматривает плоды этой работы. Прекрасно. Ошибка исключена. Никто не может удержаться от того, чтобы узнать то, что хочет знать.

— Возьмите, вот Ваши деньги. — Тони Коста берёт их. Смотрит на них с момент и складывает в выдвижной ящик. — Вы не будете пересчитывать?

— В этом нет необходимости. Тот, кто решает доверить нам свои секреты, сам заслуживает нашего доверия. Итак, это все фотографии. Просмотрите...

Он открывает их и рассыпает по столу. Алессандро не верит своим глазам. Они похожи на колоду карт. Кто знает, возможно, он предпочёл бы не сидеть за этим столом. Он не должен был играть эту партию. К тому же на этих картах появляется лишь одна фигура. Камилла. Камилла гуляет. Камилла на шопинге. Камилла в парикмахерской. Камилла в машине. Камилла заходит в свой дом.

— Как Вы видите, Белли, работа заняла месяц. И это первые результаты.

Алессандро рассматривает все фотографии. Камилла на них всегда

одна или с какой-нибудь подругой. Ещё две-три фотографии с Энрико. Но нет ничего подозрительного, компрометирующего или выходящего за рамки. Он делает глубокий вздох облегчения.

— Хорошо, если это всё, то нет никаких проблем.

Тони Коста улыбается, собирает фотографии и складывает их обратно.

— Это было для того, чтобы Вы увидели, что я провёл серьёзную работу. Я не украл деньги, что Вы мне дали, — он встаёт на ноги. Снова открывает свой шкаф. — Ещё у нас есть это, — Тони Коста кладёт другую папку на стол. Красную. Алессандро смотрит на неё. На этой написано просто «Белли».

Тони Коста садится. Стучит рукой по папке и поднимает взгляд.

— Здесь другие списки, другие дни, другие маршруты. И возможно, другие фотографии, на этот раз с красным кружочком, — откидывается он на спинку кресла. — Или, может, здесь нет абсолютно ничего. — Затем он медленно подталкивает красную папку к Алессандро. — Возьмите её. Вам решать... точнее, Вашему другу... что он хочет знать.

Алессандро берёт обе папки, кладёт их подмышку и встаёт.

— Спасибо, синьор Коста, Вы были очень любезны.

— Пожалуйста, позвольте Вас проводить, — Тони Коста обгоняет его. Открывает ему дверь офиса и идёт к лифту. Нажимает кнопку вызова.

— Белли, простите, что немного задержал нашу встречу.

— Никаких проблем. Это было необходимо, не так ли? — указывает он на папки.

— Нет, дело в том, что у нас был небольшой кризис... — он показывает на Аделу, которая до сих пор красит ногти за своим столом. Тони Коста приоткрывает дверь офиса, затем подходит к Алессандро. — Она говорит, что я слишком много работаю, что мы никогда и ничего себе не позволяем. Поэтому мы съездили на неделю в Бразилию. Вы видите, мы немного загорели.

И правда, есть немного, думает Алессандро. Конечно, он ездил в Бразилию с секретаршей... Неплохо, как раз в духе частного детектива.

— Вы заметили новую картину в нашем офисе? Мы купили её в Байя-дель-Соль!

— Красивая... Это местная женщина, так ведь? Одета, как они.

— Да, — улыбается Тони Коста. — Аделе тоже хотелось так одеваться. Нам было очень весело. Словно у нас снова был медовый месяц, чего не могли позволить себе уже двадцать лет.

Появляется лифт, и открываются двери. Тони Коста протягивает руку Алессандро.

— Мы уже долгое время женаты и это был наш первый кризис, но мы его преодолели.

— Это хорошо. Я рад.

Тони Коста ему улыбается.

— Знаете, Белли? Я много лет в этой профессии и всякое повидал... Но в конце концов понял только одну вещь: когда встречаешь стоящую женщину, не нужно терять времени.

Он смотрит ему в глаза и жмёт руку с силой. Затем поднимет подбородок, указывая на папки.

— Расскажите об этом своему другу.

82

Паола жуёт жвачку. Большая грудь, но своя, настоящая. Она высокая. Может, немного накрашена. Может быть. Но Мауро это не кажется важным. Она очень красивая. Он останавливает скутер и слезает.

— Паола, какой сюрприз!

— Мне нужно поговорить с тобой.

От её улыбки не осталось и следа. Она улетела, как одна из этих надоедливых и жирных ворон, которые уже и летают с трудом из-за обжорства. Эти вороны вдруг взлетают и покидают ветви своего дерева, даже не зная почему.

Мауро смотрит на неё. Паола опускает взгляд. И слова не нужны. Этот опущенный взгляд говорит всё. Больше, чем тысячи слов. К тому же в полной тишине. Это как крик. Мауро берёт её за подбородок и немного поднимает её лицо.

— Что стряслось, Паола? Скажи мне.

Она молчит. Вертит головой. Высвобождается из его руки. Она не может. Ей не хватает смелости вновь посмотреть в эти глаза. Тогда она решает освободиться от этого груза, который давит на неё. Снова поднимает взгляд. Встречается с глазами Мауро и на этот раз бросается в этот омут. Падает прямо на дно.

— Я хотела сказать тебе...

Мауро сощуривает глаза. Он словно не здесь. Он пытается смотреть дальше, намного дальше, в глубине глаз Паолы, ещё глубже, в этих глазах, которые были его спасением. Глаза его любви, смеха, страсти. Как она их закрывала в первый раз, когда он взял её, как она вновь открывала их после каждого нежного поцелуя. Эти глаза сейчас другие. Потухшие. Что с ними такое? Что за ними скрывается?

— Что ты хотела сказать мне?

— Я должна сказать... — Паола делает длинный выдох, слишком длинный. У Мауро вдруг все волосы на теле встают дыбом, он как нервный кот, который чувствует угрозу. Опасность. Паола отдаёт себе в этом отчёт. Изображает слабую улыбку. Наверняка для того, чтобы сделать более терпимым то, что собирается сказать. Словно это вовсе не важно, это просто увлечение, всё уладится.

— Думаю, нам лучше не видеться некоторое время.

Мауро подносит руку к лицу, как зонтик.

— Что ты хочешь этим сказать?

Паола отстраняется, она напугана. И Мауро это понимает.

— Что случилось? Чего ты боишься? Ты боишься меня? — и он начинает говорить медленнее. — Если ты боишься, что я подниму на тебя руку... значит, есть повод думать, что это случится...

Паола опускает взгляд. Она не может больше. Сколько раз она представляла и проигрывала эту сцену у себя в голове? Практически каждый вечер, по крайней мере, в течение месяца. С того дня. С тех проб. С тех пор, как встретила его. Она репетировала эту сцену чаще, чем любой сценарий, который изучала раньше. Но на этот раз не всё пройдёт гладко. Она не смогла зайти дальше. Не потому, что так бы ей больше понравилось. Потому что так было решено. Паолу разрывает на куски. Теперь пусть Мауро всё узнает. И будь что будет.

— Нет, Ма... просто я встретила кое-кого... и... — она поднимает лицо, смотрит на него, пытается улыбнуться, — ну, пока что ничего не было.

Мауро не может поверить, он не верит своим ушам.

— Пока что? Что это значит?

— Да, я клянусь тебе, это правда. Я ничего не сделала.

— Я это уже понял, но что значит «пока что»? Что должно произойти? Что будет? — Выражение лица Мауро меняется. Его лицо становится напряжённым. Он словно превращается в камень. — Я понял. Дело в том режиссёре, который дал тебе записку, в тот раз, когда я был с тобой, я не прав?

Паола улыбается.

— Ещё чего, он гей. — Выдержав паузу, она становится серьёзной. — Нет, это твой фотограф, Антонио, — улыбается Паола, счастливая, открытая, удовлетворённая своей честностью.

— Конечно... Антонио, — Мауро наклеивает на лицо странную улыбку от такого ответа. Затем он даёт ей пощёчину своей большой решительной ладнью, слева направо. Хватает её. Бьёт прямо в лицо, отчего она теряет равновесие. Он толкает её, трясёт её, оглушает её, треплет её волосы в

разные стороны.

Паола поднимается, снова появляется перед ним, изумлённая, копается в своих волосах. Она поправляет их, как может, обеими руками. Убирает их с лица, чтобы вновь найти свет. Чтобы понять. И вот он перед её глазами, ошарашенными, удивлёнными, напуганными. И вдруг она начинает закрываться руками, потому что понимает, что над ней сейчас закружится ураган Мауро.

— Будь ты проклята, несчастная, жалкая тварь. Поэтому ты сегодня выключила мобильник, — он бьёт её. Его руки словно безумные лопасти ветряной мельницы. Поднимаются, опускаются и наносят удары. Ревнивые и болезненные. Как трактор без водителя, который едет сумасшедшим зигзагом. Но не тот, который собирает пшеницу. Он собирает урожай блондинок в лице бедной Паолы. Пинки, удары, пощёчины. Паола поскользнулась, и Мауро размахивается, чтобы ударить её в живот, когда вдруг кто-то его хватает. Он резко исчезает с глаз Паолы и оказывается напротив стены, рядом с забором.

— Тихо, Ма...

Паола открывает свои опухшие глаза. Она приходит в себя. Снова медленно поднимается, у неё всё болит, она сломлена и ошеломлена всеми этими ударами.

— Я убью её, эту тварь, отпусти меня! — Мауро пытается высвободиться, дрыгает ногами, прыгает, дёргается назад.

Но отец крепко держит его. Он обнимает его, как цепью. Держит его своими сильными руками пикадора с такой же лёгкостью, как он это делал, когда сын был маленьким.

— Тихо, я сказал, успокойся.

Паола убегает, почти спотыкается, скользит, оборачивается на мгновение, а затем исчезает за углом. Дверь закрывается. Машина заводится. Тёмный Вольво с визгом проезжает перед ними. Он увозит Паолу. Он увозит любовь и иллюзии, которые могли остаться навсегда. Отец и сын остаются одни здесь, на маленькой пустынной площадке.

Ренато отпускает его, вытягивает руки и освобождает его из этих кандалов.

— Идём, Ма, надо заходить, ужин уже готов, — он достаёт ключи из кармана и открывает ворота. На мгновение останавливается. Оборачивается к сыну: — Ты идёшь или нет? Твоя мать нас ждёт, чтобы сварить пасту.

Мауро смотрит на него со слезами в глазах. Подходит к своему скутеру, запрыгивает на него. Изо всех сил жмёт на газ и уезжает, ускоряясь

на гальке, со слишком хорошим задним колесом, чтобы кататься по здешним улицам.

— Куда ты, Ма? Ма! Не влезай в неприятности! Её не волнует, если с тобой случится какое-то дерьмо! — кричит его папа, по-своему пытаясь быть хорошим отцом. Ренато кричит и бежит за скутером, который теряется в последних лучах солнца, заходящего после тщетной погони за счастьем.

83

Бывают в жизни моменты, для которых музыкальное сопровождение ещё не придумано. Тем не менее, ведя машину, Алессандро ищет среди своих дисков в бардачке тот, что ему кажется наиболее подходящим. Выбирает один. *Крупная рыба. Саундтрек к фильму.* Эдвард Блум и его сын Уилльям. Потому что иногда то, что может показаться странностью, что-то нечистое, таковым не является, просто это другая красота, красота, которую мы не можем принять. По крайней мере, в данный момент. И тут он видит его. Он выходит из своего чёрного Гольфа и осматривается. Ищет его. Они назначили встречу на проспекте дель Виньола. Здесь они прогуливали уроки, когда учились, списывали домашнее задание, перед тем, как войти, здесь, счастливые, обнимались, узнав результаты выпускных экзаменов. Положительные результаты. Мне это показалось единственным правильным местом, которое может всколыхнуть в нас какое-нибудь воспоминание о корнях. Где он будет чувствовать себя хорошо, думая о прошлом, когда будущее так пугает, где он сможет подумать, что не всё рухнет только из-за одной простой временной неприятности. Алессандро смотрит, как он идёт. Энрико подходит к Мерседесу, вжав голову в плечи.

— Ветренно сегодня, — Энрико залезает в машину и захлопывает дверь. В другой момент у Алессандро могло скривиться лицо от этой двери. Но не этим вечером.

— Слушай, то, что...

— Нет, Алекс, перед тем, как ты мне что-либо скажешь, я хотел поблагодарить тебя. Серьёзно. Бывают вещи, которым цены нет. О них трудно просить, они даже могут разлучать людей. Так вот, это могло быть одной из таких вещей, а ты, наоборот, делаешь так, чтобы всё казалось проще. Возьми... — он даёт ему закрытый конверт. — Здесь внутри деньги, которые ты давал мне в долг, и небольшой подарок для тебя.

Алессандро смотрит на него с некоторым смущением. Рядом с чеком лежат два билета.

— Чёрт возьми! Это же концерт Джорджа Майкла. Их ведь

невозможно достать!

— Да, это благодаря моему коллеге. Его жена работает тур-менеджером. Это было нетрудно. Я подумал о вас с Ники. Джордж Майкл может нравиться вам обоим. Если нет, то ты можешь пойти, с кем захочешь, так ведь?

Алессандро разглядывает билеты. Он кладёт их обратно в конверт.

— Тебе незачем было это делать.

— Я сделал это с удовольствием, — а затем Энрико становится серьёзным. — Ладно, расскажи мне всё. Как прошло? Что я должен узнать?

— Я не знаю, я предпочёл, чтобы он мне ничего не рассказывал.

Энрико вдруг заглядывает ему в глаза, словно безнадежно ищет в его лице какую-то ложь. Он расслабляется. Нет, Алессандро и правда ничего не знает. Или он великолепный актёр.

Алессандро тянется назад и достаёт только одну папку. Голубую.

— Возьми, всё здесь, в этой папке.

Энрико берёт её и касается, гладит, едва ли не лаская. Видит этот маленький голубой бантик, который надёжно хранит свои секреты. Энрико смотрит на Алессандро.

— Можно?

— Она твоя, за это заплатил ты.

Энрико готов развязать бант.

— Один момент!

— Что случилось, Алекс?

— Ты уверен, что не хочешь открыть её, когда будешь один? Это касается тебя, вас. Знаешь... вдруг ты захочешь, чтобы меня здесь не было.

— Я не знаю, что найду здесь. Так что я предпочитаю, чтобы ты был со мной.

— Хорошо, как хочешь, — Алессандро позволяет ему сделать это.

Энрико медленно открывает папку. Затем, словно безумец, жадный до новостей, до правды, до обнаруженной, наконец, лжи, начинает листать эти документы, он пробегается по всем пунктам. Рассматривает даты, встречи, дни, расписание, места. Не хватает фотографий. Он открывает конверт. Вот они. Камилла. Камилла одна. Камилла с подругой. Камилла с ним. С другой подругой. Затем одна, одна, одна. Одна и с ним. Вот и всё. Всё, как вчера. Энрико выдыхает. Закрывает папку. Подносит её к лицу. Сильно прижимает её к себе, почти вдыхает её. Алессандро смотрит на него.

— Эй... Энрико, ты помнишь? Я ещё здесь.

Энрико приходит в себя.

— Да-да, всё в порядке.

— Тогда что там?

— Хорошо, всё хорошо. По фотографии практически на каждый день, и нет ничего более того, что я был счастлив увидеть. Она чиста.

— Отлично сказано, вы похожи на персонажей американского детектива... Она чиста. Что ты имеешь в виду? Значит, она ни с кем не встречается?

— Она честна. Она верна. Единственный её мужчина – это я. Ещё здесь её подруги и всё, чем она занимается в течение дня.

— Ну, ты наконец-то удовлетворён? Успокоился? Ты не чувствуешь себя запачканным, тебя устраивает то, что за ней следили, искали какие-то улики? Когда мы кого-то любим, не должны ли мы просто слепо верить? А если наше доверие предают, не лучше ли узнать об этом естественным путём?

Энрико серьёзно смотрит на него.

— У тебя нет такой проблемы. Возможно, на самом деле ты не влюблён в Ники. Возможно, и Элену ты не любил, раз позволил вот так просто закончиться такому роману, как ваш. Ты ведь хотел жениться на ней, разве не так?

— Да.

— А вместо этого ты сейчас встречаешься с девчонкой. И ты даже не кажешься разочарованным тем, что с Эленой всё кончено. Вот так, вдруг. Всё закончилось, прощай – и ладно.

— Ты ошибаешься, Энрико, я люблю любовь. Красоту любви. Свободу любви. Люблю идею того, что ничего не требуется, что любовь другого человека, его время, его внимание – это такие подарки, которые нужно заслужить, а не только притворяться. Даже когда вы уже стали парой. Мы вместе, потому что выбрали друг друга, а не потому что должны. И да, я хотел навсегда остаться с Эленой. Но она ушла. Она так выбрала. И сейчас она наверняка уже с другим. И что я могу сделать, кроме как идти дальше? Продолжать любить её за то, что у нас было, что я с ней испытал, но чего больше нет?

— Я думаю, ты мог бы подождать, вместо того, чтобы сразу же начать встречаться с Ники, ведь она могла бы вернуться.

— Энрико, прошло уже три месяца. Она ни разу мне не позвонила. Больше, чем за три месяца.

— Я уважаю твои мысли, Алекс, и не имею ничего против Ники. Надеюсь, ты будешь с ней счастлив. Но ты не понимаешь моей ситуации и моих страхов. Я люблю Камиллу, но также мне нужно чувствовать себя уверенным, — Энрико выходит из Мерседеса. — Пока, Алекс, и спасибо

тебе за всё ещё раз, надеюсь, никому из нас не придётся возвращаться к таким вещам.

Алессандро улыбается.

— Я тоже! А, кстати, детектив мне сказал, чтобы я передал тебе кое-что: когда встречаешь стоящую женщину, не нужно терять времени. Иди домой, Энрико.

Его друг возвращается к машине и обнимает его. Затем он уходит, больше ничего не говоря. Быстро идёт к своему Гольфу. Но сначала он останавливается перед мусорным баком. Открывает его ногой. Берёт папку, рвёт её на тысячи кусочков и выбрасывает. Затем он залезает в машину. Смотрит на Алессандро в последний раз и удаляется.

Алессандро ещё ненадолго остаётся там, в тишине. Снова включает CD-проигрыватель. Он остановился на *Sandra's Theme* Дэнни Элфмана, и Алессандро вспоминает последнюю сцену фильма, последний кадр, прыжок в реку. Алессандро опускает стекло. Лёгкий ветерок уже говорит о лете, но шёпотом. Он закрывает глаза. Теряется в своих мыслях. Японцы. Елена. Работа. Любовь. И тут — неожиданность. Жасминовая девушка. Ники. Эта абсолютная нехватка уверенности. Это захватывающая прогулка по краю, нависшему над бездной. Красное и чёрное. Прыжок туда, где вода голубее. Ничего больше. Но правда ли это вода, там, внизу?

Алессандро открывает бардачок. Вторая папка, красная, закрыта здесь. Со своим крепко завязанным бантиком. Он смотрит на неё с момент. Что же может быть внутри? Ничего? Всё? Алессандро выходит и подходит к мусорному баку. Мгновение вертит бант в руках. Затем берёт папку в одну руку, другой достаёт зажигалку из куртки и зажигает. Страницы быстро начинают морщиться и гореть. Пламя слегка потрескивает, пока лёгкий дымок поднимается к небу, медленный, он танцует на ветру, почти веселится, унося с собой все эти тайны. Знать или не знать? Вот в чём вопрос. Алессандро — архитектор жизни другого человека. Маленький Бог кто знает какой бесполезной или великой правды. Должен ли он был отдать эту вторую папку или нет? Другие фотографии, другие секреты, возможно, боль, возможно, предательство... Кто знает. А папка между тем горит. Снова и снова. И это насмешливое пламя уносится ветром, оно смеётся в своей эйфории, но молча. Каким-то образом он читает. Знает. И уносит с собой любое возможное откровение. И потом больше ничего. Пепел. И любовь. На самом деле, любовь может дать свои собственные ответы.

Алессандро берёт свой мобильный телефон. Нажимает на кнопку. Быстро пролистывает список. Находит. Звонит.

— Где ты? Да, я знаю, где это. Сейчас буду.

Мади, молодая филиппинка, быстро протирает всё, что стоит на маленьком столике напротив дивана. Вдруг открывает дверь. Алессандро входит, целуясь с Ники. Жадно, он жадно целует её. Вдумчиво, с яростью, с желанием, с голодом, с...

— Мади? Вы всё ещё здесь?

— Синьор, по пятницам я до восьми, Вы забыли? Вы и другая синьора сказать, что я здесь три раза в неделю. Вторник, среда и пятница. Сегодня пятница, — Мади смотрит на свои часы. — Половина восьмого.

Алессандро роется по своим карманам, находит двадцать евро и даёт их Мади.

— Сегодня выходной. Сейчас выходной, уходи... Прогуляйся с подругой, по магазинам, что угодно, только уходи, — он ведёт её к черному ходу, на кухню, туда, где пожарная лестница. По дороге Мади берёт свою сумку и куртку с кухни, а затем осторожно выходит. Алессандро ставит сигнализацию, потом идёт в гостиную и закрывает входную дверь тоже.

— Эй, где ты?

В тишине дома Алессандро, развеселившийся, ищет Ники. Она точно испарилась. Он ищет в комнате. В ванной. Смотрит за диваном, в спальне, под столом. Но большой шкаф приоткрыт и предаёт её. Алессандро ставит CD: *Confessions On A Dance Floor*.

Затем он повышает голос.

— Где же жасминовая девушка? Куда она пропала? — он тихонько подходит к шкафу. Снимает с себя одежду. Он выбрасывает на пол рубашку, затем брюки. — Где же она? Я чувствую её запах, её дыхание, её сердце, чувствую её возбуждение, её желание, её милую улыбку... — И вот Алессандро раздет. Он гасит последние лампы и зажигает маленькую свечку. А затем залезает в шкаф. — Где самая красивая рубашка, которую я могу надеть?

Ники смеётся, закрывая рот обеими руками. Напуганная, взволнованная, удивлённая, неверящая в то, что он её нашёл. И тут она начинает его целовать, раздеваться, словно голодная, с яростью, с желанием, между одеждой, которая падает с вешалок, простые цветные комплекты, которые ласкают её, падая на пол и в один миг превращаясь в огромную разноцветную кучу. Серый, светло-серый, тёмно-серый, синий, даже цвет тростникового сахара, такой сладкий в этот момент. Они скользят во всей этой одежде. И Ники кидает на пол ещё больше одежды. Рубашки, пиджаки, брюки. Какая захватывающая путаница. Алессандро притягивает

её к себе, крутится с ней, обхватывает её ноги, касается её, сжимает её и покрывает поцелуями её шею, лицо, и снова целует, и покусывает, и вот снова её ноги, которые никогда не закончатся.... Вкусы, запахи, вздохи, настроения, побеги, возвращения... Бурное море.

— Нет, нет, прошу тебя, нет... — Улыбка. — Да, да, пожалуйста, да...

Её рот и его пальцы. Теряться в каждом уголке, в каждой клеточке тела, без границ, без стыда, смотря, подглядывая, сопротивляясь... Обнаруживая себя после штормовой волны. Готовые, расслабленные, опустившиеся, лёгкие, влюблённые, запутавшиеся в простынях, немного глубже.

— Эй, что с тобой?

Алессандро возникает в простынях, в цветах в первом часу ночи. Он улыбается.

— Что? Где?

— Я не знаю, ты ещё не пришёл в себя. Ты не был похож на себя. Мы занимались любовью совсем по-другому...

— А как?

— Секс был дикий, голодный. Даже немного отчаянный. Но всё равно хороший. Это из-за вечерней встречи?

— Более или менее!

— Ладно, но только в этот раз и в виде исключения... Да здравствуют сошествия! Я хочу кое-что тебе показать.

— После всего, что я уже видел?

— Дурак!

— Ещё больше звёзд?

Ники встаёт и включает компьютер.

— Сегодня, когда я занималась у Эрики, мы нашли кое-что в интернете, и посмотри, где мы собирались остановиться... — её голая спина сзади такая красивая.

Алессандро подходит к ней. Нежно поглаживает её. Медленно продвигается к её самому чувствительному месту. Останавливается.

— Эй, так я не понимаю, что ищу, и кликаю куда попало. А вот, вот оно, я нашла! www.ilfarodellisolablu.it. Смотри, как красиво!

Алессандро садится с ней рядом. Довольная, Ники смеётся, она выглядит такой счастливой, мечтательно листая эти страницы, которые вдруг перестают казаться виртуальными.

— Видишь? Там ты можешь превратиться в «lighthouse keeper», смотрителя маяка. Представь себе, за пятьсот евро в неделю можно остаться там. Ты один станешь смотрителем Голубого Острова.

На мониторе компьютера появляются один за другим снимки. Маленький светло-зелёный остров погружается в синее море внизу. Какие-то скалы. Выше, между этими скалами, огромный маяк. Волна разбивается о подводные камни. Афиша. Заметки для посетителей. Дорога, которая ведёт вверх, к птицам, в окружении кактусов и маленьких морских деревьев, которые считают, сколько же человеческих ног за всё время пытались подняться туда, вверх.

— Видишь? Там капитаны кораблей и их водные маршруты зависят от тебя. Ты освещаешь их путь, ты – это маяк... — Ники опирается на него. Абсолютно голая, горячая, нежная.

Алессандро вдыхает её запах.

— Так же, как ты – маяк для меня.

Ники улыбается и поворачивается. Она целует его этими губами, которые ещё не забыли о любви, как маленькая капризная девочка, которая хочет поцелуя и знает, что получит его. Алессандро берёт её лицо в руки и смотрит ей в глаза. Тысячи слов пробегают в этом взгляде. Тихие, весёлые, романтические, влюблённые. Скрытые слова, слова, которые за кем-то гонятся, слова, которые рвутся наружу, как подземная река, как далёкое эхо в только что обнаруженной долине, как альпинист, который устал, но забрался на вершину горы, и оттуда он один кричит ветру и облакам, которые окружают его, о том, как же он счастлив.

Ники опускает глаза, а затем снова смотрит на него.

— О чём ты думаешь?

Алессандро ей улыбается.

— Ни о чём. Прости, я в открытом море. Ты мой маяк. Не гасни никогда.

А потом душ. Позже перекус в одних халатах. Затем прогулка по террасе, с разговорами о том о сём. Поцелуи. Шутки. Визги. Короткий перерыв на игры. Перед тем, как на террасу выходит сосед, чтобы поглазеть. И они прячутся. И смеются из-за этого. Чуть позже. После всего этого Ники снова хочет есть. Алессандро улыбается.

— Я тоже. У меня есть идея. Идём...

— Куда?

— Не к маяку на Голубом Острове, но в одно очень милое место.

И быстро, без лишних слов, они садятся в машину и подъезжают к зданию. «Ориент Экспересс». Сан-Лоренцо.

— Я и не знала об этом месте! — Ники осматривается вокруг. — Это же настоящий локомотив! Здесь едят в вагонах. Классно! Откуда ты о нём узнал, а? — Она смотрит на него с подозрением. — Ты ведь не ходил сюда

с какой-нибудь другой семнадцатилетней девушкой, или, может, немного постарше, которая, ко всему прочему, уже сдала свои экзамены, и ей нечем заняться?

— Ещё чего! Мне рассказала о нём Сюзанна, жена Пьетро, которая обожает находить что-то новое, разные места, узнавать обо всём, что происходит в городе.

— Классно! Она мне уже нравится. Пьетро тоже мне показался неплохим типом, когда мы обедали все вместе.

Алессандро паркуется и выходит из машины.

— Ну... ты никогда в жизни не встречалась с Пьетро.

— Как это – не встречалась? Что с тобой, ты совсем дурачок? Он ведь даже за обед заплатил!

Алессандро берёт её руку и легонько стучит ей по лбу.

— Тук-тук-тук, можно? Есть кто-нибудь?

Ники вздыхает.

— Да, куча народу. Ужины и праздники в изобилии, радость и самые позитивные мысли. Кого тебе позвать?

Алессандро улыбается.

— Я искал ту, которая не станет говорить Сюзанне, жене Пьетро, что знает его.

— А-а, — улыбается Ники. — Поняла. Конечно. Та, что с ним знакома, вышла на секундочку...

— Всё, заходим, и будь внимательна.

— Зачем, неужели там все твои друзья?

— Ну, конечно, иначе зачем бы я стал говорить тебе всё то, что сказал? Какие же мы все счастливые, у нас здесь всегда отличная тусовка?! — Алессандро снова показывает на голову Ники. — Кроме тех случаев, когда нужно работать на японцев! Заходим, давай!

85

Роберто в гостиной. Из музыкального центра звучит выбранная им музыка. Он разливает белое вино в два бокала. Холодное, лёгкое. Он хочет побыть немного наедине со своей женой, поцеловать её, побыть в романтической обстановке и потом – почему бы и нет? – запутаться с нею в простынях. Этого не происходило уже достаточно давно. Потому что любовная история тоже требует эмоциональных усилий. Служения. Помощи. Роберто прикрывает глаза. Нужно решить, сидя за столом, один вопрос, который никак не может оставить его. Если бы Симона его сейчас слышала, она бы его просто расстреляла в упор. Для неё любовь должна

быть просто любовью и всё. Случайной любовью, естественной любовью, желанием любить. Как в том фильме, «Семьянин», когда Николас Кейдж входит в другое измерение и понимает, что никогда не жил реальной жизнью, которую Бог однажды, сделав исключение, решил показать ему. Он узнал, как всё могло пойти бы с той женщиной, если бы они поженились, если бы у них были дети, если бы он сдержал обещание, данное годами ранее, если бы... Все эти «если бы», которые слишком часто нас обуревают в течение всей жизни. И у нас нет такого хорошего режиссёра, чтобы Бог рано или поздно дал нам ответ. Джек Кэмпбелл, банкир-миллионер, живёт в шикарном пентхаусе, у него куча женщин и Феррари. Но в Рождество он просыпается в Нью-Джерси, рядом с Кейт, девушкой, с которой он встречался в колледже, которая могла стать его жизнью. И понемногу он понимает, что наверняка не стал бы таким богачом, каким является сейчас, может быть, но он точно был бы так счастлив, как никогда не был.

Если бы он не уехал работать в другой город, дав обещание вернуться. Невыполненное обещание. И теперь Бог, который иногда так делает, предлагает ему возможность вернуть всё назад и ещё лучше, даёт новую возможность завоевать Кейт, его Кейт из колледжа. Роберто поправляет подушку за спиной, размышляя о сценах этого фильма. Умиротворённый, спокойный, он закрывает глаза и вздыхает. Странный момент счастья. Но он знает об этом, быть счастливым – абсолютно нормально. Счастье должно быть не целью, а образом жизни. Кто это сказал? Какой-то японец. Иногда эти японцы остаются с нами. Ну, ладно, я добавил бы также, что счастье заключается в способности осознавать всю жизнь, просто сам факт того, что ты жив, что это нельзя воспринимать, как должное. Так можно быть просто счастливым, без чрезмерных запросов. Он закрывает глаза. О чём я вообще думаю? Жизнь проста, намного проще: это карамель, не слишком сладкая, которую мы должны не спеша растворять во рту, но не разжёвывая, а рассасывая её. Что я и сделаю со своей женой через некоторое время. Я не Джек. Я сдержал своё обещание. И каждый день получаю за это своё вознаграждение. Что же ещё? Кто-то может быть не удовлетворён этим и вести себя...

Вдруг музыка смолкает. Роберто внезапно открывает глаза. Симона здесь, рядом с CD-проигрывателем. Её палец всё ещё на кнопке «стоп». Это она выключила музыку. Но она улыбается. Она демонстрирует одну из тех улыбок, которые входят в ту самую программу. У Роберто нет никаких сомнений. Он отлично знает это выражение. За этим едва уловимым движением губ, за этим появлением маленьких идеальных зубов почти

всегда скрывается невероятная история... Драма, триллер, ужас. Извини, но я встретила другого. Извини, но я ухожу. Извини, но я сделала глупость. Извини, но я беременна... Извини, но я беременна и не от тебя. Извини, но я не знаю, как сказать тебе это. Извини, но... в общем, любая другая вещь, из любой оперы, с любым выводом, но точно одно... То, что Симона должна сказать, она начнёт с извинения... И Роберто не может больше ждать. Он нагибается, помогая себе руками, и садится прямо, как следует прижавшись спиной к дивану.

— Что такое, Симона, почему ты выключила музыку? Тебе нужно что-то мне сказать?

— Прости меня... Прости меня.

Вот дьявол, думает Роберто. Это не извинение, это ещё хуже... Она просит прощения! Чёрт! Этой возможности я не предусмотрел. К такому я не подготовился. «Извини» против «прости меня» ничего не стоит. «Прости меня» – это всё. Чёрт, дерьмо, дерьмо. Что ты сделала, любовь моя? Ему страшно даже думать об этом. Ладно, ладно, давай успокоимся. Будем открытыми. Доверимся друг другу. Я читал о языке тела. Не скрещивать руки. Открытость. Щедрость. Поза слушателя. Что случилось, любимая? Понимание, понимание, понимание. И лицемерие, если это будет необходимо. И всё такое, чтобы вытянуть правду.

— Расскажи мне всё, дорогая, нет никаких проблем, серьёзно, считай, что я тебя уже простил.

Роберто заставляет себя улыбнуться. Симона распускает волосы и медленно движется к креслу напротив. Она садится, но медлит. Слишком.

— Нет, я попросила прощения, потому что ты расслаблялся под музыку, а я её выключила, даже не спросив тебя.

— Ничего страшного, — Роберто кладёт руки на колени. Снова эта улыбка... Открытость. Щедрость. Поза. Принятие. Спокойствие. Язык тела. — Скажи мне, что произошло?

— Ничего, — Симона улыбается и сводит руки, кладёт их на ноги, одну на другую. Похоже немного на молитву.

Роберто обеспокоенно смотрит на неё. Боже мой. Руки на ногах, закрытые, соединённые. О чём это говорит? Я не помню. Он суживает глаза, пытаюсь вспомнить ту страницу. Там и руки были. Но в каком положении? Ещё была фотография человека. Да. Боже мой. Святая Мария Горетти. Соединённые руки. Просит чего-то у высших сил. И это важнее всего для неё. Необычно. Иногда невозможно что-то сделать, поэтому кладут руки так, словно молятся, потому что только так святой может сказать «да». Внимание, ответ приближается. Роберто смотрит на неё и

улыбается, пытаясь быть таким святым, каким только может, таким, который безо всяких сомнений сможет понять её. Или, по крайней мере, таким, который попытается направить её своей улыбкой.

— Скажи мне, дорогая, в чём проблема?

— Ну, если бы проблема была, я бы всё равно не рассказала.

— Если ты мне расскажешь, — понимание, покой, открытость, спокойствие, — хоть что-нибудь, то я тоже смогу понять это и рассудить. — Он берёт книгу со стола, как учили в книге о языке тела, «изобразить незаинтересованность, занять себя чем-то другим, пока молящийся поймёт, что проще признаться». От слова «признание» у Роберто наступает момент слабости. Книга выскальзывает из его рук, едва не падает, но он успевает её поймать.

Симона смотрит на него. Сужает глаза, изучает его, стараясь понять, на какой фазе он находится. Он и вправду так расслаблен, как кажется? Или это просто поза?

— И? — Роберто поворачивается и снова улыбается ей.

Симона решает использовать последнюю карту.

— Нет, неважно, мы можем спокойно поговорить об этом завтра, — спокойно, во мне всё спокойствие мира. — Сейчас уже слишком поздно.

Она сказала это. И Симона отлично знает, что сейчас два варианта развития событий. Если Роберто просто притворялся, что расслаблен, он тут же внезапно начнёт кричать что-то вроде: «Эй, ты скажешь мне это прямо сейчас, ясно? Ты так долго готовилась, что выбесила меня!» и даже вещи похуже; или, если он на самом деле спокоен, он оставит это с обычным «Как хочешь», «Как пожелаешь» или, ещё лучше, «Что бы ты ни решила, пусть будет так».

Роберто – сплошная загадка. Нет, он расслаблен. Даже более того.

— Мне бы хотелось знать, потому что я думаю, что это может повлиять на нас обоих, на тебя в частности. Я вижу, как ты напряжена. Но если ты так хочешь, оставим это до завтра, пусть будет так.

Я вижу, как ты напряжена. Хорошо. Продемонстрировать озабоченность ею, какой бы ни была просьба, это следствие любви и важность того, что ты принадлежишь этому человеку. Этой главы не было в той книге. Роберто уже сам понял все правила. То есть Роберто сам может научить кого угодно.

Симона улыбается, разводит ноги, а затем кладёт одну на другую. Но не как Шэрон Стоун, нет. Скорее, как девочка. Она продолжает также улыбаться. Она сейчас даже спокойна, думает Роберто. Так-то лучше. Она потирает руки. Затем кладёт их себе на живот, спокойная и счастливая.

Отлично. Никаких проблем. Теперь Роберто на самом деле расслабляется. Симона смотрит на него и улыбается. Я могу рассказать.

— Я гуляла с Ники.

Роберто изображает спокойствие, чтобы она говорила дальше.

— Хорошо, на секунду я подумал, что... — но он замолкает от взгляда своей жены, которая в своих мыслях уже путешествует кто знает по каким пляжам, — думал, что Ники не было в Риме, это странно, почему бы ей не быть здесь?

Симона вновь расслабляется. Роберто пытается вернуть всё, как было. Он берёт книгу, но не открывает её из вежливости. Это чтобы привлечь внимание к другому человеку и к тому, что он хочет сказать. Страница 30. Он хочет дать ей понять: что бы она ни собиралась ему сказать, он внимательно её выслушает. Спокойно. Никакая новость не может сильно смутить его. Он улыбается ей.

— Мы повеселились... и поговорили.

— Ага, — Роберто продолжает играть книгой, но это ожидание убивает его. Ему бы хотелось бросить эту книгу или ещё лучше – взять книгу о языке тела, которая так утомила его всей этой психологической ерундой, и разорвать в клочья. Однако он себя контролирует, заставляет себя терпеть. Симона, видя его спокойствие, рассказывает ему больше.

— Мы поговорили о ней, о её романе.

— Ясно, — пока что всё нормально, думает Роберто. Но что тогда случилось? Что могло произойти? Есть ещё что-то? Спокойствие, спокойствие. Оно так необходимо... — Симона, ты ведь сама сказала. Ты знаешь, как я прореагировал на то, что ты подняла эту тему.

— И ты сделал это отлично.

— Хотя мне кажется абсурдным, что кто-то приходил в наш дом, что ты говорила с ним, и этот кто-то не был агентом по вкладам, которого мы ждали. Но прежде всего мне кажется абсурдным то, что сейчас мы все ведём себя так, словно ничего не произошло, и стараемся не касаться этого вопроса.

— Дорогой, семьи очень часто ведут себя так, уверена, что такое было в твоей семье, когда ты был маленьким, да и в моей тоже... Это принимается молча, все делают вид, что ничего не произошло, просто чтобы и дальше жить спокойно... Мы решили, что не должны беспокоить её, потому что иначе, зная, какая она упрямая, в ссоре она бы пошла против всех и вся, чтобы быть с этим парнем, который старше её на двадцать лет.

— Ты не представляешь, что со мной происходит, когда я слышу такое. Кажется, этой ночью я не смогу заснуть. Даже не напоминай мне об этом.

Но что же тогда случилось? Она переспала с другим? С тем, что был раньше? С этим горе-певцом?

— Роберто! Конечно же, нет.

Ага, и не это тоже.

— Она переспала с кем-то совсем другим? — Роберто смотрит на неё и разводит руками. — Да ладно, любимая, это нормально, такие вещи происходят в её возрасте, они расстаются, снова сходятся. Вспомни, что ты делала до встречи со мной.

— Да, я много развлекалась.

— Врёшь. Ты была скучной. А потом встретила меня и закрутила настоящую любовь. Ну же, поверь, наверняка Ники рано или поздно тоже встретит свою любовь. Возможно даже, что этот парень подходит ей. Вспомни, любимая, ей же всего семнадцать.

— Я это знаю.

— Тогда не забывай об этом.

— Нет, как и нет никакого шанса, что я забуду о том, что её новому парню почти тридцать семь. Ну, когда мы гуляли, она сказала мне, что встречается с парнем, который немного старше неё, но она, похоже, не знает, что я всё знаю, ей не хватило смелости сказать мне, что он старше на двадцать лет!

— Ну, это нормально... Ты её мать, и достаточно уже того, что она не стала отрицать всё.

— А, так ты её ещё и защищаешь. Ну, чтоб ты знал, хоть она и опустила тему разницы в возрасте, она сказала, что он – мужчина её жизни, что у него серьёзные намерения.

— Боже мой, она беременна.

— Нет... Она просто влюблена.

— Но однажды эти двадцать лет разницы дадут о себе знать, он или она всё поймут и это пройдёт.

— Ты циник... Но мне кажется, что у них всё гораздо серьезней, чем я думала.

— Почему?

— Мы ходили на шопинг, я сказала ей, что она может выбрать всё, что захочет, я была настолько открытой, насколько это вообще возможно, чтобы заставить её заговорить.

— И?

— Она не захотела ничего покупать.

— Боже мой... Значит, мы попали в хорошую переделку.

Пьетро и Сюзанна, Флавио и Кристина, Энрико и Камилла в последнем вагоне «Ориент Экспресса». Камилла улыбается, увидев издали, что пришёл Алессандро.

— Там Алекс... он уже пришёл!

— Где?

— Там, у входа.

Сюзанна чуть дольше всех смотрит на него.

— Что такое? Елена вернулась к нему?

— Ещё чего, — Камилла пихает её локтем. Та, что с ним рядом, — точно не Елена.

— А кто это?

Кристина делает глоток вина.

— Вы ослепли или что? Неужели вы не видите, что эта как минимум на двадцать лет младше Елены... и нас самих?

Энрико улыбается и съедает кусочек хлеба. Пьетро обеспокоенно сглатывает, боясь того, что может случиться. Алессандро и Ники подходят к столу.

— А, вот вы где, а мы вас не увидели. Это Ники.

— Очень приятно!

Ники протягивает руку сначала Камилле, а после Сюзанне и Кристине. Затем мужчинам.

— Это Энрико, Флавио...

Пьетро с каждым разом волнуется всё больше. Он пытается отвести взгляд.

— А я Пьетро, рад знакомству.

Ники делает вид, что ничего не происходит.

— Привет, взаимно, Ники!

Алессандро видит два свободных места.

— Сядем сюда?

— Конечно, — Алессандро садится рядом с Пьетро и уступает место во главе стола Ники.

— Я выйду на секунду в дамскую комнату, вымою руки. Извините меня.

Алессандро, который уже сел, вновь встаёт, затем улыбается уходящей Ники.

Кристина мгновение наблюдает за ней.

— Эта девушка — красавица, просто красавица, — переводит она взгляд на Алессандро.

— Спасибо.

— Как ты с ней познакомился?

— Это была дорожная авария.

— Серьёзно? — улыбается Камилла. — Какое странное совпадение. Мы с Энрико познакомились, когда у меня в скутере закончился бензин, и он любезно предложил свою помощь.

— Да, в то время вы оба были ещё в институте, — улыбается Кристина. — То есть, Ники в те времена могла только играть в свои машинки.

Алессандро открывает свою салфетку и улыбается.

— Нет, я бы скорее сказал, что в те времена она ещё была в сладких мечтах своих родителей.

— Что? — Камилла открывает рот. — Но мы с Энрико встретились двадцать лет назад...

— Именно, она родилась тремя годами позже.

Сюзанна быстро считает на пальцах.

— Ей семнадцать?

Вмешивается Пьетро.

— Вы видите? Моя жена умеет считать, но только если это не касается нашего дома.

Кристина немного напряжённо смотрит на Алессандро.

— Что же это значит? Что иногда ты встречаешься с ней и её подругами, и что, может, ты берёшь с собой своих друзей тоже, которые по совместительству ещё и наши мужья?

Алессандро старается не смотреть на Энрико и Пьетро.

— Нет, с чего ты взяла? Мы всегда с ней вдвоём. И я не знаю, как пойдёт дальше. Мне кажется, здесь не о чём волноваться.

Камилла смотрит на него расстроено.

— То есть ты говоришь, что уже знаешь, что это недолго продлится? Значит, ты просто придурок. Она кажется мне солнечной девушкой, открытой, наверняка она верит в вашу любовь. Ей будет больно.

— Нет, конечно, я хотел сказать, что нет причин волноваться о моих друзьях, которые по совместительству ещё и ваши мужья.

Алессандро чувствует вибрацию своего мобильного телефона в кармане. Он берёт его. Сообщение. Это Ники.

«И? Как там шквал вопросов? Ты ещё жив? Мне вернуться, или подождать тебя здесь и мы сбежим?»

Алессандро улыбается и отвечает так быстро, как может. «Твой маяк их затмил. Возвращайся, всё окей». Он убирает Мотороллу в карман.

— Ладно, послушайте. Итак, я не знаю, какие отношения у вас были с Эленой, но сейчас здесь Ники. Я хотел, чтобы вы с ней познакомились. Так как мы с вами друзья, то потом поговорим об этом. Мы всегда доверяли друг другу, так ведь?

Как раз в этот момент Ники показывается в глубине коридора. Кристина наклоняет голову вперёд, чтобы не видеть её.

— Вот она, уже идёт.

Сюзанна улыбается.

— Она мне понравилась. Но знаешь, о чём я подумала? Моей дочери тринадцать лет. И через четыре года она может привести в дом кого-то вроде тебя.

— И что?

— Ничего, как по мне, так это – идеальный ужин. По крайней мере, он психологически подготовит меня, если однажды мне придётся пойти на такой же к моей дочери и кому-то твоего возраста!

Все начинают смеяться в тот момент, когда Ники подходит к столу.

— Эй, что случилось? О чём вы говорили?

— О тебе, — говорит Алессандро. — Говорили о тебе только хорошее. Они решили, что если это производит такой эффект, то всем нужно возвращаться в школу!

Ники садится.

— Да, может, эффект и хорош, но вы не представляете, насколько жёсткий у нас преподаватель по физкультуре!

И все начинают смеяться. Алессандро опускает руку под стол и сжимает её ногу, чтобы придать ей уверенности. Ники смотрит на него и улыбается.

— Извините, господа, вы уже решили, что будете есть? — внезапно появляется официант, одетый в официальный костюм.

— Да, конечно... что такое «тоннарелли чуку-чуку»?

— Сейчас расскажу... — Официант рассказывает о разных блюдах. Затем кто-то просит минеральной воды.

— С газом или нет, неважно.

— Не могли бы вы принести также горячую лепёшку под закуски?

— И хороший шираз подо всё.

— А для меня только салат из зелени.

Ничего не поделать, всегда найдётся кто-нибудь на диете. Или, по крайней мере, кто прикидывается перед остальными. И ещё всегда есть тот, кому нравится пробовать необычные блюда.

— А что такое «сыры фантазия»?

— Местные сыры с разными сортами мёда, соответственно вкусам.

— Отлично, я хочу это.

Вечер проходит медленно, вкусно, остро. Первые блюда, за которыми следуют странные смеси рыбы и овощей.

— Эти брокколи с креветками очень вкусные. Кто-нибудь хочет попробовать?

К концу разница в возрасте стирается перед хорошим блюдом.

— Давайте выкурим по сигарете, пока ждём вторых блюд?

— Ладно, сначала выйдем мы, мужчины.

— Сволочи!

— Но из вас только две курят!

— Всё равно вы сволочи!

Пьетро, Энрико, Алессандро и Флавио собираются перед дверью ресторана. Кто-то садится на скамейку, другие прислоняются к стене.

— Есть сигаретка? — Пьетро спрашивает Флавио, который тут же предлагает ему одну. Пьетро её зажигает, делает затяжку и начинает говорить. — Как я испугался, когда увидел, что вы заходите. Я сказал себе, что если она со мной поздоровается, меня ждёт трёпка. И никто не объяснит Сюзанне, что мы познакомились случайно.

Энрико стряхивает пепел на землю.

— На самом деле, это было не совсем так.

— Я это знаю, но мне пришлось бы заставить её в это поверить.

Флавио становится любопытно.

— Почему? Как было на самом деле?

— Да ничего особенного, — вмешивается Алессандро, — однажды мы пообедали с Ники и её подругами.

Пьетро пихает Флавио.

— Да, в тот раз, когда мы тебя звали, но ты, как обычно, не пришёл!

— Слава богу, я не пошёл! Вы сумасшедшие. Алекс, ты меня поражаешь. Представь, что случайно вошли бы наши жёны, что они подумали бы? Ты понимаешь, что они перестали бы нам доверять? Они бы нас больше никуда не отпустили с тобой. И хоть ничего не случилось, я хочу сказать...

— Эй, — Алессандро качает головой вверх-вниз. — Пьетро чуть не уехал прогуляться на скутере с Олли, подругой Ники, и встретился с Сюзанной!

— Нет!

— Да!

— И что ты ей сказал?

— Ну, что эта девушка спросила у меня дорогу.

Флавио смотрит на всех троих.

— Послушайте, не втягивайте меня в ваши неприятности, — он выбрасывает сигарету и заходит.

Пьетро кричит ему в спину:

— О каких неприятностях ты говоришь? Это жизнь, Флавио, жизнь!

Но тот уже вошёл и не слышит его.

— Ого, вы поняли? Флавио нам уже не вернуть, ему сделали лоботомию. Иногда каждому нужен глоток свежего воздуха, хотя бы без жены, какого чёрта! Ладно, может, я преувеличиваю. Но только потому, что он преувеличивает ещё больше! — Пьетро смотрит на Энрико. — Блин, если бы у всех были отношения, как у вас с Камиллой! Вы счастливы в своей свободе, без ограничений и тотального контроля, так ведь?

Энрико улыбается. Алессандро хмурится, глядя на него.

— Ага... давайте зайдём! Мне бы не хотелось, чтобы Флавио, почувствовав свободу от нашего присутствия, наговорил лишнего.

Алессандро, Пьетро и Энрико заходят обратно, как раз когда выходят Камилла, Сюзанна, Кристина и Ники.

— Смена...

Они улыбаются друг другу, меняясь местами. Единственные, кто обменивается поцелуями на ходу, — Алессандро и Ники. Едва выйдя из ресторана, Сюзанна зажигает сигарету.

— Чёрт, мне бы хотелось быть комаром, чтобы быть здесь, снаружи, и услышать, о чём они говорили.

Кристина зажигает свою.

— Зачем? Ничего нового они не сказали. Наверняка Флавио отпустил какой-нибудь комментарий о симпатичной блондинке, сидящей за столиком в глубине зала, которая, кстати, полностью переделала себя с помощью пластики!

— Что за блондинка? — спрашивает Ники.

— Та, что сидела позади тебя, ты её наверное не видела. Я заметила, что и Пьетро время от времени поглядывал на неё.

Сюзанна делает короткий выдох, выпуская немного дыма.

— Что ты хочешь, чтобы я тебе сказала? Лоренцо, мой сын, светится, когда видит рекламу «Водафон». И когда я его спросила: «Почему тебе это так нравится?», он мне ответил: «Потому что у той девчонки такие сиськи!» — Сюзанна деает жест, словно она борется голыми руками с бурей. — Вы понимаете? Он пошёл в своего отца, одержим этим с рождения!

Они смеются, дурачатся и болтают. Ники слушает с любопытством, улыбается, кивает, пытается как-то участвовать. Но они говорят о детях, о домработницах, о покупках, о парикмахерах, о женщине, которая недавно развелась, и о той, что ждёт третьего ребёнка. А затем странная история о лучшей подруге последней, которая, узнав, тоже захотела ещё одного ребёнка. Первая ждёт ребёнка? Месяц спустя вторая забеременела. У первой уже двое детей? Два месяца спустя вторая ждёт второго ребёнка. И теперь... Она точно заставила мужа работать над третьим ребёнком. И так далее. Они смеются.

А Ники? Ники спрашивает себя, неужели то же самое случится с моей жизнью? Станет ли она дорогой, освещённой моим маяком? Мне только что пришло кое-что в голову. Кое-что офигенное. Мне бы даже хотелось прокричать это. Эй, девчонки, жёны друзей Алекса, вы уже узнали? В моду войдут longboard, длинные доски для сёрфинга и их безрассудный танец на волне! Но я представляю их лица от такой удивительной новости.

— А ты что думаешь, Ники?

— Ммм...

— О том, чтобы иметь четверых детей.

— Мне кажется, это хорошо, если ими занимаешься ты, а не ищешь какую-нибудь филиппинку. В таком случае, я не имею ничего против.

— А Алессандро ждёт будущего, заполненного молокоотсосами?

— Ну, в данный момент, единственное, о чём я постоянно себя спрашиваю, – хочет ли он будущего со мной.

Камилла улыбается.

— Она права. Лучше не давить.

Кристина спрашивает с неподдельным любопытством:

— А что говорят родители о том, что ты встречаешься с парнем... ну, старше тебя?

Ники смотрят на неё.

— Ох, они не говорят, даже и говорить не могут об этом. На самом деле, они только догадываются.

Кристина давит.

— Да, они разве ещё не знакомы?

Ники думает об этом. Вероятно, это неподходящий момент для рассказа о путанице с агентом по вкладам.

— Ну, моя мать говорила с ним, и, кажется, он ей понравился. Скажем так, Алекс произвёл на неё хорошее впечатление.

Камилла улыбается.

— Да, Алессандро – отличный парень. Такому любая мать будет

доверять.

Ники думает о путанице.

— Да, это правда. Я убеждена, что моя мать вложилась бы в такого, как он.

Кристина и Сюзанна любопытно переглядываются, не поняв этого выражения. Ники это замечает.

— В смысле, она бы рискнула, несмотря на разницу в возрасте, если бы от этого зависело счастье её дочери...

— А, понятно.

Затем все они решают вернуться в ресторан. Ужин продолжается спокойно и размеренно, его заполняют вина, вторые блюда и гарниры для всех, а также немного фруктов для некоторых.

— У Вас есть ананас? Тогда мне ананас, так хоть немного жира сожгу.

Сладости и десерты, небольшое исключение. А затем что-то большее, чем обычно.

— Мне кофе.

— Сколько кофе?

— Мне американо.

— А мне с холодным молоком.

— Мне без кофеина, проверьте, пожалуйста, иначе потом я не усну.

А затем обычная для ресторанов деталь. Вопрос перед тем, как оплатить счёт:

— Вам не хочется лимончелло, граппы, чего-нибудь покрепче?

Немного позже на улице – последние слова. Рукопожатия, поцелуи в щёки. Все рассаживаются по своим машинам с обещанием скорой встречи. И нового любопытного повода.

87

Комната цвета индиго. Она.

Вечер. Послезавтра – великий день. Как страшно. Наверное, лучше отправиться в кровать. Но как всегда закрытый ноутбук на столе словно притягивает её. Она всё ещё не открывала ту папку. Но название возбуждает в ней громадное любопытство. «Последний закат». Что же там? Девушка кликает по ней и открывает. Ещё больше документов Word. Больше слов.

«Эта ясная граница между шторами и морем. Море и земля . Зимняя земля , покрытая жёлтым . Море и эти жёлтые опавшие листья, которые отражают солнце. Море и земля, две далёкие близости, которые пытаются что-то сказать друг другу, но не умеют говорить».

...Не умеют говорить. Вот чёрт. Это красиво. Что-то вроде поэзии? Это отличается от того, что она читала до этого здесь, в этом ноутбуке, который кажется сундуком с сокровищами из истории о пиратах. Или лампой какого-нибудь Алладина, который развлекается, удивляя её каждую ночь перед сном. Она читает дальше.

*Если однажды ты решишь сдаться,
То вспомни всё то, чего не умеешь,
Возьми себя в руки и лишь постарайся,
Держись, и однажды в себя ты поверишь.
Если однажды любовь потерял,
Вспомни о том, что ты ей отдал,
Не стоит стараться вернуть это всё –
Однажды оно возвратится само.
Если однажды захочешь уйти,
Просто вспомни всё то, что ты любишь,
Возьми и наружу всё отпусти,
Однажды то, чего хочешь, заслужишь.*

Она останавливается. Влажная завеса вдруг застилает ей глаза. Что происходит? Почему эти слова проникают прямо в сердце и причиняют такую боль? Я и правда не знаю? – думает она, глядя прямо на монитор, словно это древний оракул, который только что дал ей ответ, который она так долго искала. Любовь прямо здесь, в этих нескольких строчках, такая любовь, какой она хотела, какой у неё уже нет. Или, может быть, никогда и не было. Потому что любовь – не простая привязанность, и не может быть такой. Она не должна быть по привычке или из вежливости. Любовь – это безумие, это сердце, бьющееся двести ударов в секунду, свет, прорезающий тёмную ночь, желание просыпаться по утрам только ради того, чтобы взглянуть в эти глаза. Любовь – это тот крик, который сейчас зовёт её и заставляет понять, что сейчас самое время всё изменить. Он. Она вспоминает моменты, проведённые в его компании, то, что он всегда говорил ей, его лицо. Но мы не умеем говорить. Мы не созданы друг для друга. По её щеке скатывается горячая слеза и падает на неё свободные голые ноги. Наверное, эта девушка, сидящая за своим столом одной из последних весенних ночей перед случайно найденным ноутбуком, которую освещает свет лампы из Икеи, всё ещё не знает, что такое любовь. Но сейчас она точно знает, что любовью не является.

«И падают листья, им так одиноко, и прямо в море падает снег. Эти двое так близко, что кажется – это конец».

Этого конца ей не хватает, да и всегда не хватало. Этот конец она

искала как ответы, которые у неё не было мужества дать даже самой себе. Наверное, этот конец пришёл. И появился перед её глазами, как титры фильма о заканчивающейся любви. Да, пришёл момент сказать это. Пришёл момент пойти и сказать ему, что это было прекрасно, что хотя актёры ушли со сцены, сценарий жизни всё ещё открыт и готов к новым спектаклям, что я желаю ему всего самого лучшего, и что мне очень жаль. Но пришёл конец. Она закрывает ноутбук. Она берёт свою сумку и убегает. Когда сердце настроено решительно, когда оно обретает смелость изменить свой путь, не нужно ждать.

88

Дверь машины вдруг открывается. Она буквально падает внутрь. Он смотрит на неё.

— Я думал, ты не придёшь.

— Я такая любопытная, ты ведь знаешь.

— Да, но утром в институте ты мне не сказала «да».

— А чего ты хотел, девчонки стояли на углу, я не хотела, чтобы они меня услышали.

— Правильно сделала. Ладно, поехали.

Они выезжают и тут же оказываются в ночной пробке. Из плеера звучит музыкальная подборка.

— Прямо сейчас ты слышишь самое лучшее, малышка. Bow Wow, Chris Brown, Jim Jones, Fat Joe...

— Только хип-хоп.

— Ну, конечно же. И этого ты ещё не слышала, это – классика, Sanguie Misto, Otiierre и Colle der Fomento.

Она слушает и говорит. Но говорит слишком много, как когда кто-то чувствует себя неловко. Она думает, что, наверное, совершила ошибку. Но ей любопытно, слишком любопытно. Уже несколько месяцев. Он парень сильный и красивый. И вообще, он сейчас свободен. Блин, я не делаю ничего плохого. Он свободен. К тому же, я просто собираюсь прокатиться. Просто прокатиться, это всё. Автомобиль быстро перемещается направо и налево, продвигаясь вперёд, как может. Светофоры, объезды, остановка.

— Мы приехали.

— Выходим?

— Конечно. Иначе для чего мы приехали? Так я дам тебе послушать...

Они выходят из машины и заходят в какую-то дверь. Лифт спускается на -1 этаж. Они пробегают длинный тёмный коридор, по всей протяжённости которого в ряд расположено множество железных дверей от

гаражей. Он останавливается у предпоследней.

— Это здесь.

Он вставляет ключ в замок и тянет за ручку. Дверь поддается. Автоматически зажигается свет. Этот гараж очень большой, он предназначен для двух машин, но сейчас нет ни одной. Он был полностью переделан в репетиционный зал. Здесь есть всё. Инструменты, микшеры, усилители, три микрофона.

— Здесь звукоизоляция. Снаружи и наверху ничего не слышно. Нет даже вибраций. Вместо того чтобы просто поставить резину и свинец, которые немного улучшают звук, я построил звукопоглощающие и звукоизоляционные стены, чтобы получить наиболее широкое звуковое поле, а затем расстелил ковры на полу. С этого всё началось, и здесь я развлекаюсь. И никто меня здесь не достаёт.

— Вот это технологии. Круто, это будущее! Можно я попробую микрофон?

— Нет, сначала ты должна попробовать меня, — он обнимает её сзади и поворачивает к себе. А потом долго целует в губы.

И она думает, что, наверное, это нехорошо, что она не должна быть здесь, что она ошиблась, сев в ту машину, что могла сопротивляться искушению, хоть раз в жизни не объясняя причин с красноречием Оскара Уайльда. Но его руки путают её мысли, по её телу бегают мурашки, они ищут её и находят. Губы следуют друг за другом всё дальше с каждым разом, дыхание становится прерывистым, ритм нарастает, как песня, которая крутится в голове уже долгое время, но у тебя нет мужества сыграть её.

— Ты фантастическая...

— Тсс. Молчи.

Они продолжают и повторяют на бис, как артисты на сцене, которые никогда не молятся, которые не выдерживают напора друг друга. Но только вот одна фальшивая нота всё же резонирует внутри неё, чувство вины, которое никакая стена не сможет поглотить, никакой свинец не сможет изолировать. Олли думает в течение мгновения. Только мгновение. А потом она отпускает себя, как мятежная волна, которая уносится неведомой силой. И закрывает глаза. Предпочитает не думать об этом. Потому что некоторое любопытство не убьёт никого, оно убьёт только сознание.

«...Мне хотелось бы магии, которая загорается по утрам и не гаснет к ночи. Кого-то, на кого я могла бы смотреть и говорить то, что пишу здесь». Стоп. Дилетта снова перечитывает текст, который хочет опубликовать в

своём блоге. Она заполняет его каждую ночь. Какая-то мысль. Фотография, где все Волны вместе. Текст какой-нибудь песни. Сцена из фильма. Цитата из книги, которая заслуживает того, чтобы её запомнили навсегда. И, самое главное, слова, которые она скажет ему. Готово. Опубликовано. Слова запечатлены в сети, готовые к тому, чтобы их прочитали, может быть, те самые глаза, которых Дилетта ждёт так давно. Кто знает. Дилетта выключает ноутбук и садится на кровать. Этот Филиппо интересный. Он всегда рядом с автоматом с едой. И в нём нет ничего плохого. У него отличная фигура. Думаю, он спортсмен. Вдруг она слышит сигнал сообщения. Дилетта поворачивается и берёт свой мобильный с прикроватного столика. «Увидимся в полночь в Аляске? Собрание Волн! Шевелись! И встань с этой кровати, хотя бы пока не начнёшь использовать её по назначению! Олли». Типичная Олли. Дилетта встаёт. Она решает немного пробежаться. Ищет по комнате спортивную обувь. Она обувается и выходит, как есть, без намёка на макияж, как обычно, со своими длинными распущенными навстречу ветру волосами, которые скоро мятежно полетят по римским дорогам. Этой ночью её ждёт много сюрпризов.

Немного позже Дилетта проезжает по пьяцца дель Пополо, поворачивает к Порта и подъезжает к пьяццале Фламинио. Затем она останавливается у входа в «Вилла Боргезе», которая освещается ночью. Как странно. Здесь словно днём проходят потоки людей, которые заходят или выходят после пробежки, они чего-то ждут, может, пиццы, которая делает напрасными все их спортивные усилия. Две девушки смеются, быстро проезжая на роликовых коньках, в то же время парень делает трюки на скейтборде, поднимаясь и опускаясь по тротуару. Дилетта уже готова уехать, когда видит его. В какой-то момент она его даже не узнала. Но, чем ближе он подходит, тем лучше она различает его черты. И она вдруг чувствует себя счастливой безо всяких видимых причин.

— Привет, лицо злаковых батончиков! — кричит она ему из своей малолитражки.

Филиппо оборачивается и останавливается, опираясь обеими руками на слегка согнутые колени. Он глубоко дышит, но не кажется запыхавшимся. Дилетта подъезжает к нему.

— Ты кто?

— Как это – кто я? — Дилетта ещё немного опускает стекло. Филиппо немного краснеет, но стыд пока не успевает добраться до его щёк.

— Дилетта!

— Собственной персоной и без батончика. Что ты делаешь? Какой

глупый вопрос. Ты бегаешь.

— Да, точно. Я пришёл сюда, потому что здесь и ночью открыто. Это здорово. Дело в том, что, знаешь, я играю в баскетбол, и здесь я тренируюсь.

— Да ладно! А я играю в волейбол! Так что мы оба можем задать этим мячам! — довольная, она смеётся, поправляя волосы руками.

— Да! Но нужно быть осторожнее, чтобы мячом ничего не разбить! — и они враз начинают смеяться. И приближаются друг к другу ещё на шаг. Хотя и не знают об этом.

— Слушай, раз ты тоже спортсменка, ты бы не хотела побегать со мной в это воскресенье? Мы могли бы прийти утром, тогда бывает очень хорошо, и воздух свежее, — осмеливается предложить он, прилагая усилия, чтобы сохранить нейтральный тон, не зная, получилось у него или нет.

Дилета смотрит на него и немного усмехается.

— Ну не знаю, не думаю.

Филиппо резко теряет контроль над собой, и его голос звучит разочарованно.

— Ты бы хотела побегать вечером? Ну, тоже неплохо. Да и вообще, я просто так сказал.

— Нет, я говорила, что не думаю, что воздух будет таким свежим. Не заметил, что становится всё жарче? Пойдём, когда ты обычно бегаешь, или позже... в пять утра. Но мои родители этого не поймут.

Его щёки уже выдали его смущение, а теперь краснеют ещё и его уши.

— Да, и правда сложно поверить. Лучше в семь вечера.

Дилетта снова заводится.

— Тогда до воскресенья. Встретимся здесь?

Дилетта жмёт на газ и чуть-чуть сдаёт назад. Затем она оборачивается и смотрит на него.

— Окей! И принеси парочку злаковых батончиков, чтобы перекусить после тренировки! — и быстро уезжает.

Филиппо смотрит, как она исчезает из вида. Как в институте. Кровь понемногу сходит его лица. Воскресенье. Мы с ней. Здесь, в парке. Но он пока не знает, что перед этими воротами никто не будет его ждать.

89

Ночь. Дорожное движение свободное, медленное, ведущее Бог знает куда. К новым историям, к скрытому одиночеству в толпе, к беспокойному и сумасшедшему желанию снова увидеть кого-то, кто, возможно, до сих пор любит тебя.

Ночь. Ночь на передних сиденьях. Флавио медленно ведёт машину. Кристина смотрит на него.

— Ты уже был знаком с новой девушкой Алекса?

— Нет, я знал только, что он встречается с кем-то.

— И знал, что она такая... малышка?

— Нет, этого не знал.

Тишина.

— Правда, не понимаю, что может найти в такой девушке кто-то вроде него. Их ведь разделяют двадцать лет.

Флавио спокойно следит за дорогой. Потом он решается заговорить.

— Я не знаю её и не могу судить, но мне она показалась милой.

— Ты тоже таким был в двадцать лет. Ты был весёлым, беззаботным, забавным.

Флавио с мгновение смотрит на неё, а затем снова переключает всё внимание на дорогу.

— В двадцать лет куда проще найти повод для радости. Ты думаешь, что в твоём распоряжении всё время мира и ты сможешь изменить свою жизнь тысячу раз. А потом ты становишься старше и понимаешь, что это и есть твоя жизнь...

Кристина поворачивается к нему. Рассматривает его.

— Что ты хочешь мне сказать? Что ты несчастлив, будучи тем, кто ты есть, или живя так, как живёшь?

— Я счастлив. Но если ты несчастлива, то я тоже не могу. Я думал, что наша жизнь зависит от счастья нас обоих.

Кристина хранит молчание.

— Ладно, ты ведь знаешь, какой я была, я просто не понимаю, чего ты ожидал. Думал, что я наверняка уйду?

— Нет.

— А что тогда?

— Я думал, ты станешь счастливой. Ты хотела выйти замуж, завести ребёнка... И у тебя всё это получилось. Чего ещё тебе не хватает?

Кристина пару секунд молчит. А потом отвечает.

— Знаешь, что на самом деле меня беспокоит?

— Многие вещи.

Кристина смотрит на него, смотрит на него очень жёстко. Флавио понимает это и старается обернуть всё в шутку.

— Да ладно, я пошутил...

— Алекс должен был прийти на ужин с этой девчонкой, чтобы мы поняли, в какой момент между нами всё закончилось.

Ночь. Ночь, которая движется. Ночь, которая бежит. Ночь звёзд, спрятавшихся в тишине.

Энрико спокойно ведёт машину. Камилла смотрит на него и улыбается.

— Слушай, она мне нравится больше, чем Элена. Она довольно взрослая, спокойная, приятная, вежливая. Конечно, иногда, когда она говорит, то кажется таким ребёнком, но ведь это вполне нормально. Я думаю, она превратится со временем в прекрасную женщину. А тебе она нравится?

Энрико улыбается и кладёт руку на её колено.

— Не так, как мне нравилась ты в семнадцать лет. И не так, как нравишься сейчас...

— Ну же, скажи правду. Ты на три года старше Алекса. Ты бы хотел иметь рядом с собой такую молодую девушку?

— Она девушка красивая, с ней весело. Но это может кончиться тем, что они поймут, какие разные у них взгляды. Я только надеюсь, что ей не надоест Алекс.

— Или она Алексу...

— Он кажется мне таким спокойным.

— Да, это очень заметно, но не похоже, что она его правда волнует... Я хочу сказать, он, наверное, всё ещё думает об Элене.

— Нет, я так не думаю. Дело в том, что в таких парах мужчина осторожничает, это же естественно. Ты понимаешь? Он испугается проблем. И того, что ей не хватит терпения. То есть, она выходит из института, и после учёбы у неё весь вечер и вся ночь свободные... в то время как у него эти графики, работа, совещания, дела.

— И это всё важнее любви? — смотрит на него Камилла.

Он улыбается ей. Берёт её ладонь, подносит к губам и целует.

— Нет, на самом деле нет ничего важнее любви.

Облачная ночь. Ветреная ночь. Нежная ночь. Тёплая ночь. Ночь весело танцующих листьев. Иная ночь. Лунная ночь.

Сюзанна, не отрываясь, смотрит на него.

— Ты всё ещё мне не ответил.

— Я тебе уже сказал, я никогда её не видел, и она мне всё равно не нравится.

— Да, я это уже слышала, но в тот день, когда я встретила тебя у дверей ресторана, ты сказал, что был с Алексом, потому что он был немного подавлен.

— И это правда!

— Но они уже больше месяца вместе.

— Откуда я знаю, кажется, ты больше моего осведомлена. В тот день ему было плохо. Спроси его самого.

— Я спросила у неё. И она сказала, что у них всё хорошо, любовь и всё такое.

— Ну ладно, что ты хочешь от меня услышать?

— Итак, посмотрим, в тот день вы ходили обедать в «Panda».

— И что? Там были мы с Энрико и Алексом.

— Вы трое и больше никого?

— Да.

— И вы потратили все эти деньги? Я видела выписку...

— Мы взяли две бутылки шампанского, чтобы отметить с Алексом... Дорогая, я работаю в его офисе юристом и даже не сделал ему подарок...

Пьетро пытается обнять её, но Сюзанна отстраняется.

— Я думаю, вы были там с Ники и её подругами, естественно, они примерно одного возраста с ней... И что вы уговорили Алекса. И не только это, Алекс не сказал Ники, потому что тогда она бы их не привела, если только из солидарности. Ясно, что она не разрушительница семей.

— Да, сплошная психология. Почему ты не ищешь работу в специальном подразделении полиции? Даже в обычном обеде ты выискиваешь лихо закрученные и сомнительные планы.

— Всё равно рано или поздно я что-нибудь выясню, я в этом уверена.

Пьетро снова пробует обнять её.

— Да, но пока ты что-то там выясняешь... ты не могла бы быть поласковее?

Пьетро пытается поцеловать её. А она изображает холодность, но в итоге позволяет ему сделать это.

Ночь. Ночь гудков, телефонных звонков, ревности. Ночь борьбы сердца и фантазии. Ночь тайных встреч.

— Ты готов? Сейчас я расскажу тебе, как всё, по-моему, прошло.

Алессандро, развеселившись, смотрит на Ники.

— Давай, рассказывай, умираю от любопытства.

— Жене Энрико, Камилле, я вроде бы понравилась. Она приятная женщина, я заметила, что она смеялась над моими историями. Она держалась со мной даже как подруга. Мне она понравилась. А вот Сюзанна наоборот... жену Пьетро зовут Сюзанна?

— Да.

— Так вот, думаю, я могла бы ей понравиться, но она не очень-то доверчивая. То есть, не то, чтобы она не доверяет мне, просто она боится, потому что знает, что Пьетро очень хитрый, даже слишком, он способен на измену... и я — это очередной повод для риска. А вот Кристина totally против. Полный аут. Она абсолютно меня не принимает... Я отлично это видела, особенно, когда мы выходили покурить. Она не переставала тщательно рассматривать меня. Как я одета, что я говорила, соглашалась я или нет, она изучала меня. В общем, я ей не нравлюсь.

— И почему, как ты думаешь?

— У меня нет даже самого отдалённого предположения. Но думаю, что мы воспринимаем окружающих согласно своему уровню счастья... Подумай хорошенько. Когда мы чувствуем себя счастливыми, все вокруг кажутся нам лучше, в такие моменты мы не считаем различия недостатками.

Алессандро смотрит на неё и хмурится.

— Ты начинаешь меня пугать. Кто ты такая на самом деле?

— Перестань! Девчонка, которой нужно сдавать экзамены. Эта фраза принадлежит Ньютону. Мы карлики на плечах гигантов, да ладно, эта история ещё как-то связана с Платоном.

— Да, это кажется важным, и ты не должна бывать об этом. Ты не знаешь? Запоминаются не большие системы. Запоминаются мелкие индивидуумы.

Мобильный Ники начинает звонить. Она достаёт его из сумки.

— Это Олли! — она отвечает. — Да? Не говори, что ты снова во что-то вляпалась, как обычно, ладно? Ты ведь не собираешься переночевать у меня?

Тишина. И вдруг рыдания.

— Ники, беги сюда скорее. Дилетта.

— Дилетта что?

— Она попала в аварию.

90

Алессандро на всей скорости прорезает ночь. Рядом с ним Ники. И тысячи звонков, тысячи вопросов по телефону, тысячи предположений, тысячи почему. Безднадёжные попытки что-то понять. Это невозможно. Больница Святого Петра. Алессандро проезжает барьер и паркуется. Ники быстро выходит и заходит в отделение «скорой помощи». Бежит по коридору, пока не замечает Олли и Эрику. Они подходят друг к другу и обнимаются.

— Я так ничего и не поняла. Что случилось? Как она?

— Какой-то тип ехал со скоростью две тысячи километров в час на своём Порше на корсо Франча. Она поворачивала на светофоре, ехала на Паинс, и тут этот урод врезался прямо в неё. Её машинка развернулась, она была просто пробита, а остановилась она уже рядом с другим светофором. Машина всмятку. Ничего не осталось. Кроме неё самой. Вся помятая.

— Да, но как она? Это серьёзно?

— Нога и рука разбиты. К тому же, она ударилась головой. В этом и проблема. Они делают тесты на повреждение мозга. Её уже прооперировали... Посмотри.

Волны подходят к стеклу. В холодной стерильной комнате, покрашенной в светло-голубой, Дилетта полностью перевязана, она лежит неподвижная на маленькой койке, которая кажется слишком узкой для того, чтобы на ней хоть кто-то уместился. Различные проводки пересекаются и теряются в её руках. Успокоительное, витамины и прочие лекарства для контроля её состояния. Неподалёку родители Дилетты в тишине смотрят на неё, неспособные двигаться или говорить, почти шокированные, они не смеют даже дышать. Но они замечают приход Ники. Приветствие, простой жест рукой. Конечно, никакой улыбки.

— А что врачи говорят? — шёпотом спрашивает Ники Эрику.

— Ничего, они не хотят делать поспешных прогнозов. Сказали, что будет тяжело.

— Что тяжело?

— Вернуть её к прежнему состоянию. То есть, например, снова научить её говорить.

Ники чувствует, как потрясение, ураган, прилив огромной боли накрывает её, она едва не падает, чувствует, как перехватывает у неё дыхание, как в этой боли внутри неё тонет её желание радоваться. Быть счастливой. Внезапная вспышка гнева, ступор, неверие. Она чувствует себя преданной жизнью. Это невозможно. Только не Дилетта. Дилетта. Она такая сильная. У неё никогда не было парня. И волна всё растёт, всё больше с каждым разом. Она почти накрывает её, её дыхание прерывается. Потому что это словно произошло с ней, или ещё хуже. Она не смогла бы сказать этого. Но она здесь, смотрит на подругу и не может ничего сделать. Это невозможно. Она не может больше, не хочет думать. Разбитые Волны. Её Волны. Тогда Ники подходит к Алессандро, который стоит немного поодаль. Из-за страха попасть под горячую руку, сказать что-нибудь не то. Потому что так он чувствует себя перед трагедией окружающих его людей. Он тоже переживает за Дилетту. Она для него — одна из тех людей, которых

толком не знаешь, с которыми нечасто видишься, но которая существует рядом каждый день, о ней тебе постоянно рассказывает любимая девушка, и ты сам знаешь, что она заставляет её улыбаться. Такие люди со временем становятся словно твоими близкими. И, в конце концов, ты тоже начинаешь считать их друзьями. Ники подходит к нему и сильно сжимает манжеты его пиджака, практически рвёт их, цепляется за ткань в отчаянии, словно это — единственный спасательный круг в открытом море абсурдной боли. Затем она прислоняется к его груди и тихо плачет, словно пытаюсь утопить свою боль в его пиджаке. Из уважения, от страха, чтобы не показывать свою слабость безутешным родителям Дилетты. Алессандро не знает, что делать. Он медленно обнимает её своими сильными руками.

— Тсс... Тише, Ники... Тсс... — Достаточно этого и его объятия, чтобы она почувствовала себя немного спокойней. Глубокий, медленный вздох. Ещё. И ещё. И слёзы высыхают. Понемногу. Немного спокойствия в этом пиджаке. Он как безопасный остров. Маленькая бухта. Гавань, где можно переждать бурю. И затем воздух. Она глубоко дышит. Ники снова хватается за руки Алессандро. Она приходит в себя, восстанавливает спокойствие. Вытирает нос длинными рукавами блузки. Немного поправляет волосы обеими руками, заправляя их за уши. Волосы, немного влажные, повинуются. Она покорно возвращается на своё место и тихо позволяет своему лицу вновь светиться.

— Я в порядке, — она пытается убедить в этом саму себя. Она посылает слабую улыбку Алессандро. — Поехали домой. Я вернусь сюда завтра, — едва ли не лучше, чем в знаменитом фильме.

И они просто уезжают в тишине ночи, полной ожидания, страха, бессилия, надежды, молитв и уверенности в завтрашнем дне. Это всё ясно, но завтра может наступить не для всех. Какова жизнь? Как же странно, когда мы не разбиты, когда мы не торопимся, когда умеем останавливаться. И улыбаться. И понимать. И закрывать глаза. И даже замечать секунды, что пробегают у нас перед глазами. И в глубине души знать, как мы все живём. И наслаждаться улыбкой, волнением, надеждой, желанием, ясностью, любым сомнением. Именно наслаждаться этим. Наслаждаться этим сознательно. Об этом думает Ники, садясь в Мерседес ML. Об этом и ни о чём больше. У неё нет сил представлять, что она может потерять одну из Волн.

9 1

В последующие дни Волны организованы. Они собираются вместе, чтобы поехать в больницу. Иногда они привозят мороженое или что-нибудь

ещё для родителей Дилетты. Газету, журнал, какую-нибудь сладость из пекарни «Монди» или «Эуклиде». Так они приезжают и уезжают временами, Волны моря, которое рано или поздно успокоится. Главное верить в это. Одна за другой, бесконечный прилив. Улыбчивые Волны, весёлые, но не слишком. Оптимистичные. Притворяются, будто у них нет никаких сомнений. Убеждённые. Всё будет в порядке. И каждый раз отрицающие, может, перед самими собой, что это может быть не так. Неутомимые. История дружбы, которая не знает конца. Они проходят эту проверку на прочность с улыбкой. Ники. Олли. Эрика. Через пару-тройку дней они снова начинают готовиться к экзаменам.

— От этого не сбежать.

— Конечно, нет.

— Дилетта, тебе всё равно придётся сдавать экзамены! — они смеются с надеждой, пытаясь проклясть эту аварию. За этим стеклом воспоминания о Дилетте. Смешной анекдот. Её огромная способность поддерживать в любой момент. Её мощная, суперсильная, здоровая красота. Её экстраординарная игра в волейбол. И парень, которого у неё никогда не было.

— Знаешь, кто за ней ухаживал в последнее время?

— Нет.

— Филиппо из пятого «А».

— Да ладно, ты шутишь! Он лакомый кусочек! А она?

— Она ничего, словно его не существует.

— Поверить не могу, она просто сумасшедшая! — Олли трясёт головой. — Блин, я...

— Олли, здесь её родители. И к тому же, твой авторитет в этом сомнителен.

— Я знаю, но всё равно, вы ведь тоже легли бы с ним.

— Да, но не так быстро, как ты.

— Потому что я более откровенная и менее придирчивая. — Смех, шутки и сплетни, словно Дилетта с ними рядом, они пытаются провести эти часы так, словно не было никакой аварии.

Когда происходит такое, дома тоже всё кажется другим. Это как стекло, которое раньше было тусклым, вдруг позволяет тебе лучше разглядеть жизнь.

Ночь аварии. Бум. Ники. Звонкая пощёчина прямо в лицо.

— Ай, мама! Ты с ума сошла?

— Я? А тебе кажется, ты вернулась домой вовремя?

— Дилетта в больнице, она в коме!

— Да, конечно. Уверена, ты только что это придумала. Ники, тебе совсем не стыдно?

— Мама, но это правда, она попала в ужасную аварию.

— Хватит! Ты прямо сейчас отправляешься в свою комнату!

И несколько дней спустя, когда Симона узнает, что сказанное её дочерью – это правда, именно ей становится до смерти стыдно.

— Мне жаль, милая моя, я подумала, что ты врёшь.

— Ты думаешь, что я способна придумать что-то вот такое? За кого ты меня принимаешь, мама?

— И как она сейчас?

— В данный момент никак. По крайней мере, никаких ухудшений. И лучше ей, конечно, тоже не стало. Мне очень плохо.

— Мне так жаль...

Симона обнимает Ники, и та начинает плакать у неё на плече. Она отпускает все свои эмоции, так, словно она снова стала маленькой девочкой, ещё большей дочерью, чем раньше, маленькой, как никогда. А Симона обнимает её и хочет заставить улыбнуться. Как всегда. Больше, чем всегда. Игрушкой. Конфетой. Куклой. Платьем. Одним из тех её таких маленьких пожеланий, которые она всегда умела удовлетворить. Но не сейчас. Сейчас она не может. Сейчас ей не остаётся ничего, кроме как молиться. Ради дочери. Ради её подруги. Ради жизни, которая иногда поворачивается спиной и совершенно игнорирует твои желания. И дни тянутся медленно и мучительно. Один за другим, без малейшего лучика солнца в этом маленьком туннеле. Тёмные и молчаливые дома. Вставать с постели. Ждать и надеяться. Возвращаться в кровать. И снова вставать. Ждать. Идти спать. И любой звонок любого телефона – это всегда волнение, замирание сердца, надежда, мечта, желание... И наоборот – ничего. Ничего. Иди дальше в молчании.

92

Тем же вечером.

— Sapere aude! — Ники сидит рядом с её кроватью. Она вслух читает главу по философии. Кант. — Дерзай знать. Поняла, Дилетта?

Ники кладёт книгу на ноги. Она с отчаянием разглядывает её спокойное, расслабленное лицо, ей кажется, что она не может слышать её. Но это её последняя надежда. Поддерживать живым её внимание. Вдох. Ники собирает все силы.

— Ладно, бесполезно делать вид, что ты такая глупая. Ты тоже должна

повторить Канта. Ты ведь не думаешь, что освободишься от экзаменов? Извини, но мы уже решили, что все вместе пойдём в университет. А Волны никогда не нарушают своих обещаний! — Ники читает дальше. — Посмотрим, это уже посложнее. И именно поэтому мне нужно, чтобы ты немного сосредоточила внимание. Поговорим о гносеологии Канта...

— Гносеологии.

Внезапный голос. Хриплый. Тихий. Слабый. Но её голос.

— Дилетта!

Дилетта поворачивается к Ники и улыбается ей.

— Это произносится через «е». Ты всё время путаешь.

Ники не может в это поверить. Она начинает плакать крупными слезами. Плачет и смеётся одновременно.

— Гносеология, гносеология, я могу повторить это тысячу раз, чёрт, через «е», через «е». Это самое прекрасное слово в мире!

Она встаёт и неловко обнимает её, пытаясь не трясти её, но у неё не получается сдержаться. Она утыкается лицом в её шею и плачет, как малышка, какой она была, какой она и сейчас является, какой она обожает быть.

— Говорят, философия дарит мечты!

Эта маленькая девочка вознаграждена. Она давала обещания день за днём и только что получила самый прекрасный подарок в мире. Ответ на свои молитвы. Её подруга вернулась. И один за другим входят Олли, Эрика и родители, а ещё какая-то кузина, имени которой они никогда не помнили, и наконец старшая медсестра.

— Разойдитесь, вон отсюда, дайте ей вздохнуть, здесь слишком много народу, выйдите!

— Что за манеры!

Не говоря о манерах её самой, Олли.

— Это наша подруга, чёрт побери!

Все смеются, даже родители, счастливые, что настал день, когда им не нужно больше ни с кем бороться. Светящиеся, Олли, Ники и Эрика выходят из палаты. Они словно безумные.

— Этим вечером все идём в «Аляску», да о чём я, я пойду к фонтану ди Треви. Вы со мной?

— Олли, так делают все!

— Но мы наверняка встретим какого-нибудь красавчика, вроде этого... Марчелле... Марчелло... Come here!

— Мы уже знаем, зачем тебе это. У тебя идея фикс!

Они смеются. Затем обнимаются все вместе, вкруг, как команда регби,

посреди коридора. Наклоняются друг к другу головами.

— Ради Дилетты.

— Гип-гип-ура! — и они высоко подпрыгивают, все враз, смеясь, не обращая внимания на медсестёр, которые кричат им «Тишина!», которые не могут также крикнуть, хотя, вероятно, им тоже хотелось бы так.

На улице перед больницей. Ники надевает шлем.

— Девочки, сегодня вечером я буду дома, надо позаниматься. Эх, немножко осталось.

— Мы столько времени потеряли.

— Потеряли ради чего! Мы выиграли. Ведь это мы заставили вернуться её! Ну, и немного помогли эти чёртовы врачи...

Как раз в этот момент выходит один из них.

— Эй, не тот ли это, который говорил, что Дилетта не сможет больше нормально говорить?

— Да, кажется, он самый.

— Это он!

Олли поднимает сиденье скутера и что-то достаёт. Затем закрывает его и подходит к врачу.

— Эй, что ты собралась сделать? Олли!

— Эй, доктор.

Услышав, что его зовут, врач оборачивается.

— Да?

Олли прицеливается ему в лицо водяным пистолетом.

— Соси это, неудачник, урод!

Врач, абсолютно мокрый, вытирает глаза лапами своего белого халата, пока девчонки быстро выезжают с территории больницы верхом на скутерах.

Ники приближается к Олли.

— Круто, ты всего его облила! Цель повержена!

Эрика появляется сзади.

— А нафига ты возишь это с собой?

— Он у меня со stodневной битвы.

— Ага, всю жизнь с ним! И ты его ещё не опустошила?

— Пару дней назад заправила. Мне помог Джанкарло, который живёт в моём доме.

— Как он тебе помог?

— Каждое утро я заставляла его писать в пистолет!

— Заткнись, Олли! Фууу!

— С тех пор, как врач сказал ту фразу, я ждала этого момента. Мне бы

хотелось увидеть, будет ли он и дальше говорить подобную дрянь!

Они уезжают, хохоча во всё горло, мятежные Волны, юные Робины Гуды в чувствах, Доны Кихоты в мини-юбках, которые в первый раз, пусть всего лишь с водяным пистолетом, заставили задуматься это тупое трепло.

93

— Мама, мама, ты не поверишь! — Ники заходит домой, крича как сумасшедшая. — Мама! Я читала Дилетте Канта, и она очнулась! Она пришла в себя, представляешь?

Симона встаёт из-за стола, где помогает Маттео с уроками. Подходит к ней. Смотрит на неё. Обнимает. Прижимает к себе. Поднимает глаза к небу, а затем закрывает их, дыша одной этой фразой.

— Спасибо, Господи.

Потом она снова отпускает её.

— Ники, я так рада. Слушай, зайдём на секунду в твою комнату. Маттео, а ты продолжай делать упражнения. Если не сделаешь, я не повезу тебя на поле играть в футбол.

— Но, мама...

— Сиди тихо, ты ничего не знаешь. Ты станешь отличным футболистом, но если ты не учишься – ты не играешь, ясно? Как раз обратное тому, что делают они.

Маттео вздыхает.

— Как же скучно... — он быстро листает книгу, пытаясь что-нибудь понять.

Симона открывает дверь комнаты Ники и, как только входит, закрывает её за собой.

— Итак, Ники, я очень счастлива за твою подругу. Ты не представляешь насколько.

— Знаю, мама, я тоже.

— Представляю себе. Слушай, я не хотела доставать тебя до этого дня, потому что, в свете происшедшего, обыденные вещи стали неуместными... Незначительными.

Ники сужает глаза.

— Конечно, мама, так и есть. Но успокойся, всё это время я занималась учёбой.

Симона поправляет волосы.

— Честно говоря, я не об этом хотела поговорить. Учёба меня не слишком волнует.

— А что тогда, мама?

— Ники, скажи мне правду. У тебя есть парень?

Ники на мгновение теряется.

— Ну... да, я ведь тебе уже говорила, что кое с кем встречаюсь.

— Да, встречаешься... Никогда толком не знаешь, что значит это «встречаться», но мне кажется, что это слишком широкое определение.

— В любом случае, я не хочу говорить об этом сейчас, мама.

Симона замолкает на мгновение. Ники смотрит на неё и старается построить наиболее вежливый вопрос, какой только можно.

— Мы закончили? Я могу идти?

— Нет. Ты ведь помнишь, что мы с тобой договорились всё друг другу рассказывать, правда?

Ники молча замирает на секунду.

— Да, я знаю, что мы договорились. И я постоянно всё тебе рассказывала.

Ники старается не думать об этих пятнадцати или шестнадцати вещах, о которых, по какой-то странной причине, она забыла рассказать матери.

— Мне бы хотелось кое-что узнать. Ты сказала, что парень, с которым ты встречаешься, немного старше тебя.

Ники смотрит на неё и изображает слабую улыбочку. Ничего не поделаешь, от матерей ничего не скроется. Даже если они притворяются, что ничего не знают.

— Да, немного...

— Насколько немного?

— Ты правда хочешь знать?

— Ну, конечно. Поэтому я тебя и спрашиваю.

Ники обдумывает это с момент. И решает рискнуть.

— Ладно, скоро ему исполнится тридцать семь.

Бум.

Симона не ждёт ни секунды. Она от всей души бьёт дочь по лицу ладонью.

— А-а-ай! — Ники замирает без дыхания и без слов. Вдруг ей захотелось смеяться. Но у неё горит щека. — А-а-ай... — Она обдумывает это как следует. Массирует своё лицо и растерянно смотрит на свою руку, словно думает найти какой-то знак на ней. — Мне же больно!

— Конечно! Ты думала, я тебя за это по головке поглажу?

— Но, мама, ты же сказала, что мы можем всё рассказывать друг другу...

— Да, но не всё-всё! Скажи мне, я прошу тебя. Скажи, что я теперь должна сказать твоему отцу?

— Ну, так ничего ему не рассказывай!

— Конечно, потому что, по-твоему, он ничего не понял, когда твой парень прикинулся агентом по вкладам. На что он рассчитывал? Что ему было здесь нужно?

— Ничего, он просто хотел познакомиться с вами.

Симона смотрит на Ники, широко раскрыв глаза.

— Чтобы сказать мне что, Ники, а? Чтобы что сделать? Я должна знать ещё что-то?

— Конечно, нет. Ты не станешь бабушкой, не сейчас, — Ники обдумывает эту мысль один момент. — Ну, я так думаю!

Симона поднимает руки к голове.

— Ники!

— Я пошутила, мама. Хватит, ничего страшного не происходит. Никакой опасности.

— Что ты хочешь этим сказать? — Симона смотрит на неё, она уже немного успокоилась. Только немного.

— Слушай, мама, я не хочу сейчас говорить. Он приходил, просто чтобы представиться, чтобы немного вас успокоить.

— Ну да! После такой новости мы бы успокоились, если бы вы больше не виделись... Тридцать семь лет. Боже, тридцать семь...

— Скоро будет.

— Конечно... Отлично, не забудь напомнить мне, чтобы я поздравила фальшивого агента по вкладам, — Симона выходит из комнаты, хлопнув дверью.

Ники идёт к зеркалу. Смотрит на своё лицо. Щека красная. Она улыбается. Ладно, что бы ни случилось, главное, я всё рассказала. Теперь она знает. Тогда она достаёт Нокию из кармана и быстро набирает сообщение.

«Любимый, я так счастлива. Моя подруга в порядке, она очнулась! Потом я поговорила с матерью. Рассказала ей! Шлю тебе особенный поцелуй!»

Мобильник Алессандро издаёт звук. Он в своём офисе в отчаянных поисках идеи для японцев. Читает сообщение. И тут же отвечает.

«Отлично! И я счастлив. А что ты рассказала маме? Что твоя подруга в порядке?»

Отправляет.

Ники улыбается и отвечает с невероятной скоростью.

«Нет... Что мы с тобой в порядке!»

Алессандро читает это. И тут же впадает в панику.

« Ты рассказала ей о нашей, так сказать, небольшой... "разнице"?»

«Да»

«И что она тебе сказала?»

«Ничего. Она позволила пощёчине говорить за себя. А, нет. Погоди-ка... Ещё она сказала, что поздравит тебя с днём рождения!»

94

Несколько дней спустя. Дилетте становится всё лучше.

— Ты это осознаёшь? — Олли меряет шагами небольшую больничную палату, как сумасшедшая. Дилетта весело смотрит на неё. — Нет. Думаю, ты не понимаешь... А вы? Ну же, хоть вы-то понимаете или нет? Она же с ума сошла!

Ники сидит на стуле, опираясь грудью на спинку. Эрика прислонилась к стене.

— Чего мы не понимаем?

— Скажи, и мы покончим с этим.

Олли резко останавливается.

— Вы всерьёз не понимаете, о чём я говорю? Она едва не исчезла с лица земли, просто – паффф... — Олли щёлкает пальцами, — по вине какого-то урода, гнавшего на полной скорости. И не попробовала самую прекрасную вещь в мире. Лучше, чем пицца из «Джанфорнайо». Лучше, чем мороженое из «Аляски», «Сан Криспино» и «Сеттимочело» вместе взятых, лучше снега и моря, дождя и солнца...

Эрика смотрит на неё.

— И что это, наркотики?

— Нет, намного лучше... Секс! — Олли подходит к Дилетте и берёт её за руки. — Ты не можешь так рисковать. Больше не можешь. Я прошу тебя, пожалуйста, доверься мне. Расслабься, откуси это вкусное яблоко.

Ники начинает смеяться.

— Ну, конечно. Яблоко. Подумай, что случилось в раю из-за этого яблока.

Олли скрещивает руки на груди.

— Вот именно. Дилетта, можешь быть спокойна, не может случиться ничего хуже. А с фруктом я всё равно ошиблась. Я имела в виду банан.

Дилетта дрыгает ногами под простынёй.

— Олли! Почему ты должна всё время быть такой пошлой?

— Извини, думаю, я неверно тебя поняла... Пошлый – это тот, кто говорит подходящее слово в нужный момент? Тот, кто говорит правду? Тогда я самая настоящая пошлячка! Но я этого не стыжусь. Потому что я

тоже твоя подруга.

Олли отходит от кровати Дилетты и направляется к двери палаты. Открывает её. Высовывается в коридор.

— Заходи.

Она возвращается с широченной улыбкой. Все смотрят на неё, улыбаясь.

— И? Кого ты позвала?

Ники не знает, что и думать. Эрика – тем более. Дилетте любопытно. Хотя у неё есть предположения.

— Вот и он, помнишь такого?

Ещё бы. Именно то, чего она ожидала.

Филиппо, тот самый очаровательный парень из пятого «А», стоит в дверях с букетом потрясающих красных роз в руках.

— Привет, Дилетта... Я спросил твоих подруг, как ты, и Олли мне сказала, что я могу навестить тебя, так что... вот я здесь.

Олли подходит к Дилетте.

— Ладно, пока, мы уходим. Мы будем за дверью, надо готовиться к экзаменам, зови, если что.

Дилетта краснеет. А потом шёпотом говорит ей:

— И ты не могла предупредить меня? Посмотри, в каком я виде! Ни капли макияжа, вся побитая, с перевязанной головой...

— Тсс... — Олли чмокает её. — Спокойно. Такой вид ещё больше возбуждает. И если хочешь наконец «решить задачу», не волнуйся, мы будем подглядывать за дверью. Давай, навестай упущенное.

Дилетта пытается ударить её.

— Что ты несёшь! — от этого жеста у неё чуть не выпал катетер из руки.

Олли на время отстраняется и со смехом возвращает ей удар. Затем берёт Эрику и Ники под руки и ведёт их к выходу.

— Пока, мы уходим, — и на выходе она подмигивает Филиппо: — Всё понял?

Он улыбается, пока Олли выходит из палаты. Потом видит вазу с завявшими маргаритками у окна.

— Можно?

— Конечно-конечно, — Дилетта немного приводит себя в порядок, откидывается назад и выпрямляет спину.

Филиппо берёт старые цветы и выбрасывает их в мусорное ведро под столом. Затем промывает вазу в умывальнике, наливает свежую воду и ставит свои восхитительные розы. Осторожно поправляет их.

— Вот, теперь у них есть своё место и они раскроются... Через пару они будут прекрасны.

Дилетта улыбается.

— А вот мне нужно немного больше времени.

— Неправда, — смотрит на неё Филиппо. — Ты так же красива, как в институте. На самом деле, в прошлом году я провалил экзамены, чтобы и дальше видеться с тобой...

— Да, а я взяла и поверила в это.

Филиппо начинает смеяться.

— Ну, скажем, это было неизбежно, и тогда я себе сказал, что так, по крайней мере, я смогу видеть её.

Затем он заглядывает ей прямо в глаза. Дилетта, немного смущённая, сминает простынь рукой, словно поправляя её.

— Уф, так жарко, правда?

— Да, — Филиппо улыбается и берёт стул. — Можно?

— Конечно.

— Спасибо, — он садится. — Просто приближается лето. Но мы не спешим.

За дверьми. Олли прижимается ухом к двери и пытается услышать, что они говорят. Ники тянет её за руку.

— Ладно, оставь её в покое... Чего ты хочешь?

— Чего я хочу, ты шутишь? Эта идея была моя, вплоть до того, что я его цветы принести заставила.

Эрика толкает её.

— Отлично, только не говори, что и эти потрясающие розы тоже ты выбрала.

— Нет, этого я не делала. Но идея была моя. Дилетта всегда хотела увидеть Большое Яблоко... Но раз уж в данный момент она застряла здесь, увидит хотя бы Большой Банан!

— Ты просто невозможна, Олли. Ты полная идиотка.

Они начинают толкаться и смеяться, бегать по коридору, под страшным взглядом одной из медсестёр. Когда она уходит, они начинают играть в ляпки.

— Твоя! — начинает Олли, задевая Ники.

— Твоя! — Ники заляпывает на бегу Эрику, которая, быстрая, как молния, оборачивается и возвращает щлепок Олли.

— Твоя! И не стоит возвращать!

— Ха, так играть нельзя.

Эрика смотрит вглубь коридора. И тут она понимает, что родители

Дилетты прямо сейчас войдут в её палату.

— О нет, девочки! Мы ведь должны были стоять на охране.

— Не парься! — Олли, ещё более несносная, чем обычно, подносит ладонь ко рту. — У Филиппо всё под контролем!

Затем она заляпывает медсестру, смеётся и выбегает из больницы, преследуемая подругами.

Приходят новые дни. Более спокойные.

— Вы все по домам? Но сегодня вечером выйдем, да? Давайте, в «Гоа» вечеринка, очень крутая, с DJ Соко. Будут и другие англичане, что-то вроде битвы диджеев.

— Олли, совсем чуть-чуть осталось до экзаменов, нам нужно заниматься, да и ты тоже должна бы.

— Ники, мы теряем лучшие годы нашей жизни.

— Подожди, кто это сказал?

— Zero.

— Assoluto?

— Нет. Ренато...

— Да, пойдти и спой это моим родителям, и посмотрим, что они тебе ответят.

93

Мозговой штурм. Собрание в офисе. Интуиция. Фантазии. Гипотезы.

— Нет, это не пойдёт. Очень явно.

— Слишком нереально!

— Им нужно что-то естественное.

— Как вам: город, где все работают наркодилерами и продают конфеты, будто это наркотик?

Все смотрят на Андреа Сольдини.

— Ладно, ладно, я просто предложил.

И целая неделя пролетает без результатов.

Новый день, офис. Алессандро слышит звонок своего телефона. Он берёт его и смотрит на дисплей. Улыбается. Ну вот. Не выдержала.

— Привет, Ники.

— Эй... Привет. Ничего мне не скажешь?

Алессандро притворяется непонимающим.

— А что такое, что я должен сказать? Я должен был напомнить тебе о чём-то?..

— Это ты должен был вспомнить кое-что! Сегодня восемнадцатое мая!

Мой день рождения.

Алессандро хихикает, прикрыв микрофон, и, прежде чем заговорить, вновь становится серьёзным.

— И правда, любимая, прости, прости, я прямо сейчас приеду к тебе.

— Да-да, но это тебя никак не извиняет... Как же ты мог забыть об этом дне? Это ужасно. Мой первый день рождения с тобой, вместе, а главное... моё восемнадцатилетие!

— Ты права, прости меня. Я присоединюсь к тебе через минуту.

— Не знаю, что... — Ники вдруг смотрит на свой телефон. Как такое возможно? Он бросил трубку. Алекс бросил трубку. Ничего себе, они поменялись ролями. Должно быть, он совсем с ума сошёл.

Через несколько минут Алессандро отправляет ей сообщение.

«Выходи, золотце... я у твоих дверей».

Ники читает. Конечно, так просто. Ты забываешь о моём дне рождения и затем стараешься всё исправить. Посмотрим, способен ли ты на это.

Ники выходит и запрыгивает в машину. Она дрожит, её руки скрещены, и она быстро забрасывает ноги на приборную панель.

— Что ты должен сказать?

— Милая, прости меня, прости...

Он пытается поцеловать её, а она сопротивляется.

— Ни слова! Ты ведь даже не подумал о подарке!

— Ладно, ты получишь его через пару дней, что-нибудь красивое.

Ники бьёт его кулаком по плечу.

— Ай!

— Мне всё равно, каким оно будет, бесит то, что ты забыл.

— Ты права, но ты ведь знаешь – работа, заказ японцев...

— Слушай, я уже не могу с этой историей. Лучше бы ты и встречался сразу с какой-нибудь японкой!

— Хм-м... я подумаю над этим. Неплохая идея, знаешь, прекрасная гейша.

Ники снова распускает руки.

— Ай, я ведь просто пошутил!

— Ну, а я – нет!

Алессандро заводит мотор, и они уезжают.

— Я зарезервировал столик в очень милом месте, хочешь туда?

Ники продолжает обижаться.

— Не знаю, давай съездим, и я решу. Все, кроме тебя, вспомнили сегодня о моём дне рождения.

— И кто эти все?

— Ну, все. И их много. Не говоря уж о подарках, которые я получила за последние пару дней. Особенно от ВС...

— А кто это? — Алессандро взволнованно смотрит на неё.

— «Вздохи страдания». В данный момент у них больше шансов быть со мной, чем у тебя, потому что они, по крайней мере, вспомнили.

Алессандро улыбается.

— Дорогая, я постараюсь заслужить твоё прощение. Дай мне ещё шанс. Каждый имеет право на шанс.

Ники поворачивается к нему.

— Окей, будет тебе шанс. Посмотрим, как ты им воспользуешься.

Алессандро снова улыбается.

— С пользой, — затем он смотрит в окошко и, увидев газетный киоск, подъезжает. — Сделаешь одолжение?

— Проси.

Он показывает ей на киоск напротив.

— Пойди и купи мне «Месаджеро», сегодня у меня не было времени почитать газету.

Ники выпускает недовольный вздох.

— Ты слишком много работаешь.

Она тут же выходит. Алессандро копается в её сумке. Ничего. Всё ещё ничего. Он смотрит на улицу, взволнованный, как бы Ники не вернулась и не застала его за этим занятием. Ники только что расплатилась и собирается вернуться в машину. Алессандро открывает окно.

— Пожалуйста, захвати мне ещё и «Дове».

— Эй, мог бы и раньше сказать!

— Ты права, прости, мне так жаль!

— Любовь предполагает, что ты никогда не должен говорить «мне жаль»... ты сам заставил меня посмотреть этот фильм, а теперь забыл. Хочешь ещё чего-нибудь?

— Нет, спасибо.

— Уверен?

— Да.

Алессандро улыбается ей. Ники поворачивается и снова идёт к киоску. Алессандро опять начинает искать. Одновременно он наблюдает за Ники. Наблюдает за ней и ищет. Ники расплачивается, берёт газеты и разворачивается, чтобы вернуться к машине. Как раз вовремя. Алессандро улыбается. Нашёл. Вот. Всё в порядке. Идеально. Это прекрасно! Ники снова садится в машину.

— Извини, но я тут подумала, тебе и правда прямо сейчас были нужны

все эти газеты? Мы едем ужинать... сегодня мой день рождения... что за необходимость читать это?

— Ты права. Это на потом. Тут есть статьи, которые мне порекомендовали.

Ники пожимает плечами. Алессандро заводится. Ставит CD. Пытается как-то отвлечь её.

— Ладно, говоришь, тебе подарили много подарков? Подарили что-нибудь красивое?

— Красивое – нет... Крутое!

— Давай, расскажи.

— Итак, мои родители подарили милые серьги из жемчуга с маленькими камешками вокруг. Мой скупой братец достал мне абонемент в «Блокбастер»... думаю, это больше для него, чем для меня. Но вот чего он не знает – там нет порнухи! Мои тётки и кузены подарят подарки на вечеринке на следующей неделе. Мой отец хочет устроить что-то грандиозное, с оркестром, который будет играть вальс, и всё в таком духе, в отеле одного его друга.

— Здорово! Наконец-то познакомлюсь с твоей семьёй.

— Ну, конечно, как без этого! Слушай, после того, как ты забыл о моём дне рождения, просто чудо, что я позволила тебе встретиться со мной.

— Это такой способ дать мне второй шанс?

— Просто ты просишь невозможного! Ты думаешь, это хорошая идея – знакомить тебя с моей семьёй?! Тебе будет проще придумать что-то для японцев!

— Даже не напоминай. А твои Волны, что они подарили?

— Пока не знаю. Они такие таинственные. Даже не знаю, когда они собираются сделать мне подарок.

Алессандро подавляет смех.

— А, понятно.

Ники смотрит в окно.

— Куда мы едем?

— Это место совсем рядом, там очень вкусно кормят. Называется «Да Ренатоне», это в Маккаресе.

— Не знаю о таком.

Алессандро продолжает вести. Ники смотрит на дорогу, которая резко разветвляется. Алессандро едет прямо.

— Но если ты хотел поехать в Маккаресе, нужно было свернуть направо... к Фреджене.

— Ты права, я ошибся, но можно поехать здесь, а потом выехать на

следующем повороте, — Алессандро немного ускоряется и смотрит на часы. По времени укладываемся. И Ники успокоилась немного. Она увеличивает громкость музыки. Всё также смотрит в окно. Алессандро проезжает и следующий поворот тоже.

— Эй, ты снова ошибся!

Алессандро улыбается.

— У меня всё ещё есть мой второй шанс? Может, я правильно сделал, что ошибся...

Он на полной скорости сворачивает направо, а дальше подъезжает к гигантскому зданию. Парковка.

— Приехали. Фьюмичино. А это, — он что-то достаёт из кармана, — два билета в Париж. С днём рождения!

Ники запрыгивает на него.

— Значит, ты не забыл! — целует она его, захлёбываясь в эмоциях.

— Нет. Газеты были предлогом, чтобы найти твой паспорт. К счастью, ты носишь его с собой, в обратном случае, пришлось бы посвятить тебя в мой план.

Ники смотрит на него в экстазе. Как раз в этот момент на диске начинает играть десятый трек. Звучит песня. *Oh Happy Day*.

Алессандро смотрит панель. Энрико и его подборка. Невероятно. Как швейцарские часы. С аккордами этой песни Ники снова начинает целовать его.

— Так не пойдёт. У тебя была только одна возможность. И ты не должен был заставлять меня влюбиться!

Алессандро отстраняется и удивлённо смотрит на неё.

— Почему? Я думал, ты уже влюблена. В таком случае, мы никуда не поедём. Я беру с собой в Париж только безумно влюблённых женщин.

Ники шутливо бьёт его. А затем резко останавливается.

— Но есть проблема.

— Это правда, я об этом не подумал. Ты должна предупредить своих родителей. Ну, придумай предлог, мы всё равно вернёмся завтра ближе к ночи.

— Нет, это фигня, — улыбается Ники. — Теперь ты понял... ложью больше, ложью меньше! К тому же, теперь мне восемнадцать, мы с мамой можем говорить обо всём серьёзно, обо всём.

— Тогда вспомни о последней пощёчине. Наверняка было бы лучше что-то сочинить.

— Но это всё равно не такая уж и проблема. Дело в том, что я ничего не взяла.

Алессандро выходит и открывает багажник. Он достаёт два одинаковых чемодана, синий и бордовый.

— Этот мой, — показывает он на синий, — а этот – твой. Надеюсь, тебе понравится всё, что я для тебя выбрал. Думаю, я угадал с размером. Что касается стиля и вкуса, надеюсь, я хоть что-то подобрал правильно. Но я не хочу тебе ничего навязывать. Мне ты нравишься всегда, как бы ни выглядела. А если ты решишь не одеваться вообще, то это мне понравится ещё больше!

Ники обнимает его. Затем она выходит из машины. И они оба входят в аэропорт со своими блестящими чемоданами на колёсиках, которые отличаются только по цвету. Они смеются и шутят. Молодые путешественники безо всякой ответственности. Зато с улыбками.

— Круто! Дождаться не могу, когда открою свой чемодан, я умираю от любопытства... Вот бы знать, что ты мне купил!

— Ну... — Алессандро улыбается. — Это было трудно. В любом случае, было сложно подобрать то, что понравится тебе, поэтому я выбрал то, что понравилось хотя бы мне самому.

— Боже мой! Я только надеюсь, что мне не придётся одеваться в цветные халаты, как японские герои!

— Вот увидишь. Мы всё равно будем далеко, тебя там никто не знает.

Ники останавливается.

— Дай мне секунду, надо домой позвонить, — она быстро набирает номер, даже без поиска в телефонной книге. — Алло? Привет, мама, это Ники.

— Я поняла. Где ты?

— Ты готова? В аэропорту. Мне только что подарили полный чемодан новой одежды. И я уже сажусь в самолёт, — она останавливается и прикрывает микрофон рукой: — В котором часу мы приземлимся, Алекс?

— В семь-сорок, как в песне Баттисти. Но мы не расстанемся, мы будем вместе!.. — он быстро объясняет ей этапы их путешествия.

Ники улыбается и снова открывает микрофон.

— Мы приземлимся в семь-сорок по парижскому. Сначала в Шарль де Голль. Потом возьмём машину и поедem в отель, чтобы переодеться. Позже мы отправимся что-нибудь съесть на левый берег Сены, ужин в Монпарнассе, завтра – экскурсия в Евродиснее, потом туристическая прогулка по центру. Я вернусь ночью. Конечно, будем только мы с ним вдвоём. И когда я говорю «с ним», я имею в виду уже знакомого тебе фальшивого агента покладам.

Молчание с той стороны. Ники ждёт момент, а потом начинает

говорить снова.

— Мамуль, ты ведь там не бьёшься в истерике?

— Нет.

— Я так и знала. Я с подругами, они устроили мне вечеринку, а потом я останусь переночевать у Олли.

— Ладно, так намного лучше. Вернитесь не очень поздно, не ешь и не пей слишком много. Отправь мне сообщение, когда будешь у неё дома. Не выключай телефон.

— Окей, мама.

— А, ещё кое-что...

— Да.

— Поздравляю, моя милая.

— Спасибо, мама. Слушай, если ты продолжишь разговор, я опоздаю на самолёт.

— Дурочка... всё тебе смешно.

Ники вешает трубку.

— Я всё рассказала!

Алессандро ей улыбается.

— Бежим, или вправду опоздаем на самолёт!

Они бегут, таща только свои новые чемоданы. Лёгкие. Без страха. Без спешки. Без времени. Рука в руке. И больше ничего. Никаких встреч, никаких беспокойств и волнений, никаких решений. Ничего. Они легче облаков.

96

— Это наш номер.

— Он офигенный! — Едва поставив свой чемодан на кровать, Ники, переполненная любопытством, открывает его. — Я сейчас с ума сойду, клянусь... Хочу увидеть!

Она увлечённо рассматривает все вещи, выбранные для неё вслепую. Лиловая блузка из лёгкого хлопка. Брюки немного светлее. Пара туфель Геох с ярким орнаментом. Кожаная чёрная куртка. Белая рубашка с высоким воротом, длинная и с жёсткими манжетами; в стиле Робеспье, что как нигде уместно в Париже. В остальном рубашка прозрачная, лёгкий и элегантный шёлк. А ещё единственная тёмная вещь — длинное чёрное платье. Ники берёт его и разворачивает. Надевает на себя. Оно прекрасно. Глубокое, провокационное декольте. Оно застёгивается на спине, оставляя голыми плечи. И легко спадает вниз, скрывая восхитительные туфли из чёрного атласа на высоком каблуке; элегантные, с маленькими пряжками

по бокам. Современные, как и она, когда обувает их. И даже больше. Она шагает, дефилирует, смеётся, танцуя по комнате.

Затем она спускается по большой лестнице под руку с ним. В холл отеля. Король и королева фантастической ночи. Уникальной. Такова её красота, но они почти не замечают её. Они берут такси и ужинают на берегу Сены. Моллюски, шампанское, хрустящие хлебцы, багет, нарезанный на кусочки, чтобы обмакивать его в рыбный соус. Такой специфический, такой вкусный, такой крепкий, такой жгучий. Как морской окунь в соли, свежий, с дольками лимона, лёгкий, который купается в масле с мелко нарезанной петрушкой. И ещё шампанское. Милый француз с гитарой подходит к ним. И ещё один, с усами, как у Дали, появляется за ним. В руках у него гармоника. Они проникновенно играют песню, которую уже сыграли тысячи раз, *La vie en rose*. И какая-то взрослая женщина, позабыв о своём возрасте, уже не таком юном, поднимается из-за стола в глубине зала и начинает танцевать. Она закрывает глаза, поднимает руки к небу, вся отдаётся музыке. И незнакомый ей мужчина не оставляет её одну. Он тоже поднимается. Подходит к ней. Она улыбается ему. Открывает глаза и берёт эти руки, что ищут её. Наверное, она ждала его. Кто знает. И теперь они танцуют вместе, маленькие герои, которые не чувствуют стыда перед этими нотами, которые говорят о любви. Они смотрят друг другу в глаза и беззлобно улыбаются, зная, что однажды кто-то их вспомнит. А Ники и Алессандро смотрят на них издалека. Они берутся за руки и улыбаются, соединённые этой красивой магией, этой странной формулой, этим секретным кодом, которые начинаются и заканчиваются безо всяких почему, без правил, как неожиданный прилив в безлунную ночь любви. Затем приносят крем-брюле – один шарик, две ложки. Ники и Алессандро весело соревнуются в странной борьбе за последний кусочек. Затем они выпивают пассито ди Пантеллерия, итальянский сюрприз среди таких французских вкусов. Ники делает глоток, как вдруг гаснет свет. Она замирает с бокалом в воздухе. Вдалеке, в окне ресторана, видны отражения в Сене. Древние строения бесподобной красоты освещают ночь. В ресторане начинает звучать тихая музыка. В глубине зала открываются двойные двери кухни, и, как по волшебству, появляется повар в своём высоком белом колпаке. Его приоткрытая рука выставлена вперед. Он что-то прячет. Между его пальцев появляется свет. И это пламя свободно танцует между пальцами мужчины. Он пересекает потоки различных вкусов в ресторане. Вдруг повар убирает руку. И торт, который он принёс, полностью освещается огнём.

Крем, клубника, хрустящие орехи и патока. Повар подходит к столу и

ставит это в центр. Все готовятся. Они поют все вместе на странном языке, наполовину французском, наполовину итальянском «С днём рождения тебя». Ники ждёт подходящего момента и наклоняется, задувая все свечи. Кто-то делает фото, другие зажигают свет. Счастливые, все хлопают в ладоши. Ники улыбается, немного смущённая, и всех благодарит. А затем, чтобы все потихоньку утихомирились, чтобы рассмешить их, она засовывает палец в торт и, как маленькая, кладёт его в рот. Алессандро наслаждается этим здоровым и милым зрелищем. Он засовывает руку в пиджак и, как заправский вор, что-то кладёт напротив её тарелки.

— Поздравляю, любимая. Спасибо, что дала мне второй шанс.

И Ники, обездвиженная, изумлённая, удивлённая своим праздником, улыбается... и видит его. Небольшая коробочка поблёскивает голубым рядом с тарелкой с разукрашенными краями.

— Это мне?

Алессандро смотрит на Ники. Улыбается ей. А та молчит. Она глазам своим не верит. Открывает. И понемногу из коробочки появляется словно восход солнца. Каждая лампа в зале, каждая свеча, даже самое малое отражение соединяются, чтобы выделить её простую красоту. Она берёт её. Красивая, изысканная, лёгкая, элегантная подвеска вдруг освещает лицо Ники. Маленькая красная луна, сложенная из бриллиантовой пудры, множества крошечных драгоценных камешков и единственного большого камня в форме сердца в центре. Ники смотрит прямо на него. Тысячи огней танцуют в камне, больше, чем в яркой радуге. Танцует синий, красный, голубой, оранжевый. Даже на щеках Ники играет цвет эмоций.

— Это восхитительно.

Алессандро улыбается ей.

— Тебе нравится? Я сам придумал его в «Вивани», на виа делле Вите. Понюхай...

Ники подносит его к носу.

— Хм, нежное, лёгкое. Что это?

— Я добавил пару капель этой эссенции... — Алессандро достаёт из кармана маленькую бутылочку. Открывает её. Капает немного на свой указательный палец. — Это для тебя. Твоё изобретение, — он легонько касается её шеи, гладит её почти до самых ушей. Ники закрывает глаза. Вдыхает свежий аромат.

— Это прекрасно!

— Это жасминовая эссенция.

Алессандро встаёт, берёт подвеску, проходит за спину Ники. Обнимает её шею. Оставляет подвеску на её груди. Бережно берёт тонкие нити из

белого золота. Рукой поднимает её волосы, находит застёжку и застёгивает. Медленно отпускает маленькую подвеску. Та останавливается, балансируя на декольте. Ники открывает глаза и видит своё отражение в зеркале напротив. Она подносит левую руку к груди, к подвеске, поворачивает, наклоняет немного голову и улыбается.

— Это восхитительно...

— Нет, это ты восхитительна.

В зале всё ещё играют музыку. Мужчина и женщина, которые танцевали, теперь смеются. Они заказывают молодое мерло в баре. Входит шумная группа ребят и заражает всех своей радостью. Но стол Ники и Алессандро пуст. Они уже далеко, в парижской ночи, обнявшись под звёздами, стоят на Эйфелевой Башне. Они смотрят на эту ночь. Облака в вышине, луна, сталкивающиеся лодки, площади, лифты, туристы, которые выходят и целуются, они показывают руками в пустоту на что-то вдалеке, что можно увидеть сверху. На открытках все это выглядит не таким большим. Такси, чтобы покататься. Елисейские поля и Пигаль. Они приветственно машут руками Лувру с обещанием скоро вернуться. Затем они вспоминают о последнем чемпионате мира по футболу, не забывая о знаменитом голе головой и о фразе «Верните нам Джоконду!». Они решают пройтись, выходят из такси, платят, прогуливаются, потерянные в ночи. Шагают рядом с Сеной, на Монмартре, у Церкви Святой Шапо. Они входят, молодые, ничего не понимающие в этом туристы, которые теряются в красоте этих витражей, в этих сотнях тысяч библейских сцен, которые верующие называют «вратами рая»... Они чувствуют себя такими счастливыми, что им даже не хватает смелости желать чего-то ещё, посметь молиться не пробудиться от этого сна. Так они, простые эгоисты своего счастья, возвращаются в отель.

— Уфффф... я сражена! — Ники падает спиной на кровать и точным броском сбрасывает свои новые туфли, которые падают далеко от неё. Алессандро снимает пиджак и вешает на вешалку, которую засовывает в шкаф.

— У меня кое-что есть для тебя.

— Ещё?

Ники наклоняется и облокачивается.

— Это уже слишком! Ты уже сделал столько всего прекрасного для меня.

— Это не от меня, — Алессандро подходит к кровати с подарком. — Это Волны.

Ники берёт его. Подарок отлично упакован, а в центре – записка.

— Эрика упаковала, только она такая аккуратная. А записку писала Олли, — Ники открывает её и начинает читать.

«Привет, наконец-то восемнадцатилетняя девчонка! Нам всем хотелось бы быть с тобой в этот момент... но и с ним тоже!!! Алекс нас очаровал! Узнав о сюрпризе, который он для тебя готовит, все наши сомнения отпали... Он может делать с Волнами всё, что хочет! Ну, одна хорошая оргия не была бы так уж плоха, а?»

Ники прерывает чтение. Ничего не поделаешь, Олли неисправима. Она читает дальше.

«Это была шутка... В любом случае, мы тебя любим и хотим быть рядом с тобой, как это умеем только мы. Как следует воспользуйся случаем! И, наконец, заставь его увидеть парижское небо в алмазах!»

Ники не знает, что и думать. Что же там? Она трогает свой подарок, сжимает его. Ничего. Ничего не происходит. Она рассматривает его, вертит в руках. Ничего. Тогда она решает открыть его. Разрывает бумагу и сразу же всё понимает. Протягивает перед собой с довольной улыбкой. Тёмно-синяя шёлковая ночная рубашка, прозрачная, вся из кружев. Она начинает танцевать с ней в руках, пока не останавливается перед зеркалом. Ники наклоняет голову, рассматривая себя. Алессандро лежит в кровати, опершись на локоть, и смотрит на её отражение. Их взгляды пересекаются. Он улыбается.

— Ну же, разве не хочешь примерить?

— Хочу. Но закрой глаза.

Ники начинает раздеваться, но замечает, что глаза Алессандро немного приоткрыты.

— Я не удивлена, — и гасит свет. Ночные тени и свет от фонаря вдали и спрятавшихся звёзд пробиваются сквозь задёрнутые занавески. Ники подходит к кровати, опускается рядом с Алессандро, но просто садится на колени. Кажется, будто она нарисована тенью на фоне синей подсветки.

— Итак... — чувственный и тёплый голос. — Что же мне остаётся?

Алессандро открывает глаза. Он нежно ласкает её рукой в поисках шёлка. Вниз по ногам, а потом обратно вверх, выше, к бёдрам, но не находит ничего.

— Ты что, голая? — А Ники смеется. — Ну, конечно, видела ли ты более тонкую ночную рубашку? Она почти незаметна.

Поцелуй, смех. И ночь, в которой они теряются. Они даже французские звёзды заставили наблюдать за собой. Да. Ещё одна победа. Итальянцы делают это лучше.

На следующий день — фантастический завтрак в постель. Круассаны и

яйца вкрутую, апельсиновый сок и небольшие сладости. Итальянские газеты, которые даже не были открыты. Они уезжают на машине, арендованной прямо в отеле. Как только она появилась, они сели в неё с картой, переполненной подсказками и указаниями, которые им написал сверху парень, сидящий на ресепшн. Алессандро – за рулём, а Ники исполняет роль штурмана.

— Направо, налево, снова направо, прямо... а в конце нужно повернуть налево, — она смеётся и даёт ему откусить багет, который взяла с собой.

Алессандро смотрит на неё.

— Эй, нужно смотреть, что ты ешь...

Ники перестаёт жевать. У неё меняется выражение лица.

— Да, это странно, правда? Не будет такого, что...

Алессандро обеспокоенно смотрит на неё.

— Ники?..

Она улыбается.

— Всё под контролем. Сказывается прошлая неделя. Просто когда я счастлива, во мне просыпается аппетит.

Они едут по дороге, которая уводит их из Парижа, но не слишком далеко.

— Смотри, здесь, это здесь, — Ники показывает на указатель. — Евродисней, три километра. Мы почти приехали.

Немного позже они паркуются и выходят.

Они бегут, держась за руки. Достают билеты и входят.

Они быстро теряются среди других людей, которые улыбаются как они, дети всех возрастов в поисках мечты.

— Смотри, смотри, там Микки! — Ники сжимает его руку. — Алекс, сфотографируй меня!

— У меня нет камеры!

— Поверить не могу. Ты всё организовал идеально, а потом берёшь и забываешь самое простое – фотоаппарат.

— Это так просто решить! — и они тут же покупают Кодак, чтобы использовать и выбросить. Одним движением руки Микки замирает в бессмертном моменте. Затем поцелуй Дональду, объятие с Гуфи, приветствие от Чипа и Дейла, ещё фотография с Золушкой.

— Вот теперь ты восхитительна с этой короной на голове!

Ники озадаченно смотрит на него.

— Но у меня нет никакой короны! — И тогда Ники смотрит на Золушку, очень красивую девушку, стоящую неподалёку от неё, высокую, светловолосую, с действительно шикарной улыбкой. Ники бросает

убийственный взгляд на улыбающегося Алессандро.

— Ой, извини... я обознался, — Алессандро быстро убегает, преследуемый Ники. А Золушка остаётся там, не говоря ни слова, перед своим замком, и смотрит на них. Затем она пожимает плечами и улыбается новым посетителям. Конечно, она не может понять, что это – тоже часть сюжета.

А Алессандро и Ники продолжают свою прогулку, они поднимаются к Скалистым горам и оказываются в мире Питера Пэна, управляют кораблём с Капитаном Крюком, падают на Западе, что-то едят в салоне, а в конце вдруг оказываются в будущем с помощью машины времени. Сталкиваются с Леонардо Да Винчи и пересекают самые разные эпохи. От пещер до Возрождения, из Французской Революции – в двадцатые годы.

— Слушай, я смогу сказать своей маме, что занималась историей.

Они продолжают дальше. Они оказываются на Космической горе. Американские горки со сверхзвуковой скоростью, полёт над пустотой, к луне, чтобы, успев коснуться её, резко повернуть направо, оставляя её позади, и падать снова, с волосами дыбом и сердцем в пятках, бьющимся в невероятной скорости. Руки сильно зажаты в железные поручни, они охрипли от крика, с закрытыми глазами, это их собственное счастье, сумасшедшее, неповторимое, безграничное.

— Мы попробовали всё...

— Да-да, ничего не забыли.

— Боже мой, я просто умираю. И вспотела... Посмотри на мою блузку. Алессандро прближается и касается её.

— Вся сырая, как только подойдём к машине, переоденешься.

— Да, я надену футболку, в которой была вчера. Что это такое? Кукуруза! — Ники как маленькая девочка бежит по небольшой площадке, устроенной под старину, французской и диснеевской одновременно. Она приближается к продавцу кукурузы и, после секундного колебания, мило и застенчиво показывает на початок своим указательным пальцем. Алессандро подходит к ней, платит и улыбается. Молодой папа этой девочки, которую завёл слишком рано, и которая не похожа на него ни капли.

— Спасибо... — она кусает кукурузу и целует его, ещё раз откусывает и дарит ему ещё поцелуй. Долгий. Очень долгий. Слишком долгий. Кто-то улыбается и качает головой. А мысли почти киношные. Мой отец, мой герой. Или ещё лучше: у любви нет возраста.

— Эх... — Алессандро смотрит на свои часы. — Нам нужно ехать. Скоро наш самолёт.

— Я не прочь опоздать. Но завтра у меня последний экзамен по истории.

И они убегают, оставляя покусанный початок, не долетевший до мусорки, на обочине. Потом Ники меняет блузку за дверью багажника, в странной парижской примерочной.

— Я-то думал, ты мне хотя бы балет станцуешь... или, не знаю... канкан!

— Да, конечно, скажи спасибо, что я тебя два раза не укусила!

— Поехали, — смеётся Алессандро, пристёгивается в машине, и они выезжают в ночь. Когда ты чувствуешь себя так, то даже самая глупая шутка становится хорошим поводом для радости. Они оставляют машину на парковке. Потом делают небольшой крюк, показывают документы, билеты, сдают чемоданы на колёсах. Алессандро что-то достаёт из кармана. Проходит контроль. Когда проходит Ники, раздаётся звук. К ней подходит французский полицейский. Берёт небольшой металлодетектор и проводит им над Ники, пытаюсь найти причину.

— Ники, — говорит Алессандро за их спинами, — что ты украла?

— Кубок Мира! — Ники начинает счастливо петь: — Па-па-па, па-па-па-па...

— Замолчи, веди себя прилично, успокойся... нас не выпустят! — Но Ники продолжает петь.

— Вообще-то, мы его не украли, а выиграли!

Алессандро тоже начинает петь.

— Па-па-па, па-па-па-па... — и, счастливый, обнимает Ники. Они уходят, поворачиваясь ко всем спинами, но вместе, не как в некоторых песнях...

Лёгкие облака, закат вдалеке, солнце медленно исчезает за горизонтом. Самолёт немного движется. Ники сильно сжимает руку Алессандро. Понемногу полёт стабилизируется, и она засыпает. Алессандро смотрит на неё, на её голову на своём плече, легонько гладит её по волосам левой рукой. Он поправляет их, отводит назад, чтобы лучше видеть линию её лица, нежного, созданного таким идеальным и естественным. Эти взлетающие беззвучно брови из-за кто знает какого сна. Сна девочки, которая провела день, бегая за своим счастьем, и которая всё же взяла и поймала его.

Самолёт немного подпрыгивает, затем сильнее. Слышны моторы. Ники резко просыпается и испуганно обнимает Алессандро.

— Что происходит? Помогите!

— Тсс... спокойно, спокойно, ничего особенного, — обнимает он её. —

Мы только что приземлились.

Ники долго выдыхает, потом улыбается. Потирает глаза и смотрит в окно.

— Мы снова в Риме.

Никто их не встречает, машина на парковке готова.

— Подожди, я позвоню домой.

Ники включает свой мобильник, и, как только она набирает пин-код, ей начинают приходить сообщения. Она открывает их. Это всё звонки из дома. Несколько мгновений спустя всё исчезает, ей кто-то звонит. Ники смотрит на дисплей. Она прикладывает палец к губам, делая Алессандро знак, чтобы он молчал. Она открывает телефон.

— Привет, мам!

— Да, привет! Я волновалась. Твой телефон был выключен. Я тебе два часа звоню. Где ты была?

Ники смотрит на Алессандро. Ладно, попробую снова.

— Мама, я была в Евродиснее.

Симона шумно выдыхает.

— Опять эта история! Ну, конечно же, а я королева Изабель. Можно узнать, чем ты занята?

Ники пожимает плечами и улыбается Алессандро. Вот видишь, моя мать мне не верит.

— Ничем, мама, я гуляла в центре с друзьями.

— Ага, ты всё время гуляешь в центре с друзьями, и всегда в местах, где нет связи. Как странно. Как будто ради тебя все телефонные компании разоряются. Понятия не имею, почему, но твой телефон нигде не ловит.

— Ты приносишь мне несчастья.

— Да-да, не шути так, рано или поздно ты меня поймёшь. Так я могу узнать, где ты была? Ты говорила, что мы с тобой всегда будет друг другу всё рассказывать...

— Да, но потом пощёчина кое-что изменила.

— Это был просто побочный эффект. Не всегда можно со всем быть согласным.

Ники задумывается.

— Окей, я всё тебе уже сказала вчера, мама. Я была в Евродиснее, мы прибежали в аэропорт Парижа, потому что опаздывали, но конце концов мы успели сесть в самолёт в восемь... И поэтому телефон был выключен. Я только что приземлилась во Фьюмичино. — Тишина. — Мама...

— Да, я всё ещё здесь, к твоему счастью, тебе бы всё шутки шутить. Ладно, когда ты приедешь домой?

Ники смотрит на Алессандро и на часы. Разводит руками, словно говоря, что уже второй раз пытается рассказать ей, а она всё равно не верит... Алессандро показывает ей знаками, что она сумасшедшая, затем указывает пальцем, что дорога займёт час.

— Через полтора часа буду дома.

— И не позже! — вешает трубку мать.

Они теряются, снова в Риме, в спокойном движении. Автотрасса. Кто-то из водителей нервничает и постоянно меняет полосу, пытается обогнать всех, едет справа налево. Нетерпеливый. В конце концов, он попадает на свою полосу. Удаляется. Пежо с тонированными стёклами, словно так он может стать быстрее. Алессандро, наоборот, ведёт спокойно. Временами поглядывает на неё. Ники приводит в порядок содержимое своей сумки. Когда возвращаешься из путешествия, всё кажется медленнее. Ты чувствуешь себя спокойнее. Поездка в некоторых случаях помогает лучше разглядеть своё собственное существование, посмотреть, в какой точке ты находишься. Какой путь ты выбрал, куда ты движешься или где теряешься, а самое главное – счастлив ли ты. И насколько.

В этот самый момент звонит мобильный Алессандро. Два гудка. Сообщение. Он достаёт Мотороллу из кармана. Мигающий конвертик. Он открывает его. Это от Пьетро. Они уже некоторое время не общались. Но то, что он читает, – это последнее, что он хотел бы услышать.

«Привет. Мы все с Флавио. Его отец умер».

Алессандро не может поверить.

— Нет.

Ники, напуганная, поворачивается к нему.

— Что случилось?

— Умер отец моего друга. Флавио. Флавио, ты его знаешь. Знаешь, кто это? Муж Кристины... Ты сказала, что не понравилась ей.

Ники сочувствует ему.

— Мне жаль. Хотя я с ним и не знакома толком.

Они подъезжают к дому Ники.

— Так не должно было случиться. Проклятье. Как же мне жаль. Слава богу, что я уже вернулся. Поеду к нему.

Ники улыбается.

— Конечно. Позвони мне, когда захочешь, если тебе захочется. Правда, когда захочешь. Я не буду выключать телефон.

Ники чмокает его. И уходит. Потом она вдруг останавливается и улыбается.

— Эй, там, в багажнике, лежит мой чемодан! Я оставлю его тебе.

Заберу его, когда всё успокоится...

— Конечно. Когда захочешь.

Алессандро ждёт, когда Ники зайдёт в дом. Коротко машет ей рукой издали и растворяется в ночи.

97

Все уже там. Самые близкие друзья, самые честные, те, что знают всю правду семьи, те, что помогали решать в тишине большие и маленькие проблемы, были вместе на больших торжествах, поздравляли с большими и маленькими радостями в жизни. Это и есть дружба. Уметь регулировать громкость своего присутствия. Как только Алессандро видит его, то сразу подходит и обнимает. Полностью всего. Сильно. Крепко.

Каждый по-своему вспоминает самые разные моменты жизни.

— Чёрт, мне так жаль, Флавио...

Они смотрят друг другу в глаза и не знают, что сказать. Один из тех моментов, которые неизбежно приносят с собой молчание. Быть здесь, как-то присутствовать, хотеть сказать столько всего, но ничего не получается. Вот бы можно было всё исправить простым похлопыванием по плечу, чувствительным объятием, одной фразой, которая заставит всех чувствовать себя странно, но ты не можешь вспомнить другой. Она кажется тебе лучшей, самой правдивой, самой искренней. Но это не так. Хотя иногда так и есть. Кто знает... У тебя комок в горле. Ты знаешь, что если скажешь что-то ещё, то начнёшь плакать. У тебя блещут глаза. И ты понимаешь, что другие сильнее тебя. Они не плачут. Они кажутся спокойными, словно ничего не случилось. У них хорошо получается спрятать свою боль. Или, может быть, думаешь ты, их не волнует случившееся. Что это за люди? Например, эти двое, должно быть, его двоюродные братья... Они сидят в гостиной и не перестают болтать, они смеются и кажутся шумными. Кажется, что чья-то смерть — это единственный для них повод встретиться. Или, может, так они только маскируются. Словно они не могут позволить себе такую роскошь, как чувствовать себя плохо, страдать открыто, свободно, не стыдясь, плакать. Эта странная цена, которую твой характер заставляет тебя заплатить в некоторых случаях, оставляя тебя за бортом красоты чувств.

Алессандро, Пьетро и Энрико составляют компанию Флавио всю ночь, и каждый из них приносит ему что-нибудь, просто чтобы побыть с ним рядом. Все трое счастливы от этого и никто словно не жалеет о потере.

Ночь слов. Ночь воспоминаний. Ночь откровенности. Старые смешные анекдоты. Истории, которые только боль с громким

всхлипыванием иногда может вытащить на свет. Эпизоды из прошлого, скрытые, утерянные, но на самом деле их никогда не забывали.

— Знаете что, парни? — Флавио отпивает немного виски и смотрит на них. Никто не отвечает. В этом нет необходимости. Флавио говорит дальше: — Ты начинаешь думать о тех вещах, которые не сказал ему. О моментах, когда ты его разочаровывал. О том, что хотел сказать ему раньше, что хотел бы сказать ему сейчас. Бежать к нему домой. Нажать на звонок. Попросить его выйти. Папа, я забыл тебе кое-что сказать. Ты помнишь тот день, когда мы ездили в...? — Флавио снова смотрит на своих друзей. — Это больно. Возможно, это просто глупость, но мне так хотелось бы иметь возможность сказать ему это...

Несколько дней спустя. Похороны. Цветы. Слова. Молчание. Люди, которых давно не было видно, появляются вновь. Как воспоминания. Встречи. Рукопожатия. Шок. Все подходят с любовью поздороваться с Флавио. Кто-то приносит цветы. Другие объявляются из далёкого прошлого, а затем опять исчезнут навсегда, но они не хотели пропустить это последнее свидание. После похорон. Последнее прощание. Последняя мысль. Дальше уже ничего. Фьююю. Тяжёлый шар, который исчезает в небе. Тишина. С каждым разом всё дальше. Затем он начинает кропотливо издавать первые звуки. Это как будто Великая Машина снова заводится. Тяжёлый грохот несмазанных цепей, колёса скрипят. Но она заводится. Вот так... Чух-чух, чух-чух, дууууу!словно этот далёкий поезд на горизонте находит свой путь, свою дорогу, ускоряет ритм, вздыхает, снова, да, к далёким концам, к новым дням... Чух-чух, чух-чух, чух-чух... Она свистит, снова и снова. Главное — не останавливаться. Не останавливаться. Все, абсолютно все, остаются позади. Рано или поздно они смогут что-то вспомнить. А может и нет. Но и в этом сомнении есть великая красота.

98

На следующей неделе Алессандро решает сделать себе подарок. В воскресенье утром он звонит ему.

— Кто звонил тебе сегодня рано утром?

— Алекс.

Мать Алессандро, Сильвия, подходит к своему мужу Луиджи в гостиной и обеспокоенно смотрит на него.

— В воскресенье утром, в такой час? И чего он хотел, что сказал?..

— Ничего. Не знаю. Он сказал мне: «Папа, я бы хотел прогуляться с тобой».

— Боже мой, что-то произошло.

— Это ничего, золотце, он хочет мне что-то рассказать.

— Как раз это меня и беспокоит.

Он улыбается ей и пожимает плечами

— Ай, ну не знаю... Он сказал: «Ты бы хотел что-нибудь сделать вместе со мной, но никогда не говорил об этом?».

Сильвия смотрит на своего мужа так, словно внутри у неё всё заморозилось.

— И по-твоему я не должна волноваться?

Луиджи надевает куртку. Затем улыбается ей.

— Нет. Для этого нет причин. Когда вернусь, всё тебе расскажу.

Звонят в дверь. Он уходит на кухню и отвечает. Это Алессандро.

— Я уже выхожу.

Сильвия поправляет куртку на своём муже.

— Как бы мне хотелось побыть с вами.

Луиджи улыбается ей.

— Ты будешь.

Они целуются. Луиджи выходит и закрывает за собой дверь.

Немного позже он в машине вместе с Алессандро.

— Ладно, папа, ты уже придумал, чем хотел бы заняться?

Отец улыбается ему.

— Да. Это по пути к Брачано.

Немного позже Мерседес Алессандро припаркован под горячим полуденным солнцем.

— Итак, не слишком сильно жмите на сцепление. Вовремя сворачивайте и не тормозите, так как потретья контроль очень просто. Пожалуйста, не отпускайте сцепление на поворотах...

Алессандро смотрит на своего отца. Он на своём месте, в красном шлеме. Выглядит комично. Он довольно улыбается, как самый счастливый ребёнок на борту этого мощного мини-карта.

— Ты готов, папа?

— Ещё как... Кто последний через десять поворотов, тот платит, согласен?

Алессандро улыбается.

— Согласен.

Они заводятся, как два новых шумахера на этой странной дороге. Алессандро сразу же вырывается вперёд, но не расслабляется. Иногда он ускоряется, весело смотрит на этого семидесятилетнего мужчину, который берёт повороты, наклонив голову набок, потому что думает, что ему

поможет эта игра в весы.

Позже.

— Отлично... мне было так весело! Сколько ты заплатил, Алекс?

— Какая разница, папа. Заплатил, что был должен. Это ведь я проиграл.

Они садятся в машину. Алессандро спокойно везёт отца домой. Отец иногда поглядывает на него. Он решает играть свою роль дальше.

— Всё хорошо, правда, Алекс?

— Всё хорошо, папа.

— Точно?

— Точно.

Отец расслабляется.

— Хорошо. Я рад это слышать.

Алессандро смотрит на своего отца. Снова на дорогу. И опять на него.

— Папа, я очень рад, что мы провели день вместе. Конечно, я даже представить не мог, что ты захочешь этого.

Его отец улыбается.

— Может, потому, что сын всегда ждёт от отца большего.

Примерно с минуту они молчат. Затем Луиджи начинает говорить спокойным тоном.

— Знаешь, я отлично провёл время, придумывая, чем мы могли бы заняться. А потом я сказал себе: чего бы я ни попросил, ему этого не захочется, — он поворачивается и смотрит на Алессандро, — по-моему, я никогда не смогу соответствовать твоим ожиданиям. Вот так, наконец, я и решил, что будет лучше сказать тебе правду. Я подумал, что ты сможешь оценить это и не разочаруешься.

Алессандро смотрит на него и улыбается ему.

— Я всегда мечтал сделать это. С детства я хотел прокатиться на мини-карте, но так никогда и не смог.

— И сегодня у тебя получилось.

— Ага, — отец смотрит на него слегка обиженно. — Ты позволил мне победить.

— Нет, пап. Серьёзно, ты был очень быстрым. Ты даже взял поворот, при этом поворачивая руль в другую сторону.

— Да, но я не поднял ногу со сцепления, наоборот, я вдавил его поглубже, в обратном случае я потерял бы управление. Это была отличная дорога.

— Да, классная.

Подъехав к дому родителей, Алессандро останавливается.

— Вот мы и приехали...

Отец смотрит на него.

— Когда я касаюсь зелёным холста, это не всегда трава, когда касаюсь синим, это не обязательно небо.

Алессандро удивлённо смотрит на него. Он не понимает.

— Это Анри Матисс. Я знаю, что это ни о чём не говорит, но мне понравилось, когда я прочитал, — Луиджи выходит из машины и наклоняется, чтобы попрощаться. — Знаешь, Алекс? Не знаю, вспомнишь ли ты обо мне однажды из-за этой фразы, которая даже не моя, или из-за того поворота... и не знаю, что хуже...

— Хуже будет, если я о тебе не вспомню.

— Конечно, ты прав... Для меня, по крайней мере. Я хотел сказать, что ничего не сумел сделать правильно.

— Папа...

— Ты прав. Оставим это. В конце концов, у меня получилось обогнать сына в семьдесят лет. В любом случае, твоя мать засыплет меня вопросами. И больше всего её будет интересовать, как твои отношения с Эленой, стоит мне войти в дом.

Алессандро улыбается.

— Тогда скажи ей, что ты обогнал меня на мини-карте... И что я счастлив.

99

Проходят дни. Дни учёбы. Дни любви. Важные дни.

Алессандро собирается со всей своей командой.

— Итак, ваши предложения хороши, очень хороши, но чего-то не хватает. Не знаю, чего, но не хватает... — он оглядывается вокруг. — А куда делся Андреа Сольдини?

— А, как раз его-то нам и не хватает!

Дарио скрещивает руки, а Микела, Джорджия и остальные члены команды начинают смеяться. И в этот самый момент входит запыхавшийся Андреа Сольдини.

— Я должен был выйти на минутку, извините, нужно было отослать пакет.

Алессандро смотрит на него.

— Что? Мы ведь больше не должны отправлять наши наброски, нет?

— Нет, — Андреа Сольдини кажется немного нервным. — Это было личное.

Алессандро вздыхает.

— Я вас очень прошу, осталась всего неделя. Наброски, что мы делаем, если у нас что-то получается, мы отправим по e-mail и только для утверждения. До следующего воскресенья вы должны погрузиться в это телом и душой. Вы не можете ни дышать, ни есть, ни спать.

Дарио поднимает руку.

— А можно заниматься сексом, если при этом думать об этой идее?

— Если после этого ты что-то придумаешь – да!

— Что ты говоришь? Это нельзя обдумывать дважды... Тебе просто придёт это в голову и всё...

Все начинают смеяться. Одна из девушек краснеет. Алессандро призывает собрание к порядку.

— Пожалуйста, хватит! Давайте, продолжим работать. Что мы сейчас делаем?

И тут звонит его телефон.

— Простите, я на секунду, — Алессандро отворачивается к окну. — Да?

— С днём рождения тебя, с днём рождения тебя, с днём рождения, милый Алекс... Думал, я забыла?!

Алессандро смотрит на свои часы. И правда. Сегодня одиннадцатое июня. Мой день рождения.

— Ники, ты не поверишь. Забыл об этом я сам.

— Ну, я исправила это за двоих. Я заказала столик в одном фантастическом месте и приглашаю тебя. Ты сможешь забрать меня в девять?

Алессандро вздыхает. На самом деле, ему хотелось бы поработать. Точнее, он должен. Лугано с каждым разом видится ему всё ближе.

— Да. Но раньше половины десятого я приехать не смогу.

— Согласна. Тогда хорошо тебе поработать, и до скорого.

Алессандро закрывает свой мобильный телефон. Проходится по офису. У всех ребят из его команды на голове цветные колпаки, а на столе большое блюдо с кучей изысканных пирожных. А рядом с ним только что открытая сумка Монди.

— Поздравляем, шеф! Мы тоже чуть не забыли из-за этой проклятой ЛаЛуны!

В руках Андреа Сольдини бутылка.

— Я выходил за этим... И оставил всё за дверью. Я знал, что рано или поздно ты отвлечёшься!

Алессандро смущённо улыбается.

— Спасибо, ребята, спасибо.

Дарио, Джорджия и Микела подходят к нему с пакетом в руках.

— Поздравляем, босс...

— Не нужно было...

— Мы знаем, но так мы сможем надеяться на небольшое повышение.

— Это от всех нас...

Алессандро открывает пакет. В его руках появляется МРЗ-плеер CD-диск, *Moop*, на котором написано: «Поздравляем... так мы не отходим от темы! Твоя прекрасная команда!».

Андреа Сольдини открывает бутылку и начинает разливать шампанское по пластиковым стаканчикам, которые подаёт ему Дарио.

— Давайте, берите по одному, не проходите мимо.

Наконец, у всех в руках шампанское. Вот Алессандро поднимает свой стаканчик. Вдруг в кабинете наступает тишина. Алессандро прочищает голос.

— Хорошо, я рад, что вы вспомнили. И мне очень понравился подарок, идея с диском очень забавная... Когда хотите... я вижу, какие вы креативные и у вас рождаются отличные идеи! Так что я надеюсь, что скоро у вас появится ещё одна, которая позволит нам завоевать нашу желанную, выстраданную и заслуженную победу! — он поднимает стакан. — За всех нас, завоевателей ЛаЛуны!

Все с улыбкой делают то же, что и он, поздравляют его, шеф, поздравляем, Алекс, с днём рождения... Алессандро улыбается, чокаясь своим пластиковым стаканчиком со всеми остальными. Он делает глоток. Но небольшой. Он не хочет перепить. А главное, чего бы он хотел на свой день рождения, — это разом найти среди всех лучшую чёртову идею для японцев.

После обеда вся команда серьёзно работает под аккорды нового CD. Кто-то приносит ему своё предложение, записку, какую-то старую идею. Андреа Сольдини находит старую публикацию, появившуюся в газете очень давно.

— Это было неплохо, Алекс, — он кладёт статью на стол перед ним.

Алессандро наклоняется на ней, чтобы лучше разглядеть. Андреа Сольдини отворачивается, чтобы что-то положить в свой карман. Алессандро ничего не замечает и продолжает внимательно разглядывать старую рекламу. Затем отрицательно качает головой.

— Нет... не сработает. Это вышло из моды. Не одобряют.

Андреа Сольдини пожимает плечами.

— Жаль, ну да ладно, я хотя бы попробовал... — он удаляется.

Он исподтишка улыбается. Может, как реклама, его предложение не

сработало бы. Но что касается остального... это было идеально.

100

Половина девятого. Алессандро, измученный, входит в лифт своего дома. Смотрит на себя в зеркале. На его лице прекрасно отражается вся усталость этого дня. А главное – стресс оттого, что он не может найти победной идеи. Двери лифта открываются. Алессандро кладёт руку в карман пиджака. Достает ключи. Он едва успевает открыть входную дверь, как усталость улетучивается напрочь.

Эй, что случилось? Кто сюда вошёл? По всей гостиной зажжены одинаковые ароматические свечи. Огонь танцует, движимый легким ветерком. Лёгкая музыка раздаётся по всей квартире. От запаха кедра кажется, что здесь чище и свежее. В центре гостиной, на полу, стоят два больших и низких светлых глиняных горшка, наполненных лепестками роз. И от них запах исходит ещё сильнее, он опьяняет. Алессандро не знает, что и думать. Только у одного человека есть ключи. И она их так и не вернула. Элена. Но в этот самый момент его сомнение, этот страх, это странное волнение – всё исчезает. Лёгкая японская музыка, древние ноты, сухой ритм, который нельзя ни с чем перепутать. Из тени спальни выходит она. Белое кимоно с маленькими рисунками, вышитыми серебром, и такая же лента на поясе. Маленькие сандалии на ногах, шаги короткие, ритмичные, типичные для настоящих японок. Ладони прижаты друг к другу у груди. Волосы собраны, только одна тонкая светло-каштановая прядь выбилась из этого странного пучка

— Я здесь, мой господин... — улыбается она. Перед Алессандро – самая красивая гейша, какой никогда раньше не существовало. Ники.

— Как ты это сделала?

— Не задавайте вопросов, мой господин... Сегодня все твои желания исполнятся, — она снимает с него пиджак и аккуратно вешает на кресло в зале. Она усаживает его, снимает туфли, носки, брюки, рубашку.

— Но я хотел бы знать, как ты это сделала.

— Один из твоих рабов сделал это возможным, господин.

Ники заставляет Алессандро надеть чёрное кимоно

— И попросил меня отдать тебе это, — Ники протягивает Алессандро записку.

Он открывает её.

«Дорогой Алекс, я взял твои ключи из кармана, так, чтоб ты не заметил, и отдал их Ники. Она сделала копию и вернула мне их. Как ты уже понял, мы их положили обратно в твой карман. Думаю, что в

некоторых случаях стоит рискнуть ради прекрасного вечера. P . S .: приглашаю на шампанское. На остальное... нет. Надеюсь, ты меня не уволишь. В противном случае... знаешь, наверное, я слишком рисковал, но надеюсь, это того стоило... Андреа Сольдини.»

Алессандро сворачивает записку. И тут же слышит, как за его спиной открывается бутылка. Ники разливает шампанское по двум бокалам. Предлагает один Алессандро.

— За любовь, которой ты желаешь, мой господин, за твою улыбку, самую красивую в мире, которую, я надеюсь, ты всегда даришь мне одной.

Они чокаются бокалами. По гостинной разносится мелодичный звон бокалов, а Алессандро пьёт отлично охлаждённое сухое шампанское. Такое же, как рука Ники, которая немного позже приводит его в ванную. Она снимает с него кимоно и помогает залезть в ванну, которую подготовила заранее.

— Расслабься, любимый, — и Алессандро погружается в горячую, но не слишком, воду. Идеальная температура. По краям ванны поставлены маленькие чашечки с сандаловыми свечками внутри. На дне растворяются синие кристаллы минеральной соли. Понемногу ванна заполняется лёгкой пеной, от которой у воды появляется аромат. Алессандро ныряет под воду с головой и закрывает глаза. Посреди этой тишины сквозь толщу воды пробивается лёгкая далёкая музыка. Всё, как мягкая подушка. Всё спокойно. Это просто сон, я сплю, думает он. И полностью расслабляется. Даже его волосы завиваются, словно убаюканные этой тихой водой. Немного позже что-то трётся о его ноги. Алессандро поднимается, возникает вновь наружу, выплёвывая воду. И видит её. Ники. Как маленькая пантера. Она садится на него, полностью раздетая. Ставит одну ногу, затем другую, сгибает их. Плечо, другое, так она погружается, всё ещё сухая, в эту воду с маленькими ароматными пузырьками. С открытым ртом, жаждущим любви, она ныряет над ним, на его тело. Она опускается всё ниже и тоже ныряет с головой. Сейчас видны только её спина и мокрые волосы, которые будто растворяются в этой воде, как испуганный осьминог, который вдруг раскрывает свои щупальца, как взрыв фейерверков в ночном небе. Она снова вылезает, мокрая, вода стекает по её лицу, по шее, по груди. Она целует его. Ещё поцелуй. И ещё. Два скользящих рта, которые находят друг друга, которые не останавливаются, которые любят друг друга. Она снова бесстыдно опускается вниз, как прекрасная гейша, которая находит в удовольствии мужчины своё единственное счастье. На дне. Раскрашивая воду в синий. С запахом возможной жизни.

Позже Ники полоскает его водой в душе и вытирает огромным

полотенцем. Укладывает его голого в постель на живот, брызгает ему на спину немного масла, которое она держала до этого в кастрюле с горячей водой.

— Ох... горячо.

— Сейчас станет лучше, — и своими сильными руками волейболистки чемпионка Ники ударяет по этим мускулам, разглаживая, расслабляя их, сбрасывая его напряжение. Затем она наклоняется над ним и проходит по его спине своей грудью. Дальше продвигается ниже, массирует поясницу, ноги, и обратно вверх. Работает с позвоночником, шеей, плечами. И опять вниз. Как скользкий кусок мыла, сошедший с ума, бежит вверх и вниз... и никогда не останавливается.

— Это называется «body massage».

Алессандро почти не может говорить.

— Мне кажется, что ты учишься не в институте Мамиани!

Они начинают смеяться и снова занимаются любовью, а затем Алессандро засыпает. Просыпается. И не может поверить.

— Что ты делаешь, Ники?

Она лежит рядом с ним и весело улыбается.

— Я приготовила ужин! — но здесь кое-что действительно особенное. Она разложила лучшие суши и сашими на этом странном мягком блюде. На своём животе. В общем, словно это небольшой поднос.

— Вот здесь соевый соус... ешь осторожно, чтобы не капнуло на меня, потому что скорее всего очень горячо! — и они смеются, в то время как Ники протягивает ему палочки в бумажном пакете.

Алессандро не может поверить тому, что видят его глаза.

— Ты с ума сошла...

— От тебя!

Алессандро достаёт палочки и отодвигается.

— А ты не ешь?

— Позже, мой господин.

Алессандро смотрит на суши, потом на сашими. Не знает, с чего начать. Всё выглядит очень красиво.

— Ох... быстрее, Алекс, я тоже есть хочу!

Алессандро качает головой.

— Ты превосходный экземпляр гейши, — он начинает есть, как самый настоящий идеальный Алекс-сан. Он пробует всё, иногда что-то давая Ники, которая весело улыбается. Она откусывает, хитро глядя на него, разделяя суши этими маленькими палочками. Затем Ники поднимается и наливает отличное пиво Sapporo в два стакана.

— Ммм, такое вкусное. Ты идеально всё подготовила, Ники! Я не мог и желать иного, всё было волшебным.

Ники наклоняет голову набок.

— Серьёзно?

— Серьёзно.

— Значит, ты простишь Андреа Сольдини?

— Думаю повесить его.

Ники начинает смеяться. Берёт его за руку.

— Идём, — они голышом проходят в гостиную. — Держи.

Ники протягивает ему записку. Алессандро открывает её.

«Я бы хотела, чтобы это был лучший день рождения в твоей жизни. Но также и худшим из всех, что мы с тобой ещё отметим вместе. Мне бы хотелось, чтобы мы не потеряли прошлого времени. И не хочется терять времени после. Мне бы хотелось, чтобы мы праздновали каждый день, как бы наш "счастливый не день рождения", как в той сказке. И даже больше. Мне бы хотелось, чтобы мы были волшебной сказкой. Мне бы хотелось прожить с тобой этой сон, никогда не просыпаясь. Поздравляю, любимый»

Алессандро сворачивает записку. У него блестят глаза. Красиво. Очень красиво. Потом он смотрит на неё.

— Скажи мне правду, скажи, что я не сплю. А главное, скажи, что больше никогда не попадёшь в аварию с другим.

Ники начинает смеяться, затем берёт Алессандро за плечи и нежно ведёт его.

— Идём. Это для тебя.

Огромная коробка, отлично упакованная, спрятана в уголке в гостиной.

— Но как же ты ухитрилась занести её?

— Не спрашивай. У меня даже спина ноет. Давай, открывай! — Алессандро начинает разрывать бумагу. — Значит, ты хочешь знать? Твои соседи мне помогли!

— Поверить не могу! Если ты смогла сделать так, чтобы тебе помог тот тип, который всегда осуждает меня и вызывает ко мне полицию, должно быть, у тебя есть какие-то сверхъестественные силы.

Алессандро, наконец, разворачивает коробку и, увидев подарок, замирает с открытым ртом.

— «Море и риф»... Эта скульптура была во Фреджене, у Мастина.

— Да, она так тебе понравилась... И я принесла её тебе.

— Милая, как ты это сделала? Это прекрасный подарок! Даже слишком. Интересно, чего это тебе стоило.

— Не волнуйся по этому поводу, ты больше на бухгалтера похож, чем на креативщика! Какая тебе разница! Приятно делать подарок, не думая о цене. Слушай, этим летом мне придётся поработать у Мастина посудомойщицей, или официанткой, или даже уборщицей, но это ничего по сравнению с удовольствием видеть это в твоей гостиной. Это бесценно.

Алессандро шокированно смотрит на скульптуру. Ники замечает это.

— Что такое, тебе не нравится? Можешь поставить её в гостиной, или на кухне, или на террасе, или выбросить её... Это твой подарок, ясно? Можешь делать с ним всё, что захочешь! И даже не думай, что я хочу заняться твоей квартирой!

— Спокойно, спокойно, я просто думал. Это самая красивая вещь, что мне дарили. Ты и понятия не имеешь, как часто я о ней думал, но решил, что Мастин не станет продавать её.

— Я тоже. Кстати, сомневаясь, что он мне её отдаст, я купила тебе ещё и это, — и Ники достаёт коробку поменьше. — Возьми, всё равно я это покупала тебе ко дню рождения.

— Но, Ники, это уже слишком! Ты можешь подарить мне это в другой раз!

— Да ладно тебе, не нужно считать чувства, в другой раз будет другой подарок! Открывай уже и хватит болтать.

Алессандро открывает её.

— Камера! Классная!

— Теперь, когда в следующий раз окажемся в Евродиснее, не будет проблем! — улыбается Ники. — К тому же, неужели тебе кажется нормальным то, что у тебя, суперкреативщика, коим ты являешься... есть всё, но нет фотоаппарата? Он тебе всегда пригодится. Вот ты увидел что-то, пришла в голову какая-то идея, и ты нажимаешь кнопку... клик — и она останется с тобой.

Алессандро улыбается.

— Встань туда, рядом со скульптурой. Хочу начать пользоваться прямо сейчас.

Ники прячется сзади и скромно высовывается, пряча свою наготу.

— Я делаю это только ради тебя. Я очень стеснительная. Давай, фотографируй уже, пока я не передумала.

Алессандро снимает её. Она так красива в полутени гостиной, в объятиях этой белой скульптуры.

— Вот и всё. Посмотри, — Алессандро подходит к Ники и показывает ей фото. — Это могло бы стать картиной. У меня уже есть название. Море, риф... и любовь, — они целуются. — Во сколько тебе нужно вернуться

домой?

— Мне не нужно возвращаться. Я сказала родителям, что иду заниматься к Олли и останусь у неё ночевать.

Алессандро улыбается ей.

— Вот видишь?.. Иногда и учёба приговора.

101

Позже. Ночь. Глубокая ночь. Выключенный свет. Лёгкий ветерок, пришедший издалека, с моря. Луна наполняет светом террасу. Шторы исполняют простой танец. В полутени комнаты не спит Алессандро. Он смотрит на спящую Ники. На ней его голубая рубашка. Жизнь – странная штука... Вот он – я, отметил своё тридцатисемилетие с девушкой, которой едва исполнилось восемнадцать. Я собирался жениться. И вдруг, безо всяких причин, меня оставили одного. Елена даже не вспомнила, что нужно меня поздравить, ни сообщения, ни звонка. Может, она меня бросила как раз, чтобы не поздравлять. Но почему? Почему я хочу оправдать её? У меня впечатление, что моя жизнь оказалась неопределённой, хаотичной, с долей риска – да что я говорю? – почти на краю, ещё немного, и я уеду в Лугано. Однако здесь и сейчас я счастлив.

Алессандро рассматривает её. И моё счастье зависит от неё. От тебя... Но кто же ты такая? Можем ли мы и вправду быть волшебной сказкой? И разве не более вероятно, что ты просто устанешь от этого? Тебе предстоит сделать в жизни столько всего, а у меня уже всё это было... И наверняка ты встретишь кого-то веселее меня. Моложе. Да просто глупее. Кого-то, кто сможет заставить тебя почувствовать себя на свой возраст, кто всё ещё ходит по дискотекам и может танцевать до четырёх утра, вести разговоры ни о чём, идиотские, но лёгкие, прекрасные, которым нет конца, которые и вовсе не нужны, которые и не должны ничего особенного значить, но которые очень смешат... И заставляют чувствовать себя так хорошо. Как же я скучаю по глупостям.

Вдруг Ники переворачивается, словно слышит эти мысли. Она ложится лицом вниз и, хотя всё ещё спит, поднимает ноги и сгибает их. Смешная поза, странная, несовершенная. И тогда Алессандро видит её. Чёткая. Ясная. Идеальная. Ему только что пришла в голову идея. Он тут же вылезает из постели и берёт камеру, которую ему только подарила Ники. Он медленно опускает ноги. И, освещённый луной, ловит эту картинку. Клик. Он ждёт. Ники немного поворачивается. Снова клик, ещё фото. Он ждёт дальше. Тишина. Ночь. Ещё раз клик-клик. И через полчаса снова клик. Фото. Одно за другим, он крадёт эти моменты. Захватывает их.

Забирает себе. Оставляет их в тюрьме этой очаровательной камеры. Затем он подходит к своему компьютеру, скачивает их туда, сохраняет. Потом он кликает по этим только что сделанным фотографиям, всё ещё источающим свежесть и креативность идеи. Он обрабатывает их в Photoshop. Делает светлее, добавляет немного цвета, что-то исправляет. И настоящее небо за окном тоже начинает светлеть. Почти рассвет. Алессандро продолжает работать. Идёт на кухню и готовит себе кофе. Потом возвращается к своему компьютеру и работает дальше. Когда он заканчивает, на часах уже почти девять утра.

— Милая, просыпайся.

Ники поворачивается на кровати. Алессандро присаживается на корточки рядом с ней. Он улыбается, когда она открывает глаза.

— А сколько времени?

— Девять. Я принёс тебе завтрак.

На столике рядом с ней стоит ещё дымящийся кофе с молоком, йогурт, апельсиновый сок и круассаны.

— Даже круассаны! Значит, ты уже выходил... Ты давно проснулся?

— Я не спал!

— Что? — наклоняется Ники. — А почему, тебе было плохо? Сашими не удались?

— Нет, все было хорошо и вкусно, а ты самая прекрасная. И ты была великолепна.

Ники откусывает круассан.

— Ты тоже...

— Нет, ты лучше...

— Ладно, — делает она глоток апельсинового сока, — в таких случаях, гейша доминирует... И я уверяю тебя, что не хотела быть вульгарной...

— Знаю. Ты была великолепна, когда спала.

— Почему? Что я сделала?

— Вдохновила меня. Пойдём.

Ники допивает свой сок и слезает с кровати. Идёт за Алессандро в гостиную. И, оказавшись там, не может проверить. На стене висят три её огромные фотографии, где она спит в самых разных позах.

— Эй... а что случилось?

Алессандро улыбается.

— Ничего, это просто ты, спящая...

— Я это вижу, но, видимо, мне приснился кошмар. Должно быть, мне стало плохо от суши или сашими... Посмотри на эту... Я ужасно искривилась. Вот бы знать, что мне снилось.

— Я не знаю. Но ты заставила меня мечтать. Мне пришла в голову эта идея.

Алессандро подходит к первому фото, на котором появляется Ники с согнутыми ногами.

— Смотри, вот здесь у нас девушка спит в странной позе, и ей снится плохой сон... — Алессандро переходит ко второму фото. На этом Ники перевернулась, рука её сползла с кровати и касается пола: — Здесь снится кошмар. — Алессандро идёт к третьей фотографии. Ники лицом вниз, с поднятой задницей, а простыни под ней смялись. — То есть, просто ужасные кошмары...

— Мать моя, здесь мне всерьёз было плохо!

Тогда Алессандро останавливается перед четвёртой и последней фотографией. Она на стене напротив.

— А эта и есть моя идея! — разворачивает он её. Ники спокойно спит. У неё спокойное выражение лица, блаженное, она обнимает подушку руками, полуулыбка, как жест удовлетворённости. Она восхитительна. А сверху коробочка карамели с огромным слоганом: «Мечтай... с ЛаЛуна».

Счастливый, Алессандро смотрит на неё.

— Ну как? Тебе нравится? Я думаю, это восхитительно, ты восхитительная, то есть, ты и ЛаЛуна – восхитительны!

Ники снова рассматривает последовательность фотографий.

— Да, это очень круто! Браво, любовь моя!

Алессандро вне себя от радости. Он обнимает Ники и поднимает её, покрывая поцелуями.

— Как же я счастлив... Пожалуйста, скажи, что будешь моей моделью... Жасминовая девчонка превращается в карамельную девчонку. Пожалуйста, скажи, что на плакатах будешь ты.

— Но, возможно, они не захотят меня, Алекс...

— О чём ты? Ты идеальна, ты новая карамельная Венера, ты сладкая Джоконда! Ты будешь на всех рекламных щитах в мире, все тебя увидят, ты станешь известной в самых дальних уголках, ты станешь знаменитой в самых разнообразных местах. Да если однажды мы вернёмся в Евродисней, это Микки и другие будут подходить к тебе и просить автографы!

— Но, Алекс...

— Пожалуйста, скажи мне «да».

— Да.

— Отлично. Спасибо, — Алессандро бежит к фотографиям, снимает их одну за другой, собирает, кладёт на стол, чтобы упорядочить, и засовывает в папку.

— Ну что, поехали? Ты готова? Я подвезу тебя, а потом поеду прямо в офис.

— Не волнуйся, у меня есть скутер.

— Уверена? Значит, я уже могу ехать?

— Давай, поезжай. Я спокойно приведу себя в порядок и потом уеду.

— Спокойно? Ну, ладно. Ты можешь делать здесь всё, что захочешь, провести время как угодно, вернись в постель, если хочется, доешь свой завтрак, прими ванну, душ, посмотри телевизор... Но мне надо идти... — Алессандро берёт папку, надевает пиджак и направляется к двери. Но потом останавливается и возвращается.

Ники так и стоит посреди гостиной. Он очень долго целует её в губы.

— Прости, любимая, не знаю, где сейчас моя голова, — он отстраняется и долго выдыхает. — Спасибо, Ники. Ты спасла меня уже во второй раз, — и с этим он выбегает из гостиной.

102

— Леонардо здесь?

— Он в своём офисе, говорит по телефону...

Алессандро не ждёт ни секунды и входит в офис Леонардо, даже не постучав в дверь.

— Ты готов? Я нашёл её. У меня есть идея. Она внутри, — Алессандро показывает на папку.

Леонардо недоверчиво созерцает Алессандро и его энтузиазм.

— Прости, любимая, но тут вошёл один псих, и мне придётся повесить трубку... я позвоню тебе позже, — Леонардо кладёт трубку телефон на место. — Что случилось? Что у тебя там?

— Это.

Алессандро открывает папку и кладёт на стол одну за другой, в той самой последовательности, три фотографии. Ники, спящая в разных позах. Лицом вниз, но свернувшаяся калачиком, с рукой на полу, задом кверху. Он останавливается. Ждёт секунду. Таким образом он ещё больше привлекает внимание Леонардо, который теперь смотрит на него с любопытством, внимательно, с предчувствием победы. Как собака, отслеживающая добычу.

— Ты готов? Та-дам! — он кладёт на стол последнее фото. Под карамелью — блаженно спящая Ники, а сверху слоган: «Мечтай... с ЛаЛуна».

Леонардо смотрит на него. Он замирает в молчании. Аккуратно касается фотографии. Словно боится помять её. Он встаёт, обходит стол и

направляется к Алессандро. Обнимает его.

— Я знал, знал... Только ты мог добиться этого. Ты самый великий, ты лучший.

Алессандро выбирается из его объятий.

— Подожди, Леонардо, подожди праздновать. Когда последний срок отправки предложения?

— Завтра.

— Тогда мы отправим их прямо сейчас. Давай попробуем, посмотрим, что они скажут.

Леонардо на один момент задумывается, затем решается и улыбается.

— Да, ты прав, ждать бесполезно. Давай, идём.

Они вдвоём быстро убегают в зал компьютерной графики и быстро дают задание одной из помощниц.

— Джулия, обработай фотографии, которые здесь!

Девушка тут же хватается за работу, которую ей принесли.

— Так, очень хорошо. Теперь подготовьте мэйл для японцев, присоедините эти четыре фотографии в качестве нашей концепции и отойдите, пожалуйста, — Алессандро садится рядом с Джулией и быстро начинает писать по-английски. Отправляет.

Леонардо смотрит на него немного шокированно.

— Алекс, не слишком ли смело писать что-то такое их директору по маркетингу?

— Мне показалось, у него есть чувство юмора... И нет ничего плохого в том, чтобы написать, что мы в Италии уже начали мечтать. Всё равно, Лео, по правде говоря, единственная проблема – понравится им или нет сама идея.

Они оба остаются перед компьютером, ожидая ответа. Алессандро поднимается и встаёт на ноги рядом с Лео.

— Представляю себе, — закрывает глаза Алессандро. — Он только что открыл почту. Открывает наше предложение... Так, теперь печатает фото... Даёт им просохнуть, — Алессандро открывает глаза и смотрит на Леонардо. Затем поднимает взгляд к потолку и продолжает представлять. — Теперь он несёт их в конференц-зал, развешивает их на доске, а сейчас берет телефон и созывает всю комиссию...

Леонардо смотрит на свои часы.

— Итак, они все пришли. Кто-то рассаживается на места. Они смотрят на фотографии. Кто-то поднимается, хочет рассмотреть поближе. Приходит директор. Он хочет посмотреть вблизи. Он обходит стол, направляется к доске, смотрит на первую, вторую, третью, останавливается перед

последней. Стоит там некоторое время. И немного ещё. Тут он поворачивается к остальным... вот и решающий момент. Теперь он либо улыбается, либо отрицательно качает головой. Они уже приняли решение. В данный момент директор отправляет кого-нибудь, чтобы тот ответил на наш мэйл... Сейчас ответ должен прийти.

Алессандро и Леонардо снова подходят к компьютеру. Всё ещё нет никакого сообщения. Ничего.

— Директор в нерешительности. Он ещё думает, — вмешивается Леонардо.

— Может быть, кто-то что-то сказал. Наверняка они хотят другой слоган.

— Может быть. Но это плохой знак, что они заставляют нас ждать так долго.

— Необязательно. No news, good news[13]... — и в этот самый момент на мониторе появляется надпись: «У вас новое сообщение».

Алессандро снова садится за компьютер. Кликает и заставляет надпись исчезнуть. Иконка сверху справа показывает, что сервер загружает сообщение. Алессандро надеется. Открывает письмо. В списке принятых сообщений в самом верху появляется электронный адрес японцев. Алессандро поворачивается к Леонардо. Смотрит на него. Тот подаёт ему знак головой.

— Чего ты ждёшь? Давай, открывай.

Алессандро кликает мышкой по конвертику. Открывает его. «Incredible. We're dreaming too[14]...»

Алессандро не верит тому, что видят его глаза. Он издаёт радостный вопль. Он встаёт из-за компьютера, начинает прыгать от радости, затем обнимает Леонардо. Они вместе танцуют, втягивая и Джулию, которая танцует с ними счастливая, хотя и просто из солидарности и естественного чувства долга. А мимо как раз проходят Джорджия, Микела, Дарио и Андреа Сольдини. Они видят, как те прыгают, как безумные, кричат от счастья и танцуют... Леонардо и Алессандро кажутся сошедшими с ума. Измученная Джулия садится на своё кресло. Все входят в зал. Но Андреа Сольдини быстрее всех и бежит прямо к Алессандро.

— Это то, о чём я думаю? Скажи, что это то, о чём я думаю.

Алессандро подтверждает глазами, головой, всем.

— Да! Да! Да!

— Да что ты!!! — и они все вместе начинают танцевать. Андреа прыгает вокруг своей оси, словно репетируя странный мексиканский танец, глупая пародия финального танца Брюса Уиллиса в «Последнем

бойскауте». Затем он танцует рядом с Алессандро.

— Скажи мне только одну вещь... ты ведь не обиделся на бутылку шампанского, правда?

— Обиделся? Благодаря именно твоему подарку мы победили!

И они все продолжают танцевать дальше, весёлые, неистовые, усталые, безудержные, наконец расслабленные, оставляя всю напряжённость от работы.

Марчелло, Алессия, вся остальная его команда показываются в дверях. Они слышали крики. Алессия улыбается. Она всё поняла. Алессандро видит её издали и подмигивает ей. Затем он поднимает вверх кулак в знак победы. Алессия смотрит на Марчелло и, даже не спросив его, входит в кабинет и подходит к Алессандро:

— Мои искренние поздравления. Уверена, у вас отлично получилось. Как всегда, как всё остальное.

Алессандро перестаёт танцевать, глубоко вздыхает, пытаясь восстановить дыхание.

— Поверь мне, на этот раз я не был уверен, что у меня получится.

— Ну, это и правда была сложная задача.

— Нет. Сложно было без тебя.

С мгновение они смотрят друг на друга. Затем обнимаются. Алессия остраниется и смотрит на него.

— Я могу всегда называть тебя шефом?

— Нет. Зови меня и дальше Алексом.

Марчелло, увидев эту сцену, удаляется, следуя за остальными членами своей команды.

103

Алессандро всё всем объясняет. Показывает им фотографии. Даёт кое-какие указания относительно следующих шагов. Затем идёт в свой кабинет и звонит Ники.

— Привет! Это сработало! Мы победили! Ты идеальная модель, естественная, совершенная! Ты – лицо ЛаЛуны... То есть, ты и есть ЛаЛуна!

На том конце Ники начинает смеяться.

— Серьёзно?

— Да. Мы стали танцевать, как сумасшедшие, как только пришёл ответ из Японии. Я уже поговорил с директором. Ты станешь лицом марки... во всём мире, — на какие-то доли секунды он останавливается. — Если захочешь, конечно.

— Конечно же, я хочу, любимый.

Алессандро замолкает на момент.

— Спасибо, Ники. Без тебя у меня ничего бы не получилось.

— Ещё чего. Наверняка ты бы немного опоздал, но всё равно бы всё получилось.

Алессандро улыбается.

— А ты чем занята?

— Ничем, побродила по дому голой, мне очень понравилось! Может, меня даже соседи увидели... но ты и сам это знаешь, мы с ними теперь друзья. Они даже в полицию не звонили. Потом я снова повалялась в постели, послушала музыку, поспала, снова проснулась... Искала тебя в постели, потом вспомнила, что ты уехал в офис. Тогда я сходила в душ, приготовила себе фруктовый салат, съела почти просроченный йогурт... и ответила на звонок.

— Хорошо. — Алессандро вдруг задумывается: — И ответила на звончок?

— Я же пошутила... Но только потому, что никто не звонил...

— Дурочка. И ты ничего не повторила по учёбе?

— Ох, ты похож на мою мать!

— С завтрашнего дня я стану хуже твоей матери. Напоминаю, что у тебя выпускные экзамены, я буду с тобой всё время, как твоя тень, я заставлю тебя учиться. Я уже школу закончил. Теперь твоя очередь.

— Блин, а я-то надеялась на ещё одну поездку!

— После экзаменов.

— Но после экзаменов я уезжаю с Волнами.

— И когда вы вернётесь?

— Как только, так сразу... Что такое, не собираешься меня ждать? Эй, ведь эта победа не изменит тебя, не вскружит тебе голову этим международным успехом, нет?

— Успех ничего не значит, если тебе не с кем разделить его.

— Отлично, тогда раздели его со мной. А сейчас мне нужно ехать домой.

— Не подождёшь меня?

— Нет, не могу. Ты сказал столько всего красивого, что я хочу сохранить в себе всю эту ночь.

— Но...

— Ничего мне больше не говори, а то всё испортишь! — вешает она трубку.

Алессандро замирает, глядя на телефон. Ники и её магическое

безумие. Ники и её юная красота. Ники и её сила, Ники и её поэзия. Ники и её свобода. Ники, жасминовая девчонка. Ники и ЛаЛуна. Затем он вспоминает, что должен дать другие указания для плакатов и рекламной кампании. Он начинает делать рабочие звонки. Но это неоспоримый факт. Ничего не происходит случайно. И даже успех может превратиться в проблему.

104

Позже. Алессандро смотрит на свои часы. Половина девятого вечера. Как же летит время... Когда тебе хорошо, когда ты счастлив, оно пролетает в одно мгновение. И наоборот, иногда оно и знать не хочет, как двигаться дальше. Ладно, хватит. Я сегодня переработал свою норму. К тому же, худшее уже позади. Мы победили, а самое главное – я остаюсь в Риме. Алессандро собирает свои бумаги, кладёт их в папку, а её – в свой портфель. Он выходит из своего кабинета, пересекает коридор. Прощается с каким-то коллегой, который всё ещё работает.

— Пока. Доброй ночи. Поздравляю, Алекс.

— Спасибо!

Он вызывает лифт. Тот приходит, Алессандро входит, жмёт на кнопку первого этажа. Но прежде, чем двери успевают закрыться, внутрь просовывается рука.

— Я тоже вниз.

Это Марчелло. Он входит в лифт и занимает своё место.

— Привет, — Алессандро снова жмёт на кнопку и двери закрываются.

— Ну, поздравляю, Алекс... Ты сделал это.

— Ага. Я даже не надеялся.

— Ох, не знаю, верить ли тебе... Ты всегда казался мне таким уверенным. Или ты просто пытался заставить меня поверить в это?

Алессандро смотрит на него. Конечно... Всегда нужно быть спокойными, уверенными, держать ситуацию под контролем. Даже когда у тебя земля уходит из-под ног. Он улыбается ему.

— Тебе решать, Марчелло.

— Я ждал такого ответа. Иногда работа – как партия в покер. Или у тебя есть карты, или ты заставляешь других думать, будто они у тебя есть. Самое важное – уметь блефовать.

— Ага, или всё делать наоборот и притворяться, что у тебя нет хороших карт. Это и есть настоящий покер.

— Да, тебе очень повезло.

— Нет, мне жаль, Марчелло. Но везением называют успехи других. Я

сменил карты и выиграл партию. Мне не везло, это сделал я сам.

— Знаешь, я прочитал одну очень красивую фразу Симона Боливара: «Искусство победы познаётся поражениях».

— А я – Черчилля: «Успех – это движение от неудачи к неудаче без потери энтузиазма». Ты кажешься мне молодым и всё ещё не растерявшим свой энтузиазм.

Марчелло хранит молчание. Затем смотрит на него и улыбается.

— Ты прав. Ты сделал всё сам и выиграл эту партию. Но, возможно, я выиграл другие. Я уезжаю в Лугано. К тому же, Рим дал мне столько, сколько мог дать. И всё, что у меня здесь было, начинает мне надоедать.

Они приезжают на первый этаж и двери лифта открываются. Алессандро протягивает руки вперёд, стараясь выйти первым.

— Как странно: я, когда проигрываю в футболе, всегда думаю, что это остальные не шевелятся. Проблема в том, что и остальные думают то же самое обо мне. На самом деле, всё совсем не так. «Иногда победитель – это просто мечтатель, который никогда не сдавался». Джим Моррисон. До встречи, Марчелло.

Алессандро уходит. Улыбаясь и оставляя его позади себя с меньшим количеством прожитых лет за спиной и на одно поражение больше.

105

Последующие дни наполнены радостью. Это счастье, которое заставляет почувствовать баланс жизни, чувствовать себя спокойными, не искать большего.

Алессандро и Ники учатся вместе, читают книги, обсуждают, анализируют. Алессандро вдруг оказывается в школе и понимает, что не помнит ничего из того, что так упорно изучал в юности. Затем он спрашивает её и удивляется.

— Значит, это была правда, когда ты говорила, что сидишь дома и занимаешься.

— Ну, конечно! Я тоже хочу быть взрослой.

— Как я?

— Да, как когда ты падаешь с дерева...

Они смеются и шутят, теряются в сексе и вновь находятся в любви.

Сидя на диване, он работает за ноутбуком, она с маркером, что-то подчёркивая...

Спокойные ужины и музыка. Алессандро идёт к музыкальному центру и ставит балладу номер один соль-минор опус 23 Фредерика Шопена. Ники идёт, убирает диск и ставит Бейонсе. Алессандро возвращается из кабинета

и вновь ставит классику. Ники снова ставит Бейонсе. В конце концов, они встречаются перед музыкальным центром, чтобы примириться.

— Ладно, Ники, не будем спорить. Сделаем вот что: послушаем это, — он ставит *Transfiguration* Генри Джекмана.

— Эх, ну что древность, Алекс... Похоже на то, что ты всё время слушаешь... на Баха?

А потом DVD, фильм, который они пропустили, или уже смотрели, но не вместе, но который всё равно нравится им обоим. «Гладиатор», «Свидание на одну ночь», «Ноттинг Хилл», «Трудности перевода», «Знакомьтесь, Джо Блэк», а ещё «Таксист», «Последнее танго в Париже», «Близость» и «Красотка». От великого до смешного. И не нужен определённый порядок.

Потом забавный коктейль, безумный десерт, новый придуманный ими салат... цикорий, кукуруза, фуа-гра, орехи, бальзамический уксус. И ещё один, более сумасшедший, с кусочками сицилийских апельсинов, изюмом, укропом и листьями салата. Вместе с охлаждённым вином — случайно выбранным совиньоном, которое они поставили на час в холодильник, и теперь оно идеальное, как часы любви. И каждая прошедшая секунда — это поцелуй, который указывает на время, это заметка, чтобы запомнить, что это мгновение не потеряно.

Учёба по ночам, дни, проведённые с подругами, пока он занимается кампанией в офисе. Потом они обедают в Пантеоне, говоря по-английски, как двое молодых туристов, которым любопытен Рим, но у которых нет времени на музеи, памятники и церкви. Но у них нет ни малейших сомнений касательно этого вопроса: «Извините, так вы меня любите или нет?»

— Теперь мне нужно позаниматься.

— А мне нужно работать, — и они начинают смеяться, словно говоря: «Не знаю как, но я застрял в этом».

106

Тот же самый день.

Как летняя буря, как порыв ветра в скучающей Остии. Как будильник рано утром в воскресенье, когда ты наконец можешь выспаться, потому что у тебя нет никаких планов, а тебя кто-то будит. Вот такой день.

— Где ты, Алекс?

— Дома.

— У тебя есть время, чтобы приехать в центр?

— Нет... я уже опаздываю. Мне нужно доставить последние эскизы

для плакатов.

— Всё равно, даже работая, ты проводишь время со мной, — смеётся Ники.

— Конечно.

— Эй... ты какой-то странный.

— Просто я опаздываю.

— Окей, а я здесь с подружками. Но этой ночью мне придётся остаться дома, потому что сегодня мамин день рождения.

— Ладно, потом поговорим.

Алессандро закрывает свой мобильный телефон. Делает глубокий выдох. Глубочайший. Как бы ему хотелось, чтобы это никогда не заканчивалось, чтобы унесло его далеко. Как шарик, который улетает из рук ребёнка перед церковью и улетает в небо. И от этого становится грустно. Затем он поворачивается к ней.

— Зачем ты пришла?

Элена стоит посреди гостиной, опустив руки. На ней светло-синяя юбка, жакет в тон. В руках у неё красивая сумочка, последняя модель. Луи Вюиттон. Белая, с маленькими цветными буквами. Она тербит ручку, проводит по ней своими короткими ногтями, крашенными в белый. Она немного загоревшая. Лёгкий макияж заставляет её глаза казаться зелёными, а её недавно подстриженные каскадом волосы спадают ей на плечи.

— Ты не хотел видеть меня?

— Я хотел получить хотя бы поздравление на свой день рождения.

Элена ставит сумочку на стол и садится на диван напротив него.

— Мне показалось, что звонить тебе в такой день было бы одной из тех вещей, которые делают под давлением. Одной из тех вещей, которые делают пары, у которых не хватает смелости забыть друг о друге.

Алессандро скидывает голову.

— И ты набралась смелости?

— Нет. Именно это я сейчас и поняла. Я соскучилась по тебе.

Алессандро ничего не говорит.

— Я всё ещё скучаю, даже сейчас.

— Ну, вот я и здесь.

— Ты далеко.

Элена поднимается и садится рядом с ним.

— Прошло слишком мало времени, чтобы мы могли перестать быть близкими людьми.

— Я рядом, я здесь.

— Ты далеко.

Алессандро встаёт с дивана и начинает шагать по гостиной.

— Почему ты исчезла?

— Ты меня напугал.

Алессандро поворачивается к ней.

— Я тебя напугал? И чем же это?

— Ты предложил мне стать твоей женой.

— И этим я тебя напугал? Это должно было тебе понравиться, осчастливить тебя. Всем женщинам хочется, чтобы любимый мужчина сказал им эти слова.

— Я не все женщины, — Елена встаёт и подходит к нему. Алессандро отворачивается от неё.

Элена обнимает его сзади.

— А ты не скучал по мне?

Она кладёт голову на его плечо. Алессандро закрывает глаза, вдыхает запах её духов. White Musk. Она медленно движется, поворачивает его к себе легонько. Затем обхватывает его как змея, ослепляет и оглушает. Елена целует его в шею.

— Как ты можешь забыть нашу любовь, наш смех, наши выходные, наши ужины, наши праздники?.. Тысячи вещей, которые мы друг другу доверяли, которые обещали. Всё, о чём мы мечтали.

И Алессандро закрывает глаза, а она обнимает его ещё сильнее. И в одно мгновение оживают все эти моменты, как в фильме. Со своим саундтреком. С её улыбкой. С их выходами в свет, выходными на пляже, ночными возвращениями домой на машине, когда она засыпала... а он любил её. Алессандро снова улыбается.

Тогда Елена обнимает его с ещё большей силой, притягивает его руками, как ремнём, она просовывает их под его пиджак. Заставляет его повернуться к себе лицом. Алессандро открывает глаза. Они блестят. И он смотрит на неё.

— Почему ты ушла?..

— Не думай о вчерашнем дне. Я вернулась, — улыбается Елена. — И мой ответ – да.

107

Спустя день. Самый сложный день.

Алессандро стоит на углу неподалёку от дома Ники. Отправляет сообщение с мобильного и ждёт ответа. Он приходит через несколько секунд, быстро, как всегда. Чуть позже видит в зеркало заднего виденья, как она выходит. Ники смотрит вокруг себя, направо, налево, затем видит

машину Алессандро и бежит к нему, весёлая, как всегда. Может быть, даже веселей, чем всегда. У Алессандро сжимается сердце. Он закрывает глаза. И когда он снова открывает их, Ники уже здесь. Она открывает дверь и залезает в Мерседес.

— Привет! — она налетает на него, встряхивает его с энтузиазмом, целует его.

Алессандро улыбается. Но эта улыбка отличается от нормальной. Умиротворённая. Спокойная. Чтобы не потерять контроль над ситуацией.

— Куда ты пропал вчера? Я тебя целый день искала. Твой мобильный был выключен.

Алессандро пытается не смотреть на неё.

— Ты и понятия не имеешь о моей работе. Мобильный сел, отключился сам, а я даже не заметил... — и тогда он смотрит на неё. Снова пытается улыбнуться, но у него не получается.

Ники понимает это. Она отстраняется от него. Устраивается удобнее в своём кресле. Неожиданно серьёзная.

— Что случилось, Алекс?

— Ничего, ничего не случилось. Я подумал о нашей истории. С того момента, как мы встретились, до сегодняшнего дня.

— Что-то было не так? Тебе не было хорошо? Скажи, в чём я ошиблась.

— Ты ни в чём не ошиблась.

— Тогда?..

— Вся эта ситуация – сплошная ошибка.

— Ты всё время паришься об этой проблеме с возрастом, с разницей...

Я знала, что рано или поздно ты к этому вернёшься. Так что я и к этому подготовилась, — Ники достаёт листочек из кармана брюк: — Так вот... Я поняла, что списка пар, в которых мужчина старше жены, тебе будет недостаточно, так что я принесла тебе другой, в котором мужчины на достаточное количество лет младше своих жён. Откроем... Мелани Гриффит и Антонио Бандерас, Джоан Коллинз и Перси Гибсон, Мадонна и Гай Риччи, Деми Мур и Эштон Катчер, Гвинет Пэлтроу и Крис Мартин... и у них всё хорошо, у всех них... Никто из них не видит в этом ошибку.

— Может, это я ошибся.

— Ну в чём ты ошибся? Боишься, что у нас ничего не получится? Тогда давай постараемся, хорошо? На самом деле, мы уже стараемся. Не каркай! Ты сам говорил это миллион раз... поживём – увидим. Что с тобой, будешь спорить со своим Лучио?

Алессандро улыбается.

— Нет, Ники, спорить не буду никогда, но это всего лишь песня.
— И что?
— То, что в жизни всё наоборот.
— Жизнь может быть красивее песни.
— Только когда тебе восемнадцать лет.
— Ты опять становишься занудой.
— Нет, Ники, серьёзно. Я провёл ночь, раздумывая над этим. Это не может хорошо закончиться. Я тебе уже всё сказал, не усложняй.

Ники молча смотрит на него.

— Я показала тебе, что такое любовь, и ты пошёл со мной на это, ради всего и против всех. Ты не можешь говорить мне такое. Ты ужасно поступаешь. Такое заканчивается, только когда есть причина для разрыва, серьёзный повод. У тебя есть серьёзный повод?

Алессандро смотрит на неё. Он хотел бы сказать что-то ещё. Но он не способен на это.

— Нет, нет у меня серьёзных поводов. Но также нет ни одного, чтобы оставаться с тобой.

Тишина. Ники смотрит на него. Это как если бы мир вдруг обрушился на неё.

— Серьёзно? Серьёзно, нет ни одного?

Алессандро хранит молчание.

— Ну, так это и есть самый серьёзный повод.

Ники вылезает из Мерседеса, удаляется, не обернувшись, и резко исчезает из виду, так же, как и появилась. Тишина. Немного тишины. И это горе. То, о чём он не сказал. И тогда эта тишина кажется страшным рёвом. Алессандро заводится и уезжает.

Ники шагает дальше. Но чувствует она, будто умирает. Она не в силах вернуть назад слёзы, которые начинают быстро стекать из глаз. Ей бы хотелось не плакать, но она не может избежать этого. У неё не получается. И улица кажется тихой. Всё кажется тихим. Слишком тихим. Часть её сердца словно отключилась. Вдруг внутри неё открывается огромная дыра. И далёкое эхо его голоса, его смеха, его слов, весёлых моментов, страстей, желаний и мечт. Пуф. Всё исчезло в одно мгновение. Больше ничего. Только одна фраза: «У меня нет серьёзного повода оставаться с тобой». Выстрел. Взлетающая утка и выстрел винтовки. Хрупкое стекло и внезапный бросок камня. Ребёнок падает с велосипеда на руки и раздирает их. Боль. Вот она. По его вине. Из-за желания быть рядом с бухгалтером в чувствах, бухгалтером в любви, отличным коммерсантом, который может сэкономить, просто улыбнувшись. Как грустно. Был ли он тем мужчиной,

которого я любила? Ники подходит к дверям своего дома. Открывает их и заходит. Идёт по коридору, как безжизненный новообращённый зомби.

Симона выходит из кухни. Она несёт поднос с пастой на стол.

— А вот и ты, куда ты пропала? Давай, идём, пора есть, мы все уже за столом.

— Прости, мама, у меня живот болит... — она ныряет в свою комнату, закрывает дверь и падает на кровать. Обнимает подушку. Плачет. К счастью, мать видела её только со спины, в ином случае она бы сразу поняла, в чём на самом деле пролема. Боль от любви. И её не вылечить просто так. Не помогут лекарства. Никакие другие средства. Неизвестно, когда всё пройдёт. Даже неизвестно, насколько сильна боль. Только время лечит. Долгое время. Потому что насколько сильной была любовь, настолько же долгими будут страдания до того, как боль пройдёт. Это как в математике: прямая пропорциональность. Математика чувств. И, к несчастью, по этому предмету Ники теперь могла бы получить десятку.

108

Собрание Волн. Но они устроили бурю.

— Я же вам говорила... Он был слишком идеальным! Романтичный, мечтательный, щедрый, забавный... Вежливый всегда и со всеми. И каков результат! Должен был быть какой-то подвох.

Олли слезает с кровати своей матери, убеждённая в своей правоте.

Эрика и Дилетта отрицательно качают головами.

— Ну вот что ты говоришь? Почему ты думаешь, что больше всех разбираешься в этом?

— Потому что я это знаю.

— Ладно, но знаешь, если тебе что-то не нравится, это не значит, что это и в самом деле нехорошо.

— Конечно, не было ничего плохого, я не могу этого отрицать. А меня этот Алекс так и не убедил.

Ники сидит в кресле рядом с кроватью и закрывает лицо руками. Она разбита и безутешно следит за разговором своих подруг о своей истории любви. Она смотрит на Олли справа, потом на Дилетту и Эрику слева, и снова на Олли.словно следит за теннисной партией на каком-то мировом чемпионате... Только единственная теннисистка, которую обыграли, — это она сама.

Олли садится на кровать и скрещивает ноги.

— От чего вы отталкиваетесь? Вот он был таким влюблённым, а затем... Пуф, он вдруг исчезает! Вам не кажется это странным? Без причин,

безо всяких «потому что», ничего... А я скажу вам, почему... Или у него есть другая, или, того хуже, его бывшая вернулась! И вы не представляете, как бы мне хотелось ошибаться.

Дилетта встаёт на ноги.

— Чтоб ты знала, я уверена, что ты ошибаешься!

Олли начинает смеяться.

— Да, конечно, как иначе. И это говоришь мне ты, та, что ещё ни с кем не побывала в постели.

— А это тут причём? Если бы я переспала с кем-нибудь, то что — лучше понимала бы мужчин?

— Ну, как минимум, стала бы ориентироваться в них. Это очень просто, правда? Ты диктуешь приговор, даже не попробовав продукт. К примеру, Ники, прости, что спрашиваю тебя, но каким у вас с ним был секс?

Ники горько улыбается.

— Для меня... Совершенным, великолепным, волшебным, нереальным... Не знаю, не могу найти лучших слов, чтобы вы поняли. Это был сон.

— Видишь? У него другая.

— Что ты говоришь? Накаркаешь.

— Слушайте, мы можем обсуждать это и дальше до самых экзаменов. Нет решения.

Ники кивает головой.

— Ты права. Думаю, единственный верный ответ нам может дать только он.

В этот самый момент открывается дверь комнаты.

— Олли! Что вы здесь делаете?

Олли поднимается с кровати, не выказывая никакого удивления.

— Мама, возможно, ты забыла, что у нас в этом году выпускные экзамены, — она улыбается подругам: — Мы тут занимались.

— И вы должны делать это именно в моей спальне?

— Нам здесь хорошо заниматься исследованиями, — шёпотом она добавляет для своих подружек: — ...врага. — Они выходят, таща за собой Ники, пихая её, пытаясь заставить её смеяться, вежливо и с улыбкой прощаясь с матерью Олли, готовые вновь бросить вызов миру.

109

Проходят минуты. Проходят часы. Проходит новый день. Она всё прочитала. И сделала всё. Но убежать от собственного молчания

оказывается очень трудно. Эту идею высказал один японец: ты можешь сбежать от шума реки и ветра в листьях, но настоящий шум внутри тебя самого. К тому же, Ники заинтересована в познании этой материи. А вот в математике чувств, наоборот, ей хотелось бы перестать разбираться. Поэтому она стучит в дверь.

— Войдите!

— Привет, Андреа.

— Ники! Какой сюрприз! Плакаты ещё не готовы. Ты превратилась в очень хорошо оплачиваемую модель! Станешь знаменитой во всём мире!

Ники смотрит на него и качает головой. Ага, но я не известна мужчине, которого люблю. Ей бы хотелось сказать это, но она промолчала. Вместо этого она улыбается.

— Дурак! Не знаешь, где Алекс? Его секретарша мне сказала, что его нет в кабинете.

— Нет. Кажется, он куда-то вышел. Наверняка сидит в баре напротив. Не знаю.

— Окей, спасибо, до скорого.

Андреа Сольдини смотрит на Ники, которая вызывает лифт. Бедненькая, она бросается под поезд, когда Алекс сидит как раз в баре внизу. Но Андреа Сольдини знает намного больше. Только вот в некоторых случаях он превращается в дурака.

Ники выходит из здания и идёт по тротуару. На другой стороне улицы она видит припаркованный Мерседес. Так, машина здесь. Значит, он и правда в баре. Ники подходит к окну и заглядывает внутрь.

За последним столиком в глубине со своим стаканом сока сидит Алессандро. Она видит, как он весело болтает и улыбается девушке, сидящей напротив него. Временами он гладит её руку.

— Ты не понимаешь? Они прямо сейчас хотят дать мне новый проект, и я не могу отказаться.

— Но мы же сказали Мерини, что поедem с ними на отдых.

— Я знаю, но, может быть, не в первую, а в последнюю неделю июля. А если нет, то перенесём на август! — и тут Алессандро видит её. Она отражается в зеркале у барной стойки. Он извиняется. — Прости, но мне нужно выйти на минутку и кое-что сделать.

— Иди, иди, а я пока сделаю телефонный звонок, — Елена ничего не заметила.

Алессандро встаёт и выходит на улицу.

— Привет, — Алессандро немного отходит, чтобы его не было видно из бара. — Что ты здесь делаешь?

— Я искала тебя в офисе. А затем увидела здесь. Рука об руку с этой девушкой, — Ники показывает на Элену, которая разговаривает по телефону в баре. Затем она снова смотрит на Алессандро и улыбается. — Я чуть снова не начала бить твою машину.

Алессандро молчит. Ники испуганно ищет его взгляд.

— Это твоя вторая сестра, правда?

— Нет.

— Тогда кто это?

Алессандро снова замолкает.

— Она хотела обставить твою квартиру?

— Да.

Ники горько смеётся.

— И ты сказал мне, что у тебя нет серьёзного повода оставаться со мной... Ты заставил меня чувствовать себя ничтожеством, заставить поверить, что я не смогла быть на высоте, что это я всё испортила. Ты заставил меня чувствовать себя неуверенной, как никогда... Я целыми днями только и делала, что думала и надеялась... Я сказала самой себе: наверное, что-то ему не понравилось во мне, я сделала или сказала что-то не так... Или, ещё хуже: я чего-то не сделала, а он этого от меня ждал... Я чувствовала себя одинокой, как никогда. Без причин. В сомнениях. А ты наоборот знал всё. Почему ты мне сразу не сказал, что она вернулась? Почему? Я бы поняла. И мне намного легче было бы.

— Мне жаль.

— Нет. Алекс, это ведь ты заставил меня посмотреть тот фильм... Любовь предполагает, что ты никогда не должен говорить «мне жаль». Мне бы хотелось добавить кое-что ещё... Любовь – это уметь признать, какой же ты придурок.

Алессандро и дальше хранит молчание.

— Ты ничего не говоришь. Конечно, в некоторых случаях гораздо проще просто промолчать. Ладно, тогда я скажу: скоро у меня выпускные экзамены, а потом я войду во взрослую жизнь. Это правда, что мне плохо, что у меня не получается заниматься учёбой, но я сдам экзамены. Я хочу сделать это. Вот только мне бы хотелось знать, когда повзрослеешь ты... Знаешь, Алекс, все эти месяцы ты дарил мне подарки, но в конце оставил себе самый прекрасный их всех. Мою волшебную сказку.

С этими словами она уходит, садится на свой скутер, качает головой и даже улыбается. Такова уж Ники.

И когда Ники приезжает в «Аляску», у её подруг нет сомнений. Отчасти из-за того, что она начинает плакать. Тогда они все обнимаются. А Олли смотрит на Дилетту. Затем на Эрику. Но она не выдаёт никаких комментариев. Она закрывает глаза. Кусает губу. И глубоко сожалеет о том, что оказалась права. Все стараются рассмешить Ники, предлагают ей мороженое, говорят о другом и пытаются отвлечь её. Но она в отчаянии. Она этого совсем не ожидала. Не этого. Серьёзно.

— Я хочу сказать, что могла всего ожидать, клянусь вам, всего, но не этого. К нему вернулась та, с которой он был. То есть, с которой расстался.

И в тот же день Олли решает совершить безумие. В самом деле, возможностей хватало.

— Ники, выходи! — кричат они в один голос. И она, Олли, великая организаторша, залезает в машину и жмёт на клаксон, как чокнутая. «Биип-биип-биип...»

Ники высовывается в окно.

— Что происходит? Что за шум?

— Давай, шевелись, мы ждём тебя!

Ники видит машину. А потом и своих подруг.

— Мне не хочется выходить.

— Ты не поняла... Если ты этого не сделаешь, мы поднимем и разнесём твой дом.

— Да, и я соблазню твоего отца!

— Заткнись, Олли!!! Окей, уже выхожу. Только перестаньте шуметь! — и через секунду она уже внизу. Любопытная, она бежит к Бентли последней модели.

— Что вы делаете?

— Мы организовали счастливый день для тебя... Для нас, для меня... В общем, мне так захотелось, так что поехали!

Олли запикивает Ники в машину. И их увозит водитель, тридцатилетняя девушка по имени Саманта, которая улыбается и включает первую передачу.

— Едем туда, куда мне сказали Вы... Олли?

— Да, спасибо... — она поворачивается к Ники. — Ладно, я тут подумала... мы, Волны, не должны позволять никакому Алессандро и никакому другому мужчине заставлять нас плакать, ни одна слеза не должна упасть из наших глаз из-за мужчин! Ясно?

Она увеличивает громкость музыки, которую только что поставила. Голоса Las Scissor Sisters наполняют машину. *I don't Feel Like Dancin'*. Они тоже поют и танцуют, смеются и галдят. Щекочут Ники, пихают её, теребят

её волосы, делают всё, чтобы заставить её смеяться. Саманта тоже улыбается и веселится с этой четвёркой, жаждущей счастья.

— Мы приехали.

— Отлично, в темпе, девчонки, выходим... Первый этап здесь, в спа «Хилтона». Всё заказано, подтверждено, а самое главное – оплачено... Давайте, Волны, заходите!

Олли впахивает их в помещение спа-салона, в этот странный храм в романском стиле. Чуть позже все четверо обёрнуты на поясе в огромные полотенца. Олли руководит операцией.

— Прикиньте... Здесь почти две тысячи квадратных метров чистого удовольствия, конечно, не того, которое предпочла бы я, но и это неплохо.

И всё в одно мгновение приходит в движение. Оставленные в крытом бассейне с подогревом, они глядят через стеклянный купол на медленно проплывающие облака. Они смеются и болтают. Затем они лезут под шведский водопад, гидромассаж, прогулка по ваннам из горячих камней.

— А теперь «шоколадная терапия»!

— А это что такое?

— То, что так модно сейчас.

— Ммм, я люблю шоколад.

— Но тебе не придётся его есть! Это он съест твой стресс.

Эрика касается своих бёдер, немного сжимая их.

— А отсюда? Отсюда он что-нибудь съест?

— А, нет, для этого ты должна сделать аюрведический массаж.

— Что?

— Да, что это?

Олли улыбается.

— Лечение, которое берёт своё начало в Индии пять тысяч лет назад. А для решения той проблемы, которая так тебя волнует, ты должна сделать кое-что другое... Но пока ещё слишком рано, у тебя нет ни намёка на целлюлит!

— Мне кажется, что тебе что-то платят в этом спа за рекламу. Ты слишком много знаешь...

— Ещё чего! Но у меня дома мама, которая попробовала практически всё и даже больше... с небольшими результатами. Она мне об этом рассказывает практически каждый день!

Немного позже, снова в машине с Самантой навстречу новым приключениям.

Они паркуются у входа в Парк де Вейо. Олли, Ники, Дилетта и Эрика проходят по узкой тропинке к зелени леса. Между живыми изгородями,

соснами, пальмами. Лужайка в английском стиле, прекрасно ухоженная, с рассеянными приглушёнными лучами света и лёгкой музыкой, которая танцует среди рассеянного света, пробивающегося через слегка склоненные ветром платаны.

— А что здесь?

— Называется «Tête á tête».

— И что это такое?

— Это маленький ресторанчик, в котором только один стол и кухня для двух человек.

— Но ведь нас четверо!

— Я добилась того, чтобы они один раз отошли от своих правил!

Волны усаживаются за стол, они окружены командой этого ресторана. Они быстро читают меню и со смехом комментируют все эти такие экстраординарные блюда. Олли просит отличное вино у сдержанного администратора, который вдруг появляется у стола. Они едят с удовольствием, путешествуя между итальянскими и французскими блюдами и чем-то из китайской и даже арабской кухонь.

— Нет, пожалуйста. Этого не нужно. Я собрала в кулак всю свою волю, но это сильнее меня. Не будем заказывать ничего японского, ладно?

Ники начинает смеяться. Смеются все. И изгоняют небольшую часть этой боли.

— Подумайте, ведь сюда обычно приходят парочки... Ладно, после еды в парке можно сделать остановку в красивом и романтическом бунгало.

— Тогда идёмте. Вау!

— Круто.

— Я бы там тебя и оставила, Олли.

— Да, чтобы я разнесла его...

— А я бы арендовала его и закрыла бы внутри Дилетту. А потом каждый день мы бы присылали ей разных парней в часы посещений. И мы бы не выпускали её до тех пор, пока ничего не произойдёт.

— Да, что-то вроде эротической тюрьмы наоборот.

Дилетта надменно смотрит на них.

— Я бы всё равно сопротивлялась.

К ним начинают подходить один за другим разные официанты, они поднимают их со своих мест и обнимают. Олли, Дилетта, Эрика и Ники переглядываются, охваченные благоговением.

— Что происходит? Что они делают?

— Ну, я не знаю.

— Они слышали, о чём мы говорили.

— Хватит, Дилетта, наслаждайся.

К ним подходит администратор.

— Извините, мы просто подхватили эту инициативу free hugs, бесплатные объятия... Это терапия против одиночества, меланхолии, тоски, депрессии и грусти.

— Вы над нами прикалываетесь?

— Нет, совершенно нет. Это началось в сентябре, в Австралии, и быстро прижилось во многих итальянских городах, первой стала Дженова, с Рене Андреани. А мы freehuggers, обниматели... И мы были бы в восторге, если бы и Вы стали распространять это дальше.

Олли улыбается.

— Я уже с вами... Мои подруги могут подтвердить. То есть, я всегда была абсолютно убеждена в огромной силе free hugs, да, бесплатных объятий... Конечно, иногда это кажется мне очень полезным, я бы сказала, не оставаться на поверхности, заглянуть немного глубже. То есть, выбрать того, кому это действительно необходимо, но, честно говоря, это уже детали.

И чуть позже они снова оказываются в Бентли и едут на последнюю весёлую встречу.

— Поверить не могу.

— Ну и не верь.

— Посмотри на это.

Они входят в небольшой зал на последнем этаже «Gran Hotel Eden». И это правда. Там Васко Росси.

— Теперь ты веришь?

— Но это же невозможно.

— Это after show, место, где расслабляются после концерта. Только на пятьдесят персон, и мы среди них.

— Как ты сделала это, Олли?

— Я знакома с одним из его телохранителей. «Бесплатное объятие» говорит само за себя.

— Олли!

— Да ладно, девчонки, я пошутила. Вы ужасного мнения обо мне, но я делаю это уже по привычке. Это моя обычная роль. Где правда, где ложь? Пойди узнай.

Она уходит от своих весёлых и возбуждённых подруг, которые рассматривают своего кумира, пока он проходит между столами, поёт отрывки песен, что-то выпивает и смеётся с ними.

Васко. Васко, который отправляет сообщения со своего мобильного

телефона звёздам, кто знает какие слова и кому. Васко, с его голосом с легкой хрипотцой, но исполненным рассказов, историй, разочарований, мечт и любви. Тот самый голос, который предлагает тебе не пытаться найти смысл этой жизни. Может, только потому, что в жизни нет никакого смысла.

А Олли смотрит на них издалека. Разглядывает своих подруг, которые весело болтают, задают вопросы, не могут перестать разговаривать с ним. Ники улыбается. Поправляет волосы. И снова задаёт вопрос. Она наконец отвлеклась, кажется любопытной, спокойной, думает о чём-то другом. Олли улыбается. Её делает счастливым то, что подруга счастлива. Отчасти потому, что так она чувствует себя немного менее виноватой за то, что сделала.

111

Человек приспосабливается ко всему. Превозмогает боль, заканчивает истории, начинает сначала, забывает, у него даже получается задушить самые великие чувства. Но иногда хватает маленькой детали, чтобы понять, что та дверь никогда не закрывалась на ключ. Алессандро возвращается домой и кладёт портфель на стол.

— Елена, ты дома?

— Я здесь, Алекс! — Елена тут же приходит и целует его с той же скоростью. Затем она уходит в ванную. — Прости, я разбирала покупки.

Алессандро снимает пиджак и вешает его на спинку стула. Потом идёт на кухню, берёт бокал, бутылку белого вина из холодильника и наливает себе чуть-чуть. Немного позже вновь появляется Елена.

— Алекс, ты не представляешь, что со мной сегодня случилось. Я убиралась в квартире...

— Да.

— Я хотела немного прибраться. Кстати, ты уверен, что эта странная скульптура, «Мачта и волна»?..

— «Море и риф». Что с ней?

— Ничего, я говорила, уверен ли ты, что хочешь оставить её.

— Ты заставила меня перенести её на террасу, она и там тебе мешает?

— Нет, дело не в том, что она мне мешает, она просто не сочетается с другими вещами.

— Это ведь просто скульптура!

— Какого хрена, скажи мне только одно... ты так много за неё заплатил? Если она так дорого тебе стоила, мы можем оставить её себе.

Алессандро не может сказать, что это подарок.

— Да. Скажу только, что я до сих пор за неё расплачиваюсь...

— В таком случае, мы можем снова поставить её в гостиной. Ладно, вот что я тебе рассказывала. Я тут немного прибиралась, когда вдруг мне пришла в голову мысль, что нам до сих пор не доставили кучу мебели для гостиной. Тогда я позвонила в салон и поговорила с Серджио. Ты ещё помнишь о таком?

Конечно, я помню, но тебе ведь всё равно, что я отвечу. Елена видит, что он рассеян, и продолжает.

— Ну, неважно, в общем, мы хорошенько... то есть, мы больше часа кричали друг на друга. Тебе кажется нормальным, что прошло уже столько месяцев, а нам до сих пор ничего не привезли? И знаешь, как он оправдывался? Этот ужасный лжец мне сказал, что ты отменил заказ.

Алессандро как раз допивал своё вино и чуть не поперхнулся. Елена всё ещё борется.

— Представляешь? Но лично мне было всё равно, я просто озверела. Знаешь, что я ему сказала? «Ах, да? Отлично, тогда я и в самом деле отменяю его».

Алессандро очень долго выдыхает, практически оставаясь без воздуха. Елена приближается к нему.

— Что такое? Ты обиделся? Наверное, я не должна была этого делать, может, мы должны были поговорить об этом раньше... я просто вышла из себя, ты понятия не имеешь, как он меня вывел... мне не нравится, когда надо мной издеваются. В любом случае, если ты хочешь, мы снова можем сделать заказ, но в другом месте.

Алессандро падает на диван и включает телевизор.

— Ты всё правильно сделала, просто отлично.

Элена встаёт перед телевизором, поставив ноги на ширине плеч и уперев руки в бока.

— Что ты делаешь?

— Я листаю каналы, вдруг найду хороший фильм.

— Ты шутишь? Нас ждут в «Остерия дель Пеше»... давай, там Пьетро и остальные, и ещё две пары новых друзей. Мы опоздаем. Иди готовься!

Алессандро выключает телевизор, встаёт и идёт в спальню. Открывает шкаф. Он в нерешительности. Белая или чёрная рубашка? И, наконец, улыбается. Это так хорошо, что существует середина... И он без проблем надевает серую.

— Да, принесите нам разных закусок, холодных и горячих.

— Желаете также чего-нибудь сырого?

— Да, отлично, и креветки, если есть. И порцию карпаччо из рыбы-меча и морского окуня.

Официант удаляется как раз, когда приходят Елена и Алессандро.

— Вот и мы, всем привет!

— Что, о чём вы болтаете?

Елена тут же садится между Сюзанной и Кристиной.

— Ну, первое, что я должна сказать вам, то, что я купила летний плащ от Шервино, это просто мечта.

Камилла заинтересованно смотрит на неё.

— И сколько это стоило?

— Это идиотизм. Тысяча двести евро. Кажется много, но мне подарил его Алекс. Его повысили, так что мы можем немного потратиться.

— В таком случае, это просто дешёвка, — и все начинают смеяться, продолжают болтать о новых местах, о брошенных подругах, о новом парикмахере, о месте, которое закрыли, о служанке Кабо Верде, которая ходит по дому и поёт, о другой, на этот раз филиппинке, которая всё время ворует простыни, о перуанке, которая, наоборот, готовит как все ангелы на небе.

— Да, но служанки-итальянки лучшие. Только они редко встречаются. У меня, например, была нянька... вы и понятия не имеете, как она готовила...

Далёкие воспоминания. Понемногу, слушая их, Алессандро погружается в свои мысли. А затем теряется. Возвращается во времени. Немного. Париж. Видит, как она бежит по улицам, ест в каком-то маленьком французском ресторане, немного запутывается и пишет. Она. Что она сейчас делает? Алессандро смотрит на время. Должно быть, она занимается. У неё же экзамены. Осталось всего пара дней. Он представляет её дома, в её комнате, комнате, которую он видел только раз, и то мельком, когда был агентом по вкладам. Алессандро смеётся про себя. Но Пьетро это замечает.

— Вы это видели? Алекс улыбается. Так, будто согласен со мной.

Алессандро тут же возвращается в реальность. Сейчас. Здесь. Словно похищенный. К сожалению.

— Конечно, конечно...

Елена вмешивается, глядя на него ошарашенно.

— Как это — конечно? Пьетро говорил, что иногда полезно изменять своей половинке, потому что это улучшает сексуальные отношения в паре.

— А я хотел сказать – конечно, это хорошо для тех, у кого в этом отношении есть проблемы, но мне не дали закончить.

Элена успокаивается.

— Ах, ну ладно.

Энрико встаёт на ноги.

— Ладно, наша очередь. Мы идём курить.

Другие мужчины тоже встанут и выходят на улицу. Пьетро подходит к Алессандро.

— Ну что, что происходит? Ты всё время ходишь со своей.

— Ну, потому что сейчас я чувствую, что готов. А ты наоборот всегда делаешь одно и то же, пытаешься оправдать любой ценой свой секс на стороне.

— О чём ты говоришь? Я не это имел в виду. Вот бы знать, о чём ты на самом деле думал.

Вмешивается Энрико.

— Я скажу тебе, о чём он думал: о девчонке, о его молодой подружке.

— Ах... О той, с которой нет необходимости изменять. Они с подружками превращают тебя в начинку для пирога, вы вместе кончаете, они физически делают невозможным то, чтобы им изменяли.

Алессандро молчит. Пьетро возвращается в бой, любопытствуя.

— Ты с ней говорил, снова виделся с ней? По-моему, ей не хотелось бы продолжать видеться с тобой, даже если бы ты был в такой ситуации, в какой и оказался с Эленой. Обрати же на меня внимание.

Алессандро пихает его. А потом улыбается.

— С кем? Я не знаю, о ком ты мне говоришь.

— Да-да, ты не знаешь, о ком я говорю. О жасминовой девушке.

Энрико тоже пихает Пьетро.

— Хватит уже, отстань от него! Смотри, — он взглядом показывает на пару друзей, которые стоят неподалёку. Они весело болтают.

— Кто, эти? Они нас не слышат... даже если и слышат, всё равно не скажут об этом никогда. Не впутывай их. Возможно, вы не понимаете... кто живёт со стеклянной крышей, не должен бросать камни в соседа.

Энрико гасит свою сигарету.

— Ладно, пойду внутрь.

— Окей, мы тоже. Ну, а вы, заходите?

Двое других, что стояли неподалёку, тоже выбрасывают свои сигареты, и все возвращаются в ресторан. Увидев, что они возвращаются, женщины поднимаются в свою очередь.

— Смена!

Чуть позже они оказываются на улице. Елена подходит к новым подругам.

— Вы бывали в этом ресторане? Знали, какая вкусная здесь еда?

— Да, и правда, — они начинают разговаривать между собой.

С другой стороны Кристина подходит к Сюзанне и смотрит на них.

— Ну, Елена кажется мне счастливой и довольной, так что я права: он абсолютно ничего не рассказал ей.

— Или рассказал, и даже если ей плохо, она этого не показывает.

Сюзанна отрицательно качает головой.

— Он не посмел бы. Елена много разговаривает, ведёт себя вот так, жёстко, но на самом деле она очень чувствительная.

— Мне жаль, но вы ничего не поняли, — подходит Камилла и смотрит на них, как на наивных дурочек. Она улыбается. — У нас с Эленой есть общие друзья. Я вас уверяю, она лучшая актриса из всех, что видел мир, — говоря это, она трясёт головой и выбрасывает сигарету на землю. — Ладно, я захожу, хочу успеть к моменту, когда принесут вторые блюда.

Через несколько секунд подают десерты. Затем фрукты и кофе, граппа и ликёр. Кажется, будто всё вернулось на круги своя. Тум. Тот же ритм. Тум. Тум. Те же разговоры. Тум. Тум. Тум. И вдруг всё замедляется. И кажется восхитительно бесполезным. Алессандро смотрит на них, смотрит по сторонам. Видит, как все разговаривают, люди смеются, официанты двигаются. Столько шума, но ни одного настоящего звука. Тишина. Это словно он плывёт по течению, словно ему чего-то не хватает. Всего. И Алессандро понимает. Её нет. Нет этого мотора, настоящего, который всё приводит в движение, который заставляет тебя увидеть глупость людей, тупость, злобу, многое другое, намного больше в перспективе. Этот мотор даёт тебе силу, ярость, решимость. Этот мотор — твоя причина возвращаться домой по вечерам, находиться в поисках нового великого успеха, работать, уставать, набираться сил, достигать конечной цели. И ты находишь покой в объятиях этого мотора. Простой. Волшебный. Совершенный. Этот мотор любви.

113

Медленно тянутся дни, один за другим, не отличаясь друг от друга. Эти странные дни, когда не помнишь даже дату. Когда на мгновение ты замечаешь, что не живёшь. С тобой происходит худшее из того, что могло произойти. Ты выживаешь. Но, возможно, ещё не слишком поздно.

Потом, ночью. Той самой ночью. Вдруг. Ты снова оживаешь.

— Уффф, как жарко... ты не чувствуешь, как жарко, Алекс?

Элена поворачивается к нему. Алессандро спокойно держится за руль, но, в отличие от неё, его окно открыто.

— Да-да, жарко, но так хотя бы немного воздуха попадает...

— Да, конечно, но ты мог бы и закрыть его, это мне мешает. Я сегодня ходила в парикмахерскую, а от этого волосы растрепались. Разве у тебя здесь нет кондиционера? Так включи его!

Алессандро предпочитает не спорить. Он закрывает окошко и включает кондиционер. Выставляет термостат на 23.

— Далеко ещё до дома Беттароли?

— Мы почти приехали.

Элена смотрит в окно и видит цветочный магазин.

— Слушай, останови там, купим цветов и чего-нибудь ещё, мы же не можем явиться с пустыми руками.

Алессандро останавливается. Элена выходит из Мерседеса и говорит с молодым марокканцем. Выбирает цветы и спрашивает о цене. Затем, всё ещё в нерешительности, выбирает другие. Алессандро выключает кондиционер. Открывает окно и включает радио. Как по волшебству, как раз заканчивается песня. И начинается другая. Та самая. *She's The One...* Алессандро замирает, откинувшись на спинку сиденья. И внезапно им овладевает ностальгическая улыбка.

«When you said what you wanna say...

And you know the way you wanna say it...

You'll be so high you'll be flying...»

Робби Уильямс продолжает песню. А чего ты хотел?.. Он вспоминает о первой встрече. Она упала на землю. Он, взволнованный, вышел из машины... Затем она открыла глаза. Посмотрела на него. Улыбнулась. А песня продолжается...

«I was her she was me...

We were one... we were free...»

Тот самый момент. Магия летней ночи. Жара. Холод. Стекло медленно запотевает. И внизу вдруг появляется сердце... То самое сердце. И на мгновение начинает казаться, будто это Ники вновь рисует его. Своими руками, со своей улыбкой. Как тогда. Как она сделала в тот день, после того, как они занимались любовью. После того, как она поставила ноги на приборную панель. После вдоха. Тогда.

— Не надо! Не рисуй ничего на стекле, это ведь там останется навсегда...

— Ох, не будь ты занудой! Я для этого и старалась... Глупенький!

И она рассмеялась. Потом прикрыла это рукой, чтобы он не увидел.

Именно это сердце она и нарисовала. И что-то написала внутри него. Вот оно. Уже можно прочитать. «А + Н... 4ever». Потому что бывают вещи, которые не стираются никогда. И возвращаются раз за разом. Как морской прилив.

Ники и её улыбка. Ники и её радость. Её счастье. Её жажда жизни. Ники женщина, девочка. Ники. Просто Ники. Жасминовая девушка. Ники – мотор любви.

Как раз в этот момент Елена возвращается в машину.

— Смотри, я выбрала эти... они показались мне красивыми. Самые дорогие, но зато оставим хорошее впечатление.

Алессандро на неё смотрит, но не видит. Уже нет.

— Я не еду на вечеринку.

— Что? Как это – ты не едешь? Что с тобой такое, ты плохо себя чувствуешь? Что-то случилось? Ты что-то забыл дома?

— Нет. Я тебя больше не люблю.

Тишина. И голос.

— Что это значит? То есть, ты живёшь со мной, но больше меня не любишь... ты вообще соображаешь, что говоришь?

— Да, я прекрасно понимаю. И самое ужасное в том, что я ждал тебя всё это время. Я должен был сразу тебе сказать это.

А Елена начинает говорить, говорить и говорить. Но Алессандро не слушает её. Он заводит мотор. Открывает окошко. И улыбается. Он решает, что хочет быть совершенно счастливым. Почему бы ему не быть таким, кто ему запрещает? Он поворачивается к Элене и улыбается ей. В чём проблема? Это ведь так просто. Так ясно.

— Я люблю другую.

И тут Елена начинает кричать, Алессандро увеличивает громкость музыки, чтобы не слышать её. Елена понимает это и одним ударом выключает её. Она продолжает издавать свои крики, свои слова, свой мат. Между тем, Алессандро спокойно ведёт машину, смотрит перед собой и, наконец, видит дорогу. Он не обращает на неё внимания и не слушает её слов. Он даже не слышит её криков. Наконец, он слушает только музыку в своём сердце. Затем он резко останавливается. Елена смотрит на него. Она не понимает.

— Мы у дома Беттароли.

Элена выходит из машины взбешённая. Хлопает дверью. С яростью. С неслыханной жестокостью. Со злобой, словно хочет завести Мерседес. А Алессандро уезжает. Ему сейчас столько всего нужно сделать... Он приезжает домой, наливает себе бокал вина, ставит музыку. Затем включает

компьютер. Хочу найти отель неподалёку отсюда, чтобы спокойно провести следующие несколько дней. Потом, когда Елена заберёт свои вещи, я вернусь сюда. Потом ему становится интересно, не написал ли ему кто-нибудь. Может, она. Он открывает свою электронную почту. Три мейла. Два – спамы от Cialis и Viagra, и одно нормальное. Но адрес ему не знаком, [15]. Алессандро открывает его с любопытством. Это не спам. Настоящее письмо. От незнакомца.

«Дорогой Алессандро, я знаю, что нельзя лезть в чужую жизнь, нужно держаться на расстоянии и быть простым наблюдателем, особенно если нет доверия, но мне бы в самом деле хотелось быть твоим другом, твоим «настоящим другом», я убеждён, что ты хороший человек, и что твоя доброта может помочь тебе во время принятия необходимых решений. В некоторых случаях мы думаем о нашей жизни так, словно она – ответ на все вопросы, который может успокоить окружающих. Принимаем решения, чтобы угодить кому-то, чтобы подавить своё чувство вины, чтобы получить чьё-либо одобрение. Мы делаем это, не понимая, что единственный способ сделать счастливыми других – это выбирать то, что лучше для нас самих».

Алессандро читает письмо дальше, заинтересованный и взволнованный этим внезапным вторжением в его жизнь.

«Так что прежде чем отказаться от чего-то, чтобы не ранить кого-то, мне бы хотелось, чтобы ты прочёл письмо, которое я прикрепил к своему сообщению».

Алессандро продолжает чтение. Другое письмо. Не от «настоящего друга». Это от человека, которого он действительно знает. И хорошо. Или, по крайней мере, думал, что хорошо знает. Но от которого никогда такого не ожидал. И понемногу он перестаёт верить своим глазам. Но одно слово за другим, и он начинает всё понимать, всё это, наконец, объясняет, почему столько мелких деталей казались ему такими абсурдными.

114

Ночь. Глубокая ночь. Ночь сюрпризов. Абсурдная ночь. Ночь сладкой мести.

Алессандро сидит в гостиной. Слышит звяканье ключей в замке. Берёт шампанское из ведёрка и наливает себе ещё немного. Он так и сидит, наблюдая, как она заходит. Елена кладёт сумку на стол. Алессандро включает свет. Елена пугается.

— Ох, ты не спишь... Я подумала, что ты ушёл или уже заснул.

Алессандро прерывает её. Елена останавливается и смотрит ему в

глаза. С решимостью.

— Хочешь что-то сказать мне?

Алессандро продолжает спокойно пить своё шампанское.

— Ну, раз уж ты ничего не говоришь, скажу я. Ты придурок. Потому что ты меня... — и Елена продолжает ругаться, говорить глупости, абсурдные и злые.

Алессандро улыбается и позволяет ей говорить. Вдруг он берёт с ближайшего стола загнутый пополам лист бумаги. И разворачивает его. Елена останавливается.

— Что это?

— Письмо. Пришло мне на электронную почту несколько дней назад. Но, к сожалению, я увидел его только этой ночью.

— А мне какая разница?

— Тебе, может, и никакой, потому что ты уже всё знаешь. А вот мне — большая разница, потому что я не знал. На самом деле, я бы такого и представить себе не мог. Это твой мейл.

— Мой?

Элена становится бледной, как мел.

— Да, твой. Я тебе прочитаю, ладно? Ну, на случай, если ты забыла. Так вот. «Любовь моя. Этим утром я проснулась, мечтая о тебе. Я была так возбуждена, думая о том, что мы с тобой делали. А ещё меня до смерти возбуждает мысль о том, что у тебя будет совещание с ним. Ты сможешь освободиться к полудню? Я хочу...», — Алессандро на секунду прерывает чтение. Он опускает листок. — То, что идёт дальше, я опущу, потому что это список твоих непристойностей. Продолжу отсюда: «Надеюсь, ты выиграешь, потому что тогда ты останешься в Риме, и мы сможем и дальше быть вместе... Потому что только с тобой, Марчелло...», — Алессандро кладёт листок на стол. — Но Марчелло, этот юный бедняга, который собирался занять моё место, проиграл. Он уехал в Лугано, и посмотри — пуф! — как странно, сразу после его отъезда ты вновь появляешься в моей жизни... Ты вроде как передумала, и вот она ты, после его поражения ты решаешь выйти за меня.

Элена словно окаменела. Алессандро улыбается и делает ещё глоток шампанского.

— А я-то переживал, потому что не знал, как сказать тебе, что больше тебя не люблю.

Он встаёт и проходит мимо неё, направляясь в ванную, а оттуда выходит с двумя уже собранными чемоданами. Открывает дверь своей квартиры и выставляет их на лестничную площадку.

— Я сложил все твои вещи, даже все подарки и остальное, книги, ручки, духи, мыло, чашки, всё, что могло бы напоминать мне о тебе. Мне бы хотелось, чтобы ты сделала, как феи в фильмах. Даже лучше, чем они. Чтобы ты исчезла навсегда.

Алессандро закрывает за ней дверь. Поворачивает ключ дважды и оставляет его в замке, закрывается на внутренний замок. А потом он берёт бутылку шампанского, включает музыку на максимальную громкость и уходит в свою комнату. Счастливый, как никогда. И мне даже не пришлось искать отель. Теперь мне только остаётся узнать, кто же этот «настоящий друг», а главное – есть ли у меня ещё время вернуть мои жасмины.

115

У «Аляски». Олли обнимает Ники.

— Чёрт! У меня получилось, получилось! Я знаю, что у меня получилось! Я сдала экзамены!

— Но ведь оценки будут известны только через месяц.

— Да, но я уверена, и поэтому вам я тоже приношу удачу!

— Ты чокнутая, обычно ты нам только несчастья приносишь!

— Девочки, мы совсем скоро уезжаем... — Эрика подходит к ним с картой. Открывает её. — Давайте посмотрим. Мы выезжаем из Рима рано утром на поезде.

— Во сколько?

— В шесть.

— Но ведь можно было выбрать поезд, который выезжает позже...

— Какая разница, ты сможешь поспать в поезде, если захочешь.

— А ещё у тебя целые каникулы впереди, чтобы выспаться.

— Ну, мне бы хотелось заняться кое-чем другим на каникулах.

— Олли, хватит уже!

— Давайте посмотрим. От Патры мы сядем на маршрутный автобус и проедем весь берег до Афин. Там множество прекрасных мест. На Родосе есть пляж Линдос, говорят, он просто волшебный, полный красивый уголков, а хозяина зовут Сократ... Затем – Миконос, пляжи и ночная жизнь. Санторини со своим вулканом, за ними можно увидеть самые красивые в мире закаты. Иос, известный как остров любви, а ещё своими ночными гулянками в Хоре, который называют просто «толпа». И мне не хотелось бы ничего пропустить. Аморгос, где Люк Бессон снимал фильм «Голубая бездна».

Дилетта мечтательно смотрит на свой мобильный. Ники замечает это.

— Что ты делаешь?

— Филиппо прислал мне сообщение. Так романтично.

— И что он говорит? Покажи мне, — Олли пытается взять мобильный из её рук, но Дилетта оказывается быстрее и разворачивается в другую сторону. Но Олли хватает её за локоть и сжимает.

— Отпусти!

Ники вмешивается.

— Да хватит, отстань от неё! Дилетта, мы поняли... но, по крайней мере, дай нам знать, что он за парень, ладно? Прости, но мы всю свою жизнь только и делали, что волновались за тебя, а теперь, когда тут такое творится, ты держишь нас в стороне.

Дилетта берёт свой телефон и читает мечтательным голосом.

— «Мне бы хотелось быть всеми твоими Волнами и уехать с тобой».

— Какой придурок!

— Какая наглость!

— Да. Волны – это мы, и больше никто!

В этот момент позади них раздаётся голос.

— Ну, конечно! Волны идеальны, уникальны... а главное – верны.

На обочине, опершись о витые перила, стоит Фабио в компании одного из своих обычных дружков. Рваные джинсы, рваная куртка от Industrie ecologiche, рваные кеды, даже рубашка и та рваная.

Эрика оглядывается на него.

— Вот и он, наконец-то с нами.

Дилетта закатывает глаза:

— Да, это он говорит, Фабио Фобия, великий правдолюб. Гуру правды.

— Вы уже слышали? Мой альбом крутят по радио...

Ники вмешивается.

— Ну, конечно же... Ты сам записал этот диск. Ты заставил своего отца заплатить кучу денег, а своего придурочного дружка с Radio Azurra 24 – ставить твои песни иногда.

— Мой друг не придурочный.

— Может, и нет, но всё остальное так и было.

— И что? Что в этом плохого?

Ники вздыхает.

— Ничего. Забьём на это. Можно узнать, зачем ты сюда приехал? Тебе не хватило того дня, когда я была со своим другом? Ты всего лишь продемонстрировал то, что я всегда тебе говорила.

— Что именно?

— Что я была права, ты можешь писать такие песни, какие хочешь, но бывают такие вещи, которые ты должен научиться говорить от сердца.

Махать кулаками, чтобы завоевать девушку... очень поэтично... — Ники подходит к нему с отвращением на лице. — Ты уже показал всем, какое ты дерьмо. Ты никогда не вернёшь меня, даже как подругу.

Фабио отстраняется.

— А мне-то что. Я не к тебе приехал. Я могу получить от жизни всё. Я не такой, как твой старикан... Ты упала к нему с неба, и он тебя не отпускает, потому что боится. Годы проходят. Он знает, что у него не так много вариантов.

Ники смотрит на своих подруг. Они, в свою очередь, смотрят на неё. Все хранят молчание. Только Олли кажется нервной. Фабио продолжает.

— Представляешь, даже я успел подпортить одну из Волн.

Ники смотрит на него с открытым ртом.

— Да, может, тебе покажется это странным, но я «занимался сёрфингом» с одной из твоих верных подруг.

Ники смотрит на всех них. Дилетта. Эрика. Олли. Она немного задерживает взгляд на последней. Олли опускает глаза, она кажется смущённой. Фабио замечает это.

— Отлично, Ники, ты уже догадалась. Вот видишь? Когда захочешь, можешь замечать некоторые вещи без подсказок.

Олли смотрит на Ники. Грустный взгляд. Полный отвращения. Она ищет помощи в глазах подруги.

— Не верь ему, Ники. Он придурок, хочет поссорить нас.

Фабио улыбается и садится рядом с ними.

— Конечно-конечно. Это всё глупости. Хочешь, я расскажу тебе всё в подробностях, Ники? Хочешь, я расскажу тебе обо всех её родинках, в частности, одна находится в странном месте. Или хочешь, чтобы я рассказал тебе о татуировке, хочешь, скажу, какая и где?

Олли настаивает.

— Не обращай на него внимания, Ники, я прошу тебя. Его слово против моего. Кто угодно мог рассказать ему о моём тату. Единственное, чего он добивается, это причинить нам боль.

Ники поднимает руку.

— Окей, окей... Ясно уже, Фабио. Уходи. Независимо оттого, что произошло, ты меня больше не интересуешь. И что бы ни случилось, так лучше. Это ещё больше подтверждает то, о чём я думала.

Фабио встаёт и смотрит на неё.

— Что?

Ники улыбается.

— Ты дебил. Ты злой, бесполезный, ты умеешь только причинять боль,

ты паразит, который живёт, думая, что жизнь — это война. Как те, что говорят «чем больше врагов, тем больше чести». Но знаешь что? Чтобы сделаться врагом, ничего особенного не нужно. То есть, это очень просто... Достаточно быть дурачком, как ты. А вот настоящая честь заключается в умении дружить. Ты должен любить, быть любимым, работать над собой, быть верным, быть желанным... и это намного труднее, требует большей отдачи, — она приближается к Олли и улыбается ей. — Но в то же время намного прекрасней.

Фабио качает головой. Он садится на скутер позади своего друга.

— Поехали, давай, эти девицы похожи на кур. Это похоже на фестиваль доброты и лицемерия.

Ники улыбается.

— Видишь, ты ничему не учишься. Мы не куры, мы Волны.

116

Неделей позже. Всё становится яснее, и даже небо кажется голубее. Алессандро в своём офисе. Приходит его секретарша.

— Один синьор спрашивает Вас.

— Спасибо, пусть войдёт, — Алессандро садится на свой стол. И улыбается, увидев, кто пришёл. Тони Коста. Он кажется худее, чем в их последнюю встречу. — Вы похудели.

— Да, моя жена посадила меня на диету. Так, здесь информация, которую Вы у меня просили. Я узнал оценки, все они довольно-таки неплохо сдали выпускные экзамены. Но, естественно, пока что ни одна из них не знакома с результатами. Ники Кавалли получила выше среднего.

Хорошо, думает Алессандро. Она будет довольна, высоких оценок она не ждала, да и я чуть не перестал верить в неё.

— А вот её номер телефона теперь не действителен, новым она пока что не обзавелась. Через два дня она уезжает с подругами, — Тони Коста листает блокнот в своих руках. — Точно, с Волнами... так они себя называют, а едут они в Грецию. Санторини, Родос, Микonos и Иос, — Тони Коста убирает блокнот. — Вы должны волноваться только о последнем, его называют островом любви.

Алессандро улыбается.

— Спасибо. Сколько я Вам должен?

— Ничего не должны... хватит и предоплаты. Эта работа была даже слишком простой.

Алессандро провожает Тони Коста к лифту.

— Надеюсь, что мы с Вами встретимся однажды и по другой причине.

Вы мне симпатичны.

— Спасибо, и Вы мне тоже.

Алессандро стоит на месте, пока двери лифта закрываются. Потом он возвращается в свой кабинет. Он уже собирается войти, как к нему подходит Андреа Сольдини.

— Алекс! Ты не должен был делать этого!

Алессандро подходит к своему креслу, садится и улыбается.

— Ничего особенного... Просто мелочь.

— Ты называешь мелочью вот это? Ты сделал мне охрененный подарок! Macintosh McWrite Pro, самый быстрый компьютер!.. Почему ты это сделал?

— Хотел выразить тебе благодарность, Андреа... Ты мне очень помог.

— Я? Но ведь вся концепция была твоей, фото, слоган, даже девушка! Ники идеальна! Ты видел плакаты? Они адаптируют цвета для Италии, но я уверен, что они останутся отличными. Это простая, но гениальная реклама!

— Да, за границей приняли на ура. Посмотрим, как пойдёт здесь.

— Что значит «за границей»? Кажется, эта карамель нарасхват на всём международном рынке. Она сокрушила всех и везде! Ты сокрушил всех!

— Как бы там ни было, я хотел поблагодарить тебя не за это, то есть, и за это в том числе...

— Тогда за что?

— Я подарил тебе ноутбук, чтобы отблагодарить тебя за мейл, что ты мне отправил... друг мой... Или лучше называть тебя «настоящим другом»?

Андреа хочется умереть на месте.

— Но я...

— Это было не так уж сложно. Ты знал Марчелло. Работал с Эленой. У тебя есть доступ к рабочему компьютеру. А самое главное – тебе очень понравилась Ники. Сообщение было отправлено в 20:45 с одного из компьютеров нашего офиса. В тот день в офисе оставались только вы с Леонардо. И я не думаю, что он так волнуется о моём счастье. Так что... это был ты.

— Я не должен был этого делать?

— Шутишь? До этого меня мучило чувство вины, а теперь я счастлив. Наслаждайся своим новым компьютером! Но, пожалуйста, что бы ни случилось, если ты хочешь быть моим «настоящим другом»... не пиши мне по электронной почте!

— Ох, шеф. Тогда мне хотелось бы сказать кое-что ещё.

Алессандро смотрит на него потрясённо.

— Я должен волноваться?

— Нет, не думаю... По крайней мере, надеюсь на это. Помнишь историю с мошенничеством? Человек в команде противника, который информировал меня об их идеях?

— Да, а что?

— Мне кажется, ты и сам это знал. Это была Алессия. Она хотела, чтобы выиграл ты, хотя её и отправляют в Лугано, а ты остаёшься в Риме.

— Я и представить такого не мог. Как у неё дела?

— Получше... — Андреа Сольдини кажется немного смущённым. — Мы начали встречаться.

— Прекрасно! — Алессандро подходит к нему и обнимает. — Вот видишь, в конце цонцов, кто-то смог оценить тебя по достоинству!

117

Ещё одна ночь. Глубокая ночь. Ночь весёлых людей. Ночь вспышек, звуков, гудков машин, праздника. Ночь, которая проходит слишком быстро. Ночь, которая не пройдёт никогда. Разочарование. Горечь. Грусть. Отчаяние. Слишком много всего, чтобы уместить в одну ночь. Ей наплевать. Ей наплевать на это хреново дерьмо. Ей наплевать на меня. Мауро едет на своём скутере. Без шлема. Без очков. Без ничего. Слёзы. И не только от ветра. Дерьмо, дерьмо, дерьмо. Единственный стих, который он может сложить, единственный ритм, единственная музыка, которую просто сыграть, простая музыка окраин. Музыка злости и боли. Музыка любовных страданий. Он едет и не знает, куда ему податься. Он плачет и рыдает и не стыдится этого. Быстрее, мото, быстрее. Я хочу покончить со всем этим. Он едет по касательной, он едет, теряясь в этом городе, который не чувствует родным, которому он не принадлежит больше. Почему, чёрт? Почему? Мне слишком больно. Слишком. Я буду срать на твою могилу, Паола. Ты сукина дочь. Самая большая сукина дочь.

И посреди этого отчаяния в нём вспыхивает отличная мысль, низкая и инфантильная. Все эти дни этот урод не мог прикоснуться к ней. Я победил. Он смеётся. Слабое утешение. И немного спокойнее прорезает ночь. Съезжает с шоссе. Он немного сбрасывает скорость. Заставляет скутер ехать зигзагом, выходя и возвращаясь к пунктирной линии на дороге, которая только что была нарисована на асфальте. Скутер опускается и продолжает путь по булыжной мостовой. Тин-тин-тин. Колесо шумит, проезжая по этим камням, потерянный в тишине этого серого асфальта, и вновь поднимается. Тин-тин-тин. Это глупая игра того, о ком он не хочет думать. Не думать. Не думать. Мауро длинно вдыхает, а затем выпускает воздух из лёгких вверх. Ещё вдох, ещё глубже, и снова выдох.

Вот и всё. Ему уже лучше. Да, так лучше. Он едет дальше. Он проезжает мост, чтобы сменить направление. На краю дороги стоят две шлюхи. Они выходят ему навстречу. Одна поднимает свою юбку, самую короткую в мире, и показывает ему голый лобок. В свете фары его скутера угадываются редкие волоски. Они обе усталые, задыхающиеся от сигаретного дыма и выхлопных газов. Вторая, в высоких сапогах, красных и блестящих, поворачивается и наклоняется, показывая ему свои ягодички, белые, упругие. Мауро описывает кривую на своём скутере, объезжает вокруг них, пытается ударить их. Просто так, для смеху. Но две полячки не понимают таких шуток. Они кричат какие-то словечки на своём языке. Одна берёт камень и бросает. Ничего. Она не зарабатывает очков. Камень просто оказывается на обочине. Конечно, думает Мауро, они вряд ли провели детство в тире парка аттракционов. А вот он – да. Он развлекался с деньгами своего отца, бросая глупый мяч для пин-понга в прозрачную чашку. И если всё проходило хорошо, он возвращался домой с пакетом воды, внутри которого плавала красная рыбка. Которая в итоге встречала свой конец на дне унитаза через неделю. Мауро делает крен на скутере, поворачивается и съезжает с моста, исчезая в ночи. Обе шлюхи остаются на своём месте, поддерживая ночной холод перед костром, который давно погас, в ожидании клиента, которому они могли бы продать немного секса, пока настоящая любовь не пришла. Потому что все ищут настоящей любви. Не будучи должными продавать или покупать её. Но она сюда, наверное, никогда не придёт.

Мауро улыбается про себя, возвращаясь домой. Чёрт, брюнетка, которая мне показала задницу, была вполне ничего. Проклятье, у меня ни одного грёбанного евро с собой. Он снова впадает в своё абсурдное отчаяние. Внезапные спутанные кадры. Паола. Паола в нашу первую встречу. Паола на вечеринке. Паола раздевается. Паола смеётся. Паола в наш первый раз. Мы с Паолой под душем, в тот день, когда никого не было дома. Паола на горе в тот раз, на нашем единственном совместном отдыхе. Та короткая поездка. Однодневный отдых, номер в отеле. С теми богачами, которые катались на сноуборде, он был намного старше неё. Белое вино. Ужин под звёздами. Паола. Где же она в данный момент? Где она будет завтра? Какое место она займёт в моей жизни? И внезапно он снова впадает в отчаяние. Теряется. Думает, вспоминает, страдает. У него больше нет слёз. И бензина, кажется, тоже. Чёрт, когда я в последний раз заправлялся? Сегодня же был полный бак. И вдруг он понимает, что уже находится рядом с домом. Но он не хочет заходить. Не так быстро. Он боится застать кого-нибудь не спящим. Выслушивать вопросы, быть вынужденным отвечать.

Так что он проезжает немного дальше, чтобы потратить весь бензин до капли. Чуть позже он останавливается. Слезает, прицепляет скутер цепью и вот он готов войти в паб. Единственный открытый в такой поздний час в этом районе. Нет, о чём я. Ещё рано. Мауро смотрит на свои часы. Одиннадцать. Я думал, уже больше. Ночи, причиняющие боль, не проходят никогда. Он толкает дверь паба. Ему на плечо ложится чья-то рука.

— Здорово, чувак, что ты делаешь здесь? — Джино, Сова, появляется перед ним.

— Чтоб ты сдох, ты так напугал меня.

— Пойдём внутрь? Выпьем чего-нибудь, я угощаю, чем захочешь, как в старые добрые времена, — Сова берёт Мауро под руку, не дожидаясь ответа. Заводит его внутрь и усаживает на стул в углу заведения. Потом сам тоже садится напротив Мауро и тут же поднимает руку, чтобы увидела девушка, стоящая за стойкой бара. — Что будешь?

Мауро скромно отвечает:

— Не знаю. Пиво.

— Ещё чего, давай возьмём виски, у них тут есть один, прошибает до смерти, — он снова поворачивается к девушке: — Эй, Мэри, нам два бокала того, что я брал прошлой ночью. Но хорошо наполненных, ладно? Не вешай на меня ошейник... и ничего не добавляй, — потом он приближается к Мауро, протягивает руки вперёд, почти доставая до него, и опускает их на маленький деревянный стол. — Простой ночью я залил целую бутылку между грудью и спиной, — он снова поворачивается к Мэри. — Я подождал, когда она закончит, а потом подвёз её домой на машине, — Сова опять приближается к Мауро и делает жест пальцами руки, заставляя их вертеться вокруг самих себя, словно говоря «я её угнал». — Мы припарковались у её дома. Эх, я так волновался, что копы узнают машину, да ещё учуют бутылку, которую он в себя залил, тут был мой друг, который чуть не сыграл со мной злую шутку, — Сова чешет у себя между ног. — Слава богу, у меня была доза, и он пришёл в себя... Ладно, что ни говори, это лучший порошок за последние годы.

В этот момент к ним подходит Мэри с двумя бокалами и бутылкой.

— Но не напивайтесь слишком, — она смотрит на Джино и улыбается ему. — Пить – это плохо.

Сова поднимает голову и тоже улыбается ей.

— Но в конце концов становится хорошо, правда же?

Мэри трясёт головой и с улыбкой удаляется в своей облегающей юбке, немного потная, с фартуком на поясе и заложив волосы за уши. Но самое главное, с уверенностью, что на неё смотрят.

— Давай, давай, — Сова берёт виски в правую руку и опирается левой о локоть Мауро, а затем делает согласный кивок головой. — Так вот этой ночью мы с ней снова прокатимся.

Затем он делает глоток, запрокинув голову назад. Но замечает, что Мауро всё ещё не взял свой бокал. Ничего. Тут спокойно. Очень спокойно. Слишком спокойно. Немного гнетущая обстановка.

— Что с тобой такое, чувак? — Сова проводит рукой по его голове и приподнимает её. — Что с тобой? Ты язык проглотил? Расскажи папочке, что стряслось. Видел бы ты себя! Похож на сдохшую канарейку!

Мауро не двигается. Потом берёт бокал, подносит его ко рту, задумывается на мгновение и делает длинный глоток. Он опускает голову и нажимает на глаза.

— А-а-ай, как же крепко.

Сова кивает.

— Не крепко, хорошо. Так ты будешь говорить? Что стряслось?

Мауро делает ещё глоток виски.

— Ничего... Паола.

— А, твоя девчонка. Я тебе уже сказал, таким нравятся удобства.

— Ты просто сглазил.

— Нет. Ты сам себя сглазил. Все девчонки хотят удобств. Особенно...

— Особенно?

— ... красотки. И кто-то всегда поджидает рядом, чтобы предложить им это.

Мауро хранит молчание.

— А знаешь, в чём проблема?

— Нет, в чём?

— Они отлично знают это, — Сова кивает, качает головой и делает очередной длинный глоток.

Мауро смотрит на него и делает то же самое. Длинный глоток, осушая бокал, не останавливаясь, залпом.

Сова восхищённо смотрит на него.

— Ну, тебе понравилось, а?

Мауро трясёт головой из стороны в сторону, словно пытается освободиться от чего-то, что у него застряло в горле.

— У меня есть лекарство для тебя, доверься мне, — Сова достаёт деньги из переднего кармана. Находит десять евро и кидает на стол.

— О чём ты говоришь? — спрашивает Мауро.

— Об одном дельце, чтобы организовать удобства для неё. Вот увидишь, как через две ночи завоюешь её любовь, — Мауро в

нерешительности. Он смотрит исподлобья на Сову.

— Ты думаешь?

— Ну, конечно, это математика. Но сначала ты должен пойти со мной,
— Сова встаёт и идёт в туалет.

Мауро идёт за ним. Сова закрывает дверь и встаёт, оперевшись на неё, чтобы убедиться, что никто больше не войдёт.

— Возьми, — он достаёт из кармана джинсов прозрачный пакетик. А в нём белый порошок. — Прими полосочку кокса. Это будет твоё крещение.

Сова снимает зеркало со стены и ставит его на раковину.

— Я уже подыскал тебе имя. Сокол-Странник. Сова и Сокол-Странник. Нравится?

— Да. Что мы должны делать?

Сова наклоняется над зеркалом, сворачивает купюру в двадцать евро в трубочку и втягивает полоску порошка левой ноздрёй.

— Всё просто, — он шмыгает носом. — Бери, это ключи от моего мотоцикла. У меня есть копия. Ты просто должен съездить со мной за машиной к дому одной подруги, а потом уедешь домой на моём мотоцикле. Завтра утром я его заберу. Просто, разве нет?

Мауро улыбается.

— Проще не бывает.

Джино, Сова, протягивает Мауро свёрнутые трубочкой двадцать евро.

— Давай, Сокол, это надо принять перед тем, как пойти на дело.

Мауро наклоняется и тоже заставляет белую полоску исчезнуть. Он поднимается и всё ещё вытирает нос, когда слышит голос Совы.

— И подумай, что после этого путешествия ты получишь пятьдесят тысяч на крыло. И сможешь предоставить своей маленькой Паоле все удобства.

Они выходят из туалета оба очень довольные. Сова прощается с девушкой из бара с обещанием в глазах.

— Пока, Мэри, увидимся. Если сделаю всё быстро, то приеду, — он подмигивает ей. Выйдя их паба, Сова обнимает Мауро. — Я тебе говорю. Я еду и беру тебя с собой, всё будет как вчера, — он смеётся. — Погнали, Сокол, — они исчезают на большом мотоцикле в сторону центра.

118

Этим вечером встречается вся четвёрка. Энрико, Пьетро, Алессандро и даже Флавио, которому, как ни странно, дали разрешение. Сумасшедшая ночь, каких у них не было уже давно. Они идут в «F.I.S.H.», ресторан на виа дей Серпентини, заказывают отличную рыбу и пьют лучшее вино. Они

говорят обо всём. Доверяют друг другу маленькие тайны.

— Так это твой помощник отправил тебе тот мейл с письмом Элены тому мальчишке! — Пьетро качает головой. — Я ведь тебе говорил... все женщины просто гарпии! И больше не спорьте со мной. Просветительская миссия – это моё.

— Да, просвещение в извращениях! — Алессандро наливает себе вино. — Знаешь ли ты о том, что как-то раз я подумал, что любовником Элены мог быть ты?

Пьетро смотрит на него, словно каменный.

— Я? Как тебе такое вообще в голову пришло?! Слушайте, прежде чем сделать что-то такое с кем-то из вас, я вам клянусь, я клянусь, что мне это даже представить сложнее всего. Да что там, я бы скорее предпочёл стать педиком! А вы знаете, чего бы мне это стоило, да? — Пьетро останавливается. Он становится грустным. Залпом выпивает бокал вина. Ставит его на стол, едва не разбивая. — Сюзанна узнала, что я ей изменяю, она хочет развестись. Мне так плохо.

Флавио смотрит на него.

— Но ведь ты должен быть подумать о том, что рано или поздно она об этом узнает. Ты для этого сделал всё. Ты был со всеми женщинами, что способны дышать.

Алессандро кладёт руку ему на плечо.

— А как она узнала? Она тоже получила мейл? — спрашивает он.

— Нет, она видела меня на улице. Я целовался с девушкой.

— Ну, значит, дело в том, что ты настоящий псих.

— Да, я сумасшедший. И я горд своим безумием! И не только горд, а пока мы ждём, я пойду выкурю сигаретку! Кто со мной?

— Я схожу, — встаёт Энрико.

— Ладно, мы вас ждём, но не задерживайтесь.

— Конечно...

Пьетро и Энрико выходят из ресторана. Пьетро зажигает сигарету Энрико, потом свою и улыбается своему другу.

— Хорошо.

— Что хорошо?

— Видишь, я был прав, мы правильно поступили, не сказав Алексу, что видели Элену целующейся с тем мальчишкой в кафе... Он узнал об этом от своего помощника.

Энрико пожимает плечами.

— Это вышло случайно. Алекс и Елена могли снова сойтись и планировать свадьбу, на этот раз они могли действительно пожениться. А

если бы потом ничего не вышло? Тогда бы ты пожалел, что мы умыли руки.

— У меня не было причин говорить и решать за них.

— А для меня это вопрос ответственности. Слишком просто вешать принятие решений на других людей. Подумай, как иначе бы всё сложилось, если бы мы всё рассказали.

— Не преувеличивай. Думай немного, что говоришь. Мне кажется, что на тот момент это была ответственность другого рода, или нет? Я хочу сказать, что мы не спешили, мы могли подождать. И всё само устроилось, нам не пришлось рисковать дружбой. Так всё и было. Я думаю, Алексу не понравилось бы, если бы это мы преподнесли ему такую новость. Если бы мы разрушили его мечту. Дружья, они как остров под напряжением...

— Ага. Знаешь, здесь холодно, я пойду внутрь, — Энрико бросает сигарету на землю и гасит её. — К тому же, я тоже должен поделиться с вами новостью.

— Хорошей?

— Самой лучшей... Давай, поторопись, я жду тебя внутри.

Пьетро улыбается. Делает последнюю затяжку. Он спокоен, удовлетворён. Для него решение было ясным. Не рассказывать о той встрече с Эленой и Марчелло в ресторане. Затем он бросает сигарету на землю и гасит её. Возвращается в ресторан и присоединяется к своим друзьям. Но Пьетро не знает, было ли решение Алессандро в тот день справедливым. Давать или не давать событиям пойти на самотёк.

Вот в чём вопрос. Одна вещь ясна. Если бы та красная папка не была сожжена, сегодня такой весёлый и мирный разговор между Энрико и Пьетро был бы невозможен. По одной-единственной причине. Энрико никогда не стал бы делить свою жену с другим. И тем более с другом. Даже с таким симпатичным, как Пьетро.

В ресторане Энрико всех прерывает.

— Ребята, я должен сказать вам кое-что. Камилла ждёт ребёнка!

— Нет! Прекрасно!

— Фантастика! — Алессандро берёт ситуацию в свои руки. — Официант, принесите нам бутылку шампанского поскорей! А ты, Пьетро, сделай радостное лицо, чёрт тебя возьми! Постарайся успокоиться и хватит уже сидеть сразу на двух стульях. Увидишь, как снова завоюешь Сюзанну.

Энрико улыбается и обнимает Флавио.

— А ты? Не должен нам ничего сказать?

— Конечно... — он берёт бокал вина, пока им несут шампанское. — Я ушёл от Кристины, из нашего дома. Я сыт этим по горло.

— Что? Что ты говоришь, поверить не могу!

Все и в самом деле теряют дар речи, ошарашенные. Флавио рассматривает их, одного за другим, и, наконец, улыбается.

— А потом вернулся. Но она гораздо спокойнее теперь. И всё теперь лучше. Теперь я не должен мучиться чувством вины, если играю в футбол, если разбрасываю свои вещи, если хочу провести полчаса, лёжа на диване, ничего не делая. А самое главное, теперь я смогу чаще видеться с вами, так что теперь вы можете не волноваться, я буду следить за вами.

Пьетро хлопает его по спине.

— Я рад за тебя! Но ты мог бы сделать это раньше.

Флавио смотрит на него ледяным взглядом.

— Что ты хочешь?.. Лучше поздно, чем никогда, так?

— Если теперь ты ходишь с нами, то будешь контролировать меня. Сюзанна успокоится, и я смогу дальше крутить с девчонками!

— Ай, нет! Ни за что! Ты ведь сам будешь меня посылать!

Приносят бутылку шампанского.

— Выпьем, ребята, — Пьетро откупоривает бутылку и быстро разливает содержимое по всем четырём бокалам. Поднимает свой: — Ну, за нашу дружбу, и пусть она никогда не заканчивается. За Алессандро, который усомнился во мне, именно он, тот, что не способен успокоить в нас сомнения в том, что он не педик.

— Я? Педик?

— Ну, конечно! Тот, что отпустил такую мечту, как Ники... Если не ты педик, то кто?! Ладно, Алекс, успокойся. Эта ночь предназначена для того, чтобы вылезть из шкафа. Давай, откройся нам, а потом мы подумаем, как прикрыть тебя.

И все начинают смеяться.

— Какие вы придурки! Кроме шуток, у меня есть идея. И я должен спешить. Ники завтра уезжает.

Они пьют шампанское, пока Алессандро объясняет им суть своей идеи, что их очень веселит. В любом случае, ему нужна смелость, чтобы осуществить такое. Так что они заказывают ещё граппы и рома. И, почему бы и нет, ещё немного виски. В общем, в конце концов, они все пьянеют.

В машине. Атмосфера полного опьянения.

— Осторожно, медленно, поезжай медленней.

— Ещё медленней, чем так... ещё чуть-чуть и я вернусь во времени.

Алессандро, самый пьяный из всех, паркует свой Мерседес рядом с мостом у корсо Франча. Перед этим они прошли по офису и поругались с охранником, который не хотел их никуда отпускать такими пьяными. Но

Пьетро прекрасен в этом. Он знает, как выпить бутылку хорошего вина, а ещё – как размазать по стене все доводы. Так вот, в конце концов у них получилось выйти. И вот они, готовые воплотить великую идею Алессандро.

Флавио обеспокоен.

— Парни, нам почти по сорок лет. Пойдёмте, я вас очень прошу...

— Но, Флавио, именно здесь мы докажем, что мы ещё молоды!

Они все выходят из машины и поднимаются на мост. Алессандро залезает верхом на парапет, слишком высокий для него и тем более для его уровня алкогольного опьянения. Он соскальзывает, но снова цепляется и залезает. Берёт баллончик с красной краской и осматривается.

— Тссс...

Энрико помогает ему.

— Идём, поднимись сюда, чтобы написать.

— Он упадёт с моста.

— Ещё чего! Я прекрасно стою на ногах!

Пьетро подходит к нему.

— Ты уже придумал, что напишешь? То есть, фраза готова?

— Ну, конечно! — Алессандро пьяно улыбается. — «С тех пор, как я тебя встретил, я самый счастливый мужчина на свете, и к тому же...»

Флавио прерывает его.

— Слушай, ты с аэрозолем над мостом. Ты толжен написать только фразу, не поэму!

— Это правда, ты прав, — Алессандро наваливается на него. — Ты имеешь в виду что-то вроде этой, — он осматривается. — Ту, что везде, в трёх метрах над небом.

— Да, но эта уже такая банальная. Ты ведь креативщик, так?

— Ну, конечно, от тебя можно ожидать большего! Это может быть что-то простое, но крутое.

Алессандро вдруг начинает светиться.

— Всё, есть! Напишу там.

— Ты уверен?

— Да, — Алессандро спрыгивает на мост, встаёт на ноги, берёт баллончик и начинает писать. «Люби меня, ж...» Но в тот самый момент Алессандро и остальных освещает свет фар.

— Внимание, — из мегафона звучит металлический голос. — Не двигайтесь. Держите руки у нас на виду. Спокойно.

Алессандро пытается разлепить веки. И тогда он видит их. Не может быть. Это невозможно. Это они! Всё те же полицейские. Серра и Карретти.

— Давайте, выходите оттуда.
Алессандро, Энрико, Флавио и Пьетро подходят к ним.
— Извините, кхм, это была просто шутка...
— Конечно, конечно. Как же иначе. Предъявите мне Ваши документы.
И тут Серра смотрит на Алессандро.
— Опять Вы, а?
— И в самом деле – я... это не то, что Вы думаете...
— К тому же, Вы пьяны. Слушайте, от Вас так несёт перегаром.
Флавио пытается оправдаться.
— Я выпил не так много...
— Ага, конечно, сейчас Вы все поедете в участок.
Они садятся назад в патрульную машину, один на другого, пихаясь.
— Ай, не пихайся, мне больно...
— Эх, единственный раз вышел с вами, и нас задержали. И что я теперь скажу Кристине?
— Что ты приносишь несчастья.
Серра поворачивается к ним.
— Можно узнать, что вы там писали?
Алессандро гордо отвечает:
— Я хотел написать: люби меня, жасминовая девушка! Да, должно было быть так... для той, которая мой... мотор любви!
Серра смотрит на своего коллегу.
— Жасминовая девушка – это мотор любви? Что он несёт?
Карретти пожимает плечами.
— Забудь... Эти так напились...
Алессандро ударяет по его плечу.
— Слушайте, я не пьян, то есть, может, и пьян, но мой ум ясен, это Вы не понимаете... Я хотел написать ей эту фразу, чтобы она поняла, как это важно, потому что она собирается уехать, завтра она уезжает в Грецию, понимаете? На остров любви... а если она с кем-то встречается, а? Если она спит с другим? Наверняка она найдёт кого-нибудь в Греции, потому что не знает, что для меня важно, потому что хочет забыть меня, ясно? И это будет ваша вина, если так и случится... вы уже знаете... Если это произойдёт, я вас засужу... Уроды, вот вы кто!

Он не знает, что эта фраза, пусть сказанная и в пьяном угаре, будет означать оскорбление полицейских, из-за чего они проведут ночь в центральном полицейском участке.

Ночь. Ночь, затянутая облаками. Тёмная ночь. Ночь благотворительности.

Элена только что вышла из театра. Смешной спектакль, молодые актёры, некоторые принимали участие в рекламе её агентства. Они не могли не пригласить её. Она распределила побольше денег на два следующих сезона в лучшем театре Рима. Элена приезжает домой. Выходит из своего BMW Individual Serie 6 Coupé, цвета «синий оникс металлик», нового и сияющего. Она идёт к дверям своего дома. Едва она засовывает ключ в замок и вытаскивает обратно, как оказывается в дверях с лицом, прижатым к стеклу, и чувствует, что её тащат в подъезд. Она оказывается на полу, на лестнице рядом с лифтом. Её голова на ковре синьоры с первого этажа, которая всё время жарит лук. Но этой ночью нет запахов, нет звуков, только тишина. Слишком тихо. Сова и Сокол-Странник поднимают её.

— Молись и прямо сейчас гони ключи от своей машины.

Сова закрывает ей рот рукой, когда Мауро вдруг узнаёт её. Это девушка с тех проб, синьора, что была в комнате за стеклом, у которой в руках были мои фотографии, которая порвала их, которая не захотела меня брать.

Элена смотрит на него. Видит злость в его глазах. Сощуривает свои в попытках понять. Что я сделала этому типу? Может, мы знакомы? Кто это? Почему он всё смотрит прямо на меня? И, в ужасе, абсолютно ничего не понимая, она сильно кусает руку Совы и начинает кричать.

— На помощь, на помощь, помогите мне!

Сова тоже кричит и трясёт рукой в воздухе, пытаясь облегчить боль от укуса. Затем, чтобы ответить ей как следует, из холодной мести бьёт Элену по лицу. Она падает и сильно ударяется о ступеньки. Мгновение тишины. Всё замирает в напряжении. Мауро замирает с открытым ртом. Парализованный. Сова даёт ему пощёчину.

— Что с тобой, Сокол-Странник, ты заснул? Бери её сумку, быстро, валим отсюда.

Мауро берёт сумку. Снова смотрит на Элену. Она лежит, повернувшись к лестнице, без движения. Мауро, очень напуганный, смотрит на неё. Одна за другой двери начинают открываться, слышны звуки открывания замков.

Люди, которые проснулись от шума, от криков Элены.

Мауро быстро убегает в ночь, прыгает на огромный мотоцикл, заводится и изо всех сил жмёт на газ. Сова копается в сумке, находит ключи, заводит BMW и тоже на полной скорости теряется в ночи.

На следующее утро, в новых Ray-Ban, которые Дилетта подарила всем, они уезжают. Такси привозит их на вокзал. Сейчас очень рано. Только что собранные рюкзаки, пронумерованные рубашки, один, два, три, четыре... с маленькой синей волной. Ники, улыбаясь, раздаёт их всем. А ещё нарисовано маленькое красное сердечко. Эрика купила большую записную книжку Moleskine.

— Эй, девчонки, это будет дневником путешествия Волн... И к настоящему моменту я уже написала на первой странице великую новость. Я рассталась с Джорджио.

— Не-е-ет!

— Поверить не могу!

— Ты шутишь! Это невозможно.

Эрика делает подтверждающий кивок головой.

— Не только это, ещё я подумываю устроить настоящий загул. Хочу наверстать упущенное. Завоюю Грецию. И в конце на каждой странице будет по новому имени...

Они бегут по платформе, заходят в поезд и садятся в своё купе. Закрываются внутри. Им всё ещё есть что рассказать друг другу, что придумать, о чём помечтать вместе. Они смеются и дурачатся. И поезд отправляется. Вот они и уехали.

— Я засыпаю. Сейчас только рассветает, так нельзя. Я приеду с темными кругами вокруг глаз.

— А чего ты хочешь? Мы ведь не могли сесть на поезд до Бриндизи в полдень! Тогда мы бы опоздали на паром!

— Но ведь ещё есть самолёты! Мы так всю жизнь пропустим!

— Да-да, самолёты! У нас впереди вся жизнь! Прости, куда ты спешишь? Это путешествие взросления, понимаешь? Взро-сле-ни-я, и мы должны прочувствовать его, наслаждаться им, жить им, выстрадать его. И не строй из себя принцессу...

— Да, на горошине!

— Олли! Хватит ссориться, ты всегда в своём репертуаре.

— Эрика права. Мы – Волны. Рюкзак и немного денег в кармане!

— На какой паром мы должны сесть?

— Hellenic Mediterranean Lines. Я заказала места палубе. Лучше, чем кресла, те неудобные, на них не полежишь. В любом случае, у нас с собой коврики и спальные мешки.

— Круто, Эрика, молодец!

— А если будет дождь? — спрашивает Дилетта.

— Ну, тогда ты промокнешь! — отвечает ей Олли, не позволяя ей продолжить. — Или возьмёт и приедет твой маленький Филиппо, чтобы защитить тебя?

— Нет, ты ведь знаешь, что он остался дома. Я уже по нему скучаю...

— О-о-о, теперь она будет нас снабжать подробностями всё время! Успокойся, никто его не украдёт у тебя, нет. Маленький Филиппо сидит в домике и ждёт тебя!

— Идиотка!

Ники надевает наушники своего айпода. Она не сняла очки, несмотря на то, что ещё рано и солнце не светит прямо в вагоне. Она скачала почти все песни Баттисти с i-Tunes. Эти слова причиняют ей боль, но это сильнее неё. Иногда боль засасывает тебя настолько, что оказывается почти привычным чувством. В окнах быстро пробегает пейзаж. Так же, как воспоминания в её сердце. Эрика бьёт её по ноге.

— Эй, детка, ты спишь? Греция нас ждёт! Для тех двоих, которые только что расстались, то есть для нас, это будет отличный праздник, отметим!

— Да-да, я его устрою вам! — Олли подпрыгивает на своём сиденье. — Але! И только что я сказала «але», не Алекс! — кричит она.

Пара пожилых синьоров оборачивается и смотрит на неё, Ники натягивает улыбку, чтобы не обижать подруг, но потом снова приковывает взгляд к окну в поисках чего-нибудь отвлекающего, чего там нет. Поезд мчится быстро, в небе поднимается солнце. Запах каникул, свободы, лёгкости. Но он должен был быть другим. Мог быть другим. Мои подруги счастливы. Каждая нашла свою дорогу или исправила ошибки. Каждая знает, куда идти. А я просто позволяю им вести себя. Но, наверное, так и должно быть, когда тебе плохо. «Твои глаза хотят видеть всё. И остаться.... А ноги хотят бежать... мы – узники в мире, который нам даст лишь мечтать, лишь мечтать...»

А потом ночь на пароме. Затем море, солнце, шум волн. И дорога от парома. И мысли, которые не могут исчезнуть. Ники опирается на ограждения. Мимо неё проходят какие-то ребята. Парень, лежащий на деревянной скамейке, которую разъедает соль, читает старую книгу Стивена Кинга; другой – новую, Джеффри Дивера. Триллер. Ужасы. Страшилки. Ники улыбается. Снова смотрит на море. Ей не нужна никакая книга, чтобы испытывать страх. Она обхватывает себя руками. И чувствует себя одинокой. И ей бы очень хотелось суметь остановить эту слезу. И ей очень хотелось бы не любить его тогда. И ей очень хотелось бы не любить

его и сейчас. Но у неё не получается. И эта слеза катится по щеке и падает в синее море, такое же солёное, как и она. Ники смеётся сама с собой. Немного всхлипывает. И старается не плакать. Наконец, у неё почти получается. Начинаются каникулы. Пошло всё к чёрту... Я не собираюсь давать этой боли завладеть мной.

Полдень. Олли только что собрала свой мешок и зевает с открытым ртом, так широко, что чуть не получает вывих челюсти. Затем встаёт на ноги и смотрит на приближающийся порт.

— Объяснишь мне, как у тебя получается спать вот так столько времени? Людям ничего не оставалось, кроме как топтать практически по тебе, — Эрика хлопает её по спине.

— Я ничего не замечала. Я ведь тебе сказала, что мне снился сон. Они крадут наше время. Не ты ли мне говорила, что здесь другой часовой пояс, на один час больше, чем в Италии? Воры. Ты заставляешь меня вставать в несусветную рань, заставляешь меня... И всё равно я возбуждена.

— В каком смысле?

— Ночью, когда вы замёрзли и пошли спать внутрь, я здесь встретила вон того, — Олли показывает на парня, который стоит немного впереди, опираясь о перила моста. Рядом с ним, на синей скамейке, стоит огромный рюкзак. — Он из Милана, учится в политехническом. Очень классный парень. Он собирается присоединиться к своим друзьям, которые бросили его одного. Ему нужно было сдать экзамен! Я сказала ему, что мы едем на Родос, и дала номер своего мобильного. Так мы сможем встретиться там.

— Славно.

— Славно?

— Да, ночью, когда мы были внутри, познакомились с двумя из Флоренции. Они так говорят, когда случается что-то хорошее. Славно.

— А. И как они вам?

— Ну... Один неплох, а второй похож на копию Дэнни Де Вито в его не самой лучшей версии.

— Мечта...

— Эй, идёте, сказали, что мы можем сойти, — Ники надевает рюкзак, когда Дилетта наклоняется, чтобы достать из кармана джинсов телефон. Наконец-то пришло. Она открывает телефон и читает только что пришедшее сообщение.

«Привет, красавица. Как дела? Ты знаешь, как сильно я тебя люблю и как скучаю? Поскорее возвращайся, и поедem в Испанию...»

Дилетта улыбается и целует дисплей телефона. Олли видит её.

— Ну, всем нам хорошо! Давайте, Волны, идём! — она выбегает, проходя мимо парня из Милана, который улыбается ей и делает жест правой рукой, говорящий «Поболтаем позже».

Эрика, Дилетта и Ники идут за ним. Они сходят с парома. Море голов, шляп, коротких рукавов, рюкзаков, цветных сумок, голоса и звуки простираются вдоль пирса Патры, прежде чем разойтись повсюду. Прощания, обещания встреч людей, которые уже были знакомы или познакомились этой ночью на пароме. Чей-то лабрадор прыгает вверх и вниз, как сумасшедший, пока его хозяин не берёт его и не уносит за ошейник.

— Эй, там есть ларёк. Купим крем для загара? Я забыла!

— Нет, сначала прогуляемся. А потом нам нужно на автобус! Между тем, посмотри за свою спину: это же гора Панахаикон!

— Ты редкая зануда, Эрика! Ты похожа на гида! Должны, должны! Гора, гора! У нас каникулы! Возможно, самые крутые каникулы в нашей жизни!

Ники смотрит вокруг себя. Справа от пирса огромная парковка. Немного дальше небольшой бар.

— Ладно, давайте пройдемся.

Волны начинают пробираться в толпе людей, которая окружает их. Узкие улочки, активное движение, а оттуда они поднимаются, опускаются, смеются, останавливаются перед какой-то витриной. Амфитеатр, Часы, площадь Псила Алония, откуда видно всё Ионическое море. Временами Ники замирает, вбирая в себя эту красоту, Дилетта продолжает отправлять сообщения с мобильного, Эрика пытается читать различную информацию в своём гиде, но ничто из этого не привлекает её внимания, а Олли разговаривает практически с каждым, кого встречает. Так безобидно они распоряжаются совместными каникулами. А внутри у них кипит столько всего. Желание чего-то нового. Безумного времяпрепровождения. Свободы. Огромной и безграничной свободы. А у Ники. Желания... Ностальгия и грусть. Воспоминание о безудержной любви. Прекрасной. Одной из тех любовных историй, которые длятся всю жизнь, которые никогда не получается забыть полностью.

Ещё одна неделя. Приятный климат, жаркий, но не слишком. Тихое лето. Ники сидит за столиком на террасе небольшого кафе, окруженная характерными белыми стенами. Она ест йогурт и рассматривает проходящих людей.

— Ты знала, что здесь полно знаменитостей? Это круто!

— К тому же, Миконос великолепен, все эти улицы, бары, ночные клубы, всегда открытые магазины! Я бы осталась жить здесь!

— И не говори! А мы к тому же в Хоре! Не говоря уж об остальном, её называли летней столицей геев, и мне так это нравится, это родина толерантности!

— Да, но и гетеро – просто потрясающие! Заметили вчера на пляже?! А те, из Милана, просто потрясные парни! Ники, ты осталась с самым классным из всех! Эммануэле такой крутой!

— Олли, я ни с кем не оставалась! Это ты постоянно сеешь хаос! Ты хоть понимаешь, что с того дня, как мы выехали, не говоря о парне из Милана, который был на пароме, ты переспала уже с троими?! Блондин из Неаполя, тот, из Равенны, который был похож на Кларка из «Смоллвиля», и ещё какой-то иностранец...

— Да! Француз, очень модный, который подарил тебе лавандовые духи!

— И что? Для чего ещё нужны каникулы, если не для этого? И вообще, ты, чего ты ждала? Да он просто тает при виде тебя! Как бы там ни было, этой ночью мы их увидим на дискотеке, и я мечтаю увидеть, что ты будешь делать! Конечно, после того, как ты вчера ночью отшила его... Бедняжка.

— Почему это он бедняжка? Я не могла, не хотела целоваться с ним.

Жасмины. Терраса. Ночь. Улыбки. Вот о чём думала Ники, когда тот привлекательный парень после тысячи и одного комплимента приблизился к её губам... И она не смогла. Так что она просто улыбнулась ему и ушла, погладив его по щеке.

— Какое расточительство!

— Вернёмся завтра на Super Paradise Beach? — спрашивает Дилетта, закончив писать сообщение.

— Нет, я бы предпочла пойти на пляж Элиа. Ещё неподалёку есть тихая бухта, и от неё идёт дорога, которая через несколько минут ходьбы нас приведёт прямо на пляж Паранга. Знаешь, Ники, там катаются на досках. Попробуешь?

— Не знаю, Эрика, завтра посмотрим. Но мне всё равно, в любом месте хорошо.

— Ладно, завтра возьмём скутеры на прокат. Мне надоело следить за расписанием автобусов, по крайней мере, сможем побыть на пляже, сколько захотим.

Олли приближается к Дилетте.

— Говорю тебе, как только вернёмся в Рим, я встречу с этим уродом Алексом и раскрою ему рожу, только посмотри, в каком состоянии он нам

её оставил. Хуже старой швабры, — шепчет она ей, устав от грустной Ники.

— Ага. Но мы не сдадимся.

— Пойдём в душ? — кричит Олли, поднимаясь со стула. — Превратимся в богинь на эту ночь? У меня уже всё готово! Следуйте за маэстро церемоний! Я запаслась информацией. Аперитив в Аграри, каменный бар, который не так переполнен, а ещё там классные официанты, которые к каждому двум заказам предлагают тебе третий бесплатно. А если мы на них произведём впечатление, нам даже приготовят коктейль!

— Славно!

— А потом пойдём поесть в порт Литтл Венис. Там куча баров! И еда лучше, чем в ресторанах! Салат с сыром фета, пита, греческий кебаб с соусом тсатзики и острым перцем! А я точно съем мусаку, мне она очень нравится! Всё равно мне уже точно не помешает физическая нагрузка, чтобы не растолстеть!

— Славно! — отвечают Волны хором.

— Так что потом — танцы! Сначала в «Скандинавиан», затем отправимся на вечеринку на пляж Парадиз! И каждая сэкономит по пятнадцать евро, потому что я знакома с парнями из Милана, с которыми мы уже тусили. Затем нас ждёт «Cavo Paradise»... он открыт всё утро. Музыка в стиле хаус, чтобы изгнать этого придурка Фобию, к тому же, это клёвое место. Дискотека на свежем воздухе, над скалами. На закате посмотрим на уставших людей вокруг, которые продолжают танцевать, освещаемые первыми рассветными лучами! Ну что, готовы?!

— Да-а-а! — Волны поднимают руки к небу и счастливо кричат. Ники тоже присоединяется. И они уходят по этим улочкам, переполненным людьми, в свои апартаменты. И на мгновение она отбрасывает свои мысли. Воспоминание продолжается. Этот прилив любви, который накрывает её так часто безо всякой причины. И она позволяет своим подругам Волнам вести себя. Она обнимает их, они шагают все вместе под руки, в ритме песни, которую они поют.

Ещё одна неделя. Внезапная искренняя улыбка появляется между темными морщинами, спрятанными от солнца в лицах стариков, которые спускаются по каменной аллее к небольшой площади. Ники улыбается женщине, которая плетёт корзину в окружении цветущей бугенвиллии. Вокруг слепящий свет, который отражается от извести стен. Небо синее и гладкое. Волны только что вышли из автобуса после того, как пережили панорамную дорогу с кучей поворотов, а Олли что есть сил сжимала руку

Дилетты на каждом повороте. Эрика уже решила первую задачу – монастырь Панагия Хозовиотисса. Она опоздала туда почти на час, но оно того стоило. Тысяча ступеней, вырезанных в скале над морем.

— Девочки, вы с ума сошли?

— Да. Давай, идём.

Эрика, Ники и Дилетта начинают энергично подниматься, но стараясь не устать слишком. А Олли отстаёт от них и останавливается каждые две минуты под предлогом того, что любит пейзажем. Иногда оливковые деревья бросают на них свои тени. А в конце подъёма, построенный на трёхсотметровой горе, появляется он. Тоже белый, как всё остальное, храм кажется крепостью. Монахи-отшельники приветствуют туристов, проверяя их одежду. Один из них быстро предлагает девочкам юбки в цветок, улыбаясь им.

— А что это такое? Последний писк гореческой моды? А у вас нет парео?! Скажем, голубого!

— Олли! Прояви немного уважения... Это нужно, чтобы войти. Это святое место, а мы пришли почти голые.

Олли ухмыляется и надевает юбку. Потом они молча входят. В конце их поджидает сюрприз. Монахи подходят с разными вазами в руках.

— Что это? — спрашивает Олли, снимая юбку. — Они собираются напоить нас наркотиком?

— Нет, — объясняет Эрика. — Это лукумаде, сладкий напиток, который готовится из мёда. Они дают его тебе, чтобы ты набралась сил после подъёма.

— Это афродизиак?

— Да, для рта.

— Что теперь?

— Ничего. Наслаждайся пейзажем...

Море вокруг – это настоящее представление. Ники молча разглядывает его.

— О чём задумалась? — спрашивает Дилетта, подходя к ней.

— О песнях Антоначчи.

— О какой конкретно?

— «Иногда я смотрю на море, бесконечную эту гладь, но двух глаз слишком мало, чтобы эту необъятность понять, знаю лишь, как я одинок. По планете хожу, понимаю, что ног двух не хватит никому, чтобы пройти её всю...»

Дилетта не отвечает. Раздаётся сигнал её мобильного. Она смотрит на Ники слегка растерянно.

— Извини, я на секунду.

Ники наблюдает, как она достаёт телефон из кармана своих укороченных брюк, открывает его и читает. Лёгкая улыбка освещает её лицо.

— Филиппо? — спрашивает Ники.

— Да, но ничего особенного. Просто говорит, что идёт на тренировку.

— Не ври мне. Я рада за тебя. Даже если мне плохо, я могу радоваться за своих влюблённых друзей.

— Он говорит, что любит меня и ждёт.

Ники улыбается ей. А потом подходит и вдруг обнимает.

— Я люблю тебя, чемпионка.

Приходит Олли и видит их.

— Можно к вам?!

Ники и Дилетта оборачиваются.

— Ну конечно, иди сюда!

— Я тоже! — Эрика тоже подходит, и это объятие становится больше, как символ дружбы, которая соединяет их навсегда. Соединившиеся Волны напротив моря.

— Что теперь?

— Всего в четырёх километрах находится Катапола.

— Всего? К концу мне придётся носить с собой кислородные баллоны!

— Давай, идём. Там много домиков у моря, есть рыбаки, может, мы даже сможем прокатиться на муле! А ещё там пляж Агиос Пантелеймон. Да ладно, может, ты немного устанешь, но в гиде пишут, что там много потрясающих мест...

— В путь!

Они бегом спускаются по тропинке. И подходят к морю. Оставляют рюкзаки на песке и покупают арбуз у уличного продавца. Он хранит арбузы в своей машине, наполненной льдом, чтобы сохранить свежесть. Девочки раздеваются и залезают в воду. Брызгаются. Чуть позже делят арбуз на большие куски. Съедают мякоть и надевают корки на головы.

А потом возвращаются в воду с этими маленькими сладкими касками, чтобы оставаться здесь и болтать до заката. Прекрасные, простые, счастливые, сбежавшие от мира. Уставшие, но это здоровая усталость, которую чувствуешь, когда делаешь то, что тебе нравится, когда тебе хорошо, когда ты с теми, кого любишь. Ещё несколько дней и ещё одно приключение для копилки воспоминаний. Той, которую будешь открывать тогда, когда понадобится...

А потом – только потом – домой. В Рим.

121

Почти месяц спустя.

Родители Ники останавливаются на светофоре. В машине. И оба открывают рты. Оба замолкают от потрясения. На площади – серия гигантских рекламных плакатов. И на всех появляется Ники. Ники, спящая лицом вниз. Ники, спящая с поднятым задом, с рукой на полу, и, наконец, Ники только что проснулась, её волосы немного убраны назад, а в руке коробочка карамели. Она улыбается. «Хочешь помечтать? Возьми ЛаЛуна».

Всё ещё в шоке, Роберто поворачивается к Симоне.

— Когда это Ники успела сняться в рекламе карамели?

Симона пытается успокоить Роберто. Как бы там ни было, она должна дать ему понять, что они с Ники всё друг другу рассказывают.

— Да-да, она мне что-то говорила... но я не думала, что это что-то такое серьёзное!

Отец Ники вновь заводит машину, но не кажется убеждённым.

— Ладно, но фотографии странные... то есть, будто не в студии снимали, больше похоже... будто их украли. Именно так. Будто их сделали у кого-то дома. Но они неплохо научили её. Кажется, будто она спит на самом деле, понимаешь? А тут она будто только что проснулась. Как бы тебе сказать... Именно это лицо я вижу уже восемнадцать лет каждое воскресное утро...

Симона вздыхает.

— Ага. Отличные снимки.

Затем Роберто смотрит на неё немного более убеждённый и счастливый.

— Как думаешь, Ники хорошо заплатили за эту рекламу?

— Да, думаю, да.

— Как это – ты думаешь? Вы не говорили на эту тему?

— Дорогой, ну не нужно давить на неё. Если так сделать, она ничего больше не будет мне рассказывать.

— Ах, ну да... Ты права...

А когда они подъезжают к своему дому, их ждёт ещё больший сюрприз. Там Алессандро. Он ждёт их. Симона узнаёт его и пытается как-то подготовить мужа.

— Милый...

— Что случилось, дорогая, мы забыли молоко?

— Нет. Видишь того парня? — показывает она на Алессандро.

— Да. А что?

— Это фальшивый агент по вкладам, о котором я тебе говорила. Но главное, что сейчас он — самый важный человек для Ники.

— Этот?! — Роберто паркуется.

— Да, ты можешь не восхищаться им, но он довольно привлекательный...

— Ну, он отлично скрывает свою привлекательность.

— Очень смешно. Давай я с ним поговорю, всё-таки мы уже знакомы. Подожди меня наверху.

Роберто жмет на ручной тормоз, глушит мотор.

— Конечно. Но это ведь не закончится как в «Выпускнике», правда?

— Дурак!

Симона шлёпает его и выпихивает их машины. Роберто выходит, идёт за Симоной, и вместе они подходят к Алессандро. Роберто игнорирует его, обходит и заходит в дом. Симона, в свою очередь, останавливается перед ним.

— Я уже поняла. Вы хорошенько всё обдумали и хотите, чтобы я сделала какой-нибудь другой странный вклад...

Алессандро улыбается.

— Нет. Я хочу попросить Вас кое о чём. Я знаю, что Ники возвращается завтра. Вы не могли бы отдать ей это?

Алессандро протягивает ей конверт. Симона берёт его, рассматривает и на какое-то мгновение замирает в задумчивости.

— Ей будет больно?

Алессандро хранит молчание. Потом улыбается.

— Надеюсь, что нет. Мне бы хотелось, чтобы это заставило её улыбнуться.

— Мне тоже. И ещё как. И ещё больше этого хотелось бы моему мужу, — с этим она уходит, не попрощавшись.

Алессандро садится обратно в свой Мерседес и уезжает.

Симона заходит в дом. Роберто тут же подходит к ней.

— Ну и, чего он хотел?

— Он дал мне это, — она кладёт закрытый конверт на стол.

Роберто берёт его. Старается разглядеть что-то на просвет.

— Ничего не читается, — затем он поворачивается к жене. — Я открою его.

— Ни в коем случае, Роберто.

— Давай, поставь чайник.

Симона удивлённо смотрит на него.

— Ты уже проголодался? Хочешь поужинать?.. Сейчас только полвосьмого.

— Нет, я хочу открыть конверт над паром.

— Где ты такое прочитал?

— В «Дьяволике», как всегда.

— Ага, вот бы знать, сколько моих писем ты так открыл.

— Может, одно, но мы не были женаты.

— Ненавижу тебя! И от кого оно было?

— Да ни от кого. Это был счёт.

— Надеюсь, ты его хотя бы оплатил!

— Нет, это был счёт за подарок для меня...

— Вдвойне тебя ненавижу!

Роберто снова смотрит на конверт. Вертит его в руках.

— Слушай, я открываю его.

— Ни за что! Твоя дочь никогда тебя не простит. И никогда больше не станет доверять тебе.

— Да, но зато будет доверять тебе, потому что ты мне запретила это сделать. Я скажу ей, что ты не хотела открывать, что мы долго спорили... и ты заработаешь у неё ещё больше очков! Мы можем сделать, как американские полицейские на допросах, ты – хороший полицейский, а я – плохой полицейский. И так мы узнаем, что же этот должен был сказать ей...

Симона забирает конверт из рук Роберто.

— Нет, твоей дочери уже восемнадцать, она совершеннолетняя. Она вышла в эту дверь и сможет вернуться сюда всякий раз, когда захочет. Но это её жизнь. С её улыбками. Её болью. Её мечтами. Её иллюзиями. Её слезами. И её счастливыми моментами.

— Я это знаю, мне просто хотелось бы знать, есть ли в этом письме что-то, что может причинить ей боль...

Симона берёт конверт и убирает его в ящик.

— Его откроет она, когда вернётся, и будет рада, что мы уважали её. И наверняка то, что она прочитает, порадует её. По крайней мере, я на это надеюсь. А сейчас я иду готовить ужин... — Симона уходит на кухню.

Роберто садится на диван. Включает телевизор.

— Я уже знаю, — кричит он ей из гостиной. — Именно это твоё «я на это надеюсь» меня и беспокоит.

122

— Эй, что ты такое делаешь?

— Я приехал кое-что забрать. Есть кое-какие документы, которые я не

хочу оставлять в офисе.

Леонардо опирается на стол и улыбается ему.

— Слушай, Алекс, я никогда себя не чувствовал таким счастливым... В Японии подтвердили заказ на всю линию. Ты знал, что у нас теперь есть заказы на рекламу из Франции и Германии?

— Даже так?

Алессандро всё достаёт и достаёт бумаги из ящиков. Пробегается по ним глазами. Они уже не нужны. Он выбрасывает их в мусорку.

— Да. Они уже отправили все упаковки. Мы должны провести кампанию для нового продукта, который выйдет через два месяца... Моющее средство на основе шоколада... но пахнет мятой! Полный абсурд, на мой взгляд, но я уверен, что ты придумаешь что-то подходящее, чтобы сделать так, чтобы люди приняли твою большую подругу.

Алессандро только что вытащил последние бумаги и поднимается. Он немного наклоняется назад, кладя руки на спину. Леонардо замечает. Улыбается.

— Возраст, да? Но ты всё-таки сделал того мальчишку. Возьми, здесь некоторые детали, а остальную документацию я оставил на твоём столе.

— Мне кажется, что тебе нужно вызвать этого мальчишку из Лугано.

— Что? Что ты хочешь сказать? — Леонардо смотрит на него с широко открытыми глазами.

— Что я уезжаю.

— Что? Тебе предложили другую работу, да?! В другом агентстве, правда? Скажи мне, кто это. Скажи, кто это был. Butch & Butch, так ведь? Давай, скажи, кто это был, я покончу с ними.

Алессандро спокойно смотрит на него. Леонардо успокаивается.

— Ладно, будем разумными, — глубокий вздох. — Мы можем предложить тебе больше.

Алессандро улыбается и проходит мимо.

— Не думаю.

— Как это – нет? Хочешь увидеть? Назови цифру.

Алессандро останавливается.

— Хочешь знать цифру?

— Да.

Алессандро улыбается.

— Да ладно, нет никакой цифры. Я еду в отпуск. У моей свободы нет цены.

Он направляется к лифту. Леонардо бежит за ним.

— Ну, это совсем другое дело. Мы можем поговорить. Нет смысла

возвращать этого парня... Что с тобой, ты зол?

— С чего бы мне злиться? Я победил.

— Ах, ну да, разумеется. У меня есть идея. Пока ты гуляешь, я скажу Андреа Сольдини, чтобы он всё подготовил, что скажешь?

— Хорошо, я рад. Самое главное, должен тебе сказать, я очень рад кое-чему.

Леонардо с любопытством смотрит на него.

— И чему же?

— Тому, что ты запомнил его имя.

Алессандро нажимает кнопку первого этажа. Леонардо улыбается.

— Ну, конечно. Как его можно забыть... Этот тип такой крутой.

В последний момент Алессандро задерживает двери.

— А, кстати, мне кажется, что ты должен оставить Алессию в Риме. Не переводи её в Лугано. Тут её будет очень не хватать, поверь мне.

— Конечно, ты шутишь? Считаю, она никогда не уезжала. А ты сам, когда собираешься вернуться?

— Я не знаю...

— А куда ты едешь?

— Ты не поймёшь.

— А, ясно... Это как в той рекламе, где парень в одиночку с кредитной картой оказывается на необитаемом острове.

— Леонардо...

— Да?

— Это не реклама. Это – моя жизнь. — Потом Алессандро улыбается ему: — Ну что, ты меня отпускаешь? Пожалуйста.

— Конечно, конечно... — Леонардо отпускает двери лифта, и они медленно закрываются. — Я буду ждать тебя здесь, — он наклоняется в сторону в поисках последнего зазора между дверьми. — Скорей возвращайся. — Он наклоняется ещё больше и кричит уже почти в пустоту: — Ты сам знаешь, что ты незаменим!

123

Ники вставляет ключ в замок своей квартиры. Роберто и Симона слышат этот родной звук. Счастливые, они улыбаются, любопытные и радостные от всех историй, мест, анекдотов, приключений их юной дочери, которая только что стала совершеннолетней. Красивая, загорелая, немного похудевшая... но, прежде всего, невероятно повзрослевшая.

— А потом, знаете, что сделала Олли? Напилась на пляжной вечеринке, которая длилась до самого утра. Должно быть, она что-то

приняла, потому что ей было плохо целых два дня. Она ничего не помнила. Даже того, кто мы такие.

Симона и Роберто слушают почти в ужасе от этих слов, но делая вид, будто в этом ничего такого нет, и даже пытаются веселиться.

— А у Эрики была история с немцем, он выглядел кем-то вроде Халка, но блондин. Она говорит, что хочет съездить в Монако в субботу и воскресенье. А Дилетта миллион раз просила своих родителей не донимать её своими звонками, чтобы позвонить Филиппо. И когда она была вне зоны доступа или без денег, то выстаивала бесконечные очереди, чтобы позвонить ему с телефона-автомата. Первая любовь – абсолютная зависимость. Клянусь вам, она нас донимала каждый день, рассказывая всё, что они друг другу сказали, пересказывая сообщения, которые он ей написал и которые она ему отправила! Бесконечная история!

Симона смотрит на неё.

— А ты?

— Я? Ну, я веселилась, хорошо проводила время, отлично. Спокойно. Мама, смотри, что я купила.

Ники идёт к своей сумке и достаёт белую рубашку, всю помятую, с V-образным вырезом и камешками, пришитыми на декольте. Она прикладывает её к себе.

— Вам нравится? Она не очень дорогая.

— Да, красивая! — но едва Симона успевает закончить фразу, Ники уже бежит обратно к сумке. — Это я привезла вам: парео для мамы, а для тебя, папа, этот синий пакет. Это кожаные сандалии!

Роберто берёт их.

— Классные, спасибо. Какого они размера?

Ники смотрит на него расстроенно.

— Твоего, папа, сорок третьего!

— Хорошо, просто они мне показались маленькими.

Симона поднимает и подходит к цветочной вазе.

— У нас тоже кое-что есть для тебя, — она достаёт конверт Алессандро.

Ники берёт его и тут же узнаёт почерк.

— Извините меня, — она уходит в свою комнату, закрывает дверь и садится на кровать. Вертит конверт в руках. Решает больше не думать и открывает его.

«Здравствуй, милая жасминовая девушка...» Она читает, улыбаясь, иногда перемещаясь на кровати, иногда смеясь над каким-нибудь отрывком. Читает, улыбается. Вспоминает события, места, фразы. Вспоминает

поцелуи и вкусы. И многое другое. Наконец, её сомнения рассеиваются. Она выходит из комнаты и возвращается в гостиную к родителям. Роберто и Симона сидят на диване, стараясь как-то отвлечься. Симона листает журнал, Роберто рассматривает швы сандалий, он изучает их так внимательно, что в какой-то момент кажется, будто он хочет съездить на эту фабрику. Симона видит, как она подходит. Закрывает журнал и пытается восстановить спокойствие, словно это письмо волнует её меньше всего на свете. Но она умирает от любопытства, умирает от правды, она заплатила бы какую угодно цену, чтобы узнать, что в нём было написано. Однако она лишь изображает лёгкую улыбку, чтобы не давить на дочь.

— Всё хорошо, Ники?

— Да, мама, — Ники садится перед ними. — Папа, мама, мне нужно поговорить с вами...

И она начинает говорить. Почти не останавливается. Её родители молча слушают это подобие вырвавшейся из берегов реки, все причины, по которым они никак не могут препятствовать.

— Всё. Я закончила. Что скажете?

Роберто смотрит на Симону.

— Я ведь тебе говорил, что мы должны были открыть письмо...

124

На коленях под белой раковиной на холодных плитках ванной. Жарко. Он вытирает рукавом пот со лба. А потом видит её. Пара туфель All Stars останавливается в нескольких шагах от него. Молодой сантехник поднимается из-под труб, и Олли улыбается ему.

— Хочешь воды? Кока-Колы? Кофе? Чаю? — ей хотелось сделать как Тесс МакГилл, молодая и боевая секретарша Кэтрин Паркер в фильме «Деловая женщина», и добавить: «Меня?» — но ей кажется это неуместным. Парень-сантехник садится на пол, опирается на раковину и улыбается.

— Колы, спасибо, — он смотрит, как она уходит. Короткая юбка, короткая рубашка, короткие гольфы. Короткое всё, но только не её ноги. Они длиннющие. К тому же, такая вежливая. С чего бы девушке вроде неё утруждаться и приходить сюда, чтобы спросить парня вроде меня, не хочет ли он чего-нибудь выпить?

Олли возвращается.

— Возьми, я положила тебе ещё и дольку лимона. Я отрезала её своим сардинским ножом... — Олли демонстрирует его. — Нравится? Эта модель очень острая, такие делает мастер во Флуминимаджоре, в Сардинии.

Крутая штука.

Молодой сантехник берёт её и рассматривает. Олли продолжает свой рассказ.

— Видишь? На лезвии есть инкрустация – орёл, а рукоять из оленьего рога.

Сантехник раскрывает его.

— Красивый, — и делает глоток Кока-Колы. Он и в самом деле хочет пить. Там, внизу, просто адская жара.

Олли садится на край ванны. Она скрещивает ноги, кладёт одну на другую, так, чтобы не было видно трусиков. Молодой сантехник смотрит на неё. Он задумывается и начинает нервничать. Но только на один момент.

— Спасибо.

— Не за что. Слушай, раньше всегда приходил другой, чтобы исправить такие косяки. Почему сегодня пришёл ты? Не то, чтобы я не рада, просто хочу знать.

Молодой сантехник продолжает отвинчивать трубу под раковиной и, не переставая заниматься делом, говорит:

— Этот другой, который всегда приходил, – мой брат. Теперь мы работаем вместе. Но не так давно. Ладно, я почти закончил.

Олли улыбается и снова скрещивает ноги.

— Слушай, я не хотела тебя подгонять!

— Вот и всё, — молодой сантехник достаёт трубу и кладёт её в ведро, оттуда он достаёт немного воды и комок волос. Тин. Глухой стук в голубом пластике.

— Видела? Получилось. Твоё кольцо не потерялось.

Молодой сантехник протягивает его Олли, которая перекидывает его с улыбкой из одной руки в другую. Между тем он ставит трубу обратно и сильно прижимает её ключом.

— Готово, — он вылезает наверх весь потный. — Видишь? — смотрит он на часы. — Двадцать минут. Довольно быстро...

— Говорю тебе – ты волшебник! Я с ним уже попрощалась.

Молодой сантехник смотрит на неё. Затем он наклоняется и поворачивает ключ под раковиной, чтобы открыть воду. И решает рискнуть. В любом случае, здесь, внизу, она не может видеть его лица. Худшее, что она может сделать, – просто не ответить.

— У тебя были бы проблемы с твоим парнем, а?

— Ещё чего! Дело в маме. Она подарила мне его в честь сдачи экзаменов... Просто я получила оценку, которой никто не ожидал... особенно она. И на этот раз она решила меня наградить. Если бы я его

потеряла, она бы просто убила меня. Я словно наяву слышу её голос. «Олимпия, ты не уважаешь ничего и никого, ты всё теряешь! Ты хоть знаешь, чего мне стоило сделать так, чтобы тебе сделали именно такое кольцо, найти что-то, что тебе понравится?»

Молодой сантехник улыбается и смотрит на драгоценность.

— Ну, оно и вправду очень красивое.

— Точно такое же, как у Пэрис Хилтон на последнем фото с её парнем. Но я думаю, что моя мать не такая богатая, так что мне не кажется, что это настоящие бриллианты, как в оригинале!

— Но ведь это хорошо, она подумала о тебе.

— Да.

Молодой сантехник берёт ящик с инструментами и направляется к двери. Олли провожает его.

— Ну, спасибо за всё, — говорит она ему, снова демонстрируя кольцо.

— Да не за что, а тебе спасибо за Кока-Колу.

— Шутишь? Ничего особенного, — Олли останавливается и бьёт себя тыльной стороной руки по лбу. — Чёрт! Клянусь тебе, я совсем голову потеряла! Сколько я тебе должна?

Он задумывается на мгновение. Только на мгновение. И отрицательно качает головой.

— Да ну, я ничего не сделал, забудь. Это заняло всего двадцать минут.

— Ты издеваешься? Даже не говори такого. Твой брат просил сто евро только за вызов. Слушай, если не возьмёшь деньги, я тебе больше не позвоню и буду говорить только с ним.

Парень кладёт руки в карманы.

— Окей, но только пятьдесят евро, — он достаёт визитную карточку. — Но ты должна обещать, что теперь будешь звонить только мне, а не моему брату. Только я делаю тебе скидку. Обещаешь?

Олли смотрит на карточку. Сначала фамилия, а потом имя. Сабатини Мауро. Да ещё рисунок – сантехник как в мультфильмах. Олли натянуто смеётся.

— Ты симпатичнее брата. Только не говори ему, хорошо?

И в этот момент в дверях появляется мать Олли. Увидев её с этим парнем, одетым в комбинезон и держащим ящик с инструментами, она обеспокоенно смотрит на дочь.

— Что происходит, Олли?

— Ничего, мамуль, почему ты всё время волнуешься? Мой друг зашёл поздороваться, мы не виделись с начала каникул... — Олли подмигивает Мауро.

— Добрый день, синьора.

— Добрый день, извини, я подумала, что... нет, ничего, ничего я не подумала.

— Мама, я показывала ему кольцо, которое ты мне подарила, и ему очень понравилось.

Мауро улыбается.

— Да, у Вас хороший вкус. Немного похоже на кольцо синьорины Хилтон.

Мать качает головой:

— Потому что это и есть кольцо Хилтон, — и входит в квартиру с покупками.

— Пока, до следующей встречи, — говорит Олли и подходит к нему, целуя в щёку. Шокированный, Мауро на мгновение замирает. — Я просто не уверена, что моя мама не подглядывает. — Она подходит к нему ещё ближе и тихонько говорит: — Мы можем созвониться, иначе она поймёт, что я соврала.

Мауро улыбается ей.

— Да, тогда ей не к чему будет придраться...

Олли идёт на кухню. Её мать разбирает покупки.

— Держи, поставь это вниз, — мама протягивает ей различные флаконы с чистящими средствами. — Я купила тебе йогурт, который ты хотела.

— Спасибо.

Мама заканчивает опустошать сумки.

— А он смешной, знаешь? Твой друг очень похож на сантехника, которого мы обычно вызываем. В какой-то момент я даже подумала, что в ванной потоп, или ты устроила какую-то другую катастрофу.

— Да нет. Но они и правда похожи. Я тоже так подумала, — она снова смотрит на своё кольцо. — Спасибо, мама. Оно и правда прекрасно!

— Я рада, что оно тебе понравилось, — они обнимаются. Мать немного остраниет её от себя, держа за плечи и глядя на неё: — Будем надеяться, ты его не потеряешь, как всё остальное.

Олли утыкается ей в грудь, как не делала уже давно.

— Нет, мама, можешь быть спокойна, — и смотрит на всё ещё мокрое кольцо.

«А на нашем радио – выпуск новостей. Добрый вечер. Этим утром полиции удалось задержать банду, которая занималась оборотом наркотиков. Подозреваемые постоянно приходили и уходили из дома

пожилой пары, и полицейские ворвались туда на рассвете. Синьор Альдо Манетти и его жена Мария были обнаружены в окружении больше пятидесяти килограмм кокаина. Супругов арестовали. Годами они распространяли наркотики в районах Триесте и Номентано, а также в нескольких пригородах Саларио. Футбол. Новое приобретение для команды...»

Она не в комнате цвета индиго. Пришло время вернуть его. Любопытство огромное. В глубине души она и правда хочет просто сделать хорошее дело... Девушка медленно ведёт машину. Улица не очень хорошо освещена, но она может прочитать название на стене. Виа Антонелли. Да, он должен быть там. Она едет дальше. Из небольшого проигрывателя малолитражки раздаются кривые слова, соответствующие моменту. «Улыбка, которую ты мне даришь, делает особенным этот день. В мире, где нет выхода, она всегда освещает мой путь. Не стоит всегда видеть лишь тёмную сторону, полную лицемерия, ведь она приближает конец...» Она улыбается и быстро осматривает себя. Да, это платье и правда её любимое. Ей всегда шли серый и синий. Стоп. Она поворачивает направо. «Я, потерявшийся в суете, пришёл к тебе, как к маяку на свет». Отлично, Эрос. Должно быть, уже близко. Где же это легендарное место? Будем надеяться, там кто-то ещё будет; сейчас восемь. Проклятье, я вечно опаздываю. Она заезжает на улицу со зданиями XIX века. Сбавляет скорость и начинает смотреть на номера. Пятьдесят. Пятьдесят два. Пятьдесят четыре. Вот он. Пятьдесят шесть. Она останавливается и паркуется немного дальше. В любом случае, машина у неё маленькая, как Smart. Прежде чем вытащить ключи – последние слова песни. «Только ты можешь увидеть моё сердце, только ты побуждаешь меня начать... новый этап». Новый этап. Да, именно так я себя и чувствую, Эрос.

Она выходит, оставляя внутри карту, и закрывает свою машину. Поднимается по тротуару и подходит к домофону. Читает имена. Джорджетти. Данили. Бенатти... Вот оно. Звонит. В ожидании её сердце бешено стучит.

— Да, кто это? — её удивляет громкий голос. Она приближается к домофону и наклоняет голову.

— Это я. То есть... я ищу синьора Стефано, если он здесь.

— Да, он только что вышел из офиса. Должно быть, пока спускается. Если Вы подождёте, то встретитесь с ним внизу, — отключаются.

Ох. Хорошо. Мне даже не придётся подниматься. Ведь он сам спускается. И встретит меня здесь. А он ведь даже не знает, кто я! Что я ему скажу? Как мне встать? Ровно держа спину, на прямых ногах? Или

лучше опереться на машину, словно позируя для журнала? А если вытянуть перед собой сумку обеими руками, типа «у меня кое-что твоё»? Нет, лучше будет... Но она не успевает закончить. Не очень высокий парень в пиджаке из лёгкого льна открывает дверь здания и закрывает за собой. Затем он поднимает голову и видит девушку в очень красивом серо-синем коротком платье, которая смотрит в небо. Кажется, она говорит сама с собой. Стефано делает забавную гримасу удивления. Он уже собирается уходить. Она резко разворачивается. Видит его. Тишина.

— Эй, простите!

Стефано оборачивается.

— Да? Ты со мной говоришь?

— Здесь только ты! Ты, случайно, не Стефано?

— Да, а что?

— Это твоё! — и она протягивает ему ноутбук в сумке.

— Моё? Что это? — Стефано подходит к ней, берёт сумку и открывает её, держа на поднятом колене. Он резко меняется в лице. — Нет! Поверить не могу! Мой ноутбук! Ты не представляешь себе! У меня в нём всё, столько всего, что я не сохранил! Я просто убивался на работе, кое-что мне даже пришлось по-новой переписать. Я давно его потерял! Я уже успел похоронить воспоминания о нём!

— Ну, конечно, ты оставил его у мусорных контейнеров, чего ты ждал? Что тебе вернут его дворники или бездомный кот?!

Стефано смотрит на неё.

— Кто ты, как ты это сделала?

— Кот. Я кот, который той ночью прогуливался неподалёку и нашёл его. Потом я его включила. Ты даже не поставил на него пароль. Как глупо! Так ведь все на свете могут прочитать, что там есть. Это очень опасно!

— Я никогда его не ставлю, потому что я такой рассеянный, обязательно бы забыл!

— Ну, вот тебе самый простой: Эрика!

— Эрика?

— Да, очень приятно, — она со смехом протягивает ему руку. — Такой нельзя забыть! Это имя твоего ангела-хранителя!

Стефано всё ещё удивлён, но наконец-то улыбается.

— Слушай, — продолжает Эрика, — чем ты собирался сейчас заняться? Сейчас почти девять. Вот чёрт, наверное, ты будешь работать?

— Да, в последнее время у меня много работы в редакции. А что я собирался делать? Пойду перекусить, как и все остальные. Умираю с голоду!

— Я тоже!

Тишина.

— Знаешь, если ты женат, помолвлен, занят, голубой, боишься заскучать или что-то подобное, скажи мне. Я пойму. Может быть, ты думаешь, что я маньячка и прирежу тебя, как только мы завернём за угол. Даже в этом случае я тебя пойму.

Ещё тише.

— Именно это ты про себя и говоришь, да? Ещё чего. Кем занят? Кто в меня влюбится?! — он смеётся. С улыбкой, которой Эрика никогда не видела. Улыбка далёкой Луны, морских приливов и отливов, всех его слов, которые она прочитала в предыдущие недели. Прекрасная улыбка. — На самом деле, я в долгу перед тобой. Ты права. Поужинаем вместе? Хочешь пиццу? Я не могу позволить себе большего!

— Да! А если я на тебя нападу?

— Ну, каждое утро я хожу на тренировки! Думаешь, я не смогу защититься?!

Эрика начинает смеяться.

— Ты пешком?

— Нет, у меня машина.

— Оставь её здесь, это безопасный район. Тебе не хочется пройтись? Ночь такая нежная, а тут неподалёку есть отличная пиццерия.

— Окей, — и они уходят.

— Послушай, какая красивая, я слушала её по дороге сюда...

Эрика протягивает ему наушники своего айпода. Стефано не без труда надевает их. А потом начинает шагать в ритме музыки.

— Эй, совсем не плохо, серьёзно. Знаешь, а я всегда слушаю классическую музыку.

— Честно? Мне бы хотелось научиться слушать её, она кажется мне такой...

— Древней?

— Нет, не древней, не знаю, странной... Сложной! То есть, ну, не знаю, мне сложно понять её.

Стефано улыбается.

— Я уверен, что тебе не так уж и сложно... А кого я сейчас слушаю?

— Dire Straits... *Money For Nothing*..

— Ах, да. Я их знаю.

Она улыбается. И он тоже, когда начинается *Sultans Of Swing*. Они идут дальше. Как каждый первый раз. И мир вокруг них словно замер, чтобы дать им дорогу, чтобы видеть, как они идут вместе на простой ужин,

который обязательно будет наполнен чем-то новым.

«А сейчас новость из мира кино. Вчера во всех кинотеатрах в прокат вышел фильм режиссёра Пьеро Каминетти. В конце показа в главном зале кинотеатра «Адриано», где также присутствовали все актёры, публика долго освистывала главную героиню – дебютантку, молодую актрису Паолу Пелличча. Её игра была описана как неправдоподобная и абсолютно неподходящая для этой роли. Гораздо лучше приняли главного героя, ключевой персонаж, которого сыграл известный актёр...»

Тот же город. Чуть дальше и чуть позже. За окном быстро проезжают машины. Но шум дорожного движения едва слышен. Или, по крайней мере, она его не слышит. До неё доносятся только высокие голоса исполнителей песни. «...Know no fear will still be here tomorrow, bend my ear I'm not gonna go away. You are love so why do you shed a tear, know no fear you will see heaven from here...» Она не знала её. Но песня красивая. Да, я не буду бояться, потому что ты и завтра будешь здесь. Не бойся, отсюда ты увидишь рай. Он берёт её за руку.

— Твоих родителей нет?

— Нет, по воскресеньям вечером они всегда уезжают ужинать, а потом в кино.

— Братья или сёстры?

— Нет.

— Тоже ушли?

— Я единственный ребёнок, — он нежно сжимает её руку. — Идём. Я тебе покажу, — он открывает дверь из орехового дерева, и они попадают в большую комнату, светлую и заполненную книгами хозяина комнаты. Он не даёт ей спросить «Ты много читаешь?», потому что всё равно сам ей задаст более важный вопрос. Долгий поцелуй, жаркий, глубокий похищает её разум.

А эта комната похожа на море, которое колыхнется летом, похожа на небо, которое наблюдает за двумя белыми облаками, преследующими друг друга. Голос Робби Уилльямса доносится из гостиной... и похож на ветер, когда тот говорит с деревьями и колыхает их, говорит с ними издали, хотя только что был рядом... «We are love don't let it fall on deaf ears. Now it's clear, we have seen heaven from here...» Рай – это просто комната парня, который играет в баскетбол и каждое утро разделяет с ней кое-что приятное, что-то со вкусом злаков и лесных фруктов. Рай – это тонкое синее покрывало на кровати, которое приглашает её стать лепестком, падающим на волны. И

она чувствует себя лёгкой и немного напуганной, но счастливой быть здесь, принять это приглашение в путешествие, в которое они собираются отправиться вместе. Без дорог. Без сумок. Без карт и планов. Потому что в любви дороги и пейзажи каждый раз открываются сами. Потому что никто тебе их не покажет. Или, может, покажет. И его дыхание ведёт тебя. Говорит тебе, где повернуть. Где замедлиться. Где остановиться... И вновь двинуться в путь без страха. Филиппо смотрит на неё лежащую и такую прекрасную. И ему кажется, будто он никогда не видел, чтобы всего два глаза могли так светиться. Ему кажется, будто жизнь внезапно обрела смысл, и что всё, что он делал до этого дня, было сделано именно для того, чтобы они оказались здесь. В этом новом раю, рождённые быть счастливыми. В этой комнате. Он медленно приближается и ласкает её, чувствует, как её дыхание становится медленнее и глубже, она напугана, маленькая волна, потерянная в этом море, в которое они собираются войти.

— Я... никогда этого не делала... — тихо шепчет она ему.

— Я тоже.

— Это твой первый раз?

— Да... с тобой, — может, это правда, а может, и нет. Но ведь так прекрасно верить в счастье. И этот ответ стоит сотни, стоит тысячи ответов, стоит всего прошлого, которое уже неважно знать. Потому что когда занимаешься любовью, это всегда в первый раз, это всегда игра. Дилетта смотрит на него, а потом обнимает изо всех сил. Она чувствует себя защищённой, чувствует себя покорённой и любимой. А затем кровать превращается в лодку посреди волн. Спокойных, лёгких волн, волн, которые обволакивают. Волн, которые не пугают. Волн, которые уносят их на новый необитаемый остров, только для них двоих.

«Происшествия. Молодой Джино Базанни, более известный по прозвищу Сова, был тяжело ранен в перестрелке. Молодой человек был арестован ранее за кражу машин и незаконный оборот наркотиков. На этот раз он пытался совершить более серьёзное дело, внедряясь...»

Позже. Между дверью и шкафом повешена фотография огромной скалы, о которую бьётся море. Дилетта смотрит на неё. Улыбается. Филиппо гладит её по волосам, убирает их, освобождая от них её лицо и подставляя его свету. А потом нежно-нежно целует в щёку.

— Ты такая красивая после любви.

— Ты тоже. Видел?

— Что?

— Рифы.

Филиппо поворачивается. Он тоже смотрит на фото.

— Да, это фото я сделал, когда ездил в Бретань прошлым летом. Знаешь, её называют королём ветра. Можно лучом света с маяка проложить маршрут от Бреста[16] до Уэссана, из Трезиана в Плуарзель. Но мне понравились скалы. Твёрдые, сильные, всегда поддерживающие буйное море, и в конце концов они просто превращаются в часть этого моря.

Ещё один поцелуй в эти красные нежные губы, всё ещё полные любви.

— Ты думала об этом когда-нибудь? Рифы сопротивляются волнам, соли, ветру, но они позволяют придавать себе новый вид, меняют форму, со временем они становятся гладкими, им больше не нужны эти художники, они кажутся мягкими...

Дилетта опирается на него.

— Волны и скалы. Как любовь между людьми. Встречаются, выбирают друг друга, бросаются в открытое море.

Филиппо берёт её лицо в свои ладони.

— И ты, маленькая волна, занималась любовью.

Они обнимаются. Она смотрит на него, сильно его сжимает. И улыбается, спрятавшись в этих руках.

— Я так долго ждала, потому что боялась. И должна чувствовать себя такой идиоткой. Не говори, что я была права.

— Ты умница, что ждала меня. И что боялась. Но теперь ты будешь идиоткой, если не станешь наслаждаться нашим счастьем.

«Известный певец Фабио Фобия всё ещё находится под защитой. Он участвовал в драке, которая произошла в муниципальном клубе Тибуртины. По-видимому, в конце его концерта одна девушка из публики отвергла неуместное и настойчивое проявление внимания певца к своей персоне. Это послужило поводом для драки между молодым певцом и женихом девушки. Молодому человеку в драке повезло больше. Фабио Фобия всё ещё в больнице. А сейчас мы слушаем его последний сингл, который сделал певца финалистом в конкурсе молодых голосов Вилла Санта Мария в Абруццо: "Прости меня, ошибся, может, я, я вспомнил всё, что ты мне дала. Улыбки. Поцелуй. А теперь нам вместе не быть никогда..."»

Официант подходит с двумя пиццами с морепродуктами. Он уже принёс два стакана хорошо охлаждённого вина.

А Эрика смотрит на него.

— Я должна признаться тебе кое в чём.

— Давай.

— Ты офигенно пишешь. Ты составил мне неплохую компанию в последние недели. Я читала кое-что в твоём компьютере.

— Да ладно! Правда?

— Ты злишься?

— Нет. Честно говоря, человек пишет, чтобы это было прочитано, рано или поздно. И лучше всего, если это какая-нибудь незнакомка!

— Это интересно, потому что мне, наоборот, кажется, что я знаю тебя всю жизнь. Наверное, потому что я читала тебя!

— И что тебе понравилось конкретно?

— Ну, например, многие из отрывков, которые у тебя в папке под названием «Мартин». Это твой артистический псевдоним, так ведь? Красиво. Да, там всё так красиво написано... я даже их записала в свой дневник. Эта последняя фраза, помнишь: «И в миг, когда он осознал это, сознание оборвалось». Чёрт возьми, она великолепная!

Стефано замирает в молчании. Отламывает немного пиццы. Но у него странное, смеющееся выражение лица. Эрика продолжает.

— Была ещё одна папка, которая называется «Последний закат». Так вот, мне кажется, что там всё самое лучшее от тебя. Там очень красивые отрывки! Но это ты ещё не закончил, правда?

Стефано перестаёт есть. Кладёт вилку на огромное белое блюдо. Берёт свой стакан и делает глоток пива. А затем начинает смеяться.

— Что случилось, что я такого сказала?

— Нет, ничего... просто ты меня рассмешила!

— Что?

— Ладно. «Мартин» это не мой артистический псевдоним. Я назвал её так из-за «Мартина Идена». И то, что ты прочитала в той папке, это мой перевод новеллы Джека Лондона, которая так и называется.

Тишина.

— Тот, о котором нам говорили в школе...

— Да, он самый. Собираются выпустить современную версию, и мне заказали перевод, а ты... Ну, к счастью, ты её сохранила, у меня бы никогда не получилось сделать всё заново, если бы ты не вернула мне ноутбук со всей работой, которую я проделал.

— Серьёзно, это был Джек Лондон?

— Ещё как серьёзно. Я должен перевести ещё и следующий рассказ, «Межзвёздный скиталец».

— Эх, вот я дала маху, думала, что это написал Мартин Иден. Но ты ведь мог написать, как есть, да?

Тишина.

— Значит, и другой рассказ – тоже творение Джека Лондона?

— Нет.

— Какого-нибудь друга?

— Нет.

— Одного из авторов издательства?

— Нет. Это моё.

Тишина.

— Ты издеваешься надо мной?

— Нет, серьёзно, это моё. И ты мой первый читатель...

— Да ладно! Ты очень хорош! — и Эрика стучит руками по столу, отчего другие посетители пиццерии оглядываются. — Ты гений! Ты пишешь так круто! Ты мой любимый писатель! — она берёт стакан пива и поднимает его к небу.

Стефано улыбается и делает то же самое. Стекло соприкасается и весело звенит.

— За мужчину, чьи слова мне подходят! — она всё ещё не знает, что на самом деле значит этот тост.

125

Алессандро с улыбкой идёт по пляжу.

— Добрый день, — но синьор Уинспер и знать ничего не хочет. Я здесь уже больше трёх недель, мы встречаемся каждое утро во время наших несовместных прогулок, но этот синьор никогда не отвечает на моё приветствие. Алессандро не отчаивается. Он продолжает в том же духе, словно научился жить. Окружающие не разубедят нас в том, что нам кажется правильным или тем более в том, что нам нравится делать. Точно, это место просто прекрасно. Права была она, жасминовая девушка. Алессандро улыбается про себя, глядя в морскую даль. Виднеется какая-то лодка на тонкой линии горизонта. Алессандро прикрывает глаза рукой. Старается смотреть ещё дальше. Может, идёт какой-нибудь паром, или к нему спешит письмо, что-то, что заставит его улыбнуться. В конце концов он отворачивается. Нет. Я слишком далеко. Тогда он оглядывается вокруг себя. Камни, зелёный луг, поднимающийся от скал, тот самый маяк... Голубой Остров.

Он ещё красивее, чем я видел в интернете. Ники. Ники и её мечта. Провести неделю как lighthouse keeper, смотритель маяка. Алессандро улыбается и возвращается к дому. Мечты существуют для того, чтобы попытаться их осуществить. И каждый день мы говорим себе: «Да, я

сделаю это завтра». А сейчас? Для чего мы живём прямо сейчас? Он берёт доску, которую взял с собой, и кидает её в воду. Ложится на неё сверху и начинает грести. Немного времени спустя он уже далеко. Он встаёт на колени на доске и смотрит, не приближается ли какая волна. Так, эта вроде ничего. Он поворачивается вокруг себя и пытается грести. Ничего. Волна проходит мимо него. Он потерял её. Ладно. Он снова опускает ноги и ложится на доску. Вот о чём я подумал: я ведь взял одну, уже давно. Когда же это было? По меньшей мере, десять дней назад. Я взял её, думает Алессандро, она подняла меня вверх, и я почти смог встать на ноги прямо на доске. Но та волна была слишком маленькой, и я упал. Алессандро снова смотрит вдаль. Нечего делать. Сегодня море спокойно. Тогда он быстро гребёт и возвращается на берег, оставляет доску в кладовке, берёт большое синее полотенце и очень быстро вытирается. Он с силой вытирается, пытаясь стряхнуть с себя соль и холод моря у острова Джильо. Бррр. Вот так. Так лучше. Я чувствую себя даже более подтянутым. Алессандро садится на ближайший камень, открывает свою сумку и достаёт её. Улыбается и вновь листает книгу, которую купил. Самоучитель по сёрфингу. «Как стать сёрфером за десять уроков». Здесь содержатся объяснения, как известные сёрферы встают на ноги на своих досках в нужный момент, чтобы взять волну как минимум в четыре метра. И различные фотографии. Ага, но только здесь таких волн никогда не бывает. Алессандро закрывает книгу. Не бывает, нет... Наверное, я счастливчик. Он снова натягивает свой синий свитер и спускается к городку. Ну как сказать – спускается... здесь нет и двухсот метров.

— Доброе утро, синьора Бригел.

— Доброе утро, синьор Белли, всё хорошо?

— Да, спасибо... А у Вас?

— Отлично, спасибо. Я оставила Вам свежего морского окуня, картофель и кабачки, как Вы и просили. И я позволила себе также приготовить для Вас ежа. Не хотите ли супа из морских ежей, синьор Белли?

— Почему бы и нет, синьора Бригел? С удовольствием попробую, — Алессандро устраивается в маленькой таверне, как делает уже почти пятнадцать дней.

— Ваш бокал белого калифорнийского и немного моего мусса из тунца с тостами, — синьора Бригел вытирает руки о свой фартук, который носит на поясе, и улыбается ему. — Я заметила, мой мусс Вам пришёлся по душе, так ведь? С тех пор, как Вы его попробовали, то больше не останавливались, Вы хотите его каждый день...

— Он мне очень нравится, потому что Вы его делаете своими руками, с любовью, и к тому же, когда кто-то находит то, что ему так нравится, не понимаю, зачем ему от этого отказываться.

— Я полностью согласна с Вами, синьор Белли.

— Ага, — с этим Алессандро наливает себе немного вина и улыбается про себя. Разве я не мог спросить себя об этом раньше? Ладно. Я не должен отчаиваться.

— Ладно, синьор Белли, я пойду. Не желаете ещё чего-нибудь, пока я готовлю?

— Нет, синьора Бригел, спокойно занимайтесь своим делом.

Чуть позже она возвращается к столу с сюрпризом.

— Возьмите, я хочу, чтобы Вы попробовали эти свежие креветки. Мне их только что принёс мой муж, синьор Уинспер. Он с Вами сегодня поздоровался?

Алессандро только что сделал глоток вина. Он вытирает губы.

— Нет, синьора Бригел.

— Ох... но я убеждена, что он это сделает.

— Надеюсь. В любом деле главное – не спешить.

Синьора Бригел останавливается напротив стола и вытирает свои голые руки, всё ещё мокрые от чистки креветок.

— Мне нравится Ваша философия. Да, рано или поздно это произойдёт. Не нужно спешить... Вы правы в том, что говорите, — возвращается она на кухню. Алессандро намазывает немного мусса на твой тост. Да, не спешить... Пробует креветку. Очень вкусно. Он облизывает свои пальцы и вытирает их салфеткой. Берёт свой бокал вина и делает большой глоток. Да, что за спешка? Я оставил работу на время. Мне нужно моё время. У меня не было своей жизни. Леонардо, когда я ему это сказал, рассмеялся. Потом, когда он понял, что я не шутил, то рассердился. Он сказал мне: «Начинаются две большие рекламные кампании, Алекс, и они ждут только тебя». Но есть небольшая деталь, дорогой Леонардо. Я не жду их. Я жду, когда снова начну жить, когда во мне вновь появятся эмоции, я начну смеяться, шутить, бегать, наслаждаться каждым мгновением моего времени, дышать им и даже больше, временем, которое я хочу прожить без спешки. Да. Я жду этот мотор любви, тебя жду, Ники. И тут Алессандро обуревают сомнения. А если её родители открыли этот конверт? А если они порвали его вместе с билетом сюда? А если они ей ничего не сказали? Я здесь, далеко, на острове Джильо, в пятидесяти минутах от порта Санто Стефано, почти в трёх часах от Рима, вдали от всех и всего, без работы, но со своей жизнью. Только её здесь нет. Я один. Смотритель маяка. С

синьорой Бригел, которая готовит мне вкуснейшие обеды, с синьором Уинспером, который со мной даже не здоровается, и с доской, которая и знать ничего не хочет о том, чтобы дать мне прокатиться по волне верхом на ней. Без спешки... Подождём. Однажды он уже был готов сдаться.

Алессандро смотрит на солнце, которое медленно становится красным. На чайку, которая пролетает вдалеке, и лёгкое облачко, немного дальше, одинокое, неподвижное.

И вдруг кое-что происходит. Би-и-и-и-и-ип. Клаксон. И тут же из-за угла появляется он. Старый синий Volkswagen Cabriolet, грохочущий, зато подскочивший в цене. Он кажется спокойным, умиротворённым, как и девушка за рулём. На её голове шляпа вроде берета, но светло-каштановые волосы, свободные и дикие, как и весёлая улыбка, не оставляют места сомнениям. Это Ники.

Алессандро встаёт и бежит ей навстречу. Ники проезжает ещё несколько метров, затем резко тормозит и глушит мотор.

— Эй, да ты всё-таки получила права.

— Да, но мне не хватает последних уроков. Знаешь, мой преподаватель сбежал.

Алессандро улыбается. Он смотрит на свои часы.

— Вот уже двадцать один день, восемь часов, шестнадцать минут и двадцать четыре секунды я жду тебя.

— И что с того? Я тебя жду больше восемнадцати лет, и ни разу не жаловалась.

И вот она выходит из машины. Они подходят друг к другу, останавливаются на дороге под красным солнцем, которое начинает исчезать за тем далёким морским горизонтом.

Алессандро улыбается ей, берёт её лицо в свои ладони. Ники тоже улыбается.

— Я хотела увидеть, как долго ты способен меня ждать.

— Если ты придёшь, то я готов ждать тебя всю жизнь.

Ники немного отстраняется, залезает в машину и нажимает кнопку. Звучит музыка. *She's The One* наполняет воздух.

— Ну вот, начнём отсюда. На чём мы остановились?

— На этом... — и он долго целует её. Со страстью, с любовью, с иллюзией, с надеждой, с удовольствием, со страхом. Страхом, что он мог потерять её навсегда. Страхом, что, даже прочитав его письмо, она могла никогда не приехать сюда. Страхом, что она могла найти другого. Страхом, что ей это могло показаться просто капризом. И он продолжает целовать её. С закрытыми глазами. Счастливый. И уже без страха. Только с любовью.

Синьора Бригел выходит из таверны с горячим супом в тарелке. Но не обнаруживает никого на стуле.

— Синьор Белли... — а потом она видит их на обочине, растворившихся в этом поцелуе. И улыбается. Рядом с ней появляется её муж, синьор Уинспер. Он тоже наблюдает эту сцену. И качает головой.

Алессандро чуть отстраняется от Ники и берёт её за руку.

— Идём... — они бегут к маяку. Пробегают перед синьорой Бригел. — Мы сейчас вернёмся, приготовьте ужин на двоих. — Он останавливается: — Ах да, это Ники.

Синьора Бригел улыбается.

— Очень рада!

Они здороваются и с ним тоже.

— Синьор Уинспер, я представляю Вам Ники.

И в первый раз синьор Уинспер издаёт странное рычание.

— Грумф....

— Чем он хочет сказать всё... или не сказать ничего. Потому что, наверное, слова его душат. Но это может быть и первым шагом.

Ники и Алессандро бегут дальше и заходят на маяк.

— Смотри, здесь кухня, здесь зал, а здесь...

— Эй, что это?

— Уже увидела? Я привёз с собой доску и для тебя тоже.

— Как это – тоже?

— Да, ещё привёз для себя.

— И у тебя получилось?

— Нет. Но теперь ты здесь...

— Тогда ты закончишь свои уроки вождения со мной, а я начну учить тебя кататься на доске.

— Окей.

Они поднимаются по лестнице.

— Это спальня... окно выходит на море. Это небольшая студия, а там, выше по лестнице, сам прожектор.

Они быстро поднимаются, выходят на воздух и оказываются на террасе. Они высоко, выше всего остального. Лёгкий тёплый ветерок треплет волосы Ники. Алессандро смотрит на неё, а она смотрит вдаль, в открытое море. То облако, которое раньше было так далеко, теперь кажется близким. И чайка пролетает снова. Издаёт какой-то звук. Она по-своему здоровается с ними, не как синьор Уинспер. Она летит дальше, планируя на крыльях куда-то в поиске какой-нибудь простой радости. Дальше, над горизонтом, светит последний луч солнца. Всё ещё тёплый, красный,

горящий. Но он уходит. Тогда Ники закрывает глаза. Делает длинный выдох. Очень длинный. Он чувствует море, ветер, шум волн, этот маяк, о котором она так мечтала... Алессандро понимает. Он медленно обнимает её сзади. Ники не двигается. А потом прижимается затылком к его груди.

— Алекс...

— Да.

— Пообещай мне.

— Что?

— То, о чём я думаю.

Алессандро наклоняется вперёд. У Ники закрыты глаза. Но она улыбается. Знает, что он смотрит на неё.

Тогда Алессандро ещё крепче её обнимает. И он тоже улыбается.

— Да, я обещаю тебе... Любимая.

* * *

Благодарности

Во-первых, спасибо Стефано, «психу», весёлому и жизнерадостному, который провёл со мной это лето. Он отвлекал меня от дел в тосканской деревне, занимаясь тем, о чём Вам расскажет этот роман, в который он поверил с первого момента... Конечно, потому что он такой же сумасшедший!

Спасибо путешественнику Микеле. Он сопровождал меня в поисках маяка. И я нашёл его вместе с ним на острове Джильо. Также он был со мной, пока я искал всё остальное.

Спасибо Маттео и его великому энтузиазму. Красота его слога значительно выше моих простых слов. Я всегда очень веселился, разговаривая с ним по телефону, и никогда не верил на самом деле, что он в Нью-Йорке. Так что я поеду туда, чтобы проверить, в самом ли деле он работает в этом офисе.

Спасибо Розелле и её невероятной страсти. Мечтай как следует, и в конце концов ты согласишься в эти мечты!

Спасибо Сильвии, Роберте и Паоле, хоть мы и знакомы только по телефону, но они были просто удивительными, а ещё спасибо Джанлуке, с которым я познакомился лично, когда он привёз мне рецензии и тут же уехал, не дав мне времени даже предложить ему чашечку кофе.

Спасибо Джулио и Паоло, которые пригласили меня в Милане на ужин, особенный, но главное – приятный, что зачастую бывает самым сложным.

Спасибо Кеду, который познакомил меня со всеми этими людьми.

Спасибо Франческе, которая хочет купить новый скутер, но никак не может сделать этого... Она рада следовать за мной в моих приключениях. И всегда даёт мне дельные советы со своим юмором и мудростью.

Спасибо всем моим друзьям, настоящим, которые всегда были и есть в этом романе. Они всегда были со мной рядом и в самые болезненные моменты жизни, делая эту боль более сносной.

Спасибо Джулии, которая была чрезвычайно терпелива, которая всегда была рядом со мной со своей прекрасной улыбкой. Она была моим настоящим маяком во время бурь, когда море волновалось, а земля терялась из виду.

Спасибо Люче, которая, как всегда, заставляет смеяться меня, и моим обеим сёстрам, Фабиане и Валентине, я бы хотел, чтобы они никогда не переставали смеяться.

И, наконец, особая благодарность моему другу Джузеппе. Что я могу сказать... Иногда, говоря даже самые красивые слова, ты рискуешь разрушить всё. В таком случае, я предпочитаю заткнуться и просто сказать «спасибо», папа.

[1] Лучио Баттисти (5 марта 1943 – 9 сентября 1998), итальянский певец и композитор

[2] В Италии 10-балльная система оценок

[3] В Италии старшие школы, где дети помимо обычной программы изучают какую-либо профессию, называют институтами

[4] «Ромашка» по-итальянски – «camomilla»

[5] Сказанное улетает, написанное остаётся – латынь

[6] Написанное улетает – латынь

[7] Норчия – «трюфельная столица» Италии

[8] «Бачи» (baci – итал.) в переводе означает «поцелуй». Перуджинское бачи – шоколадное пирожное, в которое вкладывают бумажку с фразой о любви. Обычно такие дарят друг другу на день Святого Валентина.

[9] Дорада – так называемый корской карась

[10] Сокращение от «forever» – навсегда

[11] Cavallo (итал.) – лошадь

[12] Имеется в виду Франческо Тотти, капитан футбольной команды ASRoma, известный также как Гладиатор

[13] Отсутствие новостей – само по себе хорошая новость (англ.)

[14] Невероятно. Мы тоже мечтаем... (англ.)

[15] «amico vero» (итал.) – настоящий друг

[16] Имеется в виду город на западе Франции, в Бретани